

АНДРЕ ШЕНЬЕ СОЧИНЕНИЯ · 1819

АНДРЕ
ШЕНЬЕ
—
СОЧИНЕНИЯ
1819

*Ж.-Б. Сюве. Портрет Андре Шенье,
1794, х., м. Париж, частное собрание*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ANDRÉ CHÉNIER

OEUVRES
1819

АНДРЕ ШЕНЬЕ

СОЧИНЕНИЯ *1819*

Издание подготовила
Е.П. ГРЕЧАНАЯ

МОСКВА "НАУКА"
1995

ББК 84 (0)4
Ш 47

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
"ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ"

Д.С. Лихачев (почетный председатель),
В.Е. Багно, Н.И. Балашов (заместитель председателя),
В.Э. Вацуро, М.Л. Гаспаров, А.Л. Гришунин,
Н.Я. Дьяконова, Б.Ф. Егоров (председатель), *А.В. Лавров,*
А.Д. Михайлов, И.Г. Птушкина (ученый секретарь),
И.М. Стеблин-Каменский, С.О. Шмидт

Ответственный редактор
А.Д. МИХАЙЛОВ

А 4700000000-010 422, I полугодие 1994
042(02)-95

ББК 84 (0)4

ISBN 5-02-011194-5

© Составление, перевод, статьи,
примечания (авторы), 1995
© Российская академия наук, 1995
© Издательство "Наука" —
оформление, 1995

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Французский поэт Андре Шенье (1762—1794), погибший на эшафоте в эпоху Французской революции, стал одной из легендарных фигур европейской литературы: создатель замечательных по гармонии, светлых и мелодичных стихотворений, предпочитавший оставаться в литературной "тени", он безоглядно бросился в борьбу с насилием и массовым безумием, заведомо зная о своей обреченности и выбрав гибель.

При его жизни, во время революции, были опубликованы лишь два стихотворных произведения, явившихся, как и ряд его публицистических статей, откликами на происходившее в стране.

Первый сборник произведений поэта, вышедший в свет спустя двадцать пять лет после его смерти, имел большой резонанс. На фоне недавних, потрясших Европу исторических событий, стихи и образ Шенье, в которых сочетались вечная красота, надмирная тишина и глубокая скорбь, яростное отчаяние, особенно впечатляли. В пору формирования романтизма во Франции голос лиры, звучавшей "у подножия эшафота", обрел символическое значение общего удела, таинственного слияния жизни и смерти.

Совершенно особое место занял Шенье в русской литературе: более семидесяти русских писателей, в том числе крупнейших поэтов от Пушкина и Лермонтова до Цветаевой и Мандельштама, обращались к его творчеству и судьбе. Пушкинский "магический кристалл" во многом предопределил восприятие в России образа "великого гражданина", "певца любви, дубрав и мира".

Подготовленный Анри де Латушем и несущий следы его интерпретации, сборник Шенье 1819 г. стал подлинным литературным памятником, до сих пор представляющим значительный интерес: эта книга надолго определила "лицо" поэта и его произведений. Многие известные литераторы XIX в., как французские, так и русские, приобщались к творчеству Шенье, читая сборник 1819 г. или какое-нибудь из более поздних, опиравшихся на него изданий.

Первое посмертное собрание сочинений Шенье и положено в основу настоящего издания. При этом необходимо отметить, что некоторые, не вошедшие в сборник 1819 г. произведения публикуются с конца XIX в. во Франции по отдельным сохранившимся рукописям и имеют порой несколько иной, по сравнению с текстом 1819 г., вид: такие случаи существенных расхождений оригинала Шенье и варианта Латуша либо оговариваются в примечаниях, либо в дополнении дается еще один перевод — по тексту Шенье.

Раздел "Дополнения" включает: 1) избранные стихотворения Шенье, не вошедшие в сборник 1819 г., но имеющие важное значение для понимания его творчества или интересные в плане русско-французских связей; 2) русские переводы стихотворений Шенье и подражания им, созданные в XIX—начале XX в.; 3) стихи русских поэтов, посвященные Шенье.

ŒUVRES
COMPLÈTES
D'ANDRÉ DE CHÉNIER.

Auprès d'André Chénier avant que de descendre,
J'éleverai la tombe où manquera sa cendre,
Mais où vivront du moins et son doux souvenir
Et sa gloire et ses vers dictés pour l'avenir.

(M-J. DE CHÉNIER, *Disc. sur la Calomnie*)

PARIS.

A LA LIBRAIRIE CONSTITUTIONNELLE

DE BAUDOUIN FRÈRES,

RUE DE VAUCINARD, n° 36,

FOULON ET COMPAGNIE, LIBRAIRES,

RUE DES FRANCS-BOURGEOIS, n° 3.

1819.

Титульный лист сборника 1819 г.

СОЧИНЕНИЯ 1819 г.

Когда б я ни ушел, хочу воздвигнуть прежде
Надгробный памятник Андре Шенье в надежде,
Что, хоть и навсегда его затерян прах,
Все ж память будет жить о нем в его стихах.

(М.-Ж. де Шенье. "Рассужд(ение) о клевете")

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ АНДРЕ ШЕНЬЕ

Писатель, чьи сочинения мы впервые публикуем, оставил в памяти нескольких друзей Муз всего лишь имя, обещанное славе, яркое воспоминание, основанное не столько на заслугах, сколько на сожалениях.

Его талант удостоверяли лишь несколько фрагментов в жанре Элегии; но стихи эти были отмечены такой грацией, источали такой аромат античного гения, что, казалось, сохранность их в памяти тех, кто наделен вкусом, и уже ставшее привычным удовольствие от знакомства с ними должны были независимо от обстоятельств, предоставивших нам и другие его опыты, заменить ему честь последовательных переизданий.

Быть может, не следовало лишать этого поэта, одновременно безвестного и знаменитого¹, ореола волшебного очарования, дарованного ему его судьбой; быть может, есть что-то святотатственное в том, что мы совлекаем покров с имени, означавшего чистоту и тайну. К чему подвергать несовершенные плоды этой музыки случайностям нашего полного забот времени и вторично требовать от людского суда² того, что он дарует с таким трудом?

Мы прислушались бы к этим доводам, если бы не опасение, что они естественны для тех, кто не рожден для славы, и что посредством легких отречений мы позволяем завладеть нами тому равнодушию к ней, которое не предполагает никаких жертв.

Выпуская в свет этот сборник, мы обращаем наши надежды и труды прежде всего к поэтам; чтение этой книги может стать источником полезных знаний и размышлений лишь для тех немногих, кто сохранил верность заброшенному культу. Современные книги не оставляют без внимания положительные идеи

нашего века; почему бы не появиться и книге для тех, среди коих не все еще покинули области воображения? Их одобрение может вознаградить Шенье за равнодушие, которое он должен ожидать от критики, и в надежде на это мы теперь бросим взгляд на его сочинения и на его такую короткую жизнь.

Андре-Мари де Шенье родился в Константинополе 29 октября³ 1762 г. Мать его была гречанка, стяжавшая известность⁴ умом и красотой. Он был третьим сыном Луи де Шенье, генерального консула Франции⁵. Самым младшим из четырех братьев⁶ был Мари-Жозеф, автор "Фенелона", "Карла IX" и "Тиберия"⁷.

Привезенный в младенческом возрасте во Францию, Андре Шенье был отправлен в Каркассон и до девяти лет оставлен на попечение тетки, сестры отца. Так под небом Лангедока, на берегах Оды, в краю, чарующие воспоминания о котором были с ним всегда, началось его совершенно свободное, благоприятствовавшее мечтательности развитие. Отец Андре Шенье вернулся в Париж около 1773 г. и поместил его вместе с двумя старшими братьями в Наваррский коллеж. Склонность Андре к поэзии проявилась очень рано; в шестнадцать лет он знал греческий; в коллеже он перевел одну из од Сапфо⁸, и эта пьеса, хотя и не достойная опубликования, уже отмечена печатью весьма оригинального таланта.

В двадцать лет он поступил в чине младшего лейтенанта⁹ в полк Ангума¹⁰, стоявший гарнизоном в Страсбурге. Но поскольку он стремился к славе, а нашел в этом праздном городе, где столкнулся с распущенностью офицеров того времени, только скуку и непереносимые для него огорчения, то и вернулся спустя полгода в Париж, чтобы продолжить свои занятия, приносившие плоды, потому что он предавался им, не отвлекаясь и не имея учителей.

Он искал общества самых выдающихся талантов в области искусств, наук и литературы. Уже в это время он заслужил почетную дружбу Лавуазье¹¹, Палиссо¹², Давида¹³ и Лебрена¹⁴. Охваченный страстью к учению, он вставал до рассвета, чтобы заняться своими трудами: его единственной честолюбивой мечтой было достичь универсальности человеческих знаний.

Перенапряжение стало причиной мучительного недуга¹⁵. Братья Трюдены¹⁶, друзья детства Шенье, способствовав его выздоровлению, убедили затем его сопровождать их в Швейцарию¹⁷.

Он совершил это путешествие в двадцать два года. Были найдены несколько набросков его беглых впечатлений, но ничего, что походило бы на план создания соответствующих произведений, не сохранилось. Чувствуется даже затрудненность выражения от избытка восторга, то бессилие энтузиазма, которое сменяется способностью творить, только когда восторг уступает место магии воспоминаний.

Когда Андре Шенье вернулся из этого в высшей степени поэтического странствия, маркиз де ла Люзерн¹⁸, наш посланник в Англии, взял его с собой в Лондон. Видимо, дни, проведенные Шенье в этом городе, были для него тягостными. Недовольный своей судьбой и своим зависимым положением, вновь терзаемый неотступным недугом, он провел несколько лет своей страннической, беспокойной и переменчивой жизни в частых путешествиях и окончательно обосновался в Париже только в 1788 г.¹⁹

Именно в это время, в возрасте 26 лет, он привел в порядок свои начатые произведения, планы тех, что собирался написать, и труды его приобрели последовательность и постоянство. Очарованный древними греками, он подражал в своем стиле их божественным образцам; но неприятно удивленный нетерпимостью и упорством некоторых умов, требовавших ограничить полет Муз узким кругом понятий древности, он решил выйти за его пределы, испробовать новые пути и изложил это намерение в поэме "Замысел". Любовь к природе и добродетельному, простодушному времени, когда люди еще не знали власти золота, побудила его обратиться к жанру эклоги. Это призвание чистых душ. Чаттертон²⁰, судьба которого во многих отношениях напоминает судьбу нашего поэта, также творил в этом жанре. С именами Ронсара, Фонтенеля и некоторых других связано справедливое обесценение этого рода сочинений²¹ в наших глазах; но Шенье искал и порой находил следы древних мастеров.

Чувство, очень близкое поэзии, овладело его сердцем, и в изображении этого чувства он воистину приблизился к забытой грации античных форм. Любовь, терзающая и согревающая дни поэтов! Ни одному из них, быть может, не суждено было выразить тебя с большим красноречием. Чувство это, одной нитью связанное со страданием и столь многими — с наслаждением, исторгает из лиры Шенье потрясающе правдивые звуки.

Посреди всех этих тревожений он набросал идеи нескольких поэм, планы которых не были окончательными. Под неопределенным названием "Гермес" он хотел в одной из поэм изъяснить наподобие Лукреция²² природу вещей, используя современные познания. Он хотел также воспеть Америку и прославить слабость и невинность; дать в "Искусстве любви" столь верный и глубокий список с французских нравов; наконец, перенести в поэму "Сусанна" все поэтические красоты Священного Писания, то первоизданное изящество, которое свойственно повествованиям об Иакове.

Своими тайными надеждами он делился с очень немногими. Его брат, Лебрен, братья де Панж²³, де Бразе²⁴ составляли почти весь его ареопаг. Он так же рьяно избегал эфемерных поводов блистать, как другой к ним стремится, развивал свой талант в тиши²⁵ и пренебрегал блеском славы, опережающей заслуги.

Он был погружен в свои усердные труды, когда важные события оторвали его от занятий. Год 1789 воссиял для Франции: благородные сердца затрепетали надеждой, и сердце Андре Шенье не могло безучастно оставаться преданным только интересам литературы, когда речь шла об интересах родины. Разве был бы он достоин поэзии, если бы не любил свободы?

Он решил оказать ей поддержку, покинул гармоничный язык Муз ради неотразимой логики дискуссий и пожертвовал своей милой безвестностью ради общественных нужд, требовавших разъяснения. Объединившись с несколькими достойными писателями, среди которых были его друзья братья де Панж и Руше²⁶, он повел на страницах "Журналь де Пари" энергичную борьбу с усиливавшимися повсюду анархическими идеями и с сопротивлением аристократов. Это означало призывать на свою голову грозу, которая должна была его погубить.

Не раз высказывалось мнение, что два брата Шенье исповедовали и проявили во время нашей революции противоположные политические убеждения. Здесь следует исправить эту ошибку. Их разногласия касались лишь одного пункта, действительно существенного, но который объясняется единственно разницей их характеров.

Когда был основан клуб Друзей Конституции²⁷, носивший первоначально это достойное уважения название, Мари-Жозеф согласился вступить в него. Брат его, более просвещенный и старше Мари-Жозефа (о чем часто забывают) предчувствовал, какое пагубное влияние окажет это сообщество и какой вред, быть может, несправимый, нанесет оно славному делу. Он одним из первых обрушился в своих смелых сочинениях на смертоносное учение и кровавую власть этого сообщества. Мари-Жозеф, нашедший среди его членов пылких друзей, быть может, несколько усердных почитателей, некоторую поддержку своим усилиям на трибуне и на сцене²⁸, какое-то время не желал верить в их преступные намерения. Он объявил в печати, что то, что пишет его брат, не выражает его мыслей, но вскоре он сам с ужасом отшатнулся от этого общества, ставшего слишком знаменитым под названием Общества якобинцев.

Заблуждение Мари-Жозефа длилось недолго, и было развеяно еще до первых эксцессов его коллег. Но этого заблуждения было достаточно, чтобы глубоко запечатлеться в умах. Хотя братьев разделял всего один пункт, было решено, что они расходились во всем²⁹; и впредь укрепилось до сих пор повторяемое мнение, что Андре Шенье был привержен защите привилегий и несправедливостей. Понятно, что такое приобретение льстит тщеславию определенной партии; но здесь, как, впрочем, и всегда, ее притязания оказываются несостоятельными перед лицом фактов.

Наделенный высоким разумом и гражданским мужеством, редким во Франции, где смелость обычно не превосходит среднего уровня, Андре Шенье должен был оказаться в ряду тех немногих, над кем не властны ни тщеславие, ни страх, ни личные интересы. Большинство умов не способно понять, как можно не принадлежать ни к какой партии³⁰, ни к какой секте и думать совершенно самостоятельно: это свойство друзей свободы. Они оказываются между враждующими группировками, и не следует полагать, что если они придерживаются этой линии, подвергают себя риску на этом самом опасном пути, то значит они не понимают невыгодности своего положения. Не будем укорять их в недогадливости, уклоняясь от чествования их доблести.

По характеру Андре Шенье был враждебен всякому лицемерию и произволу; как он сам сказал³¹, крайности демократии нравились ему не больше, чем феодальный произвол; разбойники с пиками — не больше, чем разбойники на красных каблуках³², гнет патриотов — не больше, чем гнет Бастилии, а привилегии придворных дам — не больше, чем привилегии базарных торговцев. Ему было бы стыдно выбирать между Кобленцем и якобинцами³³. Он станет под угрозой для собственной жизни, которой его в конце концов лишили, предлагать свою помощь в деле защиты Людовика XVI. И хотя это великое несчастье казалось поэту священным, перо, которое он посвятил его жертве,

начертало самые сильные слова из всех, когда-либо осуждавших сопротивление монархической власти³⁴ подлинной свободе народов.

Тем временем, события стремительно развивались: Шенье заслужил ненависть смутьянов; он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д'Эрбуа³⁵, напал на Робеспьера³⁶; процесс Людовика XVI пробудил жажду мести в его могущественных врагах. Исчерпав в газетах того времени все доводы рассудка, посредством которых благородные души пытались изменить формальный ход судебной процедуры, он предложил г-ну де Мальзербу³⁷ разделить возложенные на него обязанности по защите короля; когда же смертный приговор был вынесен, его самоотверженность словно удвоилась.

Известно, что король испрашивал у Собрания в письме, полном спокойствия и достоинства, права обжаловать у народа осудивший его приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, принадлежит перу Андре Шенье³⁸. Оно напечатано в этой книге по его подлинной рукописи, исправленной в нескольких местах по указаниям г-на де Мальзерба.

Столько неосторожных смелых поступков поставили жизнь Шенье под угрозу. Его уговорили покинуть Париж в начале 1793 г. Он отправился сначала в Руан, затем в Версаль, где Мари-Жозеф получил поддержку на выборах. Дружеское общение двух братьев в то время подтверждается многочисленными свидетельствами с обеих сторон. Мы публикуем письмо автора "Генриха VIII"³⁹, в котором выражается очень давняя и самая нежная привязанность к брату. Именно ему посвятил он трагедию "Брут и Кассий"⁴⁰. Андре в свою очередь защищает его от оскорбительных нападок Бёрка⁴¹; он адресует Мари-Жозефу первую из своих од и всегда охотно вспоминает в своих произведениях о том, как они взаимно поддерживали друг друга в жизни⁴².

В Версале Мари-Жозеф взял брата под защиту своего авторитета⁴³; он сам нашел дом, ставший ему убежищем, и в этих стенах, в одиночестве, посреди печальных и мирных дней, наш поэт был бы сохранен для Франции, когда бы не в высшей степени прискорбное и совершенно неожиданное событие.

Андре узнает, что один из его друзей⁴⁴, г-н Пасторе⁴⁵, арестован в Пасси⁴⁶. Он летит туда, хочет обратиться к семье со словами утешения. Проверившие документы комиссары сочли *подозрительными* обнаруженных в доме Пасторе людей и отвели всех в тюрьму. Попытки отыскать следы постановления какого-либо комитета, узнать, от кого оно могло исходить, дабы умиловить соответствующих лиц, оказались тщетными. Кто-то предложил значительную сумму, чтобы стать поручителем за отпущенного на свободу узника; но ни один представитель власти не решился вернуть ему ее, и так он был задержан без всякого приказа!*

Между тем, враги анархической группировки разыскивались повсюду, аресты по приказу революционного трибунала погрузили Париж в траур. Единственной надеждой узников было забвение, которому они оказывались

* Дом в Пасси, в котором Шенье был арестован, стал собственностью человека, любящего литературу⁴⁷ и с успехом ею занимающегося. В своих садах он принес дань памяти этому печальному событию.

преданы благодаря их количеству. Те, кому удалось в то время ужасных испытаний вырваться из темниц, вспоминают, что именно на это спасительное средство — забвение — были направлены усилия их друзей. Надо было или заставить забыть о себе или погибнуть. Мари-Жозеф, подвергавшийся в ту пору нападкам с трибуны⁴⁸, ставший объектом особой ненависти Робеспьера, опасавшегося его принципов и завидовавшего его талантам, мог только ускорить казнь брата своим вмешательством; он избегал даже появляться в Конвенте. Он мог умереть вместе со своим братом, но спасти его был не в силах.

О, если бы к его советам прислушались! Если бы в отношении Андре проявили ту же осторожность, что сохранила дни Совера де Шенье, заключенного в то же время в Консьержери!⁴⁹

Мы останавливаемся на этих подробностях не затем, чтобы опровергнуть низкую клевету, делающую Мари-Жозефа якобы ответственным за судьбу брата. Это оправдание было бы оскорбительным для его памяти. Самые яростные противники его принципов, самые несправедливые хулители его таланта никогда не марали себя этими подлыми подозрениями, заслужив честь вступить с ним в борьбу. Конечно, у г-на де Шатобриана нет оснований любить Мари-Жозефа Шенье⁵⁰. Преемник последнего в Академии, он в своей знаменитой речи⁵¹, быть может, слишком дал волю своей неприязни, но в этой же речи он говорит: "Шенье узнал, как и я, что значит потерять нежно любимого брата; его бы тронула та дань уважения, которую я приношу этому брату, ибо он был от природы великодушен". Известно, что друзья Андре оставались друзьями Мари-Жозефа вплоть до его смерти. И, как отмечает почтенный г-н Дону⁵², упомыная о столь роковым образом закланном брате, мать его, оплакивавшая сына четырнадцать лет, до последних дней жила у Мари-Жозефа. Именно он утешал ее.

Но отец двух поэтов утомлял бесполезными жалобами могущественных людей той кровавой эпохи. Неосторожный старец! Он добился того, что его слышали. "Как! — сказал ему один из тех деятелей террора⁵³, которого я не стану называть, потому что он еще жив, — неужто потому только, что он носит имя Шенье, потому только, что он брат Представителя народа, он за шесть месяцев все еще не предстал перед судом? Успокойтесь, сударь, ваш сын выйдет через три дня".

Увы! Так действительно и произошло. Когда несчастный отец рассказывал друзьям о своем сыне, о своих надеждах и радости, ему отвечали: как бы вам не пришлось раскаиваться в своей заботливости!

Андре Шенье подправил в тюрьме свои произведения, и его брат несомненно опубликовал бы их, если бы начатая им с этой целью работа не страдала от распыления рукописей⁵⁴, оказавшихся в разных руках и в разных местах.

Позволено ли нам сказать о том чувстве, что охватило нас, когда эти произведения, наконец-то собранные вместе, все написанные его рукой, были доверены нам спустя двадцать три года забвения? Получив это драгоценное наследие, с каким благоговением созерцал я хрупкие следы, быть может, бессмертной мысли; я перечитывал эти песни с тем волнением, которое

рождают в душе строки, начертанные милой рукой и самые дорогие нашему сердцу привязанности. Сколько грустных мыслей вызвало во мне зрелище этих тайком выведенных букв; этих густо исписанных узких листков, скрывавшихся от взора тюремщика! Время уже коснулось их, и я разворачивал эти рукописи с такой же осторожностью, с какой, как я видел некогда в Неаполе, разворачивали свитки Эпикура и Анакреонта⁵⁵. Природная стихия почти разрушила их прекрасные творения, а наши еще более ужасные междоусобицы долгое время угрожали произведениям одного из их славных учеников.

Между тем молодой поэт так и не был до конца удовлетворен своими опытами. Порой он сам отмечал непонятную мысль, слишком эллиптические обороты, слова, могущие вызвать возражение критиков. Он часто порицал себя, и я обнаружил места, подчеркнутые или отвергнутые его собственной рукой. Те из наших судей, для коих правильность — первейшее из достоинств, и коих красоты произведения трогают в меньшей степени, нежели недостатки оскорбляют, найдут в этом сборнике поводы для упреков — он был бы не столь объемистым, если бы я не должен был уважать определенные интересы⁵⁶. Но, может быть, эти придирчивые умы вспомнят, что автор прожил лишь тот отрезок человеческой жизни, каковой обычно полон волнений и страстей. Если вы хотите от него безукоризненной правильности, идите требовать ее у могилы, поглотившей его в тридцать один год. От незрелого ли плода, сорванного грозой, ждать сладости, которую он обретает осенью?

Его поэзия в целом очаровывает. Она обладает особенностью всех созданий гения: способностью завладеть вашими мыслями и перенести вас в свой мир. Я видел, как упоительный восторг испытывали самые требовательные умы, наиболее привыкшие в силу размышлений рассчитывать эффект тех или иных произведений мысли. Большинство его идиллий представляет собой образцы, композицию которых одобрил бы Феокрит⁵⁷, а его элегии отмечены пламенным вдохновением Тибулла⁵⁸ или грацией Лафонтена⁵⁹.

Но говоря о вещах, обессмертивших его имя, я забываю, что ему еще остается жить в заточении несколько дней и что я должен до конца выполнить возложенную на меня мучительную обязанность. Два брата Трудены были его товарищами по заключению. Сюве⁶⁰, такой же узник, как и они, нарисовал его портрет. Это единственное оставшееся изображение Шенье⁶¹ является в настоящее время собственностью г-на де Верака⁶². В Сен-Лазаре поэт посвятил мадемуазель де Куаньи⁶³ оду "Молодая узница", которую, наверное, невозможно читать без умиления. Накануне того дня, когда Шенье предстал перед судом, отец его утешал сына, напоминая ему о его талантах и достоинствах. "Увы! — отвечал он. — Г-н де Мальзерб тоже был достойным человеком!"

Он предстал перед трибуналом, не снизойдя до того, чтобы произносить речь и защищаться. Объявленный *врагом народа*, изблеченный в том, что он писал *против свободы* и защищал *тиранию*, он был также обвинен в странном преступлении — в *заговоре* с целью побега из тюрьмы. Он был приговорен к казни 7 термидора (25 июля 1794 г.), то есть за два дня до того момента, который разбил бы его цепи и который освободил всю Францию. }

Братья Трюдены попросили разрешения умереть вместе с ним, но их сохранили для того, чтобы казнить на следующий день (на следующий день, 8 термидора!); тогда палачи радовались, если жертва видела кровь своих друзей на том месте, где предстояло пролить ее собственную.

В восемь часов утра Шенье поднялся в телегу приговоренных. В эти мгновения, когда так необходима дружеская поддержка, когда чувствуешь потребность раскрыть сердце, что скоро перестанет биться, несчастный молодой человек не мог ни выразить свою привязанность к тем, кого он покидал, ни узнать об их сожалениях. Быть может, в бесплодном отчаянии всматривался он в бледные лица своих спутников, обреченных смерти: ни одного знакомого! Из имен тридцати восьми жертв⁶⁴, направившихся той же дорогой, ему были едва известны имена Монталамбера, Креки де Монморанси, барона Тренка и того благородного Луазроля⁶⁵, который стремился к смерти, чтобы спасти сына, заняв его место. Но никто из них не был посвящен в тайну души Шенье; он, наверное, молил о том, чтобы думы его нашли отзыв, молил о сердце, родственном, по слову поэта, его собственному⁶⁶, и трепетал от надежды... как вдруг отворяются двери уже шесть месяцев запертой темницы и рядом с ним на переднюю скамью роковой телеги сажают его друга, соперника на поэтическом поприще, певца "Месяцев", блистательного, злополучного Руше.

Как они сожалели друг о друге!⁶⁷ "Вы, — говорил Шенье, — самый безупречный из наших граждан, обожаемый отец, супруг⁶⁸, вас приносят в жертву! — А вас, — отвечал Руше, — добродетельного молодого человека, вас ведут на смерть в расцвете гения и надежд! — Я ничего не сделал для будущего, — возразил Шенье; затем, ударив себя в лоб, он добавил: *Все же у меня там что-то было!*" Это Муза, говорит автор "Рене" и "Атала", открыла ему его талант в минуту смерти⁶⁹. Примечательно, что Франция потеряла⁷⁰ в конце последнего столетия три прекрасных восходящих таланта: Мальфилатра, Жильбера⁷¹ и Андре Шенье. Первые два умерли от нищеты, третий — на эшафоте".

Между тем телега продвигалась вперед. И сквозь волны народа⁷², ожесточившегося от своих бед, их глаза встретились с глазами друга, сопровождавшего все это траурное шествие, словно отдавая им последний долг, и часто рассказывавшего потом злосчастному отцу, пережившему сына всего на десять месяцев, грустные подробности их конца.

В свои последние минуты они говорили о поэзии. Для них это было самое прекрасное на земле после дружбы. Расин стал предметом их беседы и последнего восторга. Им захотелось прочитать его стихи, быть может, затем, чтобы заглушить вопли этой толпы, издевавшейся над их мужеством и безвинностью. Какие строки они выбрали? Когда я задал этот вопрос человеку, чья память начала слабеть от бремени лет и пережитых несчастий, он заколебался с ответом. Он обещал мне постараться восстановить это воспоминание, справившись у тех, с кем он некогда им делился. Я пребывал в мучительном ожидании до той поры, когда спустя несколько дней и тоном некоторого равнодушия, весьма далекого от моего состояния, мне сказали: то была первая сцена "Андромахи"⁷³.

Итак, они по очереди читали диалог, открывающий эту благородную трагедию. Шенье, которому первому пришла в голову эта мысль, начал и, быть может, улыбка в последний раз коснулась его губ, когда он произнес эти прекрасные стихи:

Безмерно счастлив я, что встретился с тобою!
Быть может, я теперь не так гоним судьбою?
Столь милостиво здесь она столкнула нас,
Что, мнится, гнев ее теперь чуть-чуть угас.

Эти чувства жили в его сердце; они объясняются эпохой, в которую он умер. Мог ли он сожалеть о будущем? Он считал потерянным для Франции дело добродетели и свободы.

Так погиб этот юный лебедь, задушенный кровавой рукой революций. Счастливый от сознания того, что его кумирами были только правда, родина и Музы, он, говоря, идя на казнь, радовался своей участи; я верю в это. Так прекрасно умереть молодым! Так прекрасно стать безвинной жертвой своих врагов и вернуть судящему нас Богу жизнь, еще полную иллюзий!

Париж, 14 августа 1819 г.

А. де Латуш

ЗАМЫСЕЛ

ПОЭМА

Audendum est.

- Сын славный Минция, тебе я шлю привет!
Ты покорил народ, весь покоривший свет.
И вас приветствую, с гармонией сродненных,
Под небом Аттики, Ионии рожденных,
Где были мира дни, утехи, красота,
Свобода и закон, и нравов простота,
И звонких, сладостных исполненный созвучий,
Прекраснейший язык, и нежный, и могучий!
Тем лаврам не увясть, что украшают вас,
10 Путями многими прошли вы в первый раз.
Где вами первые воздвигнуты колонны,
Храм воссиял искусств, в величье облаченный.
Питомцы ваши мы и слабы, но да впрок
Нам будет ныне ваш внушительный урок.
Коль верными хотим мы быть учениками,
Колонны новые должны воздвигнуть сами.
Но подражатель-раб живет едва ли день:
Ночь надвигается, и исчезает тень.
Лишь подлинным творцам бессмертие—награда.
20 Мы видим издавна, как Темзы гордой чада
От рабских удалит спешат свои пути.
Желая большего, вас ныне превзойти
Дерзнем — и вычерпем источник вашей славы,
Неисчерпаемый, гремящий, величавый.
Но только творчество — не иступленья бред,
Где смыслу, разуму и правде места нет,
Не странное частей несходных единенье
В лишенном стройности, чудовищном творенье,
В котором стая рыб несутся к облакам,
30 Морская глубина дает приют орлам,
И грива львиная угрюмо вырастает
У нимфы на челе, что красотой блистает.
Виденя тяжкие, череда мятежных снов!
Причуды дикие болезненных умов!

Сии несвязные, безумные мечтанья
В горячке рождены, не гения созданья.
То Ариман и Орм ведут суровый бой,
Смешавшись, жизнь и смерть враждуют меж собой,
И в схватке с ночью — день, суть — с формой
непреклонной,

- 40 Не ведом им союз. А разум просветленный
Гармонию и свет в сем хаосе творит,
Стихии чуждые любовью единит,
Друг к другу их влечет и, не смешав нимало,
Ведет к согласию враждебные начала.
В искусстве только тот воистину творец,
Кто чувства выразить умеет всех сердец,
Кто скрытые в тени предметы освещает
И сокровенной их красой нас восхищает,
Кто много отыскать нежданных, прочных уз
- 50 Умеет у вещей и их свершить союз.
И, словно было б то ее произведенье,
Приемлет новое природа-мать творенье.
Так кисть чудесная повсюду красоты
Стремится уловить отдельные черты,
Их в облике одном сливая воедино
И высшей красоты нас радуя картиной.
У греков жанры все природа создала
И тонкую черту меж ними провела,
И каждому из них строжайше повелела
- 60 Вовеки своего не преступать предела.
Пиндар, взяв тон Маро, строфою шутовской
Не стал бы искажать высокий лиры строй.
Пермесских рукавов, в течении широком
Поивших Грецию беспримесным потоком,
Забыто множество, увы! и до сих пор
Как будто помрачен мимоплывущих взор.
Когда от немоты в блистательном Версале
Людювик и Кольбер искусства разрешали,
Тогда Эсхил, Софокл среди учеников
- 70 Не подражателей узрели, а творцов,
И те бессмертные явили исполины
Во Франции театр, что потрясал Афины.
До слез волнующим подобен мастерам,
Великих бедствия Вольтер рисует нам.
И гениям иным там, где одни каменья,
Обломки, терния и праха наслоенья
Остались, удалось все ж отыскать следы
Забытой древности, постичь ее труды.

Но высших почестей тому источник ведам,
80 Кто к благороднейшим душой стремясь победам,
Войдет за Музою всевидящей своей,
Нимало не страшась скрещения путей
И все опасности преодолеть умея,
В огромный лабиринт, чье имя — эпопея.
И Музе повелит свободу обрести
И за Вергилием с Гомером не брести,
От славной их стези не смея отклониться,
Но, видя больше них с высокой колесницы,
90 Там, где проложены чужие колеи,
90 Следы заметные оставить и свои.
Ужели всем ветрам не можем мы предаться,
Как путеводных звезд, имен сих не держаться,
Взывая вечно к ним и медля развернуть
Свободно паруса, пусться в далекий путь,
Отважно встретиться с безбрежностью морскую
И гладь безвестную отметить бороздою?
Привычки, знания, уклад, как в закромах,
У древних авторов сохранены в стихах.
В их сочинениях — эпохи их дыханье.
100 Иное все у нас — и нравы, и познания.
100 Зачем же мы теперь с усердием, с трудом
Взор устремляя вдаль, вздыхая о былом,
Любые новшества надменно отклоняя,
Чужими мыслями писанья наполняя,
Изображаем мир, что видеть не могли,
И все твердим о том, что у других прочли?
Суровой Греции и доблестной рожденье
Запечатлели нам Гомеровы творенья.
Фалес и Эпикур, Платон и Демокрит
110 Природы тайный лик, что был завесой скрыт,
110 Немного приоткрыть Вергилию сумели.
А Кеплер, Галилей, Ньютон и Торричелли,
Смелей, удачливей в усилиях своих,
Свершив открытья, ждут Вергилиев других.
В союзе издавна все знанья и умения,
И коль расширены теперь наук владенья,
То и поэзии далеким стал предел.
О, долгий труд, что мир ей покорить сумел!
Земля, совлекшая пред взорами Бюффона
120 Покров со своего таинственного лона,
120 Своих семян, холмов — наследия зыбей,
Густые облака, нависшие над ней,
Парами черными питающие грозы,

Враждебная зима, ведущая морозы
Из северных пещер, своих больших дворцов,
На высях горных снег — печать ее шагов;
Стеклянный зоркий глаз, что дали пронизает
И ускользавшие светила настагает,
Идущие своим рассчитанным путем,
130 Что начертал Байи нам золотым пером;
Движения комет, послушные Кассини,
Магнит, что корабли ведет по бездне синей;
Кибела новая и чудеса земли,
Ясонам наших дней представшие вдали,
Как много образов высоких и сюжетов
Рождается из сих обширнейших предметов!
В неведомых краях, среди лесистых гор,
Близ Куско древнего сокрыты до сих пор
Запасы золота и кладезь песнопений,
140 Богатый славою — к нему стремится гений.
Марон или слепец великий в наши дни
Когда б воскреснули, ужель могли б они
Бездумно пренебречь богатыми дарами,
Что с щедростью такой наш Пинд раскрыл пред нами?
Они бы черпали в том кладезе не раз.
Тогда предметы те, что возмущают вас,
Что вы встречаете с презреньем, величаво,
Одни бы нравиться у вас имели право.
Все прочие тогда попали б под запрет.
150 Радели б вы о том, чтоб молодой поэт
Был верен образов намеренному кругу,
Вменили б древним их в бесспорную заслугу.
Но кто прельстительней, и зримей, и верней
Мог воплотить в слова бесплотный мир идей?
Чьи звуки дивные нежнее слух ласкали
И в душу, чистые, сильнее проникали?
Но были таковы и нравы, и закон,
Что Музы в те века не ведали препон.
Так что ж, душа и мысль свободны и крылаты.
160 Летим, познаем то, чем древние богаты.
Эпоху посетим, когда собою быть
Смел вольный человек и мыслей не таить.
Там Цицерона глас мы различаем властный,
Им обличен Веррес, сражен Цетег опасный,
И Катилину он бестрепетно клеймит.
Грохочет Демосфен, и страстная гремит
Перикла речь, сердца восторгом наполняя,
Волну Грецию, страха, воспламеняя.

Величье древних игр увидим заодно.
170 Вот море целое в бассейн заключено!
Сражение двух флотов здесь огласит просторы,
Властителей земных увеселяя взоры.
Земля Пелопсова! На празднествах твоих
Покажет Эпидавр нам скакунов ликих.
Сплетают им венки Немейя и Элида;
Услышим, как толпа при звуках Еврипида
В безумии святом на сотни голосов
Поет: "Амур-тиран и смертных и богов!"
Дарованное нам блаженство слуха, зренья,
180 Вернувшись, претворим в бессмертные творенья.
Нектар с античных роз в мед песен превратим
И древних красками наш образ воплотим.
От древних светочей возжечь посмеем пламя,
Мысль нашу облечем античными стихами.
Но те лишь вымыслы нас радуют вполне,
Что Геликон рождал, быть может, скажут мне.
Но мифы, божества и небыли чудные,
Созданья гордых Муз, одни для Муз родные;
А наши истины, плоды прилежных дум,
190 Безрадостны на вид и угнетают ум.
Им веришь нехотя, они суровы, странны,
Бедней, чем древности блестящие обманы.
Вот то, о чем твердят и в прозе, и в стихах,
В словах к читателю, в объемистых трудах.
Но не природы ли, скажите, отраженье
И не дитя ль ее бессмертное творенье?
И мироздания ужель извечный строй
И лад незыблемый, светил подвижных рой,
Вся эта истина великая природы
200 Ничтожнее, чем то, что в древности народы,
Измыслив мастерски, природой нарекли
И так блистательно в движенье привели?
Но наши истины сокрыты, как святыни,
И темный их язык для многих чужд поныне.
Народ не знает их. Так вот что лишний раз
О, Музы, подстрекнуть должно, конечно, нас!
Поэзия могла б стяжать венец преславный,
Те тайны преложив на свой язык державный.
Царицы этой власть не ведает конца,
210 И звучный глас ее чарует все сердца.
Нам новую красу она являет смело:
Восторженным хвалам не будет ведь предела.
Коль новые она предметы воспоет,
Те песни вслед за ней подхватит весь народ,

И, прежде скрытое густыми облаками,
В одно мгновение освещено лучами.
А скованных умов ей жалоба смешна,
Что слов и мыслей, мол, вся в прошлом новизна.
В цветах и с лирою, беспечна и прелестна,
220 Дань восхищения собирая повсеместно,
В пустыню, юная, она идет и там
Сокровища найдет, неведомые нам.
Коль взор ее на куст зачахнувший слетает,
Тот радостно дрожит и розой расцветает.
Но с небрежением ее минует взор
Цветы увядшие, чей красочный убор
Касанья многих рук успели обесцветить.
Еще возможно ей, волшебнице, приметить
230 Цветы, поникшие под грубою рукой,
Их нежно воскресить и унести с собой.
Ей ведомы одной восторги золотые,
Умов пылающих фантазии живые,
Мечты мгновенные, которыми богат
Воображенья мир — видений милых ряд.
Их сокровенный свет вовеки приземленным
Не явится умам со взором помраченным.
Она одна словес прозрачной пеленой
Сих призраков облечь умеет быстрый рой.
Так жидким золотом с высоких финских сосен
240 Янтарь, дитя небес, стекает, светоносен,
И мошку в воздухе порою застает
И в глубь морскую с ней тогда стремится полет.
Суровой Балтики омытые волнами,
Усеятся брега бесценными слезами,
Где Висла, завершив свой величавый путь,
И Неман среди волн морских спешат уснуть.
Искусству послужить должна краса такая —
Гробница из смолы, где мошка, как живая.
В прозрачном золоте ее как прежде вид:
250 Вот-вот пробудится и снова полетит.
Кто б ни был ты, поэт, решайся ныне смело,
Трудись и заверши победы славной дело.
Довольно ли тебе свидетельств наконец?
Трудись. Красноречив великий образец.
Ты нам пример подай, чтоб мы решились тоже.
Коль одиночество тебе всего дороже,
Коль пред твореньями великих вновь и вновь
Ты трепетом объят, твоя пылает кровь,
Коль строки их в тебе рождают вдохновенье
260 И пламенный восторг, и к творчеству стремленье,

Трудись, чтоб новые богатства показать,
 Что нашим критикам по нраву отвергать.
 Умолкнет ропот их и давний, и неправый,
 Когда сияние невиданное славы
 Зажжется над челом пылающим твоим.
 Красой блистающий холодным, неживым
 Толпе бесчувственной паросский мрамор мнится.
 А мастера резец в нем прозревает лица,
 В изгибах тайных жизнь, движение следит.
 270 Весь олимпийский сонм в том мраморе сокрыт.
 Венеры красота в нем высшая таится,
 И мышцы напряглись, по жилам кровь струится,
 Змеящимся; крепки Геракла рамена,
 Держащие легко Атланта бремена.
 Покровы плотные железу уступают,
 Тончают, падают, доколь не воссияют
 Кумиры, коими наш взор навек пленен:
 Се — украшение бессмертных Аполлон,
 Се — тот, кем сражены чудовища Немеи,
 280 Се — мудрый Трои жрец, чью плоть терзают змеи,
 Се — иудеев вождь, защитник и пророк:
 В сем камне мыслящем присутствует сам Бог.
 Из глубины его раздаться вновь готово
 Мир сотворившее Божественное слово.
 Так пусть и в наши дни, о, не один творец
 Античности высот достигнет наконец!
 Увенчан лаврами Вергилия, Гомера,
 Бессмертье обретет, достойный их примера.
 Тропой нехоженой пройдет в свой славный час,
 290 Как шли бы древние, живи они средь нас.
 Природа, ты одна будь для поэтов ныне
 Источником чудес, пророчицей, богиней.
 Пусть песнопенья их, Фетиды сон храня,
 Престанут возрождать из волн сиянье дня.
 Пусть Музы давние оставят заблужденья,
 И Каллиопа впредь, прослушав наставленья
 Урании-сестры, возвысит лиры тон,
 И языком богов заговорит Ньютон.
 О, если бы и мне... Но что за ропот новый,
 300 Нежданный натиск сей и более суровый?
 О, Франции язык, ужель в тебе вина
 И участь жалкая твоя предрешена?
 Иль немощных умов, быть может, прилежаньем
 Ты лениности их стал, позора оправданьем?
 Нет переводчика, довольного собой,
 Ни сочинителя поэмы препустой

- Иль множества стихов, напыщенно-холодных,
Который с важностью в строках не скажет вводных,
Что если стиль его слегка вас утомит
310 Своею тяжестью, и вскоре усыпит,
И если скован стих, негармоничный, вялый,
Не автора — вина, талант его — не малый,
Достоин на успех он притязать всегда,
Но речь французская, и в этом вся беда,
Сухая, бледная, стесненная, — несмелым,
Неясным сделала его и неумелым.
А Депрео, Расин, Лебрен или Бюффон
Винят ли нашу речь во множестве препон?
Иль под пером Руссо они не исчезают?
320 От Монтескье она ль коварно ускользает
Непокоренная? О, нет, у них она,
Стремительна, остра, насыщена, плавна,
Умеет в глубине их душ обогатиться
Живыми красками и вмиг преобразиться!
Предметы все туман от рифмача сокрыл,
И взором быстрым он их сути не схватил,
И мыслей сбивчивых его нагроможденье
Неточное в словах находит выраженье.
Не может он пройти намеченным путем,
330 Не совладать ему с упрямым языком.
А тот, кто демона господство ощущает,
Сих мук не ведает: он мыслит, он мечтает,
Нежданная в душе его кипящей речь
Родится с мыслию, спешит ее облечь;
Во власти гения, он под диктовку пишет,
И целый мир живет, и движется, и дышит,
Родник поэзии немолчный и святой —
Слова и образы в его мозгу толпой
Пронесятся, придут они к согласью сами,
340 И стройным сразу все предстанет перед нами.
Как Ио бедная, забывшая покой,
Нещадным оводом терзаемая в зной,
Напрасно чрез леса несется и долины
И погружается в бурлящие стремнины,
Так пламенный поэт в безумии благом,
Кипучих полон дум, с пылающим челом,
Тревожен, мечется, бежит в лесные чащи,
Чтоб угасить огонь, в мозгу его горящий,
И бога, из груди исторгнув, вздохнуть.
350 И вот уже сей бог, его томящий грудь,
Раскован, изнесен лавиною созвучий;
Пленяет и влечет поток стихов могучий.

Над словом новая, невиданная власть,
Картины чудные, в которых дышит страсть,
Природы красками расцветенные живо,
Течение стиха, то мерно, то бурливо, —
Смятенье все несет сердцам или покой,
Все в памяти навек сохранено людской.
Так из главы отца, прекрасная собою,
360 Минерва восстает, уже готова к бою,
В шеломе и с мечом, в доспехе, что страшит
Горгоны образом, чей смертоносен вид.
Красой тосканское наречие прельщает,
Уступчиво, как воск, что форму обещает
Принять удачную и в немощных руках.
Когда, гонимые нуждой, взметая прах,
Тьмы варваров, побед обрушив бремя злое,
Отмстили римлянам господство мировое,
Повсюду говор их, суров и некрасив,
370 Раздался, чистоту латыни замутив.
И братья-языки из странного смешенья
Родились в те века; сменяясь, поколенья
Путями разными их розно пронесли
И нечувствительно до блеска довели,
Свершили множество чудес, трудясь победно,
Но варварская ржа не сведена бесследно.
В кастильском выпренность надменная жива,
Близ Тахо резкие еще звучат слова,
Которые принес араб неукротимый.
380 А мягкость, грация тосканцами любимы,
На их устах живут; лишь Сены глас родной
Исполнен грации и гордости прямой.
Но трудный наш язык боренье предлагает,
И лишь искусное перо с ним совладеет.
Что ж, разве это зло? Скорей наоборот:
Надолго ложный блеск в обман нас не введет.
В святилище стихов вход охраняя строго,
Язык наш сам невежд отгонит от порога,
Предупреждая всех, кто жаждет внутрь войти,
390 Что каждого в конце опасного пути
Ждут слава иль позор, что выбор есть единый:
Низвергнуться во прах или достичь вершины.

ИДИЛЛИИ

⟨1⟩

Oaristys,
подражание XXVII идиллии Феокрита

Д а ф н и с, Н а и с

Д а ф н и с

Елену некогда простой пастух пленил.
Пастух, как и Парис, Елену я целую.

Н а и с

Как ценишь высоко ты милость препустую!

Д а ф н и с

Все ж сладок поцелуй, и нам обоим мил.

Н а и с

Смотри, как с губ моих его смахну небрежно.

Д а ф н и с

Другие поспешу запечатлеть прилежно.

Н а и с

Напрасен пламень твой, меня он не проймет.
Ты чтил бы девушку.

Д а ф н и с

Ах, как гордишься ныне
Ты юностью своей! Но меру знай гордыне:
10 Как незаметный сон, ведь молодость пройдет.

Н а и с

И поздняя пора обильна благостыней:
Цвет облетит, вослед золотой созреет плод.

Д а ф н и с

В тени б маслины мы поговорить присели.

Н а и с

Нет, знаю: речь твоя опасна и вольна.

Д а ф н и с

Вот здесь под вязами такая тишина;
Лишь сладкозвучное дыхание свирели
Нарушило б ее; ты выслушать должна
Те песни, коими долина вся полна.

Н а и с

Напевы томные твои мне надоели.

Д а ф н и с

20 Как! ты Венере мнишь противиться одна?

Н а и с

Мила Диане я; она хранит ей милых.

Д а ф н и с

Но уз Венериных ты избежать не в силах.

Н а и с

К Диане обращаюсь: поможет мне она.
Ты волю дал рукам... Сердиться я готова...

Д а ф н и с

Амура прогонять? Его не отвергай,
Красотка ни одна с ним не была сурова.

Н а и с

А мне он ни к чему... Ах, моего покрова
Не трогай... Видно, я тебе не дорога...

Д а ф н и с

30 Когда-нибудь, увы! не будешь так строга
К не столь достойному, женою став другого.

Н а и с

Просили многие меня о том не раз,
Но благосклонного никто не слышал слова.

Д а ф н и с

Подобно им, и я услышу твой отказ?

Н а и с

Гимену, говорят, покорствовать опасно.
Заботы, горести приносит он, увы!

Д а ф н и с

Не слушай ветреной, обманчивой молвы:
Веселье дарит он. Тревожишься напрасно.

Н а и с

Жена — всегда раба.

Д а ф н и с

Скажи: она всевластна.

Н а и с

Пред мужем трепетать, не ласковым совсем...

Д а ф н и с

40 Да разве женщины трепещут перед кем?

Н а и с

В мученья тяжкие Луцина нас отвергает.

Д а ф н и с

Тогда-то милым ей Диана помогает.

Н а и с

А после красоты не будет и следа.

Д а ф н и с

Нет, будешь обладать ты прелестью иною.
Детьми прекрасными одарена тогда,
Заблещешь, милая, ты красотой двойною.

Н а и с

А если соглашусь, каких мне ждать наград?

Д а ф н и с

50 Знай, станет все твоим: зеленый луг и стадо,
И плодоносный сад, и дом, очей отрада,
Загоны ждут твоих овечек и ягнят.
Желаниям своим дашь полную свободу.
Клянусь, что будет все одной тебе в угоду.
Ведь прихотям твоим не может быть преград.

Н а и с

Отец мой...

Д а ф н и с

О, поверь, сомненье неуместно.
Узнав, как звать меня, наш брак одобрит он.

Н а и с

Что ж, имени порой довольно, было б честно.
Так кто ты?

Д а ф н и с

Дафнис я, отец мой — Палемон.

Н а и с

Да, ровня мы с тобой, твоя семья известна.

Д а ф н и с

Союзу нашему теперь уж нет препон.

Н а и с

60 На рощи я твои взгляну с тобою вместе.

Д а ф н и с

Вон кипарисов строй, и все они в цвету.

Н а и с

Овечки, ждите здесь, в тенистом этом месте.

Д а ф н и с

Паситесь здесь, быки. Я покажу невесте
Всех будущих ее владений красоту.

Н а и с

Что делаешь, сатир? Как! ты дерзаешь снова...

Д а ф н и с

О, этих сладостных позволь коснусь плодов...
Их нежной кожицы...

Н а и с

Ах, именем богов...

Пастух, я вся дрожу...

Д а ф н и с

Не бойся, дал я слово.

Смелей.

Н а и с

Нет, подожди. Тебе-то все равно,

70 Мне ж платье какво испачкать влажным дерном?
Отец узнает все.

Д а ф н и с

Движением проворным

Вот на земле стелю пушистое руно.

Н а и с

Мне пояс развязать твоя рука дерзнула!

Д а ф н и с

Венере — этот дар; взошла ее звезда.

Н а и с

О, боги! что за шум? Вдруг кто придет сюда...

Д а ф н и с

То роща листьями от радости плеснула.

Н а и с

Ты платье мне порвал! Ах, вижу со стыдом
Себя нагой, увы...

Д а ф н и с

Другие одеянья
И лучше подарю, когда войдешь в мой дом.

Н а и с

80 Все обещаешь ты. Доверчивее стань я,
Покинешь ты меня одну в слезах потом.

Д а ф н и с

Клянусь богами, нет! лишь были б мы вдвоем,
Охотно жизнь мою тебе принес бы в дань я.

Н а и с

Ах, Дафнис, пощади... Молю, свой гнев умерь,
Диана...

Д а ф н и с

Не страшись. Амур за нас, поверь.

Н а и с

Что сделал ты, злодей?

Д а ф н и с

Скрепил я обещанье.

Н а и с

Я девой в лес вошла, любезною Диане.

Д а ф н и с

Супругой милою ты будешь мне теперь.

(2)

ФРАГМЕНТ

.....
 Хромида юного зову, приди, любимый;
 Бела я и стройна, с Дианой мы сравнимы
 По гордости, красе. Когда в вечерний час
 Иду я, пастухи с меня не сводят глаз,
 Как будто с божества, мой ловят взор напрасно
 И тихо говорят: "О, как она прекрасна!
 Неэра, не стреми свой путь по лону вод,
 Богиней можешь стать, и будет мореход
 Храним, когда гроза бушует все сильнее,
 Неэрой белою и белой Галатесей".

(3)

СЛЕПЕЦ

"Бог с луком золотым, услышь мои моления!
 Кларосский Аполлон, я б умер, без сомненья,
 Когда б не направлял ты мой незримый путь!" —

Так произнес слепец и, вздохом полня грудь,
 Добрел до рощицы; на камень, отдыхая,
 Присел. Три пастуха — из этого же края —
 Сбежались, слыша лай собак сторожевых,
 Что здесь невдалеке хранили стадо их.
 Лишенного всех сил, усталого, больного
 10 От разъяренных псов они спасли слепого
 И говорили так, в сторонке, меж собой:
 "Что это за старик, беспомощный, больной?
 Не с неба ль он сошел, где боги обитают?
 Горды его черты. А с пояса свисает
 Кифара. И когда он говорит, ему
 Лес, небо и волна внимают одному".

Старик прислушался и, узнавая звуки
 Шагов, к ним протянул, смущенья полный, руки.
 "Не бойся, путник нас! — пастух сказал в ответ. —
 20 Хотя ты телом слаб и в рубище одет,
 Ты, без сомненья, бог — таким в своем обличье
 И в старости своей ты наделен величием.

Но если смертный ты — доверься смело нам.
 Волною принесен ты к нашим берегам,
 А мы всегда добры к достигнутым бедою.
 Не полно милости даруются судьбою:
 Твой голос горд и чист — он дар богов прямой,
 Зато ты огражден от света слепотой.

“О дети (слыша вас, я знаю, что вы дети)!
 30 Вы рассудительны, разумны речи эти,
 Но осторожен тот, кто нищетой сражен.
 Всегда насмешки ждет или коварства он.
 Нет, сравнивать меня вы не должны с богами;
 Морщины, седина, болезнь — судите сами —
 Таким ли божество является для глаз?
 Я смертный, как и вы, но я несчастней вас.
 Коль есть еще бедняк, который столь бездомен,
 Ему лишь одному, наверно, я подобен.
 Хотя, как Томирис, не спорил с Фебом я
 40 О том, что струн его прекрасней песнь моя,
 Хоть не был обречен я Эвмениде черной,
 Как некогда Эдип за свой удар позорный,
 Небовластители на долю дали мне
 Лохмотья, слепоту и жизнь в чужой стране”.

“Возьми! Тебе наш дар, наверно, будет нужен!” —
 Сказали пастухи и что с собой на ужин
 Забрали в козий мех, чья шерсть черна, тонка,
 Все разом ссыпали в колени старика:
 Пшеничный чистый хлеб, созревшие оливы,
 50 В плетенке свежий сыр, миндаль, инжир и сливы.
 И псу-поводырю, что, вымокший, прилег
 К коленям старика, оставили кусок.
 Он, сброшен с палубы, за быстрой плыл ладьею
 И к берегу прибит был тою же волною.

“Винить свою судьбу не вечно нужно нам.
 Я благодарность шлю Юпитера сынам.
 Отец и мать должны всегда гордиться вами.
 Позвольте ж старику ощупать вас перстами.
 Они — мои глаза. В вас столько есть души,
 60 По вашим голосам сужу — вы хороши,
 В вас столько доброты с изяществом
 врожденным.
 Могу сравнить ваш стан я с пальмою Латоны,

- Которую в былом я некогда видал.
 К святому Делосу однажды я пристал,
 И там пред алтарем, у храма Аполлона
 Она, дитя небес, стояла вознесенной.
 Вы, как она, свежи, щедры и высоки —
 И вашу доброту запомнят бедняки.
 Ведь старшему из вас едва тринадцать било.
- 70

 Когда еще вас мать на свет производила,
 Я был почти старик. Садись сюда со мной
 Ты, самый старший. Я откроюсь пред тобой.
 Будь добрым к старику!”
 “О старец благородный,
 Как ты сюда попал? Ведь вал морской свободно
 Шумит со всех сторон у нас в родном краю”.
- “Купцами из Симэ был принят я в ладью —
 Карийских берегов бежал я, чтоб увидеть
 Страну, где уж никто не мог меня обидеть.
 Искал я лучших дней и добрых я богов —
- 80

 Надежду человек всегда питать готов.
 Но я не мог платить и кормчим столь бесчестно
 На берег высажен в стране, мне неизвестной”.
- “О старец благостный! Ужель ты им не пел?
 Ты б песней мог смягчить свой горестный удел”.
- “Нет, дети! Соловей, чье пенье так прекрасно,
 Задобрить коршуна старался бы напрасно.
 Скупцам и богачам, исполненным вражды,
 Таланта не понять; они ему чужды.
 Вот с этим посохом скользящею тропею
- 90

 Один, в молчаньи брел я тихо вдоль прибоа
 И слушал издали блеянье чьих-то стад,
 Что колокольчиком пастушеским звенят.
 Потом я лиру взял, и эти струны сами
 Душе откликнулись под слабыми перстами.
 Хотелось умолить мне благостных богов,
 И Зевса прежде всех, чтоб не был так суров.
 Но в это время лай услышал я ужасный.
 От страха вздрогнул я. Погиб бы я, несчастный,
 Когда бы, дети, вы на помощь не пришли
- 100

 И палкой от собак скитальца не спасли!”
 “Отец наш, правда ли, все хуже стало в мире?
 Ведь некогда певец, играющий на лире,

Безжалостных волков и даже тигров злых,
Растроганных игрой, у ног видал своих”.

“О варвары! Сидел я на корме смиренно.
— Слепой бродяга, пой! — мне крикнули
надменно, —

И если разум мой не слеп, как слеп ты сам,
Ты позабавишь нас и угодишь богам! —
Сдержал я в сердце гнев, на смех веселья злого
110 Сомкнул свои уста и не сказал ни слова.
Не стал я петь для них и бога усмирил,
Что там, в груди моей, столь оскорбленным был.
Симэ, сыны твои презрели Мнемозину
И Музу, дочь ее! Я с гневом их покину,
Пускай о жизни их и смерти мир молчит,
И даже имя их глухая ночь таит!”

“Пойдем же в город к нам! Совсем он недалеко,
Жрецов бессмертных муз там ценят все высоко,
И место на пиру тебе припасено.

120 Там яства лучшие и доброе вино
У храма, где висит божественная лира,
Заставят позабыть тебя всю злобу мира.
А если по пути, рапсод, споешь ты нам
Те гимны стройные, что так милы богам
И так чаруют нас, мы скажем восхищенно,
Что ты от самого их слышал Аполлона”.

“Своими я детьми хотел назвать бы вас!
Да, я готов идти. Но где же мы сейчас?”

“На острове Сикос, где счастлив житель каждый”.

130 Благословен Сикос, гостеприимный дважды!
Когда-то приставал я к этим берегам,
И вашим уж давно известен я отцам.
Я был подобен им. Открыты были взоры
И солнцу, и весне, и лепесткам Авроры.
Я молод был, силен. На воинских полях,
В боях, в ристалищах в первейших был рядах.
Аргос я видел, Крит, в Коринфе был свободном,
В Египте я блуждал над Нилом плодородным,
140 Но море и земля, печаль и тяжесть дней
Согнули тело мне, столь полное скорбей.

Остался голос мне. Наивная цикада
 Не так ли на кусте поет и песне рада?
 Начнем с богов! О Зевс, ты солнце высоты,
 Что видит, знает все, — и ты, о море, ты,
 И реки, и земля, и божества отмщенья,
 Привет вам! Слушайте, богини песнопенья,
 О музы, вы — мудры, и на земле у нас
 Не знают ничего, что бы не шло от вас”.

- 150 Так старец говорил. Дубы, сыны столетий,
 Тенистые ему в ответ качали ветви,
 Все пастухи, забыв стада средь сочных трав,
 Все путники в полях, начатый путь прервав,
 Сбегались. Опершись на мальчика рукою,
 Слепец почувствовал, что окружен толпою.
 Сильваны, нимфы свой к нему стремили путь
 И слушали его, почти боясь дохнуть.
 Он, развивая песнь, как свиток бесконечный,
 Вещал о первых днях, о мудрости извечной,
 О воздухе, огне, земле, теченьи вод,
 160 О реках, чей исток сам Зевс в груди несет,
 Искусствах, чудесах, селеньях стран согласных
 И после хаоса любви годах прекрасных;
 О Зевсе дивном пел, Олимпе, облаках,
 О молниях его, внушивших людям страх,
 О небожителях, разбитых на два стана,
 О битвах, где весь мир тонул в крови богряной,
 О сборище царей, о пыли, выше птиц,
 Летящей от боев, о схватках колесниц,
 О доблестных мечях, сверкающих в сраженьи,
 170 Как молнии средь туч в заоблачном смятеньи,
 О гриве скакунов, летящих в жаркий бой,
 Об их пророчествах, что слушает герой;
 Потом он говорил о городах свободных,
 Законах, мудрецах, посевах плодородных,
 О приступе врагов, стремящихся к вратам,
 О жертвах на камнях и на ступеньках в храм,
 О битвах на стене, о вопле жен несчастных,
 О скорбных матерях, о пленницах прекрасных;
 О жатве говорил, о блеющих стадах,
 180 О мирном пастухе с цевницею в руках,
 О песнях, празднествах, о сборе винограда,
 О флейте, звоне лир и плясках возле сада;
 Потом, подняв ветра над волнами морей,

Он вызвал ярое кипение зыбей
И на крутой скале, где волны бьют все злее,
Явил собравшимся всех дочерей Нерея,
Что тотчас поднялись, терзая криком грудь,
Над строем кораблей, что к Трое держат путь.
Затем открыл он Стикс, чьи волны омертвели,
190 Сады полубогов, лужайки асфоделей
И толпы тех, кто мертв, — несчастных стариков,
С груди родителей отторгнутых сынов,
Детей, которых смерть взяла без сожаленья,
И дев, что брачного еще не знали пенья...
Потоки и леса, луга и глыбы скал,
Какой восторженный вас трепет пронизал,
Когда в Лемносе он на наковальне звонкой
Сковал себе силок упругий, крепкий, тонкий,
Подобный всем тому, что у Арахны был,
200 И в эту злую сеть Венеру заманил!
Когда окаменил, изведавшую злобу
Латоны мстительной, несчастную Ниобу;
Когда его струны печали полный звон
Эдоны повторил отчаянье и стон,
Что злою мачехой невольно став для сына,
Немолчным соловьем умчалась в лес пустынный.
Вот пред героями поставил он на стол
Божественный нектар, забвенья всяких зол;
Траву, чей сок таит мудрейших снов избыток,
210 Смешал он с лотосом в неведомый напиток,
И выпивший его не мог не забывать
Родимую страну, детей, отца и мать.
Вот Осса и Олимп и темный лес Пенея
Кровавый видят пир в честь бога Гименея.
В тот час, когда Тезей на празднестве ночном,
Среди кентавров злых, упившихся вином,
Сошедшихся на пир к хозяину и другу,
Заметил, как его кричащую супругу,
Лишенную одежд, вдруг обнял Евритой,
220 Вскочил с мечом в руке пылающий герой:
“Стой, дерзкий, я убью тебя, как Минотавра!”
Но прежде чем сказал — на дерзкого кентавра
Дриас обрушил ствол огромной вышины,
Где были факелы рядами зажжены.
Кентавр, придавленный, завыл и с диким ржаньем
Копытом землю взрыл в последнем издыханьи.
Несс опрокинул стол — под ним в крови, в пыли

Эварг и Перифас конец себе нашли.
Петрей и Антимах — добыча Пиритоя,
230 А черный Макарей, что шкурою густою
Убитого им льва покрыт надежно был,
Под тяжестью меча на землю пал без сил.
Пригнувшийся к земле, при звуке битвы сразу
Схвативший часть скалы, себе на череп вазу
Вдруг принял Бианор — и, испуская стон,
Скатился в грудь тел, Гераклом поражен.
Бил палицей герой, повсюду гибель сея,
Убит Демолеон, и нет уже Рифея,
Чья вороная масть, вся в яблоках больших,
240 Наследием была от тучек золотых.
Огромный Эврином с отвагою двойною
Сражался и рукой и сильною ногою,
Разбив шлем Нестора, привыкшего к боям.
Кентавр Гелопс бежал. Но Крантор по пятам
Настиг его и сам пал на пороге дома,
Поверженный суком гиганта Эвринома.
Когда ж Эгея сын увидел это вдруг,
Горящий с очага схватил он смело сук,
На крепкий круп его, не зная тени страха,
250 За гриву ухватясь, крича, вскочил с размаха,
Кентавру злую пасть с усилием растянул
И смерть с огнем туда без промаха воткнул.
Очаг почти погас. Все расхватали пламя
И жеңскими был лес наполнен голосами,
Проклятьем воинов, клянущих смертный час,
Стенаньем, криками и звоном битых ваз.

Великий так рапсод в виденьях вдохновенных
Развил пред ними ткань мелодии священной.
Три юных пастуха, взирая на певца,
260 Стояли, полные почтенья без конца,
А с уст его лилось божественное пенье,
Как хлопьев снеговых с крутых холмов круженье.
Повсюду с плясками по тропке на холмах
Мужчины, женщины и дети, все в цветах,
Девицы, юноши с душистыми венками
Встречали старика: “Живи здесь вместе с нами,
Возвышенный пророк, божественный слепец,
Любимый сын богов, почтенный наш отец.
И каждые пять лет, счастливые без меры,
270 Мы будем славить день, что нам явил ГОМЕРА”.

(4)

СВОБОДА

П а с т у х и

П е р в ы й

Кто ты такой, пастух? Угрюмых глаз твоих
Почти не видно мне во тьме кудрей густых.

В т о р о й

Страж козий, у тебя и волосы светлее,
И лоб красивее, и юный взгляд нежнее.

П е р в ы й

Ты к нам спустился с гор, где жил совсем один,
Средь неприступных скал и страшных всем стремнин.

В т о р о й

А ты привык к полям, к прохладе рощ тенистых,
Ну что ж? Ты можешь жить среди лугов душистых;
10 Мой дом — пещеры свод — и темный и сухой,
И я люблю в горах день встретить трудовой.

П е р в ы й

Но проклят этот край великою Церерой.
Там в ложе каменном поток струится серый,
Средь раскаленных скал, где солнце — лютый враг,
Усталый пешеход свой ускоряет шаг.
Ни фруктов, ни цветов, ни рощицы тенистой,
Где мог бы соловей скрываться голосистый.
Олива, жалкая своею наготой,
Наводит только грусть в стране твоей сухой.
Пустыня, где ни глянть, — и удивляться надо,
20 Как нужную траву находишь ты для стада.

В т о р о й

Не все ли мне равно. То не мои стада,
Я — раб.

П е р в ы й

В свирели ты, быть может, иногда
Средь этих диких скал находишь развлеченье,
Вот флейта. Посмотри. Она — мое творенье.
Ты в диких зарослях, к устам прижав камыш,
Напевы резвых птиц искусно повторишь.

Второй

Оставь ее себе. Живут здесь только совы,
 Что любят темноту, а песни их суровы.
 Вот те певцы, каким я обречен внимать,
 30 Вот чьи напевы здесь могу я повторять.
 Я флейту раздавлю неловкою ногою.
 Забавы мне чужды. А розы под рососою
 И ваши соловьи, что оживляют сад,
 Ни сердца моего, ни чувств не веселят.
 Я только раб.

Первый

Увы! Ты прав — могу признаться.
 Ужасно рабство нам. Мы все должны бояться
 Попасть в его ярмо, под власть законов злых,
 Жить в полной нищете, трудиться для других!
 О, будь всегда со мной, Свобода дорогая,
 40 Мать добродетелей, отчизны мать родная!

Второй

Отчизна, доблести — пустые имена.
 К чему вся эта речь? Мне тягостна она,
 А счастье твое увлечь меня не может.
 Пусть цепь раба злой рок и на тебя наложит.

Первый

А я хочу, чтоб ты счастливым, вольным стал.
 Ты помощи богов, наверно, не искал?
 Есть чистые слова и нежные моления,
 Которые душе приносят исцеленье,
 Есть гимны, что слезу способны осушить.

Второй

50 Они не для меня. Мне век несчастным быть.
 Жить должен я рабом — как жребий мой ни душен.
 Но у меня есть пес, который мне послушен,
 Он преданный мой раб. В отчаяньи немом
 Я с ним за зло людей рассчитываюсь злом.

Первый

А наша мать, земля, в своем великолепии,
 Ужели облегчить твои не в силах цепи?
 Взгляни на этот дол: дрожащий летней зной
 С обилием даров — сын солнца золотой,
 Любобвник пламенной долины плодородной —

- 60 Из зелени весны взрастил здесь сад свободный.
Вот юный абрикос в лучах, что солнце шлет,
Свой нежный, сладостный выращивает плод,
Вот персиковых рощ душистое цветенье
Сулит нам новый сбор, достойный удивленья;
Средь зелени холмов увидишь ты поля,
Что, спелым колосом под ветром шевеля,
Ждут острого серпа веселья полной жницы.
О божества полей — вам наших жертв кошницы!
Вам, Мир и Урожай с сиянием в очах,
70 С колосьями в венке, с колосьями в руках,
Идущим вслед Надежд нам всем родного края
С корзиною цветов — предвестьем Урожая!

Второй

- Не сомневаюсь я — богов ты зришь живых,
Но взорами раба мне не увидеть их.
Моя земля бедна, по-рабски мне покорна,
И я не для себя в нее бросаю зерна.
Срезаю я серпом, в безжалостном огне,
То, что другим даст хлеб, оставив голод мне.
Вот такова земля. Она не мать родная,
80 Она мне мачеха. Природы ткань живая
Страшной душе моей, мертвей моим очам,
Чем горы, что такой внушают ужас вам.

Первый

- Стада твоих овец, их нежное блеянье
Ужели не несут душе очарованья?
Ужель не развлечен ты играми ягнят?
Ведь сердце козы мне так часто веселят.
Люблю я игры их, блеянья звук дрожащий,
Когда среди травы, в росе, еще блестящей,
Козлята ищут мать, и сам я не могу
90 Не прыгать им вослед весною на лугу.

Второй

Козлята те — твои. Мне ж овцы, без сомненья,
Когда я их пасу, приносят лишь мученья.
Я должен дважды в день пасти их средь высот,
И подозрительный меня хозяин ждет.
Всем недоволен он. То шерсти слишком мало,
То в утомлении они шагают вяло.
Все, все нехорошо. И если волк порой
Похитит хоть одну и в лес умчит густой,

100 Я в этом виноват. Вступай с ним в бой поспешный,
 Чтоб волк отныне был и кроткий и безгрешный,
 А дома брань и крик и гневный свист плетей —
 Жестокость подлая в обычае людей.

Первый

Невинным божества благоволят всечасно.
 Зачем ты их бежишь, опоры всех несчастных?
 Зачем у алтарей, среди гирлянд цветных,
 Не входишь в общий пляс, жертв не несешь простых,
 Колосьев иль цветов — чтоб это приношенье
 И Зевса и дриад дало благоволение?

Второй

110 Нет; игры с плясками — забаву пастухов —
 Я вовсе не люблю, — и грустен и суров,
 Я должен — ты твердишь — молить пред алтарями?
 Но одарять богов я не хочу цветами,
 Боюсь я грома их и молний в вышине,
 Я не люблю богов, лишь цепи давших мне!

Первый

120 Как? И любви ты чужд? Возможно ли унылой
 Душе не уступить улыбке девы милой?
 Настанет день, когда я в радостном лесу
 Возлюбленной моей козленка принесу,
 И взор ее блеснет такою синевою,
 Так будет голос чист... Он и сейчас со мною.

Второй

130 Кто ж улыбнется мне из девушек в ответ?
 Козленка у меня, чтоб подарить ей, нет.
 Ведь стадо вечером хозяин мой встречает
 И, полон скупости, своих овец считает.
 Я счастлив уж и тем, что он, кончая счет,
 Не просит большего, чем утром сам дает.
 О Немезида! В день, когда и сам я буду
 Хозяином, как он, — отмстить я не забуду,
 Я стану черствым, злым, бестрепетным душой,
 Кровавым деспотом, каким он был со мной.

Первый

А я — вы мой завет судите боги сами! —
 С моими верными, послушными рабами
 Я буду милостлив, я стану исполнять

Все, что законно им придется пожелать,
Чтоб в счастья они хозяина хвалили
И чтоб своей судьбой всегда довольны были.

Второй

А я готов проклясть тебя, моя судьба,
За то, что был рожден для участи раба,
Что должен слушать я чужие приказанья,
140 Ничем не обладать, не привлекать вниманья,
Страдать от голода и в горести своей
Питать своим трудом надменных богачей.

Первый

О горестный пастух! Словам твоим внимая,
Я сам печален стал и понял, друг, тебя я.
Ты видишь мать-козу с козлятами? Она
Бела, как молоко, и шерсть ее нежна.
Возьми ее себе. Она твоею стала.
Прощай! Пускай мой дар, — хотя дарю я мало, —
150 Несчастья вытеснят из памяти твоей!
И отдых даст тебе от горестных скорбей!

Второй

Давай — и проклят будь! Когда б я был умнее,
Я б знал, что для меня подарка нету злее.
Ведь будет мой скупец и деспот поражен
И не поверит мне — хитер, завистлив он.
Считая, что козу взял сам я, в счет уплаты,
И что принадлежать ему должны козлята,
Для выгоды своей измыслит он предлог,
Который бы легко твой дар отнять помог.

(5)

БОЛЬНОЙ ЮНОША

“Бог жизни — Аполлон, бог таинств, бог-спаситель,
Бог трав целительных, Пифона победитель,
Бог торжествующий и вечно молодой,
Над сыном сжался ты и над моей бедой!
Спаси мое дитя для матери бессонной,
Живущей им одним, лить слезы осужденной
И не желающей больного пережить!
Бог юный! Помоги мне сына сохранить,
Победу одержав над жгучей лихорадкой,

10 Что сокращает срок земной дороги краткой;
И если, одолев тяжелый смертный сон,
Пасти стада свои в Менал вернется он,
Я статую твою рукой своей украшу,
Повесив перед ней ониксовую чашу,
И, под секирою ступени обагря,
Бык рухнет молодой к подножью алтаря.

Мой сын безжалостный, ты не издашь и стона?
Твое зловещее молчанье непреклонно?
Ты жаждешь умереть, оставив доживать
20 В тоске и горести седеющую мать,
Ты хочешь, чтобы мать глаза тебе закрыла,
Чтоб с мужним прахом я твой прах соединила?
Не ты ли должен был меня оплакать, сын,
Свершив святой обряд и погребальный чин?
Поведай же, мой сын, беду свою! Ужели
Не знаешь ты, что скорбь немая — всех тяжеле?
Что ж не подымешь ты окаменевших век?"

“Я умираю, мать, я уйду навек.
Прости свое дитя! Не видишь ли ты разве,
30 Что исцеленья нет моей глубокой язве,
Что тяжек каждый вздох груди и потому
Последним кажется сознанию моему?
Мне трудно говорить. Покров и жар постели
Недуга тайный зной усиливают в теле.
Все давит и томит в мучительном бреду!
Дай мне глаза закрыть! Я к гибели иду”.

“Мой сын единственный, испей скорей напиток!
Он возвратит тебе бывалых сил избыток.
Мак, мальва и бальзам, дарящие покой,
40 Смешали соки в нем в целительный настой,
И фессалиянка, узрев мои страданья,
Над чашей дымною творила заклинанья.
Три раза солнца диск вставал с востока, ал,
Три дня не ведал ты Цереры и не спал.
Испей, мой милый сын! Взгляни: перед тобою
Мать безутешная склоняется с мольбою,
Та, что в былом тебя качала на руках,
Кому отраден был сыновий первый шаг,
Чей образ ты любил, кому твердил об этом,
50 Чьей песне радостной твой смех бывал ответом,
Когда десну твой зуб прорезал и слеза

От боли детские туманила глаза.
Так поднеси ж к губам, бледнеющим впервые,
Грудь материнскую сосавшим в дни былые,
Питье — и вновь почувствуешь легко,
Как в дни, когда мое глотал ты молоко”.

“О эримантские холмы! Лесные чащи!
О свежий ветерок, листвою шелестящий
И дерзко треплющий, внезапно налетев,
60 Льяные туники летящих в пляске дев!
Красавиц пляшущих цветистые гирлянды!
О сон на берегах веселой Эриманты,
Где нет ни хищников-волков, ни хитрых змей!
О лик божественный! О песни юных дней!
Сплетенные шаги, лугов и волн соцветье...
Воистину, нет мест прекраснее на свете.
О всплески нежных рук, о поступь стройных ног!
Я не увижу вас, навеки одинок!
Несите же меня на берег Эриманты,
70 Где пляшет милая, безумствуют вакханты,
Где дым от очага над кровлей дорогой
Вздывается в лазурь туманною волной.
Она сидит с тобой, и взгляд, прикивший к взгляду,
Счастливейший отец! дарит тебе отраду.
Там, над возвышенной оградой из камней,
Она идет с волной распущенных кудрей.
Склонив недвижно взор, задумчивый и милый,
Над материнскую скорбит она могилой.
О как глубок твой взгляд! Как лик прекрасен твой!
80 Придешь ли над моей могильною плитой
Рыдать и, долу взор потупив темноокий,
Шептать в отчаяньи: — О Парки, вы жестоки! —

“О, не терзай себя, мой сын! Ты бредишь вновь,
И мне ясна твоя безумная любовь.
Возлюбленный мой сын! Да, как ни слабы жены,
Но жгут сердца мужчин и исторгают стоны,
И если юноша проводит дни в слезах —
Любовь признает в том читающий в сердцах.
Но, сын, скажи ты мне, какою девою статной
90 Пленился в пляске ты над синею Эримантой?
Ты молод и красив, и даже злой недуг
Румянца твоего не угасил, мой друг.
Не Эгла ли то, дочь речного властелина?
То не Ирина ли с ее косою длинной?

Иль та красавица, чье имя целый день
 На стогнах следует за мною, словно тень;
 Которой ни одна невеста и супруга
 Не в силах лицезреть без боли и испуга,
 И все красавицы завидуют вокруг?
 100 Не Дафна ль дивная?" — "О боги, этот звук!
 Не повторяй, молю, пленительного слова!
 Как небожители, прекрасная сурова.
 Напрасно многих влек огонь чудесных глаз;
 Как все, услышал бы надменный я отказ.
 Не говори же ей ни слова, заклинаю...
 Но боль моя! Но смерть! О мать моя родная!
 Ты видишь, что в тоске мои проходят дни, —
 Так снисходительно на страсть мою взгляни.
 Отправься к ней! И пусть весь облик твой достойный
 110 Напомнит дочери о матери покойной.
 Возьми с собой плоды, пленяющие взгляд,
 Возьми из стад моих молочных двух козлят,
 Слоновой кости торс — Амура, гордость нашу,
 Возьми коринфскую ониксовую чашу,
 Возьми и жизнь мою, сложи к ногам ее,
 Поведай ей, что я иду в небытие,
 Пади к ногам ее отца, моля, стеная,
 Вселенной, алтарем, богами заклиная,
 И если без нее вернешься ты сюда,
 120 Тогда прощай, о мать, прощай — и навсегда!"

"О нет, ты не умрешь! Твердит мне упованье,
 Что все устроится..." Склонясь к нему в молчаньи,
 Она целует лоб, туманный от тоски,
 Слезами оросив сыновние виски,
 Дрожащая, она выходит в нетерпенье,
 Походкой шаткою от страха и волненья,
 Пробыв в отсутствии недолго, входит вновь
 И издали кричит: "Несу тебе любовь.
 Мой сын, ты будешь жить и станешь всех сильнее!"
 130 С улыбкой на устах старик спешит за нею,
 И дочь-красавица, что следует за ним,
 Глядит на юношу. Безумец, недвижим,
 Трепещет и лицо скрывает в покрывало...
 "Три дня на празднествах тебя я не встречала, —
 Так говорит она. — Ты призываешь ночь?
 Страдаешь ты? Твердят, что я могу помочь!
 Живи! И две семьи сольются воедино:
 Твоей — подарим дочь, моей — подарим сына!"

(6)

НИЩИЙ

Когда весной ручьи еще текли, журча,
 Золотокудрая дочь Лика-богача
 Вблизи Ахейских гор, в пределах Кериней

.....
 .....

Ко берегу Кратиса пришла в густую тень;
 Там между ясеней вилась струя живая,
 Родителя ее владенья омывая.

.....И вдруг насупротив,
 Как призрак мертвенный, сквозь ветви темных ив,
 Весь бледен, полунаг, с небритой бороною,
 10 Скиталец чуть живой явился над водою.
 Два дня, измученный, блуждая за рекой.
 Он помощи не ждал ни божьей, ни людской.
 В нем еле тлела жизнь. Дитя глядит в смятеньи
 На темный лес вокруг, на страшное виденье,
 Внезапно вставшее из сени голубой...

Бежать? Но слышит вдруг рыданье за собой:
 Несчастный падает и руки простирает,
 Он молит и кричит, что жалко умирает,
 Что в муках голода испустит дух, стена.

20 “Во имя всех богов, — спаси, дитя, меня!
 Ах, если только ты, прелестная от века
 Дочь нимфы этих струй, не отпрыск человека,
 Знай — стоны бедняка должны исторгнуть вдруг
 Потоки милости из олимпийских рук.

А если некий царь тебе назначил с детства,
 Как дочери своей, венец и трон в наследство, —
 То помни, юная, что за слезу раба
 Владык порой казнит всеильная судьба.
 О дева чистая, дитя благой богини!

30 Страхись несчастного предать такой судьбине:
 Он вестником богов порою топчет прах...”
 Она осталась, ждет, одолевая страх,

.....и голосом дрожащим
 “Внимают небеса, — промолвила, — молящим, —
 Как только облечет людей ночной покров,
 Иди в наш тихий дом через глубокий ров.
 Я прикажу — тебя пропустят в ограждение.
 В десятый раз мое торжествуя рождение,
 Отец мой, Лик, не спит сегодняшнюю ночь.

- 40 Меня он любит. Я — единственная дочь.
Пади к его ногам. Он добр, хотя и знатен,
И вид невинных слез всегда ему отвратен”.
Сказала, дрогнула и скрылась вдалеке,
Затем что путник тот, в надежде и тоске,
Не может жадных глаз отвести от благосклонной.
Она спешит домой, в чертог многоколонный,
И няньке сгорбленной велит явиться к ней,
Которая ее растила с юных дней.
Вольноотпущенница мать ее вскормила,
- 50 А ныне в строгости рачительной хранила
С супругом-стариком богатый Ликов дом
И надзирала слуг несчетных в доме том.
Вот старая идет. Дитя спешит за нею
И, с нежностью обняв морщинистую шею;
“Ах, няня! Помощь мне нужна теперь твоя,
Чтоб выполнить могла благое дело я.
Послушай, мамушка! Во мраке у потока
Несчастный странник ждет. Нужда его жестока.
Не выдавай меня. Продрог он и промок.
- 60 Хочу я, чтоб отец спасти его помог.
Веди его сюда. Но пусть во всем селеньи
Никто не нанесет страдальцу оскорбленья!”
- “Кто может, дочь моя, не внять мольбе твоей? —
Сказала старая, целуя лобик ей. —
Да будут все ему на пир открыты двери.
Родимая твоя (нет горестней потери!)
Любила облегчать страданья нищеты.
Глазами мне ее напоминаешь ты.
Ее в тебе черты, ее и добродетель...”
- 70 И вот уж сводит ночь, людских пиров свидетель,
Друзей на празднество. Спешит за гостем гость.
Сверкает золото, мерцают ткань и кость,
Холстов Ионии прекрасно колыханье;
Веселые текут везде благоуханья,
Блюдами полными уставлен стол вдали,
И клубы ладана высоко потекли,
И среброрукие светильники лепные
Подъемлют к потолку свои огни живые.
Повсюду статуи, и бронза, и кристалл.
- 80 То тварей, то людей принявший вид металл
На вазах светится и на ларях блистает,

Рокочет музыка, и целый лес сплетает
Растений сорванных душистые листы
На ложах вычурных, как пестрые цветы.
Близ Лика девушка, кумир ночного бденья,
В венке из нежных роз — прелестное виденье.
Чтоб скромностью сдержат веселых чувств игру,
Хозяин избран сам быть старшим на пиру.
Поют. Вино друзей в кружок веселый сводит...
90 Внезапно дверь скрипит, и мрачный призрак входит.
Он видит тот алтарь, что мир сулит врагу.
Она краснеет. Он стремится к очагу
И обнял жертвенник, он пал в святую золу,
И, смолкнув, внемлют все нежданному глаголу.

“О Эвенонов сын, великолепный Лик!
По милости богов ты славен и велик.
Твои богатства, вид достойный и отважный
Приводят нам царей на память облик важный.
И на пиру тебя приветствует народ,
100 Как если бы ты вел с Олимпа славный род.
Возри ж на путника, лежащего во прахе;
Твоя ль рука его не успокоит в страхе?
В твой дом прокрался я. Стыдливость нам чужда,
Раз нами властвует жестокая нужда!
Во имя Зевса, Лик, во имя девы милой,
Которая меня впервые ободрила, —
Поверь, я был богат, и средь моих пиров
С несчастным никогда я не бывал суров.
А ныне мой удел — та нищета, что сушит
110 И скорбный лик людской и их живые души,
Что, незаслуженно, отвергает их в позор,
Палит стыдом лицо и клонит долу взор”.

“Ты, чужеземец, прав. Игра судьбы случайной,
Порой благих и злых равняет жребий тайный.
Будь гостем. Здесь для нас презренней, чем палач,
Народа вечный враг — бесчувственный богач,
Исчадь Гарпии, в ком зверское презренье
Из сердца вытравило к ближним сожаленье.
Свершила благо ты, введя его сюда,
120 О дочь любимая. Так поступай всегда.
Несчастье уважать — наш долг святой и давний.
Бессмертные порой (и сам Зевес всеславный)
В лохмотьях нищенских, скитаясь там и тут,
Сердца жестокие испытывать идут”.

- Сквозь общий шепот всяк словам его внимает.
 Лик неизвестного с любовью обнимает:
 “Привет тебе, отец! Должны твои пути
 Под небо радости и мира привести.
 Восстань, желанный гость! Ты мудр и благороден.
 130 Не прячь от нас лица, будь счастлив и свободен.
 Ах, святость с нищетой — нередко близнецы:
 В изданных рубищах порою мудрецы
 Наедине, в тиши, ведут беседы с богом.
 Укройся потеплей и за моим порогом
 На ложе сладостном, во тьме и тишине,
 До утра ясного покойся в мирном сне.
 Тебя я возвращу к родным твоим пенатам,
 Тому, кого зовешь родителем иль братом.
 Ведь смертный, странствуя, живет одной мечтой —
 140 Увидеть, наконец, отчизны брег святой.
 В тот самый час, как ты в мой дом вошел несмело,
 Когда-то дочь моя впервые свет узрела.
 Так будь благословен! Вот хлеб, а вот вино.
 Садись. Вкуси всего, что здесь припасено.
 И если тайны нет над тем неодолимой,
 Поименуй себя, отцов и край родимый”.
 Он смолк. Несчастный сел. Уже рабы несут
 С водой прозрачною серебряный сосуд
 И плещут из него струю серебристой;
 150 Кедровый ставят стол, где над доскою чистой
 Дымится сок жарких, мерцает кубков ряд
 И амфоры с вином двугорлые стоят.
 “О друг мой, ешь и пей, — промолвил Лик с участием, —
 Забудь страдание. Назавтра за несчастьем
 Приходит радость вслед, — грядет счастливый день”.
 .....
 И снова Лик встает, и по его приказам
 Торопятся рабы наполнить чаши разом.
 “Пью за Юпитера! Не он ли сделал так,
 Что на пиру моем со мной возлег бедняк!”
 160 По кругу шумному пролился ток бесценный.
 Хозяин чашу сам наполнил влагой пенной
 И гостю шлет ее: “Прими привет от нас.
 Поверь — ты родину увидишь в ближний час,
 Хотя бы ледники сурового Кавказа
 Скрывали милый край от ревностного глаза”.
 Бедняк от кравчего приемлет чашу, встав,

И, благодать богов на всех гостей призвав,
Улыбку и слезу мешая в долгом взгляде,
Глядит сквозь черные и спутанные пряди.

- 170 “Гостеприимный друг! Под кровлею твоей
Судьба мне помогла найти конец скорбей.
Так смею ли напрячь живых речей поводья?
Нет близких у меня, похищены угодыя.
Все выслушай: вино, тобою налито,
Отверзло мне уста. Друзья, узнайте то,
О чем пристало бы молчать при первой встрече.
Прости мои мольбы, прости и дерзость речи.
Мгновенным пламенем, ты знаешь сам, всегда
Вино смиряет власть пристойного стыда.
- 180 Измученный путем песчаным и кремнистым,
Доступный червцам и гадинам нечистым,
Томимый голодом, без пищи и питья
По рекам и лесам едва влачился я
Без воли, без надежд, почти жилец могилы;
Но с детства воспитал я мужество и силы;
Позволь мне отдохнуть; пусть в сельской тишине
Работа и покой вернут здоровье мне.
Пошли меня тогда в конюшни и станицы
Для олимпийских игр готовить колесницы
- 190 Иль, сгорбась, в знойный день с рассвета до звезды
Гонять ярмо быков вдоль тучной борозды.
Вращая жернова тяжелые упорно,
Могу я превращать в муку ржаные зерна.
Могу с кривым ножом, лелеять виноград,
Которым будет твой гордиться вертоград.
Могу я, косами и острыми серпами
Пожав хлеба твои, тяжелыми снопами
Свозить их в житницы и полнить закрома,
Чтоб не сказала мне и скарედность сама,
- 200 Взирая на меня жестоко и пристрастно:
— Вот жадный паразит, питаемый напрасно!”
“О бедность честная! Твой сон да будет тих.
Никто не оскорбит тебя в стенах моих,
И праздно отдыхать тебе отныне можно:
Убежище твое спокойно и надежно”.
“Я недоверчив стал”.
“Не бойся ничего!”
“Долг смертного — страдать”.
“Меняет жизнь его!”

“Меняет — к худшему!”

“Мужайся, друг несчастный!

210 Зимой не нанесет Борей грозы ненастной,
Сегодня льется дождь, а там — опять жара,
Смеется нынче тот, кто сетовал вчера...”

“В твоих речах, о друг, звучат любовь и братство,

Но может так судить лишь мудрое богатство.

Кто беден, тот живет обманутый судьбой

И все надежды в гроб уносит за собой.

Тоской измученный, бессонницей, мечтами,

Бесчестьем выкормлен, питаем клеветами,

Жестокими людьми отвергнут злобно, он

В святилища богов несет напрасный стон.

220 Но раз уж отдых здесь стопам моим дозволен,

Раз внемлешь ты мольбе того, кто обездолен,

И, научась любви, у сердца своего,

Щадишь и в жалости достоинство его, —

Да будет образ твой, о Лик мой благородный,

Почтеньем окружен и завистью народной”.

“О странник! Я опять “надейся!” говорю.

Я собственным тебя примером ободрю.

Не вечно взыскан был богатый Лик судьбами,

Не вечно в роскоши, меж верными рабами

230 Вкушал завидный он и сладостный покой.

Узнай, и я бродил с протянутой рукой,

Пока богач Клеот в садах своих огромных

Не увидал моих трудов и знаний скромных.

Во мне и слабые таланты оценя,

— Будь счастлив, — он сказал, — и не забудь меня! —

Я не забыл! Он — мой отец и благодетель,

Прекрасный плод его взрастила добродетель,

Сторицею вернуть клянусь я беднякам

Все, что из рук его в несчастьи принял сам.

240 Ах! Милосердный муж, убогими любимый,

Являет на земле бессмертных облик зримый,

На нем печать богов. Он создан для того,

Чтоб небо видели во образе его.

Клеот тому пример. Да не коснутся грозы

Святой его души, благоуханной розы!

Благодеяния его прекрасных дней

Венцом невянущим да светятся над ней.

Когда ж в кругу друзей, в день горести народной,

Он встретит светлый час кончины благородной,
 250 Да скажут сыновьям его со всех сторон:
 — Пытайтесь вашу жизнь прожить, как прожил он.”—

“О друг страдающих! К чему судьбе жестокой
 Советы милости и благодати высокой?
 Стальной десницею слепой нас гонит рок,
 Живем, но жребий наш по-прежнему жесток.
 Клеот уже погиб: несправедно отчизна
 Его низринула в пучину остракизма;
 Его сограждане вступили в распрю с ним,
 Он предан ближними, он завистью гоним.
 260 Где пестрые ковры далекого Евфрата?
 Где золото пиров, блиставших столь богато?
 Где сладкозвучных флейт и лирников игра,
 Гостей пленявшая с заката до утра?
 Один, в лесной глуши, изведав мрак и холод,
 Плодами терпкими он утоляет голод,
 И, в дома богачей неся свой тяжкий срам,
 Он со слезами хлеб вкушает пополам.
 Беглец страдающий, след прошлого напрасный
 Он хочет вытравить из памяти злосчастной,
 270 В морозы зимние и в летнюю жару,
 В пустынях и в лесах, в ночи и поутру.
 Подобно мне, один, измученный и нищий,
 На посох опершись, без очага, без пищи,
 Покрытый рубищем или лесной травой,
 Не зная радости сочувствия живой, —
 Той, что убогим льстит и сырых ободряет, —
 Меж тем как ураган в лицо ему швыряет
 То темень черную, то молний грозный свет,
 И враны каркают, и воют волки вслед;
 280 Друзей не ведая в глуши лесов огромных,
 Утеху находя в рыданиях неумных,
 В тоске влачится он. И на земную твердь
 Упав для отдыха, зовет напрасно смерть”.

“Что слышу? Божий гром ударом лег тяжелым!
 О боги... О, скорей!.. Конец пирам веселым!
 Скорей! Обязан я следы его найти.
 Скорей! Я без него не ворочусь с пути.
 О небо! В те часы, как буйное веселье
 Вливает в нас свое постыдное похмелье,
 290 Клеот, кому навек обязан счастьем я,

Подходит, может быть, к порогу бытия?
 Но это правда — он? Скажи, — тебя он знает?
 Неблагодарного, меня он проклинает?
 И где он? И куда ведут его пути?
 Зачем сюда, ко мне не вздумал он прийти?
 Ах, говори, скажи! То он был? В дни гонений
 Его ты видел сам?"

“Мне жаль, но нет сомнений.

Я видел. Это — он. ....

.....Страдания в новом свете

300 Его явили мне. Жена его и дети,
 Сверхшая в Дельфах жрица божественный обряд,
 Питались на гроши, что капищу дарят:
 Друзья их вывели дорогою безвестной
 Туда, где Фермопил проход зияет тесный.
 Разлуки этой боль Клеот еще хранил.
 Как ты, я знал его. Ему я другом был.
 Единая судьба десницею железной
 Влачила вместе нас одною черной бездной.
 В тот час он мне вручил (все то, чем я богат)
 310 Вот этот перстень свой, дороже всех наград.
 Узнал ли ты его?"

Возможно ль? Лик в смятеньи
 Своей печати зрит условное плетенье,
 Той самой, что с руки своей когда-то снял
 И — дружества залог — Клеоту отослал.

Он пристально глядит, сличает рост и волос,
 Молчит. Но, наконец, к нему вернулся голос.
 “Как? Это ты, Клеот, мой друг и мой отец?
 Как страшно нас судьба столкнула наконец!
 О стыд! Доверившись обманчивому глазу,
 320 Я смел, хозяин мой, узнать тебя не сразу!
 Входи и всем владей. По-прежнему любя,
 Слуга твой старый, Лик, приветствует тебя!
 Стыжусь я жребий свой равнять твоим судьбинам”.
 И тирский пурпур сняв, застегнутый рубином,
 Почтительно его дрожащая рука
 Старается прикрыть лохмотья старика.
 Со всех сторон бегут. Сердца людей трепещут,
 И гости и семья в восторге сладком плещут.
 Все тянутся к нему. Но старец вдруг встает
 330 И руку девочке-ребенку подает,
 “Ты первая, — сказав, — меня приободрила
 И двери в этот дом радушные открыла!”

(7)

МНАЗИЛ И ХЛОЯ

Х л о я

Луга и гулкий лес, тростник береговой,
Где шепчется зефир с чуть плещущей волной,
Скажите, ваша тень Мназила не скрывает?
Он мирный берег ваш нередко посещает,
И часто слышу я, как голос в глубине
Разбуженных лесов доносится ко мне.

М н а з и л

О речка, мать цветов, прозрачная наяда,
Что нежно ластится к густой ограде сада,
Пошлите Хлою мне, любовь очей моих;
10 Я видел след ее на берегах крутых,
Устами я не раз среди рощиц, тьмой объятых,
Касался трав, цветов, ее стопою смятых.

Х л о я

О, если б видел он, с какою я тоской
Брожу, в мечтах о нем, среди рощицы густой!
Быть может, я должна улыбкой благосклонной
Позвать его к себе, не быть такой смущенной?

М н а з и л

О, если б ей шепнул благожелатель-бог,
Что взор ее огонь в груди моей зажег!
Иль нужно мне ее просить нежней и тише
20 Любить, любимой быть, признание услышать?

Х л о я

Ах! Вижу, это он! Хочу с ним говорить!
Уста мои, глаза! Смелей вам надо быть!

М н а з и л

Вот вздрогнула листва, мелькнуло одеянье.
Наверно, то она. Окликнуть? Нет, молчанье!

Х л о я

Ты здесь, Мназил? Одна за ягодой лесной
Я шла и встретиться не думала с тобой.

М н а з и л

Один на берегу, где липы тень густая,
Присел я отдохнуть, тебя не ожидая.

(8)

ЛИДЭ

От солнца все лицо пылает у меня,
 И белая горит от терниев ступня.
 Блуждая целый день долиной молчаливой,
 Далеких бляений я слышала призывы.
 Стремясь вослед тебе, бежала я на зов,
 Но не тебя, других встречала пастухов.
 Куда сокрылся ты? О, знать моя отрада,
 Где, в стороне какой свое пасешь ты стадо.

- О, милый юноша, робеешь ты со мной.
 10 Смотри, как я бледна, и ты тому виной,
 Младенческий твой лоб, вид скромный и пригожий.
 Лишь в игры детские тебе играть не все же.
 О, милый юноша, твой нежный лик таю
 В душе, бессильная забыть красу твою.
 Прелестное дитя, в твоих чертах — услада,
 Застенчивость мила девического взгляда.
 Грудь белая твоя, сокрытая, увы,
 Не знает, что порой вздыхают от любви.
 Приди же, я твое спокойствие нарушу,
 20 Доверь мне нежную и девственную душу.
 Не столь несмелая, я научу тебя
 Томиться и вздыхать, тоскуя и любя.
 Пусть эти детские, румяные ланиты
 От уст моих горят, лобзаннями покрыты.
 О, если бы сюда пришел ты отдохнуть
 И тихо голову склонил ко мне на грудь.
 На спящего тебя я б с трепетом глядела
 И, разбудить боясь, дышать почти не смела.
 Лыняным полотнищем я стала б отгонять
 30 От милого лица назойливую рать
 И пчел завистливах, и мошек легкокрылых...

(9)

АРКАС И ПАЛЕМОН

П а л е м о н

Ты Дамалидою пленен светлоголовой,
 К Венерину ярму покамест неготовой.
 Она еще дитя, и твой напрасен труд,
 Невинные глаза намеков не поймут.

На пастбище твоя беспечная телица
Лишь в тень вербен густых на берегу стремится.
И, на супружеский не отвечая зов,
Резвится до зари средь молодых бычков.
Незрелого плода довременная проба
И кислого вина твое прельщает нёбо,
Но жди, пора придет, и облетят цветы,
И мед плодов земных тогда-то вкусишь ты.
Тогда она сама, от томной страсти млея,
Склонит к тебе главу, лобзаний вождедея.
Но оперения птенец еще лишен,
И туго свернутый не процветал бутон.
Над колосом венец еще не золотится,
И соком пурпурным не брызжет шелковица.
Смотри, поторопясь, не потеряй всего.

А р к а с

- 20 Кто счастье упустил, тот не вернет его.
Преобразился сад от летнего убора,
И обещания свои сдержала Флора.
Налитый соком плод недаром манит взгляд:
Едва созрелый, он приятно терпковат.
Голубка юная недавно оперилась,
И в почках нежная листва уже пробилась.
Бутонов розовых и Дамалиды вслед
Сквозь стенки плотные темниц проглянул цвет.
Не обошлось без слез, испуга и смущенья,
30 Но матери слова ей были в утешенье.
Доволен Гименей: уж грудь ее кругла,
И руку страстную заполнить бы могла.
Пришла пора: пушок прелестно-шелковистый
И девственный покрыл айвовый плод душистый.
Достигший спелости, полураскрыт гранат,
Рубины новые во тьме его горят.

〈10〉

ВАКХ

О Вакх божественный, о юный Тионей,
Приди, о, Дионис, Эван, Иакх, Леней,
Явись, каким ты был, когда твой глас отраднѣй
На острове печаль умерил Ариадны.
На колеснице ты предстал: была она

Из бивней дорогих огромного слона,
 И полосатый тигр, могучей статью страшен,
 Небрежно листьями и гроздьями украшен,
 Пантера дикая и в темных пятнах рысь
 10 В единой упряжи вдоль берега неслись.
 Луч солнечный играл на золотых колесах,
 Бежала вслед толпа менад простоволосых,
 И восклицали все: о, Вакх, о, Тионей,
 О Эвий, Дионис, Иакх, Эван, Леней! —
 Ведь Греция имен тебе дала немало —
 И эхо горное те клики повторяло,
 Тимпанов гулких гром, двойных трещоток стук,
 Кимвалов медных звон, фригийской флейты звук,
 Веселой, пляшущей ты окружен был свитой.
 20 Фавн, молодой сильван, сатир, плющом увитый
 Толпились шумно вокруг Силена-старика.
 Тот, на осле едва держась, издалика
 Тащился с чашею, всегда хмельной и сонный,
 Покинув Индии сияющие склоны.

⟨11⟩

ЭВФРОЗИНА

Ах, нет, понравиться никто мне не стремится.
 Как жаль, что родилась я позже, чем сестрица.
 Красавцы-пастухи нас встретить норовят
 И дарят мне цветок, но на сестру глядят.
 Заметит кто-нибудь порой, как я пригожа,
 Но тут же скажет ей: “Как на тебя похожа!”
 Ах, почему всего двенадцать весен мне?
 Не для меня поет влюбленный в тишине,
 Никто не требует моей любви всечасно,
 10 Но скоро день придет. Я знаю, я прекрасна.
 Я знаю: властной я красой одарена:
 Округлое лицо, златых волос копна,
 Как небо, взоры, блеск улыбки белозубой,
 Ресницы черные и розовые губы.

〈12〉

ГИЛАС

Шевалье де Панжу

Корабль, достойный сын сосновых роц Пенея,
Арго, что Грецию в Колхиду нес скорее,
Среди эвксинских вод не смея встретить норд,
Замедлил свой разбег, вошел в спокойный порт,
Героям мило все на берегу пустынном.
Они покинули корабль. Гилас с кувшином
Для мирной трапезы среди травы густой
Пошел неведомой тропинкой за водой.
На берегу ручья, в тени лесной прохлады
10 Три издали его увидели наяды.
Пленил их юноша и взора синевою
И свежестью чела... Еще живей волной
Запел пред ним ручей. Влекут его вниманье
И ветер и ручья прохладное плесканье,
Он приближается; цветы и здесь и там.
Пестрея среди травы, склоняются к перстам.
Уж он при виде их забыл про порученье,
Бродя по берегу, рвет нежное цветенье,
Плетет себе венки. Ручей его зовет,
20 И над скольжением его спокойных вод
Склоняется Гилас, за куст держась рукою,
Пока звенит кувшин под тяжкою струею.
Три нимфы в тот же миг из заросли густой
Плывут к нему, влекут Гиласа за собой
На ложе из травы и камышей упругих,
Уж он на их груди, в их нежном тесном круге;
Восторгом их уста охвачены живым,
Лесть расточать они готовы перед ним,
И щеки юноши уж их рука ласкает,
30 Которые пушок нежнейший покрывает,
И поцелуем нимф осушена слеза,
Что страхом вызвана на юные глаза.

“Когда, — подумал он, — я видел нимф явление,
Я думал, что они — мое же отраженье,
Которое несет струящийся поток
И, раздробив волной, колышет здесь, у ног“.

- Встревоженный Алкид, предчувствий мрачных полный,
 Гиласа шел искать туда, где плещут волны.
 “Гилас! Гилас!” — он звал на тысячу ладов,
 40 И юноша, вдали почуяв этот зов,
 Из тростников густых, чтоб не стонал несчастный
 Слал другу свой ответ — неслышный и напрасный.
- К тебе, де Панж, едва восставший ото сна,
 Спешит идиллия, что свежести полна.
 “Дочь новая моя, ступай к нему скорее, —
 Я ей наказывал, — чтоб быть еще милее,
 Зажги улыбкой взор, умой лицо росой
 И, тонким поясом стянув свой стан живой,
 Предстань пред ним в цветах, с венком на кудрях
 нежных
 50 И с флейтою в руке, — той флейтою прилежной,
 Чей звук когда-нибудь свирель напомнит нам,
 Сзывающую нимф по долам и лесам”.

⟨13⟩

НЕЭРА

- .....
 Как лебедь царственный, вздохнув последний раз
 Пред смертью тягостной и одинокий глас
 Подав, томительный, теряющий звучанье,
 Песнь, уходя, поет и миру шлет прощанье, —
 Так бледных уст она раскрыла лепестки,
 Во взоре не тая истомы и тоски:
 “О, девы ясных вод! В блужданиях уныло
 Обрежьте волосы над раннею могилой!
 Прощай, о, Клиниас, навек скрываюсь я,
 10 Любившая тебя, любимая твоя!
 О, волны, небеса, холмы и луговины,
 Дубравы шумные, и гроты, и стремнины!
 Вы в памяти его рождайте вновь и вновь
 Неэрину красу, Неэрину любовь!
 Неэрою своей, увы, он звал Неэру;
 Беглянка некогда, затепля в сердце веру,
 Пустилась вслед за ним, одну оставив мать,
 Не смея робких глаз перед людьми поднять.
 О, братья ль возгорят бессмертные Елены,

- 20 Вал ионический смиря белопенный;
В садах ли Пестума, твой награждая труд,
Бутоны роз в году два раза расцветут, —
Коль на закате дня душой ты умилишься,
В немое, томное мечтанье погрузишься,
Тогда, о, Клиниас, на зов чуть слышный твой
Приду я, Клиниас, явлюсь перед тобой.
Блуждая близ тебя, душа моя листвою
Качнет, прохладою, туманной пеленою
Легко опустится или над лоном вод,
- 30 Поднявшись маревом, на высоте блеснет,
И нежный голос мой, стенанье умеряя,
Вдруг слуха твоего коснется, замирая.

ФРАГМЕНТЫ

(1)

Облагорожен был, о Эта, склон твой шумный,
Когда неверный муж супруги неразумной,
Как знак ее любви, ревнивый дар приял,
Который злой кентавр отравой пропитал.
Он разломал твой лес, он на вершине темной,
Нагромождая сушь, сложил костер огромный
Из сосен, вырванных своею же рукой,
Поджег его, в огне, на шкуре золотой
Убитого им льва, встал, в небо взор вперяя,
10 На палицу свой торс могучий опирая,
И мига ждал, когда он станет богом сам.
А ветер выл, рычал. Бегущий к небесам,
Огонь ревел вокруг и, скрыв его из вида,
К Олимпу возносил бессмертный дух Алкида.

(2)

Она цвела красой, мне же было лет так мало;
Она меня не раз с улыбкой призывала
И на руки брала. Ее груди, лица
Рукой невинной я касался без конца.
Порой она меня и ласково, и мило
Как будто наказать за шалости спешила.
Когда влюбленные в смущенье перед ней
Толпились, гордая была еще нежней:
О, сколько раз (но что мы в детстве ощущаем?)
10 Я поцелуями был щедро награждаем!
Дивились пастухи и говорили так:
“Не может оценить младенец столько благ!”

(3)

И в прошлом вижу я душою умиленной,
Как, приложив свирель к моим устам, склоненный,
Меня с улыбкою он на колени брал

И победителем уже именовал.
Он управлял моим неопытным дыханьем,
И звуки полнились живым очарованьем.
И мог подолгу он со мною повторять,
Как робкие персты умело расставлять,
Чтоб, слабые, они искусством овладели
10 Отверстья зажимать отзывчивой свирели.

⟨4⟩

(ПОДРАЖАНИЕ ПЛАТОНУ)

Там возлежал Амур, и цвет его ланит,
Казалось, яблоко румяное затмит.
Едва под сень листвы вошел я, как на ветке
Висящие колчан и лук увидел меткий.
Средь благовонных роз, на мягких лепестках
Он мирно спал, и чуть улыбка на устах
Приоткрывала их, и пчелы роем новым
Слетались мед собирать к его губам пунцовым.

⟨5⟩

Желаю славную награду получить
И Эрихтония искусство изучить.
Сей получеловек и полузмея, проворно
Свиваясь кольцами, легко скользил по дерну.
Когда-то первый он смог в колесницу впрячь
Горячих скакунов и их направить вскачь.
И, поднимая пыль и покоряя дали,
Квадриги с грохотом вдоль берегов летали.
На буйных игрищах бестрепетный лапиф
10 Стал укрощать коней, верхом на них вскочив,
По кругу долго гнать и, истомив ездой,
Принудил гордецов смириться пред уздой.
И пена жесткие смочила удила,
Чтоб поступь звонкая размеренной была.

⟨6⟩

Когда в полдневный зной заманчив темный грот,
Под влажный, сумрачный вхожу неслышно свод,
Где путь извилистый наяда пролагает,

По дну прозрачному, меж кресса пробегает.
Там долго я смотрю, как на траве густой,
Нагая, белая, под говор волн глухой
Спит нимфа, преклонив движением беспечным
Чело, увенчанное тростником приречным.

⟨7⟩

На Иде стонешь ты, бледна, простоволоса,
О, злополучная жена царя Миноса!
Среди благих трудов, о, если б никогда
Церера под ярмо не привела стада!
Стремишься ты узнать, ступая тайно рядом,
Пасется мирно бык под чьим недобрым взглядом,
На ложе из цветов беспечно где возлег
И белизну его омыл какой поток.
О, нимфы, станьте вокруг, замкните нимфы Крита
10 Долину цепью рук, от глаз да будет скрыта!
О, девы, пусть она не сможет как-нибудь
Найти его следы, к нему направить путь.
Безумная! чрез лес, волчцы, не чужа боли,
Она летит. Но вот, о ярость, среди поля
Телица, красотой любимому под стать,
Его мычанием дерзает призывать.
Коварной умереть ничто не помешает!
Она ее сама гирляндой украшает,
И, к алтарю влача, берет широкий нож.
20 “Такой желанному ты больше подойдешь!” —
Смеясь, воскликнула. Глядит, как пламя плещет,
Как сердце бедное соперницы трепещет.

⟨8⟩

(ПОДРАЖАНИЕ ТОМСОНУ)

Ах, земледелец, будь щедрей, делись благами.
Смотри, как нищета нетвердыми шагами
Приходит собирать, смущенье затаив,
Остатки жалкие с твоих богатых нив.
Вспомни: общая ведь мать нам Кибела.
И тех, кто лишены счастливого удела,
Как птиц слетевшихся, помедли прогонять.
Дай зерна им, в пыли забытые, поднять.

<9>

(ИЗ ЕВРИПИДА)

В крови своих детей, жестоко мстя за муки,
Бесчувственная мать свои омыла руки.
Любовь, одна любовь к злодейству привела!
Чудовищной — любовь, преступной — мать была.
О, мать, о, любовь, на ком вина навечно?
Преступной мать была, любовь — бесчеловечной.
Когда б во Фракии Ясоновым пловцам
Не дал пройти Боспор к эвксинским берегам,
Когда б их замыслу противилась Афина,
10 И Пелион, а с ним Амфризская долина
Не видели, как дуб, сосну топор рубил,
По слову Тифия как на воду сходил
Корабль, до Фасиса достигший невозбранно
И золотую шерсть похитивший барана,
Того, что беглецам Нефела встарь дала,
Но Гелла на спине его не доплыла!

<10>

Из глины тридцать чаш, дочь пастуха седого,
Наполнить вечером ты молоком готова,
Но красно-бурой все ж телицы берегись,
Что любит, хмурая, особняком пастись.
Неволи невзлюбя, прочь рвется бунтовщица.
К тугому вымени тебе не подступиться,
Доколе с ловкостью ремнем из мягких кож
Одну из ног ее, связав, не подогнешь.

<11>

(ИЗ МОСХА)

За плугом пахарем невиданным идет
Амур, стрекало взяв, и борозду ведет.
Впряженные быки влачат послушно бремя,
А он, пригоршнями разбрасывая семя,
Властителю небес кричит, ввысь обратясь:
“Расти мне урожай! Не то я, осердясь,
Вновь под ярмом тебя Европы успокою,
Склониться повелев мычащей головою”.

〈12〉

ЭПИЛОГ

Я музу сельскую пред Францией моей
 Осмелился ввести в леса, в цветы полей,
 Чтоб девам городов явить она сумела
 Невинность сельских нег, покой их — без предела,
 И в климат севера из солнечных краев
 На Сену привела аркадских пастухов.
 Ей видеть довелось, со мной бродя на воле,
 Места, воспетые поэтами буколик:
 В Аркадии она блуждала по лесам,
 10 Мечтала в Мантуе, где встарь Вергилий сам
 Внимал, как говорит с ней темный бор ветвями,
 Пред нею Гермус тек серебристыми струями,
 На чьих берегах Бион Венеры пел мечты
 И кровь Адониса преображал в цветы.
 В холмах Сицилии, где плещет Аретуза,
 И Мосх и Феокрит искали с ней союза,
 На светлом озере, синеющем средь гор,
 К долинам Цюриха она стремилась взор,
 Дриадам Гесснера задумчиво внимая
 20 И в сумраке пещер их песни повторяя.
 Она из всех ручьев пила в полдневный зной,
 Срезая камыши прилежною рукой,
 И от былых корней ее питалось пенье,
 Божественных певцов внимая вдохновенью,
 Чьи струны слушая, ручей забыл струю,
 Стада — ковер из трав, пастух — любовь свою.
 Из легких тростников, скрепленных неумело,
 Свирель, как пастухи, сложить она посмела
 И, трогая перстом в тростинке голоса,
 30 Помону, Пана петь, потоки и леса,
 И деву нежную, и свод пещеры строгий,
 И возраста любви столь пылки тревоги.

ЭЛЕГИИ

ЭЛЕГИЯ ПЕРВАЯ

- О Апель, юных тайн наперсник благосклонный,
Взгляни, нас май зовет к стезе уединенной.
Приди! В тени дубрав мой жар благослови.
Весна велит любить, и вновь я полн любви.
Пока придавлен мир зимы державой холодной,
Не в дружбе Аквилон и лиры звон отрадный,
И муза грубым льдам свой не вверяет шаг.
В смятении трепетном, покинув снег и мрак,
Она близ очага, в тиши уединенья,
10 Безмолвная, грустит и внемлет вихря пенью.
Но в дни, когда под плеск и смех оживших вод
Приводит Прокна вспять пернатый свой народ
И светятся поля в убранстве подвенечном, —
Забавам предана, в веселии беспечном
Она резвится вновь. В ней ожил песни зов.
И словно в ясный день кузнечик, друг кустов,
То здесь, то там в ветвях недолгий миг помедлив,
Росою вскормленный, играет, непоседлив,
И, песней звонкою вещая близкий зной,
20 С напевом поселян сливает голос свой; —
Стопою жадною блуждая в вешней чаше,
Пою я нимф, зефир и лес, под сень манящий,
И юные цветы, и красок полноту,
И, сладостней цветов, любовь мою в цвету!

ЭЛЕГИЯ II

Подражание идиллии Биона

Пленительный Пафос и Книд, отрада глаз, —
Я, новоявленный пастух, вдали от вас
Под Сиракузами бродил, ведомый музой,
Беседуя в стихах с певучей Аретузой.
Вдруг с облачных небес явились предо мной

Венера и Амур. Смеясь в тиши лесной,
 Она сказала мне: “Тебе на попеченье
 Я сына привела, бери его в ученье;
 Колчан со стрелами не взял он, чтобы ты
 10 Свободно дал ему уроки чистоты
 И сельской мудрости”. Она исчезла. Я же,
 Плутовке внял, забыв, что должно быть на страже,
 И, подозревая дитя, поведал, как живем
 Здесь, у пенейских вод, в спокойствии своем,
 Среди тенистых рощ, где Вакх нас поджидает,
 А близ Менала бог нас флейтой услаждает...
 Но он, наставника лукаво перебив,
 Сам стал меня учить — и я узнал мотив
 Любовных песен, пыл и сладость ласк несметных:
 20 Олимп и тот подпал под власть красавиц смертных,
 Не избежал сетей Венеры сам Плутон —
 Ведь счастлив, кто любим, и счастлив, кто влюблен!
 Напевам сладостным душа моя внимала,
 И я не устоял — и все мне было мало!
 Заветы тщетные изгнал рассудок мой —
 Науки пылкие сменили их с лихвой.
 Победу одержал мой ученик всесильный,
 Он на мои уста пролил нектар обильный,
 Я с жадностью вкусил отрадный этот мед,
 30 И вот — одну любовь отныне сердце пьет.

ЭЛЕГИЯ III

О, строки, вас рука любимой начертала!
 О, имя милое! Тревог моих не стало.
 Конечно, новых встреч в далекой стороне
 Страхился я... Но там ты помнишь обо мне,
 И письма все мои, и образ носишь всюду.
 Не правда ль, я с тобой в долинах тех пребуду,
 Где Арва бурная могучих рейнских вод
 Беспримесный кристалл мутить не устает?

Ты, милая, в письме надеешься, что скоро,
 10 Здесь, где шумит Сенар и манит сумрак бора,
 Услышишь о тебе одной стихи мои,
 Томленья полные, надежды и любви.
 Ах, счастлив тот, кому душевное волнение
 Не возбраняет петь, кто рад в уединенье
 Вблизи пермесских струй свою тоску избыть

И грусть сердечную за песнями забыть.
Но Музы нет со мной, где нет тебя, Камилла.
Сень геликонских рощ меня не приютила,
И лирных струн давно не трогали персты:
20 Хор Аполлона смолк от странной немоты.
Потоки теплого, сияющего света,
Которым мирные окрестности согреты,
Души не радуют, и эти берега
Вотще роскошные являют мне блага.
В густую тень листвы не увлекут мечтанья,
И поселилось здесь унылое молчанье.
Ты этих мест была отрадой, и она
На колеснице прочь с тобой унесена.
Блужданьям предаюсь я в думах о Камилле
30 И в гротах, где приют мы прежде находили,
Зову тебя, иду в пустынный тот покой,
Богато убранный, где ты была со мной,
Где арфа, брошена тобою, замолчала,
Но гулкий свод хранит ту песню, что звучала,
Где все мне памятно, где слезы с неких пор
Привычной пеленой мне застилают взор.
Но грустно слезы лить с красавицей в разлуке.
У ног возлюбленной лишь сладостны нам муки,
Когда, растрогана, она жалеет вас:
40 Печали облако прогонит с ваших глаз,
Слегка вас укорит, в любви вам поклянется,
Целуя вас, сама сквозь слезы улыбнется.

Что ж, все ль до одного к тебе стремятся там?
И многим ли свою диктуешь власть сердцам?
Утехи, блеск тебя, должно быть, окружают,
И каждый шаг твои победы умножает?
Когда б тебя развлечь — ах, как я был бы рад! —
Не мог и шумный бал, и, отчужденный взгляд
Заметив твой, смеясь, подруга прошептала,
50 Что, верно, лишь в мечтах ты не грустишь нимало.
Ах, лучше б ты всегда была невесела
И даже красотой своею небрегла,
Чем к поклонению стремилась и успехам,
Забавы новые встречала звонким смехом,
Или с улыбкою под сению древес
Впивала сладкий звук восторженных словес,
Как легкомысленные поступают девы.
Не верь, что небеса на них глядят без гнева.
И отчего не стал я спутником твоим,

- 60 Надев чужой наряд, незнаем и незрим?
 Быть ревностным рабом я мог бы, как и прежде,
 Служить тебе везде в его простой одежде.
 Другие там тебе стремятся угодить,
 И все желания твои предупредить!
 И нет меня, когда, ступая по дороге,
 От терний и камней твои страдают ноги.
 И не могу тебя я над землей поднять
 И ношу дивную с любовью обнять.
 Да можно ли, скажи, любить и добровольно
- 70 Покинуть милого? Ужель тебе не больно?
 Ты прежде умереть скорей бы предпочла,
 Но так легко меня оставить не могла.
- А после ты меня так мило вопрошаешь,
 Чего, мол, хочешь ты и что повелеваешь?
 Чего бы я хотел? Чтоб ты стремилась прочь
 Из мест тех, обо мне тоскуя день и ночь,
 Ведь я и день, и ночь, увы! томлюсь жестоко.
 В кругу поклонников останься одинокой,
 Пусть образ мой тебе является во сне,
- 80 Со мною будь всегда. Ах, помни обо мне!

ЭЛЕГИЯ IV

- Ах, я их узнаю, и на сердце светлее.
 О, звуки, голоса, которых нет милее!
 О Музы, это вы, вас, первую любовь,
 Меня с рождения любивших, вижу вновь.
 Над колыбелию моей они кружили,
 В грот отнесли меня, где родился Вергилий,
 Где слышал шелест я и трепеты листов,
 Где, Музами храним, я спал среди цветов.
 В беспмятстве любви, о, я не прав бываю!
- 10 И часто их гоню, бегу, и забываю;
 Но только в сердце вновь поселится тоска,
 Уж, чистые, они идут издалека.
 Я в одиночестве страдал без Ликориды
 От неизвестности, от горя и обиды,
 Предел воображал всех горестей моих,
 Ах, видел я ее в объятиях чужих.
 Но вот они идут! Их голоса и станы,
 Их пенье сладкое мои врачуют раны.
 И забываюсь я, рассеянной душой
- 20 Лечу за ними вслед и нахожу покой.

Пространство покорив, о, Музы, с вами, с вами
Блуждаю весело сабинскими полями,
Влекут меня, Фалерн, холмы, сады твои
Или Бандузии лазурные струи.
Порой вдоль Анио иду я по теченью,
Любуюсь Тиволи задумчивою тенью,
И песням Ваховым в пещерной глубине
Сатиры с нимфами внимают в тишине.
Своим избранныкам вы дарите свободу,
30 Мечты летучие, весь мир и всю природу;
Близ вас душа моя, на крыльях воспаря,
Летит через века, и страны, и моря,
Живет в иных телах, блуждает, всюду реет,
Где хочет, селится, ведь всем она владеет.

Так, шумная пчела, едва лишь рассветет,
Нектар с лугов, полей я превращаю в мед.
То розой на груди трепещущей покоюсь,
То птичкой крохотной, под чуждым небом кроюсь,
Питаюсь мягкой цветочною пылью.
40 Не больше бабочки, а яркости какой!
Флорида пышная и Ориноко бурный
Любуются, дивясь, на мой наряд пурпурный,
Расшитый золотом, невиданный наряд:
Рубины, чудится, на высоте горят.
Порою у реки блещу я опереньем,
И Леда на меня взирает с восхищеньем.
Порою, сам поток, в объятиях тугих
Сжимаю нежно я красавиц молодых,
Их влажные тела повсюду облекаю,
50 Вздымаю на волнах, киплю и воздыхаю.
Но чаще, милая, неузнанный Протей,
С тебя, с одной тебя я не свожу очей.
Везде, зефир иль сильф, невидимый, проворный,
Я близ тебя. Когда с улыбкою покорной
Другому руку ты коварно подаешь,
Умерить не могу внезапную я дрожь,
И, занавес качнув иль скрипнув тайной дверцей,
Смятение и страх в твое вселяю сердце,
Глухой укор бужу в сердечной глубине,
60 Воспоминание о клятвах, данных мне.

Но да не будет страх один любви опорой!
Покину лучше я подругу, для которой
Мне верной быть — терпеть мучительную казнь:
Ведь ею властвует единая боязнь.

ЭЛЕГИЯ V

Куда же ты бежишь, красавица младая?
 Молчишь; потупилась, себя не понимая.
 Пусть разноцветный шелк для вышивки готов —
 Умелая игла не оживит цветов.
 Как роза ранняя, уста твои увяли.
 Мечтаешь, запершись; вздыхаешь. Но едва ли
 Сумеешь обмануть мой искушенный взгляд:
 Любовь не утаить. Красавицы манят
 Любовью своей, и любят, и такими
 10 Мы сами любим их. И мы любимы ими.
 Будь беззащитною — и я тобой пленен.
 Будь верною в любви. Однако кто же он,
 Тот славный юноша, голубоглазый, статный,
 Темноволосый, и любезный, и приятный?..
 Краснеешь? Погоди, и впрямь, он мне знаком,
 Но я молчу, молчу... Там, под твоим окном,
 Он бродит взад-вперед. И, отложив иголку,
 Бежишь, следя за ним украдкой, втихомолку,
 Ан глядь — уже исчез. И тщетно по следам
 20 За ним твой быстрый взгляд блуждает тут и там.
 Никто у нас в краю на праздниках весенних,
 Среди окрестных рощ, стремглав спеша под сень их
 На резвом скакуне, никто не может так
 Обудывать коня, как юный сей смельчак.

ЭЛЕГИЯ VI

Друзья, на берегах вы остаетесь Сены,
 Где города растут и хорошеют стены,
 И отражаются в поверхности воды,
 И где сменяются забавы и труды.
 Надежда на покой и счастье, быть может,
 Здоровье, что меня по-прежнему тревожит —
 Дар, без которого другие не нужны —
 И жажда смены мест, скитаний, новизны,
 Все к странствиям меня влечет и побуждает.
 10 Лишь посреди забот, что путь сопровождают,
 Найду спокойствие, и для любовных стрел
 Неуязвимым стать поможет сотня дел.
 Хоть еду не один, но с верными друзьями,
 Мне грустно, милые, что вас не будет с нами.
 Поверите ль? но я хотел бы в тот же час
 За ними следовать, остаться возле вас.

Два брата — с их душой моя душа сроднилась
И после стольких лет ничуть не изменилась,
Ведь дружба исток — в младенческой дали, —
20 Мои вожатаи. Они меня вели
Повсюду и всегда, и тяготы, печали
Участьем дружеским всегда мне облегчали.
Когда надвинутся на север холода
И солнце слабый луч пошлет вам, мы тогда
На берегах иных, спеша вослед за Фебом,
Найдем тепло и свет под благодатным небом.
Предстанут нам места, что славны с давних пор
И в памяти живут, и привлекают взор:
Марсель, куда товар с Востока притекает,
30 Венеция, что власть над морем простирает,
Тибр царственный и Рим, что прежде грозен был,
А ныне красотой все города затмил,
Афины — праха слой, родная Византия
И Смирны берега, Гомеру не чужие.
Поверьте, что везде вас будет помнить друг:
Мне сердце — лучшая тому из всех порук.

Но будущего мрак для нас непроницаем.
Что следующий миг несет нам, мы не знаем.
И дуновения живительного ток,
40 Нас согревающий, опережая срок,
Вдали привычных мест теряет часто силу,
И чуждые края готовят нам могилу.
Быть может, в странствиях судьбою не храним,
Я повстречаю смерть, спешившую к другим.
Тогда мои друзья, почтив мой прах слезами
И счастливо пройдя возвратными стезями,
Об участи моей, вновь волю дав слезам,
О наших радостях, мечтах расскажут вам.

Что б ни было со мной, о друге не забудьте,
50 Живите долгий век и беспечальны будьте!
Коль буду жив, свершит два раза Феб обход
Двенадцати палат, что составляют год,
Тяжелые снопы наполнят дважды ригу,
И мы свидания порадуемся мигу.
На долгий срок такой не отлучались мы!
В забавах городских дни проводя зимы,
Едва лишь повернет к весне и станут ночи
Однообразные теплее и короче,

Мы, словно стая птиц, летели на простор,
60 Где виноградники покрыли косогор,
Шумят селения и плещутся наяды,
Когда же низойдут угрюмые Плеяды,
Столичных радостей вновь привлекал нас круг,
И часто, ветреных порастеряв подруг,
Сходились вместе мы, и в дружеском общенье
О славе спорили, любви и вдохновенье.
Покоем скованы, возобновляя бег,
Подобьем были мы вольнолюбивых рек:
Они летят стремглав, клокочат и петляют,
70 В долинах солнечных теченье замедляют;
Когда ж со снеговых вершин зима сойдет,
На воды светлые наденет панцирь лед,
Напрасен волн напор, они не сбросят груза,
Но вскоре солнца луч их разрешает узы:
Едва растоплен лед дыханием весны,
Как волны вновь бегут, шумливы и вольны.

ЭЛЕГИЯ VII

Сейчас, когда я смерть так близко различаю,
Я вам, друзья мои, мой прах препоручаю.
Я вовсе не хочу, закутанный в покров,
Под заунывное гудение псалмов
И колокола звон, тягучий, погребальный,
В сопровождении процессии печальной,
Быть похороненным внутри священных стен,
Где ждут меня всего забвение и тлен.
Не страшно ль думать нам пред скорбным расставаньем,
10 Что жить мы в памяти любимых перестанем?
Надежда, что друзья оплачут нас не раз,
Нам может усладить и самый смерти час.
Вы сами для моей отыщете могилы
Травой поросший брег, уединенный, милый,
Где облака видны в приветной вышине,
Цветы и тень, и все, что было любо мне.
Вблизи прозрачных вод, под сению прохладной
Деревьев почивать мне было бы отрадно:
20 Тогда — сомненья прочь — останусь с вами я,
И путник, забредя, быть может, в те края,
На камне, вашею положенном рукою,
Прочтет, кто здесь лежит над тихою рекою,

Узнает, что недуг страдальца погубил,
Что он недолго жил, надеялся, любил.
Ах, кровь чужая рук моих не обагрила,
И слово ложное уста не осквернило,
Остались чуждыми пустые клятвы мне,
А тайны — скрытыми в сердечной глубине.
Не тяготят души преступные деянья,
30 Укоры совести и поздние страданья,
И вашу чистую я заслужил печаль.
О знаю, милые, не раз вам будет жаль,
Что полдень золотой не увенчал рассвета
И облетел мой цвет до наступленья лета,
И завязь нежная не принесла плода.
Ах, в памяти друзей я буду жив всегда!
Среди пиров, — моя их оживляла младость, —
Когда не молкнет шум и торжествует радость,
Воспоминанием настигнутые вдруг,
40 Вы скажете: “Увы, зачем не с нами друг?”
Жизнь множество услад сулила мне, играя,
Я мало их вкусил и вот я умираю.
Еще до вечера мой ясный день погас.
Чуть роза расцвела, уж близок смерти час.
Но сколь бы сладостно покоиться мне было,
Когда бы изредка, влекомы тайной силой,
Вы собирались там, где прах почует мой,
И словно видели меня перед собой,
Когда б любовь мою воспели и печали
50 И детям обо мне однажды рассказали,
И, может быть, меня не знавшие они
Взгрустнули б: ведь мои уже промчались дни.
Пусть все, чем не успел я в жизни насладиться,
Наполнит вашу жизнь, что будет долго длиться,
И не коснется недр сжигающий недуг,
Да не узнаете моих привычных мук;
Сердечной радости пусть не мрачат угрозы,
Чужие горести лишь исторгают слезы,
И словно до небес вас счастье вознесет,
60 Пусть будут услаждать амброзия и мед
Все дни, согретые взаимною любовью,
А в час, как смерть придет, склонится к изголовью
Подруга верная, вас обожжет слеза,
И милая сама закроет вам глаза.

ЭЛЕГИЯ VIII

Зачем меня корить томлением моим
И сердце побуждать к желаниям пустым?
Что хочешь ты, Абель? Мне мир и нега милы.
Лишить меня любви, лишить моей Камиллы,
Беспечной праздности, в тени, у лона вод,
Где греза чистая над берегом плывет?
Зачем ты бередишь, усилия утроив,
Воспоминания? Прославленных героев
Зачем выводил ты опять передо мной?
10 Нет, эти замыслы смущают мой покой.
Пускай, пока Ахилл, обидами овевя,
Сидит в своем шатре, сгорает флот ахейя,
И пусть Колумбу вслед обманчивый магнит
За дальний горизонт на запад нас манит.
В былые времена, когда пермесской сени
Я шороху внимал, и каждый день весенний
Кипучей юности моей наполнен был
Всем, что надежда нам дарит, мечта и пыл,
Тогда, тщеславный и воинственный, бывало,
20 На лире я бряцал — и та к бойцам зывала;
Я прорицал судьбу, отпущенную нам
И землю покидал, и воспарял к богам.
Но жгучая Любовь мне крылья опалила.
В тиши Идалия мне так покойно было!
Там, в полумраке роц, где до утра звучат
Напевы дивные, среди любимых чад
Венера назвала меня своим поэтом.
Когда, потворствуя твоим, мой друг, советам,
Порою я сдаюсь и в общий хор людской,
30 Поющий подвиги, вливаю голос мой,
Он в звуках выпренных теряется, не в силах
Соперников своих осилить быстрокрылых,
И устает рука в истерзанных стихах
Мучительный напев нащупывать впотьмах.
Когда же, дань отдав погоням безнадежным,
Вернусь я к пустякам, как ты твердишь, ничтожным,
И начинаю петь любовь мою, взгляни:
Что рифмы нам искать? Ты слышишь — вот они!
Сама любовь — стихи! Они толпой теснятся,
40 Они в волнах ручья трепещут и искрятся,
Они берут у птиц певучесть их рулад,

- И нежные цветы их в лепестках таят.
Как персик бархатный, моей любимой кожа,
А роза поутру с ее губами схожа,
И как бы ни бывал душист и сладок мед,
Но с медом губ ее в сравненье не идет.
Сама любовь — стихи! Приходят в беспорядке,
Как речь ее нежны, и, как дыханье, сладки,
И все ее слова, и вид ее, и стать —
- 50 Всё в строфы просится, всё хочет ими стать!
Как только нежный взгляд, лучась, меня коснется, —
Мой самый нежный стих в ответ ей улыбнется.
Ее укрыли шелк и чистый, легкий лен —
И, рифмой чистою и легкою пленен,
Спешу ее в строке навек запечатлеть я.
Блеск прелестей ее и тканей разноцветье
Найдут в моих стихах соперников: они
Поют о красоте, божественной сродни, —
Об этой белизне, об этой пряди темной,
- 60 О мраморной руке, прельстительной и томной...
Но если бы она, откинув тонкий флер,
Мой утолила пыл и напоила взор,
Простоволосая, влюбленная менада, —
Мне по плечу тогда была бы Илиада:
Хоть замыслов моих полет и невысок,
От струн гомеровых отречься б я не смог;
Но снял бы с лиры те, что дух рождают ратный,
Настроив прочие на легкий лад, приятный,
Елену бы тогда я был воспеть готов
- 70 И остров Схерию, и шум его пиров.
Чарующий напев моей Камилле нужен.
Счастлив, кто с музами услужливыми дружен,
Которые следят в задумчивой тиши
Призывы нежные взыскующей души.
Вчера я слышал, как беспечная Камилла
В моих объятиях внезапно обронила
Две-три моих строки и прошептала вслед:
“Люблю их повторять — стихов нежнее нет!”
Абель, когда бы сам Вергилий слышал это,
- 80 Вот кем тогда была б любовь моя воспета,
Он зов великонид забыл бы рядом с ней —
И были б счастливы Дидона и Эней.

ЭЛЕГИЯ IX

Так, Трою покорив и мощь ветров и волн,
 Лаэртов сын взойти на феакийский челн
 Спешит и наконец в отчизну прибывает,
 И землю родины слезами омывает.
 Над бухтой он навес скалистый узнает,
 Где старику морей есть посвященный грот
 В тени разросшейся на высоте оливы,
 Сырой и темный, в нем — источник говорливый,
 Пчела жужжит, наяд прелестные персты
 10 Лазоревые ткут, пурпурные холсты,
 Что непривычный глаз расцветкой поражают;
 И нимфы милые пришельца окружают
 (А их увидеть вновь не чаял он никак)
 И долгий век ему сулят, и много благ.

Приветствую тебя, французских рек царица!
 На берега твои я счастлив возвратиться,
 Где, слушая твой плеск, бродил так часто я:
 Меж камышей блестя, влекла струя твоя;
 Где сицилийская моя свирель звучала
 20 И, замедляя бег, ты сладостно журчала.
 Когда ж в любви я был обманут, той порой,
 Внимая жалобам, ты плакала со мной.
 Элегий хоровод, их томные напевы
 Вослед за мной летят. Не отставая, девы,
 Из края в край стремясь, дорог взвивали прах
 С улыбки на устах, слезами на глазах,
 И мил мне был полет моих младых элегий,
 Что пеньем ласковым и танцем, полным неги,
 Простоволосые, не разнимая рук,
 30 Меня в восторженный свой вовлекали круг.
 Как хорошо, когда с наивной, незлобивой
 Сдружишься Музою, как сам, вольнолюбивой,
 В которой скрытности, притворства нет следа,
 И можно смело ей, не ведая стыда,
 Не чувствуя нужды таиться, лицемерить,
 И душу всю раскрыть, и тайны все поверить.
 Мир целый обежать и полюбить спеша,
 Роняет невзначай стихи моя душа.
 Летучих помыслов и чувств отображенья,
 40 По-разному звучат мои все песнопенья.
 Мечтаньям новым я и новый дам язык,
 Пускай владели мной они всего лишь миг.

Но первые шаги, о, сколько в них тревоги!
 На берегах твоих, о, нимфа Сены, строги
 И мрачны, критики составили совет.
 Без их согласия на Пинд наш хода нет.
 Умерь их бдительность, сердца их умягчи ты!
 Суровость судей быть должна не нарочитой
 И невзыскательным — обычно хмурый взор.
 50 Ведь Муза робкая и меж своих сестер
 Не горделивая, теперь была бы рада,
 Когда б ждала ее достойная награда.
 Она чиста, и желчь неведома ей стрел,
 Что сеют гнев и рознь, сатиры став удел.

ЭЛЕГИЯ X

Шевалье де Панжу

Когда узорчатый оденет рощи лист,
 Любовный соловья не умолкает свист.
 Когда бы пренебрег он даром столь счастливым,
 Из голосистого став грустным, молчаливым,
 Не воспевал любовь и тихий дня уклон,
 Природе б истинный был нанесен урон.
 Тебе же не нужны сей матери щедроты,
 За музой дикою стремиться нет охоты,
 10 От звуков ты устал, что полнят лес и дол,
 И в пагубный закон молчание возвел.
 Ты соловьем рожден. Зачем же, непреклонный,
 От розовых кустов, их сени благовонной,
 Где чист и сладостен звучал бы голос твой,
 Летишь в объятия ты музы городской?
 Смотри: ее наряд — виссон и багряница,
 Короной и мечом она не тяготится,
 Вещая, скорбная, собравшимся пред ней
 О гибели держав и бедствиях царей.
 А мирные тобой что ж музы позабыты?
 20 Они в тени дерев листвою прохладной скрыты,
 Жасмин и лилии — вот их простой веноч,
 И чистый отразил их прелести поток.
 Поведай им о той, что сердца не минула.
 Ужели ты, с душой и голосом Тибулла,
 Покинешь сельский кров, что так ласкает глаз
 И где прельстительней красавица для нас?
 Амуру мил простор, ведь он рожден на воле:
 Пастушка юная, бродя средь рощ и в поле,

Над розою склоняясь, меж лепестков нашла
30 Новорожденного.....
Чуть приоткрытые, его уста атели.
Она за крылышки легко из колыбели
Его приподняла несмелою рукой
И скрыла на груди покрытого росой.
Подвластно все ему, но более — природа.
Все прелесть там, любовь, томленье и свобода.
Там ярче золотит луч солнца свод небес
И голосами птиц звучат и луг, и лес,
Холмы оживлены и сладостно-покаты
40 И в воздухе цветов разлиты ароматы,
Там прячется Амур среди птиц и звонких струй
И слышен в сумраке прохладном поцелуй.
И музы любят, и Амур уединенье.
Зовем звезду любви звездой мы вдохновенья.
О, божества полей, деревьев, ветерков,
Благоволите вы к слагателям стихов.
Меж вами юную мою я музу встретил.
Другой бы среди сестер ее и не заметил,
И все ж она мила, вы знаете, друзья.
50 С неприхотливою, беспечен с нею я.
Простую, робкую, пустяк ее пугает
И веселит пустяк. Без цели обегает
Предметы милые она, стремясь везде,
Непостоянная, пытливая, нигде
Не медля, все ее влечет, всегда живую,
Подобную пчеле, зефиру, поцелую, —
Расцветший пышно куст и светлая волна.
То бурно весела, то слезы льет она.
Порой в мечтаниях бредет неторопливо
60 Вдоль речки медленной и тихо-говорливой,
То вдруг, пустившись вскачь, проворна и легка,
Она преследует подолгу мотылька
Иль белку быструю, порой же, неумной,
Ей хочется накрыть птенца в листе укромной.
А иногда со скал, поросших влажным мхом,
Скрываясь в гущине, она следит тайком,
Что в гулкой тишине пещеры потаенной
Фавн нимфе говорит, беспечно-благодарной,
Которая сперва противилась ему,
70 Но все ж позволила увлечь себя во тьму.
Иной же раз моей причуднице возможно
Над краем пропасти склониться осторожно,
Где бешеный поток, сорвавшись с гор, ревет

И слышен далеко мятежный рокот вод.
К жнецам она идет порою урожая,
Срезает колоски и вяжет, напевая;
Когда же щедрую встречаем осень мы,
Меж виноградарей восходит на холмы,
Срывает гроздь, к устам подносит ненароком,
80 Их обагрив златым или пурпурным соком.
Потом она бежит к давяльне под навес
И любит опустить со всеми звучный пресс.

Приди ж, мой друг, тебя здесь музы ожидают.
Прогулки и пиры здесь жизнь сопровождают.
Приди взглянуть на лес, ручей, холмы и дол.
Приветным вечером здесь за накрытый стол
Присядут подле нас возлюбленные наши.
Под сенью дальних рощ наполненные чаши
Средь виноградных лоз призывно зазвенят,
90 Окрестность оживив, к веселью нас склонят.
И шаловливые от нас умчатся девы,
И воздух огласят смех, клики и напевы.
Но если к музам ты останешься жесток
И сбросишь на чело возложенный венок,
И если нежное их ныне попеченье
В душе твоей родит обидное презренье,
Пусть та, которая смогла тебя пленить,
Раздумает тебя за пыл вознаградить,
Пусть красота ее достанется другому,
100 А если с розою к ее придешь ты дому,
Она спешит принять столь удивленный вид,
Как будто в первый раз с тобою говорит.

ЭЛЕГИЯ XI

Ах, в чащи унесу печальное томленье!
Камилла, дорого в любви уединенье.
Камилла, без тебя докучен мне любовью,
А в одиночестве я будто вновь с тобой.
Что говорить! Вдали от милой и жестокой
Мне сердце сладко лжет. Мечтою одинокой
В надежде, в пламенном бреде я к ней лечу,
Но к нежной, любящей, такой, какой хочу.
И вижу я ее не мнимой неотрогой,
10 Но снисходительной, негордой и нестрогой,
В ней будто женского кокетства вовсе нет.

Порою чудится, идет она вослед.
 Блуждаю с ней в глуши на тайных поворотах,
 Далекая, она со мной в безмолвных гротах...
 А, близкая, увы, всегда так холодна,
 И за пустые сны я ей плачу сполна.
 Нет исцеленья мне: ведь болен я Камиллой.
 Не вижу я ее — и мне ничто не мило;
 Прелестным кажется все только рядом с ней,
 20 Но все же глаз ее прекрасных не милей.
 На шелке, на траве, в деревне иль в столице
 Она всегда все та ж — пастушкой иль царицей.
 И я, все тот же я — по-прежнему влюблен,
 Пылаю, мучаюсь и ей навек-пленен.

ЭЛЕГИЯ XII

Печальной мудрости я внял беспрекословно.
 Я мудрым ныне стал, я жар презрел любовный.
 Возрадуясь, душа! Столь доблестный оплот
 Бесстрастья гордого покой тебе несет.
 Но отчего тоска объемлет дух смущенный,
 В себе самом, увы, отныне заточенный?
 Приди, о лира! Ты — последняя любовь
 (И столь невинная), досуг мой скрасишь вновь!
 О, вспомни песни те, что в дни былой отрады
 10 Твой голос перенял у нежных лир Эллады.
 Ужель я одинок? Где скрылись вы, друзья?
 Ты, сердце скорбное, что, дружбы огонь тая,
 Приязни узами весь мир объять хотело,
 Не заслужило ты столь горького удела!
 О, где мои друзья, где милый сердцу круг?
 Я плачу, о друзья! Мне тягостен досуг
 Без вашей близости! Лишь вами ум мой занят,
 И в каждом шорохе, что чуткий слух мой манит,
 Мне чудится ваш шаг, и я с надеждой вслед
 20 Бросаюсь и бегу... Но вас и ныне нет!

 О, вы раскаетесь в содеянной измене,
 Узнав мою печаль, мои услыша пени!
 Злодея жалко мне. В душе тая испуг,
 Где б шаг он ни стремил — пустыню зрит вокруг.
 Он близостью своей всех в бегство обращает;
 Улыбки на ничьих устах он не встречает,
 И скорбь свою дерзнув поведать в бедствий час,

Не вырвет горьких слез из жалостливых глаз!
О дружбы сладостной святыне откровенья,
30 Нет, не рожден я жить в тиши уединенья.
Друзей признание — души моей оплот;
Друзей, что в дум тайник заветный знают ход,
Чей взор участья полн, чья длань пожатем тесным
Ответствует души движеньям бессловесным.
О, если б все сердца закрылись предо мной
И, не любим никем, я жил для всех чужой,
В чем радость я б нашел, отверженец докучный!
Сколь горько должен клясть свой жребий злополучный
Бедняга, что, презрев любви иль дружбы власть,
40 Не может в час невзгод к родной груди припасть,
Не обретет души, в чьей храмине священной
Дано найти покой душе его смятенной,
Кто — жертва долгих мук — сказать себе не мог
С отрадой тайною: “Смирись, твой злобный рок
Друзья твои клянут и в тягостной разлуке
Тебе издалека протягивают руки”.

ЭЛЕГИЯ XIII,

подражание идиллии Мосха

Звезда любви, ты вновь свой пламенник зажгла,
Когда Дианы лик еще скрывает мгла.
К подножию холма, под тополь серебристый,
Направь мой тайный путь, луч посылая чистый.
Не потому ночной я выхожу порой,
Что некий умысел вынашиваю злой.
Люблю я, и меня свиданье ждет с любимой,
Прелестной нимфою, с другими не сравнимой:
Так в хоре близ луны мерцающих светил
Твой свет божественный огни всех звезд затмил.

ЭЛЕГИЯ XIV

Уединение покиньте, о, богини!
О, Музы, вам милы ручьи, холмы, пустыни.
В долинах Нима вы блуждаете ль одни
Иль думы легкие, безоблачные дни
Влекут вас на берега Луары и Гаронны,
В кругу ли дев речных, близ величавой Роны,
Когда на пажити луна сиянье льет,

- Вы водите в ночи беспечный хоровод.
 Придите, я бежал из городов, вам тесных,
 10 От гомона толпы, ее волнений пресных.
 На шумных площадях, на мостовых в пыли
 Цветы поэзии вовеки не цвели.
 Среди криков, суеты, не остается следа
 Мечтанья праздного и сладостного бреда.
 Летящих колесниц блистающая медь
 Велит поэзии в смятенье онеметь.
 Придите, да найду я милость перед вами!
 О, если б стали вы домашними богами,
 Ах, суждено ли мне иметь земли клочок,
 20 Где, мирный селянин, на воле я бы мог
 Лишь спать и праздным быть, и в тишине,
 в забвенье,
 Поэт ненадобный, найти успокоенье.
 Вам, Музы, ведомо: еще на утре дней
 Стремился я душой в объятия полей;
 И вашим возлюбил внимать воспоминаньям,
 О веке золотом бесхитростным преданьям.
 В них оживали вновь: Эдемский вертоград,
 Где первый человек был создан для усад,
 Вдовица, колоски, просыпанные с воза,
 30 Сбравшая и в дом введенная Вооза,
 Иосиф, что в Сихем веселый держит путь,
 Где братьев встреча с ним не радует ничуть.
 Прекрасная Рахиль, бесценная награда
 Тому, кто столько лет стерег Лавана стадо.
 О, как бы я хотел от шума вдалеке
 Среди лугов и рощ, в укромном уголке
 Иметь смиренный кров и воду ключевую,
 Что, ласково струясь и речь ведя живую,
 Поила бы мой сад и тучные стада.
 40 Там, мира суету оставив навсегда,
 От скуки убежав блестящей и надменной,
 Хочу я жизнью жить простой, благословенной,
 Как наши праотцы столетий на заре,
 Чьи ныне имена звучат у алтарей;
 Иметь друзей, детей, прилежную супругу
 И с книгою бродить то в роще, то по лугу,
 Без страха, без стыда, без цели познавать
 Ненарушимые покой и благодать.
 О, Меланхолия! Ты грезы навеваешь,
 50 В ущельях и лесах, богиня, обитаешь,
 И нечувствительно во власти вдруг твоей
 Томленьем сладостным охвачен друг полей,

Когда он в сумерки из гротов отдаленных
Выходит, мешкает на молчаливых склонах,
И видит: на небо уж набегают тень,
А на горах вдали прекрасный гаснет день.
И нега чистая его переполняет,
Садится он в тиши и голову склоняет.
Подобная ему, не знающая бурь,
60 Внизу течет река; подвижная лазурь
Коледлет берега, селения и горы,
И легких облаков пурпурные узоры.
И в умилении он видит пред собой
Прекрасных призраков, явившихся толпой,
Живущих издавна в его воображенье.
Вот Юлия пред ним, покорная влеченью,
Кларисса, красоты небесной образец,
Страданий с кротостью несущая венец,
70 Приемлющая смерть безропотно, безвинно,
Душою чистая, как ангел, Клементина,
Которая в сетях жестокости и зла,
Рассудок потеряв, невинность сберегла.
Ах, ваши образы, прелестные созданья,
Беспечно населить спешат его мечтанья!
И взор его слезой туманится. Близ вас
Он ваши зрит черты, сиянье милых глаз,
Вмиг переносится душой под ваши кровы,
Приветствует друзей, врагов корит сурово.
Но вот его томит мучительный вопрос:
80 Что если милые предметы вздохов, слез —
Всего лишь вымыслы, прекрасные химеры,
Творенья гения, плоды наивной веры?
Поднявшись на ноги, в волненье он идет,
И замыслов в уме кипит водоворот.
В мечтах рисует он волшебную картину,
Хотел бы он найти вторую Клементину,
И где-нибудь вдали неласковых очей
Лишь ею и дышать, служить, молиться ей.

ЭЛЕГИЯ XV

Хотел бы навсегда смежить страдалец вежды,
Но внемлет голосу обманчивой надежды.
Солдат надеется походные шатры
Сменить на мирный кров, и пляски, и пиры.
Тяжелый плуг влача и стоны умножая,
Ждет пахарь впереди большого урожая.

От сердца ж моего надежда далека,
 И все вокруг меня — томленье и тоска.
 Дни горестны мои, но горестнее ночи.
 10 Мгновеньям счет вести почти уж нету мочи.
 Весь мир печаль моя одела пеленой,
 И ты, источник слез моих, передо мной.
 О, Ликорида, где, скажи, взяла ты силу
 То сердце обмануть, что так тебя любило?
 Ужели ты сочла приятней всех забав
 Того, кто жил тобой, покинуть, истерзав?
 Друзья, простите ей, пусть голос укоризны
 Не ставит ей в вину моей угасшей жизни.
 Не надо обо мне вести с ней разговор,
 20 Чтоб только увидеть ее смущенный взор.
 Ах, я любил друзей, они ж — меня, и что же?
 Мне одиночество теперь всего дороже.
 Со мной при встрече всяк бывает поражен
 И сомневается, меня ли видит он.

Да наш ли это друг, участник шумных бдений,
 И молодых проказ, любитель наслаждений
 И пиршеств, и стихов, и женской красоты?
 Его усталые и скорбные черты
 Нам говорят о том, что хилый старец это,
 30 Уже на берега ступивший хладной Леты.
 Да, Ликорида, жизнь теперь мне не мила,
 И ты меня сама на гибель обрекла.
 Недалеко, друзья, до моего ухода.
 Мне каждый час — что день, а день — длиннее года.
 Несчастливая любовь состарить может вдруг.
 Ах, пусть мои друзья ее не знают мук!
 Недолгой жизни нить печали сокращают
 И раньше времени нас в старцев превращают.
 О, Галл, ужель и впрямь не умолишь судьбу
 40 И, жить едва начав, навек уснешь в гробу?
 Увы! но ведаю, когда по воле рока
 Я на летейский брег перенесусь до срока,
 Там ждут меня приют в тени листвы, покой,
 Веселье без конца и сладких звуков строй,
 Меланхоличная и тихая наяда,
 Что меж цветов бежит, и мшистых скал прохлады.
 Там слез раскаянья красавица не льет:
 Она вам предана и никогда не лжет.
 Там несчастливых нет, взаимен пыл сердечный,

- 50 И клятвы не пусты, услады долговечны.
 Да что я говорю? Там в клятвах нет нужды.
 Не знающим измен сомнения чужды.
- О, Лета, дай узреть божественные тени!
 Лишь в милом их кругу найду я утешенье.
 Прелей мне в душу мир, забвение невзгод.
 Скорей сокрой на дне твоих дремотных вод
 Мои страданья и имя Ликориды.
 Быть может, некогда, забыв мои обиды,
 Среди светлых роц твоих ее увижу вновь,
 60 В слезах молящую вернуть мою любовь,
 Услышу в искренности поздней уверенья
 И в том, что нравиться лишь мне — ее стремленье,
 Что невозможно ей бывшее позабыть
 И что она меня не в силах разлюбить.
 Но равнодушен я останусь, ей внимая...
 А между тем... Лишь ты, подруга роковая,
 Всему виной. Когда б не ты... Поверь, твой Галл
 С тобою жизнь прожить и умереть мечтал.

ЭЛЕГИЯ XVI

- О, дни моей весны, пора в венке из роз,
 Когда я ликовать умел и среди гроз,
 Дни счастья, что подчас я омрачал слезами,
 Неудержим ваш бег, поспеть ли мне за вами?
 На голове моей увянет вешний цвет,
 И скоро от меня потоком быстрых лет
 Вас отнесет туда, откуда нет возврата.
 О, если бы тогда под кров свой небогатый,
 Под сень радушную, в именье средь полей,
 10 Я мог бы в свой черед созвать моих друзей:
 Пусть лары здешние радушно их встречают
 И на веселый пир немедля приглашают,
 Чтоб мы припомнили средь праздников ночных,
 Как некогда гостил я у друзей моих
 На пышных берегах, в счастливых тех деревнях,
 Где дремлет Монтинья в своих дубравах древних,
 Иль там, где осенив листвою острова,
 Над Марной медленной клонятся деревья, —
 На бедность не ропща, неспешными глотками
 20 Я упивался там покоем и трудами.
 Кто бедности не рад, для кабалы рожден.

И пусть вельможам льстит и угождает он,
Пусть, глядя снизу вверх в чванливые их лица,
Гнуть спину и кривить душою не стыдится,
Чтоб, накопив обид и унижений кладь,
Их в свой черед другим лакеям передать.
Таких постыдных благ и даром мне не надо,
Мне бедность вольная милей любого клада.
Как сладостно мне жить, отринув этот груз,
30 Лишь у себя в долгу да у любимых муз,
Подобием пчелы, усердной, непорочной,
Что строит из живой материи цветочной
Свой восковой чертог, причудливый приют,
Где плавно и легко за днями дни текут;
Подобострастных строк не продавать вельможам
И лишь одним друзьям, во всем со мною схожим,
Их милым слабостям, талантам милым их
С любовью посвящать свободный чистый стих.
Кто этого достиг, спать безмятежно может,
40 Блажен его покой, и душу стыд не гложет.
Когда враждебный рок порой меня гнетет,
Я плачу; но, едва минует срок невзгод,
Искусства тотчас мне сулят успокоенье,
Влюбленной в них душе даруя зол забвенье.
Уладами искусств я сызмальства влеком.
Бывает, что, спеша вослед за ручейком,
Увидишь, как вдали, на отмели пологой,
Кольшется вода вокруг нимфы среброногой, —
И вмиг сама собой, играючи, шутя,
50 Рождается строка, любви и муз дитя.
Бывает, увлекусь я красками иными,
И тотчас кисть моя стремится сладить с ними.
Моим холстам Сафо дарит покой и мир,
Своими плясками волнует их Сатир,
А Оссиан-слепец, их оросив слезами,
Героев сонмы зрит незрячими глазами,
И вот на дикий зов к нему с небесных круч
Нисходит их дворец, построенный из туч.
Искусство, дней моих чарующий властитель,
60 Докучливых забот безжалостный гонитель,
Вернейший друг в беде, незыблемая страсть,
Которой не страшна презренных денег власть,
Благое божество, чье праведное имя
Позорят неучи поделками своими,
Чтоб сильным угодить! О нет, я не таков:
Вовек не возлагал я лавровых венков

На головы невежд, обласканных судьбою,
Но свято чтит дары, врученные тобою.
Мне раболепной лжи несносен сладкий яд,
70 Я незаслуженных не требую наград
И вовсе не хочу, брэнча на льстивой лире,
Повсюду находить признание в этом мире.
Абель, и ты, Трюден, и брат любимый твой,
Друзья с младенчества до сени гробовой,
С тех пор, как ментор нас допрашивал сурово
И всех наказывал, но не слышал ни слова,
И брат мой, и Лебрэн, подобья милых муз,
И ты, де Панж, вотще отвергший их союз, —
Вот тесный мой кружок, который, вечерами
80 Внимая мне, вершит над новыми стихами
Благожелательный, но беспощадный суд.
Хотел бы я всегда, куда ни занесут
Меня мои шаги и алчущие взоры,
К ним возвращаться вновь, ища у них опоры.
Любовник новизны, попутчицы моей,
Повсюду я брожу, ища среди путей
Святого ангела с глазами ясновидца,
Чтоб он меня любил и дал в себя влюбиться.

ЭЛЕГИЯ XVII

Попреки, слезы... Вот, друзья, она — пред вами:
Меня то гонят прочь, то кличут. Дни за днями
Одно и то же. Нет, пусть просто скажет: да.
Ни шагу к ней... Чуть ночь — и я бегу туда!
Вздыхает; просит у меня прощенья; гонит.
Спешу к моим друзьям: вот где я буду понят!
Но покаянная записка даже тут
Меня находит... Всё! Увы, меня зовут.

10 “Мой друг, наперсник мой в младенческих утлах,
Молчишь при мне, но я могу читать во взглядах:
Я знаю красоту, которая тебя
Так взволновала, так заставила, любя,
Всем сердцем трепетать, что и сказать не в силах.
А все ж не следует нам в рабстве быть у милых,
Поверь: чрезмерная любовь их тяготит.
Заставь их трепетать и ты: холодный вид
И независимость — вот лучшее лекарство,
Чтоб с честью одолеть их гордость и лукавство.

20 Что толку мучиться? Доверься мне. И прочь,
 Прохладою дыша, пойдем с тобою в ночь.
 Такая нынче сушь землей владеет всюю,
 Что, право, лучше днем вверять себя Морфею.
 Не ведая о нас, Камилла спит. Идем!"

А вот и дом ее. Пусть поутру о том,
 Что видели меня, расскажут ей: мол, мимо
 Я шел да не взглянул на дверь ее. Томима
 Жестокой ревностью, пускай она в слезах
 Помянет всех мужчин с проклятьем на устах!
 Идем же. Вот и он, тот сад уединенный,
 30 Манивший столько раз таинственной, зеленой,
 Волшебной полутьмой. А вон ее окно —
 О, сколько страстных встреч сулило мне оно!
 Стекло и тонкий лен — ничтожная преграда
 Для моего туда стремящегося взгляда,
 Туда, где зыбкий свет покой ее хранит,
 Покуда спит заря, бледней ее ланит!
 Там ждет она меня... Видал бы ты, как, лежа,
 Откинув голову, на благодатном ложе,
 Прикрыв глаза, что так глубоки и чисты,
 40 Она исполнена небесной красоты!
 Ах, полно! Мстить ли мне? Все это блажь, причуда.
 Бежим, мой верный друг, скорей бежим отсюда:
 Исполнится мой план, нехитрый, без затей, —
 Но лишь бы не войти, не постучаться к ней!

ЭЛЕГИЯ XVIII

Как? Мне учить тебя божественным стихам,
 Мне, темному певцу, который скоро сам
 Уступит юному сопернику в уменье!
 Нет, не наставник я в высоком песнопенье,
 Да их и нет, мой друг. Лет прошлых мастера,
 Которых мы читать готовы до утра,
 Бессмертный сонм богов, великая природа,
 Что познаем умом все больше год от года,
 Вот кто водитель наш, вот кто наставник твой!
 10 Два лишь встреченный семнадцатой весной,
 Влюбленный в мирный труд в своей каморке тесной,
 Мечтатель, нелюдим, поэт совсем безвестный
 Смирненным голосом уж пел я в тишине,
 И лира юная была покорна мне.

И Сафо вслед за мной с лужаек Митилены
Порой на берега ступала хладной Сены,
И в сельской рощице задумчивый цветок,
Густое дерево, прозрачный ручеек
И хитроумные Арахны бедной сети —
20 Как были дороги мне мелочи все эти...
Далеких путников я слушать полюбил.
Ученые холсты, где мир начертан был,
Я с ними изучал с заката до восхода,
И мне напрасных грез была мила свобода.
Я всюду странствовал, мне не был мир чужим,
Я всех людей любил и ими был любим.
Бретонские ладьи несли меня к Сурату,
Дамасские купцы — вели меня к Евфрату.
Что говорю? С тех пор дано любви моей
30 Почувствовать себя свободней и сильней.
И был я покорен улыбкой девы милой,
И первый мой восторг живет все с той же силой.
Ее почтил и ты влюбленною хвалой,
И музы нежностью согрели голос твой.
О, сколько пело струн под нашими перстами
И красоту ее, и власть ее над нами,
И нежность, и любовь — всего не передать!
Да разве счастье в том, чтоб зависть вызывать?
Быть может, ясный взор любимой, как завеса,
40 Сокроет от тебя веселый блеск Пермеса —
Что нужды? Дни свои ужели потерял
Тот, кто лишь радости любви взаимной знал
И слышал мудрости прямое приказанье:
Знать радость в тишине, счастливым быть в молчанье?

Как хорошо, когда покроет реки льдом,
До первых вешних дней вернуться в тихий дом
И видеть, как она тебя в дверях встречает,
Как волосы ее злой ветер развеивает.
Уж издали твой шаг услышала она,
50 Летит к тебе на грудь, волнения полна,
И, в радости, едва переводя дыханье,
Влечет скорей туда, где камелька пыланье.
Там столько нежных слов, вопросов без конца,
Объятий и речей, сливающихся сердца!
Стол наскоро накрыт, и вы за ним лишь двое;
Не в силах удержать волнение такое,
Любимая не ест, не пьет, насыщена
Лишь тем, что в этот миг опять с тобой она.

Молчат ее уста, но глаз ее сиянье
 60 Красноречивей слов, и вот уже желанье
 Уводит к ложу вас, что ждет немало дней.
 Там с пылкой ревностью ей хочется скорей
 Узнать, дружил ли ты с тебе чужой страной
 И не был ли пленен красавицей иною.

ЭЛЕГИЯ XIX

Не мне ль неверности обет она давала
 И не меня ль она в изгнанье отослала?
 А гневные уста, и гордый вид, и взор —
 Все говорит о том, что мил ей мой позор.
 Так значит новое навлечь чтоб оскорбленье,
 Чтоб упрекать ее, стенать от униженья,
 Просить и проклинать и смерть скорее звать
 К порогу этому я прихожу опять,
 10 Блуждая в час, когда гроза слепит мне очи,
 С душой, которая мрачнее черной ночи?

А было все не так — без страха, в тишине,
 Никем не видимый, во тьме и при луне
 Я поцелуев ждал, восторгом упоенный...
 Безумец, женщиной столь слепо соблазненный,
 Коль сердце в ней найти еще способен ты,
 Не преклоняй главы под иго красоты,
 Над нею смейся сам, презрев очарованья,
 И холодно зрирай на вздохи и рыданья.
 Тираном будь, учись бестрепетно внимать,
 20 Оставь ее одну — хладеть и умирать.
 Все эти вздохи — ложь, рыдания — притворны,
 В улыбке спрятан яд, а ласки столь тлетворны.
 Ах, если бы ты знал, как нежностью речей
 Она меня влекла, чтоб погубить верней;
 Как, хитрости полна (к чему воспоминанья!),
 Быть верною навек давала обещанья.
 Возможно ли ей жить и не любить меня!
 Как часто, голову на грудь ко мне склоня,
 В истоме нежности, свои теряя силы,
 30 “О, как я счастлива!” — она мне говорила.
 И сколько раз, прижав горячею рукой
 К трепещущей груди лоб заплывавший мой,
 Просила жадно ласк, кляла и упрекала,

Что я так холоден и отвечал устало,
Что страсти не горит огонь в моей крови,
В жестокости своей я не хотел любви!
Взирая с гордостью на все ее мученья,
Неблагодарный, я был счастлив — без сомненья —
Мне было жаль ее, я обвинял свой пыл,
40 Казалось мне, ее я недостойн был.

Я вздрогнул. У нее почти я на пороге,
Да, вот жестокий дом. Под кров его, о боги,
Без трепета войти я никогда не мог,
Но был мне мил мой страх, и смерти срок — далек.
О, как без жалости, хотя бы и притворной,
Она насытила меня печалью черной!
Как оскорбить ее хотел бы я сейчас —
Чтоб пролилась слеза правдивая из глаз!
Все, что душа моя обидного впитала,
50 Хотел бы я... Но нет, попробуем сначала
Ту снисходительность, что ласкою полна,
Прощенье и любовь таит в себе она.
Прочь ныне от меня, обида и досада,
С улыбкой на устах войти сюда мне надо
И с ясною душой. Камилла, верю я,
Что страсти дерзостной сильней душа моя.
И ты, о сердце, верь ласкающей надежде,
Твердящей, что тебя ждет счастье, как и прежде.

ЭЛЕГИЯ XX

(В древнем вкусе)

О, альционы, плач начните погребальный,
Фетиде милые, начните плач печальный!
Ее уж нет, Мирто! Тарент простился с ней,
И в Камарину нес ее корабль скорей.
Там ждал ее жених. Под звуки флейт ведома,
Она бы на порог его ступила дома.
Наряда брачного и золотых колец
Хранителем резной, кедровый был ларец,
Браслетов дорогих и благовожных масел,
10 Убора яркого, что кудри б ей украсил.
Но, встав на палубе, не ведает краса,
Что ветра вдруг порыв, напрягший паруса,
Ее подхватит, ах! как далеко защита!
И падает она, и волнами накрыта!

И деву юную уносит вал морской,
 Уж тело белое сокрылось под водой.
 И, бережно его неся, Фетида плачет,
 Под сводами скалы от злобных чудищ прячет,
 И горестно зовет прекрасных Нереид,
 20 Жилища влажные покинуть им велит,
 И на Зефиров мыс легко нести юницу
 И положить ее на берегу в гробницу.
 И Нереиды шлют своим подругам зов,
 Им внемлют нимфы гор, источников, лесов.
 Все, в грудь себя бия в смятенье и печали
 В одеждах траурных "О горе!" повторяли.

Увы! напрасно ждет тебя вдали жених,
 Браслетам не звенеть на сгибах рук твоих,
 Туники свадебной ты так и не надела,
 И волосы фатой украсить не успела!

ЭЛЕГИЯ XXI

Стихосложению научит нас искусство,
 А для поэзии живое нужно чувство.
 Не сердце ли поэт? Когда оно горит,
 Огонь его в груди не остается скрыт,
 Невольно явится тогда стихотворенье,
 Неискаженное души отображенье.
 Учитель чудный наш, диктует сердце нам,
 Достаточно к простым прислушаться словам.
 Коль юного ничто не мучает поэта,
 10 И жизнь его светла, любовь согрета,
 Лик блещет радостью и красками весны, —
 Стихи его, свежи, амброзии полны,
 Уверить нас хотят, бодры, неутомимы,
 Что жить — так сладостно, стареть — необходимо.
 А если беден он и вынужден страдать,
 Не в силах ничего несчастному подать,
 А та, которая как будто и любила,
 Так быстро и легко с другим про все забыла;
 Коль недра истерзал сжигающий недуг,
 20 Тогда его стихи — плоды различных мук,
 В одеждах траурных, ступая скорбным шагом,
 Повсюду видят зло и смерть считают благом.
 Правдива речь его, хотя и не стройна,
 И радость, и печаль, все выразит она.

Пусть ускользает мысль крылатая, готово,
Ее в последний миг настичь поэта слово.
Мгновенью хрупкому не суждено истлеть;
Он любит прошлое в стихах запечатлеть,
И познавать себя стремится неустанно,
30 Листая жизнь свою и душу непрестанно.

ЭЛЕГИЯ XXII

Будь, вечно с нами будь, отец тончайших вин,
Вакх, благосклонный бог, чьих пьяных струй рубин
Приятных сердцу бед приносит нам забвенье;
Перед тобой любовь бежит как дуновенье, —
Так налитый хрусталь, где искры дня горят,
Теряет в воздухе свой нежный аромат.

Ну что ж! Иль не готов идти я за друзьями?
Вы говорите мне: “Учись владеть мечтами,
Зачем тебе стонать и проклинать весь мир?”
10 Иди, коль хочешь, к нам. Тебя веселый пир
Зовет. Уже столы цветами все покрыты,
Иди от горестей искать у нас защиты!”

В подобном празднестве, о милые друзья,
Свободною душой уж не нуждаюсь я.
Камилла не властна над мыслями моими,
Уже без трепета ее я слышу имя,
Не думаю о ней, молчу по целым дням,
Мне кажется, она тоскует по ночам
И плачет. В красоте и тщетной и надменной
20 Твердит себе о том, что юноша, что пленный
Не может... Только что всем нам до этих слов!
Слуга, неси скорей и фруктов и цветов!
Друзья, что вижу я? Веселье замирает.
Так пусть вино скорей бокалы наполняет.
Зачем ему в стекле томиться суждено
Под пробкою тугой? Мы ждем его давно.
Вот первое — с холмов испанской гордой Сьерры,
С ним не сравняется Гаронны сок, Мадеры,
С холмов, где солнцем все горячим залито,
30 И нежная лоза под прессами Сито.
Что лучше в свете есть той доли благородной,
Когда среди друзей, в кругу любви свободной,
Средь игр и бесед, за праздничным столом

- Сжигаешь жизнь свою, не мысля ни о чем!
Нет, все ж душа уйти не в силах от печали,
И мой притворный смех обманет вас едва ли.
И слышу я ее, и вижу каждый час,
Она всегда со мной, моих отрада глаз.
И смех ее в ушах так часто отдается.
- 40 На вашем пиршестве любовь моя проснется:
Среди киприйских рощ, Венере дорогих,
Хмельным соделал Вахх сок гроздий золотых.
И я боюсь сейчас, что дерзостные боги
Опять смирят мой гнев и отведут тревоги.
Бывало — и не раз, когда мы с ней вдвоем
Сидели в тайный час за праздничным столом
И подносил к губам я, пылкий и влюбленный,
Свой кубок, мною с ней лукаво разделенный.
Вино, которому покорствуется любовь,
- 50 Пыл не смиряло мой, а зажигало кровь.
Касался я рукой — в тот легкий миг забавы —
Кудрей, лицо мое щекочущих лукаво,
И слышал смех ее, и нежен был, и груб,
И одолев в бою, касался нежных губ,
И отступал, и вновь искал с губами встречи;
Цветами осыпал я грудь ее и плечи,
И эти за корсаж скользнувшие цветы
Я трепетно искал — и медлили персты.
- Ах, я любил тогда! Любил бы и поныне,
60 Когда бы всей душой служить ее гордыне
Приятней было мне, чем в сердце месть таить,
Когда б я должен был лишь раз ее простить!
Когда б все новые не зрел я преступленья,
Не ненавидел бы ее! Что за мученье
Привыкнуть сердцем к той, восторга не тая,
Которую предать забвенью должен я.
Зачем мила она, зачем она прекрасна?
С изменницей меня мирили бы напрасно,
Не все ли мне равно, что с ней теперь другой,
- 70 Что томный властелин он трапезы ночной.
Что оба, может быть, смеются надо мною,
Что уж играет он волос ее волною,
Что все лобзания, весь пыл своей души
Она уж отдала тому, кто сам в тиши
Украсил грудь ее весенними цветами.

О, смейтесь надо мной, над страстными словами,
Ведь вы не любите, а я люблю. Опять
Готов я у дверей, мне милых, умолять.
Она услышит плач, поймет мои страданья;
80 И я в ее глазах, где все — очарованье,
Любовь иль ненависть увижу в свой черед,
Тот взгляд, что все простит или на смерть пошлет.

ЭЛЕГИЯ XXIII

Ночь, горестная ночь! О тихая Аврора,
Придешь ли? Где же ты? Увижу ль свет твой скоро?
Все с боку на бок я ворочаюсь, заснуть
Не в силах, и моя так тяжело дышит грудь,
Бессонница томит и душная тревога,
И все я не могу забыться хоть немного.
А ты, Камилла, спишь: и ты, любовь моя,
Причиною тому, что мучаюсь так я.
Когда б хотела ты, о боги, это ясно, —
10 Проща бы ночь скорей, была б она прекрасна.
Душа моя как сон витает над тобой.
Узнаешь завтра ты, читая почерк мой,
Как истомился я, тоскою грудь тревожа,
Как, голову свою приподнимая с ложа,
Я думал о тебе. Один во тьме ночной
Светильник зрел меня — столь полного тобой,
Когда все жалобы, упреки и мученья
Я доверял перу, исполненный волненья.
Да, ты, Камилла, спишь, прелестные свои
20 Закрыв глаза, и с губ в глубоком забытии
Слетает пышных роз душистое дыханье,
Но вдруг ошибся я? И ты не спишь? Странанье
Об этом думать мне. В то время как томим
Бессонницею я, с любовником своим
Ты хочешь задержать часов ночных теченье
Бессонницей любви, порывом упоенья.

О бог забвения, глаза мои сомкни,
Пусть вечный сон придет, окончит эти дни.
Она сейчас с другим! Как жить могу в позоре!
30 Другой! О стыд! О смерть! Отчаянье! И горе!
Несчастный, почему богов веленьем ты
Умеешь так ценить сиянье красоты?

И почему свои так любит сердце раны,
 Чем взоры хороши, в которых лишь обманы?
 Не так красивая полюбит горячей,
 Она заботливей, и нежность есть у ней.
 Боясь утратить страсть — она вся ожиданье,
 Она любовников не привлечет вниманье;
 Спокойный, ровный нрав, веселости черты,
 40 Привязчивость — все в ней замена красоты.
 А та, которая сердцами правит властно
 И о которой все твердят: “Она — прекрасна!”,
 Готова оскорбить нежнейший вздох любви.
 Привычка властвовать живет в ее крови.
 Капризная во всем, взращенная изменой,
 Она нежна сейчас, чтоб завтра стать надменной.
 Все безразлично ей; и тот, кто ускользнуть
 Сумеет от нее, обрел достойный путь.
 Она влечет сердца, пленяет, удивляет,
 50 Но ту лишь знает страсть, которую внушает.

ЭЛЕГИЯ XXIV

Будь для себя царем и обретешь блаженство.
 О, Мудрость, учишь нас достичь ты совершенства.
 Благодаря тебе в убежище моем,
 Никем не знаемый, я стал себе царем.
 Красуется мой Лувр под крышей невысокой,
 Лучами первыми обласканный с востока.
 Рисунки и стихи, и книги тут и там
 На стульях, на столе лежат, по всем углам.
 Я здесь грущу, пою, сплю, мыслю и читаю,
 10 Спокойствием дышу и в тишине мечтаю
 О будущем, о том, что я хочу свершить,
 Посеву радуюсь, что думаю взрастить.
 Далеких областей непостоянный житель
 С добычей прихожу сюда, в мою обитель,
 Раскрыв ли, не спеша, старинный, мудрый том,
 Блуждаю долго я чарующим путем,
 Оставив ли места, где сердцу все знакомо,
 На берегах иных брожу вдали от дома.
 Со множества цветов я собираю мед.
 20 Все ценно для меня и все меня зовет;
 Трофей преподнесут любые мне широты.
 И так, не торопясь, я наполняю соты.

ЭЛЕГИЯ XXV

Ты, Ликорида, ты, пиров моих царица,
 Приди и дай твоей красою насладиться,
 Укрась меня венком и опьяни тотчас
 Дурманом тонких вин и блеском томных глаз.
 Так что же, поспешим за мигом быстротечным!
 Венера, что богов дарит блаженством вечным,
 У нас, едва года нам выбелят виски,
 Рассыпет все венки; и дни, когда близки
 Мне были эта грудь и губ полуоткрытых
 10 Дыханье нежное, уйдут и мгла затмит их;
 Пускай же Фрина без опаски нам дарит
 Скрытых прелестей своих манящий вид.

Что сможет красота при всей безмерной мощи,
 Когда состаримся и высохнем, как мощи?
 Ее узрев, сердца на затрепещут вновь.
 .....

Тогда, уединясь в приюте одиноком,
 Забудусь я в мечтах о вечном, о высоком,
 И древней мудростью безропотно пленен,
 Во всем постигну я свой смысл и свой закон.
 20 Я вникну в тайну сфер, и станет мне открыто,
 Как зыблется земля и стонет Амфитрита,
 Какой поверженный и попранный Титан
 Из Этны сеет смерть, безумьем обуюн;
 Кто чертит в небесах пути светил; чьей воле
 Подвластны по весне трава и злаки в поле;
 Какой в чужом порту задерживает знак
 Скитальца-странника; кого ведет маяк
 Вдали от родины, то ярче, то слабее,
 Туда, где бьют валы у острова Эвбея;
 30 И как чернеет вслед за пахарем земля,
 Счастливый урожай по осени суля.
 Но это в старости; а нынче к наслажденьям
 Нас призывает жизнь в своем цветении:
 Ведь возраст мудрости — сосед могильных плит.

Идем же, юноша; идем, пока горит
 Наш факел. Ну, скорей! Спешим к моей любезной.
 Во мне уже давно пылает огонь небесный:
 Пускай лобзания, что счастье нам несут,
 Взамен всего любовь и нега припасут.

ЭЛЕГИЯ XXVI

Коль счастья нет у них, есть ли оно на свете?
 Какому смертному, когда придет любовь,
 Захочется скорбеть об ускользнувшей вновь
 Свободе, если он изведал узы страсти?
 Всё в мире — власть любви, весь мир у ней во власти.
 Пускай влюбленные не нажили добра,
 Но так на нежные слова их жизнь щедра,
 Так речь божественна и вздохов их, и взоров,
 Укоров ласковых и детских уговоров!
 10 Всё — им, и все — для них: смеется небосвод,
 И, умиленная, земля в ответ цветет,
 И Аретуза до сих пор не обмелела,
 И песней сладостной поит их Филомела.
 Им — горняя лазурь и Флоры аромат.
 Все оживляется, куда ни поглядят.
 Все радостно вокруг них, как радостны их души.
 И мнится: их приют любых чудес не хуже,
 А грот объятий их и есть тот светлый храм,
 Что издавна открыт взволнованным сердцам.
 20 Пещеры и луга, о берега Пеняя!
 Вы, уголки любви, подобья эмпирея;
 Вы, рощи Анио; и ты, листва лесов,
 Где нимфы Лириса нашли радушный кров;
 И ты, и ты, Воклюз, прославленный Петраркой!
 О, пусть я истомлюсь в объятиях страсти жаркой,
 Среди ветвей, цветов, с моей любовью слит,
 Весь мир забыв навек — и миром позабыт!
 Пусть тот, кто избежал сердечной горькой муки,
 Угрюмый от тоски, и праздности, и скуки,
 30 Надменно думает, что счастье заслужил:
 Он только прозябал, и лишь влюбленный — жил.

ЭЛЕГИЯ XXVII

О сердце, покорись всевластью измененья.
 В движеньи вечном мир! О сердце, миг терпенья!
 Не вечно человек влачит свою страду.
 Зима не леденит всех месяцев в году.
 Порывы буйные смиряет Эвр порою.
 Река-невольница, стесненная горою,
 В бореньи долу мчась, спешит среди лугов
 На травах простереть прозрачный свой покров.

- Воистину и тот, чей век, смятений полный,
10 В стремнинах тягостных теснят скалы и волны,
Лишь бури испытав и долгий мрак скорбей,
Изведает вполне отраду лучших дней.
Фортуна, подойдя бесшумными шагами,
Его осыплет вмиг несметными дарами.
Так говорят. Увы! Не ведал мой порог
Ее стопы! Ну что ж! Пока мой сон глубок,
Быть может, пронеслась она незримой тенью,
И пышный дар ее мне скрасит пробужденье!
- О ты, которой вслед свой быстрый бег стремится
20 Корабль, чей путь ведет отзывчивый магнит,
Ты, что, воздвигнув трон в сокровищах щедрых
Потосских рудниках, Голкондских древних недрах,
Над сонмами рабов царишь как госпожа,
Златой уздой весь мир в покорности держа,
Богиня гордая! Любимцев дерзких стая
Твой слух теснит мольбой, все новых благ алкая.
Скромней сих баловней бедняк в своих мечтах.
Скромней!.. О дивная! Когда б на берегах,
30 Где, под морщинами блестя в красе нетленной,
Италия, как встарь, пленяет взор вселенной,
Я мог безбурно жить под мирной сенью муз;
Там есть прибежище свободному от уз;
Там свет иных небес утишит боль, быть может,
Что алчным пламенем страдальцу недра гложет.
Там прихоти твои мне были б не страшны;
Там легче б я вздохнул, и в лоне тишины,
Не думая о дне, когда прощусь с землею,
Предался б я любви, искусствам и покою.

ЭЛЕГИЯ XXVIII

- Нет! Чувства нет во мне! Другой ее ласкает.
Мучительный недуг привычка исцеляет.
Отныне к прихотям ее я буду глух.
Моих элегий плач ее не тронет дух.
Что в лаврах мне теперь? Бегите, скройтесь, музы.
Не властны вы связать любви минувшей узы.
Я у Камиллы мнил найти заступниц в вас.
О девы жалкие, бегите, скройтесь с глаз!
Так вот цена любви! Объяты и лобзанья,
10 На сладостных устах без счета обещанья,

А там... О, сгиньте прочь, враги души моей,
 Надежды и мечты, взлелеянные ей.
 Вдали от городов, в лачуге обитая,
 Блаженство мы вкусим, и тишина святая
 Лишь небесам явит укромный наш приют.
 Тщеславной роскоши не зная властных пут,
 Лишь там ее душа любви отдаться сможет.
 Там око смертное вовек не потревожит
 Ее заветных дум, чьи тайны в тишине,
 20 Без соглядатаев, постигну я вполне.
 Иным заботам чужд, мой дух нетерпеливый
 В ней сможет разгадать все чувства, все порывы.
 Я всех ей заменю; в часы вечерней мглы
 Рука моя, развив волос ее узлы,
 Незримые красы лишит одежд, доверив
 Младую наготу ковру из легких перьев,
 Что прежде я собью, и дерзкая любовь
 Сие творенье дня разрушит ночью вновь.
 Готовить скромный пир мне будет труд желанный.
 30 Из рук моих плоды ей будут слаще манны.
 Повсюду в каждый миг лишь я, лишь я один
 Ей буду верный раб и нежный господин.
 Но сны безумные, что я вотще лелеял,
 Среди бледных облаков ненастный ветер развеял.

Кто долгою мечтой своим желаньям льстит,
 Тот, с ними разлучась, и плачет и скорбит.
 Как часто деве я твердил: "Страшись измены!
 Всех более, поверь, изменницы презренны.
 Скорей вонзи мне в грудь кровавые мечи
 40 Иль недра пламенем мне в клочья размечи".
 О стыд, перед тобой я падал ниц в тревоге
 И плакал горестно, твои лобзая ноги,
 Меня молила ты унять потоки слез,
 Твоих обетов рой душе отраду нес.
 Клялась, твердила ты: "Мне чужд тот нрав лукавый,
 Что вечно ищет жертв и мнит любовь забавой.
 Будь сотни скипетров неверности ценой,
 Я б отдала их блеск за счастье быть с тобой!"
 При звуке слов таких, увы, и черной ночью
 50 Поверить я бы мог, что солнце зрю воочью.
 Ты даже плакала: и, в ревности не скор,
 Спешил я осушать твой влажный, грустный взор,
 Светлевший медленно и словно поневоле,
 И целовал платок, вкусивший слез. Но боле

Того! Мне без стыда не вспомнить тех похвал,
 Что, с лирою дружа, тебе я расточал.
 О, да сожжет Вулкан, да смоем ток забвенья
 Безумные стихи, безумий порожденья!
 Знай, лирой тою же я мог бы отомстить
 60 За все!.. Но полно! Нет! Клянусь ее забыть!
 Зачем бесплодный вздох к ней вспять меня уносит!
 Пусть ненависть пожнет, коль ненависти просит!
 Клянусь... Пустой обет! О долго ль вновь и вновь
 Мне суждено твердить, что минула любовь!

ЭЛЕГИЯ XXIX

Итак, Гликерия нас ждет к себе на ужин?
 А кто из нас, друзья, с Амелией не дружен?
 А Роза — будет ли на празднике она,
 Воздушной легкости и прелести полна?
 А что ее сестра? Вот голосок, с которым
 Сливаться так легко гитарным переборам!
 А Юлия, чья грудь роскошна и бела,
 Займет ли место у веселого стола?
 Ах, я видал ее! Красавица бежала,
 10 Простоволосая, и в беге обнажала
 То ножку, то плечо... Приветить был бы рад
 Сам Киферон таких хорошеньких менад!
 Ну что же, в путь, друзья! Любовь нас поманила...
 Да не прознала бы о том моя Камилла —
 О боги! Что за гром обрушится тотчас,
 Когда услышит хоть словцо она про нас!
 О, вы не знаете, как власть ее безбрежна!
 Помнится ей, что я сказал не в меру нежно
 О ком-нибудь, а то с соседкой за столом
 20 Вдруг перекинулся каким-то пустяком, —
 Довольно и того! И слышу целый день я
 Крик, брань... Любой мой жест — все
 клятвopеступленье!
 “Все видели, как я с красоткой говорил,
 Как с ней любезничал, и нежен был, и мил”.
 И — в слезы!.. Столько слез, как мне уже досталось,
 Над прахом Мемнона и то не проливалось.
 Да что там слезы! Мечь ее слепит — и в ход
 Пускает кулаки. Я тоже в свой черед
 Отшлепаю ее, как будто негодуя, —
 30 Но руку грозную целую на лету я:

Не в ярости она всеильна, а в любви.
 Ах, голос ласковый! Как сердце не гневи,
 А он по-прежнему певучий, несравнимый.
 Не холодность люблю, но гнев моей любимой:
 Ведь так страшимся мы друг друга потерять!
 Опаска — дочь любви: ее лелеет мать.
 Самоуверенность идет от безразличья —
 Желая недругам покой в любви постичь я!
 Бегу бесстрастия. Хотя сердитый вид
 40 Моей возлюбленной нам лада не сулит,
 Мне нравится порой пытаться мою удачу:
 Пусть плачет надо мной, как я над нею плачу;
 Хочу и ревновать, и ревность утишать,
 Просить прощения — и самому прощать.

Но что за смех, друзья? Там Юлия, глядите!
 Пошли. Какая ночь! Луна и хмель — в зените!
 Как сказочная грудь упруга и мягка —
 К ней так и тянется и ластится рука!
 А сколько прелестей сдались при отступленьи!
 50 И Сена, кажется, в невиданном волненьи —
 Разносит шум и крик и отражает свет!
 Мы разбудили всех. Торговец, наш сосед,
 Восторгам юности завистливо внимает
 И спящую жену с усердием обнимает.

ЭЛЕГИЯ XXX

В искусстве глиптики был сведущ Пирготел —
 И ученик его искусный захотел
 На камне, что добыт в языческой пещере,
 Запечатлеть черты божественные Мэри:
 Пусть оникс мраморный хранит иль аметист
 Тот образ, что во мне всегда высок и чист.

Когда мечтаю я, восторгами объятый,
 Нисходит на меня певучий дух крылатый,
 Спускается, поет и золотым крылом
 10 Колышет над моим пылающим челом.
 Он мне поведал, о младая флорентинка,
 Как ты, лежащая средь мяты и барвинка
 В том влажном гроте, где тебя скрывает свод
 Из перламутра, где спешащий Феб и тот
 Тебя не углядит, пылая лучезарно, —
 Как ты явилась в мир, и взяли нимфы Арно
 Из рук Луцины дочь возвышенных страстей,

- Чтоб укачать ее напевом камышей.
Забыв цветущие заманчивые доли,
20 На губки алые, жужжа, слетелись пчелы,
Нектар приветливый собирая без препон, —
Он дышит на устах, и сердцу сладок он.
Владычица любви, Поэзия святая,
Порывы детские амброзией питая,
Кисть плодородную вложила ей в ладонь,
Чтоб оживил холсты магический огонь,
А в очи светлые ее вдохнула гений
Зреть красоту людей, животных и растений.
Семиголосая, так лира пела ей,
30 Что Позилипо не слышал рулад звучней.
Три Грации, сплетясь руками, завладели
Ее младенческим покоем в колыбели,
И добродетели ее хранили сон,
Чтоб он до срока был Амуром пощажен;
Как чистым молоком, они ее вначале
Чистосердечием с веселостью питали,
И благосклонностью к словам ее друзей,
И даром искренним, подвластным только ей;
И гордостью святой, для стрел неуязвимой,
40 И совестью, к любым злодействам нетерпимой,
И лаской нежною, готовой без конца
Невинностью целить порочные сердца.

- Художник! Чтоб достичь в работе упованья,
Запечатлей резцом все эти дарованья
В чертах ее лица и оживить дерзны
Тот голос, что живет и красит наши дни, —
Дни всех ее друзей, всех истинных и сущих,
Живущих для нее и за нее умрущих.
Пусть яркой красотой отмечены черты,
50 Недолговечен блеск наружной красоты;
И только та краса всегда в цвету и в силе,
Что Добродетели и Грации взрастили.

ЭЛЕГИЯ XXXI

Де Панж, любезный друг, ты все решаешь мудро:
Скажи, каким трудам ты посвящаешь утро?
Быть может, в счастье невинном видя суть
Существования, подсказываешь путь
Неопытной душе, ее надеждой грея?

- А может быть, бредешь, куда ведет аллея,
Сквозь толщи лет узрев, как первый фимиам
Курили пращурьязыческим богам?
- А может, с пылом и возвышенным азартом
- 10 Следишь за мыслями, возвращенными Декартом?
Я ж молодость мою транжирю, милый друг,
И с наступленьем дня на тщетный мой досуг
Божественный огонь нисходит час за часом.
Мечтаю у ручья: он, выбитый Пегасом,
Струится и поет, покинув Геликон,
Дабы окрестный лес был влагой напоен.
Вчерашние пиры мою ласкают память:
Спешит моя душа желания обрамить
Твоими мыслями, словами — среди них
- 20 Совсем теряются и суть, и звук моих,
И вижу вслед простым и искренним беседам,
Что сердцу юному и горький опыт ведом.
Ну что же, продолжай! В том возрасте, когда
Мы за наставником, не ведая труда,
Твердим азы наук, — ты в одинокой келье
(Разумен и в любви, и в страсти, и в весельи),
Вдали от пышности и от досужих глаз,
Взыскуешь истины, не ведомой для нас.
Иди своим путем в согласии с судьбою!
- 30 Благоволи к тому, кто восхищен тобою,
А хочешь — улыбнись: твой друг, и вправду, слаб.
Пристрастий и своих привязанностей раб,
Он сам бежит того, что ждет его и манит,
И, мудрость возлюбя, он мудрецом не станет.

ЭЛЕГИЯ XXXII

- О, Каллимаха дух и ты, Филета тень,
Священных ваших рощ хочу войти под сень,
Чтоб в хоры Греции на геликонских склонах
Вплести напевов звук, во Франции рожденных.
Где научились вы божественным словам?
Красавицы внимать покорно стали вам.
Для сердца юного желанней нет награды.
Мне славы от коня кралатого не надо.
Безвестность и покой мне во сто крат милей,
- 10 Чем беспокойный блеск, что неразлучен с ней.
Быть может, данником великого примера
Я б факел свой зажег от светоча Гомера,
В порыве творческом сравнялся гордо с ним

- И был бы из конца в конец превозносим.
Но нежная меня Элегия пленила,
Простоволосая, поющая уныло.
Она вплетает грусть и радость в свой узор
И к светлым небесам возводит влажный взор.
Ее несет моя, блистая, колесница
- 20 По пышным берегам, где высится столица.
Амуры весело за нами вслед бегут
И лиру бережно старинную несут,
Что после Греции Италию дивила,
И Делии сестра теперь — моя Камилла.
Элегию, Лебрен, мы воскрешаем вновь!
Стал нежным наш язык и мягким, как любовь.
Еще до той поры, как повелели музы,
Чтоб дружеские нас соединили узы,
Элегию равно мы полюбили, друг.
- 30 И звуками ее был полон твой досуг.
Мне томную красу являя изначала,
На лире и моей не раз она звучала.
Мила, как женщина, как все, Венеры дочь,
Обоих нас влекла, знакомых лишь теперь.
Я вижу, предпочла она из двух Лебрена,
Но все же верен ей останусь неизменно.
Мне нравится полет живых иль грустных строк,
Мой кипарисовый иль розовый веноч.
Когда-то, лирою плененные Орфея,
- 40 И скалы двигались, как говорят, Рифея.
Под звуки лирные взнеслась ограда Фив,
И Арион в беде остался с лирой жив.
Я тоже радостей с ней испытал немало.
Моим стихам порой красавица внимала,
Дивясь изменнице, моих причине слез,
Грустя, что знать такой любви не довелось.
Но как же счастлив я, когда робка, послушна,
Камилла мне в ответ вздыхает простодушно,
Иль снисходительной улыбкой одарит
- 50 Мой стих, что милую то молит, то корит,
Когда ее лицо вдруг вспыхнет от волненья
И нежный поцелуй приостановит чтение.
О, мне вовек из рощ волшебных не уйти,
Где мой Тибулл мечтал и проложил пути,
Где в шелесте листвы “Коринна!” различимо,
Где имя Кинфии корой дерев хранимо,
Где нет французами исхоженных дорог
И где с тобой, Лебрен, я повстречаться смог.

Пусть кодексом любви, забав и наслажденья
 60 Для всех останутся мои стихотворенья
 И мечут сотни стрел любовных там и тут,
 Пусть в песнях голос мой, моя душа живут.
 На ложе шелковом, в мечтах о нежной встрече
 Пускай красавица мои вливает речи,
 Торопит сладкий миг, чтобы обнять скорей
 Счастливица юного, что всех дороже ей.
 Пусть он мои стихи читает вместе с нею
 И бьются их сердца от томных строк сильнее.
 Когда ж от долгих ласк утихнет страсти пыл,
 70 Хочу, чтоб мой огонь усталых оживил.
 Пусть Лиза, черпая в моих стихах веселье,
 Оставит помыслы о монастырской келье
 И на груди меня, заслышав шум любовью,
 Скрывает, смущена, дрожащею рукой.
 Почувствовав в душе неведомое пламя,
 Воскликнет юноша, взяв книгу со стихами:
 “Да ведь поэт со мной как будто век знаком,
 Так хорошо прочел все в сердце он моем!”

ЭЛЕГИЯ XXXIII

Де Панж! кто наделен душой простой и нежной,
 Тот коротает дни с улыбкой безмятежной.
 На что ему мечи, что королей хранят,
 И стрелы, ждавшие, чтоб их пустил сармат,
 И пули, что с огнем летят из пасти медной?
 Не знающий обид, беззлобный и безвредный,
 Готовый и дарить улады, и ловить,
 Он хочет одного: влюбляться и любить.
 Де Панж! Безумец тот, кто дни влачит уныло.
 10 Когда бы нам судьба две жизни подарила, —
 Одну для праведных занятий и забот,
 Другую для любви и сладостных тенет, —
 Как было бы легко одолевать напасти
 Одной из них, в другой взыскупя нежной страсти!
 Но если только раз на свете мы живем,
 Несчастные! — зачем мы губим день за днем
 Единственную жизнь и жаждаем до дрожи
 Почета, барыша — всё так же, всё того же, —
 Забыв, что кратки дни и все наперечет?
 20 Что проку жить, коль нас любовь не увлечет?

В веселии живет Венерой одаренный —
Но если без нее окажется влюбленный,
В чем радость находить? По мне уж лучше смерть.

.....
На буйную листву мы, смертные, похожи:
В полдневную жару, когда в разгаре зной,
Она дарует тень под кроною лесной.
Но вот грядет зима, грозя морозом ранним,
Глядишь — и мы уже пожухнем и увянем.
И листья мертвые под ветром буревым
30 Срываются с ветвей, чтоб место дать живым.
Сменяя ночью день, лучившийся так ярко,
Спешит за нами вслед внимательная Парка
И перед вечной тьмой, куда лежит наш путь,
Из милости дает на солнце нам взглянуть.
Но вот и этот миг, оплаканный, растает —
И воцарится смерть, и слаще жизни станет.
О юность быстрая, как краток твой полет!
Потом болезненная старость настает —
Теснит несчастьями незащищенный разум,
40 И тело слабое к земле склоняет разом,
И ясный взгляд мрачит унылой чередой
Бессмысленных забот и суеты пустой,
Тревог о нажитом добре и о наследстве,
О плоти и душе, живущих в злом соседстве
Друг с другом... Нет, увы, в юдоли сей людей,
Избавленных от бед, свободных от скорбей.
Был горестный удел Тифону уготован:
День ото дня дряхлеть и стариться — таков он,
Седой, морщинистый, в бессмертья пребывал.
50 Был гордым лик его — но сколь же скорбным стал!
Исчезли красота, и мужество, и сила:
На старческом челе все и старо, и сирое...
Терзается старик, не в меру он плаксив,
И не живет его картина тучных нив,
И тенью плотною луга вокруг одеты,
Не шепот слышит он ветров, но шорох Леты;
И дети от него шарахаются прочь,
И высказать любовь ему уже невмочь:
Все члены старые его дрожат, трясутся —
60 И девушки над ним украдкою смеются.

ЭЛЕГИЯ XXXIV

Пусть кто-нибудь другой свою лелеет славу —
 Я создан для любви; мне лавры не по нраву.
 На что они, когда я должен ради них
 Ученьем иссушать цветенье лет младых?
 На что они, когда, блуждая одиноко
 И узы нежные презрев по воле рока,
 Желанья юности я должен превозмочь
 И проклинать с тоской на праздном ложе ночь?
 Я в детстве вырастал вдали от Геликона,
 10 И Музы не меня учили благосклонно;
 Еще не услышав напев кастальских струй,
 Познал я первый стих и первый поцелуй.
 И бог, и судия моей поры весенней —
 Любовь, одна любовь во мне взрастила гений,
 И светлый Аполлон, покинувший Пеней,
 Слетает иногда ко мне на благо ей.
 Вложите мне в уста, Венера с Аполлоном,
 Тот голос, что готов сопутствовать влюбленным,
 Тот голос, что в сердца проникнуть к ним готов,
 20 Тот голос, что нежней их благостных оков!
 Пусть очи, что в меня вселяют страсть и гордость,
 Внушат и языку бесстрашие и твердость!
 Пусть сокрушит мой стих презрение и гнев
 И лаской красоту прельстит, не оробев!
 И если будет мне, влюбленному, по силам
 Стремясь к желанному, вздыхая о немиллом,
 Такие находить слова в душе моей,
 Что их звучание и песни лебедей
 В ручьях венериных в один напев сольются
 30 И в стаю звонкую и стройную собьются, —
 Тогда без грусти я увижу, как исчез
 Орел Юпитера в пустой дали небес.
 Тот счастлив, кто в трудах, не ведая сомнений,
 Ждет пальмовую ветвь на избранной арене;
 Кто Книд и небеса равно почтить готов,
 Кто верует в любовь — и помнит про богов
 И упивается и страстностью, и славой.
 Любим победой и Венерою лукавой,
 Увенчан Пиндом и Пафосом вдохновлен,
 40 Элегию сложить и оду может он.

 Но кто к себе привлек, осуществив призванье,
 Завистливых небес ревнивое вниманье?

Кто смог соединить в начале юных дней
Всех небожителей над люлькою своей?
Один-единственный сумел свершить все это —
Тот самый, кто вдали от суетного света,
Бюффону следуя, трудов и мыслей плод
На геликоновы скрижали занесет.
Победоносных битв и славы монументы —
50 И гордость Рима, и величье Агригента,
На вас, великих, взор доколе обращать?
Доколе Эмпедокл нас будет просвещать?
Неужто Эпикур с Лукрецием сумели
Одни из всех понять таинственные цели
Природы? Нет, она в задумчивой тиши
Избраннику сама дала карандаши
И ныне выбрала тебя, чтоб с Иппокреной
Смешала Сена свой поток благословенный;
Чтоб Темза с Тибром вновь, ревнуя и ярься,
60 С повиновением признали эту связь;
И сказочной волне то тише, то живей ты
Повелеваешь течь по воле нежной флейты.
Да, я слышал не раз, как ты и сам, скорбя,
Оплакивал любовь, презревшую тебя.
Но лавры Пиндара пришлись тебе по праву,
И за тобой Малерб признал бы эту славу.
Ты в наших воинах поэзией своей
Отвагу пробудил и гордость, как Тиртей;
Тираны ежились, пугаясь и бледнея,
70 Когда ты молнии метал строфой Алкея;
Тебе Гораций стал бесценным образцом,
Чтоб деспотов громить язвительным словцом.
И нынче ты таков! Ты в самом центре мира,
Сиянье вокруг тебя — как царская порфира,
Одолеваешь все, что послано судьбой,
Сама вселенная кружится пред тобой.
Все, что кишит в морях и чем наполнен воздух,
Что сыщешь на земле, на небе и на звездах,
Спешит со всех сторон на твой манящий зов —
80 Поведать о себе весь мир тебе готов.
Пусть античные твердят авторитеты,
Что ими познаны все тайны и секреты,
Что ими понята природа, — ну а ты
Отыщешь новые приметы и черты:
Вот памятник тебе! Ты сам, Лебрэн, скажи мне,
Любовь к Урании в животворящем гимне

Готовый воспевать, ты сам, кем Геликон
 На разных поприщах вовеки покорен,
 Скажи мне сам, какой успех тебе по нраву
 90 И сердце жаждает твое какую славу?
 Быть может, ту, когда всезнающий Бюффон
 Твоею дерзостью бывает восхищен?
 Пускай ученые мужи твоей тропею
 Повсюду следуют с восторгом за тобою,
 Пускай приветствуют отважный твой полет
 К высотам, где тебя их зренье не найдет!
 А может, от того душа твоя крылата,
 Что переводчица любви, твоя Эрато,
 100 Найдет красавицу, чья страстная душа
 Потянется к тебе, поэзией дыша?
 Негромким голосом твой голос прерывая,
 Все вызывает она — кто Фании, кто Аглая,
 И станет, затвердив твой полнозвучный стих,
 К ним ревновать тебя, прославившего их!

ЭЛЕГИЯ XXXV

Вчера, когда я шел, тобою упоенный,
 О Дафна дивная, ко мне вооруженный
 Отряд приблизился: мальчишки, мне на страх,
 Смертельное несли оружие в руках.
 Их факелы меня зловеще осветили,
 Их цепи звонкие мне сердце охватили,
 Их копья в душу мне проникли. Малыши
 Вскричали разом: “Стой!” И грозно: “Не спеши,
 Скажи, всегда ль тебе любезна будет Дафна?..”
 10 О боги юные! Уж вы-то и подавно
 То знаете, что я прочел в душе моей!
 Зачем же этот звон и копий, и цепей?
 Ведь я и так в плену. И клятв не нужно боле,
 И боле по своей уже не жить мне воле.
 Ведь я и так горю. О Дафна, пощади:
 Сплошной огонь в моей обугленной груди!
 Чем так, как я, страдать, уж лучше быть суровым,
 Бесплодным валуном на склоне ледниковом,
 Уж лучше быть скалой на лоне бурных вод —
 20 Пусть бьет в меня волна и лютый ветер бьет!
 О море! О земля! Я весь горю. Не так ли
 Смертельный яд пылал в Кентавре и в Геракле?

hier, en te quittant, emporté de tes charmes,
 belle D'z., vers moi, tenant en main des armes,
 une troupe d'enfans courtut de toutes parts.
 ils portaient des flambeaux, des chaînes, et des dards;
 leurs dards m'ont pénétré jusques au fond de l'ame;
 leurs flambeaux sur mon sein ont secoué la flamme,
 leurs chaînes m'ont saisi. D'une cruelle voix:
 aimeras tu D'z. ? criaient-ils à la fois,
 &c. &c. &c.

Voyez les ŒUVRES POSTHUMES, Page 25.

А. Шенье. Элегия XXXV.

Факсимиле 1824 г. автографа

1780-х годов. Местонахождение автографа неизвестно

- Мой яд куда больней. Как раненая лань,
 Несущая в груди свинец — охоты дань,
 Бежит моя душа, ища покой желанный,
 И в ней горит любовь кровавой смертной раной.
 О Сена с Марной! Вас покинул Аполлон,
 Тропами тайными не бродит в рощах он.
 И только я один еще спешу, ведомый
 30 Возлюбленной моей; дорогой незнакомой
 Спешу за Дафною, которая меня
 Бросает и влечет, под вашу сень маня.
 А то иду домой, к наскучившим занятиям...
 О стены грустные! Увы, не устоять им;
 Я книгами себя, как валом земляным,
 Огорожу, а все ж не выстоять и им:
 Все сокрушит любовь, не снисходя к докуке,
 И в бегство обратит искусства и науки.
 Склоняю голову; вздыхаю; все нежней
 40 О ней мои мечты; не вижу бега дней;

Задумаюсь — перо ее выводит имя;
 Возьму ученый том — и снова дорогими,
 Родными буквами заполнена строка:
 Их ищет жадный глаз, к ним тянется рука.
 Ловлю себя на том, что вижу как воочью
 Любимую, что с ней готов я днем и ночью
 Беседовать; мираж мне отогнать невмочь —
 Он мой неволит день, мою терзает ночь.
 Прощайте, тщетные науки! Где вы? Что вы?
 50 О Музы, некогда любимые, — ни слова!
 Навеки для меня вчерашний день угас:
 Всё — Дафна, всё — о ней, и ничего — для вас.
 Куда бы я ни шел, где б ни был я, повсюду
 Я помню лишь ее — и вечно помнить буду!

ЭЛЕГИЯ XXXVI

О, жалкая судьба! о, тяжесть несвободы!
 Итак, я вынужден — и в молодые годы! —
 Влачить бесцельно дни, надеяться, страдать,
 Томиться, слезы лить и вновь чего-то ждать!

Как часто, быть рабом устав и пить из чаши,
 Что, горечи полна, зовется жизнью нашей,
 Устав от бедности, презрения глупцов,
 Убежищем почесть могилу я готов.
 И смерть желанна мне, нетрудная такая,
 10 Я цепи разорвать прошу себя, рыдая.
 Уже мне видится блистающий кинжал,
 Что грудь мою пронзит, чтоб я свободным стал.
 Но сердце чуткое слабеет вдруг, и милых
 Моих родных, друзей уж я забыть не в силах,
 И робкие стихи; так человек, скорбя,
 Скрывает горести от самого себя.
 Какой бы ни была судьба неумолимой,
 Любая жизнь влечет его неодолимо.
 Где только не спешит он отыскать предлог,
 20 Чтоб жить и мучиться, не умирать он мог;
 Питая вечные среди невзгод надежды,
 К могиле тащится, смежив как будто вежды.
 Забвенье и покой он так легко б нашел,
 Но смерть его страшит как худшее из зол.

ЭЛЕГИЯ XXXVII

(Подражание Асклепиаду)

О ночь! Ты слышала, как клялся я любимой,
И как любимая клялась — но клятвой мнимой;
Однако ты сама скрепила нашу связь.
Теперь неверная другому отдалась:
С ним шепчется, ему клянется что ни слово —
Увы, и эту связь ты вновь скрепить готова.

И ты, звезда любви, ты, лампа, ты, ночник,
У изголовия светивший каждый миг
Божественных ночей, свидетель постоянный
10 И нежностей, и клятв; ты, из тюрьмы стеклянной
На пыл возлюбленной взиравший сотни раз, —
Ты, как ее любовь, стал чахнуть и погас;
И словно легкий дым — огня бывшего участь —
Притворные слова исчезли, улечулась.
О лампа, это я тебя в ночи берег,
Чтоб охранял любовь бессонный огонек.
И что тебе теперь — не горько, не постыло
Сопернику светить, как прежде мне светила?
Ты, вероломная, прельщая и маня,
20 Теперь ведешь других, как привела меня,
Сюда — и вновь горишь, сияя ежечасно,
Над ложем той, что так коварна и прекрасна!

— В чем ты меня винишь, несчастливый поэт?
Твою любовь берег мой неустанный свет.
Едва меня зажгут — и на исходе дня я
Гляжу во все глаза, тебе не изменяя.
Вот, например, вчера: печальная, она
Шептала, что совсем недужна и больна.
Уже спускалась ночь... Я расскажу, как было.
30 Она легла в постель, а я над ней светила —
И слышу: на нее нисходит сладкий сон,
И с губ горячечных слетает жаркий стон...
Ты видишь спящую — и, ласково целуя,
Выходишь... Вслед тебе гляжу в ночную мглу я —
И что же? Дверь скрипит, и входит некто; он,
Мне видно хорошо, прекрасен и влюблен.
Она уже не спит и, нежностью объята,
Твердит: “Нет, уходи! Нет, нет, я виновата!..”
И что-то там еще, но гонит — как зовет.

- 40 Любвник между тем приблизился, и вот
Коварные уста уже соединились.
.....
Какою белизной роскошный стан пылал!
Эбен, и лилии, и розы, и коралл,
И жилки синие... Ты знал ее такою!
Скажи, какой наряд сравнится с наготою?
Ты знал ее такой — когда, уже без сил,
Ее твой поцелуй баюкал и будил,
Когда за яркость ты хвалил меня, бывало,
За что она меня с улыбкой проклинала...
50 Клянусь Венерою! Мой тонкий фитилек
Ждал только одного: чтоб ты его зажег, —
Чтобы преступницу мое явило пламя,
Чтоб укорить ее вот этими слезами,
Что на твоих глазах! Поверь, я, как могла,
Сопротивлялась им: едва лишь из угла
Тянуло сквозняком, — шипела, колебалась,
Я совесть пробудить в пустых сердцах пыталась,
Я брызгала огнем, трещала в горячах,
И, на меня взглянув, она бледнела: “Ах,
60 Я вся твоя!.. Но вот свидетель сокровенный,
Готовый вспомнить мне измену за изменой!..”
Она меня задуть хотела, но рукой
Он удержал ее, шепча: “Нет, нет, постой!”

Погасла я. И ты гаси огонь сердечный.
Поверь, еще не раз он вспыхнет, быстротечный.
Задуй его скорей, как на восходе дня
Задула, торопясь, изменница меня.

ЭЛЕГИЯ XXXVIII

- Я для любви рожден, для этих нежных уз —
Но сколь меня томит ее печалей груз!
Уже не в силах я влачить свои несчастья.
И вы, любимая! Увы, теряю власть я
Над вашей красотой! Вы рвете сердце мне,
А с ним и наш союз. Ну что же, мне вполне
Хватило вашей лжи — уйду, чтоб вас избавить
От новой. Жизнь моя иссякла. Что лукавить?
Вы были мне всегда последним судьей —
10 И смерть мою своей приблизили рукой:
Да, я, лишь умерев, могу расстаться с вами!

- Ну, где ж вы? Целый мир я затопил слезами.
Взгляните в сердце мне: там та любовь, та страсть,
Которая меня влечет пред вами пасть!
Что ж делать?.. Говорят (могу ль тому поверить?),
Что можно вас забыть, что скорбь легко умерить,
Что в легкомысленных объятиях у вас
Не я один алкал утехи краткий час;
Что страх утратить вас — отнюдь не повод всем нам
- 20 Сходить до времени к пустым полям подземным;
Что, вознеся хвалы божественной красе,
Могу покинуть вас — и жить без вас, как все.
Я в вечной нежности вам клялся, вы внимали —
И в том же мне клялись. А может, расставляли
Ловушку? Все же я предвидел сей итог —
И, вас опередив, расставил свой силоч.
В искусстве плутовства вы явно преуспели,
Однако, приучив к изменам, неужели
Вы столь доверчиво могли предполагать,
- 30 Что вам в ответ никто не станет изменять?
Вы предали; я мстил. Вы это заслужили.
Вы сами в руки мне оружие вложили:
Клинком, что обнажил обидчик, в свой черед
Смертельный свой удар противник нанесет.
Полезно изменять тому, кто изменяет.
Кто, как Перилл, быка из меди отливает,
Тот первым может быть на пытку осужден.
Свое орудие сам испытает он.
Что ж, продолжайте: вы держали на примете
- 40 Не одного меня — повсюду ваши сети.
Хоть меньше ловкости у вас, чем красоты, —
Не чваньтесь: это я надменные черты
Облагородил; я всему поведал свету
Про эту красоту, про несказанность эту.
Что прежде были вы? Заносчивость да спесь.
Я сам вас оживил, я был охвачен весь
Любовью, и она вела меня свободно
(Душа моя добра, а муза благородна),
Сама меня вела, чтобы у ваших ног
- 50 Вам ладан воскурять чистосердечных строк:
Тоска бежала прочь пред вашим совершенством,
И каждый стих дышал божественным блаженством.
Вы были немощны и хилы — я такой
Вас плотью наделил, цветущей и живой,
Такою легкостью и талией столь гибкой,
Что у меня в стихах с завистливой улыбкой
Встречали нимфы плод фантазии моей,

Вас лепестками роз осыпав и лилей.
 Но это же в стихах! А наяву не я ли
 60 Видал, как поутру, бледнея, увядали
 Все ваши прелести, и как по вечерам
 Лишь призрак красоты они являли нам?
 Ваш бледный облик был безжизненным виденьем,
 А стал в моих стихах божественным томленьем.
 Доверившись моим словам, мои друзья
 Разглядывали вас и, взглядами скользя
 По вашему лицу и по хваленым статям,
 Шептали про себя: мол, вовсе не понять им,
 Неужто это вы? Что сделалось со мной?
 70 Что называю я волшебной красотой?

— Как, это он и есть, предмет любви пылкой?
 Да что с ее лицом? — твердили мне с ухмылкой. —
 Запльвшие глаза и крашенная прядь...
 К ней в спальню следует лишь доктора впускать!
 Все, что я видел в вас, для них — одни прикрасы,
 А вместо прелестей — румяна и гримасы.
 Я со стыда сгорал: они не брали в толк,
 Что к вам в объятия влечет — нужда иль долг?
 В объятия? Увы! Амур — известный скаред
 80 И этот редкий миг мне явно не подарит.
 Как верил я словам — какой нелепый труд!
 Я думал: клятву дав, красавицы не лгут.
 Как верил я, как ждал, что ночью вождеденной
 Служанка верная, наперсница блаженной
 Любви, откроет дверь и через тайный ход,
 Взяв за руку, меня к вам в спальню проведет.
 Я верил в эту явь — но явь была мечтою.
 И вправду, лишь во сне вы что ни ночь со мною:
 О сон услужливый, дитя моих страстей!
 90 Он оживляет вас по прихоти своей.
 И это все, чем я случайно обладаю, —
 Простите, ежели и этим досаждаю...
 Прощайте! Следуйте путем своих утех —
 Любите, лгите и обманывайте всех!
 Не выдам никому, что вы — исчадь ада,
 Что приносить беду — вот что для вас услада,
 Что вы особенно нежны в тот черный час,
 Когда коварный план созрел в груди у вас.
 Пускай ревнивые соперники с презреньем
 100 Вас, недостойную, покинут — что ни день им
 Вослед вы будете рыдать от неудач,
 Я ж только рассмеюсь, услышав этот плач!

ЭЛЕГИЯ XXXIX

Итак, скорее к ней! Ау, моя Камилла!
Где я — там и она... Мне так покойно было:
Я спал, и чуткий сон ее привел ко мне,
А сам исчез. Но я успел ее во сне
Увидеть, разглядеть: она меня на ложе
Искала и звала, мне сердце растревожа.
Нет, не впусую сны щемят наутро грудь,
Рассудок смертных им непросто обмануть.
Сон — это знак богов, желаний их и воли,
10 А сны возлюбленных подвластны им тем боле.
Как нынче воздух свеж! И как восход багрян!
Он создан для любви — и мне любовью дан.

Какая благодать, коль вы еще успели
Красавицу застать в неубранной постели,
В тот самый миг, когда, очнувшись ото сна,
При свете солнечном прищурится она;
Вся отдохнувшая, вся свежая — такая,
Как роза пышная среди цветенья мая.
И я хочу успеть! А если сладкий сон
20 Еще над ней парит, рассветом нестеснен,
Чуть слышно я скользну к постели и на смятой,
Прохладной простыне, восторгами объятый,
Всем сердцем ей послав любви моей призыв,
Приникну к ней, ее так дивно пробудив.
Она захочет мне ответить взглядом, речью,
Но поцелуями, спешащими навстречу,
К ее устам прильну и к векам и не дам
Открыться векам и посетовать устам!

Но вот и дверь ее желанная. Скорее!
30 Повозки, шум; толпа, нарядами пестрея,
Спешит купить, продать, снует вперед-назад.
А у меня — мое сокровище, мой клад:
Камилла! Я вчера был грустен, покидая
Любезный кров, и мне сказала дорогая:
“Я без тебя умру. Не уходи, постой!..”
Я вновь бегу, лечу. Камилла, я с тобой!
Я под твоим окном на сторожа наткнулся —
Представь, старик, меня узнал и улыбнулся.
Вот добрый знак! И я, благодаря богам,
40 По лестнице спешу припасть к твоим ногам.

Но что я вижу?.. Дверь, моей любви защита,
 Дверь потаенная, знакомая, — закрыта!
 Камилла, это я! Открой, открой скорей!
 О небо! Кто там, кто шушукается с ней?
 Ах, это голос Лиз! О чем они судачат?
 Шаги. Я весь дрожу. Что этот шепот значит?
 Да открывайте же! Ну что там за возня?..
 Как ты растрепана! Не смотришь на меня,
 Испугана; не льнешь, ласкаясь, как бывало.
 50 С чего бы это Лиз так быстро убежала?
 Я слышал шепот ваш, проворные шаги —
 Я не ослышался? О небо, помоги!
 Краснеешь от стыда? Бледнеешь от тревоги?
 Изменница?.. Другой возлюбленный?.. О боги!
 Я должен все узнать. Я предан. Где ты, Лиз?
 Скажи мне, это что: измена иль каприз?
 Служанка верная неопытной хозяйке
 Все хитрости любви распишет без утайки —
 Как ловко провести того, кто ей немил...
 60 Но это плутовство я мигом раскусил!
 Ах, вот она идет (как пошло, подло, грязно!),
 Садясь передо мной и робко, и развязно;
 Колени у нее предательски дрожат;
 Глаза потухшие и бегающий взгляд;
 Пытается раскрыть бессильные объятия;
 Невнятные слова не в силах разобрать я;
 Вся взбудоражена; заколками чуть-чуть
 Прическа сбита, придерживана, а грудь...
 70 О, вся она в огне, в следах запечатленных
 Недавних жарких ласк и губ воспламененных!
 Я все увидел. Все мне подсказала ночь.
 Ни слова не сказав, предательница прочь
 Бежала — и солгать боясь, и оправдаться.
 А я-то, я... Зачем обманным снам верить?
 Я так сюда летел! Я так уверен был
 В ее взаимности! Я так ее любил!

ЭЛЕГИЯ XL

Братьям Трюденам

О, сердцу близкие два брата и друзья!
 Камиллу я забыл, теперь свободен я.
 Огонь ее очей не опалает боле,
 Но недалек конец моей непрочной воли.

Я знаю, не могу я долго без оков,
Свободу обрета, опять служить готов.
И сколько б ни было красавиц во вселенной,
Мне трудно избежать их сладостного плена.
Мой ненасытный взор как могут не привлечь
10 Каскад золотых волос и белоснежность плеч,
Краса округлых форм и стан, как из фарфора,
Или роскошные, искусные уборы?
Ах, нет, я не могу поверить до сих пор,
Что может лживым быть приветный, ясный взор,
Что нежные уста, похожие на розу,
Вам улыбаются, чтоб утаить угрозу,
Что сердце хитрое, недоброе ничуть
Скрывает белая, прельстительная грудь.
Коварства не страшась, доверчивый не в меру,
20 Быть может, тороплюсь принять я все на веру
И в сердце бедное впустить любовь стократ,
Стократ обманутый, обманываться рад.
Краса мне кажется высоких чувств залогом,
И правды не ищу я в рассужденьи строгом.
Поверженный, встаю, затем чтоб снова пасть,
От Сциллы ускользнув, лечу Харибде в пасть.
По морю бурному влекомый искушеньем,
Я только и терплю крушенья за крушеньем.

Зачем средь городских рожден я, гордых стен,
30 Где суетный все дни томит любовный плен,
И девам удалось постичь ценой упорства
Искусство пылких клятв и ловкого притворства?
Когда б не в городе, блестящем и пустом,
А где-нибудь вдали родиться пастухом
Из тех, что видели мы в Альпах плодородных:
Безвестных — помните? счастливых и свободных,
Ах, если б сыном стать озерных берегов,
Где трое некогда героев-пастухов
Свою Гельвецию навек освободили.
40 В младенчестве, сквозь сон, до слуха б доходили
Немолчный плеск и шум неугомонных вод,
Потоков, ручейков, что с ледяных высот
Прохладою поят долину Гасли, влагой.
О, Гасли, райский сад! о, тучных пастбищ благо!
С любовью тот край природа создала,
Где Ааре бежит, от золота светла.
Спокойным зрелищем я мог бы наслаждаться:

Вот с выменем тугим едва бредет телица,
Обильно потчует к ней льнущего телка,
50 И колокольца звон доносится слегка.
Вот шествует она к воде неторопливо
И средь пахучих трав покоится лениво.
Как станут тени гор длинней, пора тогда
Брать в руки дудочку и собирать стада,
И вот любимые напевы зазвенели,
Что любят повторять долины Аппенцеля.

Когда же принесет на склоне сентября
Холодный ветерок вечерняя заря,
Огонь, мерцающий сквозь стенки теплой глины
60 В кувшине расписном, согрел бы вечер длинный,
Иль, солнца проводив последние лучи,
Я б лиственницу жег душистую в печи.
Супруга верная, усердная, простая
И белокожая (меж гор, где тень густая,
Не опалает лиц прекрасных летний зной)
Поставила б на стол плоды и мед златой,
И молоко, лугов окрестных дар и чудо,
А с ними заодно и собственное блюдо:
70 Большой и круглый сыр, что плавился и зрел,
И в чане наконец приятно затвердел,
И тихим голосом — всех голосов прелестней —
Она бы матери своей мне пела песни.

К местам безрадостным, увы! я пригвожден,
И столь заманчивый покой мне не сужден.
Хочу я прочь бежать, расторгнуть рабства узы.
В сопровождении живой и дикой музы
Хочу увидеть я, как в бездну Рейн летит,
Как Рона подо льдом рокочет и кипит,
И Арва яростно ревет, вздымая тину.
80 Я возношусь на ту певучую вершину,
Где часто ангелы, сокрыты пеленой,
Ступают легкою, бесшумною стопой,
И звуки неземных струятся песнопений.
О Тун, нет озера, тебя благословенней!
Потоков детище, со всех сторон оно,
Зеленой цепью гор, лесов окружено.
Природы чудные капризы мне любезны!
Селенья, города повисли там над бездной.
Хочу заросший склон увидеть поскорей,

- 90 Хочу, игралище извилистых путей
И мшистых скал, блуждать тропинками глухими,
На кручи восходя за козами моими.
А ты, близ неба грот, страшащий высотой,
Где некогда нашел убежище святой,
Где в сумрачной тиши ручей не умолкает,
Что по камням сырым бежит и утекает,
Ах, может быть, в твоей прохладной глубине
И радость, и покой опять придут ко мне.

ФРАГМЕНТЫ

(1)

Таким я прежде был и все еще такой;
Растратив золото беспечною рукой
И после ужина отправясь беззаботно
К возлюбленной и дверь найдя замкнутой плотно,
Спешу вернуться я под мой домашний кров
И, погрузясь в труды, благодарю богов.
“Сколь тщетны, — говорю, — людские все стремленья!
Они полны забот, напрасного волненья!
К чему зовем опять, утешившись едва,
10 Богатство и любовь, слепые божества?”
Но если, властелин потока золотого,
Мне Плутос уделит от благ забытых снова,
Коль белолицая появится в окне
Соседка милая и улыбнется мне,
Тогда прощайте, том старинный, жажда славы,
Ученья храм — Лицей и Портик величавый!
На смену вам спешат записки и цветы,
Пиры и празднества, и вздохи, и мечты,
И взоры долгие, любовной полны неги,
20 Ночные оргии и томный звук элегий.

(2)

Ну, что ж, решимости во мне, как прежде, мало!
Виновная, она всегда торжествовала!
Я должен был хоть раз ей преподать урок
И ждать, не делая ни шагу за порог.
Так нет же! Позабыв, с какой досадой, бранью
Вчера я осужден был снова на изгнание,
Сегодня утром я — несколько не гневлив! —
Хочу уладить все, ее не оскорбив.
Лечу к ней и ее прощаю против воли.

- 10 И что ж? Она меня поносит еще боле.
Выходит, что жесток, капризен, груб — лишь я!
Над слабостью ее несносна власть моя,
И тут же — громкие упреки и угрозы,
Всегда готовые обильно литься слезы,
И будь я трижды прав, чтоб мир восстановить,
В смущеньи должен сам прощения просить.

(3)

- Как много слез Амур своим рабам несет,
Источник радостей, но более — невзгод!
К чему его дары? В задумчивой долине
Сокрыться от него велят нам музы ныне.
О музы, только вас любить не устаю,
Одни вы можете наполнить жизнь мою.
Сюда не достигнет Амур стопою скорой,
Муз целомудрие и скромные их взоры
Жестокоего стрелка бежать заставят прочь.
- 10 Храните ж вы меня, о музы, день и ночь.
- Ах, нет, не могут быть Амуру чужды музы,
Им мил шалун, и с ним они хотят союза.
Не знающий любви напрасно молит их,
Из сердца праздного не изольется стих.
Лишь к голосу любви они не равнодушны.
Так лира и моя волшебницам послушна:
Когда воспеть богов, героев я хочу,
Едва начав мой гимн, мгновенно замолчу,
Зато уж о любви пою неутомимо,
- 20 И льется песнь легко, и вдаль летит к любимой.

(4)

НА СМЕРТЬ РЕБЕНКА

Всего одну весну в обители земной
Увидело дитя, рожденное весной.
И что осталось нам? Лишь имя, очертанье!
Как сон, неясное, мечта, воспоминанье.
Ушедшее от нас дитя, навек прости.
Ты там, откуда нет возвратного пути.
Прощай, уже тебя мы не увидим боле,

Когда приветливо зазеленеет поле,
И не видать нам впредь, как ты в саду отца
10 Густую мнешь траву и лазишь без конца
В цветах, что каждый год заботливая Сена
В обилии растит на берегах Люсьена.
Коляска малая, в родных руках звеня,
Игрушка бедная, любимая твоя,
Не будет бороздить окрестные поляны.
Твой темный, ласковый язык, твой лепет странный
Не станут нас к тебе, волнуя, призывать,
И с радостью живой не будем мы встречать
20 Твоих румяных уст напрасные усилья
Созвучья вымолвить, что слух твой поразили.
Прощай, в твоём краю все будем с неких пор.
Туда уж мать твоя бросает жадный взор.

(5)

Ждет парусник, и зов я слышу Византии.
Я побежден, я раб. Лишь странствия морские
Исторгнуть из души окованной сулят
Черты, влекущие мой покоренный взгляд,
И образ, что мне все на свете застилает,
И имя, что мой слух повсюду настигает,
Вид мест, где некогда она явилась мне,
Все, от чего горю в погибельном огне.
Свобода милая, тобой лишь мы богаты,
10 Но ценим ли тебя? Увы, твоя утрата
Сперва так радостна, а вскоре — тяжела.
О, если бы тебя моя душа нашла!

(6)

Нам легче, если грусть мы можем разделить,
Злак, что Америка одна могла взрастить,
Смягчает горечью пропитанный напиток.
Так горестей любви слеза смягчит избыток,
Когда про твой, в груди таящийся, недуг
Услышит, ту же боль в былом узнавший, друг,
Иль если сам в лесу про горькие мученья
Расскажешь ты ветрам, холмам, ручья теченью.

<7>

(Лондон, декабрь, 1782)

От близких, от друзей, от земляков вдали,
Покинут и забыт, один среди всей земли,
Волнами брошенный на остров сей унылый,
Я имя Франции все повторяю милой.
Пред хладным очагом ропшу я на судьбу,
Мгновеньям счет веду, о смерти шлю мольбу,
И друга нет со мной, который взглядом, словом
Мою б развеял грусть под неприютным кровом,
Когда я слезы лью, поникнув головой,
10 И, руку мне пожав, сказал бы: “Что с тобой?”

<8>

Ни нежная любовь, ни красота, ни гений
Не могут помешать внезапной перемене:
Когда б, неверные, вы выбирали тех,
Кому заслуженный сопутствует успех,
Кого красавице любить ничуть не стыдно,
А нам соперником признать не так обидно.
Но боги! нам краснеть приходится не раз
При виде тех, увы! кто избран вместо нас.
О, да, не раз Терсит красотку соблазняет.
10 Заманчивый порок — вот все, что вас пленяет.

<9>

Влюбленный гневаться не может бесконечно.
Когда б увидел ты, как в горести сердечной,
От гордости зардась, она винит себя
И снисхождения не молит у тебя,
Но все же получить надеется прощенье,
Как, вдруг умолкшая, в пленительном смущенье,
Простоволосая, полуобнажена.
В твои глаза взглянуть решается она,
Тогда б твои уста упреки позабыли
10 И поцелуи вновь любимую простили.

〈10〉

Приди к ней на заре, когда еще над ней
Бог сновидения, роняет мак Морфей,
Любуйся в полутьме задернутого ложа
И смуглою рукой, сон чуткий не тревожа,
И густотой ресниц, и свежестью ланит,
Где тень от крыльев сна бестрепетно лежит.

ПОСЛАНИЯ

ПОСЛАНИЕ ПЕРВОЕ

Леброну и маркизу де Бразе

Лебрен, зовущий нас на берег милой Сены,
Пока завистный рок воздвиг меж нами стены,
И ты, Бразе, как я, ловящий сей призыв,
Ты, без которого я был бы сиротлив;
С тех пор, как род людской, покорливый Пандоре,
Узрел в ее руках сокровищницу горя,
Что лучше дружества нам, смертным, припасли
Участие небес и милости земли?

Ах, если кто-нибудь его познать и может,
10 То это мы: Амур нас мучит и тревожит,
Отравленной стрелой сердца пронзая нам, —
А дружба льет на них целительный бальзам.
Без провожатого, без друга, одинокий,
Влекомый красотой, когда приходят сроки,
Краснеет юноша, робея, и над ним
Страсть торжество свое справляет; он, томим
Коварством, в коем нет отрады и в помине,
Дает себя увлечь обманчивой пучине!
Как часто будет он, отвергнутый, готов,
20 Рыдая, обвинять в неверности богов!
Как часто будет он в унынии бессонном,
Гонимый бурею и споря с аквилоном,
От рифа к рифу плыть, не находя руки,
Протянутой к нему средь горя и тоски!
Но счастлив, кто спасет от гибели беднягу,
Кто, берег указав, вдохнет в него отвагу,
Кто из его души изгонит яд невзгод
И к дружеской груди несчастного прижмет,
И безрассудную любовь его развеет,
30 И упования внушить ему сумеет!
Какая в дружестве таится благодать:

Покой и жар души — все другу отдавать,
 Готовясь что ни миг пожертвовать собою,
 Быть всюду рядом с ним и жить его судьбою!

И если небеса благоволят простым
 Моим молитвам и желаниям моим, —
 Смирюсь: пускай волна, несомая Пактолом,
 Пренебрежет моим сухим и скудным долом;
 Пусть Лувр, для преданных исполненный щедрот,
 40 За награждением меня не призовет,
 Пускай Урания, презрев мое мечтанье,
 Мне в пальмовом венце откажет и в признание,
 Но пусть мои друзья, моей судьбы оплот,
 Со мной разделят жизнь, оплачут мой уход;
 Пускай сии мужи, великая когорта,
 Кого в Историю вписала Слава гордо,
 Не гением своим — сердечностью самой
 И добротой души поделятся со мной;
 Пусть оживут у нас в сердцах, как символ веры,
 50 Святого дружества античные примеры.
 И если отсветом древнейших образцов
 Свой разум вдохновить любой из нас готов,
 И ежели они, так широко прославясь,
 Вдохнули нам в сердца возвышенную зависть, —
 Ну что ж, последуем и мы по их стопам:
 Пусть дружество, как им, подарит счастье нам.
 С Цитерою простясь, так некогда Гораций
 Сумел до берега безбурного добраться
 И руку помощи Тибуллу протянул,
 60 Чтоб в горестях любви утешился Тибулл.
 Да, дружба исцелять умела, как лекарство,
 И чары Лесбии, и Кинфии коварство;
 Утешился стихом вергилиевым Галл,
 Когда под бременем скорбей изнемогал.
 Вот сердцу моему пример для подражания!
 Овидий, как ты был несчастен в дни изгнания!
 Не потому, что сонм властителей отверг
 Твоих плаксивых строк лукавый фейерверк,
 А потому, что там, вдали, забытый миром,
 70 Ты одиноким стал, отверженным и сирым.
 Не знал ты ни одной спасительной души,
 Что утешала бы тебя в твоей глуши!
 Нам это не грозит, И что бы ни случилось —
 Богов ли гнев, владык ли громкая немилость —
 Пред их неистовством мы не опустим взор:

Пойдем, рука в руке, судьбе наперекор.
Пусть жестокий рок терзает нас порою:
Гнетущий, он — один; нас, непокорных, — трое.
Друг другу верными останутся сердца
80 И в схватке роковой не дрогнут до конца!

Друзья! Лишь дружество всего на свете стоит —
Пусть даже Аполлон всех нас не удостоит
Почета быть в числе избранников своих,
Чарующих покой пермесских роц густых,
Что из того? Они пример нам преподали,
И мы за ними шли, мы их словам внимали,
Когда блаженство в свой их принимало храм, —
Их самый лучший лавр пришелся впору нам.
Любой из их венцов мог нашим стать по праву,
90 Мы тоже от небес прияли страсть и славу,
Питает нас, как их, познанья чистый ключ
И так же светит нам искусства ясный луч.
Без брата Полидевк не воссиял бы миру
А без Патрокла бы Ахилл забросил лиру.
Вергилий до того любил друзей своих,
Что Нисом стать мечтал для каждого из них.
Да что я говорю? Лебрен, мой друг, не ты ли
Их пламенем пылал, когда ты на могиле
Расина-младшего* заставил петь навзрыд
100 Ту лиру, что жилвил когда-то Симонид?
А ты, анахорет, любитель Гесиода,
Певец, что поглощен законами природы,
Двенадцать замков нам являешь напоказ,
В которых год свои сокровища припас, —
Бразе! Моя душа твердит твои напевы,
Которые звучат во славу чтимой девы:
Ее не тяготит времен круговорот,
И большую красу ей старость придает.
Кто сердцем черств, пускай нам не твердит напрасно
110 О чувстве, что ума потугам неподвластно:
К чувствительным сердцам взывать напрасный труд,
Когда слова твои от сердца не идут.
Кто верно передаст черты оригинала,
Коль их не видел глаз, рука не осязала?
Но тот, кто вглубь себя всецело погружен

---

* Сын автора "Религии" и внук великого Расина. Он умер в Кадиксе во время бедствия, разрушившего Лиссабон и сотрясшего все побережье от Португалии до Испании (*примеч. автора*).

И душу лицезрит, как чистый эталон,
 Тот опалает нас огнем одушевленья
 И сообщает нам к прекрасному стремленье,
 И страсть, воистину заветный сердца плод,
 120 Влагает в звучный стих, исполненный красот.
 Любовь, чувствительность — вот дар, что мы лелеем
 С тех пор, как он с небес похищен Прометеем.
 И кто не знал любви, вскипающей в груди, —
 От Каллиопы тот внимания не жди.
 Так! Дружество, любовь, поэзии услада
 Суть вдохновения прекраснейшие чада.
 Единым гением порождены на свет
 Все трое — верный друг, влюбленный и поэт.
 Их добродетели да будут нам примером!
 130 А Бавий с Мевием, Зоил, Гакон с Линьером —
 Им было суждено не ведать сих страстей,
 Жить без возлюбленных и не иметь друзей.

В иных достойно все — манеры, убежденья,
 Но сей высокий дар им не дан от рожденья;
 Хоть сообщат они стихам высокий строй,
 Но чувство уснастят блестящей мишурой, —
 И скука просквозит в улыбках нарочитых,
 Но ум отвергнет их, любовь разоблачит их.
 Судите, дрогнут ли возлюбленных сердца
 140 От песен, что едва ль волнуют и певца?
 И тот, кто холоден в своем служеньи музам, —
 Покорствует ли он священной дружбы узам?
 Герои! Вы иной пример являли нам —
 Вы ей на алтарях курили фимиам:
 В античном дружестве хочу исток постичь я
 Афинской доблести и римского величья!
 Был мудрым Лелием возвышен Сципион;
 О пантеон друзей! Никокл и Фокион,
 Ликург, отдавший жизнь за честь родной державы,
 150 Где добродетели ценились выше славы.
 Друг — это полубог! Сульпиций и Варрон,
 Брут, Аттик и Помпей, Катон и Цицерон!
 Да, суждена была возвышенная страсть им —
 Объединенные и славой, и несчастьем,
 Они оплакивали тень былых свобод
 И в дружбе черпали защиту от невзгод.
 Когда б не дружба, где, в каком уединеньи,
 Мудрец бы находил желанное спасенье, —
 Когда развратный Рим людей на бойню влек

- 160 И скиптром насаждал свирепость и порок;
Когда тиран карал усердые и отвагу
И мстил за рвение к общественному благу;
Когда изгнание, тюрьма, кинжал и яд
Утихомиривали ропщущий сенат?
Соран, Сенецион, и Рустик, и Трасея —
Сыны античности! И въяве, и во сне я
Вас вижу всех, друзья, и каждый был готов
Погибнуть, но не стать одним из подлецов,
Что в трусости своей клеветуют и доносят,
- 170 И рабски фации за господином носят.
Я вижу, как среди бесчинств и черных дел
Разгулу мерзости кладете вы предел;
Как твердою стопой, следов не оставляя,
По морю клеветы идете вы, являя
При свете факела, что предками зажжен,
В сем мире низостей возвышенный закон.
- О дружба! Будь же к их примеру справедлива —
Пускай их имена обогатят архивы;
Развей над нами ночь; приди, приди и к нам,
- 180 Родив соперников сим дивным образцам.
Пускай сии мужи нас к славе подвигают,
Пусть добродетели над Францией сияют:
Пускай их радостный и страстный хоровод,
Ниспосланный тобой, вослед тебе идет!
Искусства оживи, верни им прежний гений,
А злобу с завистью гони из их владений;
Почиют в пошлости искусства без тебя,
Но возвеличатся с тобою, возлюбя
Твое могущество, твое прославив имя, —
- 190 Сам Плутос, бог богатств, одушевится ими,
Все станут праведны — и знать, и низкий люд:
Коль чтим сам человек, то и таланты чтут.
- Да, в древней Греции царю был гений равен:
И Александр был чтим — и Апеллес был славен.
И Фидий там ваял и смертных, и богов,
И за Гомера спор вели семь городов.
И мы, друзья, и мы, бесстрашно, час за часом,
Взыскующие лавр, завещанный Парнасом,
Мы можем в сонм войти великих сих имен —
- 200 Да будет дружбою удел наш осенен!
А там, когда умрем, пускай же в мире этом
Навеки наш союз останется воспетым;

То, что писали мы, сердечных истин свод,
 Пускай пребудет с тем, кто дружбою живет.
 Пусть новые друзья, затепливши лампаду,
 Найдут у нас в стихах опору и отраду
 И пусть уверуют, что, подражая нам,
 Оставят свой пример грядущим временам.

Послание Шенье-старшему (Андре)

С рожденья осиян ты гения звездой,
 И слава вознесла свой факел над тобой;
 Ты муз любимцем стал и Пинда вскормлен медом.
 Суровым окружен и варварским народом,
 Средь византийских стен увидел Феба свет
 Друг для души моей и истинный поэт.

Пусть Пера славится и берег тот блаженный,
 Где в те же дни, когда Софи, цветок бесценный,
 Любовью в сладостный была взята полон,
 10 Тебе бессмертие пророчил Аполлон.
 И он хранил корабль, что по стезе тревожной
 Нес Девяти Сестер надежду осторожно;
 И он в твоей груди к прекрасному зажег
 И к подвигам любовь, величия залог.
 Сей пыл возвышенный — всегда удел немногих.
 Средь выжженных песков, растений их убогих,
 Восстав невидимо земли из темных недр,
 Касается небес ветвями гордый кедр.
 Вот так раскинется твой лавр широкой кроной
 20 И затенит Парнас листвою вечнозеленой,
 Коль будет, не кичлив, покорен Девяти,
 Под их опекою, не торопясь расти.

Ах, нет, ты изменить вовек не сможешь музам,
 Лишь с ними дорожишь волшебным ты союзом,
 Не бросишь милых дев и в лоне суеты
 Не станешь при дворе искать удачи ты.
 И не захочешь стать напыщенным прелатом,
 Что славится везде богатством и развратом,
 Или законником, страниц под перебор
 30 Заснувшим, чтоб изречь, проснувшись, приговор.

Нет, сердце юное влекут пути иные,
 Победы ратные и трубы боевые,
 И веселит его доспехов бранных звон,

Сень Марсовых шатров и плещущих знамен.
Там в окруженье муз подобием Эхила,
Быть может, станешь ты, иль с лирою Ахилла.
Кто духом вознесен, тот безоглядно смел
В бою любом, избрав бессмертия удел.
И грекам, чтоб разбить персидские армады,
40 Понадобились меч и строки "Илиады".
А Фридрих в наши дни не так ли полюбил
В напевные стихи облечь военный пыл?
Не он ли, знаменем пробитым осененный,
Десницей бранною, что двигала колонны,
На струнах золотых бряцал, чуть стихнет бой,
И мирные к нему утечи шли гурьбой?
Он им давал приют в шатре и в пышном зале.

Когда бы образцом тебе герои стали!
Ниспровергателей лихих оставим рать
50 Невежество хвалить, искусство презирать,
И в гордой тупости и праздности унылой
Освиствивать труды, лишь гению под силу.
Всегда невнятен был глупцам богов язык,
Доступный лишь тому, душою кто велик.

Безумцы! если б вам хоть раз пришла охота
Поэта отличить, увы, от рифмоплета!
Неблагодарные! пусть вам не по нутру,
Певцы несут нам свет и учат нас добру.
Хотя мы вспоминать, быть может, и не склонны
60 Пророчества в стихах, священный дуб Додоны,
Орфея с лирою, преодолевшей тлен,
И Амфиона глас, зиждитель крепких стен,
Но кто, как не поэт, возносит добродетель
И о награде ей становится радетель,
Дарует небеса, на мрачных берегах
Злодейство поселив, внушающее страх?
Под звуки лир Олимп открылся для Алкида,
В Эребе бледная исчезла Данаида,
Впервые нам в стихах изложен был закон,
70 Поэзией наш дух возвышен, просвещен.

Доколе не было письму дано начало,
И в надписи немой душа не зазвучала,
Лишь гармоничный стих в уме мог сохранить
И смысл звучащих слов, и происшествий нить.
Певучий, мерный звук едва коснулся слуха,
Уж в памяти людской живут творенья духа.

- Высоким языком поэзия была,
Храня обычаи, законы и дела.
И ныне вопросить довольно Мнемозину,
80 Чтоб древности седой вообразить картину.
Да, человечеству с младенческих годов
Дарован дивный дар сложения стихов.
- Искусством первым став, великим, всемогущим,
Последнею умрет поэзия в грядущем.
Люби ж ее, лети, о друг, за мною вслед
Туда, где слава ждет, туда, где тленья нет.
Творца ли эпопей влечет тебя карьера
Или хочешь первенство оспорить у Вольтера,
90 И пленил тебя элегий томных круг
И струн Проперция ты воскрешаешь звук,
Восхйщен силою лирического жара,
На высоте ль паришь вослед орлу Пиндара,
Или Лукреция задумав превзойти,
Бюффоном предпочтя открытые пути,
Где тайны, чудеса являет нам природа,
Изобразить решил строенье небосвода,
Готов тебя, мой друг, я поддержать во всем
И облегчить тебе на наш Парнас подъем.
- О, сколь достойными увидишь сожаленья
100 Ты с высоты весь мир и все его стремленья,
Толпу слепых людей твой обнаружит взгляд,
По тропам жизненным бредущих наугад:
Во власти жадности и средств не разбирая,
Друг друга с яростью тесня и попирая,
Чтоб, совесть позабыв, взобраться вверх ползком
И с тяжким грохотом низвергнуться потом.
- Пока же завистью терзаемый жестоко,
Безумный этот люд подобием потока
Лихого мечется впотьмах из рода в род,
110 От истины вдали кружить не устают,
Мы дружеству верны и возлюбили славу,
И в храме Памяти останемся по праву.

Лебрен

ПОСЛАНИЕ II

- Быть может, друг, мою и не приветят музу:
Чужда сатира мне, любезная французу.
Высокомерному читателю, собой
Довольному вдвойне, когда смешон другой,
Приятно, книгу взяв, меж рифмами иными
Насмешливых стихов найти чужое имя.
Коль не задет никто, он задремать готов.
Но я Горация и всех его сынов
Прошу меня простить, коль им прощать возможно:
- 10 Как ни гордись они, мне кажется не сложно
Бессильного глупца настичь исподтишка
И вздеть на острие коварного стишка.
Несчастный без того достоин сожаленья:
При жизни он забыт, и все его творенья
Ему в могильный мрак указывают путь.
А кто-то одержим желанием шепнуть,
Как брадобрей земле, о тайне сокровенной,
Чтоб выросший тростник прошелестел вселенной
О том, каких ушей сподобился бедняк!
- 20 Мне это ни к чему. Быть может (видно, так)
Я из податливой и слишком нежной глины
Был вылеплен, с душой и кроткой, и невинной
А, может, мне в укор качая головой,
Язвительный шутник предложит довод свой:
Мол, если б одарен я небом был поболее,
Тогда бы и моим стихам хватало соли.
Что ж, все на пользу мне, своей судьбе я рад,
И не манит меня зеленый виноград.
А между тем страна предоставляет эта
- 30 Немало поводов для гневных строк поэта:
Тиранит солдатня задавленный народ,
Невинных вопль никак до судей не дойдет,
Злодеи в тесный мрак ввергают добродетель,
И беззакония, и гнета всяк свидетель.
Но вместо яростной с насилием войны
Подобострастия стихи наши полны,
И платят скверные правители презреньем
Тому, кто их дела встречает одобреньем.
Когда бы возгремел однажды против них
- 40 Опасный для певца, разящий, дерзкий стих!
Нет, пустозвонная везде слышна сатира,

Что выясняет, чья звучит фальшиво лира,
 Чей неудачный труд лишь раз увидел свет,
 В чьей книге слог коряв, а рифм искусных нет.

- А мне по нраву жить, другим не досаждая
 И прихотям своим невинным угождая.
 Вселенную мой взор объемлет без труда,
 Я новых замыслов и старых полн всегда:
 Как рекрутов, в моем военном стане строю
 50 Люблю их выводить и снаряжать пред боем.
 Рассеянным резцом я по моим трудам
 Неспешно прохожусь и медлю здесь и там.
 Едва начав одно творенье, неизменно
 Стремлюсь к другим ваять плечо или колено,
 И всем не достает то головы, то ног;
 Но совершенными предстанут, дайте срок.
 Так много дней птенцов высиживает птица,
 Чтоб целым выводком им перед ней явиться,
 И оперением однажды всем блеснуть,
 60 И дружной стайкой в лес прозрачный упорхнуть.
 Быть может, следует мне проявить терпенье,
 Начать и завершить одно произведение,
 Но постоянный труд душе моей претит.
 — Что вы прочтете нам сегодня? — говорит
 Мне Девяти Сестер поклонник убежденный,
 Что после ужина, хмельной и разморенный,
 На кресле развалясь, с охотою готов
 Вздремнуть у очага под мерный шум стихов.
 — Кто, я? Да ничего. Молчанье предпочту я.
 70 — Такой-то оду нам прочел и недурную,
 Потом посланьем нас его потешил брат.
 — Что ж, эти господа всем угодить спешат.
 Сравниться с ними я старался бы напрасно:
 Случайным прихотям мое перо подвластно.
 — Так-так. А ваш “Гермес”? молчите вы о нем?
 — Он продвигается успешно, с каждым днем.
 — О! я так верю в вас! — Пока что нет причины.
 — Готовых сколько глав? — Клянусь вам, ни единой.
 — Возможно ль? — Слушайте, случалось видеть вам
 80 Литейщика, что жизнь дает колоколам
 Немолчным, блещущим красой, большим и малым?
 Готовы тридцать форм в земле, и по каналам,
 Что к ним проложены и образуют сеть,
 Вдруг устремляется расплавленная медь.
 В одно мгновение завершена работа.

У всех колоколов особенная нота,
И только ждут они, когда их час придет
Умерших провожать или будить приход.
Литейщик этот — я, и форму для отлива
90 Созданий будущих готовлю терпеливо.
Когда же наконец настанет день литья,
То сразу явится все из небытия.

Таков мой дар, его мне небо ниспослало.
У старых авторов заимствую немало.
Но чаще, гением их чудным вдохновлен,
Я, как они, творю, огнем их опален.
Надменный судия, в усердии великом
Мой изучая труд, находит с громким криком
100 То подражание, то перевод прямой;
Учености своей дивясь, он горд собой.
Быть может, у него остались упущенья?
Пусть он придет ко мне, и все мои хищенья
Я укажу ему, и тот незримый шов,
Что, змейкою вяясь, скрепляет мой покров
С лоскутом пурпура чужого. И другое
Искусство тайное ему тотчас открою:
Металлы разные, вошедшие в мой сплав,
Я снова разделю, явив его состав.
В моих стихах слышны тосканцев говор нежный,
110 Британской музыки звук, суровый и мятежный,
Шелка и золото мне дарит Древний Рим;
Все, что мне нравится, я делаю моим.
Но чаще Греции я обхожу долины,
Меня поит Пермес, беспримесный, старинный.
И, словно Прометей, огонь я уношу,
Из глины статуи одушевить спешу.
Порой становится моею мысль чужая;
Она, невиданным нарядом поражая,
В моих стихах живет и кажется нова.
120 Порой у древних я беру одни слова,
Их изменяю смысл и новые предметы
Велю описывать, пусть необычно это.
Со строгой прозою влечет меня игра,
Когда, в венке из рифм, она из-под пера
Скользит, оживлена, раскована, воздушна,
Танцует и поет, мелодии послушна.
В садах античности, проворна и легка,
Срезает там и тут побег моя рука
И бережно к моим деревьям прививает,

- 130 И вскоре общая кора их покрывает,
 И этот сладостный, таинственный союз
 Придаст моим плодам творений древних вкус.
 Античных мастеров поклонник неизменный,
 Я прибегаю вновь под их покров священный
 И с ними их триумф я разделить хочу;
 Мою защиту им одним препоручу.
 Поспешный критик мне не нанесет урону:
 Он даст вместо меня пощечину Марону.
 И это (никогда мне повторять не лень),
 Ты знаешь, до меня уже сказал Монтень.

ПОСЛАНИЕ III

- Что вечно сетовать на грубость рейнских волн?
 О Муза, поспеши туда, где лени полн
 И праздности Лебрен; на брег, любимый нами,
 Где Елисейскими цветет Париж полями;
 Туда, где отчих стен величественный вид
 Людовик бронзовый, воскреснув, лицезрит;
 Где королевские сады, как яркий пояс,
 Идут вдоль берега; где Сена, удостоясь
 Почета обмывать подножья древних стен,
 10 Богатство портиков берет в любовный плен.
 О Муза, пусть тебя ведут валы и арки,
 Когда встает заря и дни теплы и ярки,
 Туда, где тысячи изысканных карет
 Влюбленных медленно везут друг другу вслед;
 Туда, где до холмов, роскошно, обновленно
 Уже дорос Париж, и где лесное лоно
 Прияло храмы и дворцы, где в летний день
 Скрывает небеса раскидистая сень, —
 Там новый Геликон! Там моего Лебрена,
 20 Быть может, ты найдешь, простертого смиренно
 У ног красавицы; ему ты не мешай;
 Но если он один — оклики: не лишай
 Меня надежды знать, как будет рад при этом
 Мой друг, к которому я шлю тебя с приветом.
 Ты передай ему, пусть будет он здоров,
 Свободен и счастлив; и много ли даров,
 Спроси, он получил из кладовых природы;
 По-прежнему ли сей эпикуреец оды
 Возносит ей; хранит ли память о друзьях;

- 30 Кого теперь поет в восторженных стихах;
Тибулл с Венерою в тиши, под сенью леса,
Венчают ли его, иль берега Пермеса
Покинул он, забыв пастушеский удел,
И, пылом Пиндара проникшись, овладел
Отважной лирою, чьим звукам вдохновенно,
Как Фивы некогда, теперь внимает Сена?
Скажи ему, что он забыл ко мне писать,
Что милый мой Бразе, с которым я опять
В разлуке, да леса, да тихие занятия —
- 40 Все, чем себя могу в печали утешать я.
Да, в безмятежности неведом сердцу страх —
Однако же, Лебрен, в военных лагерях,
Где гром в ушах стоит, где будит непреклонно
Не Феб меня с утра, а за полночь — Беллона,
Вертумна мне пришлось с Палесом позабыть:
Для мирных сих богов мир должен в сердце быть.

ОДЫ

ОДА ПЕРВАЯ

Мари-Жозефу Шенье

Мой брат, да будут дни твои ясны и втуне
Да не останутся труды!
Равно всегда блистай на сцене, на трибуне
И, благосклонной мил фортуне,
Внесенный ввысь, не знай ни горя, ни беды.

Пусть ярче каждый раз и словно в новом свете
Твои свершенья предстают;
Когда же проживешь ты двадцать пятилетий,
К надгробью твоему, как к мете,
В веках блистающей, потомки притекут.

ОДА II

Строфа I

О дух мой! выше облаков,
От черных мыслей прочь, отрада неземная
Влечет тебя на пир богов,
Когда, отмщенья алкая,
Повсюду видя смерть, дымящуюся кровь,
Колчан бездонный свой ты отверзаешь вновь.
Злодеев не минет стрелы свистящей жало,
Что желчь во благо напитала,
И если Божий гром пред силою молчит,
10 Жрецов бесстыжих преступленья,
Заклавших Францию, как жертву в искупленье,
Что, бессловесная, в агонии хрипит,
Ты поразишь без промедленья.

Антистрофа I

Ты веришь, вечный светоч твой,
Деяния орды враждебной освещая,
И мрак рассеет гробовой,
Забуть бесславных воспрещая.

Уж, чудится, гремят прозванья подлецов,
 И ропот ужаса растет со всех концов
 20 При звуке струн моих. Я навсегда народом
 Почтен и под могильным сводом.
 Так греки славили свершения тех дней,
 Когда увидела Элида
 Предателей, рукой поверженных Алкида,
 Или когда сражен был стреловержцем змей,
 И ликовать могла Фокида.

Эпод I

Усилий и надежд тщета!
 На брюхе жизнь влачить — вот все, что людям надо.
 Вот их потребность, их мечта.
 30 К несправедливости не привлечешь их взгляда.
 Успех для них — судьбы награда,
 И тот, кто власть стяжал, толпою ободрен.
 Ничтожный, вознесен победою неправой,
 Почетом окружен и славой.
 Безвиновен меч, в крови слабейших обагрен.

Строфа II

Великая погибших рать
 Пусть взыдет к небесам, и грозный суд свершится,
 Пусть алчных чудищ покарать
 Не медлит мощная десница.
 40 Едва они падут, как их проклятье ждет.
 Продажная толпа их трупы разорвет
 И станет восславлять в повальном иступленьи
 Владык вчерашних посрамленье.
 Но, если Марс за них, стоустая хвала
 Гремит, их доблесть воспевая.
 Успех слепит глаза, пороки затмевая
 И души черные, и черные дела
 Блестящей пеленой скрывая.

Антистрофа II

Жилец иных краев, смущен,
 50 Безмолствует, дивясь столь безграничной власти:
 Окован и поработен,
 Народ в своем уверен счастье
 И осмеять спешит, мучениям предав,
 Нас, твердых вольности ревнителей и прав.
 О, стадо жалкое... Но что нам черни злоба,
 Ее хула и призрак гроба

Или ее хвала, презренный фимиам,
 Страстей кипенье площадное?
 Нам должно умереть. Бесчестия ценою
 60 Не стоит продлевать на торжество врагам
 Существование земное.

Эпод II

О, боги! мудрый ли с высот
 Небесных разума в подобострастье льстивом
 До уровня толпы падет?
 Как в древности атлет, усилюм горделивым
 Противясь бешеным порывам,
 Недвижен он стоит, необорим, как встарь,
 И высоко глядит на род людской безумный,
 Всегда угодливый и шумный,
 Что рад сменить господ, иной обнять алтарь.

ОДА III

О, Византия-мать, иль смеют янычары
 Магометанина переступить порог?
 Нет, не несут ему ночные эмиссары
 Нежданных бедствий и тревог.

В гареме, что храним от глаз чужих прилежно,
 От прихотей владык надёжно огражден,
 В тише, на лоне нег почиет безмятежно
 И не дрожит страхом он,

Что сотворенные за ночь одну законы,
 10 Что судей-палачей бесстыдный приговор
 Вдруг возгремят, и он, в измене обвиненный,
 Найдёт погибель иль позор.

Обычай твой и твой Коран бесстрастно
 Являют твоему султану острый меч,
 Чтоб помнил он: не все вокруг ему подвластно,
 Не вздумал долгом пренебречь.

Так вот где мощная преграда деспотии,
 Потоку мерзких дел, что захлестнул Париж!
 Ты далеко от нас, свобода, в Византии
 Над минаретами паришь!

ОДА IV

Я видел, как в ответ на нежный взор другого
Глаза ее туманились слезой,
Как с милых уст ее божественную снова
Усладу пил другой.

Когда ж не в силах скрыть невольное волненье,
Боль с безмятежным я не мог стерпеть лицом,
Взор беглый, ласковый, мне брошенный тайком,
Смягчал в моей груди сердечное мученье.

10 Ах, там, где леса мрак глубок,
Стрелой пронзенный голубок
Свободно изливает стоны.
От стрел, что мечет Орион,
Изнемогая, Актеон
Скорбит и ропщет, не стесненный.

ОДА V

Первым плодам моего сада

Предвестье осени, плодов земных кошица!
Из жаркого стекла взрастила вас теплица,
Где солнца южного как будто греет свет.
Я к Фанни вас пошлю, сей матери пугливой,
Вы дочери ее, нерезвой, молчаливой,
Верните бодрость, свежий цвет.

10 Не то, чтоб ныне ей опасность угрожала,
Но сердце матери судьбы познало жало
И все избавиться не может от тревог.
Бессильная забыть свою утрату Фанни,
Готовая беду предчувствовать заране,
Со страхом вопрошает рок.

Но лето ясное развеет опасенья.
Мы жизни платим дань слезами от рожденья,
И Фанни горести, увы! не обошли.
Ее достоинства, ее очарованье
Ужели возбудить могли негодованье
И зависть неба иль земли?

Прекрасна, как и мать, с возвратом Эригоны
 20 Вновь маленькая дочь, питомица Помоны,
 Румянец обретет, что свел Борей с ланит.
 Пусть небеса пошлют ей силу и здоровье,
 И Фанни лик над ней с весельем и любовью,
 Но не с боязнию склонит.

Как жаль, что не вернуть ту памятную пору,
 Когда святой обмен Адмету и Кастору
 Позволил избежать в загробный мрак пути!
 Неумолимыми не оставались пряжи:
 30 Ценою дней своих, за жизнь любимых в страхе,
 Возможно было их спасти!

О, как бы я хотел, дитя, чтоб над тобою
 Воистину тогда повеяло бедою,
 И место я твое с восторгом мог занять.
 Я б уберег тебя, погибнув, от напасти
 И Фанни возвратил спокойствие и счастье
 Тебя, мой дар любви, обнять.

Быть может, близ моей она прошла б могилы,
 И пеленою слез затмился взор унылый,
 И молвила б она, прижав к груди тебя:
 40 “Я очень дорога была ему когда-то,
 И жизни молодой он пренебрег утратой,
 Лишь бы жила я, не скорбя”.

ОДА VI

Нет, верьте мне, не всех влюбленных вздох и взгляд
 Заманивают в сеть прилежно,
 Сердца, открытые доверчивости нежной,
 Обманывать не каждый рад.
 Нет, не всегда слезой притворной
 Увлажнены глаза, что преданно глядят
 С мольбой наигранно-покорной.

Уловок, хитростей отыщется ли след
 В душе, которая чертами
 10 Лишь вашими полна? О, Фанни, рядом с вами
 Любви достойных словно нет.
 Ах, Клитии цветок унылый
 Лишь к солнцу тянется, когда же гаснет свет
 Главу склоняет ниц без силы.

Бывает глубоко и горько поражен
Страдалец и одним суровым,
Слетевшим с милых уст его любимой словом.
С улыбкой подавляя стон,
Он в сердце бурю укрощает,
20 Уходит и, в печаль до утра погружен,
К ней речь такую обращает:

«О, Фанни, божество с прозрачным светом глаз,
Блажен, кто, лишь о вас мечтая,
Хотел бы жизнь за вас отдать и, тихо тая,
Готовый встретить смерти час,
Когда удары сердца глуше,
Забыт всем миром, сжав вам руку, спросит вас:
Ты веришь в искренние души?»

ОДА VII

Тому, кто близ тебя, о Фанни, счастьем дышит,
Румянец видит твой, улыбку, голос слышит,
Как небожителю, открыты небеса.
С младенческой поры наивностью беспечной
И чистотой сердечной,
И грацией твоя умножена краса.

Возвышенной души твой лик стал отраженьем,
Где к розам юности прелестным украшеньем
Порой стыдливости примешан милый цвет.
10 И потому твои уста, и речь, и взгляды
Полны такой услады,
Что, как ни берегись, от них защиты нет.

Когда б я был один всей удостоен славы,
Венчающей успех и гений величавый,
Чтоб помыслы твои стремились лишь ко мне,
И образ в памяти мой жил, неистребимый:
Так облик твой любимый
Повсюду я ношу в сердечной глубине.

Я вспоминаю: здесь она была; красою
20 Своей дивила всех, и речь ее такою
Была, такими взор, походка и наряд.
Здесь, сидя на холме, над Сеной горделивой
Она реки извивы
Следила, и блуждал ее далеко взгляд.

Так, образ твой храня, по рощам я скитаюсь.
 Так молодой олень, в пустыне укрываясь,
 Спешит умчаться вдаль, не избежав свинца.
 Смертельно раненный, он боль уносит в чащи
 И, близ воды лежащий,
 Ждет, тяжело дыша, желанного конца.

ОДА VIII

К Фанни, когда она была больна

Внезапно налетев порою,
 Скрывает ветер туч заволою густою
 Блеск солнца, но потом редее пелена.
 Вот так, любимая, и летом беспокойным
 Дыханьем Сириуса знойным
 На краткий миг твоя краса опалена.

Летучим облачком так мило
 Вдруг бледность нежная и легкая покрыла
 Твои спокойные и томные черты.
 10 С каким сияньем глаз лежала ты на ложе!
 С какой улыбкою пригожей
 И грацией слова роняла тихо ты!

Ах, нам красавица намного
 Дороже в те часы, когда томят тревога
 И страх нас за нее. О, если есть сердца,
 Что красота твоя не взволновала, Фанни,
 Как тихое очарованье
 Пленит их твоего печального лица!

Став притягательней и краше,
 20 Ты все же смертная и, знаю, общей нашей
 Не избежишь судьбы. Но нежно небеса
 Лелеют жизнь твою. Ты гордость их, отрада,
 Ты ликованьем сфер измлада
 Окружена. Твоя — божественна краса.

С лугов своих собирая травы,
 Мечтанья позыбив и праздные забавы,
 Ты к бедным шла, и был страдалец укреплен.
 Сама поила ты целительным настоем
 Уста, иссушенные зноем,
 30 И к язвам приложить спешила чистый лен.

Как не завидовать несчастным,
Которых смерть томит присутствием всечасным:
Ведь эти бедняки обласканы тобой!
О, как сияло все под их убогим кровом,
Когда улыбкой, добрым словом
Ты ободряла тех, кто обделен судьбой.

Ты озаряла их хибарки,
Как ангел радостный, как отблеск неба яркий,
И жизни свет затмить была не в силах мгла.
40 Так жертва бедная по воле Артемиды
Из рук Калхаса, из Авлиды
Унесена, спастись от гибели смогла.

Ах, если чуждые печали
Тебя, любимая, так сильно взволновали
И на суровый рок заставили пенять,
Тобой, одной тобой рожденные страданья
Ужель оставишь без вниманья,
Сердечным жалобам не пожелаешь внять?

Свидетельницей стала Троя:
50 Владыку Мизии однажды после боя
Великодушный враг, жалея, исцелил;
Едва Ахилл рукой коснулся безоружной
Смертельной раны, как недужный
От мук избавился, возврат почуя сил.

Когда бы каждую минуту
Я был с тобой, души ты б утишала смуту.
О Фанни, для меня — ты чистый неба свет.
Жить для меня — любить, пускай и без ответа,
Когда же улыбнешься мне ты,
60 Иного, большего блаженства в мире нет.

ОДА IX

Марианне-Шарлотте Корде

О стыд! оплакана жестокая утрата,
Трусливые льстецы и выродки — Марата
К бессмертным сопричили средь воплей и похвал,
И выползший на свет рептилией из жижи,
Самодовольный жрец, безумный и бесстыжий,
Уже свой грязный гимн кумиру излевал,

А Истина молчит! Язык ее немеет,
От страха рабского заледенев, не смеет
Вселюдно прославлять геройских дел венец!
10 Иль жизнь так дорога? Какая в ней улада,
Когда любая мысль от пристального взгляда
Таится с трепетом на самом дне сердец?

Нет! чествовать тебя не стану я в молчанье,
О дева, ты несла злодейству воздаянье,
Хотела Францию, погибнув, возродить.
Предстала ты с мечом в сияющем величье,
За то, что волею богов в людском обличье
Жило чудовище, пришла их устыдить.

Не убоялась ты раздвоенного жала
20 Змеи, что черный яд повсюду разливала,
И нанесла удар недрогнувшей рукой.
Тобой повержен тигр, что в ненасытной злобе
Тела людей терзал и хоронил в утробе,
Из раны зверя кровь их хлынула рекой.

Мутнея, видел взор его, как в ликованье
Взирала гордо ты на жертву меткой длани.
“Спеши, тиран, — он смог в твоих глазах прочесть, —
Дорогу протори всей плотоядной своре.
30 Купался ты в чужой крови, как в теплом море,
Так плавай же в своей и знай: возмездье есть”.

О дева! Греция, твое восславив дело,
В паросском мраморе тебя б запечатлела,
Вблизи Гармония твой заблестал бы лик!
И над гробницею твоей воспели б хоры
Богиню мщения, что суд вершит нескорый,
Но неминуемо разит в нежданный миг.

А Франция топор возносит над тобою.
Вокруг убитого чудовища гурьбою
Его друзья спешат почтить нечистый прах.
40 С какой презрительной улыбкой, как спокойно
Смотрела ты на тех, кто в ярости разбойной
Угрозой смерти мнил тебя повергнуть в страх.

Нет, подлым трепетом не ты была объята,
Когда на гнусный суд преступного сената
Тебя всеобщее безумье привело.

Твой вид и речь твоя мучителей смутили,
Ты доказала их позорное бессилье:
Кто отвергает жизнь, тот побеждает зло.

50 Как долго, притворясь веселой и беспечной,
Отважный замысел ты в глубине сердечной
Скрывала ото всех, одной мечтой горя.
Так небо ясное в сияющей лазури
От мира целого таит дыханье бури,
Что горы сокрушит и потрясет моря.

Туда, где ждал палач, развенчанной столицей
Ты словно ехала на брачной колеснице,
Блестя юностью и нежной красотой.
Взошла на эшафот безропотно и твердо,
60 А бешеный народ, своей свободой гордый,
Самодержавный раб, глумился над тобой.

Свободен только дух. Твоя святая слава
И наш позор векам принадлежат по праву.
Одна ты поступить сумела по-мужски.
Мы ж, евнухов толпа, трусливее, чем жены,
Мы, стадо жалкое, лишь испускаем стоны,
Но выпала бы сталь из немоцной руки.

Один ползучий гад издох в болотной тине.
Из мужественных рук прими же, героиня,
От Доблести самой торжественный венок.
70 Доколе гром щадит преступников на троне,
О Доблесть, на земле, где правит беззаконье,
Твое священное оружие — клинок.

ОДА X

Версаль, твои сады, колонны,
Оживший мрамор, вязов кроны,
Блаженный сей приют богов и королей —
Для сердца — малая отрада,
Как павшая роса — мгновенная прохлада
Для увядающих полей.

С Парижем память растается,
Как только взору улыбнется
Мой неприметный дом в тени ветвей густых,

- 10   Откуда по холмам и долам
Я часто ухожу бродить путем веселым
Среди деревьев молодых.
- Гром колесниц и блеск уборов
И бдение ночных дозоров —
Все кончилось. Ушло величие двора.
Теперь милы тебе молчанье,
Общенье с музами, к наукам прилежанье,
Неведомые здесь вчера.
- 20   Увы, искусства и науки
От вялой праздности и скуки
Уж не спасут меня. И терпеливый труд
Душе в дремоте и в унынье
И тягостен, и чужд. Мечты о славе ныне
Мой сон тяжелый не прервут.
- Уединенье, тень, забвенье,
В безмолвии успокоенье,
Вот все, к чему стремлюсь. Под сению твоей
Укрой меня и, если надо,
30   Чтоб теплилась еще печальных дней лампада,
Любовью сердце мне согрей.
- Ведь в жилах кровь кипит, струится,
И жизнь не иссякает, длится,
Пока нас чистый взор в смятенье застает.
Кто, радостный или унылый,
С волнением следы повсюду ищет милой,
Тот бремя дней легко несет.
- И я люблю, живу лишь ею,
И в эту темную аллею,
Где, мнится, строгое ее лицо глядит,
40   Всегда в душевной тихой смуте
Под вечер прихожу мечтать о той минуте,
Что нас опять соединит.
- Лишь для нее живых созвучий
Поток, недавно столь могучий,
С недвижных уст моих политься вновь готов.
Лишь для нее твой мрак дубравный
Внушает сердцу стих таинственный и плавный,
Язык любви, язык богов.

50 Когда бы в бездне злодеяний,
 Уйти от зрелища страданий,
 Обрести покой мог тот, чьи праведны дела,
 Тогда, Версаль, в твоих аллеях,
 Задумчивой тиши, прохладных галереях
 Услада б лишь одна была.

Но часто мирные долины,
 Холмов зеленые вершины
 Внезапно в трауре пред взором предстают.
 И тени бледных осужденных
 Мне всюду видятся и судей беззаконных,
 Вершащих беспощадный суд.

ОДА XI

Молодая узница

“Не гибнет под серпом незрелый колосок,
 И лето целое струится в лозах сок:
 Нальются грозди невозбранно;
 Я тоже юностью цвету и красотой,
 Хоть все вокруг томит тревогой и тоской,
 Мне умирать еще так рано.

Пусть стоик радостно зовет, встречает смерть:
 В слезах надеюсь я, что просветлеет твердь,
 Поникнув, я воспряну снова.
 10 Придут другие дни на смену горьким дням!
 Всегда ли даже мед бывает сладок нам?
 Всегда ли море не сурово?

Безбрежная мечта в моей груди живет.
 Напрасно надо мной навис тюремный свод,
 Меня надежда окрыляет.
 Бездушного ловца так избежав сетей,
 К широким небесам проворней, веселей
 Путь Филомела устремляет.

И мне ли умереть? Ни в чем моей вины
 20 И не было, и нет, и безмятежны сны,
 Мои, спокойно пробужденье.
 Привычке хмуриться на время изменя,
 Все улыбаются здесь, глядя на меня,
 Почти на грани возрожденья.

Дорога долгая не тяжела ничуть!
Из вязов молодых, что окаймляют путь,
Лишь первые я миновала.
На жизненном пиру мгновение одно
Я побыла, едва пригубила вино,
30 Не выпив полного бокала.

Вслед за весной моей пусть жатва настает.
Как солнце, обойти хочу я небосвод,
Все торжество увидеть года.
Я украшаю сад, блистая на стебле,
И вовсе не хочу, склоняясь к сухой земле,
Запомнить лишь лучи восхода.

О, смерть, не торопись! Прочь, прочь ты уходи;
Ступай утешить тех, кто страх таит в груди,
Кому наносит совесть раны.
40 Меня ж манит любовь, и Музы мне поют,
Благословенный ждет в тени дерев приют.
Мне умирать еще так рано”.

Так, грустным узником когда я был, моя
Все ж лира, пробудясь, звучала; слушал я
Невольницы той голос юный,
И, сбросив тяжкий гнет томительных часов,
Слова преображал в мелодию стихов,
И простодушно пели струны.

Быть может, кто-нибудь в иные времена
50 Услышит песни те и спросит, кто она,
Печальным их взволнован ладом.
Дышали грацией ее черты и речь,
И станет дни свои, как и она, беречь
Тот, кто окажется с ней рядом.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ФРАГМЕНТЫ ПОЭМЫ “ГЕРМЕС”

.....
Свергайте с алтарей, ничтожных и лукавых,
Всех этих идолов, зловещих и кровавых,
Детей убийств и бед, преступных этих чад,
На их ладонях — кровь, над их кострами — чад.
Найдите образец, достойный преклонений:
Вот праведники — их величие и гений,
И добродетели, и благородный труд
Преобразили мир — за это их и чтут.
Забыв себя, они сердца отдали братьям,
10 Чтоб верную узду ограничений дать им
И гнетом счастья их души бередить,
Дабы, законы дав, их благом наделить
И целью высшею обогатить их жизни,
Внушив понятия о славе и отчизне.
И что же? Им в ответ завистливый народ
В лицо хохочет и презреньем обдает
Все, что дают ему великие святые!
И, как животные, зловредные, тупые,
К руке ласкающей потянутся порой,
20 Чтоб кровью утолить несчастный голод свой.
Что из того? Святой и посреди страданий
Вкушает благодать возвышенных деяний.
Он знает: род людской неправеден, жесток,
И обречен его отверженный пророк;
Он знает: между ним и дикою толпою
Витает неприязнь с досадою глухою.
И что ж? Он любит их, он нужен им самим,
И счастье познает, даруя счастье им.
Их добродетели, их мудрость — не щедроты,
30 Не воздаяние, а плод его работы,
И будут платою за труд его святой
Их слезы над его могильною плитой.

Как сеятель, он зрит среди грядущей нивы
Тех, кто в страданиях его примером живы;
А в глубине души справляет торжество:
Там зло бессильно, там — убежище его.
И, выбрав сей Олимп, верховный, совершенный,
Он видит, ведает, он судит. Дух священный
Волнует ум его и чувства бередит,
40 И ночью краткою во сне его томит,
И пробуждает, и с постели поднимает,
И до зари его усердно занимает,
Такую развернув картину перед ним,
В которой род людской, могуч, неутомим
И вдохновлен его деяньями святыми,
Векам передает его труды и имя.

Недаром исходил кровавым потом он!
Пусть дух народа слеп, коленопреклонен,
Пусть в дне сегодняшнем взыскует он отрады,
50 Пусть робкие умы, изменчивые взгляды
Не могут осознать в убогости своей
Высот его ума, глубин его идей, —
Он на совет к себе самих богов сзывает,
Им доверяется, за них повелевает,
И мир, в его словах услышав божий зов,
Покорно чтит его, решив, что чтит богов.
Его труды — богам на пользу и потребу.
Вот так однажды он, весь обращенный к Небу,
Неопалимую увидел купину;
60 С его прозревших глаз Всевышний пелену
Сорвал — и пробил час, когда из горней дали
Он в дольний мир принес великие скрижали.
Вот так однажды он, за нимфою идя,
Узнал в густых лесах законы бытия,
И, вестница чудес, божественная птица
Шептала на ухо ему слова провидца.
Все в мире для него; весь мир ему — как дом;
Его — леса, ветра, и молния, и гром;
И целый мир готов воспеть его тиранство —
70 О праведная ложь! Благое самозванство!
О доброй западней обманутый народ:
Гнет счастья для него — святой, заветный гнет!

.....
Но прежде чем на свет явились государства,
И прежде чем смогли искусства обрести
Свои особые и верные пути,
Людей принудили потребности заняться
Наукою письма, чтоб жить и развиваться.
Что было найдено и начато письмом,
Искусства прочие ограничили потом.
80 Так на папирусе и на тягучей коже,
На алебастре и на глине, с воском схожей,
И на остатках льна, скопившихся на дне,
Рука искусная уже могла вполне
Невидимую мысль поймать и сделать зримой,
И уловить труды души неуловимой,
И одновременно, за мыслями вослед,
Любой раскрасить звук, любой озвучить цвет.
Когда согласия связующие звенья
Народы начали сблизжать и поколенья,
90 Тогда земля, и шум морей, и тишь лесов —
Всё поручители былых договоров —
И стали кодексом верховным на планете,
Который бог письма явил глазам столетий.
И, верой укрепясь, несли из рода в род
Святые письмена единый сей оплот.
На них и краски, и чернила растекались,
И первообразы на них запечатлялись,
И те свидетельства природы, что смогли
Их сделать подлинным сокровищем земли.
100 Оставил нам Восток среди руин несчетных
Изображения жрецов, царей, животных —
Религий вымерших почти угасший звук,
Грядущим мудрецам — источник тяжких мук;
Запечатленные на свитках кропотливых
Анналы, сотни лет лежащие в архивах.
А вот иной пример забытого письма,
В котором гроздь эмблем удивлена сама
Тем смыслом, что ее завязывает в узел,
Где каждый темный знак умы томил и узил,
110 Где тело женщины с орлиной головой —
О тень язычества! — покрыто чешуей.
Подобных символов находим мы немало,
Непритязательных, их для письма хватало,
Пока еще мы шли наощупь, наугад,
Когда питался ум лишь тем, что видел взгляд.
Мы шли, за кругом круг, все дальше в этих нетях,

Но вот пришла пора узнать, запечатлеть их —
 Те тонкости души, и сердца, и страстей,
 Что были до того укрыты от людей.
 120 И сразу стало нам в письме старинном тесно,
 И зазвучал язык темно и неуместно:
 В нем места не было для новых чувств и слов.
 И человечество, прияв язык отцов,
 Взяло, что надобно, от прочего избавясь, —
 И превратила в речь ее былую завязь.
 Для звука каждого теперь придуман знак:
 Уже спешит рука, припоминая, как
 Звучат уста, успеть и образ обозначить.
 И стоит новому явлению озадачить
 130 Раскрепощенный ум, — и новый знак готов,
 Как новобранец, встать в ряды бывалых слов.

Отныне следует дорогой проторенной
 Дух человечества, бессмертьем одаренный.
 Отныне опытный резец вверяет нам
 Заветы прошлого, и новым временам
 Мы оставляем все, чем дышим и владеем,
 И представляем суть по форме и идеям.
 Не зря отцы в трудах свои свершали дни:
 Отныне сыновьям — живой пример они.
 140 В едином времени живут и внук, и прадед,
 И в памяти они былое не изгладят.
 Творец и судия сегодняшнего дня,
 Нас прошлое ведет, лелея и храня.
 И отчая земля в годину испытаний
 Осведомляется, рассвет припомнив ранний,
 Как жили пращурь среди подобных бед,
 Былинные века сзывая на совет.

.....
 В селениях людских сносить обречены
 Двойного зла закон все смертные сыны.
 150 Одни — цари, жрецы корысти и насилья,
 Над миром властвуют в бесстыдстве изобилья.
 Другие, стыд забыв, презренные рабы,
 Лобзают их стопы, покорны и слабы,
 Во прахе ползая пред гордыми дворцами,
 Чей блеск безжалостный воздвигнут их трудами,
 Чей мрамор их рукой из горных вырван недр,
 И пот на их челе не осушает ветр.

Быть естества рабом мне более приятно,
Любя природы блеск святой и благодатный,
160 Вдали от городов ища дворец иль храм,
Где божество порой свой лик являет нам,
Средь гор, смиряющих порывы молний гневных,
Средь первенцев земли — дубов и сосен древних.
Следа несчетных слез на сих громадах нет.
Божественным огнем исполненный, поэт
Взнесен на высоту, впивает воздух горный,
И мощный глас его стихии непокорней
С ветрами борется, и бурных волн морских
Неистойей гремит неукротимый стих.
170 И мысль, поражена пылающим вулканом,
Как пламя Этны, ввысь летит к нездешним странам.

Блажен, чей любит дух величье бурных дум!
Тот грезит, несмущен, под волн немолчный шум,
Средь скал, где горный ток на крутизне дробится,
И в бездну мысль его рекой кипящей мчитса.
Там быть люблю и я, и песен грудь полна,
Которых заглушить не смогут времена.
Там, вдохновлен слепца великого примером,
Во мгле людских сердец я странствую с Гомером,
180 Иль, обретя порой крыла, Бюфонов дар,
За грань, чья синева земной объемлет шар,
Я мчусь с Лукрецием при факеле Ньютона
Изведать глубь небес и мирозданья лоно.
И зрю я сонмы звезд в волнах эфирных рек,
За гривами комет я устремляю бег.
Их вес и формы их глазам моим открыты.
Меня уносят вдаль их долгие орбиты,
И сам, звездою став, я вспыхиваю вдруг,
Объятый пламенем вхожу в их вечный круг,
190 Во мне законов их живет двойная сила.
Я чувствую — влекут мой шар к себе светила,
И сладко мне нести их тяжесть в свой черед.
Истоки бытия, причин извечный ход,
Любовь и рознь стихий объемлю взором жадным.
Когда же вспять я мчусь к земли равнинам хладным,
Виденьем естества свой дух воспламеня,
Несу я гордый стих, исполненный огня.
Внемлите ж песням сим, наперсницам Гермеса.
Пусть первых смертных след, что скрыла лет завеса,
200 Из мрака древних чащ пред вами оживет.
Я расскажу, ведя деяньям славным счет,

О тех, кто Новый Свет явил очам Европы,
 Кто, в дикий пышный край найдя морские тропы,
 Власть Мансанареса простер на Марамон.
 Да знают правнуки, во мгле седых времен
 Европы увидав великое боренье,
 Что юным был наш век, как первый день творенья.

ФРАГМЕНТЫ ПОЭМЫ “АМЕРИКА”

.....
 Ревнивый океан, грохочущий волною,
 Я знаю: Лаперуз тобою взят, тобою!
 Ушел за горизонт. Покуда стар и млад
 Молились, чтобы он скорей приплыл назад,
 Уж десять лет прошло. С тех пор о нем ни слова.
 Но слава ждать его по-прежнему готова.
 Несчастный! Может быть, подводная скала
 Борта твоих судов отважных рассекла,
 Обломки разбросав по мелям безымянным?
 10 А может быть, дикарь, коварством и обманом
 В ловушку заманив, тобою завладел
 И тем тебе предрек чудовищный удел?
 А может, где-нибудь на острове далеком
 Сидишь на берегу, вперясь в пространство оком,
 И ждешь, когда твой друг все земли обойдет,
 Обыщет все моря до северных широт,
 Где бесконечна ночь и бесконечны зимы,
 Чтоб отыскать твой след — желанный и незримый?
 Несчастный! Нелегко и всем твоим друзьям,
 20 Вдыхающим: “Когда же он вернется к нам?”
 Беда твоей жене — надеется, томится,
 Не зная, кто она: жена или вдовица?
 И лишь к тебе в слезах свой обращает взор,
 И лишь с тобой ведет бессонный разговор,
 А если сон ее объемлет на мгновенье,
 То в нем одно: все — ты, твое исчезновение.

Один инка, рассказывая о завоевании Мексики испанцами, которых его племя принимало за богов, говорит так:

По мне, уж коль они принадлежат к богам,
 То к тем из них, кому милы, как фимиам,
 Несчастия людей. Но если это боги,
 30 То почему они кончают жизнь в итоге?
 А если смертные — как в их сердцах возник
 Такой жестокости и ярости родник?

- Под чьим внушением могла создать природа
 Подобный образец коварного народа?
 Они сокровища нашли у нас в плодах,
 Презревших вырастать в бесплодных их садах.
 Их солнце освещать не захотело страны,
 Где гибнут нежные кокосы и бананы.
 Покрыты их поля отравленной травой,
 40 И не растет маис на их земле скупой,
 Никто их не поит целебным соком манго,
 И воды так черны в их реках, что приманка
 И там пустым сетям не даст улов настичь,
 И стрелы не найдут в глухой чащобе дичь.

ФРАГМЕНТЫ ПОЭМЫ “ИСКУССТВО ЛЮБВИ”

* * *

- .....
 Над розой трудится неторопливо Флора,
 Не сразу сень густа древесного убора,
 И гроздь Вакховы на солнце зреть должны
 День не один, чтоб стать прозрачнее волны.
 Так ты, влюбленный, все обдумай бестревожно
 И не спеша, и в путь пускайся осторожно.
 Пружины случая в движенье приводи
 Умело, зорок будь и терпеливо жди.
 Но часто юноша торопится чрезмерно,
 10 В тщеславии своем он мнит победу верной,
 И, не желая ждать, на приступ он идет.
 .....
 Безумец оборвал рукою непреклонной
 Незрелые плоды, хранимые Помоной;
 Зачем до времени пшеницу он скосил?
 Ведь колос не возрос и не набрался сил.

* * *

- Быть может, прозвучит нечаянно сурово
 И оскорбит любовь сорвавшееся слово,
 И станет мрачен он. О, тут не будь горда,
 Сомненья отложив, покаяйся без стыда.
 20 Ты даже можешь встать, Аглая, на колени.
 Тогда увидишь ты, как в нежном умиленьи,
 В раскаяньи, в слезах и, руки простерев,
 Он обвинит себя и свой неправый гнев.

Как часто разговор беспечный и веселый
 Еще болезненней наносит нам уколы.
 Ты воротить словцо хотела б на лету:
 Уж друг твой погружен в печаль и в немоту.
 А может, холодна ты с ним была не в меру,
 И следует теперь он твоему примеру,
 30 Обижен и сердит; тут слово невпопад
 Размолвку превратит в нешуточный разлад.
 Ты сможешь облако рассеять грозное,
 Коль граций ведаешь искусство озорное
 И знаешь, что должна смущенный вид принять,
 Не смея на него стыдливый взор поднять,
 Игрой кокетливой, застенчивой повадкой,
 Наивной болтовней в сеть заманить украдкой.
 Ловушек множества ему не избежать:
 Улыбку нежную не сможет он сдержать.
 40 К тебе внимательнее станет он, чем ране,
 Тут твой черед его не замечать стараний.
 Но этим строгостям его уж не смутить:
 Он знает от меня, как мир восстановить.

* * *

Когда Юнона встарь царя небес пленила,
 Прозрачная волна ее красу омыла,
 И благовоние на кожу пролилось
 Жасмина нежного и сладострастных роз.
 Какими б ни были природные красоты,
 Все ж требуют они вниманья и заботы,
 50 А вот чрезмерные усилия вредят.
 Так дорогих духов обильный аромат,
 Предлог насмешек злых, бессильное оружие
 Вам не прибавит чар, вы станете лишь хуже.
 В одежде должен быть ваш вкус непогрешим:
 Пусть будет ваш убор изящным и простым,
 И драгоценности его не довершают.
 Не золото, а вкус красавиц украшает;
 Всесильный, как они, он чудеса творит
 И мелочи любой придаст прелестный вид.
 60 К трепещущей груди влечет покров из газа.
 В пылу безудержном любовного экстаза
 Нам нравится сминать сверкающий наряд
 Из нитей, что плетет в Китае шелкопряд.
 А Индия иной вас облакает тканью,
 Из хлопка нежного, как легкое дыханье, —

Полупрозрачная, прочна Вулкана сеть
И может без труда вниманьем завладеть,
Влюбленного манит, и в нем питает веру,
Что видит дымкой он сокрытую Венеру

* * *

- 70 Смотри, чтоб скуки яд ей в сердце не проник,
Когда нам кажется так долгод каждый миг.
К невинным шалостям будь склонен и забавам
И перед ней предстань насмешником лукавым.
Спеши ее развлечь затейливой игрой,
Не бойся милую и рассердить порой.
Так сладко жертвой стать ее младого гнева!
Вот наказать тебя уже готова дева:
Настигла беглеца и, вся в слезах, корит,
Непрочь побить, но тут вас поцелуй мирит.
- 80 И над Пафосом тень скрывает блеск лазури,
Но ярче небеса сияют после бури.
Поэтому нужна гроза по временам.
Мучения любви ведь тоже в радость нам.
Удача, может быть, твоя недолговечна?
Что делать? Женщина — изменчива, беспечна.
Как часто думал ты, что проведете вы
Счастливый день вдвоем, и к ней летел. Увы,
Она так занята, отвечает отказом,
Надежды все твои развеивая разом.
- 90 Смирись: настанет день, найдешь удачу вновь,
Но принуждением не убивай любовь.
Попробуй ласкою, молений слезных силой
Добиться, чтоб она решенье изменила.
Но власть не проявляй. Красавица должна
Уверенною быть, что госпожа она.
Иначе горькая в ее душе досада
Родится, и она твоей любви не рада.
С голубкой пойманной ты осторожен будь:
Коль пташка вырвется, ее уж не вернуть.
- 100 Так лучше перестань настаивать упорно.
Сядь близ возлюбленной и ей скажи покорно,
Что хочешь быть всегда послушным ей во всем.
Ручаюсь я, жалеть не станешь ты о том.
Превозмогая боль, тебе пришлось смириться,
Но будешь некогда вознагражден сторицей.
Твоя уступчивость, надейся, сладкий плод,
Как крепкий саженец, в день ясный принесет.

* * *

У Флоры есть цветов богатая кошница,
 Что может любящим в их играх пригодиться.
 110 Обидчице букет прелестный отомстит.
 Вот притворился друг, что он и впрямь сердит,
 Преследует свою шалунью, настигает,
 За талию обняв, шутя ее стегает
 Букетиком, что он принес тайком, и ей
 Ни слова не дает сказать, но все быстрее
 Наносит легкие удары, будто в гневе,
 Бранит ее, бежать не позволяет деве,
 И тщетно вырваться пытается она,
 120 Как если б натиском была возмущена,
 Хотя особенной не чувствует досады,
 Все ж заставляет он ее просить пощады.
 С Венерой так игру Адонис затевал,
 И белизну ланит румянец заливал.
 Вдали от матери так предавался неге
 Амур с Психеею и на цветущем берегу
 Ласкал ее среди ребяческих забав,
 Тесьмою золотой запястья ей связав.

О, Фонтенэ, приют любви, что избран Флорой!
 Надеждою живу тебя увидеть скоро,
 130 Тебя и небосвод неомраченный твой.
 Моя богиня в путь отправится со мной,
 Там ложе из цветов я для нее устрою,
 В уединении упыюсь ее красою,
 Когда она от ласк укрыться норовит,
 И смешан с пурпуром молочный цвет ланит.

* * *

Восславим красоту, склонимся перед нею:
 Она божественна, она богов сильнее.
 В долинах Гемуса, вблизи лесов и скал,
 Что некогда Орфей игрою чаровал,
 140 О, нет, недаром свет увидел я впервые!
 Я Муз хочу вести в пределы Византии
 И, если небеса благословят мой пыл,
 Забытой Греции дитя, я б счастлив был
 Вновь оживить поток пермесский, полноводный
 И берег напоить, когда-то плодородный.
 Застигнутый врасплох, конечно, не один
 Гарема мрачного ревнивый господин,

Очарованьем Муз, их пеньем пораженный,
 Признает: им в красе его уступят жены.
 150 И там, поблизости от тех печальных мест,
 Где недоступен стал пловцу ночному Сест,
 В садах, овеянных дыханием зефира,
 В сияньи золота, и яшмы, и порфира,
 Воздвигнут будет мной великолепный храм,
 В котором царствовать велю, о Музы, вам.
 В нем я б хотел собрать красавиц всей вселенной,
 Чья беспредельная над миром власть нетленна:
 Покинувших Эврот загадочных Елен,
 И тибрских берегов обманчивых сирен,
 160 И дочерей Индии, смуглянок горделивых,
 И дев Британии, прелестниц молчаливых,
 Юниц, что бережно колхидский край таит,
 Прекрасней, чем руно, что золотом горит,
 И Рейна славного питомиц благородных,
 Чьим ножкам не страшны набеги волн холодных,
 Всех-всех я соберу, там будет целый мир.

* * *

Так переимчива любовь, склонна к мечтам...
 Красавицы, читать полезно было б вам
 Стихи, которые влюбленные поэты
 170 Слагают для своих подруг и где воспеты:
 Юпитер, жаждущий без усталы утех,
 И бог войны, к ногам Венеры свой доспех
 Повергший, чтоб, на грудь склонясь своей богини,
 Лишь уст ее искать, единой благодости,
 И, предпочтя всему блаженство быть вдвоем,
 В ее глаза глядеть, как в светлый водоем;
 Прекрасная жена, погибель Илиона,
 Три величавые богини, с небосклона
 Сошедшие вступить за плод румяный в спор,
 180 Пленяя пастуха поочередно взор;
 И кровь Адониса, что превратилась в розы
 Пышноцветущие, и Гиацинта слезы;
 Сиринга, шепчущий тростник береговой,
 И Дафна, лавровой одетая листвою;
 Эрминия, во тьме стенающая бора,
 И гроты, счастья свидетели Медора,
 Армиды хитрости, ее садов покой,
 Где, скован негою, бездействует герой.
 Оживший мирта куст, что бережет Альчина...

- 190 Как любят Грации, взрастившие Расина,
Его волшебных строк мелодию! Она,
Как ласковый их взор, задумчиво-нежна.
Для вас, красавицы, есть много песен в мире.
Любимец ваш, Лебрен, на трогательной лире
Вас элегической печалью усладит,
Порой же к шалостям любовным побудит.
В своих стихах воспел он резвую Психею,
Она ему лететь велела вслед за нею,
Чтоб, слыша песнь его, сильнее полубил
200 Прелестницу Амур и свой удвоил пыл.
Мне в колыбель звезда неяркая светила,
Все ж с Ликоридою моей общенье мило.
Я сердце не берег от меткого стрелка,
И, может быть, моя понравится строка.

ГИМН ФРАНЦИИ

- О Франция! О край богатый и красивый,
Ты ласкою богов выросла, чтоб быть счастливой;
Не знаешь северных ты ледяных страстей,
И юг тебя щадит от жгучести своей.
Не веет смертью тень деревьев твоих невинных,
И скрытый яд, как сок, не бродит в травах длинных,
Страданьем не грозит, и тишину лесов
Не восколышет вдруг вой львиных голосов,
И змеи грозные не кинут на растенья
10 Своих звенящих тел уродливые звенья.

И вязаы, и дубы, и мудрая сосна —
Венцы твоих вершин, темна их гущина;
И Боны и Аи блаженные просторы,
И Аквитания, и Пиренеев горы
Из пресса шумного в сосуды льют твои
Тончайшего вина прозрачные ручьи.
Там ароматный сон: Прованс, дитя Зефира,
Над морем жадно пьет восторг и радость мира
И прячет над волной, как драгоценный клад,
20 Лимон и апельсин в их золотой наряд,
А дальше, где ползут скалистых гор извивы,
Вливают пряный сок в тяжелые оливы
И в ткани нежные, в прозрачную ту сеть,
Где алый плод гранат незримо любит зреть.
По кручам и скалам козел бредет сердитый,

Луг молоко дает телице плодовицей,
На девственных полях, на травах молодых
Густеет белый пух овечьих стад твоих.
Где тучные поля Турени так лазурны,
30 Где Сену старую пьет Океан из урны, —
Там зреют для удил лихие скакуны;
Прибавьте сотни рек, что силами полны:
Гаронну буйную в валах остервенелых,
И Рону страстную, дочь Альп обледенелых,
Луары лживый бег, и Сены важный ток,
И тысячи других, чей животворный сок
Питает на берегах, достойных вечной славы,
Цветы, и пастбища, и рощи, и дубравы
И падает к ногам богатых городов,
40 Под сводом каменным свой заглушая рев.

Как опишу труды, источник изобилья,
Те гавани, куда морей благие крылья
Несут со всех сторон плоды далеких стран,
Где Феб и вечером и утром так румян?
Как опишу тех гор, каналов тех картину,
Те воды, слитые в одну — из двух — пучину,
Чтоб у подножья гор Фетид соединить?
Дороги долгие, чья непрерывна нить,
Где путник, завершив нетрудные скитанья,
50 Благословить спешит Трюдена за старанья.

Искусный твой народ родился для войны:
Мечи ему легки, мушкеты не страшны;
На приступ рвется он, и сталь его сурова:
Прогнал британца он, насильника лихого.
Твои сыны мягки, радушны и добры,
Друзья веселия, и песен, и игры, —
Но воли нет у них, и мрачная тревога
Их песни леденит, уста смыкает строго,
И в пляске и в игре движения мертвит,
60 И с яствами столы на землю им валит,
Мрача заботами и скорбью боязливой
Их душу и чело. О Франция! Счастливой,
Безмерно радостной всегда бы ты была,
Когда б дары небес использовать могла.
Взгляни, вот гордый Бритт. Закону веря свято,
Он воле подчинен свободного сената.
Блеск твоего венца он в Индии мрачит:
В ошибках Франции он мощь свою растит.

И торжествует Бритт! О, как твои равнины
 70 Хотят, чтобы твои вдруг ожили руины!
 Отдали б, трепеща, они за воли взор
 И масло, и вино, и заповедный бор!
 Ах, в нищих деревнях мне сердце растерзали
 Их бледная нужда, их горькие печали.
 Тебя я видел там, о труженик больной,
 Как, мытаря кляня за нрав его крутой,
 Ты лил у ног господ потоки слез голодных,
 И с потом смешанных, и жалких, и бесплодных,
 80 Отчаявшийся жить в тисках у нищеты,
 Страшась плодить детей, несчастных, как и ты.
 Прижаты города солдатскою пятою,
 Деревни — податью и барщиною злою;
 И соль — дитя земли — и гладь морской воды—
 Источник бедствия, насилья и нужды;
 Там двадцать подлецов под принцовой защитой
 Терзают горький край, край, богом позабытый,
 И, ссорясь и дерясь, грызут его куски, —
 И друг у друга рвут кровавые клоки.
 Святое равенство! Разбей наш мрак суровый,
 90 Темницы мрачные и грозные оковы.
 На колеснице здесь презрительный богач,
 Обнявшись с палачом, коль сам он не палач,
 Несется, окружен пучиной злобы тайной,
 И близ приюта тьмы и бедноты бескрайной
 Продажной женщины он покупает пыл,
 Поет средь мертвецов и пьет среди могил!

Мальзерб, Тюрго, о вы, в ком Франции усталой
 Надежда тщетная последняя блистала!
 И милость мудрая и кротость в вас жила,
 100 И память ваших дел пребудет ввек светла,
 Ах, если б в тех руках, с их справедливой силой,
 Лежало бы всегда правления кормило!
 Святая истина царила бы средь нас,
 Дышать бы слабый мог бесстрашно подле вас.
 Насильник, жалобы страшась, как лютой казни,
 Хоть и забывший стыд, имел бы тень боязни;
 Доносчик мерзостный от голода бы стих,
 В позоре кончив дни, — и много душ людских,
 Без ведома суда, без ведома закона,
 110 Под вопль рыдания и сдавленного стога,
 По произволу тьмы испепеленных в прах, —
 Не гибло бы, как днесь, в темницах и цепях.

Нет, этих рабских стран отныне я не житель!
 Уйду, уйду я вдаль искать себе обитель!
 Прият, где жизнь моя смирит свой буйный бег,
 Могилу, где мой прах найдет себе ночлег,
 Где золото господ с душой убийц холодных
 Не впитывает кровь страданий всенародных,
 Где с подлым хохотом оно нам не поет,
 120 Что чересчур плаксив и слишком сыт народ;
 Где без насильников, рукой животворящей
 Снимаем мы дары земли плодоносящей;
 Где сердце, отдохнув в тени страны чужой,
 Не встретит в мире бед, непобедимых мной,
 И где мой взор, далек от нищеты народной,
 На лицах не найдет следов слезы бесплодной
 Иль сумрачной нужды, чей долог горький стон,
 Иль преступлений злых, колеблющих закон.
 Ты, справедливость, ты, о дева дорогая,
 130 Ты, наших грустных мест изгнанница святая,
 С небесной высоты задумчиво внемли
 Звон лиры девственной о горестях земли.
 О нет, ей не дано хваленья петь за плату
 И славить произвол, и льстить кнуту и злату:
 Она поет любовь и будет до конца
 Опорой твоего закона и венца.
 Нет, только за людей гремит напев мой юный;
 Он истиной горит, смеются звонко струны,
 Когда приносит им воздушная волна
 140 Свободы и любви святые имена.

ИГРА В МЯЧ

Художнику Луи Давиду

I

С повязкой пышною надень златой наряд,
 О ты, Пoesия, богиня молодая!
 Пусть грозы времени светильник твой мрачат, —
 В уста Давида лей нектара сладкий яд,
 Кисть мудрую его венчая.
 В его твореньях блеск великолепных дней
 Нам правду подтвердил моих былых речей:
 Одной Свободы свет и лишь ее корона —
 Источник дивный красоты;

- 10 Талант не возрастет велениями трона;
Лишь вольная страна — его родное лоно.
Там жизни юные цветы —
Искусства славные под солнцем благодатным
Растут, победны и сильны
Своим блистаньем необъятным.
Живой палитрой там глаза опьянены,
Пещеры Пароса светлы богов рождением,
И дышит бронза там, и портики полны
Священным мрамора движеньем.

II

- 20 О дева чудная с напевностью речей,
О нимфа нежная, крылатая сирена!
Немеет твой язык в палатах королей,
Невернее твой шаг, величие — тусклей
В сетях условностей и плена.
Мерцает твой огонь, бледнеет красота!
Лишь гений творчества, свободная мечта
Сокровища дарит; здесь власть твоя сверкает, —
В природе, в вечности цветет.
Здесь горд могучий шаг. Чело светло пылает,
30 Касается небес. Огонь твой озаряет,
Пронзает все сердца. И ждет
Свобода от тебя пособничеств чудесных,
Чтобы расторгнуть гнет оков.
Слетая с губ твоих прелестных,
Она невидимо минует крепь замков,
И не страшат ее зубцы темницы мощной,
Подъемные мосты, провалы черных рвов
И оклик стражи полунощной.

III

- Ее могущество вещает речь твоя,
40 Растит его в мужах, от знания поседельх;
Тобою спаяна, не страждет их семья;
Ждут срока своего — сограждане, друзья,
Во всех веках, во всех пределах.
Давида за собой твой гений увлекал:
Когда он к прошлому на лоно приникал,
Уйдя в страну могил от родины плененной, —
То под божественной рукой

Горело полотно светло и упоенно:
Цикута горькая, вино вражды бессонной,
50 Сократу давшее покой;
И первый консул, тот, чья твердость нерушима,
Кто больше консул, чем отец,
У ног возлюбленного Рима
Вкусивший злую скорбь всех доблестных сердец;
И нищенский обол — последний дар герою;
И павший ниц Албан, — вот дел его венец,
Дививший мир своей игрою.

IV

Блестящей кисти плод сегодня озарил
Художеством своим грядущего стремнину.
60 Великий Марафон и кровь его могил
Бессмертны гением. Он ныне посвятил
Отчизне дивную картину.
Страдала родина; иссякла кровь ее;
В груди — последний вздох. Познать лицо свое
Ей не было дано. В предсмертные минуты
Овеял страх ее вождей,
И прочь ушли они. Среди ужасной смуты
Сама должна она свои расторгнуть пути.
На три сословья с давних дней
70 Мы все разделены, у всех нас жребий розный.
А ныне слуги алтаря,
Знать и народ, простой и грозный,
Пошлют избранников, их властью одаря.
Версаль их ждет давно, — и воли стяг у входа
И три дворца зовут, ворота отворя,
Сих представителей народа.

V

Но вот жрецы и знать. Сей золоченый дым
Своею властью горд, и древней, и суровой,
Веками темноты, простертыми пред ним,
80 И предков славою, и золотом своим.
Но равенства святое слово
Ревнивый только смех родит на их устах;
В надменные сердца вселяют черный страх
Вожди, которые правам народа рады,
Сильны страданиями отцов,
Достоинством своим, — и не ища награды,

Сумеют сокрушить столетней лжи преграды.
 Сенат народа уж готов.
 Здесь, на груди своей, где Франция пылает,
 90 Сенаты гордые он слить
 Возжаждал. Вот он начинает.
 Он должен видеть все. Закон и строй творить,
 Доверьем облечен, проникнуть все глубины,
 И мудрою рукой бестрепетно раскрыть
 Несчастий тайные причины.

VI

Не смеет враг, дрожа, поднять на них руки.
 Но хочет устрашить их бойнею кровавой.
 Вожди собираются; но у ворот полки
 Отбрасывают их, и злобные штыки
 100 Грозят им казнью и расправой.
 Ужель бегут они? Нет, нет! Возмущены,
 Они скитаются, толпой окружены:
 Не так ли, матерью готовясь стать, Латона,
 Добыча некой силы злой,
 Ища себе приют, брела во время оно,
 Чтобы родить богов золотого небосклона?
 Они нашли дворец пустой:
 Упругой сеткою, и легкой, и покорной,
 Ты, юность золотая, там
 110 Кидаешь часто мяч проворный,
 Игрою резвою даруя мощь рукам.
 Избранникам страны обитель та простая
 Явилась Делосом. О вечной славы храм!
 Закона колыбель святая!

VII

Ни яшмой дорогой, ни золотом венков
 Не будем украшать то дивное жилище,
 Что славно ветхостью. Но пусть во мгле веков
 Оно царит меж всех и замков, и домов;
 Пусть мертвый плачет на кладбище,
 120 Коль родины дворца так и не видел он;
 Пусть Мекка и Саис, пусть Дельфы и Сион
 Поклонников своих утешат меньше хоры,
 Чем верных Франции сынов
 Утешит этот храм. Пусть вечно видят взоры
 Сословье третие, сих твердых средь позора
 Свободы радостных творцов;

Пусть видят, как пришли, отвагою пылая,
 Сквозь бурю, ливень и сквозь гром,
 Когда им ночь грозила злая;
 130 Как все они в ту ночь, в пылании одном,
 Здесь обнялись — друзья под этой крышей милой,
 Клянясь иль победить, иль лечь в сраженьи том,
 Но Францию исполнить силой.

VIII

Клянясь не разойтись, не подаривши нам
 Закона твердого и власти справедливой:
 И прибавлял народ, на них взиравший там,
 К восторженных слезам, к смятенным голосам
 Рукоплесканий шум счастливый.
 О день! Триумфа день! Святой, бессмертный день!
 140 Прекраснейший, чем тот, когда Беллоны сень
 Благословила вдруг тебя, о Хлодвиг гордый!
 О солнце, бег ладьи своей
 Остановило ты, дивясь на подвиг твердый,
 И слушало тех клятв священные аккорды!
 День коронованных лучей!
 Потомство видишь ты с твоих пресветлых взгорий,
 К тебе летит его привет
 Сквозь даль туманную историй!
 Нетленный твой маяк, веков почет и свет,
 150 Во тьму грядущего свои вперяет очи:
 Так огнекудрый бег прекраснейших комет
 Пронзает мрачный сумрак ночи.

IX

Что делал между тем оставшийся сенат?
 Он, увенчав себя, чело нахмурил важно,
 И митрам, и крестам, и горностаю рад,
 Пытался доказать, что он, как прежде, свят,
 И помешать мечте отважной;
 И, Францию презрев, восставить свой закон,
 И снова возвратить блаженство тех времен,
 160 Когда народному не внемля вовсе стону,
 Тирана вышнего лакей
 Делил сокровища, отчизну и корону.
 Но равенство на страх тому синедриону
 Нашло и в нем своих друзей:
 Вот несколько вельмож, круг пастырей почтенный,
 Водимый девственной рукой, —
 Рукою совести нетленной, —

К французам истинным явился той порой,
 Покинув всех жрецов с их злым высокомерьем,
 170 Богатства пышные, безумцев знатных рой
 С их родовитым суеверьем.

X

Но скоро и для сих настал последний срок.
 О разум царственный, небесной силы полный!
 Могучий твой порыв скитальцев всех дорог
 Сгоняет на одну. Вот мощный мчит поток
 Умиротворенные волны.
 И в общее русло ничтожные ручьи
 Сливаются все струи, все имена свои.
 О Франция, пребудь всех матерей блаженней!
 180 Не плачь о злобе сыновей,
 Которым не найти занятия презренной,
 Чем быть нам братьями: отрекшись заблуждений,
 Все на груди слились твоей...
 Но что это? Обман? — У вод спокойной Сены
 Зачем труба на бой зовет?
 Зачем узрели наши стены
 Враждебный легион, что кровью оболет
 Прекрасной Франции священные уголья?
 Дворцовых евнухов над чем хохочет сброд?
 190 О, смейся, подлое отродье!

XI

О, смейся, ты, толпа низвергнутых владык,
 Развратников, убийц! Но дышит твердь грозою,
 Но скованных огней вулкан кипящ и дик,
 Но львов раскованных ужасен гордый лик,
 И он сверкает пред тобою.
 Смотри! Народ восстал! Народ приемлет власть.
 Все им побеждено. И бронзовую пасть
 Ты, тирании зверь, оскалил здесь напрасно:
 И сотни глаз, и сотни рук,
 200 И чрево серное, где гром гремит согласно,
 Напрасно нам грозят, — слабея ежечасно,
 Ты скоро запылаешь вдруг
 Во взрывах яростных зубчатых стен и башен,
 В крушеньи мерзостей твоих.
 И ад Бастилии не страшен:
 Всем бурям брошенный, растерзан он и тих.
 Развейся, склеп гнилой, лети, как пепл могильный,
 Свобода дивная из тех гробниц пустых,
 Горда, прекрасна и всеильна,

XII

- 210 Встает. И молнией в блистаньи облаков
Три цвета яркие в ее руке пылают,
Как знамя длинное. Гремит победный зов,
И звоны голоса, как голоса богов,
Мужей из праха созидают.
Трепещет круг земной. Она рвет траур свой.
Надеждой, гордостью ликует род людской,
И башни черные воспламенились сами.
А там, на всех концах земли
Тираны бледные со страхом и слезами
220 Над потрясенными, над жалкими венцами
В смятеньи руки вознесли.
На шум ее огня из сел летит проворно
Солдат великий легион
И, мчась, как снег лавины горной,
Погибель мчит на наш мятежный бастион;
Но от меча лучей в ее зажженных взорах
Они, возникшие, как вихрь, со всех сторон,
Бегут и исчезают в норах.

XIII

- Родится гражданин; и строй иных солдат,
230 Как жатва пышная, на нивах возрастает:
С церериным серпом встает за рядом ряд,
И с помощью сынов, что смерть сразить хотят,
Отчизна вольная свергает
Ничтожных королей, изменников, лгунов,
Железных рыцарей, наемных хвастунов,
И злого ханжества слепое иступленье!
Народ французский! Властелин!
Тебе несущие цветы любви и песнопенья!
Восстав свои права, вступи в свои владенья.
240 С тобой под уровень один
Святое равенство все сгладит пред собою.
Твой выбор гордо и светло
Родит великих. За тобою
Подъемлет род людской поникшее чело.
И перед нацией, законным господином,
Склонило голову властительное зло,
И доблесть вознеслась к вершинам!

XIV

Народ, что стар и нов! Расцветшие стволы
 Деревьев вековых! Народ преображенный!
 Ты — Феникс, что возник из пепла и золы!
 Я вам несу привет, чьи факелы светлы
 И путь нам кажут неуклонный.
 Париж на вас глядит, надежд его сыны!
 Вы — нации отцы, вы — зодчие страны,
 Вы, кто сумеете составить для народа
 Законов мудрых вечный свод;
 В нем право первое и древняя свобода, —
 Свобода милая, священный дар природы, —
 В веках отныне расцветет.
 Вы покорили все. И рабства нет отныне.
 Препятствий пала злая рать.
 Вы стали твердо на вершине.
 Учитесь же теперь от долге помышлять.
 Носители добра, от вас мы ждем немало:
 Самих себя и всех сумеите обуздать,
 Сходить учитесь с пьедестала.

XV

Будь гражданин всегда. И помни — каждый час
 Во всеоружьи ты — муж мудрого совета.
 Мужи! Свободный мой услышите ныне глас!
 Судья, народ, и вождь, и каждый здесь из нас
 Пусть строго держится завета:
 Не мните о себе. Таим в душе своей
 Мы властолюбие. Опасен этот змей,
 Как гибельный анчар с блестящею корою.
 Нам отравляют бытие
 Владычество и власть приманкою пустою;
 Избыток сил влечет желанья за собою:
 Кто много может, хочет все.
 Доверьем облечен, в сверкании величья
 Забыть гуманность может он
 И ласковый язык приличья.
 В препонах дух велик и, ими возбужден,
 Влечется к славе он, — в ней счастье и утеха, —
 И гибнет, собственной победой побежден,
 На рифах быстрого успеха.

XVI

Но независимость, народы озаря,
Да не доставит им ошибок тех в наследство.
Держите в берегах грозящие моря.
Народу вашему свободу подаря,
290 Вы буйное смиряйте детство
И к правде, к равенству, туда, где долг и строй,
Свободу юную ведите за собой.
Пусть никакой позор не омрачает мига.
Порвавши цепь обид былых,
Пусть молодой народ в волненьи бурном сдвига
Ярмо постыдное, убийственное иго
С себя не сложит на других.
Ваш первый долг — не дать ему осwirепело
300 В порыве темном зверских сил
Пятнать свое и ваше дело.
Не опускайте впредь вы мудрости удил,
Дабы законность мог он защищать со славой
И сталью гибельной, огнем не отомстил
Свое поруганное право.

XVII

Народ, не будем мнить, что все разрешено.
Пусть жадные льстецы не помыкают вами,
Всевластные вожди! Смотрите, — к вам давно
Вниманье палачей с надеждой склонено:
Убийств они вздувают пламя
310 И, нашу спесь дразня, позоря право, честь,
Возводит нашу страсть в закон их злая лесть.
Как часто слабый дух подвержен их мученьям!
Везде предательство ища,
И гневу нашему, и ложным подозреньям
Они обильный дар несут своим внушеньем:
Так, черным ядом трепеща,
Как виселица, ждет казнимых злое древо.
Безумный пир они ведут
Обиды, крови, казней, гнева, —
320 И каждый день — увы! — на эшафоте рвут
Тела уступленных звериной алчной пасти,
У нас их смерть купив. И кровью сей живут
На нас направленные страсти.

XVIII

Свобода бережет устойчивость весов
 Рукою праведной, и радостен светильник
 Прав человеческих: их шлет небес покров.
 Народ, свободы дух не зол и не суров;
 Его не ведает насильник.
 О низкие льстецы! Пусть смерть сразит скорей
 330 Вас, развратители народов и царей!
 Любовь к властителю, к законности отрадной
 Из уст их лживо точит мед.
 Но ненависть и страх — вот бог их кровожадный.
 На доблесть светлую язык тупой и хладный
 Бесчестие и злобу льет.
 О, зверь раздавленный и снова возрожденный,
 Всегда готовый быть царем,
 Калигулами окруженный!
 Так, если слабый брат погибнет под ножом
 340 Преступной волею своих сильнейших братьев,
 И если победит убийца, если дом
 Родной застонет от проклятий, —

XIX

Тогда восторг. “Народ! Владычный суд сверши!” —
 Так говорят льстецы: их ложь неистребима.
 Не вы ль кричали встарь: “Восторг!” — когда в тиши
 Певец-тиран, пьяня кровавый мрак души,
 Рукоплескал пожару Рима?
 Не так же ль вы, льстецы противной стороны,
 Мир убиваете? Различны, но равны
 350 В одном безумии вы к безднам равноценным
 Своих толкаете владык:
 Один, Вандал тупой, в смирении надменном,
 Царем желая быть и псом одновременно,
 Ползет, подъявля гнева крик;
 Другой на свой кинжал печать закона ставит,
 Но, как жестокий господин,
 Он брата слабого раздавит.
 И пусть один — король, другой пусть — гражданин, —
 Под масками видны порочные уроды.
 360 И, друг на друга встав, не знает ни один
 Отчизны, правды и свободы.

XX

Несут им фимиам и ночь, и свет зари;
Хваленья — фанатизм угрюмый разжигают.
Страдалцы, палачи, тираны, бунтари,
Согласья и любви служители, цари, —

Поочередно меч вздымают.

И жаждет небеса против земли поднять
Презревшая закон воинственная рать, —
Несчастья сеятель, слепой, неодолимый...

370 Но нет! Один лишь Божий глаз
Проникнет сердца мрак, для нас неизъяснимый:
Пускай преступного сто раз освободим мы,
Чем без вины убьем хоть раз.
Есть тысячи лжецов, питомцев лицемерья,
Но есть достойные мужи,
Святые жертвы легковерья.
Оставим жалобы. Пусть зреет плод в тиши.
О доблесть, ты жива! И есть сердца меж нами,
В ком к родине любовь без чванства и без лжи
380 Святое возжигает пламя.

XXI

Г Вы, души мудрые, где истина звенит, —
Как скалы твердые, в игре валов смятенной,
О разум, века сын, бессмертен твой гранит!
Да днесь закона власть он миром осенит!

А вы, вы хищники вселенной,

Тираны гордые, хмельные короли,
Откройте очи! Там вы видите ль вдали, —
Нездешний ураган грядущего отмщенья
Встает на вас? О, верьте мне!

390 Предотвращайте вихрь и верное паденье
И нации своей вы облегчайте звенья,
А тяжесть короля — стране.
Сотрите с их груди, израненной в страданиях,
Следы насильнических ног.
Глаголет небо в сих рыданиях!
О, если б добрый царь у нас смирит их мог,
Иль если б добрый меч, рабов спаситель, взмахом,
Сверкнув над вами вдруг, сердца бы вам ожег
Спасительным и вещим страхом!

XXII

- 400 Познайте истину и голос всех времен,
 Что право короля не есть причуда злая.
 И если скипетр ваш дерзнет попрасть закон, —
 Убийцы, падайте! Дрожи, коварный трон!
 Закона мать пресвятая —
 Свобода светлая, дочь Франции родной,
 За человека мстить, злодейство звать на бой,
 Несется над землей, суда взвывая знамя.
 Дрожите! Грозен светоч глаз!
 Ступайте же на суд, ответ держите сами,
 410 Без свиты, без венца, забытые льстецами,
 Без стражи, что умрет за вас!
 И рок уже влечет, жестокий и победный,
 На это вышний трибунал
 Величий ваших призрак бледный.
 Все слезы там сольет она в один кристалл,
 И, грозный судия, — в деснице молний взмахи, —
 Народа вонмет стон, — и скипетров металл
 Падет, рассыпавшись во прахе!

НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ЮПИТЕРА И ЕВРОПЫ

- Пришелец! Этот бык, что на груди морской
 Врезает пенный вал уверенной ногой, —
 Единственный, кого носила Амфитрита.
 Плывет он к берегам прославленного Крита.
 Под кисеей, что вихрь вздымает на лету,
 Одной из тирских дев несет он красоту.
 В слезах, зовя подруг и родичей, несмелой
 Рукой она за рог его схватилась белый,
 Страшится влажных ласк и, на хребте быка,
 10 От волн спасается пугливая нога.
- Искусство сделало текучей бронзу. Ходит
 По ней волна. А тот мычащий мореходец,
 Тот бык — бессмертный бог и царь богов: тот бык —
 Юпитер сам. Его и молнию и лик
 Ты в ложном облике вдруг узнаешь смущенно.
 Таким сошел он с туч на пастбище Сидона,
 Тая под бычьим лбом расчет коварный свой,
 И телок чаровал рогатой красотой.
- И милая ему Европа, дева Тира,
 20 Незнающей рукой царя ласкает мира,
 И в свой черед он к ней ласкается. Она

Желанным бременем ему на рамена
Легла доверчиво. И бог в личине бычьей
В пучину ринулся. Вор красоты девичьей —
Весь в пене моря. Кипр уже он миновал,
И к критским берегам его выносит вал.

ДЕ ПАНЖУ

Тот счастлив, кто, трудом прилежным увлеченный,
Припав к источнику премудрости ученой,
С достатком скромным в дар однажды получил
Свободу: без нее и сам талант не мил.
Как жизнь его полна в святом уединенье! —
Прогулки, долгий сон, мечтанья, вдохновенье
И свежий поцелуй порой в вечерний час
Белянки молодой, хозяйки черных глаз.
10 Ему не суждено в сраженье против рока
Свой гений погубить, угаснуть раньше срока,
Бесславно посвятив перо во цвете лет
Работе тягостной, в которой смысла нет.
Его ладье блуждать не нужно на просторе,
Где бурное кипит большого света море.
Слух не томит его, назойливо звеня,
Бездарных риторов пустая болтовня,
Погрязших в дебрях фраз, лихих иносказаний
Для утверждения безумных притязаний.
20 То всё наследники, достойные отцов,
Сброд жадных хищников, всесильных подлецов,
Тиранов и невежд, напыщенных и вздорных, —
Законников, святош, чиновников, придворных.
Счастливицу никогда шедевр свой не прочтет,
Самодовольства полн, салонный рифмоплет.
Не должен обречь он правду на изгнание,
Предписывать душе угрюмое молчанье,
Все в одиночестве переживать, тайком,
И посреди глупцов казаться сам глупцом.

БАСНЯ

(Гораций, сатира VI, книга II)

Раз к мыши полевой проवेशь часы досуга
Из города пришла старинная подруга.
Хозяйка в бедности и крошки берегла,
Но в этот день она старалась, как могла,
Чтоб гостье угодить великолепным пиром.

Все было там: изюм, орехи, сало с сыром.
 Надеялась она разнообразьем блюд
 Прельстить почтившую ее простой приют,
 Которая на стол с презрением сугубым
 10 Взирала, до всего едва коснувшись зубом.
 Сама ж хозяйка горсть откушала зерна —
 Подруге лучшее оставила она.
 “Послушай, милая, — тут гостья так сказала, —
 Ты здесь в своей глуши порядком одичала.
 Зачем устраивать в такой пустыне дом,
 Когда до города рукой подать? Пойдем!
 Там ждут нас празднества, пиры, увеселенья.
 Проходит наша жизнь, спеши ловить мгновенье.
 В конце дороги смерть любого сторожит,
 20 Ни знатный, ни бедняк ее не избежит”.
 Такие доводы сельчанку убеждают,
 И вот они встают, лачугу покидают
 И, дружно прошмыгнув извилистой тропой,
 Невидимо скользят под городской стеной.
 Уж месяц в небесах бледнел золоторогий,
 Когда они вошли в роскошные чертоги,
 Где в беспорядке блюд, светильников, амфор
 Остатки ужина манили жадный взор.
 И трепет, и восторг объяли тут простушку,
 30 А провожатая сажает на подушку
 Свою отшельницу, подносит яства ей,
 Довольна услужить, и просит быть смелей.
 А та благословить спешит свой жребий новый;
 Ведь жизнь ее всегда была простой, суровой:
 Терпи нужду, трудись, не покладая рук.
 Вот здесь — другая жизнь, одно веселье! Вдруг
 Шум, топот, голоса, и в залу входят слуги.
 Застигнуты врасплох, по всем углам подруги
 В испуге мечутся, а тут еще весь дом
 40 От лая псов дрожит и ходит ходуном.
 Что ж? Гостья сельская не стала колебаться:
 “Пойду-ка я домой, счастливо оставаться, —
 Сказала. — Там, в норе, я знаю, ждут меня
 Покой, глубокий сон и малость ячменя”.

БЕСПЕЧНОСТЬ

Мать прихотей пустых, ребяческих иллюзий...
 С ней легкокрылая фантазия в союзе,
 Непостоянная, как воздух или свет,
 Что, словно звонкая волна иль самоцвет,

- Или зеркальная поверхность под лучами,
Вдруг загорается, расцветивая пламя,
Блестит пурпуром, лазурью, серебром,
Алеет розою в сиянье заревом.
Путем изменчивым причудница летает,
10 И стая беглых снов вокруг нее витает
Прозрачной, мягкою, искристой пеленой.
Затейлив каждый миг богини озорной:
С ней смеха божества гирляндой прихотливой
Парят, то поцелуй срывают шаловливо,
То, дуя в трубочку, летунье милой в дар
Подносят радужный и невесомый шар.
Воздушной свитою окружена, царица
Порхает, кружится, поет, молчит, дивится,
20 Находит в тысяче зеркал свои черты,
Горда умноженным виденьем красоты.

(На берегу Роны, 7 июля 1790)

- ..... Земля, земля благая,
Навеки вольности ты родина святая!
Сенаты малые великих городов,
Откуда прозвучал свободы первый зов —
Гренобль, Валанс, Роман, о, колыбель законов,
Свобода юная, как солнце, с ваших склонов
Сияя Франции, наш озарила путь!
Вдоль этих берегов плывя когда-нибудь,
Любитель странствовать, влеком теченьем Роны,
10 Не станет веслами взрезать речное лоно,
Но в лодке молча встав, благоговейный взор
Направит на восток, на выси этих гор;
Его отец, восторг припомнив свой старинный,
Воскликнет: “О мой сын, смотри на те вершины!”

ЯМБЫ

ЯМБ I

Восставшим швейцарцам полка Шатовье,
чествуемым в Париже по предложению
Колло д'Эрбуа

Божественный триумф! В величии и силе
Прославленных бойцов яви!
Ведь ими не один француз убит, Дезиля
Недаром все они в крови.
Такого торжества столица не видала
Ни в приснопамятный тот день,
Когда великая тень Мирабо вступала
Под славную, святую сень,
10 Ни в день, когда в Париж из долгого изгнания
Вольтера возвратился прах,
Под гул восторженный всеобщего признанья
Клеветников повергнув в страх.
Одно лишь торжество по славе небывалой
Сравнится с нынешним вот-вот:
Как войско все пойдет Журдану под начало,
А Лафайет — на эшафот!*

ЯМБ II

Когда скрывается в пещерном полумраке
На бойне с бляньем баран,
В овчарне пастухи, бараны и собаки
Спокойны: не велик изъян.
Младенцев вместе с ним резвившаяся стая
И девы юные, гурьбой

---

* Иронический смысл этого ямба язвует из противопоставления, содержащегося в последних четырех строках. Приспешник Марата, умудрившийся в то анархическое время стяжать боевую славу, составляет в них контраст с доблестным защитником прав народов. Один, известный под именем *Журдан-головорез*, кончил жизнь на эшафоте, другой — тот просвещенный друг свободы, ради которой он имел счастье сражаться с юных лет <примеч. Латуша>.

Ласкавшие его, в руно цветы вплетая
 И потчюя наперебой,
 Его съедают вмиг и не грустят нимало.
 10 Сокрыт в сей мрачной глубине,
 Я с ним уделом схож. Как быть? пора настала
 С забвеньем свыкнуться и мне.
 Баранов множество других с судьбою сродной,
 Заполнивших всю эту клеть,
 Вздвев на кровавый крюк на бойне всенародной
 Народу бодро пустят в снедь.
 А что ж мои друзья? Сквозь прутья мне подмогой,
 Подобно медлящим лучам,
 Их были бы слова. И золота немного
 20 Они бы дали палачам...
 Но бездной все грозит. Всем надобно укрытье.
 Живите в радости, друзья.
 И Бавусу назло за мною не спешите.
 В иные времена и я
 От горестей чужих, быть может, безучастно
 Глаза отвел бы в свой черед.
 Так память обо мне досадна и опасна.
 Друзья, не ведайте забот.

ЯМБ III

Чего в грядущем ждать? Где мужества и чести
 Один хотя бы образец,
 Величье стойкости и прямота без лести, —
 Отрада праведных сердец, —
 Где над преступными недолгий суд Фемиды,
 Где состраданья взятый груз,
 Где память о добре, забвение обиды,
 Где сладость дружественных уз
 В юдоли сей земной? О ней грустим напрасно.
 10 Ведь подлый страх — вот бог людей.
 Бессилье — их удел. О, как мы все безгласны!
 Все до единого... Скорей
 Пусть смерть придет и даст от всех скорбей укрытье!
 Что ж, значит, сломлен, я умру,
 Мучений не снеся? О, нет, обязан жить я!
 И жизнь моя нужна добру.
 Безвинно свергнутый в кромешный мрак темницы,
 В оковах, смерти обречен,
 Достоинство храня, с молчаньем не смиритя

20 И головы не склонит он.
 Коль решено судьбой, что сталь не заблестит
 В моей руке, врагов разя,
 В душе разлитый яд мое перо впитает.
 Мне безоружным быть нельзя.
 Закон и правда, к вам взываю, коль ни словом,
 Ни мыслию вовек у вас
 Не пробуждал грозы я на челе суровом
 И коль теперь победный глас,
 Коль смех бессовестный злодеев гнусных или
 30 Чудовищный их фимиа
 Вам сердце раною глубокой уязвили,
 Меня спасите, и воздам
 За все как мститель ваш, вершитель казней правых!
 Еще не пуст колчан, чтоб пасть,
 Не растоптав в грязи мучителей кровавых,
 Марающих законы власть,
 Тиранов бешеных истерзанной отчизны,
 Поруганной! О, вы одни,
 Перо и ненависть в моей остались жизни!
 40 Вы продлеваете мне дни.
 И кто поведает векам об истребленье
 Такого множества людей?
 .....
 Кто утешенье даст сиротам их и вдовам,
 Кто эту свору палачей
 Заставит трепетать, явив ее деянья?
 Кто в пропасть мрачную сойдет
 И фурий бич тройной возьмет, да воздаянье
 Злодеев наконец найдет?
 Их память проклянет, воспев их казнь, ликуя?
 50 Довольно полыхать костру.
 О, сердце, как болишь, возмездия взыскаю!
 Плачь, Доблесть, если я умру.

ЯМБ IV

(Последние стихи автора)

Последний блеск луча, последний вздох зефира
 Так оживляют дня уход,
 Как мне еще звучит близ эшафота лира.
 Быть может, скоро мой черед.
 Быть может, не пройдет, не знающая лени,
 Привычный стрелка часовой

По циферблату путь, последнего деленья
Коснувшись звонкою стопой,
Как тяжкий, смертный сон мне плотно веки склеит.
10 И прозвучать в моих стихах
Строка, что начал я, быть может, не успеет,
Как здесь, где в камни вьелся страх,
Вербовщик призраков, посланник черный ада,
Безликой стражей окружен,
Мне бросит гулкий зов, и дрогнет стен громада.
.....

ПРОЗА

В то время, когда печаталась эта книга, два предлагаемых ниже сочинения, озаглавленные “Уведомление французам об их истинных врагах” и “Размышления о духе партий”, были переданы издателю давним другом Андре Шенье, г. маркизом де Бартеlemi¹, ныне пэром Франции и автором знаменитого предложения, внесенного в 1819 г. против нашего закона о выборах². Эти два произведения свидетельствуют о столь замечательном образе мыслей и столь живой любви к свободе, что, мы надеемся, наши читатели разделят с нами признательность по отношению к благородному пэру, которую мы почитаем своим долгом выразить ему здесь*.

УВЕДОМЛЕНИЕ ФРАНЦУЗАМ ОБ ИХ ИСТИННЫХ ВРАГАХ

Когда великая нация, состарившись в заблуждениях и беспечности, устав наконец от бед и угнетения, пробуждается от долгой летаргии и через справедливое и законное восстание возвращает все свои права и опрокидывает тот строй, что все их попирает, она не может в одно мгновение успокоиться и перейти в новое состояние, которое должно сменить прежнее. Могучий толчок, данный столь тяжеловесной массе, заставляет ее некоторое время колебаться, прежде чем она вернется в нормальное положение. Вот почему не следует, когда разрушено все, что было плохо и когда надо, чтобы те, на кого возложено проведение реформ, скорее делали свое дело, не следует надеяться, что еще разгоряченный пережитым и возбужденный успехом народ будет пребывать в покое и мирно дожидаться того нового строя, который ему готовят. Все думают, что таково их право, и неосторожно стремятся внести вклад иной, нежели благоразумное терпение. Все хотят не только при всем присутствовать и за всем наблюдать, но еще и руководить строительством хотя бы части здания; и поскольку все эти частичные реформы не представляют столь явно и разительно общего интереса, постольку единодушие народа не так велико и не так деятельно; усилия прекращаются: столь большое количество ног задерживает движение, столь большое количество рук замедляет дело.

В этом состоянии неопределенности политика овладевает всеми умами; все прочие труды прерваны; все прежние роды деятельности расстроены; головы разгорячены; все рождает или думают, что рождают, новые идеи и держатся за

---

* <преамбула Латуша>.

них, не замечая ничего иного; патриоты, которые в первую минуту составляли единое целое, ибо видели единую цель, начинают находить между собой различия, чаще всего воображаемые.

Каждый напрягает силы, усердствует, каждый хочет показать себя, каждый хочет нести знамя; каждый восхваляет то, что он совершил и то, что намеревается еще совершить; каждый в своих принципах, речах, действиях хочет превзойти других. Те, кто на протяжении долгих лет впитали, усвоили идеи свободы, те, кого размышления заранее подготовили к тому, что сейчас происходит, и кто сохраняет твердость и умеренность, те обвиняются новообращенными в недостаток патриотизма, что просто смешно. Ошибки, заблуждения, плохо рассчитанные шаги, неразрывно связанные с тем моментом, когда каждый считает своим долгом действовать ради себя и ради всех, дают повод тем, кто сожалеет о старом режиме и противится новым учреждениям, осыпать все, что делается и все, что будет делаться, бессодержательными замечаниями и пустыми насмешками; другие, отвечая им, столь преувеличивают правду, что она перестает быть правдой; стремясь выставить дело другого в ненавистном или смешном свете, портят собственное тем, как его отстаивают.

Эти волнения, если только новый порядок вещей, мудрый и насколько возможно деятельный, не оставит им времени зайти слишком далеко, могут вовсе не быть пагубными, могут даже пойти на пользу общему благу, возбуждая своего рода патриотическое состязание. И если посреди них нация просвещается и обретает навык истинных принципов свободы, если представителям народа не мешают создавать конституцию и весь общественный механизм движется к хорошему правительству, тогда все эти небольшие затруднения преодолеваются вскоре одной только силой вещей и из-за них отнюдь не следует тревожиться. Но если, далеко не исчезнув спустя некоторое время, зародыши политических распрей на наших глазах пускают глубокие корни, если на наших глазах множатся наугад серьезные обвинения и чудовищные оговоры; если на наших глазах, в особенности, превратный дух, превратные принципы последовательно вызывают глухое брожение в самом многочисленном классе граждан; если, наконец, на наших глазах в одно и то же время, во всех уголках страны происходят незаконные восстания, одинаковым образом руководимые, базирующиеся на одних и тех же промахах, опирающиеся на одни и те же софизмы; если мы часто видим, как при сходных обстоятельствах с оружием в руках появляется тот последний класс народа, который, пребывая в невежестве, ничего не имея, ничем не интересуясь, умеет только продаваться тому, кто готов ему заплатить, тогда эти симптомы должны казаться ужасными. Они указывают на то, что общее положение вещей способно помешать возврату порядка и равновесия, без чего ничто не может почитаться завершенным, способно развратить и утомить нацию застойной анархией, затруднить работу законодателей тысячью помех, которые невозможно предвидеть или преодолеть, увеличить обязательный промежуток между концом прошлого и началом будущего, прервать всякое продвижение ко благу. Тогда общему делу грозит подлинная опасность и становится трудно не

признавать происков и влияния неких врагов общества. Не наш ли это портрет в настоящее время или только картина, порожденная фантазией?

Но эти враги, кто они? Здесь начинаются неопределенные крики: каждая партия, каждый гражданин обрушивается на тех, кто не думает обо всем точно так же, как они: обвинения в заговорах, злоумышлениях, подкупах, при иных обстоятельствах могущие содержать некоторую долю вероятия, становятся столь повсеместными, что не вызывают более никакого доверия. Тем не менее, нам было бы важно знать достоверно, с какой стороны мы должны ожидать опасность, чтобы суметь защититься и чтобы наша неопределенная тревога и наши смутные подозрения не ввергли нас в те бои в потемках, когда разят и друзей и врагов. Попытаемся же, выслушав всевозможные мнения, различить путеводный луч света.

Все те, кто наделен хоть какой-то рассудительностью и стремится обосновать выражаемое ими беспокойство, не ограничиваясь непоследовательными и бессвязными разглагольствованиями, приходят примерно к следующим заключениям. Они учитывают и неприязнь ряда иностранных суверенов, коих могла огорчить наша революция, и корысть и опасения всех королей, чьи подданные могут быть слишком потрясены примером Франции, и властолюбие и жадность тех наций, что, несмотря на повсеместно проповедуемые ныне принципы человечности, справедливости и прав людей, не перестают выжидать случай обогатиться и расширить свои владения за счет тех, кто кажется не в состоянии защититься. Исходя из этого они обращают наше беспокойное внимание то на австрийцев, каковы, между тем, усталые и измотанные длительной, кровавой и дорогостоящей войной и сами встревоженные уже начавшимися или близкими к началу восстаниями¹ во многих из их собственных областей, как будто не собираются на нас нападать, то на англичан — и эта нация, о которой столько говорят в Париже и где ее так мало знают, действительно более опасна, то на другие державы — все и впрямь более или менее внушающие страх, но при этом все рассуждающие сходятся на мысли, что беглецы из Франции и те, с кем они сохранили во Франции связи, возбуждают и подстрекают эти державы.

Однако представляется очень мало правдоподобным, что европейские кабинеты только и делают, что прислушиваются к советам чужеземных беглецов, из коих одни — и таковых большинство — были у себя на родине личностями мало известными, а другие потеряли свой авторитет и почти все свое состояние во время происходящей революции. Не может быть, чтобы они не понимали, что эта революция произведена не волею каких-то отдельных личностей, но что вся нация нуждалась в ней, желала и свершила ее и что, следовательно, явная поддержка, будь она оказана им у нас, была бы несущественной. И если правда, что иностранные державы действительно помышляют обрушиться на нас, то, думаю, они в гораздо большей степени рассчитывают на нашу предполагаемую слабость — а её неизменно и почти всегда довольно опрометчиво принято приписывать освобождающимся народам, — на бессмысленные и совершенно необоснованные распри, ежедневно нас утомляющие, на всеобщее неповиновение и на то охватывающее нас при одном слове “война” смятение, что можно принять за страх.

Поистине неразумно полагать, что французы, не испытывающие любви к нашей революции, в особенности те, кого недовольство или страх заставили бежать за границу, являются все без исключения деятельными врагами, пламенными заговорщиками, не имеющими иных желаний, кроме желания увидеть, как все граждане перережут друг друга, или натравить на нас соседние государства, дабы огнем и мечом проложить себе обратную дорогу во Францию. Я более чем убежден, что среди них есть некоторые, кого оскорбленная гордость, ненависть, жажда мести, ребяческая привязанность к столь же пустым, сколь и несправедливым привилегиям могли бы заставить измыслить или разделить эти безрассудные и преступные планы и кто вдали, быть может, питают безумную надежду стать Кориоланами² своей родины. Но человеческая природа порождает очень мало таких непреклонных и неугомонных душ, коих даже воспоминание о нанесенной обиде может ввергнуть одновременно в столь резкие и длительные крайности. Большинство же людей, быть может, способных на отчаянный удар в первом порыве ярости, в конце концов успокаиваются и вскоре устают от одной мысли о кропотливой и расчетливой мести.

Так и большинство наших недовольных, остались ли они в стране и скрываются или бежали и живут открыто, вероятно желают больше, чем мы думаем и чем они думают сами, вернуться к своим очагам и спокойно жить на своей родине, мирной и счастливой. Узость мысли, ошибочное воспитание, малодушное и смешное тщеславие, подлинный ущерб, нанесенный их состоянию, искусственные и ложные понятия о величии и благодорстве, опасности, которым многие из них подвергались — все это привязывает их, влечет к химерам прошлого; многие совершенно искренне полагают эти химеры необходимыми для счастья человечества и, сравнивая покой прежнего рабства с происходящими волнениями и бедствиями — а среди них есть такие, что неизбежны в пору освобождения великого народа, делают заключение, что убийства и мятежи составляют сущность свободы, то есть разума и справедливости. Но развеите их заблуждения, показав им порядок, справедливость и согласие, установившиеся в городах и деревнях; вещи и людей в безопасности; всех граждан под защитой закона и послушных только ему: можно ли сомневаться, что они тогда возвратятся из изгнания и расстанутся со своими ошибками? Можно ли сомневаться, что тогда в душе отсутствующих пробудится острое желание вновь увидеть свою родину, которую, как им, быть может, кажется, они ненавидят? Кто сочтет их неразумными до такой степени, чтобы предпочесть сладости возвращения, поправки своего состояния, приумножения того, что у них еще осталось из имущества и мирной кончины в кругу друзей и семьи на той земле, где они родились, горечь скитаний из края в край, в бедности, без всяких душевных привязанностей, вдали от друзей, от родных, в одиночестве, когда невозможно избежать утомительного любопытства или унижительной жалости, а порой оскорблений и презрения?

Но, вернувшись домой, они, быть может, не станут очень усердными патриотами? Что нужды? да и имеете ли вы право, полномочия требовать этого? Можете ли вы заставить человека любить то, чего он вовсе не любит? Можете ли вы его принудить расстаться с предрассудками прошлого, если его слишком сла-

бое зрение не видит их нелепости? Единственное, чего вы можете требовать, это чтобы они были мирными гражданами, а они явно будут ими. Можно ли поверить, что они захотят подвергнуть свой покой, свою безопасность, свою семью, свою жизнь случайностям заговоров, которые так трудно плести посреди общественной бдительности, и которые ныне обречены на неудачу при таком поразительном неравенстве сил, численности сторон и средств?

Я даже полагаю несомненным, что большинство уже вернулось бы, если бы осмелилось, и истратило бы у нас свое состояние, чей недостаток мы ощущаем. Многие из тех, кто ненавидел старый режим, жили при старом режиме; почему же все те, кто не любит нового, предпочли бы отправиться в добровольное изгнание, нежели жить при этом режиме, если бы, конечно, они считали власть надежной? Но друзья извещают их о том сопряженном с риском приеме, который их ожидает; они сообщают им о неожиданных визитах и допросах, обо всех этих сыскных мерах, что больше стесняют невинного, нежели страшат виновного. Курьеры останавливаются на границе, осыпаются угрозами и отправляются назад; письма вскрываются; тайны политических кабинетов и еще более священные тайны семейственные и личные нарушаются, разглашаются, выставляются на осмеяние — и кем? членами магистратов, служащими муниципалитетов, теми, кого свободный и сознательный выбор провозгласил самыми мудрыми в их кантонах. Она узнают также, что отдельные группы народа то предлагают заставить их вернуться в такой-то срок, а в противном случае конфискации имущества, хотя декретом Национального собрания любые конфискации запрещены, то придумывают иные средства, все в том же роде. Очень ли это похоже на ободрение? может ли это представить им их родину в радостном и привлекательном виде? Измените методы или перестаньте обвинять их в отсутствии.

К тому же не будем забывать, что есть многие, кто, ни разу не заслужив никакого порицания, не сделав никакого зла, были вынуждены бежать после того, как их жилище было захвачено, семья подверглась оскорблениям, после того как они и их близкие с трудом избежали гибели. Что касается этих, то если уязвленное сердце заставило их навсегда покинуть Францию, если они не могут простить ей обиду, то кто осмелился бы вменить им именно это в преступление? Стыдно сказать, но нам следует не столько упрекать их, сколько возмещать нанесенный им ущерб: это они должны нас простить.

Есть и другие, некогда всемогущие хозяева Франции, лишённые талантов и достоинств, которые никогда уже не будут никем, потому что они никогда и не должны были никем быть, которые больше ничего не имеют, потому что они жили хищениями и злоупотреблениями, и расточительная роскошь поглощала все огромное количество награбленного ими. Что до этих, то трудно поверить, что они когда-нибудь станут хорошими французами. Но за исключением этого небольшого числа людей все остальные вернуться, как только увидят дверь открытой. Преследование не порождает прозелитов, оно порождает только мучеников. Пусть перестанут запугивать изгнанников, и они перестанут быть опасными.

Но, допустим, они все же опасны и настолько, как нас в этом уверяют;

допустим, нам угрожают тысячи внешних и внутренних врагов: разве мы думали, что свободу можно получить без помех? Я вижу в истории всех свободных народов, что их новорожденная свобода атакнулась тысячами различных способов; но я не вижу, что исходы почти всех этих сражений должны заставлять нас так уж падать духом. Наше внезапное смятение при самых нелепых известиях, наш своего рода панический страх, разве это хороший способ удалить наших врагов, одолеть их, да и просто распознать? Население Франции огромно; у нее есть оружие, у нее есть все: только при наличии единства, хладнокровия и мудрости можно действительно и эффективно использовать всю эту силу; только при наличии бесстрашного согласия, когда есть только одна партия — партия общего блага, можно достичь способности все видеть, все упреждать или все исправлять, всему давать отпор. Вот почему нынешнее разъединение, разделение на партии неосторожно и опасно; а мир и единодушие столь же соответствуют нашим интересам, сколь и подобают национальному достоинству.

Поистине достойно свободы и великого, только что завоевавшего ее народа, если он достаточно высоко ценит свою победу, чтобы отразить бедствия, которые она могла навлечь на него. Он должен был ожидать их; и если спокойный и объединенный, словно это уже один человек, он ждет этих атак с мужественной и достойной выдержкой, исполненный спокойной гордости, основанной на сознании того, что он свободен и не может больше перестать быть свободным, тогда всем придется не один раз подумать, прежде чем напасть на него, и великий народ, идущий в битву с твердой уверенностью, что он может погибнуть, но не может быть рабом, очень редко оказывается побежденным.

Как только нам ясно доказано, что, коль скоро у нас есть внешние враги или враги, скрывающиеся среди нас, и мы только в спокойствии и согласии можем обрести верные средства распознать их, устранить и победить, так сразу становится очевидным, что наш первейший интерес состоит в том, чтобы отыскать и искоренить, как врагов, все причины, мешающие установлению среди нас спокойствия и согласия и здорового общественного мнения, без коего напрасны любые целительные меры. Присмотревшись же к тому, с чем связана наша столь возросшая склонность к подозрительности, беспорядкам, мятежам, — при том, что различие интересов, накал противоречивых мнений, недостаточный навык к свободе — вполне естественная их причина, — мы не сможем не признать, что все эти явления паразитическим образом усиливаются, питаются, поддерживаются целой толпой ораторов, и писателей, которые словно объединились в одну партию. Все, что в этой революции есть хорошего или плохого, все обязано тем или иным писаниям. В них же, мы, вероятно, найдем и источник грозящих нам зол. Рассмотрев же, каков может быть интерес авторов пагубных советов, мы увидим, что большинство этих авторов — личности слишком темные, начисто лишены способностей, чтобы стать во главе партии. Отсюда мы делаем заключение, что их двигатель — деньги или глупая убежденность; ибо не следует думать, что все, кто в политических революциях защищает скверное дело и отстаивает ложные мнения, все без исключения являются людьми дурными и злонамеренными. Поскольку

большинство людей наделено сильными страстями и слабой способностью суждения, постольку в наше беспокойное время, когда все эти страсти пробудились, они, эти люди, все хотят действовать и совершенно не ведают, что надо делать, а потому вскоре оказываются преданы на волю ловких негодяев: дело человека мудрого — следить за ними, замечать, куда они клонят, наблюдать за их поступками и словами, наконец, быть может, распознать, какие интересы ими движут и объявить их врагами общества, если они действительно проповедают взгляды, способные замутишь, поколебать, развратить общественное мнение.

Что такое здоровое общественное мнение в свободной стране? Разве это не своего рода всеобщий разум, некая практическая мудрость, как бы вошедшая в привычку, почти равномерно распределенная среди всех граждан, всегда находящаяся в согласии и на одном уровне со всеми общественными установлениями, благодаря которой каждый гражданин хорошо знает, что принадлежит ему и, следовательно, что принадлежит другим, каждый гражданин хорошо знает, каков его долг по отношению к обществу и изо всех сил исполняет свой долг, каждый гражданин уважает себя в другом и свои права в правах другого, каждый гражданин, простирая свои устремления настолько далеко, насколько он может, никогда не оспаривает закон и машинально, бессознательно почитает его? А когда общественное устройство достаточно долговечно, чтобы все это стало для всех врожденной привычкой, своего рода культом, я бы даже сказал, суеверием, тогда, конечно, в стране складывается наилучшее общественное мнение. Я знаю, что было бы безумием хотеть, чтобы спустя год после освобождения и в нашем обществе сложился бы такой дух. Я знаю, что этого можно достичь лишь долгим путем и не принадлежу к тем, кто кричит, что все потеряно, если все не свершено в один день. Но есть и такая степень медлительности, что вселяет страх, как бы цель не оказалась не достигнутой и как бы в дороге не постигла смерть. Об успехах же можно судить по меньшей мере при том условии, если мы видим ряд последовательных событий, с которыми естественно согласуются наши представления о необходимых правилах поведения.

Итак, посмотрим, каких успехов достиг наш разум на пути к образцу, к которому мы должны стремиться. Посмотрим, в чем он стал просвещенным, окрепшим, обогащенным; посмотрим, как послужил нам опыт одного года, столь богатого на события. Если мне заметят, что так нельзя дать верный прогноз на будущее, потому что в стране было слишком много беспорядков и волнений, чтобы мы могли продвинуться к социальному совершенству, я соглашусь с этим замечанием, и оно даже послужит доказательством того, насколько бесполезные беспорядки и волнения были нам вредны и что, следовательно, мы больше не сделаем ни шага по пути к будущему, если не предотвратим подобные нестроения.

Действительно, как и в прошлом году, мы повинемся лишь нашим сиюминутным прихотям; как и в прошлом году, мы забываем сегодня закон, принятый нами вчера. В этом году мы так же преследуем тех, кто перепродает деньги³, как в прошлом преследовали торговцев пшеницей; как и в прошлом году, часть

народа доходит до насильственных действий в отношении прежних господ; этим людям как будто кажется, что свобода дает им право угнетать тех, кто их некогда угнетал и что железный прут лишь перешел в другие руки; как и в прошлом году, мы требуем затворить двери и удержать людей силой; как и в прошлом году те, кому угодно отправиться в путешествие и кто имеет право поступать, как ему заблагорассудится, вопреки декретам Национального собрания и правам человека, вопреки здравому смыслу оказываются задержаны, сами они — подвергнуты допросу, а их экипажи — непростительному обыску; как и в прошлом году, сыскные комитеты роются в домах, в бумагах, в мыслях граждан, и мы аплодируем; и пусть мне не говорят, что эти усилия, эти поиски дали какие-нибудь положительные результаты, ибо помимо того, что я мог бы просто отрицать подобные утверждения, я заявляю, что это объяснение ничего не стоит, что плохая мера никогда не может быть столь же полезной в данную минуту, сколь вредной впоследствии и что мы вообще весьма далеки от здорового общественного мнения, если думаем, что успех может превратить в нечто хорошее нечто дурное по самой своей сущности; наконец, как и в прошлом году, часть народа упорно ставит себя на место судей и находит развлечение в том, чтобы выносить смертные приговоры, и никто не сомневается в том, что, не будь наших магистратов и национальных гвардейцев, двигающих вперед дело, когда мы тащимся в хвосте, кровавые сцены⁴ возобновились бы на наших глазах.

Отвратительное зрелище! Позорящее имя французов! Позорящее род человеческий! Зрелище огромных скопищ людей, берущих на себя одновременно обязанности доносчиков, судей и палачей. Пусть объясняют, пусть даже оправдывают возбуждением первого момента, злобой, накопившейся за долгие годы гнета, неизбежными последствиями полной перемены, происшедшей с огромным народом, эти катастрофы, ставшие роковыми для тех, кто некогда возглавлял учреждения, под бременем коих стонал народ, пусть так, я согласен. Но как объяснить эти растянутые и трудоемкие казни, эти изощренные, хитроумные пытки, которым нечестивая чернь предавала в большинстве своем невинные жертвы? как извинить омерзительные насмешки, сопровождавшие их жалобы и последние мгновения? как извинить, объяснить эту ужасную в людях жажду крови, это отвратительное желание видеть чужие страдания, заставляющее их толпой набрасываться на обвиняемых, совершенно им незнакомых или на виновных, чьи преступления их ни разу не коснулись или же на мелких нарушителей общественного порядка, которых ни одно законодательство, даже самое варварское не наказывает смертью; терзать их собственными руками, роптать и бунтовать против солдат, в то время как их вооружил закон и они вырывают у них жертвы с риском для собственной жизни?

И при этом находятся настолько жестокие, настолько подлые писаки, что объявляют себя покровителями, апологетами этих убийств!

И они осмеливаются ободрять убийц! осмеливаются направлять удар на ту или иную голову! И у них хватает стыда называть это отвратительное попрание всяческих прав, всяческой справедливости народным судом! Конечно, коль скоро является бесспорным, что всякая власть исходит от народа, право вешать исходит также от него; но как ужасно, что это единственное право, которое он не

хочет осуществлять через своих представителей! И порядочные люди больше всего должны упрекать себя, в частности, и за то, что они недостаточно открыто продемонстрировали свое возмущение. То ли удивление, то ли неверие в успех, то ли страх сделали их почти безгласными; они отвратили свой взор от этого зрелища в молчании, смешанном с ужасом и презрением, и покинули определенный класс народа, сделав его жертвой бешенства и кровавых подстрекательств тех жестоких и гнусных людей, для коих обвиняемый всегда виновен, для коих оправдание невинного превращается в общественное бедствие, которые любят свободу только в том случае, если у нее есть предатели, подлежащие наказанию; почитают закон, только когда он диктует смерть; уважают суды, только когда они посылают на казнь, а если общество видит себя вынужденным пролить кровь, поздравляют его с этой удачей и желают ему пролить ее еще больше, и чьи крики и рев в случае, если обвиняемых оправдывают, напоминают рычание и зубовой скрежет диких зверей, когда из их когтей и пасти вырывают живые тела, которые они уже начали раздирать.

Но что же? разве все граждане не обладают правом иметь и публиковать свое мнение обо всем, что касается общего дела? Конечно, обладают. Но они не имеют права проповедовать бунт и мятеж; и независимо от этого, даже если бы они не выходили за рамки, предписываемые законом, было бы не менее допустимо и дозволено рассмотреть, к чему клонят их суждения, к чему клонят их принципы и учение, и какого рода влияния могут и должны иметь их советы на то общественное мнение, которое нас интересует. Так вот, в этой грязной гряде громких заявлений, брани, чудовищных высказываний попробуем найти, чего они хотят, что одобряют, что предлагают, указывают ли после справедливой или несправедливой критики того или иного закона, чем, по их мнению, можно было бы заменить этот закон: мы ничего не найдем. Они противоречат, но сами ничего не предлагают, они препятствуют, но сами при этом ничего не делают. Какой декрет Национального собрания им по нраву? Какой закон не кажется им несправедливым, суровым, тираническим? Какое учреждение представляется хорошим, полезным, сносным, кроме, быть может, тех, к счастью недолговечных учреждений, которые служат тому, чтобы беспокоить граждан, подвергать их недостойным обыскам, арестам, тюремному заключению, допросам, не имея на то декрета и не соблюдая юридических формальностей? Наконец, какое занятие, какая должность, какой общественный деятель, что вообще пользуется их благоволением?

Г-н де Байи⁵ при поддержке общества занимает первое место в городской магистратуре; честные люди радуются, видя поощрение заслуг и добродетели. Но как только этот человек хочет строго исполнять свои обязанности, силясь установить порядок и согласие, умерить и примирить различные интересы, воспрепятствовать честолюбцам попираť чужие права и нарушать общественное спокойствие, так он сам провозглашается честолюбцем, деспотом, враждебным свободе. Г-н де Лафайет⁶ поставлен во главе парижской армии; великие подвиги, совершенные во имя правого дела в том возрасте, когда большинство других людей всего лишь узнают о чужих свершениях, рождают любовь к нему всех тех, кто мыслит и чувствует: все рукоплещут его избранию. Но как только ему,

проявив большую смелость, энергию, мудрость, удается несколько утишить волнения в этом большом городе, как только он, в мгновение ока переносясь от одного стана к другому, возвращает спокойствие, бдительно следит за всем, что касается интересов города внутри него и за его стенами, удерживает каждого в границах порядка, словом, исполняет свой долг, так все эти люди обрушиваются на г-на де Лафайета, называют его предателем, продажным человеком, врагом свободы. Аббат Сиейес⁷ благодаря своим энергичным и ясным сочинениям, благодаря проявленной во время заседания Генеральных штатов смелости, закладывает основы Национального собрания и нашей конституции, а также представительного образа правления, и все единодушно восхищаются аббатом Сиейесом, почитают, чествуют его. Тот же аббат Сиейес противостоит лавине общественного мнения в деле, в котором опыт доказал, что он был прав, осуждает суровые меры, принятые в отношении людей, когда их следовало принять в отношении вещей; хочет обуздать нестерпимую дерзость писателей-клеветников⁸: и вот аббат Сиейес становится врагом государства, защитником деспотизма, опасным лицемером, замаскированным царедворцем. Возьмите г-на Кондорсе⁹, на протяжении двадцати лет оказывавшего большие услуги человеческому роду в своих многочисленных сочинениях, предназначенных для его просвещения и защиты всех его прав; возьмите, одним словом, всех, кто посвятил благу общества, родины, делу свободы свои речи или перо, или шпагу, все без исключения оказались заклеены в этой гряде грязных листков как враги свободы с той минуты, как только они выступили против того, чтобы свобода заключалась в поношениях без разбора и в составлении проскрипционных списков группками людей, собравшихся в Пале-Рояле¹⁰.

Таков дух этой многочисленной и страшной породы бесстыдных писак, какие, прикрываясь пышными званиями и судорожными изъявлениями любви к народу и родине, пытаются завоевать доверие народа, этих людей, для которых всякий закон тягостен, всякая узда несносна, всякое правительство ненавистно; для которых честность — самое тяжкое бремя. Они ненавидят старый порядок не потому, что он был плох, но потому, что это был некий порядок; они возненавидят и новый и вообще любой. С одной стороны, по их мнению, министры короля — это коварные обманщики, разоряющие нас, призывающие против нас иностранные армии, желающие открыть наши порты иностранным флотилиям; с другой, также по их мнению, Национальное собрание подкуплено, развращено и злоумышляет против нас. Таким образом, все, что дает нам законы, все, что нам их объясняет, все, что заставляет нас их исполнять, все, что нас окружает — враждебно и преступно; таким образом, мы должны доверять лишь тем, кто нас подстрекает, озлобляет против всех, вкладывает нам в руки нож, учит убивать и как о милости умоляет нас о кровавой бойне.

Если бы вопли этих изголодавшихся смутьянов были повсеместно преданы презрению или забвению, коих они заслуживают, честные люди, конечно, не снизили бы до ответа им и не пожелали бы, цитируя их, давать им своего рода жизнь. Но этого не происходит: те, кто говорит или пишет в такой манере, слишком хорошо знают, что она способствует приобретению доверия или денег, и что слепая толпа, невежественная и так долго угнетавшаяся, должна

быть, естественно, более чем склонна выслушивать измышления такого рода. Но пусть все классы граждан задумаются, куда заведут нас в конце концов эти бешеные, не предлагающие ничего кроме бунта и мятежа, если их взгляды будут разделены. Национальное собрание — единственная в полной мере действующая ныне власть; только она может привести в движение другие институты власти, созданные от имени нации. Все прежние институты власти упразднены: одни, потому что их существование противоречило свободной конституции, другие — потому что они были следствием и придатком первых, и все — непреклонной силой вещей. Следовательно, Национальное собрание — последний якорь, удерживающий нас и не дающий нам разбиться. Национальное собрание допустило просчеты, потому что оно состоит из людей; потому что этих людей — вспомним, каким образом они были избраны — должны были неизбежно волновать различные, несовместимые интересы, потому что эти люди не могли не устать от огромного объема работ, которые Национальное собрание вынуждено было проделать в одно и то же непродолжительное время и которые оно продвинуло так далеко вперед. Но само дело Национального собрания содержит зародыши будущих усовершенствований; но допущенные им ошибки могут быть исправлены благодаря тому, что оно уже сделало; но верховная власть нации, равенство всех и прочие незыблемые основы, на коих Национальное собрание воздвигло свое здание, обеспечат его долговечность, если только мы сами не помешаем этому. Таким образом, оно — единственный центр, и вокруг него все честные граждане, все французы должны сплотиться; они должны изо всех сил помогать ему завершить начатое великое дело и передать это дело в руки прошедших его школу для усовершенствования и упрочения.

Итак, я повторяю: пусть все честные граждане бесстрашно, если они в силах, взглянутся и увидят, в какую пропасть могут ввергнуть нас советы этих подстрекателей и смутьянов. Для этого нужны только добросовестность и простой здравый смысл; ибо, помимо их яростных нападков на само Национальное собрание, разве не очевидно, что их буйная доктрина имеет целью его, а следовательно, и наше уничтожение? И впрямь, если бы, как они того хотят, самая многочисленная часть нации сохраняла вкус и привычку к бесчинным сборищам и мятежам против всего, что ей не по нраву, то что случилось бы с промыслами и сельским хозяйством, которые только и могут обеспечить уплату налогов, то есть поддерживать благосостояние общества? И здесь я даже не говорю о прямых и определенных высказываниях против налога как такового, раздававшихся, когда Национальное собрание облегчило его бремя, насколько позволяли наши тяжелые обстоятельства. Я ограничиваюсь показом естественного, несомненного, неизбежного следствия духа неповиновения и брожения, к которым всегда склонен народ и на которые его враги во все времена старались указать ему как на одно из его прав. Так вот, как я уже сказал, разве не очевидно, что, с одной стороны, разного рода работники и поденщики, живущие только постоянным и прилежным трудом, предавшись этой буйной праздности, больше не смогут зарабатывать на жизнь и вскоре, подстрекаемые голодом и порождаемой им яростью, не станут думать ни о чем ином, кроме как о поисках денег там, где, как они полагают, эти деньги есть? С другой стороны, не нужно говорить о том, что

зброшенныя земли и мастерскіе перестанут приносить отдѣльнымъ лицамъ доходъ, который только и составляетъ доходъ всего общества. Итакъ, налоги исчезаютъ, съ этихъ поръ исчезаютъ и общественныя службы, съ этихъ поръ те, кто живетъ доходами отъ своего дѣла, ввергнуты въ нищету и слушаютъ только голосъ своего отчаянія; съ этихъ поръ армія распущена, солдаты, грабятъ и опустошаютъ все вокругъ; позорное банкротство государства становится неизбежнымъ и явнымъ; граждане вооружаются другъ противъ друга. Нѣтъ налоговъ, значитъ больше нѣтъ правительства, нѣтъ страны, Национальное собраніе вынуждено прервать свою работу, оно рассеяно, его члены превращены въ бѣглецовъ и скитальцевъ; огонь и смерть повсюду; провинціи, города, отдѣльныя люди обвиняютъ другъ друга во всеобщихъ бѣдствіяхъ; акты мести, убійства, преступленія становятся привычными; вскорѣ различныя кантоны вооружаются и пытаются сговориться между собой или съ соседними народами; Франція, раздираемая судорогами этой сеющей пожаръ анархіи и вскорѣ разорванная на части, не существуетъ болѣе; а оставшіеся французы обречены на рабство, на позор, сопровождающіе дурное поведеніе и нарушеніе обязательствъ, отданы на посмешище чужеземнымъ тиранамъ, преданы презрѣнію, проклятію, осужденію всеми народами Европы.

Ибо не слѣдуетъ упускать изъ виду то, что Франція въ настоящее время представляетъ не только свои собственныя интересы, дѣло всей Европы въ ея рукахъ. Завершающаяся у насъ революція чревата, если можно такъ выразиться, судьбами міра. Окружающіе насъ народы пристально следятъ за нами и ждутъ исхода нашихъ внутреннихъ распрій съ заинтересованнымъ нетерпѣніемъ и полнымъ беспокойствомъ; и можно сказать, что человѣческій родъ сейчасъ проводитъ великій экспериментъ, которому служатъ наши головы. Если мы преуспѣемъ, судьба Европы изменится; люди вернутъ свои права, народы вернутъ свою узурпированную верховную власть; государи, пораженные нашими успѣхами и увлеченные примѣромъ короля французовъ, поделятся, быть можетъ, властью съ народами, коими они будутъ призваны управлять; и, быть можетъ, хорошо наученные нашимъ опытомъ и болѣе счастливые, чѣмъ мы, народы достигнутъ справедливой и свободной конституціи, избегнувъ волненій и бѣдствій, черезъ которые мы прошли къ этому первейшему изъ благъ. Тогда свобода распространится и проникнетъ во все концы, и имя Франціи будетъ навсегда благословенно на землѣ. Но если случится такъ, что наши разногласія, наша непоследовательность, наша непокорность закону заставятъ рухнуть строящееся зданіе и, погубивъ страну, погубятъ насъ, тогда, навеки павъ, мы одновременно надолго ввергнемъ въ пропасть и остальную Европу; мы отбросимъ ее на нѣсколько столѣтій назадъ; мы утяжелимъ ее цепи, мы усилимъ гордыню тирановъ; одинъ только примѣръ Франціи, о которомъ они напоминаютъ темъ народамъ, что попытаются освободиться, заставитъ эти народы потупить взоръ: «Что мы делаемъ? — скажутъ они себѣ. — Развѣ у насъ больше познаній, больше возможностей, чѣмъ у французовъ? Развѣ мы богаче, смелѣе, многочисленнѣе? Вспомнимъ, что случилось съ ними и вострепещемъ». Свобода будетъ оклеветана; наши ошибки, наше безрассудство, наши пороки будутъ вменены въ вину одной ей; она сама будетъ отнесена къ разряду философическихъ химер, пустыхъ плодовъ праздности; образъ Франціи предстанетъ какъ злое пугало, оправдывая повсюду злоупотребленія и изгоняя мысль о реформахъ и о лучшемъ порядкѣ ве-

щей; и правда, разум, равенство осмелятся вновь явиться на земле, только когда имя французов сотрется из памяти людской.

Быть может, мне скажут, что рассуждать так, значит преувеличивать последствия, слишком рано бить тревогу, — и это в то время, когда уже во многих местах народ с ожесточением отказывается платить справедливые подати, каковые не могут и не должны быть отменены; в то время, как в армии готов, как зараза, распространиться мятеж; в то время как многие наши города напуганы бесчинствами солдат, достойными самых суровых наказаний; солдат, что, грабя казну своих полков¹¹, оскорбляют, заключают в тюрьмы, преследуют угрозами своих офицеров; солдат, чью участь государство всяческим образом улучшило; солдат, явившихся на одну из самых внушительных, самых величественных церемоний¹², которые когда-либо видел свободный народ, чтобы принести клятву верности закону, нации, королю? Они вернулись в свои гарнизоны только затем, чтобы по прибытии проявить неповиновение закону¹³, нации, королю; и промежуток между клятвой и клятвопреступлением занял у них всего месяц.

Я хотел бы, чтобы люди, многих из коих я знаю лично, достойные уважения, но не прекращающие сохранять полное спокойствие при виде всех этих народных брожений, почти болезненно воспринимающие все усилия и заботы общественных сил по их предотвращению и почти с жалостью взирающие на тех, кого эти явления тревожат, я хотел бы, повторяю, чтобы эти люди ради нашего окончательного успокоения соизволили взять перо и доказать нам, что эти брожения, эти грозы, это затянувшееся волнение не приведет нас туда, куда я говорил, что они не породят духа неповиновения и неподчинения, или же, что этот дух — не самый страшный враг законов и свободы. Я хотел бы также, чтобы они показали нам, во что может превратиться Франция, если большая часть французского народа, устав от собственных безрассудств и от анархии, к которой они приведут, устав от того, что достижение цели, им самим постоянно отменяемой, не наступает, придет к мысли, что это и есть свобода, отвратится от самой свободы, а поскольку память о прошлых бедах быстро стирается, то и начнет в конце концов сожалеть о прежнем ярме, которое народ безмятежно влачил. Эти же люди не перестают повторять нам, что тот или иной порядок вещей сохраняется теми средствами, какими он был достигнут. Если этим они хотят сказать, что для сохранения, как и для завоевания свободы, требуются смелость, активность, сплоченность, то нет ничего более несомненного и менее относящегося к обсуждаемому вопросу; но если они подразумевают под этим, что в обоих случаях смелость, активность и сплоченность должны проявляться одинаковым образом, и в одинаковых действиях, то это не верно, верным будет противоположное: ибо когда надо сокрушить и разрушить колосс несправедливой власти, то чем пламенней, безудержней, стремительней решимость, тем более обеспечен успех. Но потом, когда место расчищено, когда надо вновь строить на обширных и прочных основаниях, когда, разрушив, надо созидать, тогда решимость должна стать совершенно иной, нежели вначале: она должна стать спокойной, осмотрительной, обдуманной, проявляться в мудрости, упорстве, терпении, и надо остерегаться, чтобы она не была похожа на те бурные потоки, что опустошают и не напояют; из чего следует, что если продолжать использо-

вать одни и те же средства, коими была свершена революция, то они только уничтожат ее результат, воспрепятствовав установлению конституции; из чего следует также, что авторы запальчивых памфлетов, эти яростные демагоги, каковые, будучи врагами, как мы видели, всякого правительства, всякой дисциплины, обрушивались в начале революции на прежние злоупотребления, были тогда правы, были в тот краткий миг едины со всеми порядочными людьми в деле проповедования нам истин, сделавших нас свободными; но эти демагоги не должны требовать от нас доверия как чего-то должного и за наше презрение обвинять нас в неблагодарности ныне, когда, используя те же выражения, те же заявления, направленные теперь против совершенно других вещей, они проповедуют воистину совсем иные взгляды, которые приведут нас совсем к другой цели.

Осмелюсь сказать и больше; осмелюсь сказать, что когда народ закладывает политические основания своего государства, он в особенности должен, если хочет, чтобы они были долговечными, остерегаться даже крайностей честного и великодушного энтузиазма: ибо в первом порыве ничто не кажется ни тягостным, ни трудным; но поскольку доведенная до высшей степени страсть слишком пламенна и деятельна, чтобы вскоре не перегореть, может случиться так, что когда она утихнет и народ успокоится, новые установления и законы, не имеющие иных основ, повиснут, так сказать, слишком высоко в воздухе и, не касаясь, не захватывая больше никого лично, останутся бездейственными и беспредметными и вскоре забудутся; между тем, действительно возвышенными и вечными являются те широкоохватные и мощные установления, кои, имея в качестве основания и средств все человеческие способности, рассмотренные в их простых и привычных связях, и, достигая, охватывая всех людей во всех их действиях, требуют большого энтузиазма только при их учреждении, а затем существуют в силу естественного направления вещей, нуждаясь лишь в умеренном энтузиазме, каковой они сами внушают и питают.

Предотвратим же, еще есть время, столько великих бедствий, к которым мы так близки. Мы ступаем по краю пропасти; будем же спокойными, внимательными, решительными; дадим себе время уловить, глубоко постигнуть смысл и дух декретов, установлений, на коих основывается наше будущее. Не злоба, но невежество заставляет оступаться большинство. Злые обретают власть лишь благодаря невежеству тех, кто их слушает. Во многих местах Франции представители власти, пастыри, поистине достойные этого прекрасного звания, посвящают свои усилия тому, что объясняют наименее образованному классу декреты Национального собрания, показывают им их цель, перелагают их на его простой язык, облегчают ему их исполнение. В этих кантонах все спокойно: эти люди не простирают своих честолюбивых помыслов до того, чтобы взойти на самую высокую сцену и привлечь к себе все взоры; но они оказывают правде, конституции, благу общества больше услуг, чем многие из тех, чьи имена восхваляются. Да будет их пример плодотворен! Да вдохновит он по всей Франции множество столь же почтенных граждан взять на себя столь благородное, столь патриотическое дело! да просветят они народ, да покажут ему его счастье, его свободу в его обязанностях; да придадут доступность и осязаемость тому, что он

должен делать и тем средствам, к которым он должен прибегнуть; да проведут его за руку по новым, проложенным для него путям; и вскоре мы все, хорошо познав наши подлинные интересы, станем покорны и послушны закону; вскоре основы общественного блага перестанут быть своего рода тайным знанием мудрецов; вскоре граждане всех классов будут знать то, что должны знать все:

Что не может быть счастливого и свободного общества без правительства, без общественного порядка;

Что в этом обществе не может быть личного благосостояния, если общественный доход, то есть общественное достояние, прочно не обеспечено;

Что общественное достояние не может быть обеспечено без общественного порядка;

Что если в деспотических государствах общественным порядком называется слепое повиновение капризам деспотов, то при наличии свободной конституции, основанной на верховной власти нации, общественный порядок является единственной охраной имущества и граждан, единственной опорой конституции;

Что не может быть конституции, если все граждане, освобожденные от всякого рода незаконного бремени, не единодушны в своем стремлении нести бремя закона, всегда легкое, когда оно распределено равномерно;

Что всякая достойная уважения нация должна уважать самое себя;

Что всякая уважающая себя нация уважает свои законы и выбранных ею представителей власти;

Что нет свободы без закона;

Что закона нет, если часть общества, пусть даже самая многочисленная, может силой атаковать и пытаться сокрушить проявившуюся всеобщую волю, создавшую закон, не дожидаясь предусмотренных конституцией сроков и пренебрегая указанными ею формами;

Что, как хорошо показал г-н Кондорсе¹⁴ в одном из недавно опубликованных сочинений, если конституция предоставляет законную возможность изменить закон, чью ошибочность показал опыт, то восстание, направленное против закона, является величайшим преступлением, в котором только может быть повинен гражданин; этим преступлением он разлагает общество, и это воистину тягчайшее преступление против нации;

Что нет свободы, если все не повинуются закону и если кто-либо принужден повиноваться чему-либо иному, кроме закона и его проводников;

Что никто не может быть задержан, подвергнут допросу, суду и наказанию, кроме как по закону, в соответствии с законом и исполнителями закона;

Что закон может быть приложен только к действиям и что расследование мнений и мыслей, если производится от имени нации, посягает на свободу не меньше, чем если производится от имени тиранов.

Когда мы хорошо впитали эти вечные истины, ставшие тривиальными для всех мыслящих людей, нам будет легко заключить, что все те, кто неустанно внушает нам соответствующие правила, источник всяческого блага, являются нашими друзьями и братьями; что другие своими напыщенными речами могут нас только обмануть и нам навредить; тогда у нас откроются глаза, и мы начнем догадываться, откуда могут проистекать постигающие всех нас беды; и ремес-

ленник, купец, рабочий, все те, кто живет мелкой торговлей, в том случае, если они перестали работать, если их торг замирает, если они вынуждены приостановить свое производство, рассудят, не должны ли они видеть причину своих неудач в бесчинствах, угрозах, насильственных действиях, которые, держа вдаль от Франции или заставив скрыться большое количество состоятельных людей, чьи потребности в роскоши помогали этим труженикам прожить, почти перекрыли источники их личного благосостояния. А наши города и села начнут понимать, кому они должны хотя бы отчасти приписать ответственность за эти мятежи клятвопреступных полков, за эти столь частые убийства, поджоги, грабежи, марающие отвратительными, несмыслимыми пятнами революцию, которая должна была бы внушать чужеземным народам и будущим поколениям лишь желание подражать ей и чувство уважения; и наконец, все мы, французские граждане, начнем понимать, сколь многим мы обязаны этим мнимым патриотам, не считающимся ни с чем, чтобы навсегда укоренить в наших сердцах ненависть, жажду мести и гражданские разногласия.

Если затем, пытаясь проникнуть глубже, мы присмотримся, каковы могут быть мотивы, побуждающие их вводить нас в заблуждение, мы увидим, что эти мотивы не связаны с интересами общества и, стало быть, ими активно движут их личные, кощунственные интересы; ибо верное чутье говорит им, что в тишине и спокойствии достоинство, талант добродетель взвешиваются на точных весах, и только шумная поддержка толпы может вознести их на высоту тех стремительных и выгодных успехов, что упреждают подобное исследование. Вот почему им важно расковывать, возбуждать, накалять все те народные страсти, которые удаляют мир. Им важно опережать желания толпы, льстить ей, ублажать ее, выбирая подходящую жертву; наполнять слух толпы звуком своего имени и таким образом добиваться мощного, хотя и непрочного превосходства над теми неподкупными гражданами, которые, стремясь не столько к тому, чтобы им рукоплескал народ, сколько к тому, чтобы они были в ладах со своей совестью, дерзают не бояться народа, чтобы быть ему полезным; не присоединяются к нему, когда он забывает закон; предпочитают будущую благодарность народа его сиюминутной любви и умеют, наконец, пренебречь популярностью, чтобы заслужить уважение общества в то время, когда популярность и уважение общества — не одно и то же.

Тогда мы твердо убедимся, что нет на земле никого преступнее этих людей, которые утомляют общественное мнение, заставляют его переходить от одних смутных понятий к другим, бросаться из крайности в крайность, не давая ему времени укрепиться и опереться на незыблемые и вечные основания; которые до такой степени подрывают и истощают народный энтузиазм в борьбе с призраками, что если надо будет вступить в настоящую битву, то на нее, быть может, уже не окажется сил; мы убедимся, что если мы пребудем столь же безумными и поддадимся им, то не избежим опасности бесконечной анархии, верной разрушительницы нашей нарождающейся конституции, нашей свободы, нашей родины. Вот почему все, кого неразумие или злоба привязывают к старому режиму, кто не стыдится сожалеть о нем, все те, кто силится безрассудными противодействиями в сочетании со скандальными сумасбродствами принизить На-

циональное собрание, членами коего они имеют честь состоять; все те, наконец, кто не хочет ни свободы, ни конституции, ни родины, все они основывают свои последние надежды лишь на диких крайностях этих людей. Они боятся и смертельно ненавидят всех тех честных и благоразумных граждан, которые, проявляя патриотизм, смешанный с той несгибаемой твердостью в отношении вещей и ту умеренность в средствах, что ведут к подлинной справедливости, хотят, чтобы Франция достигла незыблемого благосостояния. Они имеют право страшиться и ненавидеть этих последних, ибо это их настоящие враги и, следовательно, наши настоящие друзья; что касается смутьянов, то только на них они и уповают: стало быть, это их подлинные, явные друзья и, следовательно, наши подлинные враги. Как бы ни был различен язык этих двух партий, коль скоро они преследуют одну цель, коль скоро успех одной неминуемо приведет к тому, чего желает другая, очевидно, что в наших глазах они должны составлять одну и ту же партию.

Так мы узнаём, кого должны слушать, а кого опасаться, каким людям обязаны прошлыми и настоящими бедами: и мы накажем их, но это наказание будет состоять не в тех буйных и жестоких мятежах, не в тех яростных преследованиях, которые показали бы, что мы не далеко от них ушли, а в явном раскаянии нашем во всех насильственных действиях, во всех безрассудствах, которые они заставили нас совершить, в нашем деятельном стремлении исправить зло; их же самих мы накажем вечным недоверием и нескончаемым презрением.

Мы пришли к этим выводам, выстроив простой ряд причин и следствий. Если я извратил их естественную последовательность, если примешал к ним ложные рассуждения и софизмы, то пусть спокойно, без хулы кто-нибудь возьмет перо и опровергнет меня; но до тех пор да будет мне позволено, не колеблясь, взять в свидетели лучшие умы всех времен и всех просвещенных народов, и пусть они подтвердят, не те же ли взгляды они все проповедают, не этим ли кругом ограничиваются обязанности человека-гражданина, не эти ли советы должно давать людям, чтобы они были свободными и справедливыми; не этими ли познаниями друзья французского народа должны наполнить его слух, его сердце, его память, дабы основать его благоденствие на прочных и незыблемых основаниях.

Да будет угодно небу, чтобы все настоящие граждане, все настоящие патриоты, все настоящие французы, устрешенные угрожающими нам опасностями, побуждаемые действительно обоснованными страхами, взялись все за руки и вместе составили, сказал бы я, почти заговор добродетели, патриотический союз с целью распространения этих спасительных взглядов и сокрушения этой грозной лиги врагов мира, порядка, общественного благополучия! Пусть они не спускают глаз со всех ее шагов; пусть от них не ускользает ни один из ее поступков; и пусть, не довольствуясь для победы над ней прямою намерений и суждений, они научатся также применять силу и ловкость в борьбе с этими опасными противниками.

Но, конечно, в битвах такого рода те люди, которые, надев внушительную маску патриотической суровости, стремятся лишь завоевать похвалы, властвовать умами и вводить в заблуждение своих современников, отличаются и должны, естественно, отличаться большей активностью, бдительностью, быстротой

решений, чем настоящие граждане, стремящиеся лишь защитить свои права и права всех и не желающие превращать общее дело в свое личное. Действительно, первые, видя перед собой лишь честолюбивую цель, не жалеют ничего для ее достижения; всякое оружие, любое средство для них хороши, лишь бы препятствия были преодолены. Они знают к тому же, что должны ловить момент, и что если они дадут время утихнуть народному недовольству, они погибли. Вот почему, обратившись в зрение и слух, дерзкие, предприимчивые, своевременные предупрежденные, готовые ко всему, они своевременно наступают, ретируются, атакуют, поддерживают друг друга, разделяются на отряды; их взгляды переменчивы, ибо им надо применяться к обстоятельствам, и небольшой наглости достаточно, чтобы одни и те же слова оказались приложимы к различным вещам; они подстерегают случай, провоцируют его и иногда выходят победителями, рискуя затем, когда возбуждение уляжется, а злое дело уже будет сделано, низвергнуться в пропасть столь же глубокую, сколь страшным и стремительным было их возвышение.

А между тем, верные поборники правды и добродетели, боясь скомпрометировать эти святые недостойными их средствами, чуждаясь всего, что имеет вид насилия, полагаясь на правоту своего дела, чрезмерно уповая на людей, ибо они знают, что рано или поздно люди образумятся, чрезмерно уповая на время, ибо они знают, что рано или поздно оно воздаст им должное, упускают благоприятный момент, позволяя своей осторожности переродиться в робость, падают духом, откладываяют все на будущее, и, убаюканные сознанием своей правоты, в конце концов погружаются в дрему, являя картину бездеятельной доброй воли и честности, охваченной летаргическим сном.

К тому же еще преждевременно упускать из виду одно очень важное соображение, достойное взвешенного рассмотрения со стороны тех, кто искренне стремится к благу: дело в том, что ораторы, порождающие в людях безотчетное недоверие, смутное и грозное недовольство, пагубный и оскорбительный дух неповиновения, имеют очень большое преимущество по сравнению с теми, кто призывает к умеренности, к братству, к спокойному и беспристрастному рассмотрению обвинений, к соблюдению законности; ибо первые находят в человеческом сердце и в природе вещей гораздо более мощные средства убеждения. Они возбуждают наши подозрения в отношении выдающихся людей, а народ от природы склонен подозревать всех тех, кого он сам возвысил над собой; они постоянно угрожают нам новыми бедствиями, а народу необходимо испытывать чувство тревоги; они уговаривают нас применить и продемонстрировать нашу силу и власть, а это то, что люди любят больше всего: в то время как другие могут успокоить нас, только предложив нам обсуждение того или иного вопроса, а большинство к таким обсуждениям не способно; могут заставить нас почувствовать необходимость самим умерить проявление нашей силы, только представив нам нравственные соображения, весьма слабые по сравнению с тем, что кажется нам нашими настоящими интересами.

Таким образом, одним, чтобы увлечь нас, сбить с толку и превратить в беззаконных безумцев, нужно только все извращать в своих речах, поражать наш взор колоссальными химерами, переносить на целые классы граждан преступ-

ления нескольких лиц, расписывать свои картины яркими, патетическими красками, которые так легко находятся, когда ни к чему нет почтения, и оглушать нас, громко выкрикивая по каждому поводу названия самых священных вещей; тогда как другим, чтобы нас утихомирить и сделать мудрыми и справедливыми, необходимо прибегать к истолкованию, к подробному рассмотрению идей, ускользающих от понимания простого люда, к сложным рассуждениям, разумение которых требует не легковозбудимых страстей, коим толпа всегда подвержена, но хладнокровия и уравновешенности — а их-то она лишена.

Так, в силу нашей природы мы стремимся навстречу одним, избегаем других: одних, ведущих нас туда, куда мы хотим идти, мы выслушиваем охотно, других, удерживающих нас против нашей воли, мы слушаем порой с почтением, но всегда нехотя; одни, наконец, указывают нам на прелесть жизни без узды; другие непрестанно предлагают нам суровую узду разума, которую мы если и приемлем, то всегда грызем. Итак, если мы хотим расслышать спокойную истину и отвергнуть буйную ложь, мы вынуждены бороться с самими собой и остерегаться того, что нам нравится, а это всегда трудное дело, предполагающее некоторую степень мудрости: именно этим объясняется во всех странах ужасная власть доносителей, столько кровавых свидетельств которой предоставляют древняя и современная история; именно этим объясняется также поразительный успех коварных или фанатичных подстрекателей бунтов, хотя они не имеют никаких преимуществ над своими противниками, не обладая ни истиной, ни познаниями, ни, конечно, талантами.

И пусть мне не возражают, что я их всех смешал в одну кучу, не предъявив особых обвинений каждому; они опасны в совокупности, в массе, а порознь не существуют.

Итак, я, как мне кажется установил, опираясь на достаточно ясные понятия, и дал распознать по достаточно явным признакам истинных друзей и истинных врагов народа; я также вполне доказал, насколько важно их точно различать и не ошибаться. Надеюсь, я не исказил существа темы. Когда бы этот труд, небесполезный для общего дела хотя бы по одному своему предмету, нашел многих читателей! Если он только сможет помочь какому-нибудь честному, но ослепленному и неосторожному гражданину открыть глаза на окружающие всех нас опасности, если сможет побудить какого-нибудь честного и просвещенного, но нерадивого и робкого гражданина открыто заявить о своей приверженности общественному порядку, истинной свободе, истинному патриотизму, о своем неприятии ложной свободы, ложного патриотизма, театрального, напускного энтузиазма, я буду считать, что мои страдания не были напрасными. Я надеюсь, не скрою, что мои строки в состоянии произвести этот эффект. Поначалу я решил было не пытаться в настоящих обстоятельствах выйти из моей тени, не подавать безвестного голоса посреди этой разноголосицы, которую составляют глас общественного мнения и крики отдельных лиц, и в молчании ожидать завершения работы наших законодателей, не увеличивая толпы мертворожденных писак, произведенных на свет нашей революцией. Но затем я подумал, что пожертвовать своим самолюбием, быть может, и полезно и что каждый гражданин должен считать себя обязанным принести общественному благу патриотиче-

скую дань своих идей и взглядов. К тому же мне доставило бы некоторую радость заслужить уважение порядочных людей, вызвав ненависть и брань множества разоблаченных мною вредных путаников. Я решил послужить свободе, восстановив нанесенный ей их похвалами урон: если, как я все еще надеюсь, сила разума сокрушит этих людей, то хотя бы немного способствовать их падению — почетно; если же они восторжествуют, так уж лучше быть повешенным такими людьми, нежели считаться их другом.

У меня не было притязания сказать что-то совершенно новое и проложить глубокие, прежде неведомые пути; признавая, что подобная задача была бы мне не по силам, не могу не добавить, что нет ничего бесполезнее. К счастью, основополагающие принципы общественного благоденствия ныне хорошо известны и привычны всем порядочным людям, развивавшим свой ум; речь идет лишь о том, чтобы распространить эти принципы, посеять их и заставить дать всходы в том очень многочисленном классе, который включает много добродетельных и честных граждан, но которому бедность и жизнь, всецело посвященная физическому труду, не позволили усовершенствовать мыслительные способности длительными размышлениями, тренировкой разума, умственным образованием, благодаря чему только люди и научаются основывать все свои действия на четких и простых принципах. Вот какой недостаток в представителях этого класса следует восполнить. Речь идет только о том, чтобы дать им понять, увидеть, осязая, что нет, как я повторяю и как необходимо им повторять, нет на земле счастья, благосостояния, довольства без любви к порядку и справедливости, без повиновения законам, без уважения собственности и всех прав другого; что общественное спасение, национальное и личное благополучие зависят только от этого. Если ради достижения такого результата все благоразумные и добродетельные граждане объединятся в действенную и бдительную лигу, если, перестав гордо изрекать новые истины, они ограничатся тем, что будут открыто во всех случаях проявлять общие всем убеждения; если они будут проповедовать их повсюду, если все их голоса сольются во всеобщем хоре поддержки справедливости, здравого смысла и разума, тогда справедливость, здравый смысл, разум всегда будут торжествовать, а крики глупцов и злодеев всегда будут заглушены.

Таковы мотивы, породившие это сочинение, к которому я отнюдь не требую снисхождения; изложенные мной принципы не нуждаются в нем: что же касается стиля, то мне достаточно, если его сочтут ясным и простым.

Пасси¹⁵, 24 августа 1790 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДУХЕ ПАРТИЙ

Зрелище всего происходящего на наших глазах в это столь богатое событиями время заставило меня набросать на бумаге без плана и без связи несколько размышлений о духе партий. Нет более обширного материала и никогда сочинение на эту тему не могло бы показаться более своевременным. Потому я решил опубликовать свои размышления, как они приходили мне на ум, не пытаюсь внести в них большую стройность, коей они достигли бы, если бы были по

меньшей мере сокращены. Я чувствую, что они могли бы быть короче и содержательнее. Но я буду считать их небесполезными, если они побудят других, которые увидят, чего мне не достает, взять перо и сказать больше и лучше, чем я. Будет неплохо, если все честные и благонамеренные граждане увидят, словно на картине, все то, что не перестает их поражать. Полагаю, что изображать пороки значит трудиться ради их искоренения.

Страх, одна из первейших движущих сил всего человеческого поведения, играет также большую роль в революциях. Тогда он называется осторожностью и под предлогом нежелания повредить благу делу сковывает уста перед лицом господствующей изворотливой клики, заставляет говорить правду лишь наполювину и, порождая вялость, способствует предприимчивости небольшого числа удалцов, которые мало беспокоятся о том, уважают ли, одобряют ли их порядочные люди, лишь бы эти люди молчали и не мешали им.

Человек добродетельный и свободный, настоящий гражданин, говорит только правду, говорит ее всегда, говорит ее всю. Пренебрегая однодневной популярностью, стремясь заслужить уважение людей лишь своей непреклонной твердостью в отстаивании того, что хорошо и справедливо, он ненавидит, преследует тиранию повсюду, где она проявляется. Он не хочет иного господина, кроме воли нации, установленной и закрепленной в законе; он хочет повиноваться ей сам и чтобы все повиновались ей так же, как и он. Он не делает вида, что принимает за народ несколько сотен праздных бродяг; он не станет беспрестанно, с почтительным ужасом оправдывать “чрезмерный патриотизм базарных торговков”¹; он выступает против их привилегий не меньше, чем против привилегий придворных дам. Задержанные пугники, без разбора и без приказа властей остановленные и подвергнутые обыску кареты, буйные “плебисциты” стóят в его глазах не больше, чем тайные приказы об аресте с королевской подписью²; он не скрывает, что умеет пресмыкаться на улицах не больше, чем в королевских прихожих.

Ныне, когда все страсти накалены разногласиями, оскорблениями, зрелищем всеобщего движения, когда количество выборных мест пробудило честолюбивые помыслы всех сразу, все партии, все стороны поочередно бросают вызов друг другу и запугивают одна другую. Многие, устрешенные, растерявшиеся во всей этой суматохе, хотя порой они же сами и создают ее, впадают в отчаяние, кричат, что все потеряно, что дальше ничего не получится. Но они не видят, что все устрашающие вопли исходят из небольшой кучки граждан, которые повсюду одинаковы; что пылкий и бьющий через край энтузиазм, с необходимостью порождаемый в людях великими переменами и великими целями, прежде им неведомыми, вскоре растрачивается и перегорает из-за слишком большого жара; что большинство нации, то есть трудолюбивый и благоразумный класс торговцев, купцов, земледельцев нуждается в мире, основанном на прочных законах; что этот класс желает его, что революция и свершилась ради этого класса и что именно он может оказать ей поддержку своей отвагой, терпением, трудолюбием.

Это и есть французский народ. Не понимаю, каким образом столько людей и даже законодателей до такой степени не отдают себе отчета в своих выражени-

ях, что беспрестанно наделяют великими и священными именами “Народ”, “Нация” подлую шайку смутьянов, не составляющих и сотой доли нации: продажных людей, чуждых всяким честным промыслам, безвестных и невидимых, пока царит прочный порядок, покидающих наподобие волков и змей свое логово только затем, чтобы нападать и вредить. Учреждение клубов и обществ, где по мере сил обсуждаются принципы общежительного искусства, весьма полезно для дела свободы, когда эти сообщества растут в числе, легкодоступны и насчитывают множество членов. Ибо невозможно, чтобы большое число собравшихся людей, спорящих у всех на виду, договорились поддерживать ложные идеи и проповедовать пагубные взгляды. Но моментом рождения этих обществ считается и должен считаться тот, когда ими начинается двигать своего рода соперничество между собой. Тогда каждый становится привержен исключительно тому обществу, членом которого он состоит или где он выступал, или где ему аплодировали; и если эти общества хотят активно влиять на правительство и общественное мнение, тогда — и это действительно опасно и страшно — они начинают следить друг за другом, подвергать друг друга взаимным нападкам и обвинениям; малейшее различие в понятиях или в выражениях представляется как раскол, как ересь; и в конце концов они начинают напоминать те старинные монашеские конгрегации, которые, враждуя между собой и при этом дружно обещая своим адептам спасение, только боролись друг с другом за влияние и власть, восхваляя на зависть соперников чудодейственную силу своих реликвий и чудеса своих святых.

Мы видели, как были ликвидированы сословия: больше времени понадобится на то, чтобы ликвидировать сословный дух. Это неисцелимый недуг всех пылких характеров в сочетании со слабой способностью суждения и необразованным умом, когда, опираясь на соседей, думают, что идут вперед, повторяют за другими и думают, что говорят сами.

Тот, кто хочет сохранить благоразумие и трезвый, неиспорченный ум, должен в особенности во времена реформ и новшеств думать, размышлять, рассуждать самостоятельно, принимать в расчет только дела и полностью пренебрегать личностями. Если он поступает иначе, если он творит себе идолов или избирает объекты вражды, то вскоре становится всего лишь представителем определенной партии. Рассудительные слова кажутся ему безумными в устах такового-то, нелепые — мудрыми в устах другого: он судит о поступках в зависимости от того, какие люди их совершают, а не людей — по их поступкам.

Но вспомним, что все личности, все клубы, все спорящие стороны пройдут, а свобода останется: потому что вся Франция познала ее, желает ее, чувствует. Сущность конституции останется неизменной: потому что в ее основе лежат не пустые фантазии или временные договоренности, но все те взаимоотношения, которые с необходимостью вытекают из природы человека и общества.

Маленькие итальянские республики, прежде чем оказаться в руках различных иностранных суверенов, много говорили о свободе, которой они не знали. Начисто лишены понятия о том, что такое хорошее правительство, они были предоставлены на волю вздорных сообществ, каковые, не полагая никаких основ, не учреждая ничего долговечного, лишь поочередно вносили друг друга в

проскрипционные списки и изгоняли. Франция далека от такого положения дел, французы в гораздо большей степени разделены ненавистью, нежели убеждениями. Принципы, признанные и установленные Национальным собранием — те же, что лучшие умы всех времен объявили полностью или частично подлинными основаниями общественного договора. Их очевидность несомненна для почти всех наций. Даже некоторые из недовольных часто прибегают к ним в споре. Таким образом, только ложные заключения, сделанные из них в корыстных целях отдельными лицами, и несправедливости, предлогом коих они заставили послужить эти принципы, смогли восстановить против них такое количество людей.

Так разве не достойны осуждения те, кто словно поставил своей целью поддерживать озлобление в умах, беречь раны всякий раз, когда они как будто готовы затянуться, пробуждать страсти, как только они как будто утихают, и беспрестанно возобновлять то народное брожение, что губительно для законов, если они уже не могут его остановить?

Кое-кто говорит, что такое поведение помогает держать в страхе внешних и внутренних врагов. Я же скажу: разум и опыт доказывают, что это должно привести к противоположному результату. Впрочем, не стоит серьезно отвечать на заявления, которые представляют собой не более чем пустые отговорки.

Возьмем одно из самых верных и наиболее часто используемых во все времена средств держать толпу в напряжении — доносы. В течение двух лет они нас затопили. И что же обнаружилось? какое преступление? А сколько мы увидели совершенно бесполезных низостей! Самые смутные и гнусные обвинения, встреченные с похвалой, людей, связанных родственными или дружескими узами, ставших подозреваемыми или предателями; преданные огласке доверительные признания; сотрапезников, не стыдящихся доносить о беседах за гостеприимным столом; граждан, составляющих нечто вроде трибунала, не стыдящихся выслушивать эти позорные показания; писателей, не стыдящихся утомлять эту презренную подлость именем гражданской бдительности.

Недавно мы вздохнули свободнее; неуспех заставил доносителей замолчать: и вот уже целые общества подстрекают их вновь, призывают помочь родине, объявляя о своей солидарности с ними. Я уверен, что эти общества руководствуются благими намерениями; но каков может быть их результат? Доносы учащаются, но станут ли убедительнее, правдивее, полезнее? Если подкрепленные доказательствами обвинения есть поступок доброго гражданина, то разве груда вскоре признанных ложными доносов не оказывает двойного пагубного воздействия, а именно: устрашение добропорядочных граждан и ободрение дурных? Разве эти доносы не развращают простых людей? не делают их озлобленными и недоброжелательными, не внушают им недоверия к суду, решение коего не подтверждает их предвзятого мнения? не оставляет в них надолго предубежденности против оправданных обвиняемых? а ведь это немаловажный факт при такой конституции, как наша, при которой человек, наделенный благородным честолюбием, не имеет иного способа возвыситься, кроме как стяжав уважение и поддержку общества, и потому особенно теперь не является ли такая мера, как доносы, более опрометчивой, чем когда бы то ни было?

Повторяю еще раз, я не принадлежу к тем, кои, будучи сами склонны к осуждаемым ими крайностям, приписывают какому-нибудь обществу целиком самые разрушительные планы и самые преступные взгляды: я знаю, что во времена, когда крупные нововведения и могучие интересы порождают смуты и междоусобицы, множество ослепленных и обуреваемых страстями, хотя и честных, людей попадают под влияние трех-четырёх ловких и тщеславных злодеев; однако прискорбно, что эти общества не видят, что таким примером они способствуют поддержанию среди народа того возбуждения, что отдаляет всякое установление порядка. Волнения распространяются все дальше; все начинает бурлить: настоящая чернь, то есть та часть народа, которая не имеет ни собственности, ни жилища, ни промысла, становится орудием в руках тех, кто хочет ею воспользоваться: отсюда грабежи, убийства, поджоги, мятежные сборища, требующие чьих-то голов, угрожающие самому Национальному собранию, нагло называющие себя нацией, как будто мирные граждане, занимающиеся своими домашними делами и послушные закону — это рабы или иноземцы. Алчные борзописцы разжигают этот огонь, прекрасно зная, что во времена смуты тебя не читают и твои листки не покупаются, если ты говоришь о согласии и о разуме. Каждый день какое-нибудь новое преступление, какая-нибудь новая опасность с пафосом изобличаются на удивление легковерных, дабы они научились беспокоить, бездумно мучить тех, на кого им указывают как на врагов; чтобы ими был воскрешен отвратительный обычай брать заложников, делающий присутствующего сына ответственным за провинности отсутствующего отца; чтобы они не доверяли своим законодателям, своим властям, своим генералам, всем, несущим бремя общественного служения и не способным ничего сделать без доверия общества, затрудняя действия этих людей разного рода препонами, неприязненным к ним отношением, насильственными мерами; чтобы ожесточить этих легковерных против тех обвиняемых, чья вина доказана слабо: они могут быть виновны, но, следуя выражению мудрого и добродетельного Тацита³, будучи осуждены “не выслушанными и не имеющими защитников, умирают невинными”.

Если все эти крайности нашли среди нас защитников, не будем удивляться, что слишком большое снисхождение было проявлено к пагубному примеру коммуны Арнэ-ле-Дюк, упрямо пытавшейся, невзирая на законы и вопреки воле Национального собрания, задержать теток короля⁴: их путешествие породило множество глупых слов и поступков. Оправдывая нелепое поведение коммуны, говорили, что оно объясняется патриотическим рвением; а я скажу, что оно объясняется ничем иным, как снедающей большинство людей страстью проявить хотя бы какую-нибудь власть, подчинить кого-нибудь своему владычеству и благодаря силе возвыситься над своим положением, каковое определили законы и разум.

Большая беда состоит в том, что эта ошибка и ей подобные, которые, вероятно, вскоре воспоследуют, придадут убедительность софизмам нескольких краснабаев: следуя своему обычаю и объявив безрассудные волнения в ряде деревень требованием нации, они попытаются таким образом вырвать у Национального собрания тот закон об эмигрантах⁵, одно только предложение коего

должно было бы быть с презрением отвергнуто: этот неразумный и утеснительный закон, враждебный торговле и свободе, к счастью столь же невозможно закрепить на бумаге, сколь и привести в действие.

Все хорошие законы сами по себе являются законами против эмиграции: достаточно, чтобы исполнялись уже принятые, достаточно, чтобы всякая собственность была неприкосновенной, чтобы каждый мирный гражданин был в безопасности, чтобы неопределенные подозрения не вели к преследованиям, к общественному поношению — и все останутся у своих очагов. Вы можете сделать все это, а если вы этого не делаете, то больше не имеете ни права, ни власти удерживать тех, кто не хочет жить среди вас: непостижимо, как можно объяснять людям, разрушившим Бастилию, что нелепо и бесчестно мешать человеку покинуть то место, где ему плохо.

Я слышал, как приверженцы этого закона много распространялись по поводу нескольких безумных фанатиков и разбойных смутьянов, находящихся, как утверждают, среди бежавших французов и повсюду ищущих деньги и войска, чтобы вернуться на родину с оружием в руках, огнем и мечом подчинить национальную волю своим интересам и своей воле. Но люди, которые попытались бы осуществить эти гнусные проекты, назывались бы не эмигрантами, но злодеями и отцеубийцами, и этих людей с того момента, как их вражеская нога ступила бы на французскую землю, ожидало бы только объявление вне закона, не оставляющее им иного выбора, кроме смерти на поле битвы или гибели на эшафоте.

Добавлю, что только при наличии согласия и смелости в сочетании со спокойствием и проницательностью, можно предотвратить и отбить подобные атаки, если они действительно нам угрожают.

Кто-то сказал, что если поступать так, словно революция уже закончилась, она никогда не закончится; а я отвечаю, что если все время убеждать себя, что революция еще не завершилась, тогда-то она никогда и не кончится. Я прекрасно знаю, что чрезмерно затянувшееся формирование части правительства еще не завершено. Ну, так что ж! Разве из этого следует, что волнения, тревоги, жертвы, труды двух лет продвинули нас вперед не больше, чем если бы мы все это время находились в глубоком летаргическом сне? Есть ли ныне достаточно принятых законов, чтобы все граждане хорошо представляли себе свое положение и обязанности? Да. Есть ли суды? Да. Есть ли власти? Да. Есть ли достаточная общественная сила, чтобы привести в действие закон, когда это понадобится? Да. Что же добавится, когда нам скажут, что революция закончилась и началось царство законов? Конечно, в то время, когда все эти новые установления только начинают действовать, возгласы о том, что они даже не существуют, способны лишь задушить их в колыбели, сделать презренными в глазах слабых и несведущих, готовых поверить, что наши законы — это всего лишь игры, а наши власти — только пустой призрак. А беспрестанно оправдывать все просчеты ошибками данного момента — только верный способ увековечить этот момент.

Здесь уместно вспомнить о лицах, кои, прикрывая свое тщеславие или прискорбное нечувствие красивыми фразами о стоическом патриотизме, заявляют о своей ненависти к таким словам, как *порядок, согласие, мир*; ибо, говорят они,

это язык лицемеров. Они правы, эти слова действительно не сходят с уст лицемеров, и так и должно быть, ибо эти слова не сходят с уст и всех порядочных людей, а лицемерие не было бы опасным и не заслуживало бы этого названия, если бы не означало искусства повторять слова, подслушанные у добродетели; и, конечно, столько пылких демагогов, столько героев на час были бы вскоре разоблачены, если бы они не обладали этим коварным искусством, если бы не подхватывали такие слова, как свобода, равенство, общественное благо, любовь к родине, не рядились бы во все самое священное для честных людей, с целью скрыть свои планы, свою мстительность, свою ярость; и вот как они оказываются облечены цензорской властью и раздают свидетельства, удостоверяющие вашу гражданственность: кто не присоединяется к ним, не восхищается их наглой болтовней и не курит им фимиам, тот объявляется врагом государства и конституции. Они подобны тем священнослужителям, которые повсюду говорили, говорят и будут говорить, что стремление подчинить их братию законам, уменьшить их незаслуженное богатство, презреть их вредные басни и корыстную суровость или продажную снисходительность — то же самое, что замахнуться на самое небо, стать врагом Бога и добродетели.

Поскольку у меня нет ни времени, ни желания писать книгу, и я ограничиваюсь тем, что второпях набрасываю несколько, как мне представляется, верных размышлений, я не стану задерживаться на выявлении легкоуловимых различий между этими политическими тартюфами⁶ и подлинными друзьями родины, свободы, человеческого рода. Мне почти нечего добавить на эту тему к тому, что уже было сказано с редкой убедительностью и зрелостью в письме одному из членов Национального собрания, принадлежащем перу человека⁷, которому, к моему сожалению, великое множество его трудов не всегда оставляло время столь же превосходно выражать здравые размышления на злобу дня.

Полагаю, впрочем, что те, кто услышит меня и одобрит, не нуждаются в моих рассуждениях, а те, для кого то, что я скажу, будет совершенной новостью, весьма далеки от той спокойной рассудительности, когда душа расположена осознать свои заблуждения: только время откроет им глаза.

Вот почему, когда в августе прошлого года я обнародовал мои мысли по этому поводу в сочинении “Уведомление французам об их истинных врагах”, я не ждал от него особого эффекта. Не жду большего и от того, что я публикую ныне: мне слишком хорошо известно, что в разгар гражданских бурь суровый и спокойный голос разума слишком слаб, чтобы перекрыть крики тех, которые всегда готовы услужливо разжечь народные страсти, всегда преувеличивают грозящие всем опасности, свои собственные тревоги и свои жертвы во имя общественного блага, обвиняют без разбора богатых и могущественных людей, неизменно вызывающих зависть, и в конце концов начинают властвовать сбитой с толку толпой. Но разве порядочному человеку не доставляет возвышенного и праведного удовольствия преследовать мужественными и смелыми истинами этих незаконных победителей во время их триумфа, пробуждать их совесть, доводя до их сведения, какое презрение они внушают, наконец, бросать вызов, быть может, и с опасностью для себя тем, кто безнаказанно бросает вызов чести и справедливости.

Я отнюдь не хочу, чтобы какое-нибудь из моих сочинений служило поводом для злорадства праздных читателей, всегда жадно следящих за чернильными баталиями. Вот почему я не называю имен тех, кто вызвал мои размышления и вовсе не из желания щадить этих людей; я заявляю всякому, кто узнает себя на моей картине, что я имел в виду именно его — и никого другого.

Среди причин, заставляющих нас горячо желать, чтобы Национальное собрание, оставив будущим законодательным органам все то, что не требует ее руководства, не теряло ни минуты для завершения конституции и окончания своего огромного дела, не самой малозначительной причиной следует признать надежду увидеть конец всех этих партий, утомляющих нас и разлагающих дух общества. Только тогда они исчезнут. Пока Национальное собрание существует, настороженный народ, продолжая видеть разрушающую и создающую руку, остается в недоумении, все время ожидая какого-нибудь новшества. Чувствовать себя в безопасности в доме можно лишь после ухода строителей. Только тогда все, и патриоты, и недовольные, окончательно убедятся, что здание крепко и прочно; а поскольку изнутри сотрясающие Национальное собрание удары отдаются по всей стране, только с его роспуском мир и согласие воцарятся как среди нас, так и среди наших законодателей.

Собрание в том виде, в каком оно существует ныне, состоящее из самых разных членов, вопреки их воле собранных вместе, никак не сможет прийти к единодушию: слишком много враждебных интересов, соперничающих притязаний, накаленных страстей раздрают его и порой заставляют даже разум быть репрессивным. Очевидно, что будущие собрания будут лишены этих недостатков: между их членами, коих изберут одни и те же облеченные доверием лица, при одинаковом праве, одинаковым образом, во имя одного дела, будет лишь та разница мнений, что не ведет к расколу. Все будут исходить из одних и тех же принципов: конституционных, потому что они истинны и почитаемы всеми как конституционные. Тогда исчезнут и все те определения, что делят граждан на два лагеря, никто впредь не посмеет рыться в чужих мыслях; каждый человек, пользуясь своим правом, будет иметь какое угодно мнение, и никто не сможет его потревожить; закон будет наказывать лишь возмутителей спокойствия и мятежников. Тогда-то Национальное собрание сможет снискать истинную славу и благодарность общества; ибо зрелище прискорбных сцен, коим оно слишком часто служило подмостками, не будет больше поражать наш взор. Воспоминание об ошибках, порой допущенных в описанных мною обстоятельствах и в других, и с легкостью исправленных, сотрется за давностью. Мы забудем даже имена наглых деспотов, тиранически завладевавших ходом обсуждения и иногда побуждавших Национальное собрание против его воли к опрометчивым шагам, которые в упоении своей властью они даже не давали себе труда оправдать цветистыми софизмами; тогда как, с другой стороны, человеческие принципы, плодотворные и незыблемые, положенные им в основание нашей конституции, развивая нашу промышленность, приращивая наше богатство и национальные добродетели, внушат нам любовь к нашим законам и будут постоянно напоминать нам эти два года, омраченные не одним трагическим днем, но и полные еще более многочисленных, великих благодеяний и трудов, кои могли бы составить

славу двух веков. Итак, да будет мне позволено сказать, что после 14 июля и стольких прекрасных дней, подаренных Национальным собранием французскому народу, самым прекрасным будет день его отпуска⁸.

Поскольку я говорил здесь о крайностях только одной партии, меня самого смогут обвинить в той партийной пристрастности, каковую я поставил себе целью изобразить: однако пусть обратят внимание на то, что та партия, о которой я до сей поры говорил, намного сильнее других и, естественно, что ее ошибки — многочисленнее, беззакония — разительнее, а заблуждения — опаснее для правого дела; но, конечно, противная партия отличается не меньшими безрассудством и странностями.

И действительно, люди, открыто провозгласившие себя врагами того подлинно человеческого общества, требование которого состоит в том, чтобы все были счастливы и свободны, люди, приходящие в бешенство от одного только слова “равенство”, рассматривающие человеческий род как подлое, сбившееся в кучу стадо, созданное для того, чтобы принадлежать горстке хозяев, а королевскую власть — как четвертую ипостась Бога, перед каковой необходимо повергнуться во прах, не осмеливаясь даже поднять глаз; словом, все те, кто усвоил подланные принципы тиранов, кем, как не тиранами, стали бы они, окажись власть в их руках?

И вот мы видим, как в наши дни возобновляются прежние беды: доверчивое простонародье поднято во имя Божие для защиты хищнических интересов кучки людей, для восстановления прежнего союза тирании и суеверия, двух напастей, порой, когда нечего опасаться, пытающихся превзойти одна другую, но всегда выступающих в единстве, когда надо сокрушить разум; изнуренные пороками и развратом личности кричат, что религии больше нет. И вечно на первый план выдвигаются интересы народа; ибо какие лицемеры не пользуются языком справедливости и добродетели? Мы видели многих из них, в течение двадцати лет наживавшихся на грабеже общественного имущества, которые, когда в эпоху революции страх выгнал их из страны, жалели, удаляясь, о несчастном народе, отказавшемся служить им, и наивно уверяли, что во Франции больше не осталось честных людей.

Мне нет надобности повторять, до какой степени я осуждаю незаконные насильственные меры в отношении главарей этой партии; но когда я слышу, как они горько жалуются на меры предосторожности, принятые Национальным собранием, чтобы помешать им вредить ему и рушить общественное здание, я не могу прийти в себя от изумления: пусть они скажут мне, какое государство когда-либо терпело явные и неприкрытые проявления бунта? пусть скажут мне, какое правительство будет более презренным, чем наше, если оно допустит, чтобы со всех сторон проповеди, пастырские послания, обвинительные речи, разглагольствования всякого рода сеяли ложь и страх, тревожили умы, внушали ненависть к родине и законам, учили простых и честных людей (а такие есть в этой партии, как и в любой другой) верить, что конституция, обеспечивающая права всех, посягает на чьи-либо права и что Бог осуждает установления, предназначенные для того, чтобы осчастливить человеческий род; приписывать Декларации прав человека защиту всех тех крайностей, что больше всего наруша-

ют эти самые права; делать законы ответственными за все преступления, совершенные против нее: ведь именно об этом твердят тысячу раз на дню, и вот единственное учение, следующее из яростных диатриб людей, словно поклявшихся отречься от всякого понятия о человечности, о справедливости, о здравом смысле, дабы защитить *сословную* честь.

Именно эта сословная честь, вечное достояние тех, кому слишком трудно обзавестись своей собственной, именно эта, повторяю, сословная честь выводит из фехтовальных залов⁹ целый рой героев, дворян в прошлом или ставших ими с тех пор, как их больше не существует, формирует для оказания поддержки трону, конечно, в ней не нуждающемуся, армии наглых и презренных паразитов, осмелившихся назваться защитниками короля¹⁰ и прибегнувших к тому единственному средству, которое может только повредить ему: они бродят, рыскают повсюду, готовые вступить в драку со всяким, кто не с ними, кто не желает гражданской войны и убить его, чтобы доказать свою правоту. А женщины, всегда слепо преданные сиюминутным страстям, всегда увлеченные тем, что имеет вид храбрости, эти во все времена тайные или явные любительницы рыцарственных убийств, именуемых *дуэлями*, словно одобряют эту малодушную и бессмысленную жестокость смертоносными аплодисментами.

Именно приверженность *сословной чести* заставила безумцев, превратившихся в непримиримых врагов своей родины, почти радоваться при известии о кровавых ужасах в наших южных провинциях¹¹; фальсифицируя декреты Соборания, вводя в заблуждение сельских жителей, сея раздор, требуя крови, они используют то же оружие, что и самые подлые смутьяны, позорящие свою, противоположную партию, и словно служат им оправданием; они не стыдятся проклинать Францию и всех французов, в молитвах призывать все державы земли сокрушить нацию, которая больше не признает ливреи их слуг¹², и постоянно питаются нелепой и гнусной надеждой, что весь мир объединится ради уничтожения страны, в которой они перестали быть маркизами и где им больше не кадят первым в церкви их села.

Всем тем, кто возмущается, что великий народ не пожелал быть рабом и кто называет узурпаторами и мятежниками людей, вступающих в свои права, доставляет самое большое удовольствие яркими красками живописать положение, в коем находится король; они без умолку сожалеют о несчастном государе, низведенном до роли первого гражданина свободной нации¹³, который, все еще обладающий силой делать добро, ограниченный лишь в возможности вредить, являющийся перед гражданами лишь затем, чтобы возгласить им законы, принятые ими ради их общего блага, может вызвать их ненависть, только если сам этого открыто пожелает, а чтобы заслужить их любовь, должен лишь буквально исполнять возложенные на него величественные обязанности.

Но эти трогательные витии, в чьих глазах подобная судьба столь плачевна, кто же они? Это (можно ли удержаться от смеха?) бывшие пэры Франции, бывшие придворные, которые в то время, когда парламент находился в оппозиции к двору¹⁴, держали совсем иную речь: тогда они желали, они требовали, они призывали революцию, отвечающую их личным представлениям о ней, и не переставали утомлять наш слух гнусным потоком клеветнических рассказней-об

этом самом короле, о всей его семье и не умолкали, даже когда какой-нибудь благоразумный человек говорил им: "Все, что вы здесь рассказываете — будь то правда или ложь, не имеет ровно никакого значения. Если короли заблуждаются, то возносящие и окружающие их виновнее, чем они. Но даже если бы поведение королей было безупречным, необходимость установления свободной и сильной конституции, которая обеспечила бы независимость судьбы наций от пороков или добродетелей одного человека, не стала бы меньшей".

То же самое можно сказать и о нашем высшем духовенстве, некогда столь гордившемся своим сопротивлением притязаниям римского престола, а сегодня столь торопящимся уступить ему больше, чем тот когда-либо требовал. Упаси меня Бог от обвинения в неискренности и коварстве всех церковнослужителей, коим наши установления кажутся несовместимыми с данными ими некогда обетами¹⁵. Ничего не понимая в их образе мыслей, я верю, что все, добровольно оставившие служение, поступили согласно своей совести. Но большинство тех, кто наиболее рьяно выступает против якобы нечестивых законов, основанных всего лишь на здравом смысле, кто обращает к нам яростные речи в духе Кирилла и Григория Назианзина¹⁶, кто жаждет умереть за веру, кто умоляет о мученическом венце, кто они, эти люди? Все знают: это погрязшие в роскоши и долгах прелаты, зачастую герои историй, тайных так, что они всем становились известны, зачастую преданные самым подлым шарлатанам¹⁷ и глупым суевериям, по их же собственному закону наказуемым смертью; аббаты, чьи антирелигиозные остроты, песенки и анекдоты увеселяли столичное общество¹⁸; одним словом, люди, лишенные как добродетелей, так и талантов, о чьем существовании никто бы никогда не узнал, если бы всякого рода интриги, имена куртизанок, всегда на слуху в больших городах и всегда вкупе с их собственными, зачастую не приносили им скандальной известности.

Становятся ли их рассуждения от этого хуже? спросят меня. Нет. Их рассуждения негодны сами по себе. Но становится ясно, какого доверия и уважения заслуживают люди, что, ежедневно меняя принципы, цели, друзей, убеждения, оказываются равно недостойными и неспособными рассуждать о чем-либо здраво.

Мне хотелось бы сказать два слова и о тех политиках-иллюминатах, о тех патриотах-розенкрейцерах¹⁹, которые, следуя извечному обычаю себе подобных и приспособлявая к идеям своего века ворох древних суеверий, всегда засорявших землю, проповедают свободу и равенство как элевсинские или эфесские таинства²⁰, трактуют Декларацию прав человека как оккультное учение, перелагают ее на мифический язык и превращают законодателей в неприступных иерофантов. Они были бы только смешными, если бы не следовало всегда остерегаться этих людей: ведь им недостаточно явной и простой истины, а разум для них не привлекателен, если не заимствует покров у безумия и лжи, и им больше по нраву видеть сборище посвященных в таинства фанатиков, нежели обширное общество свободных, спокойных и благоразумных людей.

Вот какие политические распри, чередуясь с распрями схоластическими и теологическими, но проходящие одинаковым образом, в одном и том же духе, с использованием тех же софизмов (ибо свойства человеческого рода остаются

неизменными) ожесточают ныне различные общества, разделяют семьи и сеют такие семена ненависти и клеветы, что самые абсурдные обвинения в тайных кражах, отравлениях, убийствах привычны для всех партий и больше никого не удивляют. Каждый, в своем ребяческом тщеславии называя добродетелью, мудростью, честностью свою влюбленность в собственные убеждения, объявляет бесчестным всякого, кто думает иначе и уверяет, что он-то сделал и делает все, что без него все погибнет, кричит, угрожает, старается запугать и жадно принимает или с отвращением отвергает вещи, в которых он плохо разбирается, и слова, смысл которых он не позаботился понять.

Приведу один пример. Некоторые партии едины в своем неприятии слова *республика*. Они взирают гневным оком на тех, кто осмеливается употребить это слово. Они убеждены, что это святотатство, что произносящий его — враг государства и короля. Как будто всякая страна, где нация создает свои законы, где она обладает верховной властью и требует отчета у своих служителей, не является *республикой*, каким бы ни был государственный строй этой страны; и как будто желающий выразиться точно и ясно, должен отказываться от слова, прекрасно передающего прекрасное понятие, потому только, что многие говорят и слушают, не слыша ни собственных слов, ни того, что им говорят.

Вещь примечательная в этой революции, в стольких отношениях не похожей ни на какую другую, и несмотря на ошибки и преступления, поводом коих она стала, больше сделавшей для справедливости и истины, нежели любая другая известная революция, вещь примечательная, говорю я, заключается в том, что до такой степени возбужденные, разгоревшиеся страсти до сих пор не породили ни одного из тех чудовищных, но поистине красноречивых сочинений, которые потомство осуждает, но любит перечитывать; что только благоразумные сочинения, появляющиеся в печати, отличаются рассудительностью и что, в особенности, наши недовольные, конечно, не отказавшиеся от прессы и в чьей душе оскорбления, нанесенные их безумной гордыне, утрата нелепых привилегий, а также, будем искренни, обида на множество жестокостей, очень близких к несправедливости, должны были возбудить страстность и пламенность, развивающие таланты, а порой их заменяющие, произвели на свет только писания, полные преувеличений, холодные или изобилующие пресными насмешками. Мне прекрасно известно, что острота этих шуток заставляет всю их партию умирать от хохота, а сила этого красноречия приводит в восторг. Но мне прекрасно известно и то, что достаточно нескольких минут разговора с безудержными хвалителями этих достойных сочинений, чтобы заметить, что, хотя они расхваливают их, покупают, передают из рук в руки, пугают нас ими как небесной карой, они так и не смогли одолеть их и оказываются застигнутыми врасплох, когда им эти сочинения цитируют.

Среди тысячи других примеров можно напомнить о двух объемистых брошюрах²¹, поступивших к нам в прошлом году из Англии: одна, начисто лишенная смысла, хотя и продиктованная бурной и беспокойной злобой, была забыта, едва успев появиться на свет; другая, также мало читаемая, еще памятна, ибо это произведение иностранца, который, занявшись нами лишь затем, чтобы запугать нас мрачными предсказаниями, превзошел силой и иступленностью своих

проклятий всех тех из наших французов, кого личные интересы наиболее настроили против наших нововведений. Поскольку автор пользуется у себя на родине определенной известностью, а о его книге было уже давно и торжественно объявлено теми, чьим страстям он потакает, и поскольку его суждения о нашей революции, высказанные в парламенте Англии в начале прошлого года, стали причиной резкого разрыва между ним и одним из его наиболее уважаемых политических соратников²², я почел уместным уделить несколько строк этому автору и его книге.

Этот человек — ирландец по имени Эдмунд Берк, на протяжении тридцати лет входящий в состав английского парламента. Действуя в палате общин совместно с людьми большого ума и больших талантов, он принес немалую пользу своей стране, способствуя обузданию крайностей королевской власти, тех крайностей, слепым поборником коих в чужих странах он выступает с таким рвением. Отличавшийся необычайно яростными нападками на партию, к которой сам не принадлежал, он оказался не столь опасен из-за своей вспыльчивости, любви к неправдоподобным гиперболам и неспособности держать себя в границах разума. Он прослыл красноречивым оратором благодаря блестящим и порой прекрасным образам, вечно тонущим в страшном хаосе несвязных идей, натянутых и ложных выражений, низменных метафор, темных намеков, высокопарных цитат. Все это

скрепляет, стоек,
В присловья въевшийся дух рыночных помоек²³.

Все эти качества, собранные воедино, бросаются в глаза и в опубликованной им странной книге, посвященной французским делам. Читатели могут восхищаться если не его любовью к истине, то по крайней мере его даром создавать фантастические картины, настолько велико и немислимо нагромождение невероятных химер, когда он изображает и Францию, и Париж, и Национальное собрание, и положение короля с королевой, одним словом, все. Здесь мы видим то самое исповедание веры, которого никогда не скрывали ни его речи, ни его действия, а именно глубокое пренебрежение к любым неизменным и незыблемым принципам и ко всем философическим рассуждениям, призванным вернуть людей к понятиям, основанным лишь на истине и на природе вещей; здесь он открыто заявляет о своей любви к предрассудкам именно потому, что они предрассудки.

Вот образец его диалектики и его манеры судить об известных вопросах. Равенство людей в правах возмущает его больше всего: он резко упрекает Национальное собрание, ибо ему представляется, что люди стали равны в правах с тех пор, как это признало Национальное собрание; возражая далее, он говорит, что если все люди равны в правах, то, стало быть, правительство должно состоять из грузчиков, ростовщиков и т.п. Он замечает также, что Национальное собрание, признав извечное равенство людей в правах, таким образом как бы определенно заявило, что Тацит, Монтескье, Руссо обладали не большими способностями, чем их башмачники; по этому поводу он приводит слова Екклезиаста²⁴, который справедливо говорит, что плотники не должны создавать законы.

Правда, цитируя Екклезиаста, он скромно добавляет, что не берется утверждать, апокриф ли эта книга или нет, столько осторожности и осмотрительности привносит он в свою критику.

Вот каким образом, — беру в свидетели всех, у кого хватило терпения прочитывать этот неудобоваримый набор слов — вот каким образом постоянно и повсеместно рассуждает он, доказывает, судит: всегда уверенный в себе, всегда торжествующий, всегда пораженный красотой своих мыслей. Вот перед каким судом предстала Франция, вот какая дикая смесь нелепостей и педантичных глупостей наполняет огромный том: он был бы смешным и очень развлекательным, если бы каждую минуту плоская грубость оскорблений или чудовищность клеветы не вызвали тошноту или не рождали возмущения.

Как отвечать на подобную писанину? какой честный человек пожелает опуститься до уровня автора, вечно упоенного своей глупостью и злобой, каждая страница которого не свидетельствует ни о чем, кроме шаткости и нелепости принципов, кроме ослепления или постыдного коварства суждений, кроме невозмутимого игнорирования фактов, а каждое утверждение не допускает иного ответа, кроме опровержения? Однако я полагаю бесполезным сообщить французам один факт — не из тех, что он сам приводит, скверно измышленных или неумно преувеличенных, но факт достоверный и хорошо известный: он покажет им, что это за красобай, поставивший себя судьей их законов и действий. Пусть знают, как этот человек, возводящий перед королем и королевой клевету на нацию, более расположенную почитать их с тех пор, как ее не понуждают больше курить им фимиам, пытающийся озлобить их сердца напоминанием о муках, от коих хотели бы оградить их все добрые граждане, о тех муках, что заставили их разделить вместе со всеми наши непреклонные обстоятельства, дерзающий приписывать всему народу преступления нескольких разбойников, которых народ ненавидит и не признает: пусть знают, как этот человек сам недавно обошелся с королем Англии.

Английский король в конце 1788 г. был поражен недугом²⁵, унижающим достоинство человеческого рода и на некоторое время сделавшим его голову не в состоянии нести бремя короны. Часть палаты общин решила, что следует облечь королевской властью принца Уэльского, сделав его регентом. Эдмунд Берк разделял это мнение. В своей речи он не постыдился распространиться со своей обычной извительностью о прискорбном состоянии короля; он не постыдился изобразить и ярко подчеркнуть печальные симптомы болезни, внушавшей даже не потерявшим совести врагам почтительное сострадание; он не постыдился завершить свою картину следующими, буквальными словами, напоминающими те, что употребляет Мильтон, говоря о падении Сатаны²⁶: *Господь возложил десницу свою на него; низверг его с трона; сделал его ниже последнего крестьянина в его королевстве.*

Этот сугубо бесчеловечный вздор возмутил все партии: друзья Берка были поставлены перед необходимостью не раз возобновлять свои бесплодные усилия, чтобы тонкостью толкований пытаться ослабить ужасное впечатление, оставленное в умах варварской выходкой их *уважаемого друга*. И всякий, кому известно, что происходит в Англии в последнее время, может засвидетельство-

вать, что Берк часто ставит их перед этой необходимостью и что, обладая живым воображением и довольно широкой эрудицией, этот ритор, лишенный вкуса, способности суждения, всякого понятия о критике и о том, что пристойно и порядочно, продолжает открывать рот словно затем только, чтобы привести в замешательство своих друзей и рассмешить своих врагов.

Ныне предметом бредовых измышлений этого бранчливого безумца послужили французская нация, ее новые законы, ее свобода. Все и вся вызывает у него разлитие желчи. И поскольку у меня есть брат, тоже ставший жертвой наглой глупости его иступленных фантазий²⁷, я боюсь, как бы читатели и он сам не приписали этой причине, которой мне, впрочем, нечего стыдиться, мое законное возмущение его отвратительной книжонкой. Но я заверяю и его, и моих читателей, что, прожив три года в Англии, я вовсе не нуждался в его новом шедевре, чтобы узнать и оценить его невоздержанную и необузданную язвительность, неисправимую порочность суждений и, в особенности, удивительную способность плодить чудовищные обвинения и обильно изрыгать грязную брань.

Взяв перо, дабы воздать ему должное, я вспомнил, что хотя он еще не достиг глубокой старости, тем не менее я часто слышал, как друзья этого человека оправдывали его поведение ранней старостью и жалели его, уверяя, что для него раньше, чем для других наступил тот момент, когда мыслительные способности слабеют, и дряхлый человеческий разум начинает по-детски лепетать. Я знаю, как уважительно и бережно должно относиться к этому позднему детству; однако я подумал, что когда старость буйна, сумасбродна и злоязычна, когда самонадеянное чванство делает старика похожим на глупого и невоспитанного юнца, тогда старость не заслуживает снисхождения и не может быть дозволено старику бормотать ложь и оскорбления; а если он основывает свои притязания на воспоминаниях о более шумной, чем прочной известности, внушающей уважение глупцам, тогда в особенности надо заставить его стыдиться, указав на правду; и хотя следует презирать подобную старческую ругань, однако не следует презирать ее молча.

Этот надменный софист, столь любящий цитаты, конечно, будет очень доволен, если в заключение я напому созданное отцом поэтов изображение Терсита²⁸, этого шута древности:

Только Терсит меж безмолвными каркал один, празднословный,
В мыслях вращая всегда непристойные, дерзкие речи.

ПИСЬМО МАРИ-ЖОЗЕФА де ШЕНЬЕ

Париж, 17 февраля 1788

Я не мог, дорогой брат, ответить раньше на ваше письмо от 4 числа этого месяца. Оно было передано мне спустя несколько дней после прибытия курьера; и еще несколько дней я потратил на поиски трагедии "Агис"¹, которую вам высылаю: ее уже нельзя было найти у вдовы Дюшен, к которой обычно обращаются, если хотят приобрести театральные пьесы. Впрочем, я никогда не был так занят. Я как раз отдавал в печать оду на возвращение протестантов во Францию²,

когда маленькое событие заставило меня заняться другим делом. В этом городе, любящем фацеции, появилась таковая под названием "Альманах великих людей". Этот анонимный шедевр приписывают графу де Риваролю и г-ну де Шансене³, слишком вам известному. Это длинная сатира в прозе, которая поносит ныне здравствующих писателей в алфавитном порядке. В этом списке из шестисот авторов большинство — совершенно неизвестны, но о некоторых так не скажешь, например, об аббате Делиле⁴ и кое о ком еще. Эти господа оказали мне честь, вспомнив и обо мне. Они ни словом не обмолвились о моих опубликованных произведениях, зато уверяют, что я издаю "Новогодние дары Полигимнии". Это собрание стихотворений, о котором я впервые от них услышал, появляется ежегодно в январе. В ответ на это глупое сочинение, все еще пользующееся некоторым успехом именно потому, что в нем содержится хула на многих, я написал "Диалог публики и анонима". В этой вещице около трехсот строк. В ней есть новизна, и эти не названные в ней господа будут, судя по отзывам, изрядно наказаны. Я подписал ее, так как это сатира. Я придерживаюсь мнения, что не следует ни на кого нападать; но мстить приятно, особенно если при этом можно приобрести немало друзей. Какой бы ярой ни была месть, вина всегда лежит на том, кто напал первым. Эта моя вещица появится через неделю, а моя новая ода через пару дней. Я вышлю вам обе.

Вам нравится в Лондоне⁵, как я и ожидал. Мне хотелось бы иметь возможность как-нибудь обнять вас в этом прекрасном городе до того, как мы увидимся в Париже. Из всех путешествий это привлекает меня больше всего, однако пока что моя надежда посетит вас остается слабой.

Мне кажется, что вы снисходительны к Шекспиру⁶. Вы находите у него восхитительные сцены. Признаюсь, что во всех его драмах мне известна только одна, во всяком случае от начала до конца достойная такого определения. Это разговор умирающего Генри IV со своим сыном принцем Уэльским⁷. Эта сцена всегда казалась мне полной совершенной красоты. В других пьесах, да и в этой есть эпизоды, в которых благородство сочетается с силой, но, мне кажется, они слишком коротки. Например, в "Юлии Цезаре"⁸ хваленая сцена между Брутом и Кассием перед началом битвы при Филиппах, имеет, по-моему, большой недостаток. Эти два философа, два последних римлянина — этим сказано все — дают волю своему гневу, словно простолюдины. То, что Шекспир взял у Плутарха, превосходно, но я не могу восхищаться тем, что он добавил от себя. Англичане скажут, что это естественно. Но это не та естественность, что присуща Эдипу и Филоклету⁹.

Я говорю с вами о "Юлии Цезаре", потому что эта пьеса все время передо мной. Я внимательно перечитал ее в связи с моей собственной трагедией "Брут и Кассий"¹⁰, которую я также печатаю. Я внес необходимые, как мне кажется, поправки. Мне удалось убрать длинный монолог Порции в третьем акте. Наконец я избавил пьесу от множества недочетов, но их все равно будет предостаточно. Я также немного изменил посвящение, обращенное к вам; думаю, оно стало лучше. Я очень резко отзывался о "Спартаке"¹¹, теперь же я смягчил выражения, ничего не изменив в моей общей оценке его.

Как видите, мне нравится отдавать вам отчет в моих трудах; надеюсь, вы по-

ступите так же: вы знаете, как я чувствителен к знакам вашей дружбы и до какой степени вы можете полагаться на мою. Одно из самых моих больших удовольствий — время от времени получать те прекрасные стихи, которые вы умеете сочинять. Прощайте. Хорошенько заботьтесь о вашем здоровье, драгоценном для словесности и для всех, кто вас знает. Не сообщаю вам никаких политических новостей, так как предполагаю, что они доходят до вас быстрее и вернее, я же ни с кем не вижу. Обнимаю вас как любящий брат и добрый друг.

М.-Ж. де Шенье

Лондон, Ковент-Гарден¹, Hood's Tavern.²
Пятница, 3 апреля 1789, в 7 часов вечера

Поскольку мне здесь очень тоскливо после довольно скверного ужина и я не знаю, куда пойти в ожидании времени, когда можно будет явиться в каком-нибудь обществе, я попытаюсь незаметно убить полтора часа, марая лист бумаги, который я велел принести. Совершенно не знаю, о чем буду писать; меня это мало беспокоит. Каким бы бессмысленным и пустым ни было мое занятие (а оно вряд ли превзойдет в этом отношении беседу двух англичан, что едят за соседним столиком и время от времени произносят несколько исковерканных французских слов, чтобы дать мне понять, что они знакомы, а вернее, что они не знакомы с моим языком) я, быть может, найду когданибудь эти небрежно набросанные строки и не без удовольствия (ибо приятно вспоминать плохое, отошедшее в прошлое) припомню, как мне однажды довелось печально ужинать здесь в полном одиночестве.

Те, кто несчастливы, любят одиночество и ищут его. Оно для них — большая отрада, но еще большее. — зло. Ведь тогда причина их грусти беспрестанно предстает перед их умственным взором, и единая, беспримесная печаль, от коей ничто не отвлекает, властвует ими; они со слезами перебирают в памяти то, что уже сотни раз перебирали со слезами; они без усталости вкушают горечь, они с болью думают о прошлом и настоящем, и даже мысль о будущем доставляет им страдания: хотя к ней неизменно примешивается слабая надежда, опыт рождает недоверие, и это беспокойство есть мучительное состояние. Привыкаешь ко всему, даже страдать. — Да, вы правы, это совершенная правда. — Если бы это не было правдой, я не был бы жив. И вы сами, быть может, тоже умерли бы; но причиной этой пагубной привычки является очень опасная вещь. Причина состоит в том, что страдание утомило ум и иссушило душу: эта привычка — не более чем полный упадок сил. Ум становится бессилён взвесить и рассмотреть все с верной точки зрения, дабы воззвать к святой первоизданной природе и ополчиться на жестокие и несправедливые человеческие установления; в душе нет сил, чтобы возмутиться искусственным неравенством между бедными людьми, чтобы восстать против несправедливости, сбросить гнетущее бремя. Душа повреждена, унижена, простерта ниц; она привыкает страдать, как мертвые привыкают сносить тяжесть могильного камня: ведь они не могут его сбросить. Вот что значит привыкать ко всему, да-

же к страданиям. Да хранит Бог моих друзей от этой грустной привычки! Маленькие печали умягчают душу, большие — ожесточают и разъяряют. В первом случае человеку нужны общество, развлечения, беседа друзей; во втором он избегает всего этого, ибо знает, что все это никак не может его утешить, а он считает несправедливым огорчать других, в особенности если это бесполезно для него самого. Быть может, он также отчасти стыдится дать понять, что дружба, ее нежная речь, ее ласковый взгляд и рукопожатия не могут исцелить его ран: а между тем, вид и участие моих друзей всегда мне помогали, даже если полностью не исцеляли.

Но здесь я одинок, предоставлен самому себе, покорен своей тяжелой судьбе и мне не на кого опереться. Как прекрасна независимость! Счастлив тот, кого желание быть полезным своим старым родителям и всей своей семье не заставляет отказаться от честной и независимой бедности! Быть может, когда-нибудь я стану богат. Пусть тогда плоды моих мук, моих горестей и тягот оградят моих близких от подобных тягот, горестей и мук. Пусть благодаря мне они избегнут унижения! Да, именно унижения. Я прекрасно знаю, что со мной не происходит ничего, что может задеть мою честь; прекрасно знаю, что подобное со мной не случится никогда: это зависит только от меня самого, отсюда моя уверенность. Но тяжело видеть, что вами пренебрегают, что вам закрыт доступ в какое-нибудь общество, которое считает себя выше вас; тяжело видеть если не презрение, то во всяком случае высокомерную вежливость; тяжело чувствовать — что же? что вы ниже кого-то? — Нет, но что кто-то воображает, что вы ниже его. Эти знатные, даже самые лучшие из них, так хорошо дают вам по всякому поводу заметить, какого они высокого о себе мнения! Они так часто изображают уверенность в том, что превосходство их состояния проистекает от превосходства их заслуг! Они добры так сурово-безучастно; они придают столько значения чувствам своим и себе подобных и так мало — чувствам тех, кто якобы стоит ниже их! Если какая-нибудь маленькая неприятность задевает тщеславие тех, кого они называют равными себе, они так отзывчивы, так пылки, так сострадательны! Если же жгучая скорбь терзает сердце того, кого они считают ниже себя, они так холодны, так сухи, они жалеют его так равнодушно и рассеянно: как дети, которым не жалко умирающего муравья, потому что он не принадлежит к их роду.

Я не могу не посмеяться в душе, когда вижу в высшем обществе частые примеры этой избирательной чувствительности, коей дают волю, только справившись об имени. Особенно восхитительны в этом отношении женщины. Если какой-нибудь герцог, с которым они встречались на балу или какой-нибудь вельможа, которого они считают близким другом, так как раза два с ним обедали, болен или опечален потерей одного из занимаемых им мест или лошади, они принимают такое участие в его беде, так искренне оплакивают его несчастье, так трогательно восклицают! они действительно верят, что охвачены отчаянием; ибо почти все они, будучи лишены подлинной, простодушной и непосредственной чувствительности, полагают, что эти кривляния и пустое жеманство и есть то, что ею называется.

Итак, вот я и убил полтора часа; теперь уйду. Что я написал, уже не помню,

да и писал я для одного себя, без прикрас и изящества. Написанное мною не предназначено для чужого взора, и я уверен, что когда-нибудь не без удовольствия перечту этот набросок времен моей грустной и задумчивой молодости. Пусть когда-нибудь с тем же чувством читатели прочтут то, что я напишу для всех.

АЛТАРИ СТРАХА

Древние воздвигали храмы и жертвенники, посвященные Страху¹. Мы в Париже еще не последовали в точности их примеру. Но, учитывая, что во все времена люди глубоко религиозные замечали, что сердце — тот подлинный алтарь, который избирает Божество и что внутреннее почитание в тысячу раз ценнее, нежели все пышные обряды великолепного культа, совершение коего доверено немногим и ограничено лишь несколькими освященными местами, мы можем сказать, что никогда Страх не имел столь подлинных алтарей, как в наше время в Париже; что никогда он не становился предметом столь всеобщего культа; что весь этот город — его храм; что все добропорядочные люди стали его священнослужителями, ежедневно принося ему в жертву свои мысли и свою совесть.

Но в последние дни чувство *благоговения* как будто усилилось, никогда прежде это божество не было ими столь почитаемо. Когда невежественный фанатизм одних, непреклонная мстительность других, подстрекательские проповеди некоторых неприсягнувших священников², нетерпимость отдельных их преемников, ставших их врагами, готовы вновь погрузить нас в жестокие и отвратительные религиозные войны, залившие кровью все нашу историю; когда рожденные свободой законы готовы служить основанием для преследований, парижский департамент ободряет и радуется сердца всех добрых граждан человеческим, мудрым, глубоким постановлением³, только и могущим обязать всех к той терпимости, без коей не может быть счастья. Все порядочные и просвященные люди, желающие увидеть наконец этот закон, который был бы благодеянием философов, а не произведением некогда угнетаемой, а ныне жаждущей угнетать в свою очередь секты, с нетерпением ожидают, что это постановление будет превращено Национальным собранием в государственный закон; и в то же время двадцать или тридцать безумцев, собравшихся на заседание секции⁴, самовольно поносят его, и порядочные люди молчат; а людей, готовящихся воспользоваться данной им и заслуженной свободой, оскорбляет, осыпает угрозами *настоящая чернь*⁵, то есть сборище людей, чуждых всякой справедливости, всякой человечности, недавно вооружившихся постыдными орудиями насилия и тирании: и честный человек, возмущенный такой низостью, не отвергает уст, а если становится свидетелем какого-нибудь из преступлений черни, сопровождаемых омерзительными насмешками, которые публично оскорбляют целомудрие, унижают слабость, оскверняют свободу и честь, он бежит прочь; или, быть может, он даже улыбается этим насмешкам, дрожа от *страха*, как бы не заподозрили, что он не одобряет, не приемлет этой трусливой и подлой жестокости.

Недавно за оградой одного частного дома сходится общество граждан с намерением провести время в развлечениях, нисколько не нарушающих общественного порядка. Деятельная и беспокойная праздность собирает у ворот этого дома толпу зевак; к ней, как водится, примешивается значительное количество смутьянов, повсюду выискивающих случай навредить. Раздаются крики, угрозы взломать ворота, лишить жизни тех, кто скрывается за ними. Благоразумный человек, посланный своей секцией, вынужден во избежание худших зол сам войти в дом, удовлетворить несправедливые требования безумного сборища, подвергнуть (наверняка ему было стыдно) граждан незаконному допросу, нелепому и постыдному разбирательству. Он составляет список их имен⁶, чтобы показать его этому сборищу сумасбродов, которое убеждается таким образом в своем праве его требовать.

И эти недостойные действия обходятся молчанием, и честному человеку, пытающемуся осудить их, затыкают рот, доказывая ему, что собравшиеся были *аристократами*. Ему стыдно молчать; он хотел бы ответить, что ему об этом ничего не известно; что, возможно, это и так, но как бы то ни было, беспокоить граждан дома по причине их политических убеждений — значит действовать совершенно вопреки законам и здравому смыслу. Что право собраний не принадлежит исключительно патриотам, но всем, кто желает его оплатить⁷. Что мужчины и женщины, пришедшие среди бела дня на домашний концерт, никак не могут быть участниками тайных заговоров; что, впрочем, они у себя дома и что все истошные крики, все опасения антипатриотических сборищ, конечно, не более чем гнусные предлоги для тех утеснений личности и нарушения неприкосновенности жилища, которые перечеркивают все законы и никогда не приводили хотя бы к каким-нибудь серьезным разоблачениям. Он хотел бы сказать все это. Но он молчит, так как *боится*, что его самого назовут *аристократом*.

Он хотел бы обрушиться на то отребье писателей и то отребье человеческого рода, что встречает все эти пагубные заблуждения только жестокой радостью и мерзкими насмешками; на этих народных ораторов, этих мнимых друзей народа⁸, чье перо омочено в крови и грязи; но, залугивая его, ему говорят, ему лгут, что эти негодяи служат делу свободы; и он молчит, так как *боится* прослыть *аристократом*.

И если он находит что-то достойное похвалы в поведении какого-нибудь должностного лица или представителя власти старого режима, в особенности министра, то, постоянно, обуреваемый страхами, он остерегается хвалить их из опасения, что его назовут *аристократом*: если же, с другой стороны, он замечает, что какой-нибудь представитель народа или другой известный своим патриотизмом гражданин небрежно надзирает за деятельностью должностных лиц или слишком легкомысленно использует наши деньги, или несколько забывает о национальном достоинстве, или склонен к угодничеству и раболепию, столь же неподобающим свободному человеку, как наглость и похвальба, он остерегается что-либо говорить из *страха*, что его назовут *республиканцем*.

Этот последний страх, по правде сказать, гораздо менее распространен, чем какой-либо другой. Одно только слово *аристократ* повергает в оцепенение общественного деятеля и отнимает у него всякую способность действовать. Он от

всей души жаждет деятельности, стремится к ней со всем рвением, готов пожертвовать своим благополучием, всегда намерен идти вперед. Но если в разгар своей деятельности он слышит обращенные к нему эти четыре роковых слова, он теряет, бледнеет, меч закона выпадает у него из рук. Итак, ясно, что Цицерон всегда будет не более чем аристократом, судя по словам Клодия и Катилины⁹: если же и Цицерон боится, то что же говорить о нас?

Ужас, который внушает это страшное слово, ощутим повсюду, в вещах больших и малых. Я бы хотел, чтобы какой-нибудь любитель редкостей сохранил в своей коллекции образец описания примет человека, желающего путешествовать. Его рост, его лицо, цвет волос и особенности физиономии должны быть расписаны с самой тщательной точностью, к тому же необходимы два свидетеля, удостоверяющих его личность. Я знаю, что некоторые совершенно не заботятся о том, чтобы запастись подобными паспортами; но другие считают их необходимыми и боятся отправиться в путь, не приняв этой предосторожности. Между тем, они прекрасно знают, что нет ничего более противоречащего букве и духу закона, чем подобные нелепые помехи. Знают это и те, кто ставит подобные препоны, и те, кто выдает смехотворные документы. Почему же они не протестуют открыто? Их называют *аристократами*.

Страх придает и смелости. Он заставляет с шумом встать на сторону сильнейшего, который не прав, чтобы одолеть слабого, который тоже не прав. Это не один и тот же *страх*, но сочетание десятка его разновидностей заставляет принять такое решение. *Страх* царит повсюду.

Но есть люди, которые по крайней мере не страшатся презрения, стыда, бесчестия. Они умело ловят момент, когда справедливые или неосновательные, естественные или искусственные причины возбуждают народное недовольство, и тогда их торжествующее красноречие еще больше распалает нас, ведь они всегда одобряют то, что произошло и то, что произойдет. Если, следуя пагубному и страшному примеру, введенные в заблуждение войска не повинуются своим командирам, они не преминут доказать даже посреди гиканья и свиста, что это неповиновение вполне согласуется с требованиями разума и духом конституции. Тогда-то они не скупятся на так называемые *разоблачения* должностных лиц, то есть на смутные обвинения, основанные на столь же смутных утверждениях, и подкрепленные другими утверждениями. Но все их речи очень плохо объясняют нам поведение министров и других лиц, облеченных исполнительной властью, равно как и те вещи, что нам важно знать; зато они обладают замечательной способностью усиливать в нас слепую ненависть, оправдывать походя буйные выходы толпы и постоянно готовы предложить ей новые объекты, если прежние уже не вызывают ее ярости.

Шарден¹⁰ рассказывает, что персы используют во время охоты леопардов. Если же зверь упускает добычу, на которую они его натравили, то он возвращается взбешенным, но его хозяева из *страха* за свою жизнь всегда держат наготове какую-нибудь жертву, которую бросают ему, чтобы его успокоить.

Конечно, прекрасно и полезно то, что каждый проявляет бдительную заботу о спасении свободы и родины. Но когда *страх* перед заговорами, страх перед германскими государями, страх г-на де Мирабо¹¹, который, словно Кадм¹², по-

рождает войска, сея зубы дракона, и прочие, зачастую химерические страхи утомляют нас и ввергают в крайности, тогда очень плохо, что страх воспрепятствовать завершению конституции, основанной на самых здоровых принципах и призванной составить наше счастье и славу; страх, что не удастся остановить ход уже слишком затянувшейся революции; страх, что мы ослабнем из-за беспорядков и откроем дорогу врагу; страх разрушить общественное благосостояние; страх опозорить свободу в глазах тех, кому она мало знакома и кто поэтому может приписать ей наши ошибки; и множество других, к сожалению, более чем обоснованных страхов — как раз нам и не свойственны.

Честные и робкие граждане, злодеи бодрствуют, а вы спите. Злодеи едины, а вы разобщены. Злодеям придают смелости корысть, зависть, ненависть; а порядочные люди всего лишь честны, и добродетель не придает им смелости.

Я указал лишь на немногие жертвы, которые ежедневно приносятся Страху. Быть может, и я сам принес ему не одну. Но я не стану увеличивать их, утаивая имя автора¹³, воспевшего Страху этот хвалебный гимн.

ПЕРВАЯ ГЛАВА СОЧИНЕНИЯ "О ПРИЧИНАХ И ПРОЯВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВА И УПАДКА ЛИТЕРАТУРЫ"

Для живущего нет счастья иного, нежели следовать своему, определенному природой, предназначению. Люди по совершенству своей речи и всех органов, по непрестанному беспокойству, побуждающему их постоянно что-то искать, отвращаться от настоящего, устремляться во всех направлениях, увлекаться новыми идеями, оставлять следы своего существования должны почувствовать, что природа создала их не только для удовлетворения животных нужд и вожделений, как это свойственно бессловесным тварям, но и для того, чтобы в не меньшей степени чем телесную, вести жизнь духовную и для того, чтобы всем жить сообща.

Поскольку никакое общество не может существовать без понятия о справедливости и праве, природа наделила людей способностью нравственно оценивать свои поступки: человека отличает сочетание разума и страстей; последние, если они плохо управляемы, ослепляют и губят первый. Но если страсти обузданы здоровыми нравами и добрыми законами, а разум остается свободным и неискаженным, тогда он позволяет нам судить о том, что хорошо и полезно, а страсти воспаляют в душе горячую любовь к тому, что прекрасно и достославно.

Некоторых, превосходящих всех остальных душевным величием, одушевляет чистый энтузиазм добродетели, другие сочетают с ним желание славы. Это желание, равно как и желание быть полезным, порождено духом состязания — этим источником благ во всяком правильно устроенном обществе, потому что он побуждает каждого человека достичь совершенства в добродетели и показать себя лучшим среди хороших. Это чувство весьма далеко от зависти, ибо оно основано на сознании своих достоинств и честности и на уважении к другим; а зависть — это признание собственного бессилия и ничтожества.

Две вещи, будучи в большей степени, нежели остальные, плодом гения или

душевного величия, как правило же их обоих, наивернейшим образом обеспечивают истинную славу. Это великие подвиги на благо общего дела и повествующие о них превосходные сочинения. Способность совершать прекрасные поступки — вот что прежде всего делает человека великим; способность хорошо говорить тоже немаловажна: часто хорошая книга сама по себе является хорошим делом¹, и часто мудрый, возвышенный писатель, совершая медленный, здоровый переворот в нравах и идеях, как будто сам делает все то хорошее, что он побуждает делать других.

Но в начальную пору существования республик, когда добродетель была еще грубовата и сурова, когда каждый пекся лишь о том, чтобы прочнее устроиться в жизни, чтобы обработать землю, прокормить семью и защитить свою страну с мечом в руках, о литературе совсем не помышляли; люди трудились у себя дома, напрягали силы, неся воинскую службу; с малым опытом они мало что могли сказать в общественном месте; их славные деяния ждали повествователя, они же не заботились о том, чтобы рассказывать о чужих подвигах; вся литература сводилась к устной передаче пылких народных песнопений, всегда первого плода человеческого воображения; их гармоничные ритмы и живые описания патриотических войн и простых, первозданных вещей пробуждали мысль и воспаляли дух.

Когда же основы государства были утверждены, благосостояние упрочено, враги изгнаны и люди начали наслаждаться досугом и избытком, тогда во множестве родились мирные искусства. Время и глубокие перемены у себя дома и в чужих краях заставили людей на многое раскрыть глаза. Они стали искать славы, создавая памятники мысли. Они сочли справедливым даровать и обретать бессмертие как награду за заслуги; они принялись с энтузиазмом рассказывать о других или с точностью о себе; и, прославляя ради общественной пользы благодетельные установления, поэты своими живыми картинами, ораторы — волнующими речами, историки — повествованием о людях, ставших великим примером, философы — убедительными рассуждениями заставили людей познать и полюбить тайны природы, права человека и сладость добродетели.

Конечно, тогда словесность была величественной и священной, ибо она была гражданственной: она внушала любовь к законам, к родине, к равенству, ко всему, что правильно и достойно восхищения, и отвращение к несправедливости, тирании, ко всему, что пагубно и ненавистно. А искусство писателя состояло не в том, чтобы приукрашивать блестящими и изысканными выражениями ложные или легковесные мысли, или вообще отсутствие таковых, но в том, чтобы стиль имел ту же силу и простоту, что и нравы, чтобы говорить так, как думаешь, как живешь, как сражаешься. Тогда словесность была окружена почетом, ибо она его заслуживала. Стало привычным уважать людей, которые делили со всеми общие труды и трудились еще и тогда, когда другие отдыхали; которые выделялись среди других граждан особым талантом; предупреждали о надвигающихся издалека опасностях; читали будущее в книге прошлого, использовали свои знания, опыт, память ради спасения страны; будучи столь же доблестными, как и другие, но более просвещенными, служили родине делом и словом. Поскольку эти люди были достойны уважения, то и занимали почетное место в обществе, становясь магистратами, законодателями, полководцами. Так продолжалось до тех пор, пока со-

хранялись добрые установления, пока среди людей не было иного неравенства, кроме неравенства их заслуг и пока таланты, труд и целомудренная жизнь позволяли гражданину достигнуть всего, чего он вправе желать. Вскоре же, когда жадность, изнеженность, жажда власти и другие доводящие человека до крайности пороки исказили добрый порядок и извратили республиканский строй, когда несколько людей разделили между собой все, когда происхождение и богатство были поставлены превыше законов, когда народы начали продаваться и покупаться, когда низость одних и наглость других объединились, затем чтобы бедность и добродетель пребывали безвестными и презируемыми, тогда словесность оказалась вынуждена замкнуться в себе и сделать самое себя источником славы и орудием мщения. Тогда-то, более чем когда-либо прежде, люди стали жить исключительно ради словесности. Поскольку у них была отнята честь добрых деяний, они утешались, обретя славу тех, кто хорошо говорит. Писатели с пламенным красноречием напоминали о прошлых порядках, обрушивались на современные пороки, стараясь быть полезными хотя бы грядущим поколениям, оплакивали родину и, будучи не в состоянии освободить ее с оружием в руках и при поддержке своих приверженцев, изливали свое бесстрашное негодование на бумаге и порой, быть может, заставляли краснеть рабов и угнетателей.

Но такая смелость встречалась редко и была недолгой. Ибо по мере того, как время, деньги и энергичная деятельность укрепили тиранические государства, писатели, почувствовавшие опасность или привлеченные наградами, продали неправедным властям свой ум и свое перо, стали помогать им лгать и строить козни, научили людей забывать свои права и, состязаясь в угодничестве, превратили с тех пор искусство писать в искусство наполнять однообразные страницы хитроумной и тем самым еще более постыдной лестию. Низким торгашеским духом святая словесность была унижена, а человеческий род — предан. С тех пор благородные умы — если только те недостойные века порождали кого-нибудь, кого счастливая природа одарила более сильной душой и более здравым суждением, стали презирать литературу, ибо они читали лишь произведения тех жалких времен и пренебрегали изучением древней словесности, которая так и не смогла научить добродетели тех, кто похвалялся ее знанием. Но затем, переходя от одних замыслов, обязанностей, удовольствий к другим и устав от бурной и пустой жизни, не зная, как насытить душу, жадную до знаний и истинных почестей, они вновь обратились к словесности, отделили ее от писателей, расширили круг чтения; и, придя после размышлений к выводу, что, поскольку тирания изнашивается сама по себе, то могут сложиться обстоятельства, когда одна только словесность будет способна исправить зло, от которого она страдала и которое распространяла, — они время от времени стали братья за перо, чтобы ускорить, насколько это было в их силах, ее воскресение. Что до меня, то, выйдя из детского возраста и раскрыв глаза, я увидел, что деньги и интриги — почти единственное средство достичь всего; с тех пор я решил, не задумываясь о том, позволяют ли мне это обстоятельства, жить всегда вдали от всяких дел, в кругу друзей, в уединении и в самой полной независимости². Пораженный видом рабелепствующей литературы и рода человеческого, не помышляющего о том, чтобы поднять голову, я часто предавался развлечениям и заблуждениям пылкой и страстной юности. Но, всегда

охваченный любовью к поэзии, к литературе, к знаниям; часто опечаленный и разочарованный своей судьбой или самим собой, всегда поддержанный друзьями, я обрел по крайней мере внутреннюю уверенность, что мои стихи и проза, оцененные или нет, будут поставлены в ряд тех немногих сочинений, которых не коснулась никакая низость. Поэтому даже в пылу молодости и страстей, даже в ту пору, когда суровая необходимость положила конец моей независимости³, постоянно обдумывая мои любимые идеи и дома, и во время путешествий, и на прогулках по улицам, всегда питая, быть может, безумную надежду увидеть воскресшими добрые установления, пытаюсь найти в истории и в природе вещей причины и проявления совершенства и упадка литературы, я подумал, что было бы неплохо составить из моих размышлений на эту тему, созревавших на протяжении многих лет, простую и убедительную книгу.

Но когда я присмотрелся ко всему этому ближе, оказалось, что эти истины не менее опасны и ненавистны, чем другие; ибо когда мы определяем, что значит писать хорошо и что значит писать плохо, почти невозможно, чтобы множество плохих писателей не узнали себя; и читатели, которые одновременно являются авторами или имеют друзей-писателей, одобряют в ваших советах лишь то, что они сами или их друзья делают или могут сделать. Все остальное или оскорбляет их, будучи выше их разума, или вызывает смех как вещь бредовая; кроме того, если вы полагаете, как и следует, единственными основаниями хорошей литературы благородство души и свободу мысли, то навлекаете на себя ненависть всех тех, чья жизнь и чьи писания исполнены подлости и раболепия, а также всех тех, кто платит им за это унижение, ибо и те, и другие чувствуют, что их презирают. Таким образом, что бы вы ни говорили, вашей правдой, часто бесполезной, вы неизбежно наживаете себе врагов. Тем не менее я решил поверить голосу моей совести, который твердит мне, что намерение быть полезным всем, не вредя никому, будет ясно видно по незамысловатой простоте этого сочинения и что такое намерение дает мне право предпринять этот труд: ибо я уверен, что никогда не пожелаю ни богатства, приобретенного ценой свободы, ни дружбы государей и вельмож, или приближения к ним, ни похвал отдельных лиц, ни зачисления в какой-нибудь музей⁴ академию или другое ученое братство, ни, наконец, никаких королевских или литературных премий; ибо я твердо решил никогда не находиться там, где мысль не свободна, не знать иного водителя, кроме разума, иного предупреждения, кроме требования справедливости, иного покровителя, кроме закона. Я смогу, насколько мне позволяют мои способности, искать правду, не таясь, найти ее, не затемненную предрассудками, коих у меня нет, и сказать ее так, что ни корысть, ни расчет, ни опасения не уменьшат моей искренности и не заставят меня молчать. Я не пожелал даже, чтобы более достойные соображения остановили мое перо. По этой причине я воздержался от дружбы с некоторыми честными, заслуженными людьми, другом коих быть почетно, а слушателем — полезно, поскольку иные обстоятельства или отличные от моих понятия заставляют их поступать или думать иначе, чем я. Дружба и непринужденная беседа требуют по меньшей мере совпадения принципов. Без этого бесконечные диспуты вырождаются в ссоры и приводят к озлобленности и взаимной неприязни. Кроме того, мне было бы горько предвидеть, что мои

друзья с неудовольствием прочтут то, что я всегда собирался написать. Потому у меня оставалось только это средство избежать, написав то, что я хотел, упрека в коварстве и неблагодарности; ибо одно из двух: или дружба препятствует вам сказать то, что вы считаете правдой, или, если вы всегда говорите правду, вас обвиняют в неучливости и называют человеком невыносимым, грубым, над которым общество не властно, а дружба не имеет никаких прав.

Таковы мотивы и цель этого сочинения. И поскольку то, что хорошо сказано в двух словах, нельзя сказать лучше в трех, а хорошая книга — не та, что говорит все, но та, что заставляет много думать, я лишь изложу мои основные идеи, не развивая их до конца; я дам читателю возможность самому додумать многое: и, охотно ограничив себя пределами моих способностей, я изберу стиль не приукрашенный, но ясный; буду не страстным и увлекательным, но понятным и убедительным; буду стремиться не столько к блестящему и многословному красноречию, сколько к энергичной и содержательной краткости: и я буду доволен, если этот труд покажется скорее слишком сжатым, нежели слишком длинным и если достойные мыслители одобряют его цель, тон и принципы; если моя лаконичность породит в них некоторые сожаления, а мое сочинение побудит их создать нечто более прекрасное и если они скажут, что к моему труду можно многое добавить, но невозможно что-либо из него изъять.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ СТАНИСЛАВУ-АВГУСТУ,
КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ,
ВЕЛИКОМУ ГЕРЦОГУ ЛИТОВСКОМУ

Сир

Г-н Маццей вручил мне медаль — почетный дар Вашего Величества. Он также дал мне знать, сколь благосклонно Вы отнеслись ко мне, сочтя достойным перевода на польский язык мое сочинение “Уведомление французам”, опубликованное несколько месяцев тому назад*.

Мое радостное удивление можно сравнить с моей почтительной благодарностью. Уже давно внимательно следя за всем, что совершается на земле ради победы разума и улучшения человеческого рода, я не остался равнодушен и к тому, что происходит в Польше, и мне хорошо известны характер Вашего Величества и ценность подобной поддержки для честного человека. Поэтому должен признаться, что надпись на медали не может не внушать мне чувства некоторой гордости, ибо она напоминает мне, что только чистота выраженных мною принципов и страстное желание быть полезным доставили мне эту честь и побудили Вас отыскать в толпе неизвестного Вам человека, чтобы почтить его

* “Сочинение г-на де Шенье, — писал король Польши¹, — показалось мне столь рассудительным, столь благоразумным, столь способным успокоить возбуждение, царящее в его стране, и столь подходящим для любой другой страны, что я велел перевести его. Полагаю, что приложенная медаль будет достойным свидетельством моей высокой оценки этого произведения и моего уважения к его автору” (примеч. Латуша).

столь лестными знаками Вашего одобрения. Вы, Ваше Величество, приветствовали пожелания и разделили озабоченность человека, для которого не может быть счастья до тех пор, пока он не увидит Францию спокойной и мудрой; который вздохнет с облегчением, как только все люди познают всю полноту своих прав и обязанностей; которому причиняет боль отстаивание каждой группкой своей правды, защита законнейших прав нечестными, насильственными средствами и который хотел бы, наконец, чтобы утверждение своей правоты проходило благоразумно.

Если опубликованное мною с такими намерениями сочинение, каким бы оно ни было, переживет породившие его обстоятельства (а не исключена возможность, что память об оказанном Вашим Величеством предпочтении поспособствует ему в этом), тогда то обстоятельство, что подобный труд снискал благосклонное внимание коронованной особы, явится одной из ярких черт, характеризующих наш век, нашу эпоху. Но эта деталь, конечно, будет едва заметна в картине жизни человека-государя, вся жизнь коего, одушевленная единым стремлением, станет чередой усилий, ведущих людей, его сограждан, к здоровым общественным установлениям и возвышающих их до состояния свободы; который, намереваясь заложить или укрепить у себя на родине основы справедливой и сильной конституции, потратит на это столько же стараний, сил, энергии, сколько до сих пор их тратили короли на притеснение человеческого рода и увековечивание его рабства и позора. В одном из мифов рассказывается нечто подобное о Тесе^е²; а если бы историки древности добавили к его имени имена еще одного—двух царей, приписывая и им эту божественную мысль даровать людям счастье, дав им свободу, и добровольно ограничив свою власть точными пределами закона и общественного благополучия, зрелище всего, что происходило на протяжении веков в нашей Европе, заставило бы нас отнести труды этих историков в раздел легенд. Но такая недоверчивость уже не позволительна для тех, кто в наши дни обращает свои взоры к Польше.

Я бы плохо отблагодарил за делающую мне честь благосклонность Вашего Величества, если бы стал здесь досаждать Вам похвалами — те, кои таковые заслуживают, не любят, когда им их говорят в лицо. Полагаю, впрочем, что государи, способные задумать и осуществить столь прекрасные дела, наслаждаются в душе удовлетворением, намного превосходящим похвалы. Кроме этой внутренней убежденности что еще может порадовать Вас, если не полный успех Ваших гуманных и благотворных идей, если не сладостное удовольствие услышать в один прекрасный день признание всех поляков, что их счастье — дело Ваших рук? И, конечно, Вашей заслуженной наградой было бы и то, если бы Ваш благородный пример на Ваших глазах принес плоды в других странах и если бы ему стали подражать все государи. Да будет этот последний успех Вам столь же обеспечен, как и благословение современников и потомков!

Прошу, Ваше Величество, благосклонно принять выражение моего почтения и моей признательности, и самые горячие пожелания Вашего благополучия, которое Вы неразрывно связали с благополучием Вашего замечательного народа.

Париж, 18 октября 1790 г.

ГИЙОМУ-ТОМА РЕЙНАЛЮ*¹

Национальное собрание еще не успело почтить память Вольтера³, как уже на следующий день ему было сообщено о вашем письме. Оно, конечно вызвало живой интерес у всех тех, кому дорога конституция и кто знает об истоках революции, которой мы конституцией обязаны. Хотя все граждане стараются не прерывать работу Собрания, когда им нечего от него требовать, и Собранию, и всем гражданам было ясно, что для вас можно сделать исключение; что оно может уделить несколько минут вашему обращению; ваше благородство и достоинство не оставляли сомнений в том, что вы обладаете этим особым правом и умеете им пользоваться.

Вольтер, Монтескье, Руссо, Мабли⁴ ушли из жизни до того, как произросли семена, посеянные ими в умах. Вы же, вместе с ними прокладывавший пути свободы, — вы живы; следуя примеру тех изобретательных сообществ⁵, в которых старцы, пережившие своих собратьев, наследуют все их имущество, мы охотно отдавали вам обильную дань признательности и почестей, которую можем отдать только праху остальных великих людей.

Вы обещали Собранию строго судить его; и это обещание, делающее честь и вам, и ему, вызвало еще большее чувство удовлетворения и доверия. Никто не сомневался в ваших принципах, это значило бы оскорбить вас. Те, кои прилежат чтению, вспоминали в особенности помещенное в книге, составившей Вашу славу (том 2, страница 407), обращение к королю, которое потомство сможет рассматривать как сбывшееся пророчество или как историческую картину трудов Национального собрания: так точно вы описываете его действия, и направлявший их дух, и абсолютную необходимость свершить то, что оно свершило. Но во время такой огромной и ускоренной работы невозможно было ему не упустить или не исказить много важных вещей, кои, между тем, могут не привлечь внимания заурядных зрителей: вот почему все ждали от вас или нового развития принципов, разделяемых вами и им, или новых взглядов на политическое устройство страны, или указания на новые средства осуществления этих принципов, словом уроков, кои научили бы всех граждан уважению законов и повиновению им, а законодателей — искусству составлять законы, достойные того, чтобы им повиновались.

Каково же было всеобщее удивление, когда все убедились, что текст, представленный от вашего имени, от имени человека, некогда советовавшего королю сделать доброе дело, проведя коренные и жесткие реформы, не считаясь с протестами и ропотом, содержит только пустые жалобы, расплывчатые и всем приевшиеся разглагольствования, что в нем нет ни одной глубокой мысли, ни одной полезной идеи! Каково же было удивление от того, что вы заговорили тоном ваших давних преследователей, что вас могут считать другом и союзником те, кто некогда отзывался о вас лишь в оскорбительных выражениях, на которые они и им подобные не скупились в отношении всякого, кто ненавидел фа-

* Монитер², 5 июня 1791 г. (примеч. Латуша).

натизм и тиранию и желал счастья человеческому роду! И это братание исходит не от них, ибо это не они переменяли свой образ мыслей и заговорили другим языком.

Кто мог когда-либо ожидать, что вас придется отнести к числу хулителей Декларации прав? То, что не желающие задуматься люди беспрестанно смешивают честные принципы с их гнусными и сомнительными истолкованиями, что они видят в утверждении прав человека причину крайностей, наиболее ущемляющих эти права и во имя их наказуемых, это еще ладно: но вы! вы! как вы можете считать источником хаоса и беспорядков в стране акт, который, будучи в состоянии один обеспечить права и свободу всех, может один явиться основой прочного общественного устройства! Ведь невозможно представить, что вы обвиняете Собрание в том, что оно наделило людей правами, коих они в действительности не имеют. Чего же вы требовали для американцев, если не прав человека? Что еще нашли вы в книге Пейна (*о здравом смысле*)⁶, которую хвалили и цитировали, если не проповедь прав человека? И на что указывали вы европейским народам, чтобы они устыдились рабства негров, если не на права человека? По этому поводу вы выступали со страстными и красноречивыми, хотя, быть может, и не очень осторожными призывами. Вы громко зывали к освободителю, который вложил бы нож в руки этих угнетенных страдальцев; вы заранее называли его *героем, великим человеком*; вы *дрожали от радости*, предвидя день, когда поля Америки досыта упьются наконец-то кровью европейцев (том VI, страница 221). Что сказали бы вы о Национальном собрании, если бы оно заговорило таким языком?

Будем откровенны: как раньше вы публично каялись в том, что были аббатам, так и ныне вы словно просите прощения за то, что исповедовали учение философов и даете понять, что их рассуждения нельзя воспринимать буквально. Но это-то и должно заставить потупить взор ваших настоящих друзей. Им должно быть больно от того, что в конце пути — а его сделала прославленным только ваша приверженность философии — вы, похоже, отрекаетесь от ваших столь почитаемых достижений и своим авторитетом оказываете поддержку тщеславному и спесивому невежеству, этому всегданнему врагу свободных и пытливых людей, которое не преминет сделать свой обычный вывод: “Зачем слушать всех этих философов? Их призывы к человечности, свободе и справедливости — не более чем пустые мечтания, они сами не верят ни одному своему слову”.

Преступления нескольких бандитов, воспользовавшихся неизбежной анархией в стране, заставили истекать кровью сердца всех честных людей. Но вам ли было обвинять за эти преступления Национальное собрание в полном составе? Как! разве когда вы с такой силой, так пламенно воспевали, призывали свободу, разве вы не знали, что приход свободы, особенно там, где народ развращен долгим рабством, всегда сопровождается временными беспорядками и бедами?⁷ А если ваши друзья отвечают, что вы этого не знали, то какое же это жалкое оправдание для человека, всю свою жизнь посвятившего — чему же? — историческому сочинению, то есть вещи, которая из всех произведений ума наиболее предполагает зрелость суждений, углубленное знание всех событий прошлого,

их причин и следствий, наиболее требует обладания этими качествами. История — это не риторическая декламация. Великий историк — это государственный муж с пером в руке, особенно тогда, когда, прекрасно зная, что история не может не быть *философической* и *политической*, он тем не менее пишет эти два слова на фронтисписе своего труда и самым этим пышным заглавием обещает читателю именно тщательнейшее исследование всех основ общежительного искусства и благополучия человеческого рода.

Положение церкви во Франции также исторгает у вас слезы. Я горжусь своей принадлежностью к тем, кто, не питая почтения ни к какой коллегии священнослужителей, какую бы веру они ни исповедовали, все же предпочел бы, чтобы перемены в тех или иных областях не доставляли беспокойства людям и кто с большой радостью увидел, что Национальное собрание в связи с постановлением департамента Парижа⁸ вернулось, насколько это было в его силах, на стезю твердого разума. Но даже если рассматривать этот вопрос с самой неблагоприятной точки зрения, то что мы увидим? Одно духовенство вынуждено уступить место другому духовенству, но при этом получает пенсию, коей очень многие могут быть довольны. Я не понимаю, почему такая участь кажется вам столь плачевной, вам, который некогда с такой горечью описывал нам источники церковного имущества, вам, который имел смелость сказать нам (том VI, страница 203): “Если бы эта религия продолжала существовать, не следовало ли бы раздавить ее служителей под обломками их алтарей?” И в другом месте (том 10, страница 145): “Если бы в каком-нибудь уголке страны собрались шестьдесят тысяч граждан, связанных этими обетами (*целомудрия, бедности, послушания*), то что бы оставалось делать государю, как не явиться туда с достаточным числом вооруженных кнутами стражников и не крикнуть им: Выходите, негодные бездельники, выходите, отправляйтесь на поля возделывать землю, отправляйтесь в мастерские, пополняйте ряды солдат”)? Можно привести страниц двадцать из вашей книги — и все в этом тоне, далеком, если исходить из понятий, разделяемых лучшими умами, от гуманности и от исторической беспристрастности.

Столько разительных противоречий приводят в замешательство многих истинных почитателей вашей славы, а я решительно принадлежу к их числу, уверяю вас. Что смогут они ответить тому, кто станет судить о вашем шаге с точки зрения той значительности, которую ваша известность придает всем вашим поступкам? Он заметит, что в течение последних целых двух лет, когда непрерывно обсуждались важнейшие для всех нас вопросы, затрагивающие судьбу государства, вы ни разу не представили родине плодов ваших бдений и трудов; вы ни разу не предложили Национальному собранию помощи: не помогли преодолеть возникшие перед ним трудности, не посеяли в его среде и не разрешили никаких сомнений, не оградили его от ошибок, не указали ему на опасность: именно в тот момент, когда мы готовы придать важность жалким церковным раздорам, когда несколько злодеев и безумцев похваляются, правда, чрезмерно, своими кровавыми замыслами; когда смутьяны и бунтовщики из всех партий не щадят сил для расшатывания рождающегося здания государства и развенчания законов, под сенью коих мы должны жить, именно в этот момент появляется ваше письмо. Не кажется ли вам, что такое обращение, появившееся при таких об-

стоятельствах, обманным путем вынудили составить вас, воспользовавшись вашим преклонным возрастом, с намерением подкрепить смертоносные планы авторитетом вашего имени и добиться того разгула беспорядков и анархии, на который жалуется и вы и все честные люди. Ваше письмо, несомненно, может произвести этот эффект и я спрашиваю, не беспокоит ли вас эта мысль и считаете ли вы подобный успех достойным почтенного старца?

Я далек от странной претензии давать вам советы; но я не могу воздержаться от некоторых размышлений, в частности о том, какой прекрасный случай представился аббату Рейналю еще раз послужить делу свободы и прославить свое возвращение в город, куда ему некогда закрыл вход суверенный деспотизм. Ему удалось бы все это, если бы он в точности выполнил обещание, данное от его имени Национальному собранию, если бы он подверг труд наших законодателей основательному, критическому разбору, беспристрастному и далекому от угодничества, такому, какой от него и следовало ожидать. Он не стал бы повторять, что вместо того, чтобы ограничиться реформами, устраняющими злоупотребления, все разрушено до основания: он рассудил бы, возможно ли это, могут ли быть постепенно и поочередно реформированы многочисленные старые, насквозь прогнившие институты, очень тесно связанные между собой и глубоко укорененные в самих привычках людей и в общественном мнении; он поздравил бы человеческий род с Декларацией прав человека, с этим поистине величественным актом, с этой нестираемой хартией, которую уже невозможно уничтожить; он проследил бы, сравнил, какие выводы сделало из нее Национальное собрание, их взаимосвязь и взаимовлияние; он высветил бы, свел воедино, уточнил и, наконец, взвесил бы все те разного рода препятствия, кои Собранию пришлось преодолеть; он укрепил бы его волю, воодушевил бы его, ободрил. А затем перешел бы к рассмотрению его ошибок, показал бы их причины и способы их исправления; осудил бы личные пристрастия, кои порой шли вразрез с общими интересами; изобличил бы лицемеров-роялистов и лицемеров-патриотов; сочетал бы с похвалами и упреками ясные оценки и осмотрительные, опирающиеся на знание людей и вещей советы, — и при этом все изложил бы с той благородной простотой и величавой серьезностью, что достойны темы и достойны истины.

Или я ошибаюсь, или написанное в таком духе письмо было бы не менее достойно сильной и гордой души, более полезно для общего дела и больше содействовало бы вашей славе. И Национальное собрание, только терпеливо выслушавшее адресованное ему вами письмо, Национальное собрание, которое нельзя обвинить в недостаточности почестей, оказываемых прославленным гениям, выслушало бы ваши наставления, основанные на опыте и учености с благодарностью за ваше радение о нуждах страны и с уважением, коего достойны ваш возраст и ваши таланты.

Вот какие размышления вызвало у меня ваше письмо к Национальному собранию. Кое-кто из читателей осудит меня за то, что я осмелился вам их изложить. Они посмеются, увидев в заголовке⁹ мое безвестное имя рядом с вашим прославленным; такая несоразмерность, конечно, вызовет у них немало острот. Охотники до подобных комментариев всегда находятся, ведь эти шуточки те-

шат самолюбие и заменяют ответ у того множества людей, что тратят на них немного умственных усилий или вовсе не тратят таковых.

Вы поступили как свободный человек, высказав Национальному собранию ваше мнение; я поступаю так же, высказывая вам свое. Я говорил с вами не на языке той или иной партии. Те немногие люди, которые со мной знакомы, знают, что я никогда не принадлежал ни к одной из них, что я ничего не делал, чтобы кому-нибудь понравиться, что я никому не стану слепо служить и что пламенное желание счастья всем людям — единственная страсть, которую я вношу в политические дискуссии. Не усматривайте в особенности в моей откровенности никакого намерения Вас оскорбить. Каковы бы ни были ваши и мои взгляды, я не забываю мудрого и человечного завета древнего законодателя¹⁰: “Встань, дабы почтить седины и окажи уважение старцу”. Надеюсь, что автор письма к Национальному собранию простит мне, что я осмеливаюсь цитировать Моисея автору “Философической истории”.

О ПРИЧИНАХ БЕСПОРЯДКОВ, ВОЛНУЮЩИХ ФРАНЦИЮ И ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ УПРОЧЕНИЮ СВОБОДЫ*

Общество друзей конституции², заседающее у якобинцев, часто рассматривает, как это можно видеть из дневника его заседаний³, средства установления и обеспечения спокойствия в Париже и во всем королевстве. Хотя я никогда не был членом этого общества и даже никогда его не посещал, на этот раз я от всего сердца присоединяюсь, как и всякий честный гражданин, к его пожеланиям; и коль скоро, чтобы найти целебное средство, надо знать истинный источник недуга, я, не останавливаясь на некоторых частных и временных причинах нестроений, неизбежных при установлении нового порядка вещей, укажу лишь на то, что мне представляется основной и всеобщей причиной волнений и беспорядков, будоражащих нас вследствие революции, за которую человеческий род когда-нибудь принесет Франции багодарность.

В самом центре Парижа существует многочисленное сообщество, устраивающее частые собрания, открытые для всех патриотов и тех, кто слывят таковыми, неизменно управляемое видимыми и невидимыми руководителями; они часто сменяют и охаживают друг друга, но все имеют одну цель — властвовать и одушевлены одним стремлением — властвовать любыми способами. Это общество, образовавшееся в тот момент, когда свобода, хотя ее победа уже не вызывала сомнений, еще не была упрочена, естественно привлекло большое число встревоженных граждан, движимых пламенной любовью к правому делу. Многие обладали в большей степени заслугами, нежели знаниями. В это общество проникло и множество лицемеров, множество людей, погрязших в долгах, не имеющих занятий, нищих бездельников, каковые надеялись извлечь выгоду из ожидаемых перемен. Несколько честных и благоразумных людей, знающих,

---

* Журналь де Пари¹, 26 февраля 1792 г. (примеч. Латуша).

что в хорошо управляемом государстве все граждане не должны предаваться общественной деятельности но все должны заниматься своими домашними делами, вышли с тех пор из этого общества; стало быть, оно в значительной степени состоит из нескольких ловких игроков, подстерегающих случаи и пользующихся им, из находящихся у них в подчинении интриганов, у которых жадность и привычка строить козни заменяют разум, и из большого числа честных, но невежественных и ограниченных любителей праздности, которые неспособны ни на какой злой умысел, но могут служить, сами того не ведая, орудием чужих махинаций.

Это общество породило бесконечное множество себе подобных: ими полны города и веси; почти все подчиняются головному обществу, поддерживая с ним активную переписку. Оно составляет мощную корпорацию внутри Парижа и является главою еще более обширной корпорации, распространившейся по всей Франции. Так Римская церковь *насаждала свою веру* и управляла миром через монашеские конгрегации.

Интересующая же нас конгрегация была задумана и создана два года назад людьми, пользовавшимися очень большой популярностью; они прекрасно видели, что это прекрасное средство увеличить ее, но не поняли, насколько такое орудие опасно и грозно. Пока они управляли этими обществами, все их ошибки казались им восхитительными; когда же подложенная ими же мина низвергла их с высоты, они начали проклинать крайности, ставшие для них невыгодными, и ныне, изрекая истину, но не став умнее, присоединяются к порядочным людям, проклиная свое детище, но порядочные люди не желают иметь с ними ничего общего.

Члены этих обществ разглагольствуют перед аудиторией, составляющей их силу; и если учесть, что люди занятые не пренебрегают своими делами, чтобы стать свидетелями клубных дебатов, а люди просвещенные ищут кабинетного уединения или мирных бесед, а не беспорядочных воплей этих шумных сборищ, легко понять, кто же обычно составляет их аудиторию. Легко понять и то, какой язык способен обеспечить ее благосклонность.

Достаточно было простой двусмысленности. Поскольку конституция основана на той извечной истине, каковой является *верховенство* народа, нужно было только убедить публику, занимающую клубные трибуны, что она-то и есть *народ*.

Это определение почти повсеместно принято публицистами, производящими на свет газеты. И несколько сотен бездельников, собравшихся в парке или театре, или сборище бандитов, грабящих лавки⁴, бесстыдно называются *народом*; и самые наглые деспоты никогда не слышали от самых алчных придворных более подлой и тошнотворной лести, чем те грязные восхваления, каковые двум или трем тысячам узурпаторов верховной власти нации ежедневно расточают писатели и ораторы, принадлежащие к этим будоражащим Францию обществам.

Поскольку видимость патриотизма — единственная необходимая им добродетель, некоторые люди с подмоченной репутацией устремляются в их лоно, чтобы бешеными речами уверить в своем патриотизме: свои надежды на будущее и на то, что их прошлое забудется, они возлагают на яростные разглагольствования и на одержимую страстями толпу, искупая свой позор наглостью.

Там ежедневно отстаиваются мнения и даже принципы, угрожающие благосостоянию и собственности каждого. Промыслы и торговля изображаются как преступления и получают названия *скупки* и *перепродажи*. Всякий богатый человек слывет там врагом общества. Тщеславие и алчность не щадят ни чести, ни репутации человека, и самые отвратительные подозрения, разнузданная клевета называются *свободой мнений*. Тот, кто требует доказать обвинение, становится подозрительным и врагом народа.

Там всякая нелепость вызывает восторг, лишь бы она была смертоносной; всякая ложь допустима, лишь бы она была чудовищной. Туда приходят и женщины затем, чтобы рукоплескать конвульсиям кровавого безумия.

Учение, согласно которому всякий донос, соответствующий истине или ложный, — вещь всегда похвальная и полезная, там не только практикуется, но и проповедуется — во всяком случае как то, что иезуиты называли “вероятное суждение”. Положим, некто произносит речь⁵, полную инвектив и позорных, неподкрепленных доказательствами обвинений, при всеобщем воодушевлении принимается решение эту речь напечатать; когда же затем автора спрашивают, почему он не опубликовал ее в том виде, в каком она была произнесена и почему он убрал некоторые из блистательных разоблачений, составивших ее успех, он отвечает с откровенностью, украшающей его не меньше, чем участников того собрания, на котором он председательствовал, что в глубине души он был не уверен, что все сказанное им действительно правда, и что он предпочел не подвергать себя опасности судебного разбирательства.

Там иногда нападают и на виновных, причем с такой яростью, ожесточением и коварством, что эти люди начинают казаться невинными.

Там выдаются патенты, свидетельствующие о патриотизме. Все члены и друзья этих конгрегаций являются добрыми гражданами; все же остальные — злонамеренными. Одно только вступление в эту корпорацию, подобно крещению Константина, очищает от всех преступлений⁶, искупает кровь и убийства. Авиньонские чудовища⁷ нашли там друзей и ревностных защитников.

Эти общества, словно взявшиеся за руки, образуют своего рода электрическую цепь, опоясывающую всю Францию. В один и тот же миг во всех уголках страны они одинаково возбуждаются, издают одинаковые вопли, копируют действия друг друга, каковы бы им, конечно, нетрудно заранее предугадать.

Их бурная деятельность повергла правительство в ужасающее оцепенение: в первичных или выборных собраниях их интриги и козни, их скандальные выходы заставили бежать множество порядочных людей, чья слабость все же весьма предосудительна. Имена подлецов замарали некоторые списки народных представителей. Повсюду судьи и все должностные лица, не являющиеся агентами и ставленниками этих обществ, становятся их врагами и объектами их преследований. Узурпируя даже формы общественной власти, они то устремляются в суд и прерывают его заседание, то вынуждают представителей муниципалитетов являться к ним и получать их приказания; не раз они осмеливались вломиться в дома граждан, обыскать их, предать суду, приговорить к наказанию или оправдать. Неповиновение законным властям находило у них покровительство и поддержку. Всякий, называющий себя патриотом,

если он попрал законы или оскорбил его представителей, торопится похвалиться в этих обществах своими подвигами. Некоторые делают предметом гордости не только свои преступления, но и судебные постановления, справедливо их осуждающие. Всякий уволенный со службы, бывший в положении подчиненного клеветник, оказывается жертвой своего патриотизма; всякий мятежник, взбунтовавшийся солдат может требовать у них венок за свою гражданскую доблесть; всякий же человек, облеченный властью, оскорбленный или преданный смерти, оказывается виновным. В то время как свора беглых мятежников, поддерживаемая нашими недоброхотами за границей, готова объявить нам войну, они указывают на армейских генералов как на опасных предателей. Тот, кто хочет исполнять законы, изобличается в их клубе, и в публичных местах, и даже с трибуны Национального собрания и именуется скверным гражданином и контрреволюционером.

При этом они сами неустанно жалуются на неисполнение законов. Каждый день затрудняя деятельность правительства, они каждый день обвиняют его в бездействии. Каждый день они взывают к конституции и каждый день их речи и поведение оскорбляют ее, каждый день из их среды излетает целый рой жалобщиков, чьи петиции, полные бешеных и глупых нападок на конституцию, сотрясают своды, под сенью коих конституция была создана.

На глазах у всей Франции они принимают депутации, которые, словно ни законодательное собрание, ни суды, ни исполнительная власть не существуют, обращаются к ним с требованием или принять закон, или возместить какой-либо ущерб, или заменить должностных лиц.

А когда страдание и гнев возмущают все умы, они сами кричат громче, чем кто бы то ни было, осуждая беспорядки, ими же спровоцированные и продлеваемые; они обвиняют в содеянном ими всех, кого преследуют; и, разом сбросив маску, они вооружаются в самом центре Парижа, не скрывая своей подготовки к войне. Наконец, на юге Франции они дерзнули заставить один город за другим пообещать им вооруженную поддержку в случае, если общественная власть попытается вернуть их к обязанностям подданных закона.

Отчеты о заседаниях всех административных органов, и самого Национального собрания, все газеты, а в особенности произведенные в недрах этого общества, наконец, глаза и совесть всей Франции, от которой ничто не может быть утаено, засвидетельствуют истинность нарисованной мною отвратительной картины. Вот в какой хаос повергли они страну, имеющую конституцию. Вот как, запугав или приведя в уныние, они заставили замолчать людей достойных и честных; и человек с искренним и справедливым сердцем (ибо только такой и свободен), пораженный контрастом между тем, что ему обещали и тем, что он видит, потрясенный зрелищем того, что, с одной стороны, существует конституция, а с другой те, которые именуют себя друзьями конституции, что, с одной стороны, существуют законы, гарантирующие ему защиту, а с другой — люди, говорящие громче, чем закон, со стоном возвращается в свое уединение и хотел бы еще надеяться, что царство законов и разума наконец-то осчастливит землю, где угнетают во имя равенства и где эмблема свободы служит всего лишь печатью, удостоверяющей волю нескольких тиранов.

Конечно, весьма удивительно, что все эти вещи остались до такой степени неизвестными одному из членов Национального собрания⁸, что он недавно высокомерно потребовал, чтобы ему привели примеры крайностей этих обществ, столь неудачно названных *патриотическими*; и, должно быть, этот невероятный вызов действительно глубоко поразил Собрание, раз все его члены не встали дружно со своих мест, чтобы дать ему удовлетворительный ответ, приведя тот прискорбный перечень содеянного этими обществами, который я только что представил.

Недавно под именем одного из наших магистратов⁹ появилось послание, показавшее мне довольно пустым; другие расценили его как вредоносное. Они увидели в нем желание услужить наиболее враждебным общественному благу группам заговорщиков, оправдать самые неслыханные, антиобщественные страсти и вооружить всех тех, у кого ничего нет против всех тех, у кого есть хоть что-то. Но хотя я не знаком с этим магистратом и слышу о нем похвальные отзывы людей, которые мне совсем не нравятся и которых я совсем не уважаю, я тем не менее не усматриваю ни в его поведении, ни в его послании ничего, что позволило бы мне разделить подобные подозрения. Как бы то ни было в этом письме в разных местах и на разные лады утверждается, что *буржуазия* уже не так *привержена революции*. Если этот важный факт — правда, то, мне кажется, он должен был бы навести нашего магистрата на иные размышления, нежели те, что содержатся в его письме. Он должен был бы учесть, что этот класс, который он определяет словом *буржуазия*, будучи равно удален от пороков, порожденных изобилием и от пороков, порожденных нищетой, от расточительной роскоши и крайней нужды, и составляет по существу массу подлинного народа во все времена и во всех странах, где в употребляемые слова вкладывается смысл; что этот класс — самый умеренный, самый благоразумный, самый деятельный, и ему в высшей степени свойственно все то похвальное и доброе, источником чего является честный промысел; что если весь этот класс выражает недовольство, то следует поискать какой-то скрытый изъян в законах или в управлении государством. Законы, обеспечивающие равенство людей, открывающие самую широкую и свободную дорогу всякого рода деятельности; законы, несмотря на несовершенства, коих не может избежать никакое дело рук человеческих, все же имеющие четкое назначение — заложить основы согласия и счастья всех исходя из интересов каждого, эти законы явно не могут быть причиной их недовольства. Стало быть, либо правительство препятствует их исполнению, либо не имеет силы привести их в действие. Если бы наш магистрат взглянул вокруг, если бы он увидел бессильные суды, лишенных власти и доверия административных лиц, всю Францию, обеспокоенную состоянием своих финансов, размером своего долга, контрибуциями, угрозой, нависшей над общественным достоянием и как следствие — частных лиц, озлобленных тем, что станет с их личным имуществом; недоверие и страх, пресекающие или расторгающие торговые сделки, вполне законные торговые операции, ставшие опасными; десятки попыток таксации цен¹⁰ на продовольствие и неизбежный результат всего этого: обесцененные бумажные деньги; если бы он увидел все это, тог-

да он, не колеблясь, признал бы правоту того большого количества недовольных, которое постоянно возрастает. Затем он попытался бы выяснить, откуда происходит это столь невероятное ослабление всех структур власти, и этот страх добропорядочных граждан, и эта дерзость злонамеренных: сомневаюсь, что взгляд его отыскал бы что либо иное, кроме тех обществ, в которых бесконечно малое число французов кажется очень большим, потому что они сплочены и громко кричат.

И тогда, сравнивая деятельность и организацию этих обществ с теми понятиями, кои он должен иметь о свободном и хорошо устроенном государстве, он, полагаю, заключил бы вместе со мной и со всеми читателями, если только они не принадлежат к числу этих корыстных мошенников или к числу неспособных рассуждать безумцев, что доколе действуют эти общества, организовать и упрочить управление государством совершенно невозможно; что эти клубы были и будут губителями свободы; что они уничтожат конституцию, что у бесноватой орды из Кобленца нет более надежных союзников; что их роспуск — единственное средство исцеления недугов Франции и что день их гибели станет днем всеобщего празднества и ликования. Они повсюду кричат, что отечество в опасности. К сожалению, это совершенная правда и это будет правдой до тех пор, пока они существуют.

ИЗДАТЕЛЯМ “ЖУРНАЛЬ ДЕ ПАРИ”

27 марта 1792 г.

Амнистия, совершенно необходимая после того, как улягутся волнения, вызванные революцией, во время которой накаленные страсти выходят за пределы должного и приводят к появлению массы виновных, хотя не все они — преступники, только что вернула свободу швейцарским солдатам из полка Шатовье¹; и поразительным следствием этого события является пышный триумф, с которым городские власти Парижа принимают их в свои объятия.

Римляне выгравировывали на меди подвиги полководцев, удостоенных триумфа, их права на эти великие почести, делавшие славу наградой доблести и на благо общему делу воспламенявшие сердца граждан жаждой состязания.

Представим, что парижская ратуша последует их примеру: тогда те, кто станет свидетелем этого величественного въезда, прочтут на триумфальной колеснице:

«За вооруженный мятеж и нежелание повиноваться декретам Национального собрания, призывавшим их к исполнению своего долга.

За обвинение в тягчайшем преступлении против нации согласно декрету Национального собрания от понедельника 16 августа 1790 г.

За ограбление полковой кассы.

За эти произнесенные памятные слова: “Мы не французы, мы — швейцарцы, нам нужны деньги”.

За обстрел национальной гвардии Меца и других населенных пунктов, гвардии, атаковавшей Нанси согласно декретам Национального собрания».

Генерал Буйе² обманул всю Францию и ее представителей. Очень немногие верили в его любовь к равенству и к новым законам, но все верили, что он достаточно смел, чтобы нарушить клятву, которой не хотел быть верен. Но только швейцарские солдаты проникли в его злые умыслы. Они рассудили, что ему недалеко до предателя и клятвопреступника. Поэтому они восстали против него, когда он подчинялся закону, предвидя, что в один прекрасный день он сам восстанет против закона; и полковую кассу они захватили из опасения, как бы эти деньги, попав в руки менее чем они патриотически настроенного генерала, не послужили контрреволюции. Поскольку генерал Буйе оказался малодушным и коварным врагом родины, ясно, что те, кто стрелял в него и во французских граждан, посланных в его распоряжение декретом Национального собрания, — никто иные, как превосходные патриоты.

В любом судебном процессе, в любом преступлении может быть только одна обвиняемая сторона. К примеру, если убитый оказывается негодяем, очевидно, что его убийца не может быть никем иным, как честным человеком.

Эти солдаты выпущены на свободу декретом, распространившим амнистию и на них. Поскольку амнистия означает забвение, само собой разумеется, что объявить о забвении проступков какого-нибудь человека значит дать понять, что этот человек не совершал проступков³ и заслуживает вознаграждения.

Когда в будущем события далекого прошлого смогут получить более взвешенную оценку, триумф швейцарцев из Шатовье предстанет как подлинная слава города и муниципалитета Парижа, затмит траурные почести, возданные этим самым городом памяти юного Дезиля⁴ и других национальных гвардейцев, убитых чувствемыми ныне патриотами-триумфаторами.

Этот день станет настоящим праздником для всех граждан, полагающих, что если существует соразмерность между преступлением и наказанием, такая же соразмерность должна быть и между заслугами и наградами, и что блистательные почести — справедливое воздаяние за гражданскую доблесть. Они сочтут также, что эти почести, коими осыпаны солдаты, обвиненные всего лишь в вооруженном мятеже, будут с необычайной легкостью способствовать установлению в войсках утраченной дисциплины.

Пики и колпаки⁵ не смогли ничего сделать. Понадобилась более грандиозная машинерия для того, чтобы собрать толпу зевак и взбудоражить тот самый город Париж, который, как ни стараются, проявляет странную неприязнь к анархии и поистине приводящую в отчаяние склонность к прочному порядку.

Кто-то спросит, зачем так часто писать против могучих и дерзких партий, ведь им от этого никакого вреда, а сам начинаешь слыть аристократом и т.п.

Отвечу, что действительно огромное количество людей рассуждают и принимают решения, будучи ослеплены страстями и при этом думают, что судят здраво; но люди сведущие не придают никакой цены их похвалам и нисколько не бьются задеты их оскорблениями.

Добавлю еще вот что: прекрасно, почетно и сладостно, говоря суровые истины, вызывать ненависть наглых деспотов, тиранизирующих свободу во имя самой свободы.

Когда всемогущие смутьяны, хмельные от алчности и спеси, оказываются низвергнуты вследствие своих собственных безумств, тогда их сообщники, их друзья, все им подобные втаптывают их в грязь⁶; порядочный же человек, аплодируя их падению, отнюдь не смешивается с терзающей их толпой. Но до тех пор, даже если пример смелой откровенности остается бесполезен, беспощадное изобличение алчных и попирающих правду мятежников — это удовольствие, вполне достойное честного человека.

ПОСЛАНИЕ ЛЮДОВИКА XVI ДЕПУТАТАМ КОНВЕНТА, СОСТАВЛЕННОЕ АНДРЕ ШЕНЬЕ

Господа,

Я безропотно предстал перед вашим судом; я с прямотою и простотою ответил на все ваши вопросы. Я не стал вдаваться в рассуждения о характере некоторых из этих вопросов, рассматривая их все как в равной мере способные показать мою прямоту и мою невиновность и не допуская мысли, что объяснения между мной и теми, кого французский народ признает своими Представителями, могут меня унижить, каким бы образом ни был проведен допрос. Я не прибег ни к извечным положениям, касающимся прав людей, и не воспользовался опубликованными даже многими из вас замечаниями, чтобы посеять сомнения в ваших полномочиях и потребовать в поддержку себе всех тех формальностей, которые являются необходимыми основами всякого судопроизводства, поскольку они одни могут защитить слабого и они одни могут доказать или по меньшей мере сделать вероятным то, что решение судей было продиктовано глубокой внутренней убежденностью, и что приговор действительно выражает требование справедливости, а не прикрывает насилие. Между тем, было очевидным, что эти формальности, столь необходимые во всех обычных судебных делах, быть может, еще больше необходимы в данном деле; ибо они были созданы лишь для того, чтобы служить преградой для всевластия и страстей. И разве не бесспорно, что проведенный вами процесс явился следствием необычных обстоятельств, которые, совершив переворот в понятиях и во всех многовековых институтах, и дав всему новые основания, неизбежно должны были пробудить все человеческие страсти? Аргументы, приведенные в оправдание отсутствия этих формальностей, сводятся к тому, что здесь, как и во всем остальном, вы являетесь лишь уполномоченными французского народа; что это он осудил меня, вы же лишь произносите его приговор. Я не оспариваю этих доводов и верю, что, объявив меня достойным смерти, вы думали, что действительно лишь выражаете мнение французского народа. Но я утверждаю, что вы ошиблись и что мнение французского народа совсем не таково. Те же причины, кои требовали самого строгого соблюдения в этом деле судебных формальностей, явно не позволяют, чтобы его рассмотрение ограничилось лишь первой инстанцией и чтобы приговор не подлежал обжалованию. К кому же обращаться с обжалованием

приговора, вынесенного уполномоченными народа, вершащими суд от его имени? К самому народу.

Господа, я обращаюсь к французскому народу, верховную власть которого я признал, приняв конституцию. Я прошу, чтобы было выслушано и его мнение; я прошу обсуждения им в письменной форме обвинительного заключения, составленного вами против меня. Я прошу, чтобы в назначенный вами срок все французские граждане в первичных собраниях подтвердили или отменили ваш приговор, выбрав между да или нет, и чтобы их опрос был тайным: ибо несерьезно было бы предполагать, что их мнение может быть свободным, если о нем пытаются узнать иным способом. Повторяю, я обращаюсь к французскому народу, с обжалованием приговора, вынесенного от его имени.

К этому шагу побуждает меня не желание продлить мои скорбные дни, хотя я был бы рад, уйдя в частную жизнь, показать французскому народу, что трон испортил меня не до такой степени, как их пытались убедить. Я думаю, что если оставить в стороне извечные требования справедливости, успех этого обжалования — в интересах чести нации и вашей собственной. Только тогда и вся нация, и вы, и я, и весь мир, и будущие поколения узнают точно, правда ли, что французы посягают на жизнь человека, который был их королем, который мог часто ошибаться, но который всегда стремился лишь обеспечить счастье своих сограждан, и, далеко не заслуживающий того, чтобы ему приписывали смертоносные планы и кровавые приказы, быть может, не оказался бы в том положении, в коем он находится ныне, если бы кровопролитие неизменно не вызывало у него отвращения. Полагаю, наконец, господа, что отказ в столь справедливой и простой просьбе вызовет — и больше у других, чем у меня — сомнения относительно беспристрастности вашего приговора.

Конец

ДОПОЛНЕНИЯ

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ АНДРЕ ШЕНЬЕ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК 1819 г. ИЛИ СУЩЕСТВЕННО ИЗМЕНЕННЫЕ В НЕМ

БУКОЛИКИ

* * *

Прекрасный гибнет Ксанф, и скорбная душа
Исходит нехотя с потоком крови алой.
Ему когда-то жизнь близ Иды даровала
Сошедшая с горы. На берегу рожден,
По имени реки он Ксанфом наречен.
Вдали от матери подкошен в поле ратном,
Он должником ее уходит неоплатным.
Светильник дней его, не разгорясь огнем,
Слабеет. Быстрого Аякса копием
10 Боец пронзен, поник главой отяжелелой,
И грянуло во прах трепещущее тело.

Диана

1

О, дева-лучница, как ни зовешься ты,
Приветствую тебя, богиня темноты,
Луна и Кинфия, Диана и Диктина,
Геката, Тривия, и Феба, и Луцина,
Владычица лесов, заливов и болот
И тайных жителей безмолвных гор и вод!
Быть может, на спине быка воссев просторной,
Придерживаешь ты свой пояс непокорный
Иль с факелом в руке, закутанная в ткань,
10 Золоторогую ты погоняешь лань.

2

- В долины шумные сойду, и встретит взор
Со свитою подруг Диану между гор.
На каждой рысий мех ее красу лелеет,
Грудь юная у всех открытая белеет,
И складками одежд шаги не стеснены,
Колени нежные у них обнажены.
Вот стали у ручья, на солнцепеке млея,
Прокрида светлая, Кирена, Антикля,
Все девы, как сама Диана, в глубь лесов
20 Готовые бежать с колчаном стрел на лов.
Богиня, я узрю полет их легких дланей,
Когда они спешат распрячь усталых ланей,
Узду золотую сняв, ведут их отдохнуть,
Цветами потчуют, поглаживают грудь.
Но если воли речных журчание и блики
Вас скинуть призовут легчайшие туники,
Богиня, я умчусь. Ведь девственный твой гнев
Ужасен, гибелен. И, скрыться не успев,
Гонимый сворою твоею голосистой,
30 Я над своей главой почую лес ветвистый.

3

Когда, тугой колчан проворно расстреляв,
Диана отдыхать ложится в тень дубрав,
Пес верный близ нее садится, часто дышит,
С нее не сводит глаз, все чутким ухом слышит
И пробужденья ждет богини в тишине.
И, если чистая шелохнется во сне
И руку близ него уронит безмятежно,
Он быстрым языком по ней проводит нежно.

4

- Когда Алфея брег и Эриманфа доли
40 Кортажа шумного блеск озарит веселый
Дианиных подруг, бегущих средь полян,
Взлетает на плече божественном колчан.
Прекраснее ее нет ни одной меж теми,
И высится чело богини надо всеми.
Взирает на нее Латона. Дивный вид
Законной гордостью грудь матери теснит.

* * *

Наперснице наяд, косматой музе кров
 Дриады темные дают в глуши лесов.
 Она, держа свирель, из дола в дол стремится,
 И воздух веселит певучая цевница.
 И криком радостным долины, воздух, луг
 На сладостный напев ей отвечают вдруг:
 То песен томных звук и музыки голос плавный
 Узнали нимфы вод, и пастухи, и фавны.
 И к ней со всех сторон слетаются толпой
 10 Дриады с белым лбом, увенчанным листвою.
 С раздвоенной стопой сатиры, фавн, сильваны,
 Пастушки, пастухи... В ладоши бьют, желанный
 Приветствуя приход. Бегут, зовут друзей,
 Певицу чествуют, толпятся перед ней,
 Пеняют на нее за долгую разлуку
 И вслед идут — внимать чарующему звуку.

* * *

Вы, пастухи, сюда за легкою козюю,
 За медленной овцой, под шерстью столь густою,
 Взошедшие на холм искать стадам травы,
 Несите для Мнаис, лежащей здесь — увы! —
 Цветы, возвращенные среди холмов долины, —
 Цереры мудрый дар и нежной Прозерпины.
 Когда-то девочкой она росла средь вас,
 Но на двадцатый год ее свершился час.
 Пускай услышу я над раннею могилой
 10 Блеяния овцы звук нежный и унылый,
 Пусть над холмом моим, спокойна и тиха,
 Заговорит свирель в дыханьи пастуха,
 Пусть житель этих стран с пришедшей вновь весною
 Цветы родимых рощ рассыплет надо мною
 И, сжав сосцы козы умелою рукой,
 Наполнит свой кувшин звенящею струей,
 Чтоб свежим молоком и пеною кипящей
 Был щедро орошен мой камень, здесь лежащий.
 Живые, мертвые, — соединяет вновь
 Воспоминанье нас и нежная любовь!

Дриант

1

“В путь! медлить нечего: гребцы уж на скамьях,
Прощайте же, пора!” У кормчего в руках
Тяжелый дрогнул руль, и пена забурлила,
И вздулось над бортом широкое ветрило.
Безумец! для чего он отвращает взор
От плачущей семьи — жены, детей, сестер?
Он всходит на корабль, он якорь поднимает,
Он чашу пенную до края наполняет
И возлияния морским богам творит.
10 Оборотясь назад, в последний раз глядит
На лица, бледные в минуту расставанья.
В последний раз гремят матросские прощанья.
Безумец! для чего советам он не внял
Остерегающим? зачем не угадал,
Что ветер осени, коварный и могучий,
Над дерзкой головой накапливая тучи
И темные валы вздымая перед ним,
Грозит ему в пути крушеньем роковым?

2

“О божества пучин! Главк, моряков защита!
20 Великий Посейдон! Благая Амфитрита!
Подайте помощь мне! Я гибну, не отплыв
Еще от берегов. Услышьте мой призыв —
И возвратите вновь меня домашним ларам.
Наш безрассудный челн разбит одним ударом,
Товарищи мои — добыча злым волнам.
О боги! предаю себя на волю вам”.
И он бросается, скользя стопой дрожащей,
В разверзнутую хлябь, в водоворот бурлящий,
Плывет, напору волн и ветру вопреки...
30 И белопенный вал на влажные пески,
Изнеможенного, облепленного илом,
Выкатывает вдруг его в объятья к милым.
Они бегут к нему, превознося богов,
Ликуют, слезы льют, и, жертву заколов,
Дань благодарности святой и непритворной —
Овечку черную приносят буре черной.

* * *

В ночи, в лесной глуши, пред нимфою бродящей
 Является сатир. Прочь убегая в чащи,
 Коварная из тьмы его морочит слух,
 И козлоногий вслед несется во весь дух,
 В болото темное — досадная помеха —
 С разгону падает, и лес звенит от смеха.

* * *

Всевидцы тайные, чей безупречен глаз,
 На стенки глиняных, стеклянных, медных ваз
 Перенести спешат сокровища природы
 И любят лишь свои долины, горы, воды.
 Прокрусты, варвары, владыки-хитрецы,
 Когда они берут послушные резцы,
 Беззвучно плачутся безвольные дриады,
 В границах тягостных безумствуют наяды,
 Узора линии отточены, строги,
 10 Каскады скованы, размерены шаги.
 Как Муза вольная, наивная, живая
 Родится здесь? Увы, так рощу покидая,
 Напрасно соловей под сенью легких кущ,
 Где вырезан аканф и вычеканен плющ,
 Хотел бы отыскать весенних песен звоны,
 Усладу и зари, и ночи благовонной.

* * *

О, Аполлон и Вакх, ваш лик не омрачен
 Щетиной жесткою, но юн и светел он.
 О, Аполлон и Вакх, из всех богов вы двое
 Нетленною одни сияете весною.
 И пряди светлые разметанных власов
 Под лезвием у вас не падали с голов.

* * *

На срезанный камыш, от взглядов в отдаленье
 Приди, мой друг, приляг мне тихо на колени.
 Увидеть я хочу задумчивый твой взор
 И песню спеть, что ты так любишь с давних пор.
 Как различаем мы пред возвращеньем Феба:
 Спеша, уходит ночь и все светлее небо,

Так слабый полусвет твоих увижу глаз,
И в полусне, мой друг, промолвишь ты в тот час:
“Прощай, красавица, прощай, я засыпаю...”
10 А я тебе в ответ снов мирных пожелаю.
Ввысь обратясь лицом, уж дремлет [бог любви].
Я стану целовать твой лоб, глаза твои.

* * *

Спрячь, спрячь глаза свои, меня томит твой взгляд.
Вся кровь моя горит. Твои глаза палят.
Поближе подойди. Ты так цветешь весною,
Но дай рукой моей глаза твои закрою.
Иль силой я возьму твою густую прядь,
Чтоб, как повязкой, жар твоих очей унять.

* * *

Все есть в моих стихах; внимай же им, прилежным,
Камилла, голос мой и гибким стал и нежным.
Ручьи, и соловьи, и грозди на холмах,
И музыки, и весна — все есть в моих стихах.
Здесь поцелуй любви среди легких строк вздыхает,
Ручей здесь под холмом смеется и сверкает,
Звеня свободною и чистою волной
И золотом горя и неба синевой.
А волны ветерка среди листвы дрожащей
10 Проходят по стихам, как бы вечерней чащей.
И роз, и миртов в них есть тонкий аромат,
Тех роз, что в летний день дыханьем полнят сад,
И тех, что так легко семнадцатой весною
Коснулись щек твоих окраскою живою.

* * *

Простую ль дудочку дыханьем он живит,
Или его уста пленяют песней новой
На девяти стволах цевницы камышовой,
На флейте ли прямой рождают легкий звук
Прикосновения его умелых рук,
Иль речью сладостной, ликейским гrotам милой,
Его неровная свирель заговорила...

ЭЛЕГИИ

* * *

Когда приблизится неумолимо парка
Мой факел погасить, пылающий так жарко,
То стоит лишь тогда тебе прийти, мой друг, —
Отраду я смогу найти на ложе мук.
Чтоб утишить мой страх в то страшное мгновенье,
Пусть голос твой звучит, даруя мне забвенье,
Пусть гибкий стан твой я руками обовью,
В глазах внимательных увижу скорбь свою,
Пусть губ немеющих твои уста коснутся,
И пальцы слабые с твоими перевьются!

* * *

Вперед, стихи мои; вверяю вам себя,
Умерьте гнев ее, в раскаянии скорбя,
Стучитесь у ворот, чтоб вымолить прощенье,
Явиться перед ней просите дозволения.
Излейте скорбь свою скорей к ее ногам —
С печалью на челе и волю дав слезам.
И в дом вернитесь мой, где все сейчас уныло,
Лишь с тем, чтобы сказать: она тебя простила.

* * *

Ах, нет, оставь меня, ни ласковых речей,
Ни томной не хочу улыбки я твоей,
Ни этих ясных глаз, мне наносящих раны,
Ни этих нежных губ, так любящих обманы,
Ни поцелуя мне не надо, погоди,
Печати верности напрасно не клади.
Скажи, ты искренна иль манишь в сеть украдкой?
Колеблюсь я, дрожу и мучаюсь загадкой.
Что ты замыслила? Что на сердце твоём?
10 С его уловками, ах! слишком я знаком.
Нечасто ты со мной столь нежною бывала
И ласки среди дня так пылко расточала.
Боюсь, что ласковость притворная твоя
Ловушку хочет скрыть, чтоб после плакала я.
О, не лукавь со мной! Прекрасная, пощады!

* * *

Звук, обитающий в долине, тьмой объятый!
Лети, незримое мне эхо, шум крылатый,
Что любит повторять, вдали от света, вслед
За мной стихи мои и мой любовный бред!
Пылают небеса. Лети к ногам Камиллы,
Скажи, что я зову, что в этот сумрак милый
Ее зову я, — пусть в пещеру приведет
Ее платановой аллеи темный свод, —
В пещеру, что вчера, в тиши, ее истому
10 Лелеяла... Сюда, где и лучу дневному
Благоуханную не потревожить ночь
И где, смеясь, бежит вода, утеса дочь...

* * *

Прозрачное дитя долин бургундских, Сена,
Чей влажный, чистый лоб лозой увит священной, —
Покинув колыбель, медлительной стопой
Теки, о дивная, к пещере голубой,
Где Муза Мантуи поет стихом старинным
Струю, вспененную купаньем лебединым.

* * *

Влеченье ль нежное к семье пермесских дев,
С священной яростью им, юным, овладев,
Его в пустыни те невольно уносило,
Где воздух зыблется стихов певучей силой...
Мечта ли жгучая в душе его жила
Оставить по себе бессмертные дела...
Иль нежный, может быть, и для любви рожденный,
Лишь славы жаждал он, чтоб в день тот отдаленный,
Когда придет она, увидеть, как тогда
10 Его начнут искать прекрасные уста,
Преследовать, к его склоняться изголовью —
С улыбкой, с лепетом и, может быть, с любовью.

* * *

Я вспоминаю вновь ее черты, убор,
Движенья легкие, походку, милый взор.
Так голову она с улыбкой наклоняла,
Так разговор вела, а так она молчала.
Так пряди падали ее густых волос,
Такой была краса непринужденных поз.

* * *

Ах, нет, поверьте мне, я позабыть не в силах
 О лире, о любви, о звуках, сердцу милых,
 О вас, чей нежный лик таю в душе моей,
 Чьи взоры чистые огонь рождают в ней.
 Приятно позабыть, что с жизнью мы в раздоре,
 Что нам не отдан долг, покоя нет от хвори
 И множество невзгод мрачит нам каждый час,
 А впреди ждет смерть и пальцем тычет в нас.
 Вы вспоминаете об этом со слезами,
 10 Средь тягот будничных должна быть сила с нами.
 Когда же предаюсь мечтаниям один,
 То памяти моей я полный властелин.
 Я голосом ее волшебным наделяю,
 Как будто на ветвях я арфу оставляю.
 Вся отзывается душа на голос тот.
 Обманутый мой взор вас видит, узнает,
 И вновь со мной тогда надежды призрак лживый,
 Далекие друзья, что в скорбном сердце живы,
 Великолепная природа мест иных,
 20 Веселая толпа минутных грез пустых,
 Мои фантазии, не так ли Галатея
 Немая ожила от искры Прометея?..
 Люблю в душе хранить улыбки жизни я
 И забываю вмиг печали бытия.

* * *

Где царственных гробниц внушительный размах,
 Супруги верной скорбь чтоб возвестить в веках?
 Травкою поросли Коринф, Аргос, Микены,
 По площадям Афин проходит серп смиренный.
 Ты, древний Илион, богов как ни моли,
 Но Ахиллесов сын тебя сметет с земли.
 А ты, что угрожал так долго славе Рима,
 Ты, что на двух морях царил неодолимо,
 От мощных стен твоих, от башен и ворот
 10 Никто разбросанных обломков не найдет.
 А вы, плоды ума и воли непреклонной,
 Затеи гордые царицы Вавилона,
 Каналы хитрые, прорезавшие град,
 По трубам гнавшие на высоту Евфрат,
 Битумных стен кольцо, которых основания,
 Казалось, потрясет лишь гибель мироздания,
 Висячие сады, дивившие весь свет,

- Вы, мрамор и металл, где отыскать ваш след?
Лишь ваши имена забвенью пощадило:
20 Они горят в стихах, как полночью светила.

* * *

Привет вам, Геллеспонт, Эвксина nereиды,
Пангея, Сест, Босфор и нимфы Пропонтиды,
Над вами блещущий османский лунный серп,
Смотрите: побледнев, пошел уж на ущерб.
Привет мой Гемусу, Родопам и Рифею;
Ты, Фракия, и мне родная, и Орфею.
Как я хотел тебя увидеть, Галатá!
Здесь сына Франции гречанки красота
Пленила некогда, и в лоне Византии
Французом я рожден во дни, мне дорогие.

* * *

А я, когда опять вернется летний зной,
Все в негу погрузит и даст волнам покой,
Люблю на берегу прохладой наслаждаться,
Вдали от городов, на воле, забываться,
Как ветер, волен, чист, люблю один мечтать
В тени листвы густой и видеть моря гладь.

* * *

Еще я жив, томлюсь. И, не одной грозою
Истерзан, зыбкою еще плыву стезею,
Хоть гавань ждет меня в объятия свои.
Не медли смерть принять иль жизнь благослови!

* * *

Воспрянь, о гений мой! Скорей явись на зов
Божественный, ведь жизнь летит, и из часов,
Что нами прожиты, лишь те навеки святы,
Когда, благим огнем поэзии объятый,
Одет броней, наш дух в высоких песнях смог
Восстановить добро и поразить порок.

ЭПИЛОГ ПОЭМЫ “ГЕРМЕС”

О, сын мой, о, “Гермес”, любимое создание,
Трудов упорных плод, поэта упование,
Ты, над которым бдел я долгих десять лет,
Раздумий сладостных и длительных предмет!

- Наперсник радостей, целитель ран глубоких,
 В далеких странствиях, на берегах далеких
 Сопутствовавший мне на всех моих путях,
 О, сын мой, как теперь преодолею страх?
 Так мать от себя желает скрыть тревогу
- 10 И сына снарядить сама спешит в дорогу,
 Доспехи прикрепить, а как пора уж в путь,
 Ей страшно слабые объятья разомкнуть.
 Какой мне для тебя во Франции ждать доли?
 Любимое дитя, в доме отца на воле
 Ты на глазах его беспечно возрастал
 И любопытный взор повсюду обращал
 И, ежели чему дивился, обо всем
 Свободно рассуждал наивным языком.
 Теперь ты одиноч. И над тобою ложь
- 20 Всесильно-зоркая, уже заносит нож.
 Страшна ей истина прямым, спокойным взором,
 Им ложь осуждена, как кратким приговором.
 И нестерпимо ей бледнеть, когда просты,
 Вдруг правды близ нее означатся черты.
 Пусть одинокая, но правда постоянна.
 Ложь переменчива, и люди неустанно
 Меняются вослед за ней из рода в род,
 Вовлечены навек в ее круговорот...

Но когда бездна времен поглотит то, что ныне на гребне, и множество столетий канет в вечность со всем набором свойственных им предрассудков, уступив место новым векам и новым заблуждениям,

- Язык наш, позабыт, лишь книжнику знаком,
- 30 Для новых пришлецов не будет языком,
 Но станет древними, чужими письменами.
 О, может быть, тогда мудрец, влеком трудами,
 Лампаду засветив, отыщет свиток твой,
 Полуизъеденный, и пыльный, и немой
 И постигать начнет задумчивые строки:
 Увидит он тогда, заслуженны ль упреки,
 Что без сомнения ты ныне породил,
 Тот гнев, что на тебя обрушит весь Париж...

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ “АМЕРИКА”

Приветствую, о ночь, твой сумрак и блистанье
 .....
 Слышны лишь голос мой и стон глухой
 Волны, что на песок бежит береговой.
 О, Муза тьмы ночной, подай мне ныне лиру.
 Как вольный метеор, по звездному эфиру,

- Ликуя и горя, пересеки всю высь.
 На крыльях молнии, на крыльях ветра мчись,
 Кометой промелькни с пылающею гривой.
 Стихи мои вослед несутся торопливо,
 10 Высокий разговор с богами их манит,
 Где в недрах ночи огонь божественный горит.
 О, мать гения, предстань очам, природа!
 Явись, Урания, царица небосвода!
 Твой шаг к созвездью Льва, быть может, устремлен,
 Иль звезд триадами горящий Орион —
 Подножие твое, иль страшной высотой
 Увлечена, бежишь серебряной тропею
 Из множества светил, что нам издалека
 Во тьме представились, как капли молока.
 20 На светлую стезю носи меня, богиня.
 Как пламя жаркое, пусть ввысь лечу я ныне.
 Пусть тело тяжкое расстанется со мной.
 Прощай, темница-плоть, уж больше я не твой.
 Прочь от земли — туда, где твердь небес в эфире
 Плывет. Вот океан, всех океанов шире.
 Тьмы больше нет. Тяжел и плотен, шар земной,
 Скрывая свет от глаз, здесь не стоит стеной.
 Тьмы больше нет. Мой взор в сиянье тонет вечном,
 В потоке из лучей глубоко, бесконечном.
 30 Я среди тех огней, что на земле зовем
 Большой Медведицей, Дельфином и Орлом.
 Вот предо мной встает Корона, пламенея,
 Вот Лира, Водолей, Пегас, Кассиопея,
 А вот уже блестит гигантская Змея
 И вьется кольцами там, где ступаю я.
 Тот, в ком возвышен дух, к безмерности стремится,
 И радостно ему в кипучих безднах скрыться.
 В тех безднах света он, свободен от оков,
 Творенья видит смысл, вступив в совет богов.
 40 Душа, узревшая великое начало,
 Осознает себя его частицей малой.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ
“ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА”

Себя я обмануть пытался, но напрасно!
 Я закрывал глаза, но становилось ясно:
 Талантом одарен не только тот, о нет!
 Кто и душой велик. Возвышенный поэт
 Нас может восторгать напевом благородным,

- А сердцем обладать завистливым, холодным,
 Нам добродетели умело восхвалять
 Затем, чтоб лишь других на подвиг вдохновлять.
 В нем чувствуя себя, поэты дружным роем
 10 Поют ему хвалу, зовут его героем.
 Но громким титулам не верю я, как встарь:
 Не доблесть, лишь талант возводят на алтарь.
 Воспламеняет нас, волнует этот гений!
 Согласен. Величав язык его творений!
 Что ж, это хорошо, но мало. Может он
 Достоинство хранить, другими превзойден?
 Простить обидчика ему достанет силы?
 Когда невежество дорогу преградило
 20 Безвестным гениям, он им помочь готов?
 Незлобен, справедлив, порой к себе суров,
 Доброжелателен, нежив и простодушен,
 Век не унизится он, зависти послушен?
 Не станет богачам служить, к посулам глух,
 И никогда его не дрогнет гордый дух?
 Тогда воистину велик он. Мы ж, другие,
 Маратели стихов, ненужные витии,
 Мы славимся лишь тем, что грудой слов пустых
 Умело уснастив александрийский стих,
 Двойными рифмами играя потрескучей,
 30 Разматываем нить пленительных созвучий.

ОДЫ

* * *

- Благоухают в мае розы,
 К исходу лета никнут лозы,
 Колосья ниву золотят.
 Но песнопений больше в мире
 Рождают на устах и лире
 Твоя улыбка, Фанни, взгляд.
- Мне имя повторить довольно,
 Чтоб выдал я мечты невольно,
 Охвачен сладостной тоской.
 10 Так в перламутровой темнице
 Сияет жемчуг, и гордится
 Султан добычею морской.

Так, укрываясь в кокон нежный,
Сверкающую нить прилежно
Плетет китайский шелкопряд.
Из чистой и нетленной ткани
Тебе готовят Музы, Фанни,
Еще блистательней наряд.

Из мелодичных низжут трелей,
20 Как из жемчужин, ожерелье
Их благовонные персты.
Приди, и украшение это
Прими от своего поэта
.....

* * *

Мой брат... Да будут дни его ясны, и втуне
Да не останутся труды!
Пускай блистает он на сцене, на трибуне
И, благосклонной мил фортуне,

Не знает, ввысь взнесен, ни горя, ни беды!
Пусть ярче каждый раз и словно в новом свете
Его свершенья предстают;
Когда же проживет он двадцать пятилетий,
К надгробию его, как к мете,
10 В веках блистающей, потомки притекут!

Но .....
Удел прискорбный, бедствий гнет,
Страдание и честь, вас предпочту избрать я.
Так и моя семья и братья —
Из тех, кто под ярмом насилия слезы льет,

Над кем взнесен топор по прихоти жестокой,
Кто добродетели, когда
Ее влекут на казнь, гремит хвалой высокой,
Кто и под скипетром порока
20 Не раболепствует, кому боязнь чужда.

Кто перед идолом кровавым и спесивым
Колен не преклонит, в ком зло
Рождает ненависть своим лицом глумливым,
Кто с содроганием брезгливым
Глядит вокруг, и гнев багрит его чело.

ЯМБЫ

“Его язык — клеймо. А в венах раскаленных
 Змеится желчь, рекой течет”.
 Двенадцать лет, в тиши, в долинах потаенных
 Поэзии копил я мед.
 Я соты полные хочу открыть однажды,
 И был ли музой вдохновен
 Я злобной, яростной, тогда увидит каждый.
 В любви унижен, оскорблен,
 Когда-то Архилох разящей силой ямба
 Отца невесты свел во тьму.
 Я жажду погубить не лживого Ликамба,
 Петлю готовлю не ему.
 Я мщу не за себя: моя отчизна в ранах
 И голосом моим кричит.
 Ее покой — вот цель моих усилий бранных,
 Мой ярый гнев — законов щит.
 Пифонов мерзостных и гидр, плюющих ядом,
 Железо и огонь сильней.
 Пощады не давать неистребленным гадам —
 Вот способ уберечь людей.

20

Гимн

*на торжественное вступление швейцарцев
полка Шатовье*

Божественный триумф! В величии и силе
 Прославленных бойцов яви!
 Ведь ими не один француз убит, Дезиля
 Недаром все они в крови.
 Такого торжества столица не видала
 Ни в приснопамятный тот день,
 Когда великая тень Мирабо вступала
 Под славную, святую сень,
 Ни в день, когда в Париж из долгого изгнания
 Вольтера возвратился прах,
 Под гул восторженный всеобщего признанья
 Клеветников повергнув в страх.
 Одно лишь торжество по славе небывалой
 Сравнится с нынешним вот-вот:
 Как войско все пойдет Журдану под начало,
 А Лафайет — на эшафот!
 А принцам в Кобленце досада-то какая!

Им только б натравить скорей,
 Повсюду сея ложь и к смуте подстрекая,
 20 На нас рабов и королей!
 Они ведь думали, что мы во власти бреда,
 И как же нынче смущены!
 Зато как радостны, горды такой победой
 Все добродетели сыны,
 Все те, что рассуждать не разучились здраво
 И сохранили стыд пока.
 Есть повод ликовать: столичной власти главы
 И украшенья кабака
 30 Внесли на высоту блестящей колесницы
 Судом обиженных солдат,
 Что наших воинов сгубили — единицы!
 Так мало прихватив деньжат!
 Ах, что ж молчите вы, певучие Орфей?
 Над гробом персов в оны дни
 Эсхил, Пиндар стихи сложили, как трофей,
 Днесь пойте громче, чем они!
 Для сорока убийц, любимцев Робеспьера,
 Мы воздвигаем алтари.
 Пусть в камне, на холсте блистает их галера,
 40 Бессмертьем, гений, одари
 Великого Колло и всех его героев,
 Чей смел и благороден лик:
 Таверны мужества придали им, утроив
 Их доблесть при поддержке пик.
 А вы, влекомые небесными огнями
 Гиппарху и Евдоксу вслед,
 Царицы волосы, оставленные в храме,
 Вы превратили в звездный свет;
 На небеса Арго перенесли не вы ли?
 50 Он и поныне там плывет.
 Еще одних владык морей вы позабыли,
 Спешите им воздать почет.
 Их именами Ночь украсьте в полной мере,
 И в час, когда страшит судьба,
 Пусть молит мореход взнесенных на галере
 Швейцарцев Колло д'Эрбуа!

* * *

Кто, Пантеон, отверз твои святые двери,
 Под славный свод ступить готов?
 Да о какой Давид расплакался потере,
 Взяв кисть, творящую богов?

О, небо! верить ли? о, поворот фортуны!..
О, гроб, в котором свет потух!
Послушать бы как там Барер вопит с трибуны,
От пафоса вконец распух!
О, весть жестокая! Звучит набат ужасный
20 В сердцах, стенают стар и мал!
Им якобинцы в лад рыдают громогласно.
Бриссо, который ввек не лгал,
Свидетельствует нам, что черный и вонючий
Туман поднялся к небесам,
Из крови, нечистот, подобьем грязной кучи,
Извергнутой из сточных ям,
И уверяет нас, что мерзостной душою
Марата был тот смрадный пар.
Во дни цветущие, ах! женскою рукою
20 Любезной жизни отнят дар!
Смеется Кальвадос, но виселица плачет:
Спешит убийственная сталь,
Героя Пеллетье под вечной сенью прячет;
Марата вдвое больше жаль.
Никто, как он, не лил чужую кровь без меры,
Никто резне так не был рад.
Хоть Лакруа, Бурдон — великие примеры,
Образчик подлеца — Марат.
Да, виселице он принадлежал по праву,
30 Он был ее любимый сын.
Но не горюй, петля, потешишься на славу!
Тебе в Конvente не один
Определен герой, Гора — вот их обитель:
Лежандр, *чей образец Катон,*
Колло д'Эрбуа, галер высокий *покровитель,*
Два Робеспьера и Дантон,
Тюрью, Шабо. Твоя — вся банда подчистую,
Коммуна, клуб и трибунал.
Да кто их может счесть? Тебе рекомендую
40 И тех, кого я не назвал.
Пусть всем этим святым возносит литании
Достойный Анахарсис Кло,
А, может, Кабанис, иль гении иные,
Ведь есть еще Грувель, Лакло.
Нет, речь надгробную, сердечную, простую
Гара пусть скажет, их собрат.
Потом и этих ты отправишь в темь густую
Облизывать Марату зад.

50   Будь пухом вам земля в невидимом пределе,
           О, славная, святая рать!
 Чтоб ваши братья-псы скорей до вас сумели
           Добраться, трупы разорвать.

Гражданин Архилох Мاستигофор

* * *

Я слышал, в сильный гнев вы впали, до сих пор
           Не мысля о презренном споре,
 Когда вам на глаза попался сущий вздор
           Глупца Барера в “Монитере”.
 В вас вызвал неспроста напыщенный наглец
           И жгучий стыд, и жажду мести:
 Вам всем припомнился фракийский удалец,
           Что возжелал лишить вас чести.
 Вдобавок говорят... — но наши шутники
 10   Красоток не щадят нимало,
 Хотя б достоинства их были велики, —
           И все ж: по адресу нахала
 Слетела с ваших губ ужаснейшая брань,
           Совсем мужская, а за нею
 Вы бросили ему: *зануда, неуч, дрянь,*
           Да и словечки посильнее,
 Достойные его, согласен, но не вас.
           К чему такое подражанье?
 У вас другой язык. Являет грубость фраз
 20   Неправоту негодованья.

* * *

Они еще живут! и жертв бесчеловечных стоны
           Все не доходят до Тебя,
 Великий Боже сил! и лишь поэт в темнице,
           Покинут, чуя смерти зов,
 Стихи преобразил в горящие зарницы
           Твоих замедливших громов,
 В единое добра и доблести орудье,
           И адским судьям предает
 Всех кровью залитых жрецов — присяжных, судей,
 10   Их трибунал — резни оплот.
 Так сохрани мне жизнь, и бешеная свора
           Мой ратный пыл оценит вмиг!
 Не скрываться им во тьме забвенья и позора:
           Я вижу их, я их настиг!

* * *

Во мраке подлости они хотели скрыться.

.....
Но колченогого, разящего эпода

Им не избегнуть никогда.

О, Парос, вокруг тебя лазурью блещут воды,
Ты греческих морей звезда!

Без усталы вершит природа труд прилежный,
И для резца всегда готов

Таящийся во тьме твой мрамор белоснежный,
Что славит смертных и богов.

10 А чтоб запечатлеть позор неизгладимый,

Ты дал нам ямба острие,

В огне закалено, как месть, неотвратимо,

Сын Архилоха, в бой, Андре!

Не ослабляй свой лук, он — смерть лжецам и ворам.

Когда явлю мой меткий стих,

Грядущие века и вся природа хором

Вскричат, разглядывая их:

— У, грязный, подлый сброд! ничем не устыженный!

Любитель бойни, грабежей!

20 Трусливых палачей орда, чьи жертвы — жены,

Что резать не спешат мужей,

Сын, преданный отцу, и потерявший сына

Отец, скорбящий по нему,

Небезучастный брат, не давший неповинно

Погибнуть брату своему.

И жизнь у вас всего одна... вампиры...

И вы искупите лишь раз

Всю эту груду тел, страданий и развалин,

Прах, вопиющий против вас!

* * *

.....
На двадцати судах с непрочным, беглым днищем,

Раздвинутом на глубине,

Не тысячи ли жертв потоплены в Луаре

Среди безмолвия ночей?

Проконсулу Каррье милы в хмельном угаре

Увеселенья поновей.

А эти черные с плюмажем прокуроры,

Бесчетные Фукье, Дюма,

Ареопак убийц, насильники и воры,

Которых породила тьма,

О, я их всех настиг в горячке вакханалий,
Когда, от бойни распалясь,
Напившись красного вина и зубоскала,
Они потеют, развалясь,
И, брызгая слюной, икая, воскрешают
Своих свершений длинный ряд,
Судьбу поверженных с ухмылкой предрешают,
Горланят песни и хрипят.
А рядом лобызать багровые их рожи
20 Нестрогих жен готов уж рой.
Убитых позабыв, они летят на ложе
Того, кто ныне их герой.
Продажный этот пол, замороженный славой,
Для победителей рожден.
Для женщин исстари где сила, там и право,
Убийца ими услажден.
Их домогательства бесстыдны и уступки.
Рука тирана — и не жди —
30 Не встретит на пути ни слишком прочной юбки,
Ни острой шпильки у груди.
Есть ад душевных мук, где зло искупит каждый,
Но разве угрызенье жжет
Проклятый трибунал, что полн кровавой жажды,
Рыгает кровью и блюет?
Кто, рук не замарав, запечатлеть дерзает
Бандитов злобу и разврат?
Чудовища смердят. Копье, что их пронзает,
Исходит, издавая смрад.

* * *

Читал я: лодочник, челнок свой открепляя,
Бросал ненужное весло.
Наездник, шпорами двойными щеголяя,
Усевшись в крепкое седло,
С лихого скакуна снимал узду стальную.
Читал я, что в былые дни
Один мудрец имел привычку недурную
Спать близ горячей головни.
Читал я и рассказ о подвигах возницы,
10 Как по ухабам, под уклон
Направив путь, с колес блестящей колесницы
Снял скрепы сей Автомедон.
Читал я: в свой черед и Актеон, который
Сам к мертвой хватке приучил

Озлобленных собак, растерзан был их сворой
И землю кровью омочил.

.....
В благих намереньях ученый муж гадюкам
Вещать о братстве восхотел,
Но, братским сборищем подвергнут смертным мукам,
20 “Мне поделом,” — сказать успел.

.....
Читал о многом я, о чем в былую пору
Неплохо было б прочесть,
К примеру, Шапелье, Барнаву и Дюпору,
И нынешним, что им под стать.

* * *

.....
В бесчестии живешь. Ну, что ж, так, значит, надо.

Есть, спать мешает ли позор?
И здесь, где смерть — пастух, а мы — в загоне стадо,
Где случай шлет нас под топор,
Записочки летят, кокетливые губки
Дурачат преданных глупцов.
Здесь песенки поют и задирают юбки,
И любят острое словцо.

10 По крышам, пустотой привычно распираем,
Подброшен кем-то, мяч гремит,
Подобный семистам пошлейшим краснобаям —
Барер меж ними всех затмит.
Резвятся, пьют, кричат и рассуждают важно,
Политиканы, болтуны;
Вдруг петли ржавые дверей визжат протяжно:
От судей-тигров мы должны
Посланика принять с досадным порученьем.
Кого ж из нас топор зовет?
20 Все, содрогаясь, ждут, и каждый с облегченьем
Вздыхает: не его черед.
Бесчувственный глупец, ты завтра будешь заклан!

* * *

Последний блеск луча, последний вздох зефира
Так оживляют дня уход,
Как мне еще звучит близ эшафота лира.
Быть может, скоро мой черед.
Быть может, не пройдет, не знающая лени,
20 Привычный стрелка часовой

По циферблату путь, последнего деленья
Коснувшись звонкою стопой,
Как тяжкий, смертный сон мне плотно веки склеит.
10 И прозвучать в моих стихах
Строка, что начал я, быть может, не успеет,
Как здесь, где в камни въелся страх,
Вербовщик призраков, посланник черный ада,
Безликой стражей окружен,
Мне бросит гулкий зов, и дрогнет стен громада,
Где я в толпе мужей и жен
Брожу один, стихи острее клинка готова, —
Им не спасти того, кто прав, —
И смолкнет на устах мой ямб на полуслове,
20 И, руки спешно мне связав,
Прочь повлекут меня через толпу в печали
Немых союзников моих,
Которые меня при встрече привечали,
Но знать не знают в страшный миг.
Ну, что ж, я жизнью сыт. Где мужества и чести
Один хотя бы образец,
Величье стойкости и прямота без лести —
Отрада праведных сердец, —
Где над преступными недолгий суд Фемиды,
Где состраданья взятый груз
30 Где память о добре, забвение обиды,
Где сладость дружественных уз
В юдоли сей земной? О ней грустим напрасно.
Ведь подлый страх — вот бог людей.
Притворство — их удел. О, как мы все безгласны!
Все до единого... Скорей
Пусть смерть придет и даст от всех скорбей укрытье!
Что ж, значит, сломлен, я умру,
Мучений не снеся? О, нет, обязан жить я!
40 И жизнь моя нужна добру.
Безвинно свергнутый в крошечный мрак темницы,
В оковах, смерти обречен,
Достоинство храня, с молчаньем не смирится
И головы не склонит он.
Коль решено судьбой, что сталь не заблестит
В моей руке, врагов разя,
В душе разлитый яд мое перо впитает.
Мне безоружным быть нельзя.
Закон и Правда, к вам взываю, коль ни словом,

50 Ни мыслию вовек у вас
Не пробуждал грозы я на челе суровом
И коль теперь победный глас,
Коль смех бессовестный злодеев гнусных или
Чудовищный их фимиам
Вам сердце раною глубокой уязвили,
Меня спасите, и воздам
За все как мститель ваш, вершитель казней правых!
Еще не пуст колчан, чтоб пасть,
Не растоптав в грязи мучителей кровавых,
60 Марающих законы всласть,
Червей, едящих труп истерзанной отчизны,
Поруганной! О, вы одни,
Перо и ненависть в моей остались жизни!
Вы продлеваете мне дни.
Как факел гаснувший, напитанный смолою,
Вновь разгорается сильней,
Так мукою живу. И если вы со мною,
Подъемлетса в душе моей
Надежды вал. Без вас взяла б меня могила:
70 Уныния незримый яд,
Убийцы и лжеца восславленная сила,
Потупленный сограждaн взгляд,
Погибель всякого, кто совести послушен,
Гнет беззаконья и стыда —
Все прервало бы жизнь мою, иль, равнодушен,
Я б с ней покончил. Но тогда
О, кто поведает векам об истребленье
Такого множества людей?
Кто даст сиротам их и вдовам утешенье,
80 Кто эту свору палачей
Заставит трепетать, явив ее деянья?
Кто в пропасть мрачную сойдет
И фурий бич тройной возьмет, да воздаянье
Злодеев наконец найдет?
Их память оплюет, воспев их казнь, ликуя?
Довольно польхатъ костру.
О, сердце, как болишь, возмездия взыскуя!
Плачь, Доблесть, если я умру.

СТИХОТВОРЕНИЯ АНДРЕ ШЕНЬЕ
В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ
И ПОДРАЖАНИЯХ

Н.Д. Иванчин-Писарев

БЕДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

- Как часто, ощутив всю горечь бытия,
Вкусив от чаши зол, что жизнью называют,
И утомясь от бурь, как странничья ладья,
Зрю в гробе мирну сень, где вьюги затихают,
С восторгом смерть зову. Прошед песчану степь,
Так путник, жаждою и зноем изнуренный,
Ждет светल्या струи... Подобно утомленный,
Молю себя дерзнуть расторгнуть тяжку цепь.
Вдруг сердце хладное невольно встрепенулось,
10 На милых, на родных внезапно оглянулось;
Воспоминания протекших ясных дней,
Надежда воротить мечты очарованья,
И юность лет еще, и будущность, а с ней
И мыслей, чувств моих незрелы начертанья,
Все манит, льстит, влечет, велит мне ждать и жить.
Как часто слово, взор, улыбка заставляет
Сносить всю тяжесть мук и слезы полюбить,
Мириг с печальями и с горестью свыкает!
Таится человек от самого себя!
20 Вотще знакомится с печальной, хладной урной;
Какое бремя зол ни пало б на тебя,
Незримой связью ты прикован к жизни бурной,
И ищешь вдалеке, скорей, чем умереть,
Какой-нибудь предлог, чтоб жить и жизнь терпеть.
Страдал, страдаешь — и, надеждою ведомый,
До гроба добредешь с мучительной истомой;
Вот близок к пристани, вот странник сень нашел:
Вот смерть целебница... Страдальца спросите:
Спокоен ли? Ах нет! — Все муки возвратите,
30 Пусть стражду: смерть больней, ужаснее всех зол!

(1818)

В.А. Жуковский

УЗНИК

〈фрагмент〉

“За днями дни идут, идут...
Напрасно;
Они свободы не ведут
Прекрасной;
Об ней тоскою и молюсь,
Ее зову, не дозовусь.

Смотрю в высокое окно
Темницы:
10 Все небо светом зажжено
Денницы;
На свежих крыльях ветерка
Летают вольны облака.

Итак, все блага заменить
Могилой;
И бросить свет, когда в нем жить
Так мило;
Ах! дайте в свете подышать;
Еще мне рано умирать.

Лишь миг весенним бытием
20 Жила я;
Лишь миг на празднике земном
Была я;
Душа готовилась любить...
И все покинуть, все забыть!”

Так голос заунывный пел
В темнице...
И сердцем юноша летел
К певиче.
Но он в неволе, как она;
30 Меж ними хладная стена.
.....

Авр. С. Норов

ЮНЫЙ СТРАДАЛЕЦ

(Элегия в древнем вкусе)

- Державный Аполлон! бог дивных исцелений!
Бог жизни и благих врачующих растений!
Сразивший Пифона, бог светлый, молодой!
Спаси ты сына мне, тронись его судьбой!
Тронись и матерью больной, изнеможенной,
Одним им дышущей – но роком осужденной
Зреть сына милого безвременную смерть!..
Не дай погибнуть ей – и длань спеши простреть:
Исхить из юноши огонь быстрый, огонь палящий,
10 Цвет жизни молодой навеки в нем губящий!
О, Феб! когда б он был из гроба изведен
И снова берегам Алфея возвращен —
Тогда, клянусь сама ослабшими руками
Вседневно украшать твой ближний храм цветами
И каждый год тебе на память дня того
Тельцами жертвовать из стада моего!..
- “Итак, мой сын, ты все жестоким пребываешь?..
Мой сын, ты грозное молчанье сохраняешь?
Ты хочешь умереть – и мать в седых власах
20 Покинуть здесь одну в печали и слезах?..
Ты хочешь, чтоб она глаза твои закрыла
И с пеплом праотцев твой пепл соединила...
Не ты ль свершить сие был должен надо мной?
Не ты ли должен был кропить мой гроб слезой?
О юноша, взгляни! лампы свет дрожащий
Открыл черты твои: где взор, огнем блестящий?
Где розы?.. О мой сын! тебя ли вижу я?”
“О мать моя! прости! — нет сына у тебя!..
Уже во гробе он! ...О мать!.. о родная!..
30 Лишаюсь я тебя... уж язва роковая
Достигла сердца... здесь... увы! уж всякий час
Мне кажется, что я дышу в последний раз;
Но тайну умолчу... Прости; сей одр мне страшен:
Он погребальными одеждами украшен;
Хлад пробежал по мне... Родная, не рыдай;
Утешься без меня — и сына вспоминай!..”
“Прими, злосчастный сын, напиток сей целебный!

Мак усыпляющий с диктамом растворенный
 Сном тихим заменит утраченный покой
 40 И укрепит твой дух, подавленный тоской;
 Печальной матери усильною мольбою
 Он Фессалийскою составлен был женою *.
 Три краты день сиял, три краты гаснул он
 С тех пор, как ты отверг Цереры дар и сон.
 Склонись, любимый сын, ты матери к молениям,
 Тронись души ее глубоким огорченьем;
 Припомни, как тебя лелеяла она...
 Как на груди ее вкушал ты сладость сна,
 Как лепетать тебя, ходить она учила,
 50 Как более себя она тебя любила —
 Как твой малейший вопль или невнятный вздох
 В час ночи наносил ей тысячу тревог!
 Ах! поднеси к устам поблекшим, изнуренным,
 Моею грудию столь часто насыщенным,
 Сей кубок с жизненным, врачующим питьем —
 И будь вторично мне обязан бытием!"

(Юноша, по долгом молчании и в глубокой задумчивости:)

“Холмы Лаконии! о рощи и долины!
 О ветр, колеблющий густых древес вершины,
 Струящий ручейки, иль на младых грудях
 60 Взвевавший тонкий флер и кудри на плечах!
 О легкий сонм красот! веселы хороводы!..
 Ты знаешь, мать моя, где Евротас мчит воды,
 Там хищных нет вепрей, ни злобных трав, ни змей...
 О день! о милый вид! вы в памяти моей!..
 И девы скачущи!.. и косы распущенны!..
 Черты божественны — и вечно незабвенны! —
 Сей стройный, тонкий стан, и свежесть их ланит,
 И сладость взоров сих, уста, где огонь горит,
 И персей молодых стыдливое волнение,
 70 И черных локонов небрежное паденье...
 О, кто перенесет в Лакедемон меня!
 О кто мне возвратит беседу, взор ея?
 Сей миг, как в первый раз узрел ее ... о боги!..
 Сей миг мне смерть послал — и рок свершился строгий!..
 — О, ты чувствительна, не сомневаюсь я,
 Тебя растрогает смерть жалкая моя...

* Фессалийские женщины славились в древности своими познаниями в Ботанике; им также приписывали чародейство <примеч. Норова>.

Твой взор, Виргиния, наполнится слезами; —
 Но что я вымолвил, обманутый мечтами? ..”
 “Что слышу я, мой сын? Любовь убийца твоей!
 80 Она тебя во мрак низводит гробовой!
 О, злополучный сын! о слабость бедных смертных! —
 Всегда любовь виной их горестей несметных:
 Кто хочет тайну грусть сердец изведать их,
 Узрит, что страсть сия сильнее всех других.
 О бедный юноша! скажи, могу ль мольбою...
 Но ты не внемлешь мне, но ты поник главою...
 Ужели настает час гибели моей —
 Нет, сын мой! сей же час я поспеваю к ней...”
 — О мать! гневная судьба неотразима!..
 90 Я милую забыт — она неумолима,
 О страсти говорить мне не велит она —
 И с той поры мне смерть становится нужна...
 Нет, мать, не ходи ей вспоминать о сыне;
 Я, посвятив ей жизнь, смерть посвящу ей ныне...
 Скажи ей, что мой взор ее в тот час искал,
 Когда душа моя отселе отлетала... —

 Умолк, — взглянул на мать, лампада потухала —
 И бедный юноша с ней вместе потухал ...

1819

(АРКАС И ПАЛЕМОН)

А р к а с. Ты всюду следуешь за белокурой Лилой:
 Ей тяжелы еще труды Киприды милой —
 Она дитя — она чуждается тебя;
 Не видит страсть твою невинный взор ея.
 На пастбищах твоих растущая юница
 Все ищет тень лесов, все ищет приютиться,
 Не внемля женихов своих приветный рев,
 Играет с ровными под сводами дерев.
 Незрелые плоды и гроздьи виноградны
 10 Льстят новизной твой вкус нетерпеливо-жадный.
 Вот осень на дворе, она твои цветы
 Готова превратить в прозрачные соты.
 И Лила, уж сама, сгорая негой скромной,
 К лобзаниям твоим главой приникнет томной...
 Постой; в полях еще не позлатился клас;
 Кровь сладких шелковиц еще не пролилась;

(A. Chéniz. p. 6.)

(Аркас и Палемон.)

23

Аркас. Мне ведь говорят за Белогорой Ассан?
 Ее таранки еще продают в виноградниках?
 Она думя — она гурдается твоя;
 Не видно страсти твоей великой? Вура ея.
 Не пастбище твоей разнузданной конюхи?
 Да и нечего тебе и коню, вы и нечего конюхи,
 Не вкляма феланова свои привитии? рата
 Пустошь се ровнина подъ сводом дурья.
 Нуррама пидея и гурдава виноградная
 Алемана конюхой твоей? Вура конюхой-градной?
 Вотъ скотъ на дьворе, она твоя зуватя
 Томова превратити въ пурограничьи стия;
 И Асса, зра сама, сварая конюй скрамной;
 Не забываетъ твоя, зальон ^{дурья} элментия твоя...
 Пломой; въ поляхъ еще не потушила коню;
 Крова сладкая шенковичи еще не потушила,
 Цвѣтаетъ на розовомъ еще шенковичи дурья
 И първаво не видать на конюхой конюй конюхой.
 Моей дурья конюхой — то что гурдается конюхой!

Палемон. Что конюхой коню рата, то не гурья конюхой!
 Не все гурья конюхой — зра привития разнузданья —
 И коню гурья конюхой конюхой конюхой.
 Зра конюхой конюхой конюхой — не конюхой конюхой,
 Конюхой конюхой конюхой — конюхой конюхой!
 У конюхой, зра привития конюхой конюхой конюхой;
 Зра конюхой конюхой конюхой конюхой конюхой.
 Цвѣтаетъ роза, конюхой конюхой конюхой конюхой
 Конюхой конюхой конюхой конюхой конюхой...
 Зра конюхой конюхой конюхой конюхой конюхой
 И конюхой конюхой конюхой конюхой конюхой конюхой.

Авр. Норов. Перевод идиллии А. Шенъ "Аркас и Палемон"
 Автограф, 1819-1820. РГАЛИ

Цветок не разорвал еще шипок свой дикий
И перьев не видать на крыльях милой птички.
Мой друг! теряем мы, что упредить хотим!

20 П а л е м о н. Что выпустишь из рук, то не зови своим.
Не все цветы срывать! — уж принялся рассадник —
И осень обирать готова виноградник.
Уж плод поспел, мой друг — но сладкой остротой,
Как полуспелый он: — мила его незрелость!
У птички с перьями растет приметно смелость;
Уж проглянул листок из почки молодой.
Цвет розы, сей весной, и цвет невинной Лилы
Из заключения себя освободили...
30 В смущеньи, к матери она пришла в слезах
И мать улыбкою смирила детский страх.
С улыбкой зрит Гимен сквозь девственны покровы,
Что перси наполнять длань страстную готовы.
Уж персик налился и получил свой цвет
И пухом девственным, таинственным одет.
Полуоткрытые уста младай гренады
Горят рубинами и обольщают взгляды.

1819—1820

ГЕРМИОНА*

Элегия в древнем вкусе

Socerumque patremque
Invocat, heu! frustra...
... quoties sinit hiscere fluctus,
Nominat Halcyonem, ipsisque
immurmurat undis!
Ovid. Metam. Lib. XI, v. 13.

О вы, хранимые Фетидой, гальционы!
Стенайте жалобно, вясь поверх валов!...
Ее уж нет, младай, невинной Гермियोны!
Она чрез понт плыла родных небес под кров:
Там флейты, там Гимен, там дев и юнош хоры
Готовились ее к супругу проводить.
Ключ бдительный уже венчальные уборы
Из кедровых ларцов готов был свободить,
И кольца редкие в наряд перстам прелестным,
10 И миро для ее каштановых власов...

* Подражание Андрею Шенье (примеч. Норова).

Меж тем на палубе она к звездам небесным
 Взывала!.. Бурный ветер терзал ее покров,
 Подъял ее, помчал, не внемля девы стона —
 И — изумленную — низринул в бездну вод...

Увы! она в волнах, младая Гермiona!...
 Холодный труп ее огромный вал несет...
 Фетида, вся в слезах, претит к нему касаться
 Чудовищам морским в бездонных глубинах;
 Наяды робкие поверх пучин толпятся
 20 И, нежный труп обняв, с слезами на очах
 На берег принесли пустой, уединенный —
 И гробом девы стал Зефира дикий мыс.
 Туда на вопль наяд со страхом привлеченны,
 Богини рощей, гор и светлых рек стеклись —
 И в перси белые бия себя, рыдали!...
 Их страшное “увы”! ветер в море разносил...
 Увы! даров любви Зевес тебя лишил!
 Покровы брачные тебя не осеняли,
 С супругом перстень твой тебя не обручил
 30 И розы юного чела не увенчали!...

(1821)

КРАСАВИЦА

Приди ко мне, Миртил молодой!
 Ты мне любезен; я пригожа,
 С самой Дианою равняюсь белизной,
 И станом на нее, и гордостью похожа.
 И под вечер, когда я мимо пастухов
 Иду, потупя взор, едва их замечая,
 То я кажуся им за нимфу сих берегов.
 Они зовут меня, очами провожая:
 “Корина! Берегись вверять себя волнам,
 10 Чтоб не казаться в них богинею пловцам
 И чтоб в мольбах они средь яростной пучины,
 Фетиду позабыв, не стали звать Корину!”

(1821)

МЛАДАЯ УЗНИЦА
(Перевод из стихотворений Андрея Шенье)

“Серпы не трогают молодых колосьев в поле,
Прозрачный виноград до осени по воле
Привык расти и тихо зреть.
Ах! Столь же молода и, может быть, прекрасна,
Я не хочу еще, хотя я и несчастна,
Так рано умереть!

Пусть стоик видит смерть бесслезными очами!
В слезах надеюсь я!... Пред бурными ветрами
Склонив главу, подьему вновь.
10 Коль много горьких дней, то сколько ж и прекрасных?
Всегда ль лазурь небес без облаков ненастных
Иль море без валов?

Мечта прелестная душой моей владеет,
Вотще темницы свод над мною тяготеет:
Надежды крылья у меня!
Так Прогна, свободясь от сети птицелова,
Вспорхнула — и летит в поля небесны снова
С хвалой светилу дня!

Ах! мне ли умирать? я тихо засыпаю
20 И, тихо пробудясь, в душе не открываю
Ни угрызения, ни мук;
Меня приветствует румяный луч денницы;
При взгляде на меня свирепой стражи лица
Теряют строгость вдруг!...

Мой светлый путь еще далек предназначенья:
Едва младенчества невинны вдохновенья
Увы! оставить я могла —
И жизни на пиру к устам моим цветущим
Я чашу с нектаром, блаженство подающим,
30 Едва лишь поднесла!

Дожив весны моей, ах! доживу ль и лета?
Как Феб по временам течет в долинах света,
Так жизнь пройти желаю я;
Как роза, расцвести едва лишь я готова
И только видела луч утра золотого. —
Увижу ль вечер дня?...

О смерть! повремени, не приходи за мною!
 Беги утешить тех, которые тобою
     Хотят сокрыть порочный стыд;
 40 Но я люблю еще древесны тени мирны,
 И поцелуй любви, и нежны звуки лирны —
     И смерть меня страшит!...”

Сам грустный и в тюрьме, так пробуждал я гений;
 Я слышал жалобы, я слышал сердца пени
     И вздохи пленницы молодой —
 И, презря на меня наложенные узы,
 Слова, летевшие из уст сей скорбной музы,
     Слагал на лирный строй.

Быть может, песнь сия, тоски моей свидетель,
 50 Заставит некогда любовь и добродетель
     Искать безвестной девы след —
 Хариты и умом, и красотой своею.
 Кто б мог найти ее, кто б мог любим быть ею,
     Тот полюбил бы свет!

(1823)

ПРОЩАНИЕ НЕЕРЫ

(Элегия в древнем вкусе)

О Нимфы резвые ручьев лесистой Осы!*
 Сложите на мой гроб златые ваши косы!
 Простись, Лициний мой, простися с девою той,
 Чьей восхищался ты младою красотой.
 О небеса! земля! о голубые воды!
 О горы и леса! луга — ковры природы!
 Напоминайте вы ему красой своей
 Нееру жизнь его, Нееру свет очей,
 Которую он звал Неерою своею!
 10 Рассталась для него я с матерью моею!
 И принужденная из края в край бежать,
 Я долго на людей не смела глаз поднять...
 Светила ль ясные двух братьев Элены
 Под кораблем твоим смиряют Понт смущенный,
 В садах ли Пестума, где под твоей рукой

* Гора в Фессалии (примеч. Норова).

Цветут два раза в год и розы и левкой,
Где тихим вечером, с растроганной душою
Томиться будешь ты неизвестной тоскою, —
Везде Лициний мой, везде зови меня!
20 Я с неба прилечу к тебе с паденьем дня;
Тень легкая моя сквозь занавесы рощи
Прокрадется; иль в час безмолвной светлой ноши,
Младого месяца в таинственных лучах
Сойду блестящая – и отражусь в волнах...
Я назову тебя – и голос мой, быть может,
Твой слух внимательный и душу потревожит!..
(1823)

НАДИНА

(Посвящено Н.А. Ф...вой)

Ах! юноши не мне понравиться хотят!
Сестра счастливей тем, что старее годами,
И если пастухи приходят к нам с цветами,
То мне подносят их — а на сестру глядят...
И часто в похвалу, что я собой пригожа,
“Надина, – говорят, – как ты с сестрой похожа!”
Никто из них еще мне песен не поет,
Никто не шепчет мне, что без меня умрет! —
Но я дождусь того ... год за год: я прекрасна...
10 С такими прелестями, я знаю, я опасна!
И мне когда-нибудь пятнадцать лет придет!
Живое личико и кудри за плечами,
Жемчужин два ряда меж алыми устами,
Сквозь длинных двух ресниц небесный, нежный взгляд, —
Мне свежие венки из рук любви сулят.
(1824)

КАТЮША

Катюша милая, ты скрытна сердцем с нами;
Ты смолкла; ясный взор блестит порой слезами;
Он не прельщается красою сих шелков;
Игла в руках твоих не создает цветов;
Ты любишь лишь мечтать, ты убежать нас стала
И роза на устах девических увяла...

Красавица, мой взор стал сметлив от годов:
 Поверь, не от меня ты утаишь любовь...
 Пленяют девы нас и любят быть любимы,
 10 И сами любят нас; блажен любимый ими!
 Катюша, будь нежна, страстна, — (и должно то) —
 Коль можешь, и верна; но Расскажи мне, кто
 Сей милый юноша, осанистый, высоким,
 Со взором пламенным, с любовью, слишком робкой?..
 Но ты вся вспыхнула!.. я не назвал его;
 Но он известен мне... Вкруг дома твоего
 Как часто ходит он! — А ты к окну, за дымкой,
 Прижавшись, любишь им пленяться невидимкой...
 20 Чем дальше он идет, тем пристальней во след
 Глядишь, и все глядишь, хотя его уж нет!..

(1824)

НЕЕРА

... И как в предсмертный час
 Прекрасный лебедь песнь поет в последний раз,
 Которую никто уж больше не услышит,
 Но все еще поет, покуда жизнью дышит,
 Так, с смертью на челе, с тоской в очах, бледна,
 К кому-то говорит задумчиво она:

* * *

Мать нежная цветов, прозрачная Наяда,
 Хоть плеском струй твоих шепни о мне ты ей,
 Мани ее сюда, любовь моих очей.

А.С. Пушкин

НЕРЕИДА

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
 На утренней заре я видел nereиду.
 Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
 Над ясной влагою полубогиня грудь
 Младую, белую как лебедь, воздымала
 И пену из власов струею выжимала.

1820

МУЗА

В младенчестве моем она меня любила
 И семиствольную цевницу мне вручила;
 Она внимала мне с улыбкой, и слегка
 По звонким скважинам пустого тростника
 Уже наигрывал я слабыми перстами
 И гимны важные, внушенные богами,
 И песни мирные фригийских пастухов.
 С утра до вечера в немой тени дубов
 Прилежно я внимал урокам девы тайной;
 10 И, радуя меня наградою случайной,
 Откинув локоны от милого чела,
 Сама из рук моих свирель она брала:
 Тростник был оживлен божественным дыханьем
 И сердце наполнял святым очарованьем.

1821

“Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий,
 Внемли, боже кларосский, молению старца, погибнет
 Ныне, ежели ты не предыдешь слепому вожатым”.
 Рек и сел на камне слепец утомленный. — Но следом
 Шли за ним три пастыря, дети страны той пустынной,
 Скоро сбежались на лай собак, их стада стерегущих.
 Ярость уняв их, они защитили бессилие старца;
 Издали внемля ему, приближались; и думали: “Кто же
 Сей белоглавый старик, одинокий, слепой — уж не бог ли?
 10 Горд и высок; висит на поясе бедном простая
 Лира, и голос его возмущает волны и небо”.
 Вот шаги он услышал, ухо клонит и, смутясь, уж
 Руки простер для моленья странник несчастный. “Не бойся,
 Ежели только не скрыт в земном и дряхлющем теле
 Бог, покровитель Греции — столь величавая прелесть
 Старость твою украшает, — вещали они незнакомцу; —
 Если ж ты смертный — то знай, что волны тебя принесли
 К людям .....дружелюбным”.

1823

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает;
 На девственных устах улыбка замирает.
 Давно твоей иглой узоры и цветы
 Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
 Грустить. О, я знаток в девической печали;

DU DIX-NEUVIÈME SIÈCLE. 241

VERS INÉDITS

D'ANDRÉ CHÉNIER.

Près des bords où Venise est reine de la mer,
 Le gondolier nocturne, au retour de Vesper,
 D'un aviron léger hat la vague aplanié ;
 Chante Renaud, Tanerède et la belle Herminie.
 Il aime ses chansons ; il chante sans désir,
 Sans gloire, sans projets, sans craindre l'avenir,
 Il chante ; et plein du dieu qui doucement l'anime,
 Sait égayer du moins sa route sur l'ahîme.
 Comme lui, sans échos, je me plais à chanter :
 Et les vers inconnus que j'aime à méditer
 Adoucissent pour moi la route de la vie,
 Où de tant d'aquillons ma voile est poursuivie.

Ce fragment, qui nous paraît une légère imitation d'un des sonnets de Zoppi, est destiné à faire partie de la plus belle et de la plus complète édition des poésies d'André Chénier qui ait été publiée jusqu'ici. Elle paraîtra dans le courant de février chez le libraire Guillaume, rue Hautefeuille, et formera le cinquième volume des Oeuvres des deux frères. Les Oeuvres de Marie-Joseph Chénier sont déjà dans presque toutes les bibliothèques d'amateurs.

Давно глаза мои в душе твоей читали.
 Любви не утаишь: мы любим, и как нас,
 Девицы нежные, любовь волнует вас.
 Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ими
 10 Красавец молодой с очами голубыми,
 С кудрями черными?.. Краснеешь? Я молчу,
 Но знаю, знаю все; и если захочу,
 То назову его. Не он ли вечно бродит
 Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
 Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
 И долго вслед за ним незримая глядишь.
 Никто на празднике блистательного мая,
 Меж колесницами роскошными летая,
 Никто из юношей свободней и смелей
 20 Не властвует конем по прихоти своей.

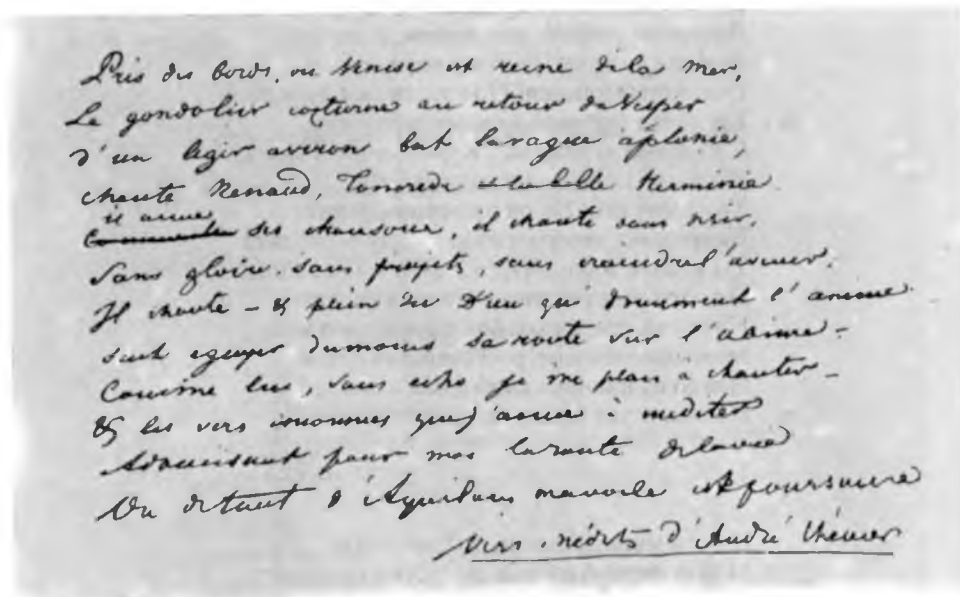
1824

О боги мирные полей, дубров и гор,
 Мой робкий Аполлон ваш любит разговор,
 Меж вами я нашел и музу молодую,
 Подругу дней моих, невинную, простую,
 Но чем-то милую — не правда ли, друзья?
 И своенравная волшебница моя,
 Как тихий ветерок, иль пчелка золотая,
 Иль беглый поцелуй, туда, сюда летая
 .....

1824

Близ мест, где царствует Венеция златая,
 Один, ночной гребец, гондолой управляя,
 При свете Веспера по взморию плывет,
 Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
 Он любит песнь свою, поет он для забавы,
 Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
 Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
 Умеет усладить свой путь над бездной волн.
 На море жизненном, где бури так жестоко
 10 Преследуют во мгле мой парус одинокой,
 Как он, без отзыва утешно я пою
 И тайные стихи обдумывать люблю.

1827

Стихотворение А. Шеньё "Près des bords où Venise est reine de la mer...",
записанное А.С. Пушкиным. Пушкинский дом

Tel j'étais autrefois et tel je suis encore.

Каков я прежде был, таков и ныне я:
 Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
 Могу ль на красоту взирать без умиления,
 Без робкой нежности и тайного волнения.
 Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
 Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
 В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой:
 А не исправленный стократною обидой,
 Я новым идолам несу мои мольбы...

1828

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
 Куда б ни вздумали, готов за вами я
 Повсюду следовать, надменной убегая:
 К подножию ль стены далекого Китая,
 В кипящий ли Париж, туда ли наконец,

Где Тасса не поет уже ночной гребец,
 Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
 Где кипарисные благоухают рощи,
 Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
 Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
 Забуду ль гордую, мучительную деву,
 Или к ее ногам, ее младому гневу,
 Как дань привычную, любовь я принесу?

1829

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Покров, упитанный язвительною кровью,
 Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью
 Алкиду передан. Алкид его приял.
 В божественной крови яд быстрый побежал.
 Се – ярый мученик, в ночи скитаясь, воет;
 Стопами тяжкими вершину Эты роет;
 Гнет, ломит древесю; исторженные пни
 Высоко громоздит; его рукой они
 В костер навалены; он их зажег; он всходит;
 Недвижим на костре он в небо взор возводит;
 Под мышцей палица; в ногах немейский лев
 Разостлан. Дунул ветер; поднялся свист и рев;
 Трещя горит костер; и вскоре пламя, воя,
 Уносит к небесам бессмертный дух героя.

1835

Д.П. Ознобишин

НЕЕРА

(Из Шенье)

Люблю тебя, Хромид, спеши, я не дурна!
 Диане в легкости и в белизне равна,
 Такая ж стройная. — С склонением денницы,
 Все наши юноши, как тихую стопой
 Иду я мимо них, потупивши ресницы, —
 Не верят, чтоб была я смертною простой,
 И тихо шепчутся, следя меня очами:

- “Ах, как она мила! как дышит красотой!
 Неера, берегись казаться над волнами,
 10 Чтоб не сочли тебя богиней, и порой
 Пловцы не стали б звать стихии в час мятежной,
 С Дорисой нежною, Нееры белоснежной!”

1821—1822

ПОТЕРЯННЫЕ ПОЦЕЛУИ

(Из Шенье)

- Я был малюткою, она ж в своей весне
 И девственной блистала красотой;
 Звала меня к себе и улыбалась мне.
 Склоняясь к ней на грудь, я смелою рукою
 Златые локоны прелестной развивал,
 И часто взгляд ее с стыдливостью немою
 Мне резвость детскую невинно упрекал.
 Но, гордая, она нежней меня ласкала
 При взорах юношей, вздыхающих вокруг ней.
 10 О сколько раз (но грудь еще любви не знала)
 Прекрасная, обняв меня рукой своей,
 Устами нежными приятно целовала;
 И говорили все, на мой триумф глядя:
 О, сколько благ на ветр! счастливое дитя!

(1826)

ПИСЬМО

- Письмо! Ее рукой начертанные строки!
 Сто раз целую их. Умолкните упреки!
 Нет тени мрачных дум, нет более тоски!
 Я счастлив, не забыт! Письмо ее руки!
 С какой тревогою смотрел на путь я дальный,
 Когда ты ехала. Безмолвный и печальный,
 Всего страшился я. В разлуке так легко
 Утратить память тех, от нас кто далеко!
 Нет, нет! я не забыт! Среди столицы шумной
 10 Меня ты вспомнила; а я роптал безумный!
 Я укорял тебя, и в час ночной не раз
 Подушку обливал слезами жарких глаз.
 Когда за окнами шумит и воев вьюга,

- И серебристый снег вокруг туманит даль,
 Ты пишешь: “Камелек теперь горит у друга,
 Он делит с музою досуги и печаль;
 Стихами, полными любви и вдохновенья,
 Он встретит вновь меня в тиши уединенья,
 И в звуках сладостных его я буду жить!..”
- 20 Нет, друг мой, трудно песнь и горе согласить!
 Окрест меня теперь все мрачно и уныло;
 С природой мертвою восторг во мне упал;
 Была б со мною ты, и вдохновенье б жило, —
 Поэзией души я весь бы трепетал!
 Тебя со мною нет! Угрюмый, одинокой,
 Ищу тебя везде, забыв, что ты далеко;
 Ищу в той комнате, где в ризах золотых
 В кивоте блещет лик угодников святых;
 Где льется тихий свет негаснущей лампы,
- 30 Где в грустные часы и в светлый час отрады,
 С надеждой теплою, сияющей в очах,
 Молитва у тебя носилась на устах...
 Ищу одной тебя среди залы опустелой,
 Где Виртовский рояль стоит осиротелый,
 Звучавший сладко так рук беглых под игрой;
 Где эхо вторило приятный голос твой,
 Когда Варламова ты воскрещала звуки,
 Или Титова песнь, исполненную муки,
 Или Бетговена передавала мне...
- 40 Там все молчит теперь; и только на стене
 Привычно маятник свершает ход урочный...
 Вхожу в гостиную: узор каймы восточной
 На пьальцах начатый, бросается в глаза;
 Кипсеки на столах... и грустная слеза
 Увлажит очи мне мечтой былого счастья.
 Но слезы тяжелы в тиши и без участия!..
 Да! их отрадно лить тому, кто полн тревог,
 В минуты ревности, возлюбленной у ног,
 Когда, следы сих слез рукою белоснежной
- 50 Спешит она стереть, ласкаясь к другу нежно,
 Целует милого, любовью вечной лгяся,
 И за слезу журит, сама сквозь смех глядя!

В деревне грусть зимой; всегда одно и то же.
 Скажи ж мне, нравится ль тебе столичный свет?
 Спектакль французский, где к твоей блестящей ложе,
 Наверно, не один уставился лорнет?
 Где шеллчут вкруг тебя: “Не знаете ль, кто эта?”

- Вся в блондах, в бархате и так к лицу одета!
 Как хороша она! Свежей весенних роз!
 60 Как пышны локоны каштановых волос!
 Какая на очах разлита неги сладость
 И в милом личике задумчивость и радость!..”
 Или когда тебя уносит шумный бал,
 Где ты являешься средь говора похвал,
 И на паркет ступя под Ланнеровы звуки,
 Танцору юному стыдливо бросив руки,
 С ним весело летишь в блистании свечей;
 Когда тебя следят вокруг тысячи очей;
 Когда соперницы, которым видеть больно
 70 Сильфиду легкую, смущаются невольно,
 И, зависть затая и сердцем не любя,
 Улыбкой светскою приветствуют тебя...
 Но вот ты кончила уж вальса круг блестящий;
 Кто ж этот юноша, так сладко говорящий?
 Кто он, замеченный, щеголеватый князь,
 На спинку кресл твоих небрежно наклонясь,
 Передает тебе затверженные речи
 Про балы, про наряд и счастье первой встречи —
 Случайно между слов бросает он шутя?..
 80 О, бойся сих речей, души моей дитя!
 В них яд скрывается; они коварства полны!..
 Зачем я не могу, невидимый, безмолвный,
 С тобою вместе быть, следить твой каждый шаг,
 Ловить твой милый взгляд, улыбку на устах,
 Угадывать твои все мысли и движенья,
 Все чувства тайные и тайные волненья!..
 Зачем!.. Куда меня мечтанья увлекли?
 Один, в деревне я; ты в городе, вдали!..

 Когда в час полночи, покинув бал блестящий,
 90 Ты возвращаешься, усталая, домой,
 И сбросив свой наряд, на столике лежащий
 Конверт с письмом моим увидишь пред собой;
 Когда его к устам и к груди торопливо,
 С восторгом пламенным и с думой боязливой
 Прижмешь ты, милая, — я это буду знать!
 Верь, друг мой, на певцов нисходит благодать;
 Они провидцами зовутся не напрасно!
 Вдали я буду жить твоей любовью страстной;
 Вблизи свиданья час с тобой благословлять.

Н.И. Гнедич

ТЕРЕНТИНСКАЯ ДЕВА

(из Андр. Шенье)

Стенайте, алкионы!
 О птицы нежные, любимицы наяд,
 Стенайте! ваши стоны
 Окрестные берега и волны повторят.

Не стало, нет ее, прекрасной Эвфрозины!
 Младую нес корабль на берег Камарины;
 Туда ее Гимен с любовью призывал:
 Невесту там жених на праге дома ждал.
 При ней, на брачный день, хранил ковчег кедровый,
 10 Одежды светлые и девы пояс новый,
 И перлы для груди, и золото для перстов,
 И благовонные мастики для волос.
 Но, как Ниобы дочь, невинная душою,
 На путь покрытая одеждою простою,
 Фиалковым венком и ризою льняной,
 На палубе, одна, стояла, и мольбой
 Звала попутный ветер и мирные светила.
 Но вихорь налетел и, грянувши в ветрила,
 Невесту обхватил, корабль качнул: о страх!
 20 Она уже в волнах!..

Она уже в волнах, младая Эвфрозина!
 Помчала мертвую глубокая пучина.
 Фетида, сжался, ее из бездн морских
 Выносит бледную в объятиях своих.
 На крик сестры, толпой, сквозь влажные громады,
 Всплывают юные поверх зыбей наяды;
 Несут бездушную, кладут под кипарис;
 Там — принял девы прах зефиров тихий мыс;
 Там — нимфы, воплями собрав подруг далеких,
 30 И нимф густых лесов, и нимф полей широких,
 И, распустив власы, над холмом гробовым
 Весь огласили брег стенанием своим.

Увы! напрасно ждал тебя жених печальный;
 Ты не украсилась одеждою венчальной;
 Твой перстень с женихом тебя не сочетал,
 И кудрей девственных венец не увенчал!

В.К. Кюхельбекер

НАДЕЖДЕ ПАВЛОВНЕ ШУЛЬЦОВОЙ

(фрагмент)

.....
И мне явилась в день ненастный
Пророчица веселых дней,
Надежда, свет души моей;
И соименницы своей
Она приняла вид прекрасный,
Ее приветный, тихий взор,
Ее улыбку, разговор,
8 Ее и поступь и одежду.
Но я небесную Надежду
Познал и благостным богам
Возжег священный фимиам.

1823

В.И. Туманский

БОЛЕЗНЬ

Под тяжким бременем недуга,
Меня не радует ни ясный воздух Юга,
Ни волн полуденных краса.
В окно печальное гляжу на небеса.
Как будто к узнику в темницу,
Сквозь занавесу темных дров,
Едва доходит день, порой, в мою светлицу.
Все позабыто вдруг: приветы милых дев,
Утехи юности, желанья
10 И лиры радостный напев.
Сижу один, без упования,
О здравьи сетую моем.
Увы! и нет в краю чужом.
Ни друга близ меня, который бы душою
Жалея о моей судьбе,
Спросил заботливо: "что, легче ли тебе?"
И руку мне пожал горячею рукою.

1824

ОТРЫВОК

...Таков я был, таков и буду я!
 Когда на прихоти, на сладкие обеды
 Казна растрочена моя;
 Когда наскучат мне жеманные беседы
 Жеманных барынь городских;
 Когда изменница-Лилета
 В гостях у богачей, на пышном ложе их
 Забудет бедный одр Поэта; —
 Сажусь дома я! Здесь, укрепясь душой,
 Я мыслю и учусь и славлю жребий мой!
 Кричу: "О светские заботы!
 О суета людей! безумные расчеты!
 Зачем преследовать, неверные, как сны,
 И золото и любовь, и славу и чины!"
 Но только серебряной струею
 Разгульные рубли польются в мой карман;
 Или придворную, сиятельной четою
 Я буду важно в гости зван;
 Но если вечером дорожкой потайною
 20 Ко мне Лилета завернет,
 И сладостно меня любовью обнадежит,
 И взором усмирит, и взором привлечет
 И расцелует и разнежит,
 Не даст и слова молвить мне; —
 Прощайте, мудрецы, прощай, моя пустыня,
 И дум возвышенных богиня,
 И вольный труд наедине!
 Тут снова потекут и вздохи и лобзанья,
 Затеи резвые, наряды и катанья,
 30 И бредни нежные и тайные дары;
 И Вакху верные, всеобщные пиры.

1826

ГОНДОЛЬЕР И ПОЭТ

(Перевод неизданных стихов А. Шенье)

У стен Венеции, владычицы зыбей,
 Беспечный гондольер в мерцании ночей
 Скользит вдоль берегов без шума и без следа
 Поет Эрминию, Ринальда и Танкреда.
 Он любит свой напев, без платы он поет,
 Без гордых умыслов, без страха, без забот;

Поет — и сладостно объятый вдохновеньем,
Свой путь на бездне вод увеселяет пеньем.
Как он — без отзыва пою в стране чужой!
10 И звуки тайные, придуманные мной,
На море жизненном мой жребий улаждают,
Где столько бурных волн ладью мою вращают!

1826

ОТРОКОВИЦЕ

Не упреждай годов; зрей тихо; не вреди
Развитию красот, сокрытых впереди.
Утехи ранние отрава, а не сладость:
Лишь целомудрием цветет и блещет младость.
О милая! дозвожь златой твоей весне
Без искушения, в беспечной тишине
Допраздновать свой век. Дни счастья не изменят.
Придет твоя пора, и юноши оценят
Влюбленной думою все прелести твои:
10 Блеск утренний ланит, густых кудрей струи,
Уста цветущие с двойным жемчужным рядом
И светлые глаза с победоносным взглядом.

<1837>

А.Г. Ротчев

ПЕСНЬ ВАКХАНКИ

Лицо мое горит на солнечных лучах,
И белая нога от терния страдает!
Ищу тебя давно в соседственных лугах,
Но только эхо гор призыв мой повторяет.
О милый юноша! меня стыдишься ты...
Зачем меня бежишь? взглядишь в мои черты!
Прочти мой томный взгляд, прочти мои мученья!
Приди скорей! тебя ждет прелесть наслажденья.
Брось игры детские, о юноша живой;
10 Узнай, — во мне навек остался образ твой.
Ах, на тебе печать беспечности счастливой,
И взор твоих очей как девы взор стыдливый;
Твоя младая грудь не ведает огня
Любви мучительной, который жжет меня.

Приди, о юноша, прелестный, черноокий,
 Приди из рук моих принять любви уроки!
 Я научу тебя восторги разделять,
 И будем вместе млеть и сладостно вздыхать!...
 20 Пускай уверюсь я, что поцелуй мой страстный
 В тебе произведет румянца блеск прекрасный!
 О, если б ты пришел вечернею порой
 И задремал, склонясь на грудь мою главой,
 Тогда бы я тебе украдкой улыбалась!
 Тогда б я притаить дыхание старалась.

(1826)

И.И. Козлов

МОЛОДАЯ УЗНИЦА

В полях блестящий серп зеленых нив не жнет;
 Янтарный виноград, в ту пору как цветет,
     Не должен хищных рук бояться!
 А я лишь начала, красуясь, расцветать...
 И пусть мне суждено слез много проливать —
     Я с жизнью не хочу расстаться.

Смотри, мудрец, на смерть с холодною душой!
 Я плачу и молюсь, и жду, чтоб надо мной
     Сквозь тучи звезды проглянули.
 10 Есть дни ненастные — но красен Божий свет;
 Не каждый сот душист; такого моря нет,
     Где б ветры бурные не дули. —

Надежда светлая и в доле роковой
 Тревожит грудь мою пленительной мечтой,
     Как ни мрачна моя темница.
 Так вдруг, освободясь от пагубных сетей,
 В поля небесные счастливее, быстрее
     Летит дубравная певича.

Мне рано умирать: покой дарит мне ночь,
 20 Покой приносит день, его не гонят прочь
     Ни страх, ни совести укоры;
 И здесь у всех привет встречаю я в очах,
 Улыбку милую на пасмурных челах
     Всегда мои встречают взоры;
 Прекрасный, дальний путь еще мне предстоит, —

- И даль, в которую невольно все манит
Передо мной лишь развернулась;
На радостном пиру у жизни молодой
Устами жадными до чаши круговой
30 Я только-только что коснулась.
- Я видела весну, — хочу я испытать
Палящий лета зной, и с солнцем довершать
Течение жизни я желаю;
Лилея чистая, краса родных полей,
Я только видела блеск утренних огней, —
Зари вечерней ожидаю.
- О смерть, не тронь меня! Пусть в мраке гробовом
Злодеи бледные с отчаяньем, етьдом
От бедствий думают скрываться;
40 Меня ж, невинную, ждет радость на земле,
И песни нежные, и поцелуй любви:
Я с жизнью не хочу расстаться.
- Так в узах я слышал, сам смерти обречен,
Прелестной узницы и жалобы, и стон, —
И думы сердце волновали.
Я с лирой соглашал печальный голос мой,
И стон, и жалобы страдальцы молодой
Невольно струны повторяли.
- И лира сладкая, подруга тяжких дней,
50 Быть может, спрашивать об узнице моей
Заставит песнию своею.
О! знайте ж: радости пленительней она;
И так же, как и ей, конечно, смерть страшна
Тому, кто жизнь проводит с нею.

(1826)

* * *

Графине З.И. Лепцельтерн

Над темным заливом, вдоль звучных зыбей
Венеции, моря царицы,
Пловец полуночный в гондоле своей,
С вечерней зари до денницы,
Рулем беззаботным небрежно сечет
Ленивую влагу ночную;

Поет он Ринальда, Танкреда поет,
 Поет Эрминию младую, —
 Поет он по сердцу, сует удален,
 10 Чужого суда не страшится,
 И, песней любимой невольно пленен,
 Над бездною весело мчится.
 И я петь люблю про себя, в тишине,
 Безвестные песни мечтаю,
 Пою — и как будто отраднее мне;
 Я горе мое забываю,
 Как ветер ни гонит мой бедный челнок
 Пучиною жизни мятежной,
 20 Где я так уныло и так одинок
 Скитаюсь во тьме безнадежной...

(1827)

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНИЕ АНДРЕЮ ШЕНЬЕ

Ко мне, стрелок молодой, спеши! любим ты мною,
 Любим, а я равна Диане красотою:
 И так же я бела, и так же я стройна,
 И в резвости живой стыдлива, как она.
 И в час вечерний дня, с поникшими очами,
 Долиной темною, теряясь меж кустами,
 Как мимо пастухов я тихо прохожу,
 И, дева робкая, на дерзких не гляжу, —
 10 Тогда кажусь я им не смертною простою:
 “О, как прелестна ты! — несется вслед за мною. —
 Неера! берегись вверять себя волнам:
 Ты новым божеством покажешься пловцам, —
 И будут умолять от бури неизбежной
 Богиню светлых вод с Неерой белоснежной”.

(1832)

НЕВЕСТА

Элегия

(Вольное подражание Андрею Шенье)

О, что сбылось с тобой, невеста молодая?
 Увы! Погибла ты, о радости мечтая!
 Она уже в тот край несется кораблем,
 Где ждет ее любовь с ей милым женихом;
 Где, песен свадебных услыша хоры,

Он встретил бы ее пленительные взоры.
Заботливой рукой под ключ положено
В узорных кружевах ночное полотно,
И дивный аромат для локонов небрежных,
10 И радужный жемчуг для персей белоснежных.
В раздумьи сладостном и негой смущена,
Прелестная стоит на палубе одна,
Пленяясь ярких волн блестящей синевою
И полуночных звезд таинственной красою;
Но вихрь вдруг налетел и, вься в пеленах,
Схватил ее, помчал, — она уже в волнах!
Она уже в волнах, невеста молодая!
Уж над прекрасно шумит волна морская!
Один лишь тихий стон был вестью роковой
20 О жалкой участи любви ее земной;
И волны подыали, клубяся, вой унылый
Над раннею ее холодною могилой.
Увы! желанных дней прекрасной не видать!
Невеста!... жениху тебя уж не встречать!
Утратил он с тобой любви своей надежду.
Не наряжалась ты в брачную одежду,
Не билась грудь твоя под светлым жемчугом,
И — не украсила ты локоны венцом.

(1835)

ЭЛЕГИЯ

О ты, звезда любви, еще на небесах,
Диана, не блестишь в пленительных лучах!
В долины под холмом, где ток шумит игривый,
Сияние пролей на путь мой торопливый.
Нейду я похищать чужое в тьме ночной
Иль путника губить преступною рукой,
Но я люблю, любим, мое одно желанье —
С прелестной нимфою в тиши найти свиданье;
Она прекрасных всех прекраснее, милей,
10 Как ты полночных звезд красою всех светлей.

(1835)

ИДИЛЛИЯ

(Из Андрея Шенье)

Стремятся не ко мне с любовью и хвалами,
 И много от сестры отстала я годами.
 Душистый ли цветок мне юноша дарит,
 Он мне его дает, а на сестру глядит;
 Любуется ль моей младенческой красою,
 Всегда промолвит он: как сходна я с сестрою,
 Увы! двенадцать раз лишь мне весна цвела;
 Мне в песнях не поют, что я сердцам мила,
 Что я плененных мной изменой убиваю.
 10 Но что же, подождем, — мою красу я знаю;
 Я знаю, у меня, во блеске молодом,
 Есть алые уста с их ровным жемчугом,
 И розы на щеках, и кудри золотые,
 Ресницы черные, и очи голубые...

〈1838〉

СТИХИ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ
НА ПРЕБЫВАНИЕ ЕГО В АНГЛИИ*Вольное подражание*

Простясь с родными и друзьями,
 Лишен всего, что мило мне,
 Живу я, брошенный волнами,
 В туманной, дикой стороне.
 Один, тоскою здесь томимый,
 Сажу у мрачного огня, —
 И память родины любимой
 В уме и сердце у меня;
 Ее я в думах обнимаю,
 10 Стремлюсь туда перелететь,
 Минуты горестно считаю,
 Давно хотел бы умереть.
 И что ж? в уделе мне враждебном
 Здесь нет со мною никого,
 Кто б, на лице заметя бледном
 Тревогу сердца моего
 И слезы, — сам моей тоскою
 Душевно тронутый, сказал:
 “Что, друг мой милый, что с тобою?”
 20 И руку мне приветно сжал.

Е.А. Баратынский

* * *

Есть грот: Наяда там в полдневные часы
Дремоте передает усталые красы,
И часто вижу я, как нимфа молодая
На ложе лиственном покоится нагая,
На руку белую, под говор ключевой,
Склоняясь челом, венчанным осокой.

(1826)

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Под бурю судеб, унылый, часто я,
Скучая тягостной неволей бытия,
Нести ярмо мое утрачивая силу,
Гляжу с отрадою на близкую могилу,
Приветствую ее, порой ее люблю,
И цепи отряхнуть я сам себя молю.
Но вскоре мнимая решимость позабыта,
И томной слабости душа моя открыта:
Страшна могила мне; и ближние, друзья,
10 Мое грядущее, и молодость моя,
И обещания в груди сокрытой музыки —
Все обольстительно скрепляет жизни узы,
И далеко ищу, как жребий мой ни строг,
Я жить и бедствовать услужливый предлог.

(1828)

П.А. Плетнев

РЫБОЛОВ

Прибрежный рыболов на родине моей,
Оставя влажный груз развернутых сетей,
По склону волжских струй, бездеятелен, весел,
Плывет на челноке без паруса и весел.
Усталый от трудов, качаясь над водой,
Протяжной песнью он забавит отдых свой.
Далеких замыслов и суетности чуждый,
Не знает он похвал, не чувствует в них нужды.
Любуясь на небо, на волны, на скалы,
10 На позднюю зарю и дым вечерней мглы,
В пустынных берегах невнемлемый, незримый,

Выводит для себя напев страны родимой.
 В привычный лени час, между трудов и сна,
 К созвучию стихов душа моя жадна.
 Они за мыслию то важной, то игривой
 Переливаются то медленно, то живо.
 Согласный лепет их пленяет строгий ум
 И освежает в нем забытых много дум.
 Но в праздности ночей, питая вдохновенье,
 20 Храню его дары в моем уединеньи,
 Без разделения и хладного суда
 Забавой пользуюсь любимого труда,
 Как улетающим, но сладостным мечтаньям,
 Как сном несбыточным, но сходным с ожиданьем.

(1827)

Д.П. Глебов

К МУЗАМ

Les biens de l'âge d'or ne sont pas des chimères.

Saint-Lambert

О вы, пустыни долины уединенных,
 Пещер таинственных и дремлющих лесов,
 О Музы! бродите ль в мечтаньях сокровенных,
 Внимая ропоту ленивых ручейков,
 Иль резвитесь в лугу веселыми толпами,
 Когда луч месяца поляны серебрит,
 И злак уступчивый с покорностью скользит,
 Склонясь под вашими воздушными стопами, —
 Явитесь... я зову вас пламенной душой!
 10 Средь града шумного, на пыльной мостовой,
 Вы мне не встретитесь, спокойствия подруги!
 Вам звонких колесниц противен шум колес,
 И вы скрываетесь, посланницы небес!
 Зову... явитесь мне, готов я к вам в услуги,
 Неистомимые в божественных дарах!
 О! будьте вы мои и Лары и Пенаты!
 В глухой безвестности, на отческих полях,
 Вы дайте мне в удел приют, хоть не богатый
 Но где, счастливых дней незнаемый певец,
 20 С цевницею в руке я встречу дней конец.
 Вы знаете, что я и юности во цвете,

Желаний далее своих не простирает,
И счастье полей всему предпочитал,
Да будет у меня и в сердце, и в предмете,
Тот век, блаженный век, та смертных колыбель,
Где были все их дни невинностью хранимы
И добродетели одни боготворимы;
Где чистая любовь была всей жизни цель.
Наступит ли сей век беспечный и счастливый?
30 Дадите ль, Музы, мне вы сей смиренный кров,
Близь коего, резвясь по бархату лугов,
Лазоревым серебром сверкнет ручей игривый?
От зависти людской лесами огражден,
И чуждый знатности высокомерной скуки,
Не буду знать в глуши честолюбивой муки.
Подругой, милыми птенцами окружен,
Я понесу в поля глубокие мечтанья, —
И лиру оживит их творческий порыв!
Пусть чашу радости, без страха и желанья,
40 Я выпью всю до дна, по капле истощив.
О сумрачных лесов присутственный хранитель,
Отрада горестных и злополучных друг,
Задумчивость! тобой полей спокойный житель
Волненьем сладостным лелеет томный дух,
Когда в час вечера, на берег осяянный
Он медленной стопой неволью увлечен,
И умолкает дол, и лес вдали туманный
В последний раз лучом бегущим озарен...
Воссев в безмолвии, роскошествует душою,
50 И, полный дум, склонив в мечтании главу,
Он смотрит, как ручей зеркальною струею
Живописует лес, цветы и мураву,
И древний храм, и луг, пестреющий стадами,
И небо вечера златистыми грядами, —
И незабвенный след своих протекших дней.
С былою радостью он чувствует сильней;
И благ утраченных лишь видя пред собою
Одну печальную, ничтожную тщету,
Стремится в памяти осуществить мечту, —
60 И невозвратное еще дарит слезою.

〈1827〉

Г.С.***

МОЛОДАЯ УЗНИЦА

(Подражание Андрею Шенье)

Как мило зреет клас, — богатых нив краса!
Как спеет виноград! Как летняя роса
Поит его, лелеет!

Так я взлелеяна отрадною судьбой,
Теперь хоть узница; но в мраке надо мной
Зефир свободы веет!

Хотя в оковах я, но как мне жизнь мила!
Как устрашает смерть! едва я расцвела,
И мне знакомо горе.

10 Но что ж? ужели свет отрадный не взойдет?
И кто здесь счастливо путь жизненный пройдет?
Кто встретит тихим море?

Пусть будет мысль моя невинности мечта,
Зато темница мне не страшна, не пуста:
Внимаю я надежде; —
Так точно ускользнув от бедственных сетей,
В знакомый лес летит счастливый соловей,
И там поет, как прежде.

И мне ли умирать? Тогда как тихий сон
20 Всегда спокоен был, тогда как страсти стон
В душе не отзывался.

Мой путь еще далек: еще знакома сень
Манит меня, и по краям ложится тень
Как будто жизни лета;
Едва мне стал знаком, — едва узнала мир
И не успела я вступить на шумный пир
Блистательного света.

Я видела весну и жатвы зрелой жду,
Меня весенний луч согрел, — и я хочу
30 Зреть солнца луч прощальный.
Я утром расцвела в неизвестной тиши
И жду вечерний мрак с спокойствием души,
А с ним и погребальный!

О, смерть! останови минутный свой полет,
Лети ты к тем, кому для глаз зари восход
Мучительно ужасен: —
А мне еще цветут красы садов, полей,
Пернатые поют, и стелется ручей,
И все мне мир прекрасен! —

40 Так пела узница, а мрачный свод молчал
И эхо замерло, — с восторгом я внимал
Мечтам прелестной девы
И сердце отдал ей, — надежде поручил
Остаток дней и сам на лире повторил
Прелестные напевы.

В темнице мрачно все: ужасна тишина.
Казалось, в первый раз нарушена она
Улыбкой песнопенья.
И в гробовых стенах, как роза отцвела,
50 Младая узница; — она и здесь была
Предметом вдохновенья.

⟨1828⟩

М.Ю. Лермонтов

ПАН

(В древнем роде)

Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
Укрывшись лесов в таинственную сень,
Или под ветвями пустынных рябины,
Смотреть на синие, туманные равнины.
Тогда приходит Пан с толпою пастухов;
И пляшут вокруг меня на бархате лугов.
Но чаще бог овец ко мне в уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкает легкий хмель,
10 В одной руке его стакан, в другой свирель!
Он учит петь меня; и я в тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

1829

ИЗ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

За дело общее, быть может, я паду,
 Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
 Быть может, клеветой лукавой пораженный,
 Пред миром и тобой врагами униженный,
 Я не снесу стыдом сплетаемый венец
 И сам себе сыщу безвременный конец;
 Но ты не обвиняй страдальца молодого,
 Молю, не говори насмешливого слова.
 Ужасный жребий мой твоих достоин слез,
 10 Я много сделал зла, но больше перенес.
 Пускай виновен я пред гордыми врагами,
 Пускай отмстят; в душе, клянуся небесами,
 Я не злодей, о нет, судьба губитель мой;
 Я грудью шел вперед, я жертвовал собой;
 Наскучив суетой обманчивого света,
 Торжественно не мог я не сдержать обета;
 Хоть много причинил я обществу вреда,
 Но верен был тебе всегда, мой друг, всегда;
 В уединении, среди толпы мятежной,
 20 Я все тебя любил и все любил так нежно.

1831

Н.М. Языков

ЭЛЕГИЯ

Ты восхитительна! ты пышно расцветаешь —
 И это чувствуешь — и гордо щеголяешь
 Сапфирами твоих возвышенных очей,
 И пурпуром ланит, и золотом кудрей,
 И перлами зубов, и грудью лебединой,
 И стана полнотой, и поступью павлиной.
 Отчаянье подруг и чудо красоты!
 Скажи, кого зовешь, чего желаешь ты
 Порой, как в тишине благословеньем ночи
 10 Смежаются твои лазоревые очи,
 Как тайные мечты не дремлют — и любовь
 Воспламеняет их и гасит вновь и вновь?
 Я знаю: это он, младый и чернобровый,
 Прекрасный девственник, надменный и суровый;
 Им соблазнилась ты. Он манием руки
 Смиряет конские разбеги и прыжки;
 Он метко боевым булатом управляет,

И в час, как хладными лучами осыпает
Полночная луна недвижимый залив,
20 Он, смелые стопы железом окрылив,
Один, на звонком льду, меж сонными берегами,
Летает с края в край проворными кругами.
О нем мечтаешь ты; твой небезгрешный сон
То нежно скрашен им, то жарко возмущен:
Чело твое горит, и вздохи грудь волнуют,
И воздух... медленно уста твои целуют!

1829

А.А. Шишков

СПЯЩАЯ ДЕВА

(из Шенье)

Приблизься к ней перед рассветом дня
И посмотри на милую украдкой,
Как, голову небрежно наклоня,
Она покоится дремотой сладкой;
Как белая лежит ее рука,
Как локоны, струясь от ветерка,
Спускаются на взор полуоткрытый,
И пламенно горят ее ланиты.

〈1830〉

Н.И. Шибает (?)

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Лондон 1782

Один, без земляков, без друга, без родных,
Забутый на земле, далеко от своих,
Волнами брошенный на остров сей угрюмый,
Я к милой родине летаю частой думой...
Здесь, в пасмурной стране, судьбу мою вина,
Мне долгод каждый час, желаю смерти я —
И ни единый друг меня не ободряет,
Не сядет близ меня; и видя, что пылает
Лицо мое в слезах, исторженных тоской,
10 Мне руку не пожмет, не спросит, что с тобой?

〈1830〉

УТЕШЕНИЕ

(Из А. Шенье)

Мы любим высказать страдания свои.
 Как влага быстрых туч минутно освежает
 Песчаной степи зной, так мученик любви
 Целебной жалобой боль сердца услаждает:
 Вверяет ли печаль он избранным друзьям.
 Подобно, как и он, любившим в дни былые;
 Внимают ли его болезненным словам
 Одни скалы, леса иль волны голубые.

〈1831〉

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ А. ШЕНЬЕ

Как бледною зарей, как веяньем зефира
 Одушевлен конец безоблачного дня,
 Так перед плахою звучит еще мне лира!
 Быть может, что близка уже чреда моя —
 И прежде, может быть, чем стрелка золотая,
 Блестящую эмаль послушно обтекая,
 Все шестьдесят шагов, весь путь свой круговой,
 Пройдет недремлющей и звонкою стопой, —
 Глаза мои сомкнет тяжелый сон кончины...
 10 Иль прежде, чем мой стих дойдет до половины,
 Посланник гибели, вербуя мертвецов
 И гнусных стражей ряд ведя под эти своды,
 Названием моим и шорохом шагов
 Наполнит длинные темницы переходы...

〈1831〉

В.И. Любич-Романович

НЕЭРА

Люблю тебя, Хромис! иди поскорей.
 Я повсюду слышу красотой моей:
 Бела, как Диана, легка, как она,
 Величава осанкой и так же стройна;
 И если со стадом иду я ввечер,
 Выступая надменно, потупя свой взор —

То все пастухи, не замечены мной,
Провожая очами, твердят меж собой:
Не смертная то; как прекрасна она!
10 Как богиня, горда, и мила, и стройна!
Неэра! себя не вверяй ты волнам:
Ах! и вправду ты будешь богинею там!
И в бурю взывать уж сам-друг, наконец,
Галатею с Неэрою будет пловец!

(1832)

В.И. Красов

К***

Она бежит играющих подруг;
Она грустна; ей скучен их досуг,
Их игры резвые, их смех и разговоры
Про юношей, про танцы, про наряд,
Ее глубокие, задумчивые взоры
О тайной страсти говорят...
Кто ж юноша? Где он теперь? Давно ли?..
Но нет, таи, прекрасная, таи,
Тоску сердечных неволи,
10 Мечты любимые твои!
Таи! Холодный свет святого не оценит,
Толпа мертва для чувства и страстей,
Завистливо душе твоей изменит
Коварная подруга юных дней.

Но здесь один знаком с опасными страстями,
И тайна дум твоих от взора не ушла:
Я знаю, отчего над темными кудрями
На мраморном челе забота налегла;
Я знаю, отчего ланиты погасают,
20 Какою тайною закованы уста,
Что взоры грустные кого-то ожидают
И отчего тиха, безмолвна красота.
Ты помнишь песнь любви с заветною мольбою,
При шумном говоре собравшихся гостей?..
Как вся страдала ты! Твой взор блеснул слезою...
Я видел всю игру взволнованных страстей...

(1835)

И.А. Бек

ПОДРАЖАНИЕ ШЕНЬЕ

Дорида! я спешу в безмолвный мрак лесов;
 С уединением сдружается любовь.
 Весь мир, как дар пустой, лежит передо мною;
 Лишь там любовник твой мечтает быть с тобою,
 Там, в одиночестве, коварную любя,
 Богат на вымыслы, я счастлив без тебя.
 Надежда светлая и сны воображенья
 Являют сердцу там волшебные виденья.
 Со мною снова ты; но пылкая любовь,
 10 Забыв и строгий взгляд, и звук холодных слов,
 Любуясь девою чувствительной и томной,
 И ласкам нежности тогда лишь благосклонной,
 С ней бродит по тропам заброшенных дорог
 Иль укрывается в пустынный уголок,
 Куда ни дровосек, ни луч не проникает,
 Или прекрасную в объятья заключает
 Под сумраком немых муравчатых пещер.
 Когда ж у ног твоих безумный суевер
 Встречает наяву твой взор неоцененный,
 20 В замену сладких снов находит, обольщенный,
 Тоску всегдашнюю, мучительный обман;
 Какой таинственный, всеильный талисман,
 Скажи, Дорида, мне, глаза твои скрывают?
 Они лазурь небес и землю украшают.
 Лежишь ли ты в селе на полевых цветах
 Иль в пышном городе на шелковых коврах,
 Пастушка скромная, иль гордая Армида,
 Ты все владычица, ты все, ты все — Дорица;
 А я лишь раб любви, поклонник вечный твой,
 30 Плененный призраком, отверженный тобой!

〈1837〉

В.Г. Бенедиктов

* * *

Зоилы! Критики венчанные! Идите!
 Вот вам мои стихи: браните! говорите,
 Что Муза у меня дерзка иль холодна,
 Что стих мой нехорош, что рифма неполна!

Я с умыслом грешил. Мне брань от вас — отрадна,
 А ваша похвала была бы мне досадна.
 В академических венцах вы иногда
 Похожи на царя фригийского, когда
 Трещит у вас в руках элегия иль ода.
 10 О если б демон — друг всего людского рода —
 Вам вздернул руку вверх в то время, чтобы вы
 Почуяли, своей коснувшись головы,
 Как черствый педантизм, оцепенив вам души,
 Меж листьями венцов вытягивает уши.

* * *

Красавицы! Мужским оставьте головам
 Науки тяжкий труд! А вы!... Довольно вам
 Занятий женственных и легких дарований.
 Как видеть было б жаль.....созданий,
 С математическим анализом в борьбе,
 Согбенных над сухим, холодным $a+b$!
 И если б их уста те формулы шептали,
 Так нежно, сладостно и трепетно дыша
 Срежь вздрагиваний, ласк и стонов наслажденья:
 10 “О ангел мой! Люблю... мой друг!...моя душа” —
 Все эти имена последнего томленья.

* * *

Влюбленных коз супруг брадатый и зловонный
 Сатира поразить напряг свой лоб наклонный.
 Сатир, предусмотрев миг стычки роковой,
 Стал против, упершись копытною ногой.
 Наметились — и вдруг — лоб в лоб! Удар раздался —
 И воздух застонал, и лес поколебался.

* * *

Амур взялся за плуг — и, земледелец новый,
 Запряг в ярмо волов, на них взял бич суровый,
 И чуть лишь свежая бразда проведена —
 Он, щедрою рукой кидая семена,
 Властительно кричит к Юпитеру: “Послушай!
 Не порти жатву мне ни влагою, ни сушей!
 Не то — с Европой вновь явлюсь я — мститель твой —
 И вновь ты склонишься мычащей головой!”

* * *

Седого пастуха дочь юная! Слегка
 Ты тридцать пребольших кувшинов молока —
 Что вечер — надоишь. Но тут одна из стада

Есть телка бурая: ее беречься надо;
 Она так зло глядит, — пасется все дичась —
 Поодаль от других. Пред нею наклонясь
 Не тронь, не нажимай сосцов ее обильных,
 Пока одной из ног брыкающих и сильных
 Не стянут ловко ей, опасность отклоня,
 10 Охранной петлею упругого ремня!

* * *

Раз, луга злачного переходя границу,
 Блуждающий сатир нашел в траве цевницу:
 Цевницу ту бог стад случайно потерял;
 А звуками ее он весь Олимп пленял.
 Чтоб показать себя в искусстве мусикийском,
 Сатир созвал всех нимф на берегу Азийском, —
 И почему ж чудес ему не произвесть?
 Ведь у него и рот и пальцы также есть,
 А музыка сидит в орудии. Ни слова!
 10 Вся аудитория внимать ему готова.
 Сатир трудиться стал: приткнув мохнатый рот
 К отверстию одному, по скважинам он бьет
 Перстами, щеки вздул, в поту, весь предан мукам —
 И разразилась вдруг каким-то диким звуком
 Цевница. Общий смех раздался. Пристыжен,
 Вмиг из собрания сатир дал тягу; он
 Бежать пустился в лес, в слезах, гоним судьбами,
 Преследуем собак и лаем и зубами.

* * *

Измена милой нам всегда горька, обидна,
 Хотя б тот избранный, что ею стал любим,
 Достоин так, что ей возлюбленным не стыдно
 Признать его, а нам — соперником своим.
 Но часто... о судьба!.. счастливцев тот любимый
 Таков, что за него краснеть принуждены мы, —
 А делать нечего! Предание гласит,
 Что соблазнителем не раз бывал Ферсит.
 Порой для женщины причиной падения
 Бывает лишь одна приманка преступленья.

* * *

Нет, гнев любовника не стоек. Если б ты
 Увидел милую, когда в слезах сознанья
 Она, горя огнем стыдливой красоты,
 Сама себя винит и сыплет оправданья, —
 Когда, без низких просьб, твоей пощады весть

Ей хочется скорей в глазах твоих прочесть,
 И, косы распустив, открыв уста, без речи,
 Как будто невзначай приобнявая плечи,
 По-видимому, вновь еще сильнее любя,
 10 Она возводит взор молящий на тебя, —
 Ты б в миг, чтобы ее избавить от терзаний,
 Прощенье пролил ей потоками лобзаний.

* * *

Приблизься утром к ней, когда Морфей снотворно
 Свой подсыпает мак, цветы его и зерна,
 В подушку мягкую, и томная рука
 Красавицы, скользя, блуждает, и слегка
 Луч солнца крадется под пух ресниц закрытых,
 И тени снов дрожат на розовых ланитах!

* * *

Мучительная ночь! Да скоро ли заря
 Взойдет? Скажите мне, дождусь ли утра я?
 Подумайте, всю ночь ворочаться — как сладко!
 Несносная тоска, истома, лихорадка!
 Камилла! Это ты — всему виной. Ты спишь,
 Камилла, — а меня бессонницей томишь,
 Да, ты, моя любовь: — о, если б ты хотела —
 Ночь эта для меня б, как птица, пролетела.
 10 Средь сонных грез твоих душа моя, вяясь,
 Летает над тобой. Поутру пробудясь,
 Прочтешь мои стихи — узнаешь всё. О боги!
 С тяжелой головой привстав в ночной тревоге,
 Тобою полон весь, писал я; на меня
 Смотрел унылый свет лампадного огня,
 Когда со вздохами я слез обильных влагу
 И душу проливал и сердце на бумагу;
 А ты, Камилла, спишь; закрыт твой ясный взор;
 Чрез нежных, алых уст немой полураствор
 Струится легкий пар спокойного дыханья —
 20 Пар, полный теплоты и роз благоуханья!
 Но, если ты не спишь, Камилла, и когда
 Мне сладость отдыха полночного чужда,
 Ты в это время... ты — средь счастья земного
 Преступно бодрствуешь в объятиях другого,
 И между тем, как мне бессонница горька,
 Ты ночь бранишь за то, что слишком коротка!..
 О бог забвения! Приди, закрой мне очи,
 Задерни их навек завесой смертной ночи!
 Она теперь... с другим. Гром! Молния! Гроза!

- 30 О боги! для чего вы дали мне глаза,
Способные судить о красоте? Напрасно
Вы сердце дали мне, которое не властно
Предохранить себя от ядовитых ран
И вводится легко в прельстительный обман!
Другая — с красотой скромнейшей — лучше любит,
И, дорожа своим возлюбленным, не губит
Его так ветрено; ей можно доверять:
Она любовника боится потерять
Затем, что ей не так легко найти другого.
- 40 Она верна, — пред ней соблазна рокового
Не ставят здесь и там; а кроткие черты,
Веселость, ровный нрав — замена красоты.
Красавица ж, когда неугомонно всюду
О ней шумят, кричат: “вот красота! вот чудо!” —
Готова оскорблять святыню чувства — да!
Она становится капризна и горда;
Сегодня вам она оказывает нежность,
А — завтра — явную, обидную небрежность, —
И коль у ней из рук иной и ускользнет —
- 50 Беда невелика: у ней толпа, народ.
Она любит наружностью своею
И чувствует любовь, внушенную лишь ею.

* * *

- Все страдают; но в глазах другого каждый рад,
В притворстве горе скрыв, стать веселей на взгляд.
Жаль каждому себя, и втайне все находят,
Что прочие светлей и лучше жизнь проводят;
Им, при своих бедах, бед ближних не видать, —
И всяк свою печаль любя маскировать,
Себе лишь говорит при переводе вздоха:
Всем в мире хорошо, мне одному лишь — плохо!
Всяк жребий свой клянет и каждый бы хотел
- 10 На участь ближнего свой обменять удел;
А между тем — все вздор! Исполнишь их желанье —
Что вышло бы? — Промен страданья на страданье!

А.Н. Майков

(ИЗ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ)

Я был еще дитя: она уже прекрасна...
Как часто, помню я, с своей улыбкой ясной,
Она меня звала! Играя с ней, резвясь,
Младенческой рукой запутывал не раз

Я локоны ее. Персты мои скользили
По груди, по челу, меж пышных роз и лилий...
Но чаще посреди поклонников своих
Надменная меня ласкала, а на них
Лукаво-нежный взор подняв как бы случайно,
10 Дарила поцелуй, с насмешливостью тайной,
Устами алыми младенческим устам.
Завидуя в тиши божественным дарам,
Шептали юноши, сгорая в неге страстной:
“О, сколько милых ласк потеряно напрасно!”

1840

ПОЭЗИЯ

Люби, люби камен, кури им фимиам!
Лишь ими жизнь красна, лишь ими милы нам
Панорма небеса, Фетиды блеск неверный,
И виноградники богатого Фалерна,
И розы Пестума, и в раскаленный день
Бландузия кристалл, и мир его прохлады,
И Рима древнего священные громады,
И утром ранний дым сабинских деревень.

1840

НА ПАМЯТНИКЕ

Он рано уж умел перебирать искусно
Свирели скважины; то весело, то грустно
Звучала трель его; он пел про плеск ручья,
Помоной щедрою убранные поля,
Про ласки юных дев и сумрачные гроты,
И возраста любви тревожные заботы.

〈1841〉

ИСПОВЕДЬ

Так ветрен я, друзья! Напрасно я учусь
Себя обуздывать: все тщетно! Тяжких уз
Мой дух чуждается... Когда на взор мой томный
Улыбку вижу я в устах у девы скромной, —
Я сам не свой! Прости Сенека, Локк и Кант,
И пыльных кодексов старинный фолиант,
Лицей блистательный и портик величавый,

- И знаменитый ряд имен, венчанных славой!
 Опять ко мне придут игривая мечта,
 10 И лики бледные, и имя на уста,
 И взоры томные, и трепет сладкой неги,
 И стих таинственный задумчивых элегий.

⟨1841⟩

РАЗБИТАЯ ЛИРА

(Мотив Шенье)

Лиру разбила она — в ней созвучия сердцу не слыша —
 В горе, что муза чужда страстным молениям ее.
 Дева — чего же ты в лире своей златострунной искала?
 Выдал мне тайну твою этот проказник Эрот.

⟨1876⟩

Н.П. Греков

* * *

- О! сколько пролито любовниками слез!...
 Пускай веноч любви блестит красою роз,
 Но в нем скрываются и терния колючи...
 Светило дней ее горит за черной тучей.
 Я не хочу любви! Спасительный приют
 Нам музы мирные от бурь ее дают.
 Они одни теперь — предмет моих мечтаний,
 Единственная цель моих молодых желаний.
 Любовь не возмутит их мирной тишины.
 10 Их взгляды скромные, внушающие сны,
 Прекрасные, как жизнь, — с тоскою и тревогой
 Прогонят прочь ее от моего порога.
 Так, музы чистые! храните мой покой!...
 Но нет! они ее не устроят собой:
 Всегда с ней дружные, ее восторг и узы
 Здесь ищут с жадностью пленительные музы.
 Души, которая любовью не кипит,
 Их резвая семья чуждается, бежит:
 И тщетны к ним мольбы! Лишь зов кипучей страсти,
 20 Глас любящей души — над ними полон власти.
 Так лиру я всегда настраивал мою:

И что ж? богов ли я, героев ли пою,
 Язык бессильный мой едва лепечет слово;
 Когда же, полная восторга молодого,
 Любовью песнь звучит, она сама собой
 Течет из уст моих могучею волной!

⟨1842⟩

(Из А. Шенье)

Каков я прежде был, я и теперь таков:
 Когда, исчерпавши сокровища даров,
 Которые любовь несет мне в упоенье,
 Я ухожу от ней с укором, и в мгновенье
 За мною с клятвой дверь навек затворена, —
 Тогда в душе моей покой и тишина.
 Без гордых замыслов, без пламенных желаний,
 Смеясь над тщетой всех суетных мечтаний
 И окруженный лишь одной семьею книг,
 10 Я вновь благодарю богов за каждый миг.
 Но долго ли? Едва блеснет из милых окон
 Иль светлый взгляд ее, иль этот темный локон,
 Спадающий змеей до белоснежных плеч, —
 Советы мудрости, восторженная речь
 И клятвы жаркие не верить вероломной, —
 Все исчезает вдруг: и робкий, и покорный,
 Я возвращаюсь к ней прощенья вымолять;
 Готов опять любить, и плакать, и страдать,
 И жизнью жертвовать за миг один отрадный;
 20 И все воскреснет вновь: и огненные взгляды,
 И грусть в элегиях, и вздохи, и любовь,
 И с ночи до утра бушующая кровь.

⟨1842⟩

(Из А. Шенье)

Больной стенанием недуг свой облегчает.
 Сок сладкий, что тростник Америки рождает,
 Полынной горечи приятный вкус дает; —
 Так и любовь: когда тоска ее гнетет,
 Когда томят ее кипучие страданья,
 Она смягчает их отрадой излинья —

Передает ли их страдалец молодой
 Душе, проникнутой такою же тоской,
 Иль хладно внемлют им лишь скалы вековые,
 10 Дубравы темные, да волны голубые.

(1842)

* * *

Приди к ней и смотри, когда ночные мраки
 Уступят дольный мир сиянию лучей:
 Как хороша она, в тот час, как сыплет маки
 К ней в изголовие невидимый Морфей;
 Как солнца яркий луч, светя ей прямо в очи,
 Их силится открыть от сна минувшей ночи,
 И в блеске золотом играет и скользит
 По розам жарких уст и рдеющих ланит;
 Как в упоенье грез младая грудь вздыхает,
 10 Рукой горячею во сне обнажена,
 И золотых кудрей роскошная волна
 По изголовью рассыпавшись блуждает.

(1843)

ЛИДА

(Из *Андрея Шенье*)

Лицо мое совсем от солнца загорело,
 Вся исцарапана в крови моя нога;
 Я обежала все и рощи, и луга,
 Везде ища тебя и слушая день целый
 Блеянье стад в полях... Напрасные мечты!
 Там были пастухи другие, а не ты —
 Душа души моей, очей моих отрада!...
 Куда же ты свое пасти гоняешь стадо?
 Скажи... Но ты смущен стоишь передо мной...
 10 Взгляни, как я бледна: румянец молодой
 Исчез с моих ланит — и ты всему виною,
 Мой милый юноша с своею красотою,
 Стыдливой грацией и девственным челом!
 Прекрасное дитя, пойдем со мной, пойдем!
 Оставь свои стада, долины и дубравы,
 Беспечность детскую и детские забавы...
 Ты не любил еще и под твоей одеждой

Не волновалась грудь ни страстью, ни надеждой...
 Я научу тебя любить, о милый мой!
 20 Блаженство, счастье лишь любящим открыты...
 Как поцелуй зажжет огнем твои ланиты...
 Когда ж, склонясь ко мне усталой головой
 Ты сном забудешься — я, притая дыханье,
 Глаз не сведу с тебя в немом очарованьи...
 Над милой головой раскину покрывало,
 Чтоб мошек от тебя волнуясь отгоняло,
 Чтоб рдеющих ланит и ясного чела
 Ошибкой вместо роз не тронула пчела...

(1855)

(Из А. Шенье)

Всегда, всегда готов прощать любовник страстный.
 О, если б в этот миг виновницы прекрасной
 Ты слышать голос мог; когда бы видел ты —
 И омраченные тоской ее черты,
 И этот бледный цвет, в лице ее разлитый,
 И горечь жгучих слез, бегущих на ланиты, —
 И как, раскаянья и гордости полна,
 Прощенье вымолить упорствует она, —
 И — локоны до плеч и грудь полунагая —
 10 Стоит перед тобой смущенная, немая,
 Подъемля с робостью молящий только взор...
 О, замер бы тогда в устах твоих укор,
 И ты бы высказал прощенье не словами,
 Но молча бы прильнул к устам ее устами.

(1855)

* * *

“Нет, полно! — Не пойду к ней с головой покорной;
 Холодной гордости не дам я торжества;
 И пусть измучаюсь тоской моей упорной,
 Желаньем огненным, сомнением, думой черной,
 Но не увижусь с ней.” Напрасные слова:
 Лишь вспомню взгляд ее, одно ее лишь слово,
 Один лишь звук речей — и гнева смолк порыв,
 И оправдание в душе для ней готово,
 И нежным кажется мне взгляд ее суровый,
 10 И снова весел я, доверчив и счастлив,
 И нерешенного уж нет в душе вопроса,

И снова нет мечтам ребяческим конца,
 И взглянет ли она приветливо иль косо —
 Что нужды: вечером гремящие колеса
 Вновь остановятся у милого крыльца.

(1859)

(Из А. Шенье)

Я был еще дитя — она уж за собою
 Влекла поклонников, блистая красотой...
 Как часто я рукой ребяческой моей,
 Играя кольцами золотых ее кудрей,
 Касался яркого румянца на ланитах
 И груди молодой, и плеч полуоткрытых!...
 И часто, строгою внезапно притворясь
 И улыбаясь мне, и пальчиком грозясь,
 За шалость детскую она меня бранила;
 10 Зато при юношах так много ласк дарила.
 И сколько раз (увы, что смыслят в те года!)
 До щек моих ее касались уста,
 А юноши в тот миг, вздыхая о прекрасной,
 Шептали: сколько благ здесь тратится напрасно!

(1860)

ЗОЯ

Я знаю ту стезю, задумчивая Зоя,
 Которую в часы томительного зноя
 Украдкой ты идешь к пустынным берегам,
 Где лебедь лишь скользит порою по волнам.
 Не раз я видел там, сокрыт ветвями клена,
 Как погружалась ты в их голубое лоно,
 И в блеске дивных форм являлась предо мной,
 Охваченная вся ревнивою волной.
 Тогда мне приходил на память лебедь страстный,
 10 Гонявшийся в волнах за Ледою прекрасной,
 И все казалось мне каким-то чудным сном,
 И в обаянии чувств и сладком, и немом
 В то время от тебя не мог отвести я взгляда,
 Обворожен тобой, пустынных вод Наяда...

(1860)

* * *

Наперсник тайн моих сердечных и мечтаний —
 Друг, Авель, посмотри: мир полон обаяний.
 В поля цветущие и в рощи нас опять
 Зовет волшебный май. Пойдем же, друг, мечтать
 И грезить о любви под их прохладной сенью.
 Весной в природе все стремится к наслажденью;
 Весною любит все, а я люблю всегда.
 Ты знаешь сам: зимой, в дни бурные, когда
 Под снежной пеленой покоится полмира,
 10 Приветствует ли вой и свист их моя лира?
 Нет, муза нежная моя среди снегов
 Не оставляет здесь нигде своих следов.
 Безгласная в те дни, под рев мятежной бури,
 Она вкушает сон и ясной ждет лазури.
 Но только с юга птиц послышится полет
 И, под неясный шум лесов и вешних вод
 Оденутся поля в зеленые одежды, —
 Вольнолюбивая и полная надежды
 Она пробудится, и вновь ее уста
 20 Для звуков сладостных откроются тогда,
 И птичкой вольною живет она, порхая
 По рощам и полям, их аромат вдыхая,
 И, провозвестница весенних, ясных дней,
 С веселой песнию оратая полей
 Сликает песнь свою. И я, с ней неразлучный,
 В дань приношу цветам и нимфам стих мой звучный,
 И я пою любовь с ее роями снов, —
 Любовь, которая прекрасней всех цветов.

〈1866〉

* * *

Partons! La voile est prête et Byzance m'attend.

A. Chénier

Пора! корабль готов, и ждет нас Византия.
 Лишь дальние моря, лишь небеса чужие
 Да долгие года разлуки, может быть,
 Всесильны в памяти упорной истребить
 Черты мне милые, которые повсюду
 С тоской невольною искать я сердцем буду.
 Да, образ красоты, мной видимый во всем,

И те места, где с ней встречался я, и дом,
 Где дни ее текут, и имени звук милый —
 10 Все, все преследует везде мой дух унылый,
 Питает грусть мою, томит, волнует, жжет
 И пищу пламени незримому дает.
 Свобода милая! — Неведомое нами
 Сокровище души, пока с любви мечтами
 Не знаем мы тоски, волнений и тревог, —
 Желаемая вновь у милых сердцу ног, —
 Найду ль тебя среди чужого мне народа,
 Свобода милая! Бесценная свобода!

(1866)

* * *

Два сердца верных мне! Друзья мои! — она
 Уже забвению навек мной предана;
 Блеск черных глаз ее меня уж не смущает;
 Но скоро вновь душа свободу потеряет.
 Я знаю сам себя: раб чувства и страстей,
 Свободою зову я смену лишь цепей.
 Да, сколько на земле ни есть красавиц нежных,
 Есть столько ж и во мне страстей для них мятежных.
 Так равнодушно я могу ли же взглянуть
 10 На стройный гибкий стан, на девственную грудь,
 На кудри русые, бегущие на плечи?
 Могу ль без трепета внимать я милой речи,
 Иль убедить мои кипучие мечты,
 Что взоры нежные стыдливой красоты
 Всегда обманывать готовы нас, чаруя? —
 Что под улыбкой уст, где сладость поцелуя
 Манит, как лучшая отрада бытия, —
 Яд разливает свой сокрытая змея?
 Так от обмана здесь стремясь вновь к обману,
 20 Я новой раною сменяю в сердце рану.
 Так увлечен всегда очарованьем глаз,
 Я нежности души их верю каждый раз,
 Как только образ их сияет красотою.
 Тогда забыто все — и страстною мечтою
 К паденью новому влечет любовь меня,
 И в пламя броситься готов я из огня, —
 Нестись, как утлый челн под бурю мятежной,
 Без упования, без пристани надежной.

(1865)

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ А. ШЕНЬЕ

Ямб IV

Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
A. Chénier

Последний солнца луч привет свой в час исхода
Шлет погасающему дню.
Так у кровавых здесь ступеней эшафота
Я лиру пробую мою.
Быть может, мой черед, — и стрелка часовая
В кругу размеренном своем
До часу не дойдет, обычный путь свершая,
Как я засну могильным сном
И тьма меня навек обнимет гробовая.
Быть может, в этот самый миг,
Как, звучной рифмою стих звучный замыкая,
Я новый замышляю стих, —
Посланик извергов, бич смерти и позора
Разбудит именем моим
Молчанье мертвое во мраке коридора...

.....
(1862)

И.П. Крешев

НЕЭРА.

Из Андрея Шенье

Как лебедь, плавая на глади вод зеркальной,
Перед кончиною поет свой гимн прощальный,
Так, с смертью на челе, как лунный лик бледна,
Собрав остаток сил, произнесла она:
“Наяды! вспомните завет Неэры милой:
Оплачьте жребий мой; над раннею могилой
Рассыпьте шелк кудрей и свежие цветы...
Прости, мой Клиниас, прости! Где б ни был ты,
В садах ли Пестума, где гиацинт и розы
10 Цветут два раза в год, а молодые лозы
На холмах тяготит в кистях янтарный плод,
Иль, вечером, склонясь на берег теплых вод,
Ты будешь одинок, под темною скалою,
И если нежная печаль былой любви

В тайник души твоей заронится порою,
Тогда, мой Клиниас, зови меня, зови!...
В венке из лотоса, над влагой голубою
Отрадным призраком явлюсь я пред тобою;
Сквозь листья тополей блуждающий мой дух
20 Слетит на грустный зов; обворожат твой слух
Знакомые слова и голос мой унылый,
И будешь ты ловить взор тени светлокрылой!"

(1842)

ЭЛЕГИЯ.

Из Андрея Шенье

Несчастный, позабыв тревожной жизни грозы,
Не раз улыбкою свои сменяет слезы.
Так Альпов высоты смущают взор стрелка:
Под ним, в расселинах, дымятся облака;
Все дико; здесь утес поник челом косматым,
Потоки мутные бегут по гладким скатам,
И веют холодом лазурные снега;
А там на склоне гор, уж стелятся луга,
Покрытые росой жемчужного каскада,
10 Блестит румяный сок золотого винограда,
И в ясном зеркале полуденных озер
Трепещет апельсин и тополей узор.

(1842)

НАЯДА.

Эскиз Андрея Шенье

Когда в полдневный жар так сладостна прохлада
Душистых яворов и листьев винограда,
Усталый селянин, вхожу я в темный грот,
А там, под зеленью аканта, нимфа вод,
Нагая, белая, склоняясь на полог дерна,
Роняет из кудрей холодной влаги зерна
И дремлет, опершись на руку головой,
Венчанной тростником и влажною травой.

(1843)

ПРИДЕТ ВРЕМЯ.

Из А. Шенье

Смотри: вот виноград, зеленый, непрозрачный,
Висит перед тобой в тиши долины злачной;
Придет пора: в кистях, согретых теплотой,
Созреет сладкий сон, румяно-золотой,
И лозы мягкие, покрытые плодами,
Нагнутся медленно над сонными водами...
Она еще дитя, резва — но подожди:
Проснется тайный жар в атласистой груди,
И будет нежный взор, налитый страстью томной,
10 Манить тебя к любви, роскошной и нескромной.
Так персик бархатный, на сгибе стебелька
Родится осенью из белого цветка.

〈1843〉

А.И. Пальм

ИЗ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

Я помню те года, я был еще дитей —
Она тогда цвела роскошной красотой.
Бывало, я любил моей ручонкой смелой
Ей кудри развивать, касаться груди белой;
Она же, руку мне небрежно отклоня,
С притворной строгостью глядела на меня.
Бывало, пред толпой поклонников смущенной
Царица гордая привет свой благосклонный
Дарила нежно мне... и я не понимал,
10 Как сладко поцелуй волшебницы звучал!
И кто б не мучился в жару сердечной боли,
А я, — я не ценил моей счастливой доли...

〈1843〉

ЭЛЕГИЯ

(Из Андрея Шенье)

Звезда вечерняя, люблю твой блеск печальный,
Он чист, как огонек любви первоначальной.
Блести, красавица, блести еще, пока
Диана бледная в прозрачных облаках
Великолепною не явится царицей,

Дай взору путника тобою насладиться.
 Под сенью темных лип у шумного ручья
 Порою позднюю иду задумчив я;
 Свети же мне, звезда, приветливей, светлее;
 10 Не с тайным замыслом полночного злодея
 Украдкой я брожу; в груди не месть кипит,
 И под полой кинжал кровавый не блестит;
 Нет, я люблю, — и разделить хочу я
 Мечты моей души и сладость поцелуя;
 И все я думаю: в вечерней тишине,
 Как нимфа легкая, она придет ко мне;
 Как хороша она, — и взор ее чудесный
 Блестит, как ты, звезда, между подруг небесных!

⟨1843⟩

ИЗ ШЕНЬЕ

Приди к ней поутру, когда, пробуждена,
 Под легким пологом покоится она;
 Ланиты жаркие играют алой кровью,
 И грудь роскошная волнуется любовью,
 И юное чело и полный неги взор
 Еще ведут со сном неясный разговор...

⟨1844⟩

С.Ф. Дуров

НЕЭРА

(Из А. Шенье)

Любовью страстную горит во мне душа.
 Приди ко мне, Хромис, взгляни — я хороша:
 И прелестью лица и легкостию стана
 Равняться я могу с воздушною Дианой.
 Нередко селянин, вечернею порой,
 Случайно где-нибудь увидевшись со мной,
 Бывает поражен какою-то святыей,
 И я ему кажусь не смертной, а богиней...
 Он шепчет издали: “Неэра, подожди,
 10 На взморье синее купаться не ходи:
 Пловцы, увидевши твое чело и шею,
 Сочтут, красавица, тебя за Галатею”.

⟨1844⟩

ИЗ А. ШЕНЬЕ

У каждого есть горе; но от братьев
Мы скрыть его стараемся улыбкой,
Притянутой нарочно. Мы жалеем
Одних себя, — и с завистью глядим
На тех людей, которые, быть может,
Не меньше нас горюют втихомолку...
Никто своей бедой — чужой не мерит,
А между тем едва ль из нас не каждый,
С разорванным на части сердцем, мыслит:
10 “Все счастливы... а я один несчастлив!...”
Мы все равно несчастливы! — Молитва
У нас у всех одна — переменить нам жребий...
Свершается!... переменен наш жребий.
Но скоро мы опять о том жалеем,
Что старое и близкое нам горе
Сменилося для нас несчастьем новым.

(1846)

ИЗ А. ШЕНЬЕ

И легче и вольней вздыхает как-то грудь,
Когда тоску свою поделишь с кем-нибудь.
Так сахарный тростник смягчает горь растенья.
Измена, кажется, сносней от разделенья.
И это все равно — услышит ли нас друг,
Изведавший, как мы, сердечный наш недуг,
Или одни идя, томясь волненьем жгучим,
Вверяем грудь свою волнам, лесам дремучим.

(1846)

(ИЗ А. ШЕНЬЕ)

Вдали от сладостных пафосских берегов,
Где молодость моя текла среди пиров,
Я, новый селянин, в долинах Сиракузы
Искал спокойствия и песен тихой музыки.
Вот раз явились мне с небесной высоты
Киприда и Амур. Богиня красоты
С улыбкой тихою сказала мне: “Оратай,
Вот сын мой, будь ему наставник и вожатый;
Указывай ему сокрытые пути

- 10 И мудростью его рассудок освети...”
 От детства я привык богам Олимпа верить:
 Я думал, что они не могут лицемерить...
 Ребенка принял я — и стал его учить:
 Как в сельской тишине блаженство находить,
 Как с утренней зари пасти в долине стадо,
 Как соки выжимать из гроздей винограда,
 Как флейту вырезать из звонких тростников
 И в небе следовать за ходом облаков...
 Но он рассеян был. Ему казался тесен
- 20 Круг знаний пастыря. При звуке этих песен
 Он прерывал меня... и пел при звоне струй
 Про первую любовь и первый поцелуй,
 Про дивную красу гречанок ионийских
 И чудных жительниц селений олимпийских,
 Про то, как мощный царь подземных царств Плутон
 Красой божественной Венеры был прельщен.
 И в песнях тех была такая сердцу сладость,
 Что слушать их, учить — была одна лишь радость,
 Учитель, — я внимал словам ученика,
- 30 И с самой той поры нет в мире уголка, —
 Брожу ли в поле я, приникну ль к изголовью —
 Уста и грудь мои горят одной любовью.

⟨1846⟩

В.И. Золотницкий

ЭЛЕГИЯ

(Из А. Шенье)

- О ночь! я обещал изменницу любить,
 Ее уста клялись мне ввек не изменить, —
 Ты слышала слова обета рокового;
 Неблагодарная, в объятиях другого,
 В любви и верности клянется уж не мне,
 А ты по-прежнему ей внемлешь в тишине.
- И ты, на мраморе стоящая лампада,
 Сиянье тихое, влюбленного отрада!
 Из узкого стекла на нас лия свой свет,
- 10 Ты также слышала взаимный наш обет.
 Увы! ее любовь, как твой огонь без масла,
 Все уменьшалась и наконец погасла.

- Обеты в верности возлюбленной моей
Исчезли без следа, как дым среди полей.
У ложа милого, огонь твой поправляла
Моя рука, чтоб нас ты ярче озаряла,
А ты по-прежнему ночную гнала тьму,
А ты сопернику светила моему.
Ты также, как она, коварна и безбожна:
- 20 Когда страдаю я — тебе светить возможно —
Указывать иным очам, лишенным сна,
Как вероломна и как хороша она.
— Поэт несчастливый! меня ты обвиняешь
В неблагодарности, но, верно, ты не знаешь,
Что для тебя, пока в тот вечер я жила,
Я делала все, все, что только я могла.
Вчера прекрасный лик ее блистал слезами,
Ковра она едва касалась ногами.
День тихо догорел — я начала светить.
- 30 Она легла в постель. Я не могу забыть —
Страдала как она, недуг свой проклиная,
На томные глаза сон тихий призывая.
Простясь с ней, ты ушел. Узнай же ты теперь,
Что чуть переступил ее порог, как дверь
Вновь отворилась, и пред ее очами
Явился юноша с роскошными кудрями.
Дрожащим голосом красавица твоя
Сказала: “О уйди, виновна слишком я”.
А взор ее меж тем молил, чтоб он остался...
- 40 Красавец смелый к ней все больше приближался.
В немом молчании слились их уста.
...
Я видела: ее альбастровое тело
Кораллом, лилией и розами блестело, —
Как, — помнишь ли, — когда показывал мне ты
Ее в блистании чудесной наготы;
Когда неслася ночь на крыльях, к изголовью
Прижавшись, ее ты озирали с любовью;
Когда твой страстный крик светить меня молил,
А голос сладостный ее меня бранил?
- 50 Амура я твоим заступником считала,
Его напрасно дать мне голос умоляла,
Дарованный теперь: неумолим был бог,
А я изменнице дала бы злой упрек.
Однако ж, я, чтоб в грудь коварную запало
Раскаянье и страх — вдруг ярко запылала,
И неожиданно, сверкая и треща,

Посыпался огонь вокруг моего луча.
 Она смутилася и, полная тревоги,
 Дрожащим голосом произнесла: “О боги!
 60 Зачем, когда во мне рассудок умолкал,
 Моей неверности свидетель здесь стоял!”
 Она приблизилась ко мне и, обнимая
 Ее, сказал он: “Пусть горит, нас освещая.”
 Погаснул мой огонь... С меня пример возьми.
 Не ты ей мил — другой, другую полюби:
 Друг, погаси, молю тебя, свое страданье,
 Как погасило мой огонь ее дыханье.

(1846)

М.Л. Михайлов

МУЗА

Рано в тенистой дубраве являлась мне чудная дева,
 Рано учила ребенка играть на свирели. Сломивши
 Гибкий тростник у потока, в стволе я отверстия делал —
 И, приложивши к устам, играл нестройные песни.
 Муза, довольная мною, меня целовала в награду, —
 И с младенчества я полюбил ее поцелуи.
 Часто я играю с тех пор на звонкой свирели,
 Часто на жарких устах моих веет дыханье богини.

(1847)

* * *

Близ Верекинфа раз Сатир нашел, гуляя,
 Резную флейту: к ней, Гиагнис, прилагая
 Свои уста, пленял, воспалял порой
 Великой матери богов поезд живой...
 Сатир созвал тотчас из вод Меандра топких,
 Чтобы внимать его игре, стыдливо-робких
 Азийских нимф, — и им надменно говорил,
 Что свой Гиагнис дар в той флейте заключил,
 И что Сатир на ней сыграет им не хуже,
 10 Что пальцы у него претонкие к тому же...
 Все сели. Вот Сатир трудится, градом пот...
 Он дует, пальцами перебирает, рот
 Кривит уродливо; вот губы надувает
 И щеки жирные... Вдруг флейта испускает
 Ужасный, дикий звук... Лес огласился им, —

И все кругом встают — и с хохотом живым;
 С насмешкой явною Сатира выхваляют...
 И слезы на глазах у бедного сверкают,—
 И он бежит скорей под сень своих дубов,
 20 При лае бешеном пастушьих умных псов.

(1847)

* * *

Мой стих умеет все так живо рисовать...
 Приди, мой друг! Приди скорей ему внимать...
 Мой голос нравится; звучит он нежно, стройно.
 Все отражается в элегии спокойной...
 Леса зеленые, ручьи и соловей,
 И музы, и весна живут согласно в ней.
 В моих стихах и вздох и поцелуй палящий;
 Ручей серебряный, так сладостно журчащий,
 В них катит легкие и чистые струи, —
 10 И часто синевой небес полны они.
 Дыханье сладкое, живящее дубровы,
 В строфах моих живет и дышит негой новой;
 Благоухают в них роскошные цветы:
 И те, которыми весна дарит кусты,
 И те, что у тебя над щечкой молодою
 Так пышно расцвели с шестнадцатой весною.

(1847)

Н.В. Гербель

МОЛОДАЯ УЗНИЦА

Сгибается колос, щадимый косою;
 Тисков виноград не боится весною,
 Впивая росы благодать:
 Не так ли и я молода и прекрасна?
 Пусть доля моя тяжела и несчастна,
 Но я не хочу умирать!

Пусть стоик взирает на смерть равнодушно:
 Я плачу — склоняюсь по ветру послушно,
 В надежде подняться скорей.
 10 Есть в жизни и счастье, есть в жизни и горе!
 И мед не без горечи! Разве есть море
 Без бурь и подводных камней?

В душе возникают мечты-чаровницы...
 Напрасно теснят меня стены темницы —
 Ведь крылья надежды со мной!
 Не так ли, избегнув силков птицелова,
 Еще беззаботнее в воздухе снова
 Кружится певец луговой?

И мне ли погибнуть? ведь я засыпаю
 20 Спокойно, и день мой так тих: я не знаю
 Терзающей совести злой.
 И здесь, где лишь горе одно обитает,
 Мое появленье надежду рождает
 На лицах, убитых тоской.

Мой путь не окончен: не зная тревоги,
 Из этих деревьев безгранной дороги
 Минула лишь первые я.
 На жизненном пире я лишь на мгновенье
 К устам подносила фиал наслажденья,
 30 В руках моих полный питья.

С весной я знакома, хочу непременно
 Дождаться и жатвы, хочу постепенно,
 Как солнце, окончить мой год.
 Рассветная роза, любимица Флоры,
 Я видела только сиянье Авроры —
 Пускай же и день мой пройдет!

О, смерть, удалися и сердцу иному,
 В бедах некрушимому, сердцу больному
 Спеши утешенье подать.
 40 Весной еще темные сени найду я,
 В поэзии — песни, в любви — поцелуи
 И я не хочу умирать!"

Так, сам обреченный цепям и страданиям,
 Внимал я в темнице мольбам и стенаньям
 Несчастной соседки моей —
 И, сбросивши иго снедающей муки,
 Я вылил стихами чудесные звуки
 Ее заунывных речей.

А.Ф. Бржеский

* * *

Едва сменила зной вечерняя прохлада,
В беседке, увитой ветвями винограда,
Она, усталая, склоняясь на грудь челом,
Под песни соловья, уснула тихим сном.
Мечта любимая над спящею парила,
Улыбка светлая уста полуоткрыла...
И пчелки весело кружатся и жужжат,
Впивая сладкого дыханья аромат.

1846

* * *

Под явором густым, у лона светлых вод,
Там, где над бездною висит прохладный грот,
Где было юноше обещано свиданье,
Я видел, утомясь напрасным ожиданьем,
Он спал, измученный ревнивою тоской,
Склонившись на руку усталой головой.
Во сне румяные уста его пылали
И имя милое невнятно лепетали...
И то, чего б всю жизнь не высказал язык,
10 Так ясно выражал его прекрасный лик.

между 1842—1850

* * *

Как часто утомлен вседневной пустотою
И всем, что мы зовем житейской суетою, —
За бедность подарен презрением глупцов,
Я взорами ищуща приюта меж гробов.
Цель жизни разорвать меня влечет невольню,
И улыбаюсь я смерти своевольной,
Мой взор с отрадою встречает лезвие;
Но что ж? Оно в руке дрожит за бытие —
Я сердца слушаю невольное биенье —
И в душу крадется о жизни сожаленье...
На мысль приходят мне родные и друзья,
Мое грядущее, и молодость моя,

Мои, мне милые и слабые созданья.
 В минуты грустные подобного страданья,
 Готовы мы себя обманом обольщать,
 Чтобы иметь предлог вновь жить и вновь страдать.
 На муки осужден, надеждой ослепленный,
 К могиле он дойдет страданьем истомленный,
 И, смерть, целение всех наших мук земных,
 Ему уж кажется злом пуще всех других.

1846

* * *

Далеко родины, и близких, и друзей —
 Грущу и плачу я о счастье прошлых дней.
 Волнами брошенный на берег чуждый мне,
 Я думой уношусь к родимой стороне,
 Считаю каждый миг утраченных часов
 И смерть зову к себе — но смерть нейдет на зов.
 И, ни единый друг, в полуночной тиши,
 Не придет усладить томление души,
 Сжать руку мне своей дрожащею рукой,
 Склонясь ко мне на грудь, промолвить: что с тобой?..

1846

* * *

Полночный гондольер садится в легкий челн.
 Веслом встречает он напор сердитых волн...
 Как над стихиею мила ему победа!
 Поет Ринальдо он, Эрминию, Танкреда,
 И любит песнь свою, и безотчетный звук
 В тиши полуночи ему единый друг.
 Не жаждет славы он, ни имени в грядущем,
 Поет, — и, вдохновен, конечно, Вездесущим,
 Над самой бездною увеселяет путь.
 10 Как он, без отзвука люблю я петь и грудь
 В восторге наполнять созвучьями живыми.
 У славы не прошу и я, как он, венца;
 Житейский трудный путь я услаждаю ими
 И жду безропотно грядущего конца.

между 1842—1850

А.А. Фет

ПОДРАЖАНИЕ XVI ИДИЛЛИИ БИОНА

Прекрасная звезда Венеры светлоокой!
 Пока свое чело за рощею далекой
 Диана нежная скрывает, освети
 Кустарник тот и холм для моего пути.
 Я оставляю кров не для ночных хищений,
 На путников в душе не крою покушений.
 Нет, я люблю и жду возмездия забот
 От нимфы молодой, красы между красот, —
 Как в мириаде звезд, Дианой предводимой,
 10 Краса ночных небес, горит твой луч любимый.

(1847)

* * *

Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру,
 Встал на дыбы и, лоб склоня, грозит сатиру.
 Сатир, поняв его недружелюбный вид,
 Сильнее уперся разрезами копыт, —
 И вот навстречу лбу несется лоб наклонный,
 Удар — и грянул лес, и дрогнул воздух сонный.

Конец 1857 или начало 1858

ЛИДА

“Ланиты у меня на солнце загорели,
 И ноги белые от терний покраснели.
 День целый я прошла долиною; влекли
 Меня со всех сторон бляения вдали.
 Бегу, — но, верно, ты скрываешься, враждую;
 Всё пастухи не те! О, где же, где найду я
 Тебя, красавец мой? Скажи, поведай мне,
 Где ты пасешь стада? В которой стороне?
 О нежный отрок, ты краснеешь предо мною!
 10 Взгляни, как я бледна, — истомлена тобою:
 Люблю твое чело невинное и нрав.
 Пойдем. — Не все ж искать ребяческих забав.
 О нежный отрок мой, узнай, как я страдаю:
 Хочу забыть тебя и все не забываю.
 Прекрасное дитя, к тебе влекут мечты:

- Как дева робкая, склоняешь взоры ты.
 Грудь белая твоя, полуприкрыта тканью,
 Еще не отдалась любовному желанью.
 Пойдем. Узнаешь все. Тебя я научу.
- 20 С душою девственной беседовать хочу,
 Пока, преодолев невольное смущенье,
 Как я, познаешь ты и вздохи и томленье,
 А детских щек твоих вот этот пышный цвет —
 Единственно моих лобзаний будет след.
 О, если б наконец ты раннею зарею
 Пришел на грудь ко мне приникнуть головою!
 Я, сон лелея твой, боялась бы дохнуть,
 Чтоб не будить тебя, дышала бы чуть-чуть,
 И, складки тонкого раскинув покрывала,
- 30 Я б от твоих ланит горячих отгоняла
 И дерзких комаров и беспокойных пчел”.
 .....
 И Нимфа, отрока сыскав, стоит, вздыхает,
 Трепещет и его с собою увлекает.
 Садится на траву. Ей уступает он,
 И горд, и втайне рад, и явно пристыжен.
 Уж прикоснулася неверными перстами
 Она к нему. Одна ее рука кудрями
 Играет отрока, другая же рука
 Ласкает шелк ланит младенческих слегка.
- 40 “Дитя, — зовет она, — приди на зов мой страстный,
 Прекрасен, юн, ко мне, и юной, и прекрасной,
 Ко мне, прелестный друг, ты на колени сядь.
 Скажи, как много лет успел ты сосчитать?
 Бывал ли первым ты борцом между друзьями?
 Им нынче, говорят, скользящими руками,
 Счастливицам, жать пришлось тебя к груди своей,
 И на тебе сиял струящийся елей.
 Ты потупляешь взор? О, как должна гордиться
 Та, у которой мог, красавец, ты родиться!
- 50 Богинею рожден ты, верно. Что с тобой?
 Ты весь дрожишь. Дитя, коснись вот здесь рукой:
 Грудь у меня пышней, чем у тебя скруглилась.
 Но это — знаешь ли? — быть может, опустилась
 Одежда женская перед тобой хоть раз? —
 Но это не одно различие у нас.
 Ты улыбаешься, краснея? Как сияет
 Огонь твоих очей! Как твой румянец тает!
 Не Гиацинт ли ты, любимый сын небес?
 Иль тот, за кем орла ниспосылал Зевес?

60 Иль тот, кто, зарожден пленять богинь собою,
 Из лона Мирры шел, одетого корою?*

Дитя, кто б ни был ты, хочу тебя обнять!
 Дитя, люби меня! Как часто отвергать
 Умела юношей я пыл неукротимый;
 Но ты, ты будь моим, хочу я быть любимой!

.....

И возвестит векам мой камень гробовой,
 Что Гимнеем был развязан пояс мой.”

конец 1857 или начало 1858

Н.Ф. Щербина

ИДИЛЛИЯ

О, не тронь ее, Аркас, молю я:
 То в роспуколках розовый куст...
 Не спали же огнем поцелуя
 Этой утренней свежести уст!

Ей природа и мать, и игрушка,
 Для нее чуть блеснула весна —
 Пусть же бегаёт вволю резвушка,
 Пусть, болтая, хохочет она.

10 Еще ягода эта не спела, —
 В ней и соков пурпуровых нет,
 И на тунике девственно-белой
 Лишь цветов да кустарников след.

Она с братом-малюткой играет,
 У нее столько детских затей,
 Что не видит она и не знает
 Ни желаний твоих, ни страстей.

20 Перед нею дрожишь ты и млеешь,
 И, краснея, смущаешься ты...
 Что же детски любить не умеешь
 Это девство ее красоты!

* Мирра, дочь ассирийского царя Цинира, превращенная в благовонное дерево. Плиний говорит, что кору этого дерева разрезали сверху донизу, добывая благовоние. Цинир прижил с Миррою Адониса <примеч. Фета>.

Жди... Настанет пора золотая,
И созреет желаемый плод:
Своей тяжестью ветку склоняя,
Он в корзину Киприды падет.

(1851)

ЖЕНЩИНА

(Идиллия)

О н

В полдень скрываюсь отрадню
В широколиственной сени,
Воздух впивая прохладный
В сладкой, забывчивой лени.
Камень лежит красносерый,
Мхом он оброс над потоком: —
Здесь я встречаюсь с Неэрой
Как-то всегда ненароком...
Где ты, желанная, где ты?
10 Страстно тебя призываю...
Песни мной все не допеты:
Их еще много я знаю...

О н а

Сердце вещует мне что-то,
Бьется и дышит тревожно...
В нем ожиданья забота: —
Сердцу не ждать невозможно!..
Я начала б с поцелуя...
Но не придет, не придет он!..
Все ж сомневаюсь и жду я...
20 Слышится шелест... Ах! Вот он...

О н

Что ж далеки мы признанья,
Робким смущеньем объаты?
Полон я был ожиданья: —
Встречи ль обычной ждала ты?..

О н а

Матери ягод в кошницу
Здесь по пути набрала я,
В поле гоняя ягницу...
Здесь никого не ждала я.

(1853)

К.К. Павлова

СЛЕПОЙ

Остался голос мне...

“Серебрулукий бог! бог Клароса, внимли!
 О Феб! погибну я среди чужой земли,
 Когда не будешь ты опорюю слепого!” —
 Так говорил слепой, и тихо шел, и снова
 На камень отдохнуть садился. Вдоль дубрав,
 На лай сердитый псов поспешно прибежав,
 От стаи лютой их пришельца защищая,
 За ним три пастуха следили, дети края,
 И, слушая его, шептали меж собой:

- 10 “Откуда тот старик безвестный и слепой?
 Не дивный житель ли заоблачного мира?
 На поясе его висит простая лира,
 И голосу его как будто небеса
 Сочувствуют, и дол, и волны, и леса.”

- Но услышал слепец их близкой речи звуки,
 Смутился и простер трепещущие руки
 Навстречу отрокам с смиренною мольбой.
 “Не бойся, — говорят они, — старик слепой,
 Не бойся нас; когда, под этой плотью тленной,
 20 С Олимпа не сошел к нам гость благословенный...
 Так величав твой вид и полон красоты
 Какой-то неземной. Но если смертный ты, —
 Утешься: оскорблять не смеем мы несчастных;
 Таинственен и мудр завет богов всевластных;
 Глубокой темнотой покрыл твой взор Зевес,
 Но песен дивный дар послал тебе с небес”.
 — “Нет, говорит старик, — бояться вашей встречи
 Мне нечего: умны и нежны ваши речи,
 И нежен должен быть, и радостен ваш вид;
 30 Но нищий странник ждет лишь бедствий и обид.
 С богами вы меня не сравнивайте, дети;
 Взгляните на меня — увы! в морщины ль эти
 Себя властители Олимпа облекли?
 Нет, я измученный и жалкий сын земли;
 Я нищий немочный, лишенный пропитанья,
 Скиталец, отданный толпе на поруганье.
 Не преступленьем дни мои отравлены.
 Не бремя я несу Эдиповой вины,

- И музы светлые не мстят, как Фомириду,
 40 Несчастному певцу за тяжкую обиду;
 Но ниспослал Зевес на старость лет ему
 Нужду, презрение, изгнание и тьму.”
 — “Возьми, и будь тебе, старик, судьба иная”. —
 И, свой запас дневной поспешно собирая,
 Колени нищего они наперерыв
 Покрыли грудой и сыра, и олив,
 И сладких фиников, и груш; и хлеб ячменный
 Уж бросили они собаке утомленной,
 Которая, беду хозяина деля,
 50 Вослед изгнаннику прыгнула с корабля.
 “Есть дни отрадные порой для угнетенных;
 Приветствую я вас, детей благословенных! —
 Ответствует слепой. — Блаженна ваша мать!
 Придите, дайте мне руками вас признать.
 Я будто вижу вас: прекрасны вы все трое.
 Растите в радость нам, о племя молодое!
 Своими благами Зевес вас одарил;
 Растите счастливо, в избытке юных сил,
 Как пальма она, воспитанница неба,
 60 Которую я зрел среди святыни Феба
 Тогда, как по морским пронесся я волнам
 И в Делосе вступил в его великий храм.
 Вам будет благодать и счастье в награду
 За то, что нищему приносите отраду.
 Мать ваша, отроки, родилась едва,
 Когда уже моя седела голова.
 Ты, старший, подойди, защитой будь моею,
 Будь мне опорой, когда я ослабею.
 Тебе вверяется покинутый слепец.
 70 Сядь около меня”.
 — “Скажи ты нам, отец,
 Какая над тобой судьба свершилась злая?
 Когда и как достиг до нашего ты края,
 Кругом облитого сердитою волной?”
 — “Кимейские купцы везли меня с собой.
 Я плыл из Карии, хотел изведать снова,
 Не смолк ли гнев богов и не найдется ль крова
 Под небом Греции для старого певца.
 Мы всё надеемся до самого конца...
 Но я платить не мог — злодеи знали это,
 80 И бросили меня они на берег где-то”.
 — “Но щедрой платою была бы песнь твоя,
 Старик....”

- “Увы! дитя: глас звучный соловья
Не тронет ястреба, упившегося кровью,
И не одарены священной любовью
К искусствам сладостным тупые богачи.
Один вдоль шумных волн я шел в своей ночи,
Не ведая куда, несчастный сын изгнания;
Я шел и слушал стад далекие мычания;
Потом я лиру взял, и струн напев живой
90 Еще проснулся раз под дряхлою рукою.
Зевеса я хотел склонить своей мольбою, —
Как псы ужасные напали стаей злою
Здесь на меня, и я б погиб от всех вдали,
Когда б на помощь мне вы, дети, не пришли”.
- “Отец наш! стало быть, все хуже ныне в мире?
В былые времена, покорны дивной лире,
Смирялись, говорят, в безлюдии лесном
Львы кровожадные пред сладостным певцом”.
- “Я около кормы сидел. — “Слепой бродяга! —
100 Сказала варваров бесстыдная ватага, —
Пой, ежели твой ум твоих яснее глаз;
Восхвалишь ты богов за то, что тешил нас”.
Взял верх я над собой, умолкнуть ропот духа
Заставил; голос мой их не коснулся слуха:
Не выпустил из уст я пламенных речей
И бога гневного сдержал в груди своей...
Они не тронулись рапсоды злой судьбиной,
Ругались они над дивной Мнемозиной!
Погибни ж имя их, и будь же их страна
110 Забвенью темному навек обречена!”
- “Пойдем, будь гостем нам; недалеко до града.
Принять любимцев муз отчизна наша рада.
Мы место первое в пирах дадим тебе,
Где лира ждет певца на мраморном столбе.
И яства редкие, и сладкий мед, и вины
Изглядят в памяти следы былой кручины.
И если новых ты обрадовать друзей
Захочешь песнею восторженной твоей, —
Наградой дорогой нам будет песня эта,
120 И возвеличим мы питомца Музагета”.
- “Идем; вам ввериться хочу я. Но со мной
Куда спешите вы? дорогою какой?
Куда привел Зевес несчастного слепого?”

— “Судьба дала приют отеческого крова
 Нам в мирном Сикосе”.

— “Привет тебе, вдвойне
 Гостеприимный край! знаком твой берег мне:
 Я помню, как богат дарами от природы!
 Отцов я ваших знал, друзья, в былые годы;
 Они росли, как вы; тогда еще мой взор
 130 Зрел солнце светлое и голубой простор.
 Я молод был и смел, любил пиры и бои,
 Везде являлся я, где тешились герои.
 Я видел Аргос, Крит, Коринф и роскошь Фив,
 Реки Эгиптоса неслыханный разлив;
 Но море и земля, и лютые печали,
 И годы тяжкие бездомца истерзали.
 Остался голос мне. Так после бури злой
 Цикада бедная поет в глуши лесной.
 Начнем воззванием к богам: Зевес владыка
 140 И ты, живым лучом сияющего лика
 Всепроникающий, могучий Гелиос,
 Ты, Океан седой, отец свирепых гроз,
 Немые божества медлительного мщенья,
 Хвала! — Придите вы, богини песнопенья!
 Все ведаете вы, и жителям земным
 Лишь ведать можно то, что вы открыли им”.

Он пел, и, словеса рапсода понимая,
 Склонялася к нему дубравы сень густая
 И мерному стиху шептала тихо в лад;
 150 И путники с дорог, и пастухи от стад
 Стекались. Слышит он уже толпы их тесной
 Круг возрастающий; и речию чудесной
 Пленясь, внимали все, дыханье притая,
 Как в гимне он слагал начала бытия:
 Огонь, влагу и эфир, земли святое лоно,
 И ток могучих рек из персей Крониона,
 Законы — ими же смятенье улеглось —
 И властью Эроса устроенный хаос.
 Он пел семью людей, старинные уряды,
 160 Искусства мирные и дружеские грады.
 Пел Олимпийца он, с обители своей
 Колеблущего мир движением бровей,
 Богов, разрозненных могучею враждою,
 И бой, и пыли мглу, и кровью неземною
 Облитые поля, и витязей в броне,

Блестящих, как пожар на горной вышине,
Коней, носящихся на месте бранной встречи
И голосом людским взывающих средь сечи...
Потом, сменяя лад сладкоречивых слов,
170 Изображал он быт спокойных городов,
Но после — ратный гул вокруг мирной их ограды,
И лютую резню, и грозные осады,
И оскверненную святыни тишину,
И овдовевших жен, и дочерей в плену;
Потом и злато нив, веселые картины:
Стадами пестрыми покрытые долины,
И быстрый блеск серпов, и дальний стук секир,
И песен громкий хор, и звуки флейт и лир.
Потом он бури слал на царство Посидона;
180 В пещеру свежую, на дно морского лона,
Скликал со всех сторон под вековой гранит
Он племя легкое проворных Нереид:
Неслися, резвые, они в шумливом рое,
Ахейские суда сопровождая к Трое.
И Стикса отверзал он берег роковой,
И к тихой Лете вел отживших длинный строй:
Страдальцев, тягостно свершивших путь к могиле,
Кичливых юношей, сраженных в буйной силе,
Младенцев, навсегда заснувших с первых дней,
190 Дев, взятых смертию у брачных алтарей.
Но, в радости немой, внимая звукам дивным,
Каким очнулись вы трепетом отзывным,
Леса, ручьи, скалы, когда изрек певец,
Как в Лемносе ковал божественный кузнец
Ту сеть, Арахниных работ прозрачней с виду,
И сталью чудною опутывал Киприду!
Когда, в другой опять перенесясь предел,
В гранит внезапный он мать фивскую одел;
Когда пересказал он жалобные стоны
200 И горестный удел несчастной Аэдоны,
Грустящей средь ночей унылым соловьем
О преступлении нечаянном своем.
Потом он лил бойцам с вином непенф целебный,
Готовил лотоса напиток им волшебный,
И забывал боец тогда, в чужом краю,
И старого отца, и родину свою.
Он в ужас приводил и Оссу, и Пенея
Кровавой свадьбою могучего Тезея,
В ту ночь, когда, на пир к нему приглашены,

- 210 Сошлись облака косматые сыны,
И пенилось вино, и победитель Крита
Супругу выхватил из пьяных рук Эврита.
Вскочил и бросился грозящий Пирифой:
“Изменник! смерть тебе!” Но уже Дрий младой
Кентавра поразить успел железным древом,
Опорой факелов, и бьется с диким ревом
Сердитый полузверь, валяясь в пыли;
Вино разбитых чаш струится по земли.
Повсюду клики, брань, шум; опрокинут Нессом,
- 220 Стол тяжкий катится, гранитным давит весом
Пирующих; во прах упал Эвагр, Кимел,
Сверкнула сталь мечей — и страшный бой вскипел.
Ретивый Пирифой разит и Макарея,
И белоногого Киллара, и Петрея,
Готовя бедственный противникам отпор.
Скалу тяжелую могучий Бианор,
Согнувшись, приподнял и держит над собою;
Но, брошенный в него Алкидовой рукою,
Огромнейший сосуд летит: раздроблена
- 230 Глава гигантская ударом чугуна.
Всесильной палицы победы быстры: Кланий,
Рифей, пестреющий оттенками сияний
Родимых облаков, — низвергнуты; сражен
Чудовищный Гелот, Ликос, Демолеон.
Кольчугу Нестора бьет в натиске сердитом
Свирепый Эврином неистовым копытом....
Но, битвы алчущий и местию горя,
Эгея грозный сын несется; с алтаря
Обломок он схватил пылающего лавра,
- 240 Проворным всадником на злобного кентавра
Прыгнул, занес над ним губительную длань,
И огонь, и смерть ему вонзает он в гортань...
Обрушился алтарь; бойцы стремятся рьяны,
Сплелись, и далеко несется в мрак поляны
Руганье, крик и треск, гул схватки роковой,
И топот яростный, и женщин дикий вой.
- Так дивный старец вел к виденьям от видений,
Раскидывая ткань чудесных песнопений.
Дивились отроки и не сводили глаз
- 250 С него, и слушали божественный рассказ:
И сыпались слова, торжественны и святы,
Из вещей уст, как снег на гор крутые скаты.

И, вокруг избранника сходясь со всех сторон,
 Толпы мужей и дев, и юношей и жен,
 И старцев и детей с зелеными венками
 В руках, твердили все: “Приди, приди жить с нами,
 Благословенный гость, бессмертный друг богов
 И будем праздновать до поздних мы веков
 Торжественностью игр и радостного пира
 260 Тот день, где встретили великого Омира!”

1852

П.И. Вейнберг

СЛЕПОЙ

(Из А. Шенье, вольный перевод)

“Слушай, о Клароса бог, Аполлон луконосец, внимли мне!
 Здесь я погибну, конечно, когда ты слепца не поддержишь...”
 Так говорил, опираясь на посох, слепец утомленный;
 Шел он большою дорогой, и слабый, на камне садился.
 Трое детей-пастухов, отогнав от слепого огромных
 Черных собак, сторожей их овец густорунных, шли тихо,
 Слушали голос слепца, и приближась к нему, говорили:
 “Кто этот старец седой, и слепой, и лишенный опоры?
 10 Смертный ли это иль житель бессмертного, высшего царства?
 Гордость, величье в лице его, лиру простую он держит,
 Голос его потрясает и воздух, и волны, и небо!”
 Слышит шаги их слепец, и в смущеньи готов он молиться...
 “Странник несчастный, так дети ему говорили; не бойся,
 (Если ты только не носишь под этой одеждой земною
 Дух одного из богов, покровителей Греции светлой:
 Столько простого величья твои седины украшает),
 Если ты смертный, старик бесприютный, то нас не страшися!
 Люди, к которым тебя занесли непокорные волны,
 Смертным несчастным, поверь, никогда не наносят обиды...
 20 Можно ли ждать, что судьба нас дарами вполне награждала?
 Голос твой, звучный и сладкий есть, правда, подарок бессмертных,
 Но для сияния света глаза твои вечно закрыты!”
 — Дети (я вас узнаю по младенческим голоса звукам),
 Мудрые речи у вас из ограды зубов излетели...
 Но недоверчивый странник, судьбой и людьми угнетенный,
 Думает, бедный, что люди над ним насмеются едко!
 Нет, не считайте меня соучастником сонма бессмертных:

- Разве морщины мои, седины и потухшие очи
Вам не сказали еще, что не житель я светлого неба?..
- 30 Я бесприютный старик, и из смертных несчастнейший смертный!
Жизнь непорочна моя, от меня далеки преступленья,
Но всемогущие боги меня обрекли на изгнание,
Вечную тьму, нищету и гнетущий, убийственный голод!
— Старец, возьми... да изменят судьбу твою светлые боги!
Дети сказали, и, вынуд обед свой из кожи козлиной,
Старцу кладут на колени ячменные белые хлебы,
Сыр и оливы, миндали и множество фиников сочных,
Хлеб уделяют лежащей у ног его верной собаке.
— Вижу, старик говорил, что судьба не всегда непреклонна:
- 40 Дети, приветствую вас, как посланников светлого Зевса!
Дети! растите, как гордая, стройная пальма Латоны!
Пальма, которую я, не слепцом еще будучи, видел,
В Делос священный приплыв, в алтаре Аполлонова храма!
— Старец мудрейший! откуда и как ты зашел к нам? ведь море
Бурно вздымается, нашу страну окружая отвсюду!
— Кумских купцов корабли мне приют уделили, и с ними
Плыл я далеко, оставив Карийские страны, и думал
В Греции светлой отчизну найти, и богов благосклонных,
И не печальные дни.. я питался надеждою тщетной:
- 50 Средств не имея отдать за провоз мой условную плату,
Был я оставлен купцами на берегу, мне незнакомом.
— Верно, старик сладкозвучный, не пел ничего ты пред ними:
Несколько звуков твоих заплатили бы лучше монеты!
— Дети мои! соловья мелодически-нежное пенье
Коршунов хищных смягчить не сумеет; богатые люди,
Грубые, жадные к деньгам, всегда презирают таланты!..
Я, опираясь на посох, по берегу шумного моря
Шел одинокий, и слушал бляенье овец в отдаленьи...
После я взялся за лиру, и слабые пальцы по струнам
- 60 Вновь пробежали, и пел я, о счастья богов умоляя!
Много молил я Зевеса, отца — покровителя смертных!..
Вдруг, с оглушительным лаем, огромные ваши собаки
Бросились... я погибал, и погиб бы, конечно, когда бы
Вы не пришли защитить и укрыть бесприютного старца...
— Вещий старик! изменилось, как видно, все к худшему в мире!
Было ведь время: при стройных аккордах возвышенной лиры,
Волки и львы, побежденные этой волшебною песнью,
Тихо ложились, лобзая певца вдохновенного ноги!..
— Варвары! Горем убитый, сидел я, к корме прислонившись...
- 70 “Слушай, бродяга слепой!” мне сказали надменные люди,
Пой! если ум твой и голос получше негодного зренья,
Нас постарайся забавить!.. ты будешь богам благодарен!”

- Горько мне было, но бедное сердце молчать я заставил,
Рот не раскрылся, и гневного бога в груди удержал я...
Кумы! твои сыновья презирают теперь Мнемозину,
Едко они поругались над музой божественной нашей...
Пусть же их жизнь и кончина покروются вечным забвеньем,
Пусть и название твое окружится печальною тьмою!..
— Старец, иди же за нами! наш город лежит недалеко,
80 Он принимает радушно любимцев божественной музы...
Там, на богатых пирах, на седалище пышном ты сядешь,
Там, у столба, на котором есть лира из кости слоновой,
Сытные снеди вкушая, и добрым вином упиваясь,
Ты позабудешь надолго и нужду, и голод, и горе!..
— С вами идти я готов... Но куда же меня вы ведете?
Дети, скажите, в какую страну я заброшен судьбою?..
— Остров, где мы обитаем, название носит Сикоса...
— Здравствуй, прекрасный Сикос, принимающий гостя вторично!
Раз уж твои берега попираю я моими ногами...
90 Дети, я знаю Сикос, и меня ваши деда узнают!
Молоды были они, и, как вы, расцветали; в то время
Видели очи мои и весну, и денницу, и солнце...
Был я и молод, и бодр... И в воинственной пляске, и в цирке,
В битвах кровавых всегда я был первым из юношей смелых.
Видел я Крит, и Коринф, и стовратные Фивы, и Аргос,
Видел Египта реки берега плодоносные... Что же?
Суша и море, и годы, и горя тяжелое бремя
Тело мое истощили, разбили душевные силы.
Голос один сохранился... пою я, как летней порою,
100 Сидя в кустах, стрекоза утешается песнью веселой.
Слушайте песню мою... Я взываю к бессмертным!.. Юпитер,
Солнце, которое все понимает, и слышит, и видит,
Море, потоки, земля и суровые мстители — боги,
Всем вам привет! Снизойдите ко мне, Олимпийские музы!
Все вам известно... для смертных же все неизвестностью скрыто!..
Песнь его дальше и дальше несется... тенистые роцци,
С ним гармонируя, тихо зеленые ветви склоняют.
Стадо бросает пастух, путешественник путь забывает,
Нимфы, сивльваны выходят из темных жилищ отдаленных,
110 Все старика обступили и звукам чудесным внимают...
Многое он обнимал прихотливую песнью своею,
Многое, точно кудесник, являл в мелодических звуках...
Воздух, и воду, и землю, и пламя — стихийные силы,
Реки, которым Юпитера лоно служило началом,
Грозного Зевса, Олимп и небесное, светлое царство,
Мир, потрясенный одним поражающим взглядом Зевеса,
Вечные войны богов и поля, орошенные кровью,

Блеск от оружий, подобный пожару на горных вершинах,
 Съезды могучих вождей, колесницы, покрытые пылью,
 120 Топот и ржанье коней, вызывающих всадников к бою...
 То направлял он шаги в обиталища мирные граждан;
 Здесь появлялись законы, ораторы, пышные жатвы...
 Вдруг загоралася брань, разрушались города стены,
 Падали бедные жертвы, и, милых теряя, супруги,
 Матери в черных одеждах и пленные девы рыдали...
 Быстро сменялась картина, — и вот уж зеленые степи,
 Рев и блеяние стад, и веселые звуки свирели,
 Песни, пиры поселян, и вино и любви наслажденье...
 Миг, — и свободные ветры вздымали сердитые волны,
 130 Падали в бездну пловцы, призывая на помощь бессмертных...
 .....
 То раскрывались для всех берега сокровенные Стикса,
 Тихо по ним проходила толпа унесенных кончиной
 Дряхлых, больных стариков, и погибших для жизни и счастья
 Юношей бодрых, детей, посмотревших на свет в колыбели,
 Дев, гимenea лишенных рукою безжалостной смерти!..
 Так вдохновенный старик, непрерывно сменяя картины,
 Шел, расстилая волшебную ткань мелодических песней...
 Старцы, и жены, и дети, и мужи, и юные девы
 Ветви держали в руках, и бежали навстречу, и пели:
 140 “Здравствуй! приходи навсегда поселиться на острове нашем,
 Сладкоречивый старик, собеседник любимый бессмертных!
 Игры мы в честь учредим, и они сохранят незабвенным
 День и минуту, когда мы увидели старца ГОМЕРА!”

(1854)

БОЛЬНОЙ ЮНОША

(из А. Шенье. Вольный перевод)

”Бог жизни, бог света, целебных растений,
 Пред кем покорился Пифон,
 Бог таинств священных, бог всех утешений,
 И юный всегда Аполлон!
 О, сжался над сыном моим, над страданьем
 И жгучею мукой его,
 Над матери стоном и горьким рыданьем...
 Молю тебя, ради всего,
 10 Бог юный, спаси его юность и силу,
 Отдай ему счастья года, —
 И если не ляжет в сырую могилу
 Дитя дорогое, — тогда

- Твою я статую, бог жизни и света
Всем лучшим моим одарю,
И бык под секирою каждое лето
Падет к твоему алтарю!..
— Мой сын, ты все неумолим,
Ты все молчишь... скажи хоть слово,
Порадуй взглядом хоть одним,
20 Но не гляди ты так сурово!
Мой милый сын, не хочешь жить,
Меня решился ты оставить,
И взоры детские закрыть
Мать престарелую заставить...
Мое дитя! я здесь с тобой...
Ты слышишь горькие рыдания...
Скажи мне все, мой дорогой,
Что значат все твои страдания?..
— Прости, о мать моя! прости, я умираю!
30 Нет сына у тебя, и я тебя теряю!
Прости, моя душа отравою полна,
И мучит, и грызет грудь бедную она!..
Мне душно... матушка, дышать мне трудно стало,
Мне жарко... сбрось с меня скорее покрывало,
Повороти меня... о, как страдаю я!
Смерть, смерть идет!.. прощай, о мать моя!..
— Вот напиток, сын мой милый!
Возвратит тебе он силы,
Пей, дитя мое, до дна!
40 Травы разные мешала,
И варя их, чаровала
Фессалийская жена...
Похудел ты... впали очи,
Ты без сна провел три ночи,
И без пищи и питья...
Пей, смотри, как я рыдаю,
На коленях умоляю,
Я, родимая твоя!..
— О берега Эриманта, о рощи, зеленые нивы,
50 Ветер и звучный, и свежий, игравший в зеленых ветвях,
И развевавший порой прихотливо
Складки широкой одежды на их белоснежных грудях!..
Матушка, матушка! знаешь, там воздух и свеж, и чудесен,
Там не скрываются волки, не ползают змеи в кустах...
Мир упоительный плясок и песен,
Чистые волны и девы в роскошных, весенних цветах!..
Боги! те руки и ноги и волосы, ночи чернее!

- Вас не увижу я больше... над мрачной могилой стою!
 О, понесите меня к берегам Эриманта скорее,
 60 Дайте еще насмотреться на чудную деву мою!
 Вижу я дом... подымается дым сероватой струею,
 Вижу черты дорогие моей ненаглядной лица...
 Голову старца обнявши рукою,
 Сладкою речью она разгоняет печали отца!..
 Вот, разбросав волоса и руками лицо закрывая,
 Плачет она над могилой, где матери пепел зарыт...
 Как хороша ты, моя дорогая,
 Сколько прекрасного, дева, во взоре невинном горит!
 Чудная дева! придешь ли ко мне на сырую могилу,
 70 Где схороню я навеки страдальческой жизни весну?..
 "Парки жестоки!" шепнешь ли уныло,
 Выронив в память о друге слезу дорогую одну?..
 — Дитя мое, вижу: безумная страсть,
 Любовь твою душу сгубила!
 О, сын мой несчастный, сильна ее власть
 И пагубна грозная сила!
 Но кто же прекрасная дева твоя?
 Не кроткая ль сердцем Ирена?
 Не та ль, о которой слыхала и я,
 80 Что будто горда и надменна,
 Не внемлет молениям; всегда холодна,
 И женам и девам невинным страшна?..
 — Тише, родная, молчи... ты ее угадала!
 Да, непреклонна как боги, как боги она хороша!
 Много признаний, молений прекрасная дева слыхала,
 Но оставалась холодной ее молодая душа...
 Я, как другие, услышал бы горькое слово презренья!
 Пусть же со мною погибнет печальная тайна моя!..
 Но, о родная, ты видишь и слезы, и смерть, и мученья...
 90 Матушка, слушай, тебя умоляю с рыданием я...
 К ней ты скорее иди... и, быть может своими годами
 Ты ей напомнишь умершую, нежно любимую мать...
 Слушай: возьми ей подарки... большую корзину с плодами,
 Лучший ониксовый кубок и лучших из стада козлят...
 Жизнь мою, сердце мое, — и к прекрасным ногам ненаглядной
 Все положи, и скажи, что одно я дитя у тебя...
 Ты говори ей с слезами о муке моей безотрадной,
 Мукe, в которой я гасну, без сладкой надежды любя!
 После, к ногам старика упади, заливаясь слезами,
 100 Землю, моря, небеса, и богов и богинь заклинай!..
 Если же, матушка, ты возвратишься с отказа словами,
 Сыну ты вечное скажешь: прощай!..

Мать слезами оросила,
Поцелуями покрыла
Лоб дитяти своего;
И, надеждой утешая,
Вышла из дому, рыдая
И моляся за него.
Но она вернулась вскоре
110 С светлой радостью во взоре,
И крича издалека:
Будешь жить, дитя родное!
Вот веду я за собою
Дочь и с нею старика!
И, склонившись с любовью
К дорогому изголовью,
Тихо плакала она;
С старцем дева молодая,
120 Взор невинный потупляя,
Шла, прекрасна и стройна...
Подошла она к постели,
И стыдливостью горели
Щеки белые ея...
"Друг мой, слушай дружбы слово!
Не гляди на жизнь сурово...
Ты страдаешь, вижу я...
Говорят, легко могу я
Исцелить тебя... живи,
130 Не страдая, не тоскуя,
Но для счастья и любви!.."

⟨1854⟩

Л.А. Мей

АМИМОНА

(Из Шенье)

Привет тебе, привет, певучая волна!
Ты принесешь ко мне младую Амимону:
На легком челноке плывет ко мне она,
Вверяясь твоему изменчивому лону,
И ветерок над ней покров девичий вьет...
Не так ли некогда, в объятья бога вод,
Под неусыпную охраной Гименя,
Фетида мчалася к побережиям Пеня,

10 Держаясь за бразды и трепетно скользя
 По влажному хребту проворного дельфина?..
 Но, если бы тебя, красавица моя,
 Прияла невзначай кристальная лучина,
 Поверь — твоя краса и твой невинный вид
 Внезапным ужасом подводных дев смутили,
 И вряд ли бы тебе на помощь поспешили
 Чернокудрявые станицы Нерейд!..
 Опида, Кимадос и белая Нерея
 Глядели б на тебя, от зависти краснея,
 Досадуя, что взор пытливый их не мог
 20 Открыть в твоём лице какой-нибудь порок,
 И каждая из них любимого ей бога
 Поспешно б увлекла из водного чертога,
 Подальше от тебя, под сень прибрежных скал,
 Где в гроты темные сплетается коралл,
 И там бы слышал бог ревнивые укоры
 За то, что на тебе остановил он взоры.

(1855)

А.К. Толстой

1

Крылатый бог любви, склоняся над сохой,
 Оратаем идет за взрезанной браздой;
 Впряженные тельцы его послушны воле,
 Прилежною рукой он засекает поле,
 И дерзкий взгляд подняв к властителю небес,
 Взывает: — Жатву ты блюди мою, Зевес!
 Не то, к Европе страсть опять в тебе волнуя,
 В ярмо твою главу мычащую нагну я!

2

Вот он, Низийский бог, смиритель диких стран,
 Со взглядом девственным и гроздием венчан,
 Влекомый желтым львом и барсом многоцветным,
 Обратный держит путь к садам своим заветным!

3

Ко мне, младой Хромид, смотри, как я прекрасна!
 О, юноша, тебя я полюбила страстно.
 Диане равная, когда, в закате дня,
 Я шла, потупя взор, с восторгом на меня

Глядели пастухи, друг друга вопрошая:
"То смертная ль идет, иль дева неземная?
Неэра, не вверяй себя морским волнам,
Не то богинею ты станешь, и пловцам
Придется в бурю звать, к стерну теряя веру,
10 Фетиду белую и белую Неэру!"

4

Супруг блудливых коз, нечистый и кичливый,
Узрев, что к ним сатир подкрался похотливый
И чуя в нем себе опасного врага,
Вздыхая, изловчил ревнивые рога.
Сатир склоняет лоб — и стук их яркой встречи
Зефиры по лесам, смеясь, несут далече,

5

Багровый гаснет день; толпится за оградой
Вернувшихся телиц недоенное стадо.
Им в ясли сочная навалена трава,
И ждут они, жуя, пока ты, рукава
По локоть засучив и волосы откинув,
Готовишь звонкий ряд расписанных кувшинов,
Беспечно на тебя ленивые глядят,
Лишь краснобурой той, заметь, неласков взгляд;
10 В глазах ее давно сокрытая есть злоба,
Недаром от других она паслась особо;
Но если вместе мы к строптивой подойдем
И ноги сильные опутаем ремнем,
Мы покорим ее, и под твоей рукою
Польется молоко журчащую струею.

6

Я вместо матери уже считаю стадо,
С отцом ходить в поля теперь моя отрада,
Мы трудимся вдвоем. Я заставляю медь
Весной душистою на пчельнике звенеть;
С царицею своей, услыша звук тяжелый,
Во страхе улететь хотят молодые пчелы,
Но новой их семье готова новый дом,
Сильнее все в тазы мы кованые бьем,
И вольные рои, испуганные нами,
10 Меж зелени висят жужжащими гроздами.

Н.И. Кроль

ПОДРАЖАНИЕ А. ШЕНЬЕ

I

Когда томит меня палящий солнца зной,
Спешу в прохладный грот я тайною тропой.
Туда проложен путь извилистой дорожкой,
Меж зелени густой, наяды быстрой ножкой.
Там тень отраднее, свежее ветерок.
Там нимфу робкую я тихо подстерег.
Прекрасная, томясь от пламенного зноя,
Искала в этот час пролады и покоя;
И в неге сладостной, полуутомлена,
10 На мягко-свежий дерн склонилася она.
Сон начинал смыкать усталой девы вежды;
Не тяготели форм божественных одежды,
А резвый ветерок лобзал края в тиши,
И прятался потом пугливо в камыши.

II

Неумолимому в любви не верю гневу.
О, если пред собой возлюбленную деву
Ты видишь, в этот миг, когда проступка стыд
Румянит лилии прелестнейших ланит,
Не молит гордая она, в слезах, пощады;
Но с тихим трепетом, покорна и нежна,
Безмолвно на тебя, смущения полна,
Бросает тихие, доверчивые взгляды.
По плечам мраморным свой локон распустив,
10 Она ждет трепетно... Клянусь, красой чаруем,
Внезапно гнев и месть и ревность позабыв,
Прощенье изречешь виновной поцелуем.

(1857)

Б.

НЕЭРА. ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД А. ШЕНЬЕ

(Посвящается баронессе Елизавете Антоновне Дельвиц)

Как лебедь, светлых вод властитель белоснежный,
Прощаясь с жизнью, свой смертный час поет,
И с сладким голосом, еще звучащим нежно,
Разлуку вечную предчувствует и ждет —
Так милые уста она полуоткрыла
И, очи вдаль вперив, слабея, говорила:

”Золотокудрые наяды, волн царицы!
Уже могильный хлад готов меня приять,
Пусть каждая из вас на раннюю гробницу
10 В дар праху моему кудрей оставит прядь.
И ты, мой Клиниас, кого я так любила,
Возлюбленной своей уж не увидишь, милый.

О небо, о земля! о горы и поляны,
Леса зеленые, душистые цветы,
Пещеры дикие, лучи зари румяной,
Пусть все роскошные природы красоты
И эхо горное мой голос повторяют
И о моей любви ему напоминают!

Пусть вспомнит Клиниас подругу-молодую,
20 Которую — увы ... он называл своей...
Не для него ль она, покинув сень родную,
И мать оставила, и ближних, и друзей
Скиталась день и ночь, везде и всем чужая,
Преступный взор поднять на смертных не дерзая.

Когда, о Клиниас, в час лютой непогоды,
Ночной порою ты свой морю вверишь челн,
И, осветя лучом бушующие воды,
Созвездье близнецов смирит кипенье волн; —

Иль если, удалясь от городского шума,
30 Жилищу сельскому ты посветишь свой труд,
В саду, на берегах роскошного Пестума,
Где розы дважды в год красуясь цветут —

И там, в вечерний час, в тени уединенной,
В безмолвно-тихое раздумье погруженный,
Вдоль берега пойдешь ты, голову склоня —
Тогда, мой Клиниас, ты позови меня...

И зову твоему всегда равно внимая,
Блуждающий мой дух в приют проникнет твой;
В окрестном воздухе играя и летая,
40 Во тьме зашелестит зеленою листвою,

Иль свежим ветерком прильнет и затрепещет;
Иль в небе промелькнет как легкий метеор,
Иль из пучины волн воспрянет и заблещет,
Минутным призраком твой поражая взор.

И долго голос мой, в вечернем небе вея,
То нежной жалобой в пространстве зазвучит,
То — память о былом в душе твоей лелея —
Он песню любви твой чуткий слух пленит,
В прозрачном воздухе теряясь и слабея...”

(1857)

А.Н. Апухтин

МОЛОДАЯ УЗНИЦА

(Из А. Шенье)

”Неспелый колос ждет, нетронутый косой,
Все лето виноград питается росой,
Грозящей осени не чуя;
Я также хороша, я также молода!
Пусть все полны кругом и страха, и стыда,
Холодной смерти не хочу я!

Лишь стоик сгорбленный бежит навстречу к ней,
Я плачу, грустная... В окно тюрьмы моей
Приветно смотрит блеск лазури,
10 За днем безрадостным и радостный придет:
Увы! Кто пил всегда без пресыщенья мед?
Кто видел океан без бури?

Широкая мечта живет в моей груди,
Тюрьма гнетет меня напрасно: впереди
Летит, летит надежда смело...

Так, чудом избежав охотника сетей,
В родные небеса счастливей и смелей
Несется с песней Филомела.

О, мне ли умереть? Упреком не смущен,
20 Спокойно и легко проносится мой сон
Без дум, без призраков ужасных;
Явлюсь ли утром, все приветствуют меня,
И радость тихую в глазах читаю я
У этих узников несчастных.

Жизнь, как знакомый путь, передо мной светла,
Еще деревьев тех немного я прошла,
30 Что смотрят на дорогу нашу;
Пир жизни начался, и, кланяясь гостям,
Едва, едва поднести успела я к губам
Свою наполненную чашу.

Весна моя цветет, я жатвы жду с серпом:
Как солнце, обойдя вселенную кругом,
Я кончить год хочу тяжелый;
Как зреющий цветок, краса своих полей,
Я свет увидела из утренних лучей,
Я кончить день хочу веселый.

О смерть! Меня твой лик забвеньем не манит.
Ступай утешить тех, кого печаль томит
Иль совесть мучит, негодуя...
40 А у меня в груди тепло струится кровь,
Мне рожи темные, мне песни, мне любовь...
Холодной смерти не хочу я!"

Так, пробудясь в тюрьме, печальный узник сам,
Внимал тревожно я замедленным речам
Какой-то узницы... И муки,
И ужас, и тюрьму — я все позабывал
И в стройные стихи, томясь, перелагал
Ее пленительные звуки.

Те песни, чудные свидетели тюрьмы,
50 Кого-нибудь склонят певицу этой тьмы
Искать, назвать ее своею...
Был полон прелести аккорд звеневших нот,
И, как она, за дни бояться станет тот,
Кто будет проводить их с нею.

А.И. Сомов

Из А. ШЕНЬЕ

Вечерняя звезда, Венера золотая!
Пока свой робкий лик Диана молодая
Еще за облачной скрывает пеленой,
Пролей дрожащий луч в приют полночный мой!

За этой липою, у склона этой горки,
Едва, едва дыша, внимательный и зоркий,
Не на беду другим я скрылся в этот час,
Не запоздалого прохожего ждет глаз —

Нет, я люблю и жду, чтоб, верная условью,
10 Явилася сюда с желаньем и любовью
Та нимфа милая, которая блестит
Среди подруг своих, сияющих Харит,

Так точно же, как ты на темном неба своде
В текущем за луной блистаешь хороводе.

⟨1858⟩

Н.П. Кельш

МОЛОДАЯ УЗНИЦА

Злой косою щадим, колос на поле зреет,
Не боясь тисков, виноград летом спеет,
Пьет дыханье зари средь тумана.
Молода, хороша я, как кисть винограда,
Хоть на сердце теперь и тоска и досада,
Не хочу умирать я так рано.

Пусть философ-старик смерти ждет равнодушно;
Я надеждой живу, и склоняюсь послушно,
Перед бурной грозой не споря.
10 Если грусть в жизни есть, — есть и светлая радость;
Есть и горечь в меду, не одна только сладость;
Где, скажите, безбурное море?

Зреет в сердце моем благодатная дума,
Пусть тюрьма надо мной тяготеет угрюмо, —
Крылья есть у надежды чудесной.
Так весной соловей из силков птицелова,
Вырываясь, летит с песнью чудной, и снова
Утопает в дали поднебесной.

20 Мне ли, мне ль умереть?.. Сплю я тихо, беспечно,
Просыпаюсь с зарею с молитвой сердечной, —
Моя совесть не знает укора.
Даже здесь на меня все глядят в восхищеньи,
Все здесь любят меня: при моем появлении
Радость общая светит во взорах.

Широка, далека моей жизни дорога,
Рано кончить ее: я прошла так немного,
Миновала одну лишь аллею,
На веселом пиру лишь взяла я амфору,
30 И полна она вся, — смерть пришла бы не в пору
Разлучить меня с пиром и с нею.

Я весной лишь жила. Как светило дневное,
Путь свершить я хочу в безмятежном покое,
Тихой осенью жатвы дожждаться.
Как расцветший цветок, я весь сад восхищала,
Только свежесть зари меня в жизни ласкала,
Рано, рано мне с жизнью расстаться.

Удались же, о, смерть! удались к другому,
Приноси утешенье отчаянью злону,
Приходи средь стыда и обмана;
40 Для меня ж Божий мир так хорош, так чудесен,
Много в нем для меня поцелуев и песен...
Не хочу умирать я так рано.

Так на лире моей пробудились струны,
Узник сам, я внимал стонам узницы юной,
Утопавшей в слезах безнадежных,
И, забыв гнет тоски и томительной скуки,
Подчинил я законам поэзии звуки
Уст ее упоительно-нежных.

И.А. Мамуна

ИЗ А. ШЕНЬЕ

I

Нет! гнев любовника не долго может длиться!..
И если пред тобой преступница склонится,
Краснея и стыдясь, и силясь оправдать
Свое падение, не смея умолять...
Меж тем желанием прощенья томима,
С кудрями по плечам, нема и недвижима,
Она, печальною поникнув головой,
Глядит в немом отчаяньи с мольбой...
Поверь, что в этот миг, упреки забывая,
10 Ты все готов простить, в уста ее лобзая.

II

В полдневный зной несмелыми шагами
Иду под тень скалы, нависшей над волнами,
Куда между кустов и влажною дресвой
Наяда резвая приходит на покой.
И там люблюсь я, как нимфа молодая,
На дерновой скамье беспечно отдыхая,
И усыпленная ленивою волной,
Склонится на руку увенчанной главой.

(1860)

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Один, заброшенный свирепыми волнами
В суровый этот край, покинутый друзьями
И всеми близкими, кем свято дорожу,
Я имя чудное отечества твержу.
Один у очага судьбу я проклиная,
Я жизнью тягочусь, я умереть желаю...
И никого вблизи, кто бы на голос мой,
Как друг, отозвался участием и слезой,
И кто б, ко мне на грудь с любовью припадая,
О чем грущу спросил, мне руку пожимая.

(1861)

А.С. Суворин

ЛИДА

(Из А. Шенье)

”Жгучим солнцем ланиты мои опалило,
 Покраснели под тернием ноги мои.
 Целый день по долине я тучной ходила:
 Всё бляенья меня за собою влекли.
 Но встречалась с другими я там пастухами,
 А тебя не нашла я, мой друг молодой, —
 О, куда ж ты уходишь с своими стадами,
 Укажи мне, где кормишь их сочной травой...

О мой милый, зачем ты застенчив со мною?
 10 Посмотри на меня — уж в лице нет крови:
 Истомил ты меня и твоей красотой,
 И невинностью детской, и жаждой любви.
 Брось забавы детей: есть забавы другие...
 Ты ко мне, юный отрок, скорее приди:
 О, как помню твои я черты дорогие,
 Как лелею твой образ в своей я груди!
 Скромны взоры твои, как у девы стыдливой,
 И любовь в молодую и белую грудь,
 Так закрытую плотно одеждой ревнивой,
 20 Не успели еще наши девы вдохнуть.
 Я открою тебе тайны страстной науки,
 Лишь отдай ты свою душу нежную мне,
 Покорися урокам моим — эти муки,
 Эти вздохи мои сам узнаешь вполне.
 И румянец на щечке твоей белоснежной
 Будут класть лишь мои поцелуи одни.
 Милый! утром приди ты — головкой небрежно
 Припади к белой груди моей и засни.
 О, тогда я удерживать стану дыханье,
 30 Чтoб, любуясь тобою, твой сон не прервать,
 Рой мошек и пчелок воздушною тканью
 От лица твоего стану я отгонять”.

.....

Вот увидела дева его и дрожит,
 И вздыхая к дерновой скамье привлекает...
 Вот подходит он робко: то гордость, то стыд,
 То сердечная радость на щечках играет.
 И не знает она, как его приласкать:

То потреплет по щечке рукой белоснежной,
 То в колечки она волоса его вьет,
 40 То ласкает тихонько пух мягкий и нежный
 На его подбородке, и речь так ведет:
 "Подойди, подойди же, мой отрок прекрасный,
 Подойди, мой красавец, к красотке молодой!
 Да садись на колени ко мне безопасно —
 Поведем мы беседу тихонько с тобой.
 Сколько лет тебе, сын мой, — скорее поведай?

.....
 О блаженна та мать, что на персях своих
 Возлелеяла, милый, тебя и вскормила.
 Знать, богиня она. Ты дрожишь? — Поскорей
 50 Дай мне руку сюда, о дитя, о мой милый!
 Видишь — грудь моя выше, округлей твоей.
 Но не в этом одном — опускала ль стыдливо
 Для тебя уже дева одежды свой? —
 Есть различье у нас, о мой отрок счастливый...
 Ты краснеешь? Как щечки блестящи твои,
 Как румяны уста, что за белое тело!
 Кто б ты ни был — любимец ли Феба молодой,
 Иль троянец, орлом взятый на небо смело,
 Сын ли Мирры, вдохнувший своей красотой
 60 Жар любви и в богинь — твои очи прекрасны!
 О, дитя, о, красавец, меня полюби!
 Я поклонников многих отвергла, но страстно
 Для тебя у меня бьется сердце в груди...

⟨1860⟩

Н.С. Курочкин

ГРЕЗА

(мысль Шенье)

Прийди к ней поутру, когда по изголовью
 Красавицы свой мак с ревнивою любовью
 Сна и забвения ленивый сыплет бог:
 О, если б увидеть ее тогда ты мог!
 Как хороша она! от жаркого лобзанья
 Проснувшегося дня ей душно, — одеянья
 Ночные сброшены, что мрамор белизной,

Она нетронутой сверкает наготой!
Румянцем девственным горят ее ланиты,
10 Улыбкой легкою уста полураскрыты,
В волнах ее кудрей высокое чело
Белеет лилией и чисто, и светло;
Как хороша рука, что, задрожав невольно,
Скользит и свесилась; как дышит грудь привольно,
Как гибок стан ее, как страстно прихотлив
Волнистых очерков причудливый извив!
О, если б у тебя ввек сердце не любило,
Оно бы и тогда в груди твоей заныло,
20 Не в силах удержать восторженный порыв:
Ты все бы стал глядеть, дыханье затаив,
И все бы ты следил, коленопреклоненный,
За каждую чертой красы неоцененной.

(1861)

* * *

Не мне понравиться хотят, я знаю: нет.
Увы, сестра моя узнала раньше свет.
Красавцы-юноши, когда к нам в дом приходят,
Мне отдают цветы — а глаз с нее не сводят.
Невольно тронуты моею красотой,
Ей говорят они: вот верный образ твой.
Мне звучных строф никто не сложит, мной прельщенный...
Не скажет, что умрет, со мною разлученный...
Всего двенадцать раз весна моя цвела,
10 Что ж делать? Буду ждать. Я знаю, я мила.
Полно желаньями, покамест молодыми,
Чело, венчанное кудрями золотыми,
Жемчужных два ряда в коралловых устах
И тень ресниц густых на голубых очах.

(1861)

П.М. Ковалевский

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ ШЕНЬЕ

Как вечером зари последний луч мерцает,
 Последний дышит ветерок,
 Над плахую еще мне лира слух пленяет.
 Быть может, мой уж близок срок.
 И звонкою своей и бдительной стопою
 Быть может, не успеет час
 В отмеренном пути за стрелкой роковою
 Ступить шестидесятый раз, —
 Как веки мне смежит тяжелый сон кончины.
 10 Быть может, на моих устах
 Умолкнет этот стих, дойдя до половины,
 И в перепуганных стенах
 Предвестник смертных мук, добычу торжествуя,
 С презренной стражею, палач
 Мрак сводов огласит, меня наименуя...

.....
(1862)

Б.Н. Алмазов

ПРИЗНАНИЕ

(Подражание А. Шенье)

В дни жизненных невзгод, когда моя казна
 Рукой беспечною истрачена до дна,
 Друзья бегут меня и, взор потупя строго,
 Соседка гонит прочь от своего порога, —
 Недолго я ропщу на свой суровый рок:
 Укрывшись от сует в свой тихий уголок,
 В Платона, Тацита я мыслью погружаюсь,
 И забываю свет и свято наслаждаюсь
 Уединением, покоем и трудом.
 10 И вспоминаю я с досадой и стыдом
 Любви и роскоши заботы и тревоги,
 И ветреных долгов нежданные итоги.
 И восклицаю я: "что свет, что красота,
 И деньги, и любовь!? Все тлен и суета!"
 Но если, заглянув в мое уединенье,

Фортуна подает мне руку примиренья,
 И если, долгою разлукой смягчена,
 Соседка милая из своего окна
 На мой тоскливый взгляд с стыдливостью наивной
 20 Ответит весело с улыбкой призывной, —
 Тогда прощай и труд, и Тацит, и Платон,
 И мудрый взгляд на жизнь, и толстый лексикон!
 Прощай и ты, приют священных размышлений!
 Бросаюсь я в поток мятежных наслаждений, —
 И снова без борьбы рассудок побежден;
 И снова песен клик, и чаш заздравных звон,
 Веселый смех друзей, в шуму безумных оргий,
 И пламенной любви мученья и восторги!

(1862)

ЭЛЕГИЯ

(Подражание А. Шенье)

Все ревность, все любовь — все муки жгучей страсти!
 Когда избавлюсь я от их мятежной власти?
 Увы, для них одних я чувствовал и жил,
 И силы юности безумно расточил!
 От них я вдаль бежал искать успокоенья —
 Отдать себя труду и грезам вдохновенья;
 Я думал: дальний путь, другие небеса,
 Язык Италии, природы чудеса,
 Уединенный мир и светлый мир искусства
 10 Смирят в моей груди бунтующие чувства,
 И отрезвят мой ум, и успокоят кровь, —
 Напрасная мечта! И здесь, и здесь любовь, —
 И здесь, и здесь блещут красавиц гордых очи!
 И здесь, бессонные томительные ночи!
 Напрасно силюсь я вперить ленивый ум
 В творенья мудрецов — в мир светлых важных дум,
 Но тщетно все! Опять то трепет ожидания,
 То муки ревности, то пылкие желанья
 Смущают мой покой, тревожат в час труда...
 20 О юность бурная, умчишься ль ты когда?
 А ты, о мудрая и кроткая подруга,
 Целительница грез обманчивых недуга,
 О старость тихая, приди, приди скорей!
 Дай мир и тишину и мощь душе моей,
 И сердца слабого в гноящиеся раны

Пролой забвения бальзам благоуханный!
 Дай в чистых помыслах мне созерцать черты
 Меня пленяющей тревожно красоты, —
 Чтоб твердою рукой, без страстного волнения,
 30 Я мог их начертать в минуту вдохновенья.

1862

ПРИМИРЕНИЕ

(Подражание А. Шенье)

I

Все ясно мне теперь!... Ужасная развязка!
 С доверчивых очей свалилася повязка;
 Блаженства моего пробил последний час;
 Все кончено: она другому отдалась!
 И все не верю я! Ужели в самом деле
 Она лукавила? О, для какой же цели
 Свободную любовь от друга укрывать,
 И ласки нежные насильно расточать;
 И в очи мне смотреть с безумным упоеньем,
 10 И сердце мне терзать ревнивым подозреньем?
 Зачем в ночной тиши, со мной наедине,
 Прильнув к моей груди, она шептала мне
 Такие сладкие и страстные названья, —
 И разжигала вновь уснувшие желанья,
 То вдруг сомнения ревнивого полна,
 Мгновенно делалась сурово-холодна?
 Зачем она сама мне прямо не открыла,
 Что ей любовь моя навеки опостыла,
 Что сердцу пылкому теперь другой уж мил?
 20 Собравшись с мужеством, я все бы ей простил, —
 И, расставаясь с ней на вечную разлуку,
 Я мог бы протянуть ей дружескую руку,
 Я мог бы слезы лить!... Теперь нет слез!... Она
 Уже уличена в обмане, в преступленьи:
 Презренья одного, холодного презренья,
 К бесчестной женщине душа моя полна!

II

Достанет ли во мне рассудка, твердой воли,
 Чтоб покорить себя своей суровой доле,
 Чтобы расстаться с ней, расстаться навсегда?..

- 30 Камилла так нежна, прекрасна, молода,
 И я... я молод так! Могу ль я с ней расстаться?
 Я только начал жить, лишь начал разгораться
 Желаний первый жар в проснувшейся крови:
 Могу ли я прожить спокойно без любви,
 Один в своем углу без ласковой подруги?
 С кем буду я делить вечерние досуги?
 Кто, в мрачные часы моих тоскливых дум, —
 Когда в унынии безмолвен и угрюм,
 Сижу я, на руку склонившись головою, —
- 40 Приблизится ко мне знакомой мне стопою,
 И с тихой нежностью обняв меня рукой,
 Мне скажет ласково: “Ты грустен! что с тобой?”
 Да, все, что сердце мне и грело, и живило,
 Теперь утрачено! Бесцветно и уныло
 Жизнь снова потечет размеренной чредой:
 Сегодня книги, труд да сон, и завтра то же.
 С какой мучительной, гнетущею тоской
 Сегодня утомлен работою дневной,
 На опостылое я опущуся ложе!
- 50 И к утру, пробужден желаньем и зарей,
 Забыв недавнюю суровую разлуку,
 Начну отыскивать привычную рукой
 Подруги молодой приветливую руку
 И не найду ее и вспомню жребий свой, —
 Что я... я одиночек, что друга нет со мной.

1862

ПЕРЕД БАРЕЛЬЕФОМ

(Подражание А. Шенье)

- Смотрите — грозный бык плывет в пучине вод
 Он деву на хребте прекрасную несет,
 И дева робкая дрожащими руками
 Схватилась за рога; глаза полны слезами;
 В чертах ее мольба, смятение, испуг...
 Она в отчаяньи зовет своих подруг...
 Нога скользит в волнах... Коса по ветру вьется...
 А радостный пловец все далее несется.
 И дева бедная боится вниз взглянуть...
- 10 Кружится голова, тревожно дышит грудь,
 Во взорах все слилось, все мчится, все мелькает,
 И сердце юное дрожит и замирает.
 А бык средь грозных волн клопочущих морей

Стремится дерзостно, как яростный Борей,
 От Тирских берегов к брегам тенистым Крита...
 Поднявшись из воды, царица Амфитрита
 В недоумении на бег его глядит,
 И робкие стада стыдливых Нереид
 Укрылись в тростники, и с трепетом оттуда
 20 Глядят на дивное, невиданное чудо.

Хвала художнику! Бесплотную мечту
 Он мощно воплотил в гранитную плиту,
 И силе творческой резец его послушный
 Дал душу и язык материи бездушной.
 Вглядитесь: этот бык — он бог, он сам Хронид!
 Смотрите — молния в глазах его горит;
 В них мощь спокойная верховной царской власти
 И сила грозная упрямой, бурной страсти.

В сем чудном образе отец и царь богов
 30 Предстал пред девою близ Тирских берегов,
 Любовью тайною к красам ее пылая;
 Он к ней ласкается, и дева молодая
 Сперва бежит его, пугается... Потом
 Смеется; как дитя, любит быком
 И гладит по спине, как смиренного ягненка...
 И вдруг, с веселостью игривого ребенка
 И с звонким хохотом схватив его за рог,
 Вспорхнула на него, как быстрый мотылек, —
 И бык, как бешеный рванулся, и стрелою
 40 Помчался к берегу с добычей дорогою,
 Победой, страстию и счастьем обуян;
 Примчал, — и ринулся в шумящий океан.

1862

НАЯДА

(Подражание А. Шенье)

Полудня в знойный час, когда, ища пролады,
 В пещеры прячутся пугливые Наяды, —
 Я крадусь с трепетом чуть слышною стопой
 Меж камней и кустов извилистой тропой,
 Едва протоптанной стопой Наяды скромной, —
 В прохладный, тихий грот таинственный и темный.

Там в узкой впадине у входа притаясь,
От нимфы девственной не отвожу я глаз,
И млею, на красы роскошные взирая:
10 Наяда стройная, прекрасная, нагая,
С венком из тростника на юной голове,
Раскинув легкий стан на мягкой мураве,
Под говор вод глухой и крик цикады звонкой,
Спокойно, мирно спит беспечным сном ребенка, —
Не ведая, чтоб мог из смертных кто-нибудь
На тайны девственной ее красы взглянуть:
Их видели досель в равнинах Океана
Лишь лучезарный Феб и бледная Диана,
Да зеркало морей, да равнодушный взор
20 Ее застенчивых и девственных сестер.

1862

РЕБЕНОК

Я был дитя; она уж в цвете лет была
И часто на руки к себе меня брала.
Я шел к ней весело, резвился и ласкался —
Вкруг стана стройного руками обвивался,
Иль складками одежд задумчиво играл,
Иль серьги вынимал и косу расплетал;
То, тихим притворясь и будто успокоясь,
Вдруг с звонким хохотом срывал с нее я пояс...
Все с кротостью она сносила... Но порой,
10 Когда невинною, но дерзкою рукой
Я груди девственной в неведеньи касался, —
Мгновенно взор ее досадой разгорался:
Краснея и смеясь, она полушутя,
Толкала от себя несносное дитя;
Когда ж ее толпа влюбленных окружала,
С какою нежностью она меня ласкала,
И часто (но увы, что ценят в те лета!)
Дарили поцелуй мне жаркие уста, —
И ропот слышался вокруг меня ревнивый:
20 “Несносный баловень, не по летам счастливый!”

(1874)

Ф.А. Орлов

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

Написано 7 термидора 1794 года, утром,
за несколько минут до того времени,
как ему следовало идти на эшафот

Как луч, как тихое дыхание зефира
Одушевляет час последний дня:
У плахи так меня одушевляет лира.
Быть может, скоро очередь моя;

Быть может, ранее, чем стрелка часовая,
По своему обычному пути
Всегда идущая вперед не уставая,
Успеет круг свой полный обойти,

Могильный страшный сон смежит мои ресницы!
Закроет крепко мне их, и в тюрьме
Я не успею кончить начатой страницы,
Как, может быть, в стенах тюрьмы, во тьме

С толпой солдат ужасный вестник смерти скоро
Пройдет и громко именем моим
Он стены огласит пустого коридора
.....

〈1864〉

Я.М. Старостин

МОЛОДАЯ УЗНИЦА

(Из Шенье)

Как колос молодой, косою пощаженный,
Как виноград весной, рососою благовонной
Обрызганный, зари впивает благодать, —
Я также молода, прекрасна; хоть порою
Бывает грудь полна смятеньем и тоскою,
Но все я не хочу, мне рано умирать.

Пусть стойки на смерть взирают равнодушно,
Я плачу, и, склонясь пред бурями послушно,
Надеюсь встать еще прекрасней и светлей;
10 Мед не без горечи, и нет такого моря,
Где не бывает бурь: так в жизни есть и горе,
Есть дни тяжелые, но сколько чудных дней!

Вокруг меня царит темницы мрак угрюмый,
Но окрыленная мечтательною думой,
Надежда на простор, на свет меня несет:
Так птичка, вырвавшись из сети птицелова,
Живей взовьется в ширь простора голубого,
И беззаботнее, и радостней поет.

И мне ли умирать? Без страха, без смущенья
20 На ложе я ложусь; минута пробужденья
Тиха и радостна, спокойна и светла;
Улыбка тихая навстречу мне играет
Приветливо на всех устах; при мне сбегает
Суровая печаль с угрюмого чела.

О нет! Моя пора далеко не приспела:
Вся жизнь передо мной, и сделать я успела
Лишь первые шаги на жизненном пути;
30 На жизненном пиру едва одно мгновенье
Успела я пробыть, и кубок наслажденья
Я только что к устам успела поднести.

Знакомая с красой весеннего расцвета,
Хочу я пережить и зной палящий лета,
И жатву осени, и зиму чередой;
Цветок, едва-едва успевший распуститься,
Я утро видела, — хочу я насладиться
Последнего луча печальной красотой.

Так погоди же, Смерть! Иль мало душ отживших,
40 Сердец, измученных страданием, изнывших,
Которые зовут тебя, как благодать?
Меня же манит жизнь, прельщая и чаруя:
Там песни, там любовь, там сладость поцелуя...
О, нет, я не хочу, мне рано умирать.

⟨1874⟩

П.В. Га-н

ИЗ АНДРЕ ШЕНЬЕ

Счастливое дитя

Она уж взрослою красавицей была,
 Когда ребенком малым был я только
 И помню я, как улыбаясь мне,
 К себе меня сажала на колени,
 И полную давала волю мне
 Играть ее кудрями золотыми,
 И обнимать ее прелестный стан,
 И щечки даже целовать у ней —
 В виду ее поклонников угрюмых.
 10 Им, как на зло, красавица тогда
 Мои уста и глазки целовала!
 Те с завистью смотрели на меня
 И, глубоко вздыхая, говорили:
 — “О сколько ласк растрчено напрасно
 Тебе, тебе, счастливое дитя!”

〈1878〉

П.А. Кусков

СМЕРТЬ АЛКИДА

(Из Шенье)

О Эта, век славна ты ночью той тревожной,
 Когда неверный муж жены неосторожной,
 Прияв ее любви чресчур ревнивый дар,
 Кентавра жертвой стал, за меткий свой удар.
 Он рвет твои леса: твоей вершины темной
 Сосну смолистую в один костер огромный
 Он громоздит — не счесть все эти дерева;
 Он подложил огонь и всходит: шкура льва
 С плеч сброшена к ногам — наряд его привычный;
 10 Взор в небеса, с рукой на палице античной,
 Он ждет той мзды небес, когда он будет бог.
 Ветр воеет и гудит; огонь его облек
 И, блеща вокруг него, уносит, с силой дикой,
 В обители богов Алкида дух великий.

1879

П.Ф. Якубович

МОЛОДАЯ УЗНИЦА*

(Из Андрея Шенье)

“Колосья нежные суровая коса
Щадит до времени; небесная роса
    Все лето лозам виноградным
Дает и сок, и жизнь. Прекрасна, как оне,
Я молода, и смерть еще страшна так мне
    С тяжелым мраком безотрадным.

Пусть стойки с бестрепетной душой
Навстречу к ней идут! Я плачу... Под грозой
    Стою я робко, очи жмурия.
10 Я верю: наконец, промчится ураган
И солнышко взойдет! Какой же океан
    Не знал, что значит гром и буря?

Как сторож-великан, глядит стена тюрьмы...
Но мне блестит сквозь волны этой тьмы
    Надежды ясный луч чудесный...
По счастью избежав расставленных сетей,
Поет, как никогда, счастливый соловей,
    Скрываясь в зелени древесной...

И мне... мне умереть! Таков судьбы закон...
20 Но счастлив так и тих мой сладкий сон,
    Так безмятежно пробужденье!
И встреча с новым днем так радостно-светла!
Прогонит хоть на миг с поникшего чела
    Следы и муки, и сомненья...

Я верю, долго мне еще идти:
Из вязов молодых, растущих на пути,
    Едва лишь первые прошла я;
И жизни пир едва изведен мной:
К пылающим устам мой кубок золотой
30 На миг единый поднесла я...

---

* Как известно, несчастный поэт погиб на эшафоте в 1794 году. Товарищем его заключения была m-ле Колиньи, героиня этого стиха; она была отпущена на свободу 9-го термидора, за три дня до смерти Шенье. “La jeune captive” признается критиками перлом французской поэзии (примеч. П. Якубовича).

Кругом блестит цветущая весна:
 Не весь ли круг я совершить должна,
 Как солнце? Утренней росой
 На нежном стебельке сверкающий цветок —
 Прекрасней всех, — я видела восток
 Едва окрашенным зарею...

О, смерть! Повремени безжалостным концом...
 Врачуя сердца, убитые стыдом
 Или отчаяньем ужасным!" —
 40 Так пела узница — и голос молодой
 Звучал такой наивной простотой,
 Таким величием прекрасным...

И звуки те стиху вверяя своему,
 Я забывал отчаянье. Тюрьму
 Я с ней делил... Дышало строгой,
 Святою прелестью прекрасное чело —
 Тот будет жизнь любить, судьбе назло,
 Кто с ней пойдет одной дорогой.

(1880)

Е.Р.

ПОДРАЖАНИЕ ШЕНЬЕ

О, ночь! лети быстрее! что медлишь ты, заря?
 Когда ж ты наконец, в венце лучей горя,
 Блеснешь над сонною землею?
 Я жду тебя, заря! В безмолвии ночном
 Я одинок лежу в волнении немом,
 С невольной, смутною тоскою.
 А ты — ты сладко спишь, о, друг мой дорогой;
 Я грежу о тебе, в душе своей больной
 Я воскрешаю образ милый...
 10 О, Боже мой, когда б сказала слово ты —
 И оживился б я и мрачные мечты
 Рассеялись в душе унылой.
 Она, как легкий сон, витает над тобой;
 Немым сомнением, язвительной тоской
 Полна душа моя больная...
 Я тихо с ложа встал, бессонницей томим,
 И месяц, что плывет над лесом голубым,
 Глядит в окно мое, блистая,
 И видит, как, склоняясь усталой головой,

20 Я изливаю скорбь души своей большой
 В задумчивые звуки...
 А ты — ты сладко спишь! Но если — о, Творец —
 Но если в час, когда печальный твой певец,
 Под тайным гнетом жгучей муки
 Томится и скорбит, — в объятиях любви
 Другой в восторге пьет лобзания твои
 В немом молчаньи темной ночи...
 Тогда... О, мирный сон, молю, приходи скорей,
 Забвенье дай душе истерзанной моей —
 30 И хоть навек сомкни мне очи!

(1881)

К.

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Londres, décembre 1769

Без близких, без друзей, от родины далеко,
 Забытый на земле, влачу я одиноко
 Мучительные дни. Родимую страну,
 Отчизну милую я в горе вспоминаю, —
 По ней тоскую я, суровый рок кляню
 И в горести немой о смерти лишь мечтаю:
 Здесь нету никого, кто б рядом сел со мной,
 Пожал бы руку мне и, видя, что скорблю я,
 С участием дружеским, сам плача и тоскуя,
 10 Упав ко мне на грудь, спросил бы: “что с тобой?..”

(1881)

К.М. Фофанов

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

На мотив Андре Шенье

Последний, тихий час пурпурного заката
 Одушевляет блеск смолкающего дня;
 Последнею мечтой душа моя объята
 И песнь последний раз преследует меня...
 Меж тем как эшафот готовят мне, я лиру
 Настроил и хочу на ней в предсмертный час
 Любовно завещать обманутому миру
 Всю ненависть мою и веры всей запас.
 Но прежде чем свой стих и пестрый, и воздушный,

- 10 Задуманный свой стих окончу, предо мной
 В испуганных стенах темницы этой душевной
 Отверзет (?) дверь тюрьмы бесстрастный часовой...
 И впустит палача — вербовщика могилы,
 И именем моим спугнется тишь тюрьмы,
 И жар мой, и мечты, и девственные силы
 Все в жертву отдадут насилия и тьмы...
 Но пой, душа моя! Пока еще от взора
 Не скрылася тюрьма и скудные лучи
 Невесело скользят под аркой коридора,
 20 Покуда спят мои враги и палачи.

1883

НА МОТИВ А. ШЕНЬЕ

Моим друзьям

- Сегодня, в этот час, готовясь к кончине,
 Друзья, я в руки вам свой прах передаю!..
 Заройте вы меня в задумчивой долине,
 Где часто я бродил, внимая соловью;
 Где я встречал закат, устало бросив келью
 Моих заветных книг и тихого труда,
 Где ходят пастухи с призывною свирелью
 И весело звенят бродячие стада.
 Там холм могильный мой весна в цветы нарядет.
 10 Усталый пилигрим, идя в далекий путь,
 На зелень отдохнуть задумчиво присядет
 И, может быть, найдет, чем прах мой помянуть.
 Я никогда не лгал правдивыми устами;
 Я смело в битву шел за светлый идеал
 И тайны, выданной мне верными друзьями,
 С улыбкой дерзкою врагам не поверял.
 Душа моя чиста. Я грустен и спокоен.
 Я сердце оправдал кончиною своей...
 И горд, что ваших слез, друзья мои, достоин,
 20 И счастлив, что умру за счастье новых дней!
 Пусть юности заря, сулившая мне славу,
 Погаснет, пусть цветы не принесут плода;
 Но в вашей памяти, друзья мои, по праву
 Я вечно буду жить бессмертным навсегда.
 И тень моя сойдет порою в стены ваши
 Из сени гробовой, заслыша пирный звук,
 Вы сдвинете тогда запененные чаши,
 Вы скажете: «зачем не с нами мертвый друг?!»..

1883

В.А. Злобин

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ А. ШЕНЬЕ

Как бледный луч зари, как ветер предзакатный
 День догорающий живут,
 Так я бренчу слегка на лире, в безвозвратный
 Готовясь путь. Еще звенят
 Послушные перстам, не порванные струны,
 Но скоро, может быть, пробьет
 Мой час — и на меня обрушатся перуны.
 Сюда с жандармами войдет
 Злой смерти поставщик, и грозный вызов грянет,
 По коридорам прогудит.
 И мой начатый стих неконченным застанет —
 .....

(1884)

М.Н. Соймонов

ЧАША

(Из Андре Шенье)

Зачем ты предо мной... и брызжешь пеной яда?
 В тебе и желчь, и кровь, о, чаша жгучих слез!
 Горька ты, но, клянусь, я не прошу пощады,
 И не смутится дух от вражеских угроз!
 Горька ты, но тебя до капли осушу я
 И брошу, выпив яд, в лицо моих врагов,
 В кончины лютый час болящим сердцем чуя,
 Что разобьешь и ты звено в цепи оков!
 Меня не станет — вновь наполнишься ты ядом
 И вновь среди толпы ты жертву изберешь,
 И вновь, шипя змеей, ниспосланная адом,
 Ее безжалостно, предательски убьешь.

Но торопись, палач, свое dokonчить дело:
 Настанет грозный день, и грозный час пробьет,
 И явится герой — своей десницей смелой
 Расплещет вражий яд и чашу разобьет!..

(1880-е годы)

И.П. Можайский

ДИТЯ

Из Шенье

Она цвела красой, я был еще дитя,
 Она звала меня порой к себе, шутя, —
 И, стоя на ее коленях, я руками
 Младенчески играл волнистыми кудрями;
 И будто наказать желая, — мне слегка
 По ручкам хлопала прелестная рука.
 Перед смущенною поклонников толпою
 Особенно нежна она была со мною, —
 И часто (но дитя не смыслит ничего)
 10 Так нежно личика касалась моего
 Красавица, так поцелуй был звонок,
 Что говорили все: “счастливейший ребенок!”

〈1886〉

ИЗ АНДРЕ ШЕНЬЕ

Элегия VII

Сегодня — так как смерть близка уже моя, —
 Мой прах вручаю вам я, милые друзья! —
 Я не хочу лежать за кладбища стенами,
 Нет, место для меня вы изберете сами —
 В краю, где бы приют пенатам сельским был,
 Где б ясный неба взор приветливо светил;
 В цветах, в тени дерев, чтоб и по смерти было
 Вокруг меня все то, что сердце так любило;
 Там — у кристальных вод, под сению лесов
 10 Пусть праху моему последний будет кров,
 Чтоб друг ваш был всегда пред вашими очами,
 Чтоб эпитафия, начертанная вами,
 Сказала путнику о том, какое зло
 В могилу раннюю несчастного свело;
 Что он был добр, любил, что жил он слишком мало;
 Убийство честь его ни разу не пятнало
 И ненавистной лжи всегда он избегал,
 А клятвы и секрет — священными считал;
 Презренные ж дела и совести упреки —

- 20 Спокойной, в правоте, душе были далеки. —
Она достойна вас, достойна ваших слез!..
О, вы оплачете все то, что перенес
Ваш друг; его рассвет, суливший полдень ясный,
Хоть, не дозревши, плод погиб такой прекрасный...
Да, буду жить еще — в сердцах у вас, друзья.
На ваших празднествах, — где юношею я
Так часто ликовал; — не раз еще, быть может,
Воспоминание разгул ваш потревожит
Отраднo-горестно, — и многие из вас
- 30 Воскликнут: “ах, зачем *его* уж нет меж нас!”
Погибну! — в вечность день без вечера мой канет;
Чуть роза расцвела, чтоб жить, — и ужé вянет;
Мгновенных радостей мне много жизнь дала,
Едва их я узнал, — а смерть уже пришла...
Но как мне будет там приятно, безмятежно,
Когда порой любовь властительно и нежно
К моей могиле путь укажет вам, друзья,
И вы пойдете к ней... а перед вами я
Опять как бы живой... Когда ваш стих отчизне
- 40 Всю повесть выскажет моей любви и жизни;
Когда ваш юный сын, услышавши от вас
Моей судьбиною навеянный рассказ,
Подумает, вздохнув, зачем меня не знает...
Пусть с вами даже смерть меня не разлучает! —
О, если б только мог купить я ею то,
Что в жизни у меня злым роком отнято:
И долгоденствие, и счастье! — чтоб скорбный
Недуг не близил вас, не влек к чреде загробной,
Чтоб радость каждую вкусили вы вполне,
- 50 Чтоб слезы лили вы участия одне;
Чтоб ряд блаженных дней, высоких наслаждений
Амброзией кропил для вас ваш добрый гений —
Любовью полных дней — взаимною, святой! —
И чтоб в ваш смертный час, богов на суд с собой
Подруга верная с рыданьем вызывая,
Желала б умереть, вам очи закрывая.

И.П. Горн

НОЧЬ ПЕРЕД КАЗНЬЮ

*Посвящено С.И. Поливановой**Сцена из времен французского террора**(фрагмент)*

Люксембургская тюрьма. Ламурет, лионский епископ, Шенье, Лавуазье.

.....

Шенье: Моих несбывшихся надежд
 Мне жаль... Жаль музы величавой
 И гибели ее без славы!..

Как оживляет последний луч солнца и шепот последний
 Тихого ветра конец превосходного дня, умирая
 Строю я лиру мою, на ступени всходя эшафота...
 Может быть, прежде, чем стих мой окончу, появится в этих
 Кровью покрытых стенах злой вербовщик теней и предвестник
 Смерти — и час мой ударит последний... и сердце замолкнет...*

.....

(1891)

П.Д. Бутурлин

ПОДРАЖАНИЕ А. CHÉNIER

Мне сердце трогает всегда воспоминанье,
 Как вечером меня он на колени брал
 И сам меж уст моих прилежно флейту клал,
 Шутливо говоря, что, вот, он даст мне знание,
 Научит мальчика искусству своему,
 И грозным стану я соперником ему!..
 С каким терпением, с какой заботой милой
 Неловкий рот учил он правильно дышать
 И ровный, чистый звук из флейты извлекать!
 10 С какую ловкостью, с какой нежной силой
 Порой прижмет его умелая рука

* Гекзаметром переданы написанные перед казнью стихи Шенье <примеч. И.П. Горна>.

Мою, негибкую, к отверстиям тростника
И приподымет вновь... То песнею унылой,
А то веселою он скуку отвращал
И трели трудные раз двадцать повторял.

⟨80—90-е годы⟩

А.М. Федоров

ИЗ АНДРЕ ШЕНЬЕ

I

Амур

Амур покоился прелестный и цветущий.
Я в рощицу вошел и под душистой кущей
Увидел среди листвы колчан его и лук;
Он спал на горах роз, товарищ их и друг,
И с алых губ его, улыбкой озаренных,
Сбирали пчелы мед для ульев благовонных.

II

Я был малюткою, она была прекрасна.
Она звала меня и улыбалась ясно.
Коленопреклонен, невинной я рукой
Ей гладил грудь, лицо и локон золотой.
Порой ее персты и ласково, и живо
За смелость детскую платили прихотливо.
Перед смущенною поклонников толпой
Она была еще приветливей со мной,
Не раз ее уста лицо мое сжигали;
10 И, мне завидуя, ревнивыцы повторяли:
“О сколько дивных благ растрчено шутя.
Увы... несказанно счастливое дитя!”

III

Я сплю, но сердце все не спит: оно с тобою.
На крыльях радужных сон реет надо мною;
Близ сердца моего твое, любви полно;
Под теплой кожей кровь играет, как вино...

Но злой порыв мой сон уносит беспощадно.
 Я снова одинок, и к изголовью жадно,
 Воспламененные, прижались уста.
 “О, где ж твой милый взор и страсть, и красота!”

Во сне и наяву я о тебе мечтаю.
 10 Где счастье, там сны нас приближают к раю.
 Как лживые друзья, несчастье душит нас.
 К блаженству манит взор слезы не знавших глаз,

Вдаль от мятежных бурь и битв со злом упорным...
 О, вероломная, но милая, молю,
 Взгляни, и, может быть, расплавлю, растоплю
 Я лед души твоей бессилием покорным!

⟨1897⟩

ПЧЕЛА

Пчела, наперсница всех юных тайн моих,
 Взгляни, цветущий май на крыльях золотых
 Вернул нам прошлое. Внемли признаньям новым:
 Весною любят все, а я любви оковам
 Вверяюсь всегда. Бойтся мрачных льдов
 Моя изнеженная, ласковая муза;
 Ее бросает в дрожь холодный свист ветров
 И осень тягостна для нашего союза,
 И подле очага, наедине со мной
 10 Без отзвука она внимает гул ночной.
 Но только лишь весна с собою птиц приманит,
 И шепот вод, лесов — согласным гимном грянет,
 И в ризы брачные оденутся поля, —
 Вновь возрождаясь, как теплая земля,
 Она, по прихоти, поет себе и бродит,
 И, точно стрекоза, на всех цветах находит
 И отдых и приют, питается росой
 И с песней пахаря сливает голос свой.
 Так, в новых образах являясь ежечасно,
 20 Пою я нимф, зефир и рощи — сладкогласно,
 И вешние цветы, и тайны мотыльков,
 И пылкую любовь, что краше всех цветов.

⟨1898⟩

В.Ф. Саводник

НА МОТИВ ИЗ А. ШЕНЬЕ

Задумчиво сидеть люблю в полдневный зной
Под тенью сонных ив, над светлою рекой,
Трещанию стрекоз и пенью птиц внимать
И, глядя в глубь небес, Бог весть о чем мечтать...

Тропинку знаю я: к реке ведет она,
Наядой молодой давно проложена:
Там место есть одно, среди густых кустов,
Где нимф подстергать я целый день готов.

И чудится порой, что в зелени густой
10 Мелькнула дева вод, сияя наготой.
Не знаешь, шепчет ли, смеется ли она,
Иль это сонная проснулась вдруг волна.

〈1898〉

В.С. Лихачев

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Юная пленница

“Незрелый колос жив — коса его минует;
Кисть виноградную до осени милует
И бережет румяная заря.
Я также молода и так же я прекрасна;
Пусть беды тяжкие грозят нам ежечасно:
Все ж умирать не собираюсь я!

Кто жизнью закален — пусть в праздничной одежде
Спешит на смертный пир; я плачу, но надежде
Угаснуть не даю в душе моей.
10 Есть скорбь — и радость есть; есть плен — и есть свобода...
Увы! Таков закон: без горечи нет меда;
Без бурь и гроз на свете нет морей.

Что эти стены мне! Что эти мне затворы!
В далекой стороне мои блуждают взоры
И вижу я на родине себя:

Из цепкой западни чуть вырваться успела,
По-прежнему поет на воле Филомела,
Весь Божий мир по-прежнему любя.

Мне умереть? О, нет! Я с верой засыпаю
20 И с верой новый день, чуть он в окно, встречаю:
Светло в очах — и на душе светло;
И счастлива же я, когда на миг отрадой
Блеснет от моего приветливого взгляда
Безвременно поникшее чело!

Начертанный мне путь я только начинаю —
И позади себя едва ли насчитаю
С десятков придорожных тополей.
На жизненном пиру все так еще мне ново!
30 Чуть прихлебнула я из кубка золотого:
Он пенится еще в руке моей.

Пройдет весна, глядишь — и лето за весною;
Свершает год свой круг извечною чредою:
Такой же круг и я хочу свершить.
Я не цвела еще, я только расцветала;
Лишь утро бледное доньше мне сияло:
А я хочу свой полный день прожить.

О, смерть! Спешу туда, где нет во тьме просвета,
Где ропот, стон и плач, где песня жизни спета,
Где ты — не казнь, а Божья благодать;
40 Не к смерти сны мои; в саду приют укромный,
Горячий поцелуй, истома ночи темной...
Я жить хочу — мне рано умирать!

Так, скорбный узник сам, доверчивым признаньям,
Невинным жалобам и тихим причитаньям
Восторженно и жадно я внимал
И, юной пленницы виденьем озаренный,
Бесхитростных речей красою вдохновенный, —
Их в мерные стихи перелагал.

(1899)

Л.Н. Афанасьев

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Viens près d'elle au matin.

Приходи поутру к ней, когда бог покоя во мраке
На подушку ей сыплет, как пух, легковейные маки,
Поглядеть, как на ложе, не залитом солнцем мятежным,
Неподвижно рука отдыхает в покое небрежном,
Как ресницы очей побеждают дремоты бессилье
И на розах ланит сон покоит усталые крылья.

(1901)

С.М. Соловьев

К ФАНИИ

Элегия Андрэ Шенье

О Фанни, как блажен избранник тот счастливый,
Кто может наблюдать румянец твой стыдливый
И смех, подернувший румяные уста!
От самых ранних лет ты прелестью сияла
И скромностью дышала
Твоя небесная святая красота.

И розы скромности, застенчиво стыдливой,
О красоте души вещая молчаливо,
Пылают на чертах прелестного лица.
10 Глаза, уста, – во всем разлился мед прекрасный,
Которому напрасно
Противится душа сухого мудреца.

О если б награжден я славою был ранней,
Уделом красоты, побед и дарований,
Чтоб обратить ко мне и взор, и мысль твою,
Чтоб не забыла ты любви моей и муки,
Когда во дни разлуки
Любимый образ твой я всюду узнаю.

На смерть ребенка.

(Из Шеня)

Оставивши гримм удобную обитель,
 Ото лишь одной весте быль мимолетный урочий.
 Возпоминание, нехитры обитель, сонь,
 Восте же, ты, отшельник, для нас отставил он.
 Прощай, дитя! укажи тебе наведа сирота.
 Прощай, в обители, откуда выйдешь возвращая.
 Наме боишь тебе не увидать, когда
 В деревни восте (спасайся, востину в города.
 Коле отна мвал, любилкиши рубали.
 Востона, теперь окрес шквыши мугали.
 Не будешь раздужураить и земли борудить.
 Отиз друженкиши забойте не стаете нас будить.
 Тилои востиде мвал сладостинки и неаждикны мекит,
 А; губешуя в сердцеа блаженства людкны шреней,
 Не будешь боишь мн превтис шквыши вострогаит.
 Умиле мшкыше усит слово прошептает.
 Прощай, в обители, где восте нас отидает.
 Куда удул мает мвал, ревнивы вострогаит.
 302. Июнь. Таргаш.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

*Казес-сын. Андре Шенье
в возрасте 11 лет,
х., м. Музей г. Каркассон*

*Казес-сын. Портрет г-жи Шенье,
до 1765 (?), х., м.
Музей г. Каркассон*

*Кизес-сын. Групповой портрет
семьи Луи Шенье,
1773, х., м. Музей г. Каркассон*

*Л. Давид. Портрет Мари-Жозефа
Шенье.
Музей Версальского дворца*

*Ж.-Б.-Ж. Огюстен.
Портрет Андре Шенье (?)
1790 (?), миниатюра.
Париж, библиотека Арсенала*

*Портрет Франсуазы (Фанни) Лекуте.
Копия с несохранившегося портрета
Л. Давида*

- Я думаю: вот здесь была она, и ясно
20 Мне вспоминается весь образ твой прекрасный,
Походка ног, едва касавшихся земли,
И как, склонившись головкою усталой,
Ты тихо наблюдала
Извилины реки, терявшей вдали.
- Я вижу образ твой, блуждая средь дубровы.
Так молодой олень, свободы сын суровый,
Пронзенный пулею, бежит скорей вперед.
Но, мучим раною, он падает печально
И близ воды зеркальной
30 Он задыхается, дрожит и смерти ждет.

1902

(ИЗ ШЕНЬЕ)

Я видел, что к очам, любовию горящим,
Был сладкий взгляд ее с участием обращен
И медом сладостным, из уст ее дышащим,
Другой был опьянен.

Когда не мог сдержать в душе я проявленье
Тех чувств, которые в душе моей кипят,
Украдкой брошенный и полный ласки взгляд
Унял в моей груди тяжелое томленье.

- Ах! в глубине лесов, застигнутая птица,
10 Стрелой пронзенная, ведь все же может биться
И стоном жалобным окрестность оглашать;
И воплям Актеона,
Пронзенного стрелюю Ориона,
Никто не запретит убийцу обвинять.

1902

НА СМЕРТЬ РЕБЕНКА

(Из Шенье)

Оставивши земли убогую обитель,
Он лишь одной весны был мимолетный зритель.
Воспоминание, неясный облик, сон, —
Вот все, что, отлетев, для нас оставил он.
Прощай, дитя! у нас ты навсегда отнято;

Прощай, в обители откуда нет возврата.
 Нам более тебя не увидать, когда
 В деревни все спешат, покинув города.
 Колясочка твоя, любимыми руками
 10 Ведомая, теперь окрестными лугами
 Не будет разъезжать и землю бороздить.
 От жизненных забот не станет нас будить
 Твой взгляд, твой сладостный и непонятный лепет;
 И, чувствуя в сердцах блаженства чудный трепет,
 Не будем больше мы приветствием встречать
 Усилия милых уст слова пролепетать.
 Прощай! в обители, что всех нас ожидает, —
 Куда уж мать твоя ревнивый взор бросает.

1902

К ФАНИ

(Из Шеньс')

Нет, вздох влюбленного, исполненный томленья,
 И взгляды робкие смущенного лица
 Не служат для того, чтоб робкие сердца
 Притворством низменным повергнуть в заблужденье.
 Влюбленным не знаком коварства низкий яд,
 И слезы, тщетные желаний порожденье,
 Притворства не таят.

Нет, Фанни, кто хоть раз узрел ваш образ стройный,
 Тому притворства ложь не может быть нужна.
 10 Кто видит вас, тот ваш. Из женщин ни одна
 Уж не покажется ему любви достойной.
 Ах, лишь одна звезда на небесах видна
 Печальной Клитии, и блекнет беспокойно
 Во тьме ночной она.

Малейший звук речей, порой произнесенный
 Из уст красавицы, несчастного разит,
 Который лишь ее во всей вселенной зрит.
 Когда ж в ее устах улыбки принужденной
 Увидит он печать,
 20 Скрываясь ото всех, унылый и смущенный,
 Он может лишь сказать:

О Фанни, чьи глаза смиряют злые муки,
 Счастлив, кто, ничего не в силах уж желать,
 Как только видеть вас, любить и жизнь отдать,
 Покинутый людьми, в последний час разлуки,
 Пред тем, как перейти в могильный мрак к отцам
 Вам скажет, протянув хладеющие руки:
 Поверишь ли теперь ты преданным сердцам?

1902

ПОДРАЖАНИЕ ШЕНЬЕ

Чуть ветром тронуты прибрежных ив вершины...
 Сверкают золотом плетеные корзины,
 В зеленом аире — упавшей рыбы всплеск,
 Серебряных чешуй и красных перьев блеск.
 Между березами, у струй, полунагие
 Толпятся отроки. Свежеет. Голубые,
 Весь день сиявшие, померкли небеса.
 Туманы зыблются и падает роса.
 Заря веселая пылает и смеется
 10 За лесом. О, когда раздастся у колодца
 Твой ароматный шаг и пение бадьи?
 Приди, о нежная! Уж скоро ночь. Ладьи
 Последних облаков мерцают, золотые
 И уплывают в даль. Под яблони густые
 Влюбленных юношей и сладострастных дев
 Стремится томный хор. Под сенями дерев,
 Где пруда сонного осеребрились струи,
 Проснулись шепоты, возникли поцелуи,
 Движенья дерзкие, бесстыдные слова
 20 И смех и тишина... Прямая трава
 Одна останется свидетельницей тайны.
 О, пусть ни шорох трав, ни звук шагов случайный
 Не потревожат вас. А завтра, поутру,
 Как мило будешь ты обманывать сестру,
 Подруг и юношей! Но взор поэта скромный
 Не улыбнется ли твоей походке томной?
 Цевницу нежную ужели не пленит
 Огонь твоих очей, греховный жар ланит?

〈1908〉

Е.М. Милич

СВОБОДА

(Гимн III)

.....Как древний Гераклес,
Свобода в мир сошла непобедимой:
В очах младенческих горел огонь небес
И голос волею звучал несокрушимой.
Свиваясь кольцами, посланники богов,
Чуть в мир явившейся, ей дни пресечь хотели,
Чтоб светлым подвигам набросить гнет оков...
Но руки детские их туг же одолели, —
И, полной яда, кровию врагов
Края окрасились могучей колыбели.

(1906)

НЕЭРА

(Идиллия XII)

.....
Как лебедь бледный, в грустный смертный час,
Вздыхая, песнь поет в последний раз,
Поет тем голосом, и кротким, и печальным,
В котором все звучит томлением прощальным:
Так бледная, полна смертельной тяжкой муки,
Неэра скорбная молила в час разлуки:

.....
О, вы, игривые наяды Себетей,
Могилу раннюю укройте не жалея
Волной кудрей своих... Прости, о Клиниас,
10 Кого любила я в счастливый утра час,
Кто сам любил меня и не увидит боле...
О рощи, о цветы, что счастливы на воле,
О небеса, о долы, — вас молю!
Напомните ему, кого я так люблю,
Неэру — жизнь его, всех грез его блаженство,
Что звал своею он, в ней видя совершенство, —
Неэру, что любя, оставив дом и мать,
Должна здесь на земле изгнанницей блуждать.
О где бы ни был ты: где звезд далеких очи
20 Корабль твой стерегут под кровом южной ночи,
На тех ли берегах, где кущи роз цветут,

Где б ни был на земле печальный твой приют, —
 Когда в заката час, усталою душою
 Ты к прошлому прильнешь невольною мечтою, —
 О позови меня! Покорная мольбе,
 Друг нежный, я приду, — я прилечу к тебе!
 Моя душа в листьях дерев тенистых
 От счастья задрожит; на тучках золотистых
 Она слетит к тебе; на крыльях ветерка
 20 На землю спустится... или, как сон легка,
 Восстанет из груди вздымающейся моря!
 Увидишь ты меня, — и в час тяжелый горя,
 Услышишь голос мой, что к прошлому зовет,
 Что, слух лаская твой, промчится и замрет...
 (1906)

А.А. Кондратьев

НИМФА, ПРЕСЛЕДУЮЩАЯ ОТРОКА

О, мой мальчик, куда убегаешь? Постой!
 Все равно не спасешься, лишь в чаще лесной
 Исцарапаешь нежные ноги.
 Взором робко-стыдливым мне сердце пленя,
 Ты дрожишь от испуга, бежишь от меня.
 Неизведанной полон тревоги.
 Ты как дева застенчив, как Эрос хорош,
 И не мни, что в лесу ты спасенье найдешь,
 Избежишь моего поцелуя!
 10 Как олень быstroногий ты скор на бегу,
 Но стрелой до тебя я домчаться могу
 И, поймав, обниму, торжествуя...
 Ветви хлещут в лицо. Ветер свищет в ушах.
 Слышу вздохи твои. Вижу кровь на ногах,
 Утомленных от долгого бега.
 Через камни и пни я гонюсь за тобой.
 Ты все тише бежишь. Ты споткнулся... Ты мой!
 О, какое блаженство и нега!
 Ты лежишь недвижим без сознания и сил
 20 И глаза, голубые как небо, закрыл;
 Молодое лицо побледнело.
 Полонила мне душу твоя красота,
 И к устам твоим нежным я с дрожью уста
 Приближаю, склоняясь несмело...
 (1909)

В.Я. Брюсов

ЮНАЯ ТАРЕНТИНКА

О, чайки! в небеса бросайте ваши стоны!
 Богине милые, рыдайте альционы!

Она жила, Мирто! дитя невинных нег!
 Корабль ее стремил на сицилийский брег,
 Где песни радости, и гимны, и свирели
 Ее бы привели к супружеской постели!
 Недремлющий замок и кедровый ларец
 Ревниво берегли и свадебный венец,
 И ароматный нард, и ткани дорогие,
 10 И для стыдливых рук браслеты золотые.
 И в час, когда она мечтала на корме,
 Молясь созвездиям, внезапно ветер во тьме
 Ее схватил! едва — воззав к ночной богине,
 Она дрожит, скользит, и вот она в пучине!

И вот она меж волн, земли Тарентской дочь!
 И тело нежное валы уносят в ночь!
 Тефия, вся в слезах, спешит к скале прибрежной —
 Найти от чуд морских ему приют надежный.
 По знаку матери, из лона зыбких вод
 20 Прекрасных nereid бессмертный хор встает:
 Несут погибшую в прохладный грот, и с миром
 Слагают на утес, обвеянный Зефиром.

А после, с воплями, зовут своих подруг, —
 И нимфы, кинув лес, источник, холм и луг,
 Спешат на этот зов, бегут на берег моря,
 И в груди бьют себя, печальным крикам вторя,
 “Увы! — звучит их стон. — Напрасно ждет жених!
 Нет, не наденешь ты венчальных риз своих!
 В браслетах блестящих не будут руки сжаты!
 30 На косы темные не брызнут ароматы!”

(1909)

ИЗ АНДРЕ ШЕНЬЕ
(Александрійский стих)

Заслушались тебя безмолвные наяды,
О муза юная, влюбленная в каскады,
У входа в темный грот, что нимфам посвящен,
Плющом, шиповником, акантом оплетен.
Амур внимал тебе в тени листвы укромной;
Потом приветствовал сирену рощи темной
И, золото волос твоих сдавив рукой,
Сплел гиацинт и мирт с душистою косою.
“Твой голос для меня, — сказал он, — был утешней,
10 Чем для медовых пчел сок медуницы вешней!”

1912

ГОМЕР
(Отрывок)

“О, сребролукий бог, бог Клароса! к тебе я,
О, Сминфей-Аполлон, взываю. Здесь, слабая,
Паду, когда вождем не будешь ты слепца!”
Так старец восклицал, вздыхая без конца,
Бредя вдоль леса, он на камень сел, терзаем
Тоской. Три пастуха, страны той дети, лаем
Собак привлечены, хранителей их стад,
Давно за старцем шли. И, отозвав назад
Молоссов яростных, от их зубов и лая
10 Бессилье грустное слепца оберегая,
Беседовали так, к нему идя тропой:
“Кто сей седой старик, покинутый, слепой?
Не бог ли, что сошел к нам из иного мира?
Высок он станом, горд; бесформенная лира
На поясе простом; он говорит — и вот
Дрожат леса, поля, весь воздух, зыби вод!”

Он слышит их слова, он слушает; и звуки
Их слов его живут; он простирает руки
С мольбой. Они ему: “О, не страшись, пришлец!
20 (Когда не некий бог, святых высот жилец,
Сокрыт под внешностью случайною и брэнной:
Столь царственной красой горит твой лик почтенный!)
О, если смертный — ты, несчастный старец, знай,

Что люди, волнами в чей ты заброшен край,
 Не встретят странника обидою бесцельной.
 Но, видно, не дает Рок блага безраздельно:
 Великий дар богов — твой благородный глас,
 Но ими у твоих свет солнца отнят глаз!”

30 “О, дети! — голос ваш звучит по-детски нежно! —
 Разумен ваш язык вполне! Но неизбежно
 Пришельца бедного, в чужой стране, страшит
 Возможность встретить смех и горечь злых обид.
 Нет, не равняйте вы меня с бессмертным хором!
 Морщины, снег волос, ночь вечная пред взором, —
 Похожи ль на богов? Лик не таков у них!
 Я — только человек, несчастнее других.
 Вам ведом ли бедняк, скиталец терпеливый?
 С ним сравнивать меня, лишь с ним одним должны вы.
 Но верьте, не за то мне внешний мир закрыт,
 40 Что с Фебом спорил я, как древле Фамирд;
 Я, как Эдип, в руках эриний, не был тоже
 Отцеубийцею на материнском ложе!
 Все ж боги мощные мой обрекли закат
 На бедность, слепоту, изгнание и глад!”

.....

(1913)

С.А. Андреевский

ИЗ А. ШЕНЬЕ

*(Предсмертные стихотворения
 в тюрьме St-Lazare)*

Quand au mouton bêlant la sombre boucherie...

I

Когда притянутый на бойню для закланья,
 Переступив ее порог,
 Ягненок издает бессильное бляенье,
 Он остается одинок.
 Собаки, пастухи и стадо за горою
 Уже не думают о нем.
 И дети резвые, игравшие порою
 Его серебряным руном,

И те красавицы, которым он послушно
 10   Давал вплетать в себя цветы, —
 Его, не пожалев, съедают равнодушно...
        Среди тюремной темноты
 Таков теперь и я, забытый, одинокий,
        Того и надо было ждать!
 Кто б ни был заключен, для мира он далекий,
        Пора к забвенью привыкать.
 Есть тысячи ягнят в стенах моей темницы,
        Как я, — забыты, бедняки.
 И всех нас повлекут на пир толпы-царицы
 20   Окровавленные крючки.
 Друзья могли б помочь? Да, правда, облегчали
        Они (винить их не хочу)
 Меня, когда в окно записку мне вручали;
        Быть может, — деньги палачу...
 Но бездна подо мной, — они живут на воле,
        И там имеют право жить. —
 Живите, радуйтесь своей счастливой доле,
        За мной вам нечего спешить.
 Глядеть на горести в дни ясные, бывшие
        Ленился, может быть, и я.
 И тем же платят мне. — А вы, мои родные,
        Живите счастливо, друзья!

II

Que promet l'avenir?

Что будущее даст? Где честь и прямота?
        Где разум, мужество и вера?
 Какое счастье рисует в нем мечта?
        Народ какого ждет примера?
 Какой правдивый суд накажет палачей?
        Слеза прольется ль о несчастных?
 И вспомнится ль добро, и свяжет ли людей,
        Среди тревог и дней ненастных,
 Союза дружного священная любовь?
 10   О чем же здесь я пожалею,
 Когда здесь правит страх, и блещут меч и кровь,
        И все дозволено злодею?!
 А мы робеем все... Да, все. Какой позор!
        Прощай, земля! Прощайте, люди!
 Скорее, смерть, иди! Закрой усталый взор!
        Возьми дыханье бедной груди!

Итак, я изнемог... Со злом не совладал...
 Постыдно сердце ослабело.
 О нет! О нет! Я б жить еще желал.
 20 На свете есть святое дело.
 Да. Жалкий человек, поруганный толпой,
 В немой тюрьме, у двери гроба,
 Сильнее чувствует неправду над собой,
 В нем крепче ненависть и злоба.
 Не славен я мечом, врага им не казнил,
 Но у меня — другая сила!
 Иной, не бранный меч. Его бы напоил
 Я влагой желчи и чернила.
 И с ним бы горячо за правду постоял.
 30 Внемли ж мне, истина святая!
 Явись! — И если я тебя не оскорблял,
 И если, зорко проверяя
 Мои все тайные желанья и дела,
 Ты брови строго не сдвигала,
 И если торжество бездушия и зла
 Сносить безмолвно ты устала,
 И раной тяжкою страдает грудь твоя —
 Спаси меня! Своей рукою
 Я отомщу тебя, любимица моя,
 40 И громом гряну над толпою!
 Как тяжко умирать, не свергнув палачей —
 Слепых марателей законов,
 Сидящих, как ярмо, на родине своей,
 В груди ее не слыша стонов...
 О ты, мое перо, бесценное перо,
 Не брошу я твоих обломков,
 Пока я жив... А там... Кто павшим за добро
 Любви попросит у потомков?
 50 Никто со вдовыми, родными и детьми
 О милых им не погорюет.
 Никто с разбойников, чтоб дрогнули они,
 Портретов черных не срисует...
 Кто сыщет им в аду мучительную плеть,
 И кто пойдет с негодованьем
 Их лица заплевать и гибель им воспеть?! —
 О, как душа полна страданьем!
 Но скоро я умру... — И склонится скорбеть
 Любовь на мертвого с рыданьем...

III

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Comme un dernier rayon,
comme un dernier zéphyre.

Всходя на эшафот, пытаю струны лиры:
Так жизнь дают закату дня
Последние лучи, последние зефиры.
Вот-вот и очередь моя.
И, может, не пройдет, минуты пробегая,
По кругу стрелка на часах,
Как смерть меня возьмет холодная, немая,
И буду я ничтожный прах.
И начатых стихов я первой половины
10 Не кончу, может быть, когда
Наборщик мертвецов, с толпой своей дружины
Внесет смятение сюда,
И в сумрачных стенах тюремных коридоров
Услышу имя я свое...

.....
.....

1877, 1915

Д.И. Глушков

(А. Шенье)

Я к классикам своим уйду и, чтец прилежный,
Восславлю мудрость их, бесстрашие и покой:
О скудность наших дней с их тщетностью мятежной:
Как суетен, увы, как пуст удел людской!

О, стоят ли они погони неустанной, —
Слепые божества — Богатство и Любовь!
Но чуть мне свой родник откроет Плутос вновь,
Чуть дастся в руки мне успех непостоянный,

На мой несмелый знак улыбка мне едва
Блеснет из комнатки соседки светлокудрой, —
Прощайте, классики, высокие слова,
Торжественный Лицей и Портик многомудрый!

И — снова праздника, и — снова мы цари:
 И письма, и духи, и вздохи томной неги,
 И взгляды долгие, и нежный звон элегий,
 И буйный пир любви до утренней зари...

(1915)

А.И. Ромм

ИЗ А. ШЕНЬЕ (ЭЛЕГИЯ XXVII)

Глицера ли, друзья, на стол нам накрывает?
 Эмилия ли нас на праздник созывает?
 И Роза, кто не даст желаниям упасть,
 Чьи танцы нежные щекочут нашу страсть,
 Там будет? И для нас свой звучный голос Клара,
 Ее сестра, сольет со звуками гитары?
 Там будет Юлия, чей милый смех звенящ,
 Чей бюст, как алебастр, и крепок, и блестящ?..
 Ах, видел я ее на празднестве веселом:
 10 Власы рассыпаны по персям полуголым,
 Смеется... Киферон, друзья, в лесах своих
 Не видел никогда, клянусь, менад таких!
 Идемте же. Нас все к веселью призывает...
 Но, боги! если вдруг Камилла все узнает?
 Какой безмерный гнев наш пир произведет,
 Как до ее ушей хоть слух о нем дойдет?
 О, вы не знаете, как власть ее огромна:
 Лишь стоит похвалить улыбку, голос томный,
 Иль, сидя на пиру с красавицей рядком,
 20 Шепнуть ей два словца умильным шепотком —
 Все видит! А потом — упреки, слезы, крики!
 Словечко, взгляд, пустяк — все явные улики!
 “Все видели, как к ней внимателен ты был!
 Ты делал знаки ей, ты взгляд ее ловил!”
 А сколько горьких слез! У Гекторова праха
 Не столько пролила вдовица Андромаха.
 Да что! Коль гнев силен, меня Камилла бьет.
 Удары сыплются... Я тоже, в свой черед,
 Слегка треплю ее, но ласковой рукою,
 30 Целуя руки ей бессильные для боя:
 Лишь возбуждать любовь рука ее сильна,
 Она и в ярости останется нежна.

1917—1920

ПАСТУШКА.

Из Андрея Шенье

Сколь Цинтия мила в кругу подруг веселом,
Когда власы ее по плечам полуголым
Вьются, прыгают и легкий, милый смех
Далече славит шум девических утех!
Еще милей она, когда в одежде скромной
По рощам и лугам, чуждаясь неги томной,
В румяный утра час или в полдневный зной
Овец своих пасет заботливой рукой!
Но, други, расскажу ль, как в час полдневный, знойный
10 Нисходит Цинтия на брег реки спокойный,
Как падает на мох завистливый покров, —
И грудь, подобие двух белых голубков,
И плечи круглые, и круглые колени, —
Все может зреть певец, поклонник томной лени!
Тогда-то я, забыв и стыд, и тайный страх,
Тихонько спрятавшись в прибрежных тростниках,
Дыханье притаив, от страсти замираю
И прелести ее глазами пожираю.

1918

МЛАДШАЯ СЕСТРА

Ах, нет, не для меня все эти угожденья:
Сестрица рождена до моего рожденья!
К нам часто пастухи приходят поутру
И мне дарят цветы — а смотрят на сестру,
И, моего лица пленясь выраженьем,
Они зовут меня ее изображеньем.
Зачем я видела всего двенадцать жатв?
Зачем влюбленные не шлют мне верных клятв,
Не говорят: “умру, когда ты не согласишься”?
10 Но час придет. Я жду. Я знаю, я прекрасна.
Я знаю: прелестей нет более живых,
Чем свежее лицо, волна кудрей золотых,
Румяный, узкий рот с жемчужными зубами
И брови черные над синими глазами.

1924

М.А. ЗЕНКЕВИЧ

Убийца прячется под фонарем в тумане
И пьет вино, тоской томим.
Но мы, свободные, для наших злодеяний
Неслыханных найти заране
В веках бессмертие позорное хотим.

Преодолели мы течение черной Леты.
Забвение — не наш удел.
И вечность судит нас, мы ей дадим ответы,
И, празднично так разодеты,
Все эти улицы — улики наших дел.

О, королевские гвардейцы, разорвали
Вас руки бешеных менад,
И ваши головы, как тирсы вакханалий,
На арках высясь, украшали
Кумиров бронзовых ужасный ряд.

Когда б раскаянье коснулось хоть однажды
Толпы жестокой и тупой.
На дело рук своих с улыбкой смотрит
каждый
И тянется, слюнявясь жаждой,
20 Скотиной жвачною на красный водопой.

Искусство наших дней! Под пышностью
багряной
Его убогий жалкий вид
Достоин Франции, где властвуют тираны,
Достоин и тебя, о пьяный
Тупым безумием, воспетый мной Давид.

О, Барки, Нигера пустынные арены!
На зное змеи там ползут,
И тигры крадутся, и рыскают гиены.
И бешенство, раздув их вены,
30 Воспламеняет в них к смертоубийству зуд.

Им, как согражданам, откройте же ворота
Впустите в ваши города.
Томит их, как и вас, одна и та ж забота,
За слабым слежка и охота,
Убоина, и кровь, и трупы — их еда.

Но бросьте гениям на алтарях куренья,
Их ваша оскорбит хвала.
С их строк божественных лишь молния презренья
Падет на ваши преступленья.
40 О, если бы стыда хоть капля в вас была!

1922

П.Н. ЯКОБИ

Чуть блеющей овце кровавая трупарня
Откроет двери в свой загон,
Пастух и верный пес, а с ними вся овчарня
Воспримут безучастно стон.
И дети, что резвясь, с овечкою играли
Среди цветущей пестроты,
И девы милые, что бережно вплетали
В руно и ленты, и цветы,
Не думают о ней, насытятся блюдом вкусным.
10 Таков и мой удел. Мой рок
Сулит забвенью мне. В моем застенке гнусном
Покинут я и одинок.
И тысяча других овец, как я, покорных
В крови народной бойни ждут,
Когда в угоду зла, в угоду чувств позорных
Их в жертву черни принесут.
Что может дружба дать? Дать палачу награду
И с воли принести привет, —
Пролить в скорбящий дух минутную отраду,
20 Зажечь во мраке тихий свет.
Увы, моя душа перед бедой иною
Подчас бывала холодна...
Далекие друзья! Не следуйте за мною:
Придут иные времена.
Чужие горести родят в душе доuku,
Докучна также скорбь моя:
К чему переживать в тоске чужую муку?
Живите радостно, друзья!

〈30-е годы〉

СТИХОТВОРЕНИЯ РУССКИХ ПОЭТОВ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ АНДРЕ ШЕНЬЕ

А.С. Пушкин

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

Посвящено Н.Н. Раевскому

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...

Меж тем как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
10 Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира,
В последний раз ему поет¹.

Заутра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
20 О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

“Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило,
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал пезорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом;

Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
30 Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластия бестрепетный ответ.
Я зрел, как их могущи волны
Всё ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный Пантеон
40 Святых изгнанников входили славны тени,
От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство!*
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
50 Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, — не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа,
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой;
Но ты придешь опять со мщением и славой, —
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им;
60 Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так буря мрачная минет!
Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Завтра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы
Над равнодушною толпою.
70 Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где провождали
Мы дни беспечные в науках и в пирах

И место наших урн заране назначали.
 Но, други, если обо мне
 Священно вам воспоминанье,
 Исполните мое последнее желанье:
 Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
 Страшитесь возбудить слезами подозренье;
 В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
 80 О брате сожалеть не смеет ныне брат.
 Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
 Стихи, летучих дум небрежные созданья,
 Разнообразные, заветные преданья
 Всей младости моей. Надежды, и мечты,
 И слезы, и любовь, друзья, сии листы
 Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни²,
 Молю, найдите их; невинной музы дани
 Сберите. Строгий свет, надменная молва
 Не будут ведать их. Увы, моя глава
 90 Безвременно падет: мой недозрелый гений
 Для славы не свершил возвышенных творений;
 Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
 Храните рукопись, о други, для себя!
 Когда гроза пройдет, толпою суеверной
 Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
 И, долго слушая, скажите: это он;
 Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
 Взойду невидимо и сяду между вами,
 И сам заслушаюсь, и вашими слезами
 100 Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
 Любовью; может быть, и Узница моя³,
 Уныла и бледна, стихам любви внимая..."

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
 Младой певец поник задумчивой главой.
 Пора весны его с любовью, тоской
 Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,
 И песни, и пиры, и пламенные ночи,
 Все вместе ожило; и сердце понеслось
 Далече... и стихов журчанье излилось:
 110 "Куда, куда завлек меня враждебный гений?
 Рожденный для любви, для мирных искушений,
 Зачем я покидал безвестной жизни тень,
 Свободу, и друзей, и сладостную лень?
 Судьба лелеяла мою златую младость;
 Беспечною рукой меня венчала радость,
 И муза чистая делила мой досуг.

- 160 Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
 Моей главой играй теперь:
 Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
 Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
 Пей нашу кровь, живи, губя:
 Ты всё пигмей, пигмей ничтожный.
 И час придет... и он уж недалек:
 Падешь, тиран! Негодование
 Воспрянет наконец. Отечества рыданье
 Разбудит утомленный рок.
- 170 Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
 Я жду тебя".
 Так пел восторженный поэт.
 И все покоилось. Лампады тихий свет
 Бледнел пред утренней зарею,
 И утро веяло в темницу. И поэт
 К решетке поднял важны взоры...
 Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!
 Звучат ключи, замки, запоры.
 Зовут... Постой, постой: день только, день один:
 И казней нет, и всем свобода,
 180 И жив великий гражданин
 Среди великого народа⁵.
 Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
 Но дружба смертный путь поэта очарует⁶.
 Вот плаха. Он взошел. Он славу именует...⁷
 Плачь, муза, плачь!..

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre

Anime le soir d'un beau jour,
 Au pied de l'échafaud j'essaie encor ma lyre.

(V. *Les derniers vers d'André Chénier.*)

² У Авеля, у Фанни.

Abel, doux confident de mes jeunes mystères (El.I): один из друзей А.Ш.
 Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

³ И Узница моя.

V. La jeune Captive (M-Ile de Coigny).

⁴ Voyez ses iambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche).

⁵ Он был казнен 8 термидора, т.е. накануне низвержения Робеспьера.

⁶ На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l' amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche.)

⁷ На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j'avais quelque chose là.

1825

П.А. Вяземский

БИБЛИОТЕКА

(Фрагмент)

В хранилище веков, в святые их наследства,
Творцов приветствую, любимых мной издетства,
Путеводителей, наставников, друзей.
Их пламень воспалил рассвет души моей;
Обязан вкусом им, занятием и забавой,
Быть может — как узнать? — обязан буду славой.

.....
Андрей Шенье!¹ Певец и мученик свободы,
На плаху в жертву ты принес младые годы
И полное надежд грядущее принес,
10 Когда тиранов серп, во дни гражданских гроз,
Свирепо пожинал под жатвою кровавой
Все, что грозило им иль доблестью, иль славой.
Так умирая, ты сказать со вздохом мог,
Что многого еще хранил в себе залог.
Твой стих — неполный звук души в мечтах обильной.
Уныл и сладостен, как памятник умильный
Надежд, растерзанных под бурею судеб.
Феб древних алтарей и новых песней Феб
Животворяет его согласным вдохновеньем.
20 По древним образцам романтик исполненьем,
Шенье! в трудах твоих решился бы тот спор,
Что к музам внес вражду междоусобных ссор
И вечно без конца, как подвиг Пенелопы,
Не довершен ни мной, ни “Вестником Европы”.

.....
1821—1826

¹ Андрей Шенье, одна из прекраснейших жертв тирании Робеспьера и французского Конвента, кончил свою жизнь на плахе революционной два дни до низвержения Робеспьера и кровавого владычества, тяготевшего над Францией. Готовясь на казнь, он, ударив себя в голову, сказал: “Однако же тут было что-то!” Вся поэтика его заключиться может в прекрасном его стихе из поэмы “Изобретение”: «Sur des pensers nouveaux faisons des vers antiques». <примеч. Вяземского>.

ЗАМЕТКИ

〈Фрагменты〉

.....
 Есть благородная и чистая свобода,
 Возвышенной души сокровище и страсть;
 Святыня, — не попрет ее судьбы невзгода,
 Вражде людей — ее твердьни не потрясть.

Она — любовь и мир, и благодать, и сила,
 Духовной воли в ней зачаток и залог;
 Я ей не изменял и мне не изменила
 Она — и сторожит домашний мой порог.

.....
 10 Кто рабствует страстям, тот в рабстве безнадежном,
 Свободу дай ему, он тот же будет раб;
 Дай власть ему — в чаду болезненно-мятежном,
 В могуществе самом он малодушно слаб.

Он недоверчив, он завистлив, предан страху,
 Дамоклов меч всегда скользит по голове;
 Душой свободен был Шенье, всходя на плаху,
 А Робеспьер был раб в кровавом торжестве.

.....
 (1861)

М.Ю. Лермонтов

САШКА

Нравственная поэма

〈Фрагмент〉

Глава I

79

И кровь с тех пор рекою потекла,
 И загремела жадная секира...
 И ты, поэт, высокого чела
 Не уберег! Твоя живая лира
 Напрасно по вселенной разнесла

Все, все, что ты считал своей душою —
 Слова, мечты с надеждой и тоскою...
 Напрасно!... Ты прошел кровавый путь,
 Не отомстив, и творческую грудь
 10 Ни стих язвительный, ни смех холодный
 Не посетил — и ты погиб бесплодно...

80

И Франция упала за тобой
 К ногам убийц бездушных и ничтожных.
 Никто не смел возвысить голос свой;
 Из мрака мыслей гибельных и ложных
 Никто не вышел с твердою душой, —
 Меж тем как втайне взор Наполеона
 Уж зрел ступени будущего трона...

.....

1835—1836

Е.П. Ростопчина

ПОСЛЕДНИЙ ЦВЕТОК

“J’avais pourtant quelque chose là!” — dit-il en se frappant le front...
 “Mort d’André Chénier”.

Не дам тебе увянуть одиноким,
 Последний цвет облистных полей!
 Не пропадет в безмерности степей
 Твой аромат; тебя крылом жестоким
 Не унесет холодный вихрь ночей!

Я напою с заботливым стараньем
 Тебя, мой гость, студеною водой;
 Я нагляжусь, нарадуюсь тобой;
 Ты отцветешь — и с нежным состраданьем
 10 Вложу тебя в молитвенник святой.

Чрез много лет в час тихого мечтанья
 Я книги той переберу листы;
 Засохший мне тогда предстанешь ты.
 Но оживешь в моем воспоминанье,
 Как прежде, полн душистой красоты.

А я, цветок, в безвестности пустыни
 Увяну я... и мысли тщетный дар,
 И смелый дух, и вдохновенья жар —
 Кто их поймет?.. В поэте луч святыни
 20 Кто разглядит сквозь дум неясных пар?

Поэзия — она благоуханье
 И фимиам восторженной души.
 Но должно ей гореть и цвести в тиши,
 Но не дано на языке изгнанья
 Ей высказать все таинства свои!

И много дум, и много чувств прекрасных
 Не имут слов, глагола не найдут
 И на душу обратно западут.
 И больно мне, что в проблесках напрасных
 30 Порывы их навек со мной умрут!

Мне суждено под схиною молчанья
 Святой души все лучшее стаить,
 Знать свет в душе — и мрак в очах носить!
 Цветок полей, забытый без вниманья,
 Себя с тобой могу ли я сравнить?..

1835

АНДРЕ ШЕНЬЕ

Comme un dernier rayon, comme un dernier sourire
 Anime la fin d'un beau jour,
 Au pied de l'échafaud j'essaye encore ma lyre,
 Peut-être est-ce bientôt mon tour?..

André Chénier,
 le jour de sa mort,
 7 Thermidor 1794

Есть имя — от него издавна сердце билось,
 Когда ребенком я несведущим была,
 Однажды, меж больших, речь грустная зашла
 Об юном узнике; я в страхе притаилась,
 Вникала всей душой в несвязный их рассказ,
 Столь темный для меня, жилицы новой света, —
 Была растрогана страданиями поэта,
 Темницей, смертью... Рекой из детских глаз
 10 Впервые полились возвышенные слезы...
 Я только поняла, что мученик младой,
 Невинен и велик, пал гордо под враждой,

Презрев гонителей, их злобу и угрозы...
 Я только поняла, что он прекрасен был,
 Что плакали о нем, что страстно он любил...
 И возгорелось мое воображение,
 И в память свежую он врезался навек,
 И для мечты моей он был не человек,
 А идеал, герой, предмет благоговенья!

Потом, — уж в девушку ребенок превращался, —
 20 Стихов его при мне читали невзначай
 Отрывки беглые, и мнилось, светлый рай,
 Давно обещанный, пред мною разверзлся!..
 Волшебной-сладостной гармонией его
 Пленялся юный слух; весь жар, весь пыл кипучий
 Его высоких чувств и мысли блеск могучий
 Легко открыли путь до сердца моего,
 Легко ответное в нем эхо пробудили.
 Но скоро чтение и чад мой прекратили,
 Напрасно раздражив мой любопытный ум...
 30 И тщетно, жаждущий, он рвался утолиться,
 Дослышать чудные напевы, допроситься
 Ключа к понятию певца тревожных дум, —
 Мне книги не дали!...

Годов поток бежал,
 Срок минул наконец завистливых запретов,
 Шенье любимец мой меж всех других поэтов,
 Меж прежних, нынешних!... Суждению он сдержал,
 Что нетерпению, догадкам обещал!
 Предубеждение в пристрастье превратилось.
 Его судьбы, любви пленительный рассказ,
 40 Как друга исповедь читая много раз,
 Я с чувствами его и с мыслями сдружилась.
 Камиллы ветреной измены я клянусь
 И верность Авеля приемлю с умилением,
 Как будто бы он мне был верен! С восхищеньем
 Мечту моей души нашла я не одну
 В мечтах восторженных ленивца молодого.
 Да! я люблю его как брата дорогого,
 О ком бы мать в слезах рассказывала мне,
 Чтоб с памятью его, в сердечной глубине
 50 Моей, сокрыть навек заветные преданья!
 Да, я люблю его, как будто б мы должны
 С ним где-то встретиться, и оба суждены
 На дружбу долгую!... Его существованье
 Неиссякаемый предмет моей мечты,

Так молод!... так хорош!... Так жизнь и мир любивший,
 Он утро дней воспел, до полдня не доживши!..
 Он с древа жизни снял лишь ранние цветы!..
 Он чувствовал в себе избыток свежей силъ,
 Невысказанных дум, священного огня,
 60 Звал славу как венец трудов и бытия...
 А слава лишь ему блеснула за могилой!..

1842

М.Л. Михайлов

К СТИХАМ А. ШЕНЬЕ

Шенье! твоих стихов мелодия живая
 Влечет мои мечты в чудесный древний мир —
 Мир красоты и воли. Забывая
 Наш грустный век, я строю древних лир
 В твоих строфах пластических внимаю.
 Как наша жизнь бедна в сравненьи с той,
 Которую тогда в мечтах переживаю:
 Как дышит эта жизнь свободой, красотой!

〈1847〉

П.Д. Бутурлин

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

О, если бы во дни, когда был молод мир,
 Родился ты, Шенье, в стране богов рассвета,
 От Пинда синего до синего Тайгета
 Была бы жизнь твоя — прелестный долгий пир!
 При рокоте кифар и семиструнных лир
 Венчали б юноши великого поэта,
 И граждане тебе, любимцу Музагета,
 В родимом городе воздвигли бы кумир.
 Но парки для тебя судьбу иную пряли!
 10 И ты пронесся в ночь кровавых вакханалий
 По небу севера падучею звездой!..
 Как греческий рапсод, ты страстно пел свободу,
 Любовь и красоту бездушному народу
 И умер перед ним, как греческий герой.

〈1895〉

Амари

ИЗ АНДРЕ ШЕНЬЕ

Две юных музы плакали над ним.
Одну любил он страстью безнадежной,
Другую сам был горько он любим
В короткой жизни, бурной и мятежной.
Была одна прекрасна и горда,
Ее глаза — сиянье гневных молний.
В душе поэта в грозный час суда
Звучал ее завет: твой долг исполни.
И в казни час она пришла к нему,
10 И близ нее, как мужественный воин,
Двойную он переступил тюрьму,
И в смерти был венца ее достоин.
И Музы Гнева гордые глаза
Сухим и огненным смотрели взглядом.
Лишь изредка тяжелая слеза
Ей щеку обжигала едким ядом.
Другая же была полудитя
С неразвитою грудью, станом тонким,
Небрежно он ласкал ее, шутя,
20 Смеялся, пел, играя как с ребенком.
И голос у нее был не тимпан,
А флейта, сладкой полная отрады,
Как мрамор статуй строен тонкий стан,
Во взорах — небо синее Эллады.
В часы досуга беглого он с ней
Слагал свои идиллии и песни,
И нет, быть может, ничего нежней,
И ничего на свете их прелестней.
Спокойно-кроткая, она пришла
30 Навек проститься с телом бездыханным
И голову поэта обвила
Своих волос венком благоуханным.
Гасила ночь ужасный день, но труп
Еще лежал меж многих незарытых,
Она коснулась поцелуем губ
И ясных глаз его, навек закрытых.
И вдруг, как будто кто-то сильный сжал
Ей сердце жесткою рукою грубо,
И нежный стан, как листик задрожал,

40 И гордые скривились жалко губы,
И струи теплых, крупных, детских слез
Вдруг потекли по голове кровавой,
По мягким прядям золотистых кос
И падали на бедный труп безглавый.

(1913)

М.И. Цветаева

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

1

Андрей Шенье взошел на эшафот.
А я живу — и это страшный грех.
Есть времена — железные — для всех.
И не певец, кто в порохе — поет.
И не отец, кто с сына у ворот
Дрожа срывает воинский доспех.
Есть времена, где солнце — смертный грех.
Не человек — кто в наши дни — живет.

2

10 Не узнаю в темноте
Руки — свои иль чужие?
Мечется в страшной мечте
Черная Консьержерия.
Руки роняют тетрадь,
Щупают тонкую шею.
Утро крадется как тать.
Я дописать не успею.

1918

* * *

Каменногрудый,
Каменнолобий,
Каменнобровый
Столб:
Рок.

Промысел, званье!
Вставай в ряды!
Каменной дланью
Равняет лбы.

10 Хищен и слеп,
Хищен и глуп.
Милости нет:
Каменногруд.

Ведомость, номер!
Без всяких прочих!
Равенство — мы:
Никаких Высочеств!

Выравнен? Нет?
Кланяйся праху!
20 Пушкин — на снег:
И Шенье — на плаху.

1922

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Версаль. Часть ул. Сатори
(ныне ул. маршала Жоффра),
где жил А. Шенье,
совр. фотография*

*Гюбер Робер.
Игра в мяч в Сен-Лазаре,
1794, акв. Париж,
музей Карнавале*

Леруа, ученик Ж.-Б. Сюве. Портрет Ж.-А. Руше,
1794, рис. Париж, Национальная библиотека

*Ш.-Л.-Л. Мюллер. Вызов последних жертв термидора (деталь).
1850, х., м. Музей Версальского дворца*

*Париж. Площадь Нации.
В правой стороне, в глубине, стояла гильотина.
В центре — скульптура "Триумф Республики",
совр. фотография*

*П.-Ж. Давид' д Анжер. Гипсовая
копия
бронзового медальона Андре
Шенье,
1844. Музей г. Каркассон*

*Париж. Кладбище Пикпюс.
Белая мраморная доска (ближе к изгороди)
в память об А. Шенье установлена на стене,
за которой находится общая могила
казненных в последние дни террора,
совр. фотография*

Е.П. Гречаная
АНДРЕ ШЕНЬЕ — ПОЭТ

Et ma voix toujours tendre
et doucement plaintive
Caresser en fuyant ton oreille attentive.

A. Chénier¹.

В 1819 г. братья Константин и Луи-Совер Шенье, годом ранее содействовавшие выходу в свет тома театральных пьес их младшего брата Мари-Жозефа, известного в ту пору драматурга и поэта, деятеля Великой французской революции, умершего в 1811 г., договорились с издателями (Бодуэнами и Фулоном) о публикации части рукописей другого их брата, после смерти Мари-Жозефа переданных на сохранение его другу и душеприказчику, либеральному историку и публицисту П.-К.-Ф. Дону. Автор этих рукописей не был совершенно неизвестным. Еще были живы люди, помнившие его, сотрудничавшие с ним в газетах эпохи революции или разделившие тюремное заключение. В конце XVIII—начале XIX в. в некоторых французских журналах печатались кое-какие его стихи, в примечаниях к ним вспоминали о гибели поэта на эшафоте, еще слышны были отзвуки некогда громких голосов, обвинявших бывшего якобинца Мари-Жозефа в смерти брата.

Имя Андре Шенье ясно и скорбно прозвучало в книге нового "властителя умов" Франсуа-Рене де Шатобриана "Гений христианства" (1802), в которой, хотя и между прочим, в примечаниях, было сказано: "Революция отняла у нас человека, обещавшего редкостный талант в жанре эклоги; это был г-н Андре Шенье. (...) Сочинения этого молодого человека (...) его невзгоды и его смерть, все возбуждает самый живой интерес к его памяти"².

В 1814 г. рукописи А. Шенье просил в письме к Дону опубликовать поэт Ш.-Ж. Шендолле, один из друзей Шатобриана: "Заклинаю вас во имя всех тех, кто обладает вкусом, заняться изданием стихотворений этого несчастного молодого человека, столь прекрасного, истинного таланта"³.

Чтобы провести подготовительную работу, упорядочить и отобрать произведения, да и просто прочесть их — ведь были и написанные микроскопическим почерком на узких полосках бумаги, — издатели привлекли к сотрудничеству литератора Анри де Латуша. Под таким псевдонимом выступал Ясент-Жозеф-Александр Табо (1785—1851), либерально настроенный

¹ "И нежный голос мой, стенанье умеряя, // Вдруг слуха твоего коснется, замирая. А. Шенье" (пер. мой. — Е.Г.).

² *Chateaubriand. Génie du christianisme. Partie II. Livre III. chapitre 6, note; Note C.* Цит. по 2 изд.: П., 1803. Т. II. Р. 166, 423.

³ Цит. по: *Sainte-Beuve Ch. Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'empire.* П., 1948. Т. 2. Р. 240.

журналист, к тому времени автор нескольких комедий (в соавторстве с Э. Дешаном), переводчик Гёте, Бюргера, немецких и шотландских баллад, поэт, впоследствии автор романов ("Оливье Брюссон", 1823; "Фраголетта", 1829; "Адриенна", 1845 и др.), писатель, к советам которого прислушивались А. де Ламартин и В. Гюго, О. Бальзак и Жорж Санд.

Латуш был полон молодого энтузиазма, либеральные настроения отнюдь не сочетались у него (как это тогда чаще всего было) с литературным консерватизмом, его влекли новые пути и воодушевляли перспективы формирувавшейся литературной школы, вскоре получившей название романтической. Латуш был дружески связан со многими будущими писателями-романтиками: помимо упоминавшихся, с А. де Виньи, Ш. Нодье, П.-Ж. Беранже; в 1820-х годах сотрудничал в периодических изданиях романтической ориентации, в 1825 г. стал главным редактором журнала "Меркюр дю дизневьем съекль" ("Mercure du dix-neuvième siècle").

Приступив к подготовке издания сборника Шенье весной 1819 г., Латуш получил копии и некоторых рукописей, поначалу показавшихся непригодными и отданных Луи-Соверу. Все эти рукописи Латуш читал не один, но вместе со своими друзьями, поэтами Ж. Лефевром-Демье (по свидетельству того⁴) и Э. Дешаном. Похоже, что еще до публикации некоторые стихи Шенье циркулировали в кругах будущих романтиков: так, один из активных впоследствии участников органа романтической школы, журнала "Мюз франсез" ("Muse française"), поэт А. Суме писал в мае 1819 г. (еще до выхода в свет сборника Шенье) поэту А. Гиро, что Э. Дешан "очень скоро обещает прислать элегии Шенье, которые издает Латуш"⁵. Отдельные манускрипты были подарены Латушем Э. Дешану, Ш. Нодье, Ш.О. Сент-Беву⁶, со временем автографы Шенье были найдены в частных коллекциях — все это представляет интерес потому, что, возможно, знакомство с его творчеством на протяжении определенного периода (в том числе и в России) не ограничивалось только сборником 1819 г. и немногочисленными фрагментами, опубликованными после его выхода в свет⁷.

Латуш, стараясь обеспечить изданию успех, считал своим долгом внести в текст Шенье редакторские исправления, порой сократить, иногда по-своему сгруппировать стихотворения, дать им заглавия, изменить то или иное слово, рифму и т.д.⁸ В целом ряде случаев восстановить подлинный текст Шенье уже

⁴ См.: *Becq de Fouquières L. Documents nouveaux sur la vie d'André Chénier et l'examen critique de la nouvelle édition de ses œuvres.* P., 1875. P. 135.

⁵ Цит. по: *Séché L. Le Cénacle et la Muse française.* P., 1909. P. 27.

⁶ См.: *Becq de Fouquières L. Op. cit.* P. 145.

⁷ Получив рукописи Шенье, Латуш писал Ш. Нодье в марте 1819 г.: "Но ты-то знаешь гений Андре Шенье; ты знаешь, какой аромат античности и поэзии исходит от его самых небольших произведений" (цит. по: *Buisson G. Le Chénier de Henri de Latouche // Revue française d'histoire du livre.* Bordeaux, 1988. N LVII. P. 134. В этой же статье отмечается, что Нодье мог познакомиться с рукописями Шенье в кругу Шатобриана — в салоне П. де Бомон.).

⁸ Это был не единственный в то время случай такого рода издания: например, в 1820-х годах в отредактированном виде появились в печати "Мемуары" Казановы, надолго вошедшие в культурный обиход именно в таком виде.

невозможно, так как многие его рукописи, хранившиеся в доме Латуша под Парижем, погибли во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. Только на основании тех оригиналов, что сохранились в архиве Луи-Совера и частных коллекциях, можно предположить, что поправки Латуша, вероятно, были в целом не столь многочисленны (так, в поэме "Больной юноша", состоящей из 138 строк, сделано семь исправлений формального характера). По сохранившимся оригиналам видно, что наибольшие изменения претерпели завершающие поэтический раздел сборника 1819 г. "последние" ямбы, которые Латуш, стремясь достичь драматического эффекта, сократил и разбил на две части, переставив эти части местами. Теми же соображениями объясняется и выделение группы идиллий и элегий в разделы "фрагментов", что наглядно демонстрировало незавершенный характер всего наследия Шенье.

Как бы то ни было, целый ряд произведений поэта остался в истории литературы в том виде, в каком они были опубликованы Латушем; лишь некоторые из них в 1874 г. получили поправки в издании Г. Шенье (сына Луи-Совера). До этого времени первое издание Латуша и его же, дополненное, издание 1833 г. служили основой всех последующих, достаточно многочисленных на протяжении XIX в.

Успех сборника 1819 г., видимо, превзошел все ожидания Латуша и издателей. В преддверии романтической эпохи стихи Шенье оказались в одном ряду с такими явлениями, как элегии Ш.-Ю. Мильвуа (1812, 1815), переводы Байрона, Шиллера, Шекспира и Вальтера Скотта (1817—1820), элегии и романсы М. Деборд-Вальмор (1819), "Поэтические размышления" А. де Ламартина (1820), поэмы А. де Виньи (1822), "Оды и баллады" В. Гюго (1822).

В первых же отзывах видных французских литераторов были отмечены лирическая проникновенность стихотворений Шенье ("Его сильная сторона — изображение нежных и страстных чувств", — писал литератор Ж.-П.-Г. Вьенне⁹), их свежесть и новизна, хотя одновременно звучали и некоторые критические оценки его стиля, порой вызывавшего сомнения с точки зрения чистоты языка. "...муза его сумела вступить на подлинную дорогу поэзии, — отмечал драматург Н. Лемерсье, — но она идет по ней скачущим, неровным шагом; она повсюду спотыкается (...) потому что полагает, что надо постоянно дерзать, беспрестанно стремиться к новизне, прокладывать новые тропы"¹⁰. И он, и другие критики осудили чрезмерное подражание Шенье формулам и оборотам античности.

Читателей сборника 1819 г. привлекли в первую очередь идиллии и элегии Шенье, близкие новым веяниям в литературе. Лемерсье почувствовал индивидуальный оттенок элегий. "Достоин восхищения его характер, изображенный им самим в некоторых его стихах", — писал он¹¹. Идиллии и

⁹ *Viennet. Poésies diverses de Marie-Joseph Chénier et d'André Chénier, son frère // Minerve littéraire, 1820. Т. I. P. 109—110.*

¹⁰ *Lemercier N. Œuvres complètes d'André Chénier // Revue encyclopédique, 1819. Т. IV. P. 90—91.*

¹¹ *Ibid. P. 88.*

элегии приветствовал и "предшественник романтической школы" поэт Ш. Луазон, хотя он и был смущен "грудой неоконченных фрагментов, бесформенных набросков"¹², какими показались ему многие из произведений Шенье.

Будущий глава романтического направления В. Гюго в рецензии, опубликованной в 1819 г. в журнале "Консерватор литерер" высоко оценил элегии Шенье, увидев в них "печать той глубокой чувствительности, без которой нет гения": "Андре Шенье останется для нас отцом и эталоном подлинной элегии"¹³. В идиллиях (расцененных более критически) Гюго отметил привлекательность, простирающуюся "от правдивости деталей, роскоши картин, характерных для античной поэзии"¹⁴. Свойственное Шенье мастерство в воссоздании античного колорита было (в духе времени с его развивавшимся интересом к самобытным культурам) особенно одобрено. В 1823 г. поэт Э. Дешан указал на небольшие поэмы Шенье, вошедшие в раздел идиллий, как на первые образцы во Франции драматизированной эпопеи, воссоздающей обстановку прошлого¹⁵.

По мере утверждения романтизма Шенье не переставали причислять к предтечам этого движения, что положило начало длительным спорам о характере его творчества, не утихавшим на протяжении более столетия (их отголоски порой возникают и в наши дни)¹⁶. Романтикам нужны были почва, основа, они повсюду искали своих предшественников, и Шенье стал одним из их "отцов" — причем не только благодаря своей поэзии, но и благодаря ореолу поэта-мученика. В 1822 г. Гюго назвал его "романтиком среди классиков" и сравнил с Ламартином: "У обоих — та же оригинальность, та же свежесть идей, то же великолепие новых и правдивых образов"¹⁷. В то же время поэт А. Суме обратил внимание на то, что мир Шенье лишен духовных, религиозных ценностей, противопоставив его поэзию "христианской музе"¹⁸. Тем не менее, Ш. Нодье в 1823 г. заявил, что новая поэзия родилась "у подножия эшафота", на котором погиб Шенье, и который "так глубоко отделил будущее от прошлого". "А. Шенье, коего природа или общество сделали меланхоличным, — писал Нодье, — был единственным поэтом того времени, чья нежная душа оказалась слита с огромной печалью погруженного в траур общества"¹⁹. В 1828 г. историк литературы А.-Ф. Вильмен подчеркнул обособленность Шенье от его эпохи и заметил, что "самые мелодичные стихи Ламартина, быть может, вдохновлены этой поэзией, которую они не смогли затмить"²⁰.

¹² Цит. по: *Becq de Fouquières L.* Op. cit. P. 154.

¹³ *Hugo V. Œuvres complètes de André Chénier // Le Conservateur littéraire, 1819—1821. P., 1922. T. 2. P. 23.*

¹⁴ *Ibid.* P. 22.

¹⁵ См.: *Muse française. 1823—1824. P., 1907. T. 1. P. 243.*

¹⁶ См. об этом: *Fabre J. Chénier. P., 1965. P. 264—268.*

¹⁷ *Hugo V. Sur un poète apparu en 1820 // Œuvres complètes. P., 1952. T. XV. P. 68.*

¹⁸ См.: *Des Granges Ch.M. La presse littéraire sous la Restauration. P., 1907. P. 147.*

¹⁹ Цит. по: *Ibid.* P. 222.

²⁰ *Villemain A.-F. Cours de littérature française. Bruxelles, 1840. P. 476—477.*

Особенно настаивал в 1820-х годах на близости Шенье к романтическому движению Ш.О. Сент-Бёв (позднее, с отходом Сент-Бёва от романтиков, его позиция изменилась) в статье "Матюрен Ренье и Андре Шенье" (1829) и в вышедшей в том же году книге "Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма", где много места было уделено разбору произведений Шенье, а о самом герое книги сказано: "... Жозеф принадлежал (...) к тому новому течению в поэзии, которое Андре Шенье завещал своим наследникам XIX века у подножия эшафота и которое Ламартин, Альфред де Виньи, Виктор Гюго, Эмиль Дешан и многие другие после них укрепили, украсили, возвысили и прославили"²¹. Имена Шенье и Ламартина были, таким образом, прочно объединены в это время; в другом месте своей книги Сент-Бёв заметил: "Из творцов элегий остаются в наше время Андре Шенье и Ламартин"²².

Такое положение дел позволило Латушу гордо заявить в 1833 г.: "Я всегда буду считать себя в какой-то мере причастным к возникновению той поэтической школы, основателем которой был Шенье"²³. Именно подготовленное Латушем издание, его предисловие, перепечатывавшееся (с некоторыми изменениями и дополнениями, внесенными Латушем в несколько расширенное издание 1833 г.) во многих сборниках Шенье на протяжении всего XIX в., стало основным источником формирования образа поэта, каким он сложился в представлении читателей того времени. И не только. "Нынешний Шенье, — замечает современный исследователь его творчества, — (...) это все еще в значительной степени Шенье Латуша"²⁴.

* * *

Образ Андре Шенье и его поэзия словно сотканы из переливов света и тени. Рождение на берегах Босфора, эллинская атмосфера в семье, детство среди виноградников и садов южной Франции, молодость, проведенная в блестящих парижских кругах — и постоянное чувство маргинальности, поэтическая безвестность при жизни, многодневное тюремное заключение, смерть на эшафоте, длительное забвение. В его поэзии сияющие образы антологических стихов, светлая грация элегий оттенены мрачайшей тональностью ямбов. Истоки этой игры света и тени можно отыскать в характере Шенье, особенностях его поэтического дарования и, конечно, в самой эпохе, свидетельнице заката старой Франции и молниеносных вспышек революции.

В 1742 г. будущий отец поэта, Луи Шенье, выходец из средних слоев Лангедока (провинция на юге Франции), человек сосредоточенный, склонный к ученым занятиям, отличавшийся честностью, прямоотой и упорством, прибыл в столицу Турции Константинополь по делам торгового дома, заинтересованного в связях с Османской империей. Усердие и твердость характера снискали ему

²¹ *Сент-Бёв Ш.О. Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма / Изд. подг. И.Я. Шафаренко и Н.А. Жирмунская. Л., 1986. С. 35 (пер. И.Я. Шафаренко).*

²² Там же. С. 218.

²³ *Latouche H. Sur les ouvrages inédits d'André Chénier // Vallée-aux-loups. Souvenirs et fantaisies. P., 1833. P. 215.*

²⁴ *Buisson G. Op. cit. P. 144.*

уважение французской колонии в Турции и доверие посла Франции: Луи Шенье, чувствуя, что положение его несколько упрочилось, женился в 1754 г. на дочери приближенного к турецкому двору ювелира. Элизабет Ломака, ставшая женой преуспевающего французского негодянта, была воспитана как гречанка: в православной вере и в культурных традициях Греции, она говорила только по-гречески и по-итальянски. Споры вокруг ее истинного происхождения не привели к каким-либо решающим доказательствам, но современные исследователи склоняются к тому, что она действительно происходила по линии матери из семьи греков, выходцев с маленького острова Миконос в Эгейском море. Как бы то ни было, культ Греции г-жа Шенье сумела привить своим детям, в особенности своему третьему сыну: Андре-Мари Шенье, который был крещен 30 октября 1762 г. (точная дата его рождения неизвестна) в Галате — районе Константинополя, где проживали "неверные", т.е. европейцы, и располагалось консульство Франции. Незадолго до и вскоре после его рождения умерли три малолетние дочери четы Шенье, столицу Турции терзали землетрясения, пожары и эпидемии, что, быть может, предопределило несколько безрадостное отношение матери к родившемуся в такой обстановке ребенку: ее любимцем стал появившийся спустя немногим более года младший сын Мари-Жозеф.

Из массивного дома с зарешеченными окнами, в котором жила семья Луи Шенье, открывался великолепный вид на бухту Золотой Рог, где покачивались паруса и мачты бесчисленных лодок и судов и отражались поднимавшиеся по крутому склону берега пестрые дома, мечети с широкими куполами, тонкие минареты, кипарисы и платаны. Думается, что у впечатлительного ребенка, каким был Андре Шенье, не могло не остаться воспоминаний об этих живописных местах, хотя он и покинул их в возрасте двух с половиной лет, весной 1765 г., когда Луи Шенье, чьи дела в Турции пошатнулись, отправился вместе с семьей обратно на родину.

Видимо, неопределенность дальнейшей служебной карьеры и предстоящие в связи с получением нового места трудности побудили главу семейства при возвращении во Францию оставить Андре и его старшего брата Константина у родственников в Каркассоне. Константину вскоре пришла пора получать серьезное образование, и через несколько месяцев он присоединился к своей семье, обосновавшейся в Париже. Между тем Луи Шенье был в 1767 г. назначен консулом Франции в Марокко и на долгие годы расстался со своими близкими.

В старинном Каркассоне Андре Шенье жил в доме сурового вида, больше похожем на крепость, стоявшем на узкой улочке, ведущей к залитой солнцем площади южного города: обсаженная платанами, оживленная выставленными на продажу цветами и фруктами, она в бытность там Андре была украшена фонтаном, сооруженным по проекту итальянского скульптора — с изображениями античных богов; оттуда были видны вершины гор и средневековые постройки "верхнего" города, окруженные пиниями, кипарисами, виноградниками.

Родственники, у которых воспитывался Андре Шенье, были людьми набожными, и у него остались яркие воспоминания о католических службах,

праздничных процессиях, отливе и "крещении" колокола для приходской церкви, паломничестве к местным святыням. Последующее воспитание, увлечение рационалистическими идеями века не дали все же померкнуть этим детским впечатлениям, хотя и вытеснили их в далекие глубины памяти, о чем свидетельствует написанный в 1785 г. набросок: "Перебирая в памяти прекрасные края, реки, фонтаны, источники всякого рода, виденные мною в том возрасте, когда я еще почти не умел видеть, я припомнил одно впечатление детства и не хочу его утратить. Мне было, верно, не более восьми лет, стало быть, прошло пятнадцать лет (как я постарел!) с тех пор, как однажды в день праздника меня повели на гору. Там было множество молящихся. В горе, справа от дороги, в углублении, проделанном в скале, бил источник; вода его была великолепной, холодной, а под сводами — одна или две мадонны. Насколько я понимаю, это было недалеко от города Лиму в нижнем Лангедоке. После долгой ходьбы мы пришли в прохладную церковь, в которой, я это хорошо помню, был большой колодец. Я ни у кого не стану спрашивать об этом месте, потому что мне будет приятно самому отыскать его, когда мои странствия приведут меня в этот край. Если когда-нибудь в милых мне местах у меня будет приют, как я хочу, я постараюсь устроить там подобный источник со статуей, изображающей нимф, и сделаю надпись в подражание древним: *D. fontibus sac.*²⁵ и т.д."²⁶

В 1773 г. Луи Шенье получил отпуск и по дороге в Париж забрал из Каркассона своего одиннадцатилетнего сына. В столице он поместил Андре в аристократический Наваррский коллеж, куда затем поступил и его младший сын Мари-Жозеф. В коллеже господствовал дух "Энциклопедии", много внимания уделялось естественным наукам, самым последним научным открытиям и достижениям. Годы учебы пробудили в будущем поэте стремление к энциклопедической образованности, желание объять все области знания (в усвоении достижений человеческого разума состоял пафос эпохи Просвещения), что вскоре отразилось в замысле поэмы "Гермес".

За время отсутствия главы семейства г-жа Шенье сумела обратить на себя внимание части парижского общества в качестве "прекрасной гречанки", используя царившую тогда моду на все восточное. Она создала салон, в котором можно было познакомиться с танцами и песнями восточных народов в исполнении хозяйки дома, облаченной в экзотические наряды, а также с коллекциями античных медалей, эстампов с видами Египта, Палестины, Смирны, Кипра и предметами искусства из Византии. Салон г-жи Шенье посещали художники Ж. Верне и Ж.-Л. Давид, поэты В. Альфьери и П.-Д. Экушар-Лебрэн, ученые-эллинисты. Это было время "возврата к античности"²⁷, костюмированных ужинов на "античный манер", особого подъема интереса к классической древности, чему способствовали начатые в первой половине века

²⁵ *D[icatum] fontibus sac[ris]* — Причислено к священным источникам (*лат.*).

²⁶ *(Œuvres en prose de André Chénier. P., [1872]. P. 344.*

²⁷ См.: *Bertrand L. La fin du classicisme et le retour à l'antique dans la seconde moitié du XVIII siècle. P., 1897.*

раскопки Геркуланума и Помпей, "История искусства древности" И. Винкельмана (1764, французский перевод 1766), издания текстов и переводов произведений эпохи античности. Разумеется, все эти веяния не могли не захватить и Андре Шенье, считавшего Грецию своей родиной. Его первые стихотворные опыты (созданные в шестнадцатилетнем возрасте) — это переводы фрагмента "Илиады" Гомера ("Прекрасный гибнет Ксанф..."), фрагмента одной из эклог Вергилия ("Медея"). Перевод, заимствование отдельных строк, перенос готовых поэтических формул станут важнейшими слагаемыми его творчества, столь глубоко связанного в этом отношении с традициями классицизма. Но при этом его голос, охотно звучавший в общем поэтическом хоре, сумел обрести свою собственную, особую интонацию.

Современник Андре Шенье отмечает, что "он был от природы меланхоличен и как бы подавлен бременем властвовавшей над ним чувствительности"²⁸. Видимо, и детство вдали от родителей, и наигранная светская атмосфера салона матери, недостаток ее любви, одиночество с ранних лет — все это обернулось развившейся тягой к уходу в свой мир, отгороженный от всего чуждого.

В коллеже друзьями Шенье становятся выходцы из богатых аристократических семей — Ф. де Панж, братья Трюдены: они берут его на каникулы в свои роскошные поместья, вводят в высшее парижское общество, приглашают в путешествия в чужие края. Шенье добавляет к своей фамилии аристократическое наращение: де Сент-Андре (его брат Мари-Жозеф в это же время именуется себя шевалье), один из близких к дому аристократов свидетельствует, что в роду "г-на де Шенье" насчитывается четыре поколения дворян — иначе после окончания коллежа он не может начать военную карьеру, а это единственный почетный вид службы, остающийся трем младшим сыновьям Луи Шенье (только старший, Константин, по ходатайству отца получает право вступить на дипломатическое поприще). Но офицерский чин "г-ну де Сент-Андре" все равно не достается, его обходят, и он, не желая более ждать, покидает армию и вынужден жить на средства отца, весьма немногочисленные.

С ранних лет оказавшись в среде, к которой Шенье, в сущности, не мог себя причислить, постоянно находясь на страже собственного достоинства, он рано осознал свою уязвимость: отсутствие знатности и богатства: "Что до меня, то, выйдя из детского возраста и раскрыв глаза, я увидел, что деньги и интриги — почти единственное средство достичь всего; с тех пор я решил, не задумываясь о том, позволяют ли мне это мои обстоятельства, жить всегда вдали от всяких дел, в кругу друзей, в уединении и в самой полной независимости" (см. наст. изд., с. 229). Но достичь идеала в жизни было не так просто, как заявить о нем. Зато в другой сфере это было легче: в сфере литературы.

Литература XVIII в. во Франции в целом сохраняет приверженность классицизму. Но классицизм постепенно сдает свои позиции, что особенно заметно в прозе, в таких жанрах, как роман, небольшая повесть, более

²⁸ Цит. по: Scarfe F. André Chénier. His life and work. L., 1965. P. 368.

свободных от античных канонов. Проза в XVIII в., особенно в первой его половине, вообще как бы затмевает поэзию (что выразилось в известном выражении "это прекрасно, как проза"), более консервативную и менее подвижную, лучше отвечает духу времени с его скепсисом и рационализмом, с его равнодушием к религиозной проблематике, питавшей классицистскую поэзию XVII в. ("Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя"²⁹). Попытки поэтов XVIII в. заменить христианскую метафизику рационалистической философией, "научной картиной мира" были не очень удачными, оборачивались созданием тяжелых произведений, похожих на рифмованную прозу. Котурны высоких классицистических жанров — эпопеи, трагедии, оды — плохо соответствовали их заземленному содержанию. В это время классицизм отчасти сохранял жизненность в творчестве религиозных поэтов: Луи Расина (сына драматурга), Ж.-Ж.-Н. Лэфрана де Помпиньяна. Учеником Л. Расина был друг Шенье П.-Д. Экушар-Лебрэн (прозванный за свое одическое мастерство Пиндаром). Лишенный духовной цельности своего учителя, он в своих многочисленных одах, высокопарных и условно-риторических, выступал уже лишь как эпигон классицизма. В то же время ему не были чужды и иные, периферийные и более свободные жанры классицизма, получившие развитие в XVIII в.

Перенос центра тяжести с надличностных ценностей, утверждение которых лежит в основе классицизма, на земное бытие человека привел в эту эпоху к существенным переменам в области поэзии. Философия сенсуализма, получившая широкое распространение в XVIII в., свела существование человека к ощущениям, а "потребность в живом ощущении нашего существования беспрестанно усиливается (...) мы вынуждены, чтобы быть счастливыми, или непрерывно менять предметы, или усиливать одни и те же ощущения. Отсюда проистекает (...) все большее усиление желаний, что, каждый раз будучи удовлетворены, устремляются в бесконечность"³⁰. Сиюминутное бытие, не обремененное грузом метафизических размышлений, эфемерные радости и мимолетные печали стали темой "легкой поэзии" рококо. Именно этот жанр, возникший на периферии классицизма, отмечен подлинными удачами в творчестве корифея французской поэзии XVIII в. Вольтера (особенно заметными на фоне его философских поэм) и многочисленных поэтов второго ряда (Дора, Грессе, Грекура, Жанги-Бернара, кардинала де Берни и др.). Но к концу века уже налицо недостаточность ощущений, которые не приносят удовлетворения "устремленным в бесконечность желаниям", и близость "легкой поэзии" к исчерпанности. Статус почти религиозного культа приобретают чувства (одохотворенные ощущения), чувствительность оказывается в основе нового мировосприятия (столь мощно

²⁹ Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. VII. С. 214.

³⁰ *Le Roy Ch. J. Homme (morale)* // *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences et des métiers*. Neufchâtel, 1775. Т. 8. Р. 277.

выраженного в творчестве Руссо). В поэзии появляются признаки смутного беспокойства (порой явно метафизического характера — такова "Ода в подражание нескольким псалмам", 1780 г., Н. Жильбера) и стремление раздвинуть пределы обыденного бытия. Свою роль здесь сыграли англо-немецкие литературные веяния, тесно связанные с религиозной мыслью.

Между тем традиции "легкой поэзии" продолжают жить в творчестве крупнейших поэтов-сенсуалистов конца XVIII в. — Э. Парни, Н. Леонара, А. Бертена, Ж.-П.-К. Флориана, А. Беркена, Ж. Делиля, Лебрена (автора бесчисленного количества эпиграмм и стихотворений на случай), но наряду с этими традициями в творчестве многих из них возникают и явные признаки предромантического «томления». Наиболее подходящими для выражения нового мироощущения оказались два наименее иератических жанра — элегия и идиллия, зачастую сливавшиеся друг с другом.

В элегиях Парни (1778, 1782), Бертена (1780), элегических пасторалей Леонара (1775, 1782) акцентируются мотивы несчастной любви, разочарования, ностальгии по далеким экзотическим странам (все трое были уроженцами тропических островов — французских колоний). Парни и Бертен так выстраивают свои элегии, что они образуют романнный сюжет, создающий впечатление серьезности и глубины переживаний. В элегическом жанре выступает и Лебрен, используя весь наличный комплекс элегических мотивов, как восходящих к античности, так и расцветших в поэзии второй половины века. Шенье даже обращался к нему как к единственному во Франции подлинному элегику ("Элегию, Лебрен, мы воскрешаем вновь!" — "О, Каллимаха дух, и ты, Филета тень...", 1782).

Во второй половине века большой успех имели в Европе идиллии швейцарского поэта С. Гесснера (французский перевод — 1762), чувствительные, уводящие в утопический мир простых и цельных человеческих взаимоотношений. Под влиянием Гесснера Леонар ("Нравственные идиллии", 1766) и Беркен ("Идиллии", 1774) создают меланхолические произведения, призванные воплотить мечту о "золотом веке".

"Возврат к античности" в конце XVIII в. тоже был формой приобщения к идеальному прошлому, формой выражения предромантической тяги к иному миру. В античности подчеркивались ее непохожесть на современность, естественность, первозданность, простота³¹, своеобразие "чужой" культуры, которая нуждается в постижении и усвоении (в 1772—1776 гг. Р.-Ф. Брунк публикует собрание древнегреческих эпиграмм и идиллий, ставшее настольной книгой Шенье, в 1785 г. выходит новое издание "Театра греков", в 1788 г. — роман аббата Бартеlemi "Путешествие юного Анахарсиса в Грецию в середине IV века до нашей эры").

Древние служили неизменным образцом и для Шенье. Причем к античной культуре он относился как к "своей", тем более что считал себя потомком и наследником античных поэтов. Что бы он ни писал, в стихах или в прозе, он

³¹ См., например: *Marmontel J.-F., Sulzer I.-G. Anciens // Supplément à l'Encyclopédie*. Amsterdam, 1776. Т. 1. P. 417—420.

всегда широко черпал в "своем" наследстве, порой впадая в отчаяние от того, что не может достичь красоты древней поэзии. Он мечтал "в хоры Греции (...) вплести напевов звук во Франции рожденных" ("О, Каллимаха дух..."). В то же время он разделял представление об античности как об одной из самобытных культур, тесно связанных с временем ее развития, и считал, в согласии с просветительской верой в прогресс, что произведения античных авторов могут быть превзойдены. На формирование его взглядов повлиял также разгоревшийся во Франции на рубеже XVII—XVIII вв. так называемый "спор о древних и новых", в ходе которого была предпринята попытка уяснить сущность античной и современной литературы, определить их достоинства и недостатки. Включаясь в "спор о древних и новых" в поэме "Замысел", в которой Шенье предлагает свой вариант поэтики, он отчасти становится на позиции "новых" (утверждавших высокие достижения и в конечном итоге превосходство новой литературы над древней) и пытается дать синтез противоположных взглядов. В знаменитой фразе из его поэмы — "Мысль нашу облечем античными стихами" — выражена уверенность в единстве культуры, в возможности принять эстафету древних. Такое ощущение равенства и свободы (и вместе с тем сознание дистанции) позволяло, при всей оглядке назад, иногда оборачивавшейся неудачами, холодной искусственностью, по-особому озвучивать традиционные образы.

При опоре на канонические поэтики (от Горация до Буало) своеобразие поэмы "Замысел" состоит в ее предромантических импульсах, пронизывающих ряд восходящих к Платону образов. Так, поэзия предстает как особый, волшебный мир и, подобно светящемуся янтарию, запечатлевает летучие мгновения бытия. Звучащие в поэме назидательные призывы сделать научные открытия широкодоступными постоянно прерываются "бегством... к живой воде поэзии"³², восторженными гимнами поэтическому воображению, фантазиям и мечтаньям. О поэзии говорится:

Ей ведомы одной восторги золотые,
 Умов пылающих фантазии живые,
 Мечты мгновенные, которыми богат
 Воображенья мир — видений милых ряд.
 Их сокровенный свет вовеки приземленным
 Не явится умам со взором помраченным,
 Она одна словес прозрачной пеленой
 Сих призраков облечь умеет быстрый рой.

(Здесь и далее, кроме одного оговоренного случая, перевод мой. — Е.Г.)

"Этот пылкий, метафорический язык, всему дающий жизнь" (о нем Шенье пишет в незавершенном "Опыте о причинах и следствиях совершенства и упадка литературы и искусства"), предвещал язык романтизма, который «посреди томности и изнеженности уходящего рококо выражал новый вкус,

³² Мандельштам О. Заметки о Шенье // Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 93.

лирическое волнение"³³. В "Послании о моих произведениях" (1787; наст. изд.: "Послание II") игры воображения обретают самодостаточное значение, противостоя постоянству и завершенности литературных трудов.

Несмотря на преклонение перед эпической поэмой — ее Шенье в духе классицистического мышления считал наиболее достойным жанром, посвятив своим незаконченным поэмам "Гермес" и "Америка" много сил, — основными жанрами его творчества до революции стали идиллия и элегия.

Идиллии, или буколики (это последнее название принято в настоящее время в изданиях Шенье), были задуманы поэтом как целостный цикл (о чем свидетельствуют "Эпилог" и некоторые фрагменты). Довольно часто Шенье делал пометы, указывающие на его намерение включить те или иные отрывки в более пространные произведения, построенные по канонам пасторального жанра, восходящего к древнему "амебейному" (поочередному) пению. Однако таких канонических буколик-диалогов у Шенье очень немного. Подавляющее большинство стихотворений представляет собой фрагменты, близкие древнегреческим эпиграммам. Среди его источников также Феокрит и другие александрийские поэты, Овидий, Вергилий. Мифологические эпилии Феокрита (например, "Гил", идиллия XIII, "Геракл-младенец", идиллия XXIV) послужили Шенье образцом при создании буколических поэм "Слепец", "Нищий", "Больной юноша".

Опираясь на античную эпигramму и частично используя достижения литературы рококо, Шенье создает произведения, увлекающие в мир идеала и предвосхищающие романтическое "томление", к которому предрасполагало изображение "хрупкости и ранимости пасторального существования", не чуждого скорби и меланхолии³⁴.

Чувственное восприятие мира, острое ощущение прелести жизни, внимание к деталям, трогательным мелочам, ко всему мгновенному, изменчивому, исчезающему, женственная хрупкая грация, ироничность, свойственные литературе и искусству рококо, претворяются в буколических Шенье в образ мира, омытого светом и проникнутого печалью, улыбочивого и слезного, полного шелеста листвы и свирельных напевов, чувственно осязаемого и загадочного, где слиты юность, красота, любовь и смерть.

Блуждая близ тебя, душа моя листвою
 Качнет, прохладою, туманной пеленою
 Легко опустится или над лоном вод,
 Поднявшись маревом, на высоте блеснет,
 И нежный голос мой, стенанье умеряя,
 Вдруг слуха твоего коснется, замирая.

("Неэра")

Недосказанность, незавершенность, открывающие простор для воображения, становятся структурными элементами буколик. Складывающиеся из ощущений — их передают в обилии рассыпанные эпитеты ("влажный",

³³ Magnani-Campanacci I. Il Rococo letterario // Lettere italiane. Firenze, 1986. Т. 38, N 4. P. 576—577.

³⁴ См.: Ettin A.V. Literature and the Pastoral. New Haven, 1984. P. 152.

”сумрачный”, ”звучный”, ”чистый”, ”прохладный” и т.п.) — буколические образы полны ностальгической тоски по лучезарному краю, навсегда оставшемуся в прошлом. Состояние завороженной тяги выражает мерный, словно заклинательный ритм, избыточное повторение древних имен, рефрены, мелодические периоды, настойчивый возврат одних и тех же, словно навязчивых образов (плещущая волна, прохладный, сумрачный грот, звучащая флейта, уходящая или недостижимая красота):

О, Вахх божественный, о, юный Тионей,
Приди, о, Дионис, Эван, Иакх, Леней...

.....
Луч солнечный играл на золотых колесах,
Бежала вслед толпа менад простоволосых,
И восклицали все: о, Вахх, о, Тионей,
О, Эвий, Дионис, Иакх, Эван, Леней! —
Ведь Греция имен тебе дала немало —
И эхо горное те клики повторяло,
Тимпанов гулких гром, двойных трещоток стук,
Кимвалов медных звон, фригийской флейты звук...

(”Вахх”)

В романтическую эпоху именно антологические ”фрагменты” Шенье стали источником жанра стихотворений ”в древнем роде”. Само это определение восходит к названию идиллии Шенье ”Юная Тарентинка”, данному ей первыми публикаторами: ”Элегия в древнем вкусе”. Диалогические пасторали будут отнесены этими ”фрагментами”, воспринятыми как образцы прочувствованного приобщения к идеалу, в которых происходит превращение античности из литературной нормы в волнующую мечту.

Воссоздание этого идеала было связано и с пристальным вниманием к элементам ”другой” жизни, с формированием предромантического историзма, что особенно характерно для небольших буколических поэм (”Слепец”, ”Нищий”, ”Больной юноша”). Герои этих поэм — поэт, скиталец и несчастный влюбленный — станут основными героями романтической поэзии.

Подобно буколикам, элегии Шенье тщательно ориентированы на античные образцы — произведения Тибулла, Проперция, Овидия, Горация. Существенна зависимость элегий и от ”легкой поэзии”, также восходящей к античной лирике и по примеру Анакреонта и Горация поставившей в центр частную жизнь человека. Образы поэта и его возлюбленных в элегиях в значительной степени стилизованы, темы, как правило, традиционны: жалобы на неверность коварной подруги, призыв ловить мгновение счастья, прославление простой жизни на лоне природы, уединения, радостей дружбы. В духе поэзии рококо Шенье рисует любовную утопию в стилизованно идиллической обстановке, где

Холмы оживлены и сладостно-покаты
И в воздухе цветов разлиты ароматы,
Там прячется Амур среди птиц и звонких струй
И слышен в сумраке прохладном поцелуй...

(”Когда узорчатый оденет рощи лист...”)

Любовь, составляющая исключительное содержание многих элегий, — это в основном чувственная улада, виртуозное искусство со своими правилами (по образцу Овидия Шенье начал поэму "Искусство любви", которая осталась не законченной). Элегии начисто лишены каких-либо метафизических устремлений, предмет внимания поэта — существование "здесь и сейчас".

Вместе с тем, в элегиях звучат мотивы неудовлетворенности жизнью, бегства в иные края, ухода в мир искусства, распространившиеся в европейской литературе конца XVIII в. и содержавшие предромантические ноты. Элегия Шенье свойственна к тому же специфическая интонация, частичная индивидуализация образа поэта. Образ этот складывается из ряда устойчивых черт, таких, как незащищенность, простодушие, доверчивость ("Я из податливой и слишком нежной глины // Был вылеплен, с душой и кроткой, и невинной..." — "Послание о моих произведениях"). Эта мягкая, чувствительная душа — прообраз "прекрасной" души, страдающей от жестокости и чуждости окружающего мира; она будет определять сущность романтического героя. Шенье отчасти наполняет образ героя элегий индивидуальным содержанием, обогащая биографическими чертами, хотя процесс отбора этих черт еще находится под контролем жанрового сознания поэта. Условно-элегические суждения на превратности судьбы были обеспечены его личным опытом, как и традиционное воспевание независимости, уединения, безвестности — его литературная безвестность была фактом его жизни. Образ поэта связывает воедино элегии и послания; в них акцентированы исповедальные настроения, установка на простодушную открытость:

Как хорошо, когда с наивной, незлобивой
Сдружишься Музою, как сам, вольнолюбивой,
В которой скрытности, притворства нет следа,
И можно смело ей, не ведая стыда,
Не чувствуя нужды таиться, лицемерить,
И душу всю раскрыть, и тайны все поверить.

("Так, Трою покорив и мощь
ветров и волн...")

Элегии частично перенастроены на "непосредственное" изображение личности с подчеркнутым интересом к частному, индивидуальному. "С Шенье мы переходим от темы к опыту; между голосом поэта и его объектом расстояние изменилось: установилась совершенно новая близость. В условных чувствах ощущается биение жизни"³⁵.

Существенна в элегиях и посланиях тенденция к созданию вокруг образа поэта ореола, отличающего его от других людей, пристрастие к легенде, что будет характерно для романтиков (так, Шенье любит напомнить о своем "византийском" происхождении). Герой мыслит себя как существо, стоящее особняком, его любимое окружение — любящие уединение музы, благодаря

³⁵ Picon G. La fin du dix-huitième siècle. André Chénier // Histoire des littératures. P., 1978. Т. 3. P. 873.

которым он уносится вдаль, живет иной жизнью:

Своим избранныкам вы дарите свободу,
Мечты летучие, весь мир и всю природу;
Близ вас душа моя, на крыльях воспаря,
Летит через века и страны, и моря...

(“Ах, я их узнаю, и на сердце
светлее.”)

Шенье склонен к абсолютизации искусства и личности художника (“О, дни моей весны, пора в венке из роз...”, “Ах, нет, поверьте мне, я позабыть не в силах...”, “Как? мне учить тебя божественным стихам?”). Подобные мотивы почерпнуты в античной поэзии (в частности, в одах Горация “Взнесусь на крыльях мощных, невиданных...”, II, 20; и “Сойди с небесных высей и флейтою...”, III, 4), но особый акцент на этих мотивах, их выдвигание на первый план, оживление “личностной” интонацией и спаянность благодаря образу поэта — это черта элегий и посланий Шенье, а впоследствии особенность романтической поэзии.

Вместе с тем, очевидны и сущностные отличия Шенье от романтизма. И дело не столько в том, что он далек от “христианской музыки”. Он далек от крайностей романтического субъективизма, от романтической дисгармонии, надрыва, замороженной сосредоточенности на собственном “я”, ему чужды болезненно-ироничный самоанализ и вызывающе-восторженное самообожествление романтиков. Для него поэт не означает автоматически существо высшего порядка. Об этом ясно говорится в одном из фрагментов неоконченной поэмы “Литературная республика” (см. наст. изд.). Спокойный, простодушный и, можно даже сказать, смиренномудрый взгляд на искусство отличает Шенье. Его уравновешенность, ненавязчивость, явная склонность к хоровому началу, тяготение к традиции проистекают от сознания того, что есть нечто высшее, всеобщее, и он как бы обращен вовне, ищет точки опоры вне себя.

Это проявляется и в самой форме его стихов: до революции практически все они написаны самым, пожалуй, традиционным размером — александрийским стихом (и позднее в выборе размера он опирается на традицию). Александрийский стих был наиболее близок во французской поэзии античному гекзаметру и элегическому дистиху, был тем размером, которым писали многие французские мастера XVI—XVII вв. Все буколики и элегии Шенье (за редчайшими исключениями — в двух случаях изменена система рифмовки) написаны александрийским стихом, и Шенье не смущает такая монотония. Ему удается разнообразно интонировать один и тот же размер. Фактура александрийского стиха обретает у него, как и у ряда его современников, сенсуалистские качества. Чтобы “глубоко затронуть чувствительную душу, стих начал трепетать, имитируя своими колебаниями пульсацию жизни”³⁶. Стих

³⁶ Guillon E. Tentatives de la libération du vers français dans la deuxième moitié du XVIII siècle // Cahiers de l'association internationale des études françaises. P., 1969. N 21. P. 29.

Шенье отличается теми гибкостью, подвижностью, зыбкостью и легкостью, которые свойственны создаваемому им образу мира.

Здесь большую роль играют сдвиги цезуры, enjambements, обилие мелодико-синтаксических периодов, рефренов, богатая инструментовка.

* * *

Стихи Шенье были известны его друзьям, в том числе таким в то время знаменитостям, как Лебрен, В. Альфьери, польский поэт Ю. Немцевич. Судя по некоторым данным, они ободряли его (см. "Послание Шенье-старшему" Лебрена; Альфьери в стихотворном послании от апреля 1789 г. уверял своего молодого друга, что тот "пишет стихи, полные аттического меда"³⁷). В 1788 г. литератор Ш. Палиссо включил заметку об Андре Шенье (а также о его отце и Мари-Жозефе) в свою книгу "Записки по истории нашей литературы". О поэте говорилось, в частности: "Пусть он позволит нам выразить удовольствие, полученное от тех немногих произведений, с которыми он изволил нас ознакомить"³⁸. И тем не менее ни одно стихотворение Шенье не было опубликовано до революции. Публикация же двух поэтических произведений в эпоху гражданских бурь была продиктована не столько желанием расстаться с поэтической безвестностью, сколько внутренней необходимостью откликнуться на злобу дня. Молчание Шенье-поэта — одна из загадок и одно из важнейших слагаемых его образа. Среди причин этого молчания чаще всего называют ту, что он просто не успел ничего напечатать. Но накануне революции Шенье писал стихи уже десять лет, а в то время поэты начинали печататься, как правило, рано. Мари-Жозеф вступил на литературную арену в 21 год. Более убедительно предположение, что Шенье считал главным делом своей жизни задуманные им еще в юности эпические поэмы "Гермес" и "Америка": именно с ними, а не с элегиями и буколиками, которые могли затеряться на общем фоне многочисленных произведений этих жанров, хотел он выступить в печати, заранее написав свою "Апологию" и предсказывая неблагоприятную встречу поэмы "Гермес" в Париже (см. "Эпилог" поэмы). Но эти поэмы остались в набросках. Отчасти могло сдерживать Шенье и чувство неприятия общей литературной ситуации в стране, ситуации, сатирически описанной им во фрагментах поэмы "Литературная республика" и в "Послании о моих произведениях": зависимость писателей от милости и прихотей знати, их тщеславное стремление видеть любую безделку, непременно опубликованной в "престижных" журналах, дух зависти и торгашества. Неприятно поразили Шенье и первые неудачи Мари-Жозефа, чьи драматические сочинения, несмотря на поддержку Палиссо, потерпели оглушительный провал.

Сохранился короткий набросок предисловия Шенье к предполагаемому изданию его сочинений: очевидно, он не оставлял мысли об их публикации. И тем не менее, "уединенье, тень, забвенье", воспетые столькими поэтами, давно превратившиеся в условные знаки поэтического бытия, оставались для Шенье реально-

³⁷ Цит. по: *Chénier A. Œuvres poétiques*. P., 1889. Т. 2. P. 365.

³⁸ *Palissot Ch. Œuvres*. P., 1788. Т. 3. P. 125.

стью его жизни. По его стихам видно, что он, как и всякий поэт, мечтал о славе, но что-то удерживало его от погони за ней. В “Гермесе” он хотел, уподобясь Творцу, воссоздать мир от самых начал. Быть может, как истинный поэт он подспудно тяготел к анонимности и молчанию, присущим Божеству?.. Как бы то ни было, он избрал “то глубокое молчание, которое говорит об уверенности в себе и желании скорее быть достойным похвал, нежели получать их...”³⁹. “В эпоху старого режима, как и в эпоху нового, он жил в уединении, чуждый всякого честолюбия, погрузившись в ученые занятия” — так писал позднее о сыне Луи Шенье⁴⁰.

* * *

В конце 1787 г. Шенье при помощи своих друзей получил должность одного из частных секретарей французского посланника в Англии. Необходимость материально помогать семье заставила поэта расстаться с милой независимостью и привычным образом жизни. В Лондоне в силу занимаемого им в посольстве положения (он был фактически простым переписчиком деловых бумаг) не могло не страдать его самолюбие; при этом он был почти лишен моральной поддержки друзей, ценивших его. Общественное устройство Англии, столь превознесенное в свое время просветителями, не вызвало восторга Шенье: позднее, в прозаическом наброске незавершенной поэмы “Свободная Франция” (1791) он, вспоминая эту страну, пишет о ее “явном, неприкрытом разложении, наглой власти денег”⁴¹.

В элегиях, написанных в период пребывания в Лондоне, Шенье обращается к традиционной теме жалобы на превратности судьбы, забросившей поэта в далекие от родины края (тема, восходящая к “Тристиям” Овидия и ярко воплощенная во Франции в “Сожалениях” Дю Белле). Пессимистический тон этих элегий, с одной стороны, имеет рациональное объяснение, обусловлен определенными причинами, конкретными жизненными неурядицами, что свидетельствует о связи элегий английского периода с классицизмом. Вместе с тем в них намечается глобальное разочарование в жизни, свойственное впоследствии романтизму. Чувство глубокого одиночества и разлада с миром перекрывает попытки взглянуть на окружающее с точки зрения разума, допускающего лишь временные невзгоды; желанным убежищем представляется смерть (“О, жалкая судьба, о, тяжесть несвободы!”; “От близких, от друзей, от земляков вдали...”).

“Английские” элегии, из которых уходит любовная тематика, получают отчетливо медитативный характер. Традиционные сетования на суровую чужбину, на оторванность от близких и друзей сочетаются с дальнейшим развитием образа поэта, незащищенного и страдающего, уходящего в мир воображения и разбивающего таким образом оковы безрадостной действительности (“О, сердцу близкие два брата и друзья!”). Это стремление обрести полноту личности, ущербной в окружающей ее среде, характерно для многих героев предромантической литературы.

³⁹ Chénier A. Œuvres complètes. P. 677.

⁴⁰ Цит. по: Œuvres en prose de André Chénier. P. LXI.

⁴¹ Chénier A. Œuvres complètes. P. 497.

* * *

Воспитание в духе идей Просвещения, личный опыт, влияние друзей, подверженных либеральным настроениям, – все это предопределило отношение Шенье к известию о Французской революции: это известие наполнило поэта гордостью за родную страну, вселило надежду на обретение наконец-то достойного общественного поприща. Еще находясь в Англии, Шенье весной 1790 г. становится “заочным” членом “Общества 1789 года”, объединившего многих знаменитых деятелей, депутатов Национального собрания (А. Кондорсе, Ж.-С. Байи, В. Мирабо, М.-Ж. Лафайета, Л.-Л. Лавуазье), а также друзей поэта (де Панжа, братьев Трюденов, Давида). В печатном органе этого общества был опубликован первый публицистический опыт Шенье (приехавшего во Францию летом 1790 г.; окончательно он прекратил свою службу в следующем году, после смерти посла) – “Уведомление французам об их истинных врагах”. В этой статье и ряде последующих, а также в оде “Игра в мяч” (первом поэтическом произведении Шенье, опубликованном отдельной брошюрой в 1791 г.) сразу же определилась его позиция: прославление героического порыва народа, сбросившего путы тирании, одобрение начатых реформ и неприятие хаоса и кровопролития, которыми грозит стране неокрепшая “юная свобода”. Эта позиция должна была естественно привести к осуждению тех, кто требовал дальнейшего углубления революции. Их разоблачение занимает значительное место как в первых статьях Шенье, так и в его оде: в ней он, обращаясь к традициям просветительского классицизма, выступает как мудрый усмиритель разбушевавшихся страстей. Первые эксцессы революции должны были послужить красноречивым сигналом для их свидетелей, но они представлялись Шенье на начальном этапе временными и прощательными народу, вымещающему таким образом свой гнев, накопившийся за годы “прежнего рабства”, лишь бы эти крайности прекратились как можно скорее. Шенье приветствовал деятельность Национального собрания, выработку и провозглашение в 1791 г. первой конституции. Между тем он уже видел воздвигающиеся по всей стране “алтари страха” так называлась одна из его неопубликованных статей 1791 г.). В написанном, вероятно, незадолго до того, “Эпизоде” к поэме “Гермес” он прощается со своим временем и просветительскими иллюзиями, лежащими в основе веры в поступательное движение человечества к истине.

Политические разногласия коснулись всей семьи. В декабре 1791 г. Луи Шенье писал своей дочери: “Ваша мать отказалась от всего своего аристократизма и превратилась в совершенного демагога, как и Жозеф. Мы с Сент-Андре – то, что называется умеренные, друзья порядка и законов...”⁴² Мари-Жозеф Шенье, после революции наконец-то вкусивший давно вожденной славы (осенью 1789 г. была с триумфом поставлена его трагедия “Карл IX”, воспринятая как сокрушительный удар по монархии), активно делал политическую карьеру, став членом Якобинского клуба.

⁴² Цит. по: Œuvres en prose de André Chénier. P., 1872. P. XXVI.

После бегства короля 21 июня 1791 г. многие якобинцы выступили с требованием ликвидации королевской власти, неприсоединившиеся же к этому требованию сторонники конституционной монархии образовали новое общество “фейанов”, названное так по месту его первоначальных собраний в зданиях этого монашеского ордена.

В списках фейанов значатся имена Андре Шенье и его друзей: де Панжа и братьев Трюденов. Как свидетельствует современник (Ш. Лакретель), Шенье неоднократно выступал с трибуны этого общества, все больше втягиваясь в политическую борьбу: “Я принял боевое крещение в клубе Фейанов, — вспоминал Лакретель. — (...) Один человек сильно привлек там мое внимание одновременно своим большим талантом и незаурядным характером; это был Андре Шенье. Брат поэта [Мари-Жозефа. — *Е.Г.*], трагическая муза которого решила воплотить на сцене принципы революции и который уже слишком далеко зашел по республиканской стезе, — он не пожелал принести в жертву самой искренней дружбе принципы более благородные, более взвешенные, которые могли сохранить за революцией, точнее, вернуть ей характер, более достойный как античной свободы, так и философии XVIII в. Самое энергичное и самое красноречивое мнение исходило всегда из его уст. Его крупные черты, атлетическое телосложение, при невысоком росте, смуглая кожа, горящие глаза придавали силы и огня его словам. Родившийся в Константинополе, он был греком по матери. Язык, высокая литература Греции были ему хорошо знакомы. Противник женственного вкуса, заполонившего, как ему казалось, нашу поэзию, которая превратилась в холодную кокетку, он хотел вернуть ей мужественную и суровую красоту, так глубоко изученную им по ее первоисточникам. Демосфен был не меньше, чем Пиндар, предметом его штудий. Вся душа его выразилась в нежном дружеском чувстве к братьям Трюденам (...) Эти три друга были неразлучны. Общая крыша, общий стол, общие вкусы, общее пламенное стремление к добру. Все, что имел один, принадлежало всем. Андре Шенье был богат достоянием своих друзей и гордился этим. Все мы сожалели, что этот полный силы и блеска талант, воспламеняемый бесстрашной душой, еще не стал трибуном. В красноречии он один мог оспорить или отнять пальму первенства у Верньо [знаменитый оратор жирондистов. — *Е.Г.*].

Но Андре Шенье не остался в стороне. Сюар открыл ему доступ на страницы “Журналь де Пари”. Поэт Руше, молодой аристократ де Панж, сочетавший проницательность ума с жаром и прямотой души, Франсуа Шерон и я также присоединились к этому предприятю. Повторяю: мне дорого это воспоминание. Большой успех красноречивых статей Андре Шенье обратил внимание и на наши имена, но роковым образом для Руше, который спустя два года погиб на эшафоте вместе с Андре Шенье и братьями Трюденами”⁴³

В этой цитате, помимо всего прочего, интересно указание на “большой успех” статей Шенье, а также противопоставление его поэзии “женственному вкусу” дореволюционной литературы, сделанное явно на основе оды “Игра в

⁴³ *Lacretelle Ch. Dix années d'épreuves pendant la révolution. P., 1842. P. 82–84.*

мяч”: в более ранних произведениях поэта трудно отыскать следы Пиндара. Свидетельство о тесной дружбе Шенье и братьев Трюденов в данном контексте подтверждает предположение о том, что поэт получил возможность активно сотрудничать в “Журналь де Пари” (“Journal de Paris”) в 1791 г. при их финансовой поддержке: публикации в этой газете стоили значительных сумм, которых у Шенье, жившего на те средства, что давал ему отец, не могло быть. Трюдену, поначалу приветствовавшие революцию, впоследствии прилагали старания к тому, чтобы воспрепятствовать низвержению монархии. В одном из документов, относящемся к весне 1792 г., они названы друзьями министра иностранных дел Монморена, отставившего интересы двора. Об А. Шенье в этом документе говорится: “...он друг Трюденов, Трюдену – друзья Монморена, а Монморены – друзья королевы. Это друзья порядка...”⁴⁴ Шенье, видимо, был активно побуждаем к деятельности...

Зимой 1792 г. он опубликовал ряд статей, открыто враждебных якобинцам; он называл их “самой разрушительной, самой антиобщественной корпорацией, которая когда-либо существовала на земле” (“Партия якобинцев”)⁴⁵. От имени этой партии ему отвечал Мари-Жозеф, и полемика двух братьев окончательно выявила глубокое размежевание их взглядов. Примерно в это же время Шенье расходится и со своими бывшими друзьями, активными сторонниками якобинцев, поэтом Лебреном и художником Давидом. Давид и Мари-Жозеф приняли участие в подготовке праздника, устроенного в апреле 1792 г. в честь амнистированных швейцарских солдат, за устройство летом 1790 г. бунта сосланных на галеры. Андре Шенье резко протестовал против этого мероприятия, и второе (и последнее) опубликованное при его жизни поэтическое произведение является сатирой на этот триумф. Такие действия привлекли к Шенье внимание “усердного защитника” солдат, будущего члена Конвента Колло д’Эрбуа, выступившего в Якобинском клубе с гневными диатрибами по адресу новоявленного “прозаика”⁴⁶; еще раньше К. Демулен назвал его “какой-то Андре Шенье”⁴⁷.

Штурм Тюильри и падение монархии 10 августа 1792 г. положили конец публицистической деятельности Шенье, все больше чувствовавшего разочарование в борьбе. В своей последней статье (опубликованной в июле этого года) он назвал себя одним из тех, кто “умрет, радуясь, что взор его более не будет видеть унижение великого народа, доведенного своими ошибками до необходимости выбирать между Кобленцем и якобинцами, между австрийцами и Бриссо”⁴⁸ (немецкий город Кобленц олицетворял коалицию иностранных держав, главный очаг контрреволюции, Бриссо был одним из лидеров жирондистов).

Осенью 1792 г. Шенье сообщал в одном из писем: “Глубоко переживая беды,

⁴⁴ См.: *Chénier A. Poésies*. P., 1872. P. XXXIX.

⁴⁵ *Chénier A. Œuvres complètes*. P. 312.

⁴⁶ Цит. по: *Œuvres en prose de André Chénier*. P. 374.

⁴⁷ *Ibid.* P. 365.

⁴⁸ *Chénier A. Œuvres complètes*. P. 357.

мною виденные и те, что я предвидел, я в течение революции публиковал время от времени размышления, казавшиеся мне полезными, и мнение мое нисколько не переменилось. Эта прямота, так ничему и не помешавшая, возбудила в отношении меня только ненависть, гонения и клевету. Потому решил я впредь оставаться в стороне, не принимая никакого участия в общественных делах и ограничиваясь в моем одиночестве теми пожеланиями Республике свободы, спокойствия и счастья, которые, по правде говоря, намного превосходят мои надежды”⁴⁹.

Между тем Шенье был, по всей видимости, вовлечен в ряд действий по спасению короля и его семьи. В начале сентября 1792 г. он совершает конспиративную поездку в Руан, озабоченный, как он пишет в письме отцу, судьбой неких “дорогих особ”⁵⁰. В Руане в это же время появляется его брат Константин, консул в Испании. Позднее, в тюрьме Сен-Лазар, в списке заключенных напротив имени Шенье будет значиться, что он “скрыл бумаги посла Испании и воспрепятствовал их поискам...”⁵¹ Известно, что поверенный в делах Испании во Франции Оскарис пытался подкупить ради спасения короля ряд членов Конвента. Финансовую помощь ему могли оказать знакомые Шенье, банкиры испанского двора, братья Лекуте, владельцы банка в Руане, городе, который пользовался репутацией относительно спокойного. Отсюда и были налажены связи с Испанией.

Существует предположение, что в конце декабря 1792 г. в связи с начавшимся процессом по обвинению Людовика XVI в измене Шенье опубликовал (без подписи) два “письма” в газете “Меркюр франсе” (“*Mercure français*”) с призывом сохранить жизнь короля. В бумагах Шенье сохранились неопубликованные статьи, настоятельно доказывавшие необходимость проведения всенародного опроса относительно участи Людовика XVI, а также проект речи короля на суде (эта речь не была произнесена): поэт мог через де Панжа получить возможность сотрудничать с защитниками короля Мальзербом и де Сезом, однако степень этого сотрудничества до сих пор не прояснена. В то же время член Конвента Мари-Жозеф голосовал за смерть Людовика XVI, который был казнен 21 января 1793 г.

С весны 1793 г. Андре Шенье поселяется в Версале, примерно в 20 километрах к юго-западу от Парижа, в конце улицы Сатори, в уединенном доме вблизи садов и роц. Быть может, он решил на какое-то время покинуть столицу из опасения быть арестованным. Быть может, ему стало нестерпимо жить в городе, где он был свидетелем растущего ожесточения народа и все большего сплетения событий в кровавый клубок. Убежище в Версале нашел ему Мари-Жозеф.

Поэт, казалось, погрузился в атмосферу тишины и покоя. Версаль, бывшая резиденция французских королей, арена недавних политических бурь, теперь был пустынным, мертвенным. В строго расчерченных, но уже порядком

⁴⁹ *Chénier A. Œuvres complètes*. P. 800.

⁵⁰ *Ibid.*, P. 799.

⁵¹ *Œuvres en prose de André Chénier*. P. LXXXIII.

заросших аллеях его парков не слышно было ни стука колес изысканных карет, ни шелеста нарядов придворных в пудренных париках. Только белые статуи и притихшие дворцы напоминали о былом величии.

Еще так недавно, в 1791 г., Шенье воспел единодушие депутатов третьего сословия на заседании Генеральных штатов в Версальском дворце в мае 1789 г. Теперь все это казалось бесконечно далеким. Иностранные армии продвигались по территории Франции, в самой стране разгоралась гражданская война, об опасности которой Шенье настойчиво предупреждал в своих статьях, бесстрашно указывая на тех, кто подстрекает народ к террору, “тиранизирует свободу во имя самой свободы...”.

Заброшенный, охваченный сном Версаль помогал на время забыться, переносил в мир, словно выключенный из бурной реальности, призрачный, как его мраморные нимфы и фавны. Дом Шенье в конце улицы, осененный густыми ветвями, олицетворял это стремление уйти, скрыться, не видеть.

Версаль, твои сады, колонны,
Оживший мрамор, вязов кроны,
Блаженный сей приют богов и королей —
Для сердца — малая отрада,
Как павшая роса — мгновенная прохлада
Для увядающих полей.

{...}

Уединенье, тень, забвенье,
В безмолвии успокоенье,
Вот все, к чему стремлюсь. Под сению твоей
Укрой меня и, если надо,
Чтоб теплилась еще печальных дней лампада,
Любовью сердце мне согрей.

(“Версаль, твои сады, колонны...”)

Неподалеку от дома проходила красивая дорога, обсаженная молодыми вязами, некогда проложенная для карет фаворитки Людовика XV графини Дюбарри. После примерно часа ходьбы открывался вид на поместье в Лувесьене (или, как тогда говорили, Люсьене) на берегу Сены, в котором обитали знакомая Шенье г-жа Пурра и две ее замужние дочери: графиня Оккар и Франсуаза Лекуте. Шенье и раньше посещал салон г-жи Пурра в Париже, где собиралось избранное общество. Теперь визиты Шенье становятся все чаще, дорога по холмам и долам неудержимо влечет его. Он очарован женщиной, воспетой им под именем Фанни (это была Франсуаза Лекуте), которая может быть названа его последней любовью. Но как не похоже это чувство на его прошлые увлечения! В цикле посвященных Фанни стихов он сравнивает себя с поникшим цветком, тянущимся навстречу свету. Поэзия вернулась вместе с любовью. В версальских одах непреодоленная дань галантности, салонной культуре подобна тонкому гляncу, сквозь который сияет тихое пламя глубокого чувства. Шенье избирает новые для него стихотворные размеры, изысканные, еще больше оттеняющие затаенную печаль.

Благородство и строгость облика Фанни внушали поэту преклонение; понимание безнадежности любви сочеталось с целомудренным и меланхолическим созерцанием идеала. Чувство поэта теперь одухотворено, и не в последнюю очередь под влиянием светлого и печального облика Фанни. Пережив смерть троих детей, подвергнувшись тюремному заключению в то же время, что и Шенье, и чудом дожив до 9 термидора, когда двери темниц растворились, она вскоре угасла. Возлюбленная поэта была не чужда религии, что поражало на фоне общего падения веры в ту эпоху. В одной из бесед с Кондорсе накануне революции она, по воспоминаниям современника, однажды заметила: “Мне кажется, что всему придает красоту небесный ореол”⁵².

Общая неблагоприятная обстановка в стране, постоянная угроза ареста, нависшая как над ним, так и над тремя женщинами, болезненность Фанни и ее детей (на смерть одного из них Шенье написал эпитафию) – все это делало чувство поэта и образ его возлюбленной неотделимыми от ощущения тревоги и хрупкости. Попытка создать оторванный от внешнего мира “остров” любви, мечтаний, соткать иллюзию счастья и покоя связана с возвратом в версальских одах тенденций рококо в сочетании с предромантическими элементами: одухотворенность любовного чувства, мотивы исчерпанности жизни, близости смерти. Оды к Фанни являют образец как бы “печального рококо”:

Ах, Клитии цветок унылый
Лишь к солнцу тянется, когда же гаснет свет,
Главу склоняет ниц без силы.

(“Ах, нет, не всех влюбленных
вздых и взгляд...”)

Игра рокайльного “света” и предромантических “теней” особенно искусно передана в самой замечательной оде цикла “Версаль, твои сады, колонны...”.

Иллюзия любви и забвения не могла быть прочной. Не те были обстоятельства и Шенье не тот человек, чтобы перестать мучительно следить за жизнью Парижа, Франции. Судя по всему, он мало заботился о своей безопасности. Об этом говорят его постоянные посещения дома в Люсьене, над которым стужались тучи: отец и муж Франсуазы Лекуте, замешанные в испанском заговоре по спасению жизни короля, скрывались, а с августа 1793 г. оказались под домашним арестом в Париже. Шенье часто покидал свое убежище, периодически появляясь также в столице, в домах отца и не отличавшихся благонадежностью знакомых. Между тем события развивались своим чередом.

2 июня 1793 г. Конвент декретировал арест 29 депутатов-жирондистов. К власти пришли якобинцы. 13 июля двадцатипятилетняя Марианна-Шарлотта Корде, уроженка Нормандии (среди ее предков был Корнель), заколола кинжалом принимавшего лечебную ванну Марата. Через несколько дней, проявив удивившую всех стойкость, она была казнена. Прах Марата был временно захоронен в саду Тюильри, а 28 июля торжественно перенесен в Пантеон. Его убийство повлекло за собой усиление якобинского террора. В Париже революцион-

⁵² Œuvres en prose de André Chénier. P. XVII.

ный трибунал выносил приговоры, не подлежащие обжалованию. Мирное сияние Версаля, этого укромного уголка, померкло для Шенье. Повсюду ему виделись “тени бледных осужденных” (“Версаль, твои сады...): На фоне торжественных похорон и мер по увековечиванию памяти Марата с участием и бывшего друга Шенье Давида, создавшего свою знаменитую картину, поэт воспринял поступок Шарлотты Корде как деяние, достойное героев Плутарха и Корнелия. Ведь он когда-то приветствовал трагедию своего брата Мари-Жозефа “Брут и Кассий”, изображавшую, как он сам писал, “благородных убийц”⁵³. Он посвятил Корде оду, прославлявшую убийцу “зверя”, виновного в смерти множества жертв. Все в этой оде дышит ненавистью к “чудовищу” и “тирану”. В этой ненависти, в самом воспевании убийства есть что-то лихорадочное, почти безумное, вовлекающее во все тот же замкнутый круг бесконечного истребления и самоистребления (“О Доблесть, на земле, где правит беззаконье, // Твое священное оружие – клинок.”).

В оде говорится и о том, что поэт не хочет чувствовать героиню “в молчанье”. Видимо, он читал свое произведение друзьям, быть может, в доме Фанни.

Полны глумливой сатиры ямбы Шенье, посвященные погребению Марата в Пантеоне (“Кто, Пантеон, отверз твои святые двери...”). В них он “рекомендует” виселице, которая не дождалась “друга народа” Марата, других якобинцев, поименно называя их и желая, чтобы их трупы растерзали псы. Но, дав чувству ненависти увлечь себя за грань человечности, предавшись гневному обличению отдельных людей, он в то же время делает шаг в иную сторону – к более глубокому пониманию не единичной, но общей вины, и перед ним все отчетливее вырисовывается единственный возможный исход из кровавого водоворота (намечавшийся уже в его последних статьях) – смерть. Разве одни якобинцы были причастны к насильственной проповеди равенства и братства? Разве ему не казались вначале простительными первые жертвы? Теперь головы королевских гвардейцев, которых “разорвали (...) руки бешеных менад”, придавали особую убедительность празднованию годовщины взятия Бастилии⁵⁴.

Но мы, свободные, для наших злодеяний
 Неслыханных найти заране
 В веках бессмертия позорное хотим.
 Преодолели мы течение черной Леты.
 Забвение — не наш удел.
 И вечность судит нас, мы ей дадим ответы,
 И празднично так разодеты
 Все эти улицы — улики наших дел.
 (“Убийца прячется под фонарем и в тумане...” —
 Пер. М. Зенкевича)

Не кто-то, а “мы” и не чьи-то, а “наши злодеяния”, “наш удел”... От чувства всеобщей вины было недалеко до разочарования в людях вообще. “На брюхе жизнь влачить – вот все, что людям надо...” (“О, дух мой! выше облаков...).

⁵³ Chénier A. Œuvres complètes. P. 783.

⁵⁴ См. об этом воспоминание современника: Chénier A. Poésies. P. 452, note.

Тщетно пытался поэт погрузиться в “искусства и науки”, чувствуя лишь все больший упадок душевных и физических сил. Одну из сохранившихся его латинских записей, посвященных филологическим штудиям, завершили слова: “Написал в Версале, слабея, страдая, умирая душой и телом. 11 ноября 1793 г., Andreas C. Byzantinus (Андрей Византиец)”. Умножавшиеся картины расправ приводили в содрогание при мысли о невольном соучастии в них всех живущих. Молчать и жить означало покориться. “Он устал, – снова пишет о себе в одном из набросков Шенье, – делить стыд с этой огромной толпой, которая втайне так же, как и он, проклинает, но явно одобряет и поощряет, во всяком случае, своим молчанием, мерзких преступников и чудовищные деяния. Жизнь не стоит такого позора (...) Некто А.Ш. (Андре Шенье. – Е.Г.) был одним из пяти или шести, коих ни всеобщее иступление, ни корысть, ни страх не могли заставить преклонить колена перед коронованными злодеями, коснуться рук, запятнанных убийствами и сесть за один стол с пьющими человеческую кровь”⁵⁵. В разгар террора поэт возвращается в Париж.

7 марта 1794 г. (17 вантоза II года Республики) Шенье оказался в доме своего знакомого Пасторе в парижском пригороде Пасси. Одновременно там же находились Франсуа де Панж и подруга испанского поверенного в делах Оскариса Лукреция д’Эста. Причины появления Шенье в доме Пасторе недостаточно ясны. Возможно, что он хотел проститься с де Панжем: тот скрывался, узнав, что его хотят арестовать, и вскоре бежал. Все западное предместье Парижа (в том числе и Пасси) было объектом усиленного контроля, так как именно там располагались загородные резиденции аристократов. За три дня до прихода Шенье было постановлено арестовать Пасторе, но он успел бежать. Около девяти часов вечера, когда гости его матери и жены собирались расходиться, появились представители Комитета общей безопасности и революционного комитета Пасси. Де Панж, уже вышедший из дома, успел скрыться в темноте. Начались поиски хозяина дома, не увенчавшиеся успехом, затем обыск и допрос: женщин и Андре Шенье.

В результате допроса Шенье был причислен к разряду “подозрительных лиц” – согласно закону (принятому 17 сентября 1793 г.) к таковым могли быть отнесены очень многие: те, кто не имеет достаточных легальных средств к существованию, поддерживает связи с эмигрантами или переписывается с кем-либо из находящихся во враждебных странах (например, в Англии), проявляет политическую индифферентность, не участвует в общественных мероприятиях и т.п. Шенье с 1790 г., как он указал на допросе, жил на ту сумму, что получал от отца: от 800 до 1000 ливров. Таких средств в то время никак не могло хватать на питание. Всплыла информация о том, что после революции он получал письма из Англии (такая деталь, что их получал из французского посольства человек, сам ранее там служивший, не уменьшала его вину). Шенье был задан вопрос о том, где он находился в день восстания 10 августа. Поэт ответил, что не выходил из дома отца, чувствуя недомогание, вызванное почечной коликой. Такое поведение не могло быть расценено иначе, как гражданская пассивность,

⁵⁵ Chénier A. Œuvres complètes. P. 745–746.

ибо в этот день, как отмечено в протоколе, все патриоты, даже “хромые и недужные”, вооружились и вышли на площади. На основании закона о “подозрительных лицах” Шенье арестовали.

18 вантоза он был отправлен в Париж. Его намеревались поместить в Люксембургскую тюрьму, но привратник отказался принять арестованного, так как его арест не был официально утвержден. Тогда Шенье был направлен в тюрьму Сен-Лазар (или Дом Лазаря; она начала действовать с 18 января 1794 г.). Был уже поздний час, и регистрация его ареста произошла только на следующий день 19 вантоза: “Андре Шенье, возраст 31 год, уроженец Константинополя, гражданин, проживающий ул. Клеры, № 97, рост 5 футов 2 дюйма, волосы и брови черные, лоб широкий, глаза серо-голубые, нос средний, рот средний, подбородок округлый, лицо квадратное; доставлен во исполнение приказа Революционного комитета Пасси для задержания в соответствии с мерами общей безопасности.

Заключение под арест № 1095 гражданина Андре Шенье, тюрьма Сен-Лазар”⁵⁶.

Поскольку арест не был утвержден по всей форме, отец поэта обратился в конце мая с ходатайством об освобождении сына. 26 мая из Комитета общественного спасения последовал ответ, что “Андре Шенье, известный с начала революции негражданственным поведением, останется в заключении до тех пор, пока не последует иной приказ”⁵⁷. Видимо, после ходатайства Луи Шенье вспомнили о журналистской деятельности его сына...

* * *

В тюрьме Сен-Лазар были написаны последние произведения Шенье. Парижские тюрьмы представляли в то время довольно необычную картину: здесь на фоне постоянной угрозы смерти царили тон и нравы светского общества. В мрачных стенах витал дух “общества рококо”: беспечное кружение на краю пропасти⁵⁸. Эта жизненная позиция стала теперь особенно чужда Шенье. Любовные забавы, “салонные” беседы, игра в мяч (ее запечатлел находившийся в то же время в Сен-Лазаре художник Гюбер Робер, сам страстный любитель этого развлечения), сочинение легковесных виршей казались ему профанацией нешуточного предстояния человека перед смертью. Хотя в оде “Молодая узница” Шенье еще отдает дань поэзии рококо (впрочем, явления внешнего мира превращаются в этой оде в знаки душевного самочувствия героя), мировосприятие “человека рококо” находит в целом у поэта отклик, полный горечи и едкой иронии. Таковы ямбы “В бесчестии живешь. Ну, что ж, так, значит, надо”, проникнутые неприятием суетного мельтешения, лихорадочной веселости обреченных “топору” жертв. В ямбах “Когда скрывается в пещерном полумраке...” звучит откровенная сатира на некогда милую сердцу поэта пасторальную образность, идиллия оборачивается

⁵⁶ Цит. по: *Aubarède G. André Chénier*. P., 1970. P. 231.

⁵⁷ *Ibid.* P. 249.

⁵⁸ См.: *Dauban C.A. Les prisons de Paris sous la Révolution*. P., 1870.

жестокой пародией: барана, украшенного лентами и цветами, просто напросто съедают и “не грустят нимало”.

“Ямбы” – новый этап в творчестве Шенье. И здесь он продолжает ориентироваться на античные модели: ямбы Архилоха, эподы Горация, комедии Аристофана, речи Демосфена и других ораторов древности со свойственными всем этим текстам личными, беспощадными выпадами в адрес оппонентов. Шенье вообще впервые обращается к форме ямбов в чисто сатирических целях, пародируя традиционный “высокий” стиль (“Ах, что ж молчите вы, певучие Орфеи?”, “Столичной власти главы // И украшенье кабака...” – “Гимн на торжественное вступление швейцарцев...”). Злободневной сатирой являются ямбы, посвященные погребению Марата, речи Барера в Конvente (“Я слышал, в сильный гнев вы впали, до сих пор...”). Но сразу вслед за этими ямбами и в основном в тюрьме Шенье создает произведения, освобождающиеся от жанровой предопределенности, в которых сочетаются элементы различных жанров – не только сатиры, но и одически-гимновой поэзии, элегии. Эти стихотворения сплавлены воедино подлинностью страдания поэта, и его личность раскрывается в них с небывалой силой:

... Как быть? Пора настала
С забвеньем свыкнуться и мне.

{...}

В иные времена и я
От горестей чужих, быть может, безучастно
Глаза отвел бы в свой черед.
Так память обо мне досадна и опасна.
Друзья, не ведайте забот.

(“В бесчестии живешь. Ну, что ж,
так, значит, надо”)

Появление таких произведений в значительной степени связано с крушением прежних идеалов, кризисом мировоззрения. Все бывшие ценности, даже такие, как дружба, оказываются иллюзорными. Террор воспринимается как закономерное следствие просветительской проповеди братства (“Читал я, лодочник, челнок свой открепляя...”). Что вообще есть ценного “в юдоли сей земной”? – спрашивает поэт. “О ней грустим напрасно. Ведь бледный страх – вот бог людей” (“Последний блеск луча, последний вздох зефира...”). Правда и Справедливость, эти просветительские божества, к которым взывает Шенье в только что приведенных ямбах – это в сущности слишком рассудочные, в духе классицизма, понятия, чтобы они могли поддержать пламень души – теперь его питают только гнев и ненависть. В одном из незавершенных стихотворений цикла (“Они еще живут! и жертв бесчестных стоны...”), на пределе отчаяния, раздается призыв к “Великому Богу сил”, звучат горькие жалобы на то, что Бог бездействует, медлит наказать преступников. То же “Из глубины возвах...” слышится и в примыкающей к ямбам, поразительной по напряженности чувства (несмотря на риторический каркас) оде “О, дух мой! выше облаков...”, в которой поэт восклицает: “Великая погибших рать // Пусть взыдет к небесам, и

грозный суд свершится!” В этих новых для Шенье обращениях к Богу больше горестных упреков (но их сила как раз и снимает сомнения в Его существовании), нежели стремления найти защиту, утешение. Но свет не до конца угасает в предсмертных стихах Шенье. “Последний солнца луч”, “медлящие лучи” (“Когда скрывается в пещерном полумраке...”) пробивают густой мрак, а тягостное безмолвие нарушает звучащая “у подножия эшафота” лира. После того, как рухнули слишком непрочные духовные опоры, продолжается искание света, и само отчаяние, дойдя до предела, порой преобразуется в торжество духовной силы и свободы, разрешается катарсисом:

Плачь, Доблесть, если я умру!

Это последняя строка стихотворения, которое оказалось наиболее созвучно романтическому поколению – ямбов “Последний блеск луча...” (в издании Латуша “ямбы” III и IV). В этом произведении, использующем язык классицистической трагедии, в частности, стансов Сиды из одноименной трагедии Корнеля и оды Лебрена “Алкей к судьям Лесбоса” (1781), романтики оценили проникновенную, элегическую интонацию, переходящую в гневные инвективы, и сам образ поэта, одинокого, покинутого, страдающего, но не сломленного, не расстающегося с лирой и на пороге смерти.

* * *

В июле 1794 г. в Сен-Лазаре началось следствие по так называемому “делу о заговоре тюрем”: заключенные, переполнившие парижские темницы, подозревались в намерении поднять бунт, совершить побег и, расправясь с “патриотами”, восстановить монархию. “Следствие” началось с Люксембургской тюрьмы: в результате в первых числах июля около полутора ста узников были отправлены на эшафот. В Сен-Лазаре при помощи доносчиков были подготовлены списки основных “заговорщиков”: около 80 имен (всего в этой тюрьме находилось около 600 заключенных, из них около 100 женщин). Шенье мог попасть в эти списки по той же причине, по какой был утвержден его арест: “негражданственное поведение с начала революции” (впрочем, в одном из первоначальных списков указывалось на его связи с испанским посланником; в дальнейшем это указание исчезло, но имя осталось). Быть может, он привлек к себе внимание доносителей опасными высказываниями, возможно, чтением стихов: о его смелом поведении в тюрьме говорится в воспоминаниях, опубликованных в начале 1840-х годов под именем маркизы де Креки, автор которых, по всей видимости, опирался на подлинные свидетельства эпохи революции⁵⁹.

6 термидора (24 июля) во второй половине дня Шенье и больше двух десятков его соузников были перевезены в тюрьму Консьержери, “прихожую смерти”, примыкающую к Дворцу правосудия. На следующий день утром в “зале Свободы” этого Дворца состоялся суд, протокол которого, в том числе и

⁵⁹ См.: *Souvenirs de la marquise de Créqui*. P., 1842. Т. 8. P. 180–183. О степени достоверности этих воспоминаний см.: *Scarfe F.* P. 325–326.

приговор, были составлены заранее. Подсудимые списком были обвинены в том, что они являются “врагами народа, так как принимали участие во всех преступлениях, совершенных тираном, его женой и его семьей (...) оскорбляли патриотов (...) писали против праздника в честь солдат Шатовье, против свободы и в защиту тирании, переписывались с внутренними и внешними врагами Республики (...) устроили заговор в тюрьме Лазаря...”⁶⁰. В шесть часов вечера того же дня, проделав путь через весь город, на восточной окраине Парижа, Шенье поднялся на эшафот. Его похоронили в общей могиле на соседнем кладбище.

* * *

В письме отцу, отправленном в конце сентября 1792 г. из Нормандии, во время сопряженной с опасными планами поездки, Шенье писал: “Я поручаю вам также все записи, сочинения, бумаги, о которых вы знаете. Если они затеряются, все радости, труды, развлечения целой жизни будут утрачены”⁶¹. Луи Шенье бережно хранил рукописи своего сына, но он не namного пережил его. Архив Андре Шенье перешел его матери, жившей вместе с Мари-Жозефом. Казалось бы, столь известный в литературных кругах писатель легко мог, наконец, вывести из тени своего старшего брата. С ведома Мари-Жозефа, но по инициативе других людей – бывших союзников Шенье – была в 1795 г. опубликована ода “Молодая узница”. М.-Ж. Шенье, если и напечатал (в 1801 г.), то только одно стихотворение Андре – “Юная Тарентинка” (под заглавием “Элегия в древнем вкусе”)⁶². Воспоминание о погибшем брате было омрачено для Мари-Жозефа в эпоху термидорианской реакции градом обвинений в том, что он, член Конвента, ничего не сделал для его спасения. Мари-Жозеф отвечал обвинителям в “Рассуждении о клевете” (1795), но обещанное в этом сочинении “надгробие” Андре Шенье так и не было им воздвигнуто. Впрочем, он и не скрывал хранившихся в его доме рукописей: их читали в его окружении, состоявшем из многих литераторов. Больше же вспоминали о поэте его друзья: в печати время от времени по тому или иному поводу появлялись упоминания о “несчастном Андре Шенье”. Хорошая великосветская знакомая поэта, двоюродная сестра его друга Ф. де Панжа, Полина де Бомон, пожалуй, лучше всех способствовала его европейской известности: она показала рукописные стихи Шенье Шатобриану в то время, когда он создавал “книгу века” “Гений христианства”, и в этой ладье имя поэта впервые коснулось берегов вечности.

О том резонансе, который получили “несколько слов” Шатобриана, можно

⁶⁰ Цит. по: Œuvres en prose de André Chénier. P. 102.

⁶¹ Chénier A. Œuvres complètes. P. 798.

⁶² Одним из исследователей было высказано предположение, что Мари-Жозеф не мог сотрудничать с журналом роялистской ориентации, напечатавшим это стихотворение и что, возможно, оно исходило из того же источника, что и фрагменты, опубликованные Шатобрианом (см.: Ribierette P. Sur un inventaire des papiers d'André Chénier // Cahiers Roucher – André Chénier. 1983. N 3. P. 74–75).

судить по тому, что уже в 1805 г. молодой Стендаль поставил имя Шенье в один ряд с именами Корнеля и Расина⁶³.

И все же Мари-Жозеф, правда уже после смерти, “помогал” своему брату: их произведения довольно долго предпочитали печатать вместе или почти одновременно, чтобы известность одного служила поддержкой другому: так, их имена были объединены в книге “Литературная смесь” (1816), первый сборник А. Шенье вышел после того, как в 1818 г. были опубликованы стихи и театральные пьесы Мари-Жозефа, в 1826 г. два тома произведений Андре составили своего рода приложение к многотомному собранию сочинений его брата, а в 1829 г. в Брюсселе вышли “Сочинения Андре и Мари-Жозефа Шенье”. Как видно из последнего примера, старший брат в это время уже выдвинулся на первое место.

Судьба Шенье и его поэзия как нельзя лучше вписались в романтическую мифологию и литературу. Поэт-мечтатель, служитель прекрасного, безвестный при жизни, павший жертвой темных, надличностных сил, с которыми он вступил в героическую схватку, – такой образ Шенье пополнил дорожку романтикам галерею гениев, гонимых и загубленных толпой, и нашел воплощение в лирике Ж. Лефевра-Демье (“Памяти Андре Шенье”, 1819), В. Гюго (“Поэт в эпоху революций”, 1821, – эта ода с эпиграфом из “Ямбов” Шенье открывала сборник Гюго “Оды и баллады”; “Несчастливцы”, 1855, “Конь”, 1865), Э. Дешана (“Послание Альфреду де Виньи”) и А. Дешана (“Жил в бедности Гомер, а Данте изгнан был”)⁶⁴, А. де Ламартина (“Против смертной казни”, 1830), в романе А. де Виньи “Стелло” (1832). Гюго не один раз объединял имена Шенье и Орфея⁶⁵.

Поэзия Шенье, в которой романтики особенно хорошо расслышали близкие им мотивы, была воспринята ими как откровение. Светлые видения буколик оказались созвучны романтическому бегству от обыденной жизни, а нередкий исторический фон этих произведений – романтическим поискам “местного колорита”. Одним из первых подражателей их автору стал предромантик Ш. Мильвуа, “верное эхо лиры Шенье”⁶⁶, донесший ее отголоски до слуха французских (и не только) поэтов еще прежде выхода в свет сборника 1819 г. Следы влияния буколик ощутимы в поэзии А. де Виньи (“Древние и новые стихотворения”, 1826), В. Гюго (“Легенда веков”, 1859; 1877), М. Деборд-Вальмор, Э. Дешана, Ж. Лефевра-Демье, А. де Мюссе⁶⁷.

⁶³ См.: *Stendhal. Œuvres intimes*. P., 1981. Т. 1. P. 202. Еще раньше Стендаль процитировал приведенное Шатобрианом стихотворение Шенье “Souvent las d'être esclave...” в письме сестре от 1 января 1803 г., добавив: “Разве ты не чувствуешь, как эти стихи постепенно проникают в твою душу, овладевают ею и вскоре воцаряются в ней? Что до меня, то мне они кажутся самыми трогательными из всех мною читанных на каком-либо языке” (*Stendhal. Correspondance*. P., 1962. Т. 1. P. 40).

⁶⁴ См.: *Poésies d'Emile Deschamps*. P., 1841. P. 154; *Poésies d'Antony Deschamps*. P., 1841. P. 112.

⁶⁵ См.: *Hugo V. Œuvres poétiques*. P., 1964. Т. 1. P. 294 note; P., 1974. Т. 3. P. 5, 13.

⁶⁶ *Ladoué P. Un précurseur du romantisme*. Millevoeye. P., 1912. P. 316.

⁶⁷ См.: *Lizop R. L'inspiration antique d'André Chénier à travers les œuvres des grands romantiques // Mémoires de l'Académie des sciences, inscriptions et belles lettres de Toulouse*. Т. IX. 1957–1958. P. 67–82; *Seth C. André Chénier et Marceline Desbordes-Valmore: L'écho d'une voix fraternelle // Cahiers Roucher – André Chénier*. 1989. N 9. P. 43–54.

Элегии Шенье, столь высоко оцененные В. Гюго, стали одним из прототипов романтической элегии, их влияние ощутимо в стихотворениях Ш.О. Сент-Бёва, А. де Мюссе, Анри де Латуша.

Французский романтизм, всегда охотно откликаясь на злобу дня, склонный к политическим битвам, не мог не впитать тюремную лирику Шенье, его “Ямбы”. Традиции гражданской поэзии Шенье получили развитие в “Ямбах” О. Барбье (1832), в политических одах (“Оды и баллады”) и цикле “Возмездия” (1853) Гюго, в одах 1830-х годов Ламартина, в которых явственны отзвуки стихотворений Шенье “Игра в мяч” и “О, дух мой! выше облаков...”.

Античный идеал Шенье был близок и поэтам-парнасцам, наследникам романтической традиции, сделавшим акцент на рельефно-скульптурной стороне его стихотворений, абсолютизовавших их пластическое, живописное начало. Ш. Леконт де Лиль вообще объявил Шенье “литературным мессией”, породившим “Ламартина, Гюго, Барбье: склонность к медитации и гармонии, оду, ямб”⁶⁸. Ж.-М. Эредиа подготовил роскошное издание “Буколик” Шенье⁶⁹. “Истоком современной поэзии” назвал его творчество и Т. Готье⁷⁰. Античная образность Шенье также отразилась в поэзии Ш. Бодлера и П. Валери. Эллинизм Шенье вдохновлял и французскую “неоклассическую школу”, которая возникла в конце XIX в. как преемница “романской школы” (Жан Мореас, Ш. Моррас). П. Клодель неизменно называл его имя в одном ряду с именами Расина, Бодлера, Верлена, Малларме⁷¹.

* * *

На протяжении более полутора столетий по-разному расцениваются особенности поэтики Шенье: под пером исследователей ее порой определяют различные литературные феномены (античная поэзия, классицизм, постклассицизм, предромантизм), в ней видят предвосхищение романтизма, поэзии Парнаса и даже модернизма. Но историко-литературные критерии и дефиниции всегда, в общем, оказываются недостаточными, что-то, быть может, самое существенное безнадежно ускользает от них. Это не поддается определению “живая вода поэзия”, неуловимыми остаются гармония, тайна, трепет слов, увлекающих в свое, иное пространство. Такова поэзия Шенье, столь укорененная в традиции, обусловленная временем и, вместе с тем, неисчерпаемая, как подлинное искусство.

⁶⁸ *Lecoute de Lisle Ch.* André Chénier et la poésie lyrique à la fin du XVIII siècle (1840) // Articles, préfaces, discours. P., 1971. P. 53, 55.

⁶⁹ *Chénier A.* Les Bucoliques, publiées d'après le manuscrit original par José-Maria de Hérédia. P., 1907.

⁷⁰ *Gautier Th.* Les progrès de la poésie française depuis 1830 (1867) // Histoire du romantisme. P., 1874. P. 295.

⁷¹ См.: *Claudel P.* Œuvres en prose. P., 1965. P. 43, 57, 381.

Е.П. Гречаная
АНДРЕ ШЕНЬЕ В РОССИИ

Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

А.С. Пушкин

Десятилетия, предшествовавшие выходу в свет первого сборника Шенье — время интенсивных русско-французских связей. На гребне Французской революции в Россию было принесено множество эмигрантов, наводнивших дома русской знати в качестве почетных гостей или гувернеров и учителей. А Париж, в свою очередь, неизменно притягивал “русских путешественников”, которые подолгу жили в этом городе, общаясь с различными представителями парижского общества¹.

Хотя только друзья Шенье знали его как поэта, это были люди “на виду”, с широким и представительным кругом знакомств, такие, как Полина де Бомон, Ф. де Панж, В. Альфьери и его подруга графиня д’Альбани, П.-Д. Экушар-Лебрэн, Ш. Палиссо, Ю. Немцевич. У П. де Бомон хранились рукописи стихотворений Шенье, которые читал Шатобриан в 1801 г., Ш. Палиссо в 1803 г. упомянул ряд произведений Шенье, ставших ему известными². П. де Бомон и Ф. де Панж, одни из самых близких друзей поэта, пережили его лишь на несколько лет, но в их окружении успели побывать подданная России, жена русского дипломата, пиэательница, а впоследствии знаменитая проповедница Юлия Крюденер (которая, впрочем, еще до революции была вхожа в парижские литературные круги)³, Жермена де Сталь (она могла быть и лично знакома с Шенье⁴), приезжавшая в 1812 г. в Россию, Шатобриан и Л. Фонтан, в кругу которых в начале XIX в. уделялось внимание Шенье⁵. В 1803 г., как раз в то время,

¹ П. Димов предположил, что известный французский эллинист Г.д’Анс де Виллуазон в 1774 г. мог ввести князя Н.Б. Юсупова (впоследствии знакомого А.С. Пушкина), увлекавшегося древнегреческой культурой, в салон г-жи Шенье (см.: *Dimoff P. La vie et l’œuvre d’André Chénier jusqu’à la révolution française.* P., 1936. Т. 1. P. 78). Юсупов действительно общался с этим эллинистом, письмо которого сохранилось в архиве князя (РГАДА).

² Во втором издании своей книги “Записки по истории нашей литературы” (*Mémoires pour servir à l’histoire de notre littérature.* P., 1803. P. 174—179).

³ См.: *Bardoux A. La comtesse Pauline de Beaumont.* P., 1884. P. 320; *Ley F. Madame de Krüdener.* 1764—1824. P., 1994. P. 143—144. В архиве Ю. Крюденер сохранились переписанные ею отрывки из оды Шенье “Молодая узница”, что говорит о ее интересе к поэту (водяной знак бумаги — 1802 — ГАРФ. Ф. 967. Оп. 1. Ег. хр. 19; в том же фонде хранятся свидетельства ее тесного общения с П. де Бомон и Шатобрианом в Париже весной 1802 г.).

⁴ У них были общие близкие друзья: П. де Бомон и Ф. де Панж, графиня д’Альбани; они посещали те же салоны. См.: *Comtesse Jean de Pange. Madame de Staël et François de Pange.* P., 1925; *Dimoff P. Op. cit.* P. 431; *Taillandier S.-R. La comtesse d’Albany.* P., 1862. P. 100, 118—119.

⁵ См.: *Sainte-Beuve Ch. Chateaubriand et son groupe littéraire sous l’empire.* P., 1948. Т. 2. P. 223—224.

когда интерес к Шенье был оживлен недавно вышедшей книгой Шатобриана “Гений христианства”, в Париж приехал В.Л. Пушкин. Он вращался в обществе таких людей, как знакомый семьи Шенье литератор Ж.-Б.-Э. Виже, брат художницы Э.-Л. Виже-Лебрен, возможно, знавшей Шенье, судя по общему кругу их знакомств (поэт Экушар-Лебрен, г-жа де Бонней и др.⁶) и в 1795—1796 гг. побывавшей в России, а также писатель А.-В. Арно, друг Мари-Жозефа, встречавшийся и с его старшим братом⁷. В.Л. Пушкин познакомился и с Л. Фонтаном, опубликовавшим в своем журнале “Меркюр” (“Mercure”) несколько его переводов русских народных песен⁸; сохранилось свидетельство о его возможном посещении салона Ю. Крюденер⁹.

С русскими аристократами в Гамбурге и Берлине общались на рубеже веков знакомые Шенье А. де Ривароль и маркиз де Бразе, ставшие эмигрантами¹⁰.

В середине 80-х годов XVIII в. с Шенье познакомился в Париже польский поэт Ю. Немцевич: сохранилось переписанное им стихотворение французского поэта с припиской, заверяющей в дружеских чувствах¹¹. В 1817—1821 гг. с Ю. Немцевичем дружил в Варшаве П.А. Вяземский¹².

Учитывая интерес к Шенье в парижских салонах еще до выхода в свет сборника 1819 г., надо принять во внимание и то, что многие русские побывали в Париже как участники заграничного похода русских войск 1814—1815 гг. Среди них были Ф.Н. Глинка, П.Я. Чаадаев, Н.И. Кривцов, Н.Н. Раевский-младший. Особенно долго прожил в Париже Н.И. Кривцов (с 1815 до середины 1817 г.). Оказавший в 1812 г. в Москве помощь французским раненым, он был принят в лучших парижских салонах¹³.

В 1815—1816 гг. во Франции находилась Е.И. Голицына (которой Пушкин впоследствии послал оду “Вольность”).

Помимо возможных устных воспоминаний о Шенье его друзей и знакомых, не редкими были до выхода сборника 1819 г. и печатные упоминания его имени. Основные периодические издания, книжные новинки, появлявшиеся во Франции, быстро попадали в поле зрения образованных русских читателей, порой лучше говоривших по-французски, чем на родном языке. Во французской периодике и некоторых книгах конца XVIII — начала XIX в. достаточно громко прозвучали адресованные Мари-Жозефу Шенье обвинения в том, что он не воспре-

⁶ См.: *Souvenirs de Mme Vigée-Lebrun*. P., 1869. Т. 1. P. 40, 92—93, 218—224.

⁷ См.: письмо В.Л. Пушкина Н.М. Карамзину из Парижа от 12 сентября 1803 г. в кн.: *Пушкин В. Стихи*. Проза. Письма. М., 1989. С. 204—208.

⁸ См.: *Поэты 1790—1810-х годов*. Л., 1971. С. 651. В послании “К Д.В.Дашкову” В.Л. Пушкин писал: “Не улицы одне, не площади и дома — // Сен-Пьер, Делиль, Фонтан мне были там знакомы”. — Там же. С. 667.

⁹ ГАРФ. Ф. 967. Оп. 1. Ед. хр. 5.

¹⁰ См.: *Lescure. Rivarol et la société française pendant la révolution et l’émigration*. P., 1883. P. 453 *passim*.

¹¹ См.: *Chénier A. Œuvres complètes*. P., 1950. P. 877.

¹² См.: *Бэлза С.И.* Польские связи П.А. Вяземского // *Польско-русские литературные связи*. М., 1970. С. 228.

¹³ См.: *Гершензон М.* Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914. С. 12—13. В декабре 1819 г. (т.е. после выхода в свет сборника Шенье) Кривцов вновь прибыл в Париж из Лондона (см.: *Архив князя Воронцова*. М., 1876. Кн. VIII. С. 377).

пятствовал казни брата и опровержения этих обвинений (см. примеч. на с. 474 наст. изд.). Отзвук этой журнальной полемики слышится в словах И.И. Козлова, переданных А.С. Пушкину П.А. Плетневым (письмо от 26 сентября 1825 г.): «Козлов (...), выслушав твоего Шенье, просил тебе дать знать, если ты не помнишь, что брату Шенье, после, когда поднята была голова Андрея, подали безымянную записку: “Каин! где брат твой Авель?”»¹⁴

Примечания к опубликованным посмертно в некоторых французских журналах произведениям А. Шенье, “представление” поэта Шатобрианом в “Гении христианства”, расширенная во втором издании “Записок по истории нашей литературы” Ш. Палиссо (последовавшем после публикации книги Шатобриана) заметка о Шенье не могли не пробудить интереса к его имени. О внимании в России к публикации Шатобриана свидетельствует, в частности, то, что приведенное им одно из стихотворений Шенье еще до появления сборника 1819 г. перевел Н.Д. Иванчин-Писарев. Характерно, что несколько строк из этой элегии Шенье украшает и один из провинциальных альбомов, датируемый 1810—1814 гг.¹⁵ А Пушкин в черновом наброске своей заметки о Шенье (1825 г.) отмечал: “Долго славу его составляло неск(олько) сл(ов), сказан(ных) о нем Шатобрианом, два или три отрывка (в древнем элегическом роде, Ода Младой Узницы) и общее сожаление об утрате всего прочего”¹⁶. Примечательно, что Пушкин говорит о “славе” Шенье еще до 1819 г., перечисляет посмертные публикации его произведений и, упоминая “об утрате”, повторяет примечания к ним.

Возможно, что полупоэтический, несколько туманный, но уже отчасти вырисовывающийся в сознании русского читателя образ Шенье и полученное отражение в оде Пушкина “Вольность” (1817), где вспоминается “благородный след” “возвышенного Галла”, пока еще скрытый (“Открой мне благородный след...”)¹⁷, и жест поэта, отбрасывающего “изнеженную лиру”, чтобы “воспеть свободу”, как бы дублирует поворот Шенье от пасторально-элегической поэзии к гражданской¹⁸.

Сборник 1819 г., как и другие новинки французской литературы, не замедлил дойти до русских читателей. Уже в этом году идиллии Шенье начинают переводить Авр. Норов, а в следующем году в стихотворении Пушкина “Дориде” появляется буквальный перевод строки одной из элегий Шенье (“И ласковых имен

¹⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. [В 17 т.]. М.-Л.; 1937—1949. Т. XIII. С. 236.

¹⁵ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 743. Картон 36. Ед. хр. 9.

¹⁶ Пушкин А.С. Указ. соч. Т. II. С. 953.

¹⁷ На это обратил внимание М.Л. Нольман в статье “След возвышенного галла” // XXIII Герценовские чтения. Филологические науки. Л., 1970. С. 45. Ср. черновой вариант стихотворения “Андрей Шенье”: “так пел возвышенный поэт” (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. II. С. 951).

¹⁸ Полемика по вопросу об идентификации “возвышенного Галла” пока не дала решающих, опирающихся на неоспоримые факты доказательств (См.: *Томашевский Б.В.* Пушкин и французская революционная ода (Экушар Лебрен) // Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 351—356; *Слонимский А.* О каком “возвышенном галле” говорится в оде Пушкина “Вольность”? // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. IV. С. 327—335. *Нольман М.Л.* Парадокс о “возвышенном галле” // Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы в вузовских курсах. М., 1972. С. 104—105). Между тем ореол, сложившийся вокруг имени Шенье до 1819 г., очень близок к тому, что окружает образ “возвышенного Галла” у Пушкина.

младенческая нежность”). Сборник 1819 г. (экземпляр с приплетенными нотами) сохранился и в библиотеке Пушкина, хотя нет точных данных о том, когда он был приобретен (вероятно, не позднее 1825 г., даты написания стихотворения “Андрей Шенье”). После публикации в начале 1826 г. во Франции одного из неизданных фрагментов Шенье (“Près des bords où Venise est reine de la mer”) Пушкин записал его в своем экземпляре на чистом листе после переплетной крышки¹⁹. Известно, что Пушкин с особым вниманием читал Шенье на юге. Сборник его был, очевидно, в доме Раевских в Крыму, когда у них гостил Пушкин. По воспоминаниям Ек.Н. Раевской, ее брат Н. Раевский (которому посвящено стихотворение “Андрей Шенье”) “здесь же (...) первый познакомил Пушкина с поэзией Шенье”²⁰.

С томиком Шенье (по всей видимости, переизданием 1820 г.), не расставался приятель Пушкина поэт В.И. Туманский. Сборник Шенье, как свидетельствует одно из стихотворений Вяземского, занимал почетное место и в его библиотеке (“Библиотека”, 1827). По образцу издания Шенье 1819 г. раздел оригинальных стихотворений в первом собрании поэтических произведений (1829) рано умершего Д. Веневитинова²¹ завершался “Последними стихами” (такое заглавие было дано издателями, возможно, по примеру Латуша)²². Практически все русские переводы стихотворений Шенье и подражания им в России опираются на произведения французского поэта в том виде, как они были изданы Латушем, следуя ему, порой отклоняющимся от подлинника вариантам.

В течение более ста лет наши поэты обращались к наследию Шенье, и это обращение, зачастую тесно связанное с особенностями их творческой личности, проливает дополнительный свет на их поэтический облик.

Подробные сведения об откликах на поэзию Шенье в России, об отдельных заимствованиях из его произведений читатель найдет в примечаниях, где представлен тот фактический материал, который удалось собрать на сегодняшний день. Здесь же будет предпринята попытка определить основные аспекты смысла обращения к его образу и творчеству в нашей стране.

* * *

В начале 20-х годов XIX века особенно созвучны русским поэтам оказались антологические стихи Шенье, которые отвечали романтической идеализации прошлого, романтическому эллинизму. В это время как раз шло формирование антологического жанра, начавшееся в творчестве М.Н. Муравьева, А.Х. Востокова, Н.И. Гнедича, К.Н. Батюшкова. «Как во Франции сразу после Парни явился Шенье, так и русские поэты, начиная с Батюшкова, пройдя школу “легкой поэзии”, обращались к творчеству “в духе древних”»²³. В своей ориентации

¹⁹ См.: Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. IX—X. С. 192.

²⁰ Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 488.

²¹ Один из современников назвал его поэтом “в роде André Chénier” (Муравьев А.Н. Из книги “Знакомство с русскими поэтами” // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 44).

²² См.: Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза / Изд. подг. Е.А. Маймин, М.А. Чернышев. М., 1980. С. 78, 494.

²³ Кибальник С.А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л., 1990. С. 18—19.

на античные образцы Батюшков отчасти следовал ставшему хорошо известным в России французскому поэту Ш. Мильвуа. Творчество Мильвуа и, в частности, его поэма “Состязание Гомера и Гесиода” (послужившая источником элегии Батюшкова “Гесиод и Омир — соперники”) изобилуют мотивами, заимствованиями и обертонами поэзии Шенье, которая вдохновляла Мильвуа, по его собственному признанию²⁴. Интерпретируя античность в духе предромантической меланхолии и мечтательности, с рефлексами рококо, Батюшков (хотя никаких его прямых реминисценций из Шенье не выявлено) практически повторяет французского поэта (позднее Брюсов назвал Батюшкова “нашим Андре Шенье”²⁵). Батюшков наряду с Шенье стоит у истоков формирования в России лирики “в древнем роде”. Характерно, что по поводу своего стихотворения “Муза”, восходящего к 3 фрагменту идиллий Шенье (здесь и далее нумерация произведений Шенье, вошедших в сборник 1819, дается по этому изданию), Пушкин заметил: “Я их люблю. Они отзываются стихами Батюшкова”²⁶.

Определение, данное во Франции стихотворению Шенье “Юная Тарентинка” при его публикации — “В древнем вкусе” (“Dans le goût ancien”) стало в России, порой слегка видоизменяясь: “В древнем роде”, “В антологическом роде”, сигналом опоры на поэзию Шенье и знаком жанра. Так, Авр. Норов дает подзаголовок “Элегия в древнем вкусе” не только своему переводу “Юной Тарентинки” (“Гермиона”), но и двум другим своим переводам из Шенье — “Юный страдалец” и “Прощание Неэры”, а одному из своих переводов Анакреонта — заглавие “В антологическом вкусе”²⁷. Пушкин в так называемой “третьей кишиневской тетради” озаглавливает стихи, часть которых вошла в раздел “Подражания древним” его сборника 1826 г., “Эпиграммы во вкусе древних”²⁸. Лермонтов дает подзаголовок “В древнем роде” стихотворению “Пан”, в котором опирается не только на пушкинскую “Музу” и через нее на 3 фрагмент идиллий Шенье, но и на перевод Пушкина из Шенье “Близ мест, где царствует Венеция златая...”. А Д. П. Глебов определяет свой перевод поэмы Мильвуа “Нищий Гомер” (“*Nomègre mendiant*”, во многом подражающей поэме Шенье “Слепец”) как “Элегия в древнем вкусе”, хотя этого подзаголовка у самого Мильвуа нет²⁹.

“Юную Тарентинку” переводит и такой любитель “древнего рода” поэзии, как Н. Гнедич, которым руководил повышенный интерес к красочным, детализированным описаниям античного быта. След этого стихотворения различим и в поэме Гнедича “Рождение Гомера” (1816), что свидетельствует о возможном его знакомстве с опубликованными ранее 1819 г. произведениями французского поэта.

²⁴ *Millevoye Ch. Elégies en trois livres*. P., 1815. P. 182—183.

²⁵ Цит. по: Гиндин С. Неосуществленный замысел Брюсова // *Вопр. лит.-ры*, 1970, № 9. С. 199.

²⁶ Цит. по: Барсуков А. Альбом автографов Н. Д. Иванчина-Писарева // *Старина и новизна*. М., 1905. Кн. 10. С. 482.

²⁷ “Чернокудрую Анюту...”. РГАЛИ. Ф. 349. Оп. 1, Ед. хр. 38.

²⁸ См.: Сандомирская В. Б. Из истории пушкинского цикла “Подражания древним” // *Временник пушкинской комиссии*, 1975. Л., 1978. С. 27—29.

²⁹ См.: Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. / Сост. В. Э. Ваууро. Вступ. ст. и примеч. В. Э. Ваууро и В. А. Мильчиной. М., 1989. С. 264, 265.

Среди современников Пушкина по количеству переводов из Шенье лидируют Авр. Норв (выявлено 10, считая короткие наброски) и И. Козлов (7). У Пушкина их 5, но если судить по общей массе переводов, подражаний и заимствований, то, быть может, именно Пушкину должна быть отдана пальма первенства.

Пушкин отзывается сразу на все три основные струны поэзии Шенье — на его идиллии, элегии и гражданскую лирику. Увлеченность Пушкина французским поэтом бросалась в глаза. Его брат Лев вспоминал: “Андре Шенье, француз по имени, а, конечно, не по направлению таланта, сделался его поэтическим кумиром. Он первый в России и, кажется, даже в Европе достойно оценил его”³⁰.

В оде “Вольность” Пушкин, разделяя просветительские иллюзии, отчасти противоречит позиции Шенье, автора созданных в период гражданского воодушевления “Гимна справедливости” и оды “Игра в мяч”, сочетая тираноборческие инвективы с пониманием необходимости соблюдения законов, и, в конечном итоге, с неприятием кровопролития. Именно — в конечном итоге: хотя у Пушкина и возникает сочетание “преступная секира”, нельзя сбросить со счетов его приветствия в “Вольности” “погибели” “самовластительного злодея” и воспевание кинжала в одноименном стихотворении 1821 г., где переброшен мостик к оде Шенье в честь Шарлотты Корде.

Последовавшие затем духовный кризис, разочарование Пушкина в просветительских идеалах, в человеческом роде вообще в определенной мере напоминают путь, пройденный Шенье во время революции. К его оде П³¹ и к ямбу Ш восходят у Пушкина сравнение людей с послушным стадом и признание безнадежности усилий по изменению мира (“Свободы сеятель пустынный...”, 1823).

Влияние Шенье, умеряющее “кипение революционных страстей”, отмечал Г.П. Федотов: “Среди современных им вакхических и вольтерьянских шалостей пера, революционные гимны Пушкина поражают своей глубокой серьезностью. Замечательно то, что в них выражается не одно лишь кипение революционных страстей, но явственно дан и их катарсис. Чувствуется, что не Байрон, а аполлинический Шенье и Державин водили пушкинским пером. А за умеряющим влиянием Аполлона как не почувствовать его собственного благородного сердца?”³²

Одновременно “звезда Шенье” (по выражению того же Г.П. Федотова³³) озирает антологические и элегические “отрывки” Пушкина “Вы, я думаю, знаете, что почти все антологические стихотворения Пушкина переведены из А. Шенье?” — писал в 1853 г. И.С. Тургенев П.В. Анненкову³⁴. За этим безусловно преувеличенным утверждением стоит верное чувство традиции, общности поэтических миров. Раздел пушкинского сборника 1826 г., названный “Подражания древним”, несет заметный отпечаток идиллий и элегий Шенье.

³⁰ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 64.

³¹ См. *Strémoukhoff D. André Chénier en Russie // Revue de littérature comparée*, 1957. N 4. P. 536.

³² Федотов Г. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 368.

³³ Там же. С. 365.

³⁴ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. М.; Л., 1961. Т. 2. С. 121.

Исследователи отмечают преимущественное в целом по сравнению с Батюшковым влияние Шенье на антологическую лирику Пушкина начала 1820-х годов³⁵. Меняется сам характер его александрийского стиха, который обретает напевность, плавность, ритмическое разнообразие. Пушкин сближается с Шенье в выборе конкретных, чувственных и в то же время словно прозрачных, открывающих простор для воображения, завораживающих эпитетов, определяющих тональность стихотворения (“Приют любви, он вечно полн // Прохлады сумрачной и влажной...”). Пушкин обживает лишь наиболее близкие ему формы у Шенье, оставаясь равнодушным к его порой несколько манерной пасторальности и многословным элегическим излияниям. Он особенно чуток к несколько размытой, зыбкой жанровой форме, в которой мягко сливаются мифологическая образность, идиллическая атмосфера и раздумчивая элегическая интонация, где гармонично урановешены “объективная” манера древних и подспудно вводимые элементы романтического субъективизма (“И весь я полон был таинственной печали, // И имя чуждое уста мои шептали.” — “Дорида”, 1819).

Быть может, ощущение недостатка этих элементов у Шенье и побудило Пушкина (равно как и неприятие современной ему французской романтической школы) утверждать в полемике с П.А. Вяземским: “...говоря об романтизме, ты где-то пишешь, что даже стихи со времени революции носят новый образ, — и упоминаешь об А(ндре) Ш(енье). Никто более меня не уважает, не любит этого поэта, — но он истинный грек, из классиков классик. C’est un imitateur savant (?) et rien de (plus) (?) [Это ученый (?) подражатель и ничего (более) (?)]. От него так и пахнет Феокритом и Анфологию. Он освобожден от итальянских concetti и от французских Antithèses — но романтизма в нем нет еще ни капли”³⁶. Такое мнение Пушкин высказал и позднее, в одном из набросков 1830 г.: “Французские критики имеют свое понятие об романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности. Иные даже называют романтизмом неологизм и ошибки грамматические. Таким образом Андрей Шенье, поэт, напитанный древностию, коего даже недостатки проистекают от желания дать на французском языке формы греческого стихосложения, — попал у них в романтические поэты”³⁷. Вяземский придерживался несколько иного мнения. В стихотворении “Библиотека” Шенье для него — “по древним образцам романтик исполняемым”, он отмечает новый, близкий романтической поэзии, формальный “образ” его стихотворений. По поводу элегии Пушкина “Андрей Шенье” Вяземский пишет другу:

³⁵ См.: Брюсов В.Я. Стихотворная техника Пушкина (1915) // Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 7 С. 67; Гроссман Л. Пушкин и Андре Шенье // Гроссман Л. От Пушкина до Блока. Этюды и портреты. М., 1926; Сандомирская В.Б. “Отрывок” в поэзии Пушкина двадцатых годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 72—82; Бонди С.М. Шестистопный ямб Пушкина // Там же. Л., 1986. Т. 12. С. 18—19; Кибальник С.А. Указ. соч. С. 173—177.

³⁶ Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XIII. С. 380—381 (черновик письма П.А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г.). В издании Пушкина 1956—1958 гг. французские слова читаются: C’est un imitateur savant et inspiré (Это подражатель ученый и вдохновенный). — Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 10. С. 650.

³⁷ Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XII. С. 179.

“...благодарю за одно заглавие. Предмет прекрасный. Шенье в своей школе единственный поэт французский: он показал, что есть музыка, т.е. разнообразие тонов, в языке французском”³⁸. В статье “О Ламартине и современной французской поэзии” (1830) Вяземский вновь настаивает на формальной новизне творчества Шенье, который “...был классик не французский, но классик греческий, совершенно пластический, не довольствующийся одним подражанием списков, но созидающий формы новые по образцам древним”³⁹. В позиции Пушкина и Вяземского отразились споры, начавшиеся во Франции после выхода сборника Шенье. Хотя Пушкин как будто и низводит Шенье до уровня “ученого подражателя”, его восприятие французского поэта, как явствует из характера пушкинских откликов, было глубже. Шенье стал духовным спутником Пушкина, и уже это говорит об их поэтическом родстве.

Процеируя на свою жизнь моменты судьбы французского поэта, Пушкин предварил одну из своих тетрадей периода южной ссылки словами из оды “Молодая узица” — “Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois s'éveillait” (“Так, когда я был грустным узником, лира моя все же пробуждалась”)⁴⁰, ставшими впоследствии эпиграфом к стихотворению “Андрей Шенье”. Мысль о поэзии, пробуждающейся даже под гнетом несвободы, была, очевидно, дорога Пушкину и, возможно, эту строку имел он в виду, когда при подготовке своего первого сборника в 1825 г. писал из Михайловского Л.С. Пушкину и П.А. Плетневу: “Эпиграфа или не надо, или из А. Chénier”⁴¹. Пушкин сравнивает себя с Шенье, когда вспоминает историю создания “Бахчисарайского фонтана” (вновь приводя строки из “Молодой узицы”⁴²) и когда томится в ссылке (“Грех гонителям моим! И я, как А. Шенье, могу ударить себя в голову и сказать: Il y avait quelque chose là...”⁴³).

Пушкин чутко уловил самый, быть может, загадочный аспект образа французского поэта — его молчание, потаенность поэтического пути. Высоту и притягательность этого молчания не мог не почувствовать автор таких, к примеру, строк: “Идешь, куда тебя влекут // Мечтанья тайные; твой труд // Тебе награда; им ты дышишь, // А плод его бросаешь ты // Толпе, рабыне суеты” (“Езерский”, 1832) или: “Вы нас морочите — вам слава не нужна, // Смешной и суетной вам кажется она: Зачем же пишете? — Я? для себя. — За что же // Печатаете вы? — Для денег” (“На это скажут мне с улыбкою неверной”, 1835). Возможно, о

³⁸ Там же. Т. III. С. 200.

³⁹ Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 122. Так и И.В. Киреевский писал о французской поэзии: “...может быть, один Шенье делает исключение, — если можно направление Шенье назвать французским” (Киреевский И.В. Обзорение русской словесности за 1829 год // Денница на 1830 год. СПб., 1830. С. LIII).

⁴⁰ Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 485.

⁴¹ Письмо А.С. Пушкина к Л.С. Пушкину и П.А. Плетневу от 15 марта 1825 г. // Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XIII. С. 153.

⁴² Письмо А.А. Вестужеву от 8 февраля 1824 г. // Там же. С. 88. Ср. также отсылку к этой оде Шенье в стихотворении Пушкина “Всеволожскому” (ноябрь 1819 г.): “Тебя всечасно ожидая, // Вздыхает пленница младая...”.

⁴³ Письмо П.А. Вяземскому, вторая половина ноября 1825 г. // Там же. С. 243.

Шенье вспомнил Пушкин в строках стихотворения “Разговор книгопродавца с поэтом” (1824):

Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!

Мотив безымянного, потаенного труда звучит и в монологе Пимена (“Борис Годунов”, 1825), в строках, которые А. Ахматова считала реминисценцией из неопубликованного при жизни Пушкина “Эпилога” поэмы “Гермес”⁴⁴. “Когда-нибудь монах трудолюбивый // Найдет мой труд усердный, безымянный...”

Влияние “прелестного”⁴⁵ Андре Шенье становится в пушкинском творчестве частичным противовесом влиянию “властителя дум” Байрона с его шумной славой, романтическим самоутверждением не только в жизни, но и в смерти. Уклоняясь от присоединения к “хору европейских лир”, оплакивающих Байрона, Пушкин в начальных строках стихотворения “Андрей Шенье” (1825) говорит:

Зовет меня другая тень...

Тень поэта, скользнувшего в небытие с толпой безвестных жертв, безвестного, как они. Эту безвестность Пушкин переносит на себя: “Звучит неизвестная лира...”, хотя, как верно отметила Ахматова⁴⁶, он уже не мог в то время так сказать о себе. И далее: “Пою, Мне внемлет он...” — но ведь в самом стихотворении говорит Шенье, значит, звучат словно два голоса, наложенных один на другой, сплетенных в монолог. Судьба поэта, его предназначение — в центре внимания Пушкина.

Поэт, который жил своим творчеством, так и не вынеся своих произведений на суд публики, и возвысил безвестный голос тогда, когда молчать означало потворствовать злу — таков проникнутый внутренним напряжением образ Шенье в стихотворении Пушкина. Пушкин не сомневается в том, что в определенной ситуации поэт не может молчать; в то же время все в его стихотворении подводит к мысли об обреченности возвысившего голос певца, пусть даже его гибель — чистая случайность (“...день только, день один: // ...И жив великий гражданин // Среди великого народа”). Как известно, стихотворение содержит и биографический подтекст. Как отметил А. Слонимский, Пушкин, быть может, пытался предсказать свою собственную судьбу, не исключая возможности своего вовлечения в будущем в политический водоворот⁴⁷. Поэт у Пушкина — сам творец своей судьбы

⁴⁴ Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой (по материалам архива П. Лукницкого) // *Вопр. лит-ры*, 1978, № 1. С. 192. О возможном знакомстве Пушкина с неопубликованными произведениями Шенье см. примеч. с. 540, 542, 549, 590–592.

⁴⁵ Набросок письма П.А. Вяземскому от 5 июля 1824 г. // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. XIII. С. 102.

⁴⁶ Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой. С: 192.

⁴⁷ См.: *Слонимский А.* Пушкин и декабрьское движение // *Пушкин. Соч.* / Под редакцией С.А. Венгерова. СПб., 1908. Т. II. С. 526.

(“Гордись и радуйся, поэт...”). Он подобен Гераклу, складывающему свой погребальный костер ради освобождения и бессмертия (перевод I фрагмента идиллий Шенье на этот сюжет начат Пушкиным в том же 1825 г.). Пушкин вводит в свое стихотворение мотивы и образы “последних” ямбов Шенье, завершающихся строкой “Плачь, Доблесть, если я умру”, но оплакивает в нем не столько мстителя и праведника, сколько поэта — “Плачь, муза, плачь!..”, невоплощенные поэтические замыслы. Это последнее воззвание к музе возвращает нас к самому началу стихотворения, к его эпиграфу, говорящему о неумолкающем голосе лиры, к строкам “Певцу любви, дубрав и мира // Несу надгробные цветы...”. Начало и конец, альфа и омега в этом произведении — поэзия. Она словно некий очерчивающий и замыкающий земные страсти круг. И плач о мире.

И.А. Ильин был уверен, что “...в судьбе Андрэ Шенье Пушкин силою своего ясновидящего воображения постиг природу революции, ее отвратительное лицо и ее закономерный ход, и выговорил все это с суровой ясностью, как вечный приговор”⁴⁸. С.С. Аверинцев замечает: “...порыв к Свободе как идеальный импульс Революции не может быть скомпрометирован ничем, даже Террором (...) Шенье критиковал Революцию не извне, а изнутри, исходя из ее принципов, на ее собственном языке, пережив первые радости ее прихода, вовсе не отрекшись от них после всех разочарований”⁴⁹.

Да, Пушкин осуждает террор и утверждает невиновность Свободы, “богини чистой”. Но при этом он почти словами Шенье, с поразительной верностью глубокой правде вещей, говорит: “Убийцу с палачами // Избрали *мы* в цари” (курсив мой. — *Е.Г.*). Что-то тягостно-тревожное есть в пушкинском образе народа, который, вкусив нектар Свободы, “все ищет вновь упиться им; // Как будто Ваххом разъяренный, // Он бродит, жаждою томим...” Но образ такого разъяренного и томимого жаждой крови народа, напоминающего бродящего, голодного зверя, есть и у Шенье в оде “Un vulgaire assassin va chercher les ténèbres” (“Убийца прячется под фонарем и в тумане...”) ⁵⁰. Сходный образ народа возникает впоследствии и в черновых строках стихотворения “Из Пиндемонти”: “При звучных именах Равенства и Свободы, // Как будто опьянев, беснуются народы...” ⁵¹ Об этих метаморфозах свободы, высоких идеалов скажет в следующем веке, быть может, не без влияния пушкинского стихотворения “Андрей Шенье”, Марина Цветаева в “Лебедином стане” (см. ниже).

Обращаясь к Шенье в дальнейшем, Пушкин подхватывает мотивы тайны, молчания, равнодушия к славе, ухода, бегства, столь характерные для французского поэта. Такой выбор, конечно, отмечен печатью романтического клише непризнанного, одинокого гения (этот образ — в центре первого перевода Пушкина из Шенье — начала поэмы “Слепец” — “Внѣмли, о Гелиос, серебряным

⁴⁸ Ильин И. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. С. 338—339.

⁴⁹ Аверинцев С.С. “Но ты, священная Свобода...” Отзвуки Великой французской революции в русской культуре // Новый мир, 1989, № 7. С. 187.

⁵⁰ Указано В.Э. Вацуру. См. также наст. изд. примеч. с. 591.

⁵¹ Пушкин. Полн. собр. соч. Т. III. С. 1029.

луком звенящий”, 1823). Именно в соответствии с этим клише Латуш внес поправки и дополнения во фрагмент Шенье “Près des bords...”, усилив мотив безвестности певца, поющего “без отзыва”, чей “парус” “преследуем столькими аквилонами” (всех этих образов нет в оригинале Шенье). Пушкин, точно следуя варианту Латуша, еще больше акцентирует одиночество певца и потаенность его пути: в его переводе появляются такие образы, как “один, ночной гребец”, “мой парус одинокой”⁵², “во мгле”, “тайные стихи”. Реминисценции из Шенье сходного характера различимы также в стихотворениях Пушкина “Поэт” (1827) и “Арион” (1827)⁵³, в котором “таинственный певец”, одинокий и беспечный, поет “гимны прежние” (Ср.: “Каков я прежде был, таков и ныне я” — буквально переведенная строка Шенье, дважды повторенная Пушкиным). Возможно, полустигшие Шенье “Souvent, las d’être esclave...” (“Часто, устав быть рабом...”) из его знаменитой элегии XXXVI отразилось в стихотворении Пушкина “Пора, мой друг, пора! покоя сердца просит...” (1834): “Давно, усталый раб, замыслил я побег...” Оба произведения развивают мотив ухода, бегства, смерти.

В первом номере своего “Современника”, в 1836 г., Пушкин публикует перевод из Шенье “Покров, упитанный язвительною кровью...” (начатый еще в 1825, но законченный только в 1835 г.): добровольная мученическая смерть героя (Геракла) и обретение таким образом свободы, бессмертия, о которых говорится в стихотворении Шенье и переводе Пушкина, представляется общим уделом обоих поэтов.

Последним аккордом звучит строка из стихотворения Пушкина “Отцы пустынноики и жены непорочны” (1836) — “Любоначалия, змеи сокрытой сей...” (“Любоначалия, змеи сокрытой сей // И празднословия не дай душе моей”), в черновом варианте — “коварной”⁵⁴, т.е. точно так, как в оде Шенье “Игра в мяч”. У Пушкина эта строка обретает молитвенную (а не поучительную, как у Шенье) интонацию, выделяя один из грехов и выражая тягу к смиренномудрой свободе, очищающей от соблазна властолюбия.

Простодушие, беспечность, безвестность, эти слагаемые романтического образа поэта, сквозь призму которого воспринимался и Шенье, были с сочувствием отмечены не только Пушкиным, но и другими его современниками. К стихотворению “Près des bords où Venise...” вскоре после его публикации обращаются И.И. Козлов, В.И. Туманский, П.А. Плетнев, позднее друг А.А. Фета, А.Ф. Бржеский, варьируя и развивая его романтические ноты. При этом Туманский вводит в свой перевод романтический образ чужбины (“как он — без отзыва пою в стране чужой!”), а Козлов и Плетнев “сгущают” романтический “местный колорит”: один, используя напевный амфибрахий, как бы подражает мелодике итальянской канцоны, а другой предлагает вариант “в русском вкусе”, заменив гондольера на волжского рыболова.

Поэзия Шенье сыграла существенную роль в формировании элегической те-

⁵² По мнению Д. Стремухова, этот образ переключался в стихотворение Лермонтова “Белеет парус одинокой...” — см. Strémoukhoff D. Op. cit. P. 540.

⁵³ См.: Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой. С. 190—191.

⁵⁴ Пушкин. Полн. собр. соч. Т. III. С. 1033.

матики и фразеологии в русской поэзии⁵⁵. Наполненные сожалениями об уходящей юности и предчувствиями скорой смерти, сетующие на измену возлюбленной, тяготы несвободы, воспевающие “вольную бедность” и сельскую жизнь, стихотворения Шенье питали расцветшую в 20—30-е годы XIX в. “унылую элегию”. Из его элегий выбирались для перевода и подражания те, что были наиболее близки романтическому сознанию: прежде всего стихотворения лондонского периода. Так, И.И. Козлов, В.И. Туманский, Н.И. Шибаев (?) обращаются к 6 фрагменту элегий; Е.А. Баратынский (а еще раньше него Иванчин-Писарев) перелагает элегию XXXVI, близкую ему глубоким пессимизмом. Д.П. Глебов превозносит “глухую безвестность” и “сокровенные мечтания” “незнаемого певца”, опираясь на элегию XIV Шенье. Замечательную интерпретацию элегии III французского поэта дает в 1840-х годах Д.П. Ознобишин (“Письмо”): точно следуя сюжетной канве оригинала, он с легкостью вышивает по ней узор, полный деталей иной, русской жизни.

Но самым, пожалуй, любимым стихотворением Шенье стала у романтиков ода “Молодая узница” с ее нежно чувствительным изображением грустной судьбы красоты, юности, гения. Жуковский подражает этой оде уже в 1819 г. в стихотворении “Узник”. Ее переводят Авр. Норов и Козлов, позднее А.И. Алухтин, а затем — и до конца XIX в., на все лады, множество “узников” романтического мышления. Туманский использует ее строфику, систему рифмовки и структуру финала в стихотворении “Сетование”. В альманахе “Венок граций” появляется в 1829 г. анонимный перевод с меланхолической в соответствии со вкусами эпохи концовкой: узница отцветает в “гробовых стенах” (так и в переводе Авр. Норова начала 5 идиллии Шенье “бедный юноша” угасает вместе с потухающей лампадой).

Романтическая трактовка судьбы гения лежит и в основе восприятия Лермонтовым образа Шенье в поэме “Сашка” и в стихотворении “Из Андрея Шенье”, этом монологе “страдальца молодого”. При этом у Лермонтова, как и ранее у Пушкина, образ французского поэта возникает на фоне социальных гроз, с реминисценциями из его ямбов, к которым, помимо этих двух поэтов, обращается в эпоху 1820—1830-х годов еще только Н. Шибаев (?), давший первый перевод “Последних стихов” Шенье.

К ямба и вообще к гражданской поэзии Шенье проявляют характерную невосприимчивость декабристы — как впоследствии и русские поэты-демократы. Видимо, слишком неоднозначным представлялось им его творчество периода революции. Несмотря на эпизодические обращения к Шенье (так, А.А. Бестужев в одной из критических статей называет его имя в ряду имен гонимых “избранников небес” Камоэнса, Тассо, Данте, Байрона⁵⁶; Кюхельбекер бегло отзывается на его элегии), декабристами в целом Шенье остался обойден.

⁵⁵ См.: Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры; Русская элегия XVIII— начала XX века / Вступит. ст., сост., подг. текста, примеч. и биограф. справ. Л.Г. Фризмана. Л., 1991.

⁵⁶ Бестужев А.А. О романе Н. Полевого “Клятва при Гробе Господнем” (1833) // Декабристы. Эстетика и критика. М., 1991. С. 148. В письме Н. Полевому от 1833 г. из заключения А. Бестужев вспоминает легендарные слова французского поэта: “Я, как Шенье у гильотины, могу сказать, ударив себя по лбу: *тут что-то есть...*” // Там же. С. 204.

* * *

В 1840—1850-е годы общее усиление влияния антологической лирики определило обращение русских поэтов почти исключительно к идиллиям и отчасти к любовным элегиям Шенье. Произведения этих жанров переводят и им подражают В.Г. Бенедиктов, А.А. Фет, А.Н. Майков, А.К. Толстой, Л.А. Мей, Н.Ф. Шербина, И.П. Крешев, Н.И. Кроль, Н.П. Греков и др. Отдельные произведения становятся наиболее популярными у русских поэтов и часто переводимыми: 2 фрагмент идиллий, 2 идиллия, 6 фрагмент идиллий, 8 фрагмент элегий, 8 идиллия (“Лидэ”), элегия XIII. Воскрешение французским поэтом лучезарных образов древней культуры, попытка приблизиться к ее формальному совершенству обретает особую значимость для названных поэтов, унаследовавших романтическую тоску по идеалу и разделявших принципы “независимого”, или “чистого”, искусства. В цикле “Антологических стихотворений” Фета написанные александрийским стихом восходят в определенной мере к буколкам Шенье с их визионерскими образами и магией женских имен (эти имена — Амимона, Неэра — звучат и у Фета), причем у русского поэта усилена в духе романтизма атмосфера мечтания, сновидения, несбыточной грезы (“Диана”). Помимо двух прямых переводов отдельные строки и образы Шенье рассыпаны в цикле “В антологическом роде” Майкова. В отношении А.К. Толстого к Шенье отразились те поиски “чистой” красоты, “художественности”, что были характерны для упомянутого направления: “Временами для меня истинное наслаждение — переводить Шенье, — писал А.К. Толстой, — наслаждение физическое и пластическое, наслаждение формой, позволяющее отдаваться исключительно музыке стиха, как если бы я отправился смотреть Венеру Милосскую (...) или же как будто я слушаю “Орфея” Глюка...”⁵⁷.

На фоне такого несколько отстраненного, культурно-исторического подхода к наследию Шенье находим более живые отклики в поэзии К.К. Павловой и Е.П. Ростопчиной. В стихотворении Ростопчиной “Последний цветок” с эпиграфом, в котором приводятся “последние” слова Шенье, вновь звучит, возможно, под обаянием образа любимого поэта (об этой любви Ростопчина поведала в большом стихотворении “Андре Шенье”) характерный для его восприятия в России мотив молчания:

Мне суждено под схиною молчанья
Святой мечты все лучшее стаить...

Преданная своему “святому ремеслу”, К. Павлова восторженно отзывается на гимн боговдохновенному творчеству, каким является поэма Шенье “Слепец”. Не исключено, что некоторые аллюзии связаны с образом французского поэта в стихотворении К. Павловой “Разговор в Трианоне”, содержащем раздумья о Французской революции. Строки “Другие, может, темплиеры // Свой гимн на плахе воспоют” как будто отсылают к образу Шенье, к его “последним” ямбам.

Не только представители “чистого искусства”, но и поэты-демократы на про-

⁵⁷ Толстой А.К. Письмо к Б.М. Маркевичу от 1860 г. // О литературе и искусстве. М., 1986. С. 94.

тяжени 1840—1850—1860-х годов разрабатывают в основном мотивы антологической лирики Шенье (в это время антологическая и гражданская лирика нередко образовывали характерный симбиоз в творчестве поэтов-демократов). Это относится прежде всего к поэтам-петрашевцам (С. Дуров, А. Пальм), в среде которых “идеалист” А.Н. Плещеев был прозван Андре Шенье⁵⁸. Видимо, умеренные политические взгляды французского поэта, его разочарование в революции были достаточно чужды русским революционерам⁵⁹. Зато они охотно переключали в регистр романтической скорби (не без влияния Лермонтова) некоторые его элегические мотивы.

В духе романтического томления по иному миру поэт-демократ М.Л. Михайлов видит в поэзии Шенье средство уйти от жестокой реальности и забыть “наш грустный век”:

Шенье! твоих стихов мелодия живая
Влечет мои мечты в чудесный древний мир —
Мир красоты и воли. ...

.....

Как наша жизнь бедна в сравненьи с той,
Которую тогда в мечтах переживаю...

(“К стихам А. Шенье”, 1847)

“... идеал новейшей поэзии — классический пластицизм формы при романтической эфирности, летучести и богатстве философского содержания, — писал в 1841 г. В.Г. Белинский. — (...) хотя гений французского языка и французской литературы (...) диаметрально противоположен гению языка и поэзии греческой, — однако ж и у французов есть поэт, которого муза родственна музе древних и которого многие пьесы напоминают древние антологические стихотворения. Мы говорим об Андрее Шенье, которого наш Пушкин так много любил, что и переводил из него, и подражал ему, и даже создал поэтическую апофеозу всей его славной жизни и славной смерти”⁶⁰. В этом же году он отметил (наряду с песнями П.-Ж. Беранже и ямбами О. Барбье) “проникнутые духом пластической древности элегии Андре Шенье”⁶¹. Опять-таки не гражданская — в силу, видимо, тех же, указанных выше, причин, — а антологическая лирика была особенно высоко оценена Белинским: “Андре Шенье был отчасти учителем Пушкина в древней классической поэзии, и в элегии, означенной именем французского поэта, Пушкин многими прекрасными стихами верно воспроизвел его образ”⁶².

Среди переводов элегий и идиллий Шенье, печатавшихся в 40-е, 50-е и 60-е

⁵⁸ См.: Петрашевцы в воспоминаниях современников. М.; Л., 1926. С. 52.

⁵⁹ Впрочем, А.И. Герцен назвал А.Шенье одним из “революционных людей”, посылая в 1868 г. дочери портреты его и Сен-Жюста (см.: *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1965. Т. 29. С. 298, 301).

⁶⁰ *Белинский В.Г.* Римские элегии (1841) // *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 4. С. 112—113.

⁶¹ *Белинский В.Г.* Разделение поэзии на роды и виды (1841) // Там же. М., 1978. Т. 3. С. 336.

⁶² *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая (1844) // Там же. М., 1981. Т. 6. С. 295.

годы, выделяются переводы Б.Н. Алмазова, Н.П. Грекова, И.П. Крешева (у первых двух поэтов довольно многочисленные). Особым успехом пользовался в это время 6 фрагмент идиллий, различные интерпретации которого есть у Б.Н. Алмазова, Н.П. Грекова, И.П. Крешева, Н.И. Кроля и др.

Пронизанные революционной атмосферой, 1860-е годы отмечены вниманием к “Последним стихам” Шенье (их переводят П.М. Ковалевский, Ф.А. Орлов, Н.П. Греков), что, очевидно, отражало напряженность размышлений в ту пору о судьбах интеллигенции на переломных этапах истории. Перевод этих стихов (наряду с “Молодой узницей” и несколькими антологическими фрагментами лидирующих по популярности в России) продолжается и в 1880-е годы. Вольное развитие их темы в предсимволистском ключе дал К.М. Фофанов, свободно переложивший не без поэтических штампов своего времени и элегию VII Шенье, придав ей “актуальный” вид строками типа “Я смело в битву шел за светлый идеал...”, “И счастлив, что умру за счастье новых дней” и т.п.

Достижениями периода 1880—1890-х годов можно считать переводы А.М. Федорова и сонет П.Д. Бутурлина “Андрей Шенье”, художественная красота которого словно созвучна легендарному образу ее певца. В этом стихотворении образ Шенье вновь (по примеру Пушкина) строится на контрасте чистого света и тени смертной:

О, если бы во дни, когда был молод мир,
Родился ты, Шенье, в стране богов рассвета,
От Пинда синего до синего Тайгета
Была бы жизнь твоя — прелестный долгий пир!
.....
Но парки для тебя судьбу иную пряли!
И ты пронесся в ночь кровавых вакханалий
По небу севера падучею звездой!..

Традиция такого восприятия образа Шенье была в свое время поддержана и Ап. Григорьевым, отметившим: “Андрей Шенье — несчастный художник, родившийся в эпоху, чуждую понимания истинного художества, и в народе почти антихудожественном: уже то самое, что он отвернулся с негодованием от стремлений противоположных и пал жертвою честных гражданских понятий, уже это самое значение его личности, столь высоко-поэтически разгаданное нашим Пушкиным, указывает на трагическую судьбу его в самом искусстве. И в искусстве французском стоит он почти один, по крайней мере, в числе немногих, разобщенный с жизнью и ее интересами...”⁶³

На рубеже веков, в 1899 г., в брошюре “Пушкин и Царское село” И.Ф. Анненский сочувственно вспоминает одну из “грандиозных тоскующих теней”,

⁶³ Григорьев Ап. О правде и искренности в искусстве (1856) // Григорьев Ап. Соч. СПб., 1876. Т. 1. С. 133. Далее Ап. Григорьев указывает на недостатки Шенье, обусловленные его временем: “грубый материализм и служение плоти”, “мутная струя сладострастия”, утверждая, что “Пушкин, ценивший его так высоко, заимствовал у него в сущности так мало, а что и заимствовал, то претворил в свое, в чистое, простое и здоровое” (Там же. С. 134).

спутниц Пушкина, — “Андре Шенье, этого светлого жреца поэзии, оправдавшего судьбою легенды об Арионе и Орфее...”⁶⁴. В это время уже можно подвести некоторые итоги бытования Шенье в России, что и делает Ю.А. Веселовский в очерке “Андрэ Шенье” (1894), вошедшем в его книгу “Литературные очерки” (1900). Этими непосредственными напоминаниями о месте Шенье в творчестве Пушкина и других русских поэтов XIX в. начинается XX столетие.

* * *

В начале XX в. в эпоху двух революций, в России нарастает и берет верх интерес прежде всего к судьбе Шенье. Поэтов, продолжающих переводить его стихотворения или подражать им, не так много в это время.

В 1902 г. С.М. Соловьев, племянник философа, обращается к одам Шенье, объединенным именем Фанни (одновременно это делает и поэт-дилетант П.Н. Якоби). Юношеские переводы Соловьева еще не совершенны, но они замечательны чуткостью к изысканной и меланхоличной интонации од к Фанни, этих поздних цветов галантного века, столь любимого русскими модернистами. Поэзия С. Соловьева, принадлежавшего к младшему поколению символистов, постепенно проникается духом акмеизма — сборник “Апрель” (1910). Именно в этот сборник включено “Подражание Андре Шенье”, в котором представлена доведенная как бы до предела модернистская интерпретация поэзии Шенье с акцентом на ее антологизме, близком акмеистам, и такой формальной особенности, как обилие переносов (enjambements). В духе акмеизма трансформированы С. Соловьевым и мотивы элегии V, переведенной Пушкиным (“Ты вянешь и молчишь...”), в его “Стансах” из того же сборника. Вообще пушкинский “магический кристалл” надолго предопределил восприятие образа Шенье и его поэзии в России.

Так, изображенное Пушкиным двуединство образа французского поэта — “певца любви, дубрав и мира” и яростного борца, “великого гражданина” вновь волнует русских поэтов в начале века. В ореоле свободного мечтателя и мученика видится Шенье в пьесе В. Хлебникова “Маркиза Дээс” (1909):

Я мечте кричу: “парн же,
Предлагая чайку Шенье,
Казненному в тот страшный год в Париже...”⁶⁵

Образ чайки, восходящий к элегии “Юная Тарентинка”, возникает и в финале этой пьесы, воскрешающем прекрасные “изваяния прошлого”: “С твоих волос с печальным криком сорвалась чайка. Но что это? Тебе не кажется, что мы сидим на прекрасном берегу, прекрасные и нагие... Но я окаменела в знаке любви и прощания... И глаз, обращенный к пролетающей чайке”⁶⁶.

Пушкинская традиция интерпретации образа Шенье воскресает и в

⁶⁴ Анненский Ив. Книги отражений / Изд. подг. Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров. М., 1979. С. 308, 317.

⁶⁵ Хлебников В. Собрание произведений: В 4 т. Л., 1930. Т. IV. С. 233.

⁶⁶ Там же. С. 237—238.

стихотворении активного участника революции 1905 г. Амари (М.О. Цетлина): французский поэт привлекает автора своим обликом “мужественного воина” и слагателя песен, о которых говорится: “И нет, быть может, ничего нежней, // И ничего на свете их прелестней” (“Из Андре Шенье”, 1913). Интересно, что, отчасти вслед за Пушкиным, принесшим “надгробные цветы” “певцу любви, дубрав и мира” и призвавшим оплакать смерть поэта не Доблесть, а Музу, в стихотворении Амари с бóльшим чувством оплакивается не “мужественный воин”, а творец “идиллий и песен”.

Свет антологических стихов Шенье на короткое мгновение озаряет страницы русской литературы и после революции. В первые послереволюционные годы поэт-переводчик А.И. Ромм переводит несколько его безмятежных строк, продолжая давнюю традицию “в тот час, как рушатся миры” (по выражению А. Ахматовой), а К.К. Вагинов превращает его поэзию в один из знаков навсегда исчезнувшей культуры, которая хранится лишь в памяти “последних гуманистов”: герой романа Вагинова “Козлиная песнь” (1927) Тептелкин; отрешившись от гротескной реальности, проводит время за чтением антологического шедевра Шенье — 3 фрагмента идиллий (“Toujours ce souvenir m’attendrit et me touche ...”⁶⁷).

Но, как уже отмечалось выше, в XX в. русские поэты чаще вспоминали о Шенье как об олицетворении извечной коллизии “поэт и власть”, “поэт и революция”. Его поведение представлялось образцовым. В.Я. Брюсов в эпоху первой русской революции писал С.А. Венгеру (29 октября 1905 г.): “Если искусство, если наука не клонили головы под мертвым веянием деспотизма, они не должны клонить ее и под бурей революции. Я вовсе не чужд происходящему на улице (...) но считаю, что мое настоящее место за письменным столом. Я останусь поэтом, писателем, хотя бы мне суждено было, как Андре Шенье, взойти на гильотину”⁶⁸. Гибель Шенье Брюсов отнес к самому темному периоду Французской революции: “В Великой французской революции были светлые и были темные стороны. Красный террор с массовыми убийствами, с гильотиной, на которой погиб, между прочим, и А. Шенье, был самой темной из темных”⁶⁹.

Переводы антологических стихотворений Шенье, выполненные Брюсовым, носят, как и многое другое у этого писателя, характер экскурса в другую культуру, не отличаясь особо тонким проникновением в дух творчества французского поэта, тем более, что этому противился “латинский гений”

⁶⁷ Вагинов Конст. Козлиная песнь. Труды и дни Свистонова. Бомбочада. М., 1989. С. 124. Стихотворение Вагинова “Вблизи от войн, в своих сквозных хоромах...” — возможная реминисценция “Неэры” Шенье.

⁶⁸ Брюсов В.Я. Письма к петербургским и московским литераторам. Публикация Э.С. Литвин, А.Н. Дубовикова, М.В. Рыбина и др. // Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 680. О том же — в письме А.А. Шестеркиной спустя 3 дня, от 1 ноября 1905 г.: “Останусь собой; хотя бы, как Андре Шенье, мне суждено было взойти на гильотину” (Брюсов В.Я. Письма к А.А. Шестеркиной. 1900—1913. Предисловие и публикация В.Г. Дмитриева // Там же. С. 654. Отметим явную реминисценцию строки Шенье “Tel j’étais autrefois et tel je suis encor” (в переводе Пушкина: “Каков я прежде был, таков и ныне я”) из 1 фрагмента элегий.

⁶⁹ Брюсов В.Я. Бальмонт. Стихотворения (рецензия) // Весы. 1906. № 9. С. 55.

Брюсова. Его усилиями ряд русских переводов Шенье был собран в книге “Французские лирики XVIII века” (1914). По стойкой традиции, идущей от французских романтиков, Брюсов назвал его первым лириком во Франции, принадлежащим XIX в.⁷⁰

Брюсов вспомнил о Шенье и после октября 1917 г. в докладе “Поэзия и революция” (ноябрь 1920), в котором поэзия Шенье предстает как одно из доказательств расцвета искусства в эпоху социальных движений, революционного переустройства общества. В конспективной записи это звучит так: “Человечество стремится через посредство искусства познать природу и самое себя. Искусство действует иррациональными методами: Демократия и золотой век совпали в Древней Греции и Риме. Французская революция. Андре Шенье. Шатобриан. Революция определяет расцвет литературы”⁷¹.

Для тех, кто увидел подлинное лицо революции, ярким светом озарились последние стихи и смерть Шенье. В 1919 г. в Одессе И.А. Бунин посвятил его судьбе небольшой, но глубоко сочувственный очерк. Читая одного из историков, Бунин воспринимал Французскую революцию в непосредственной связи с русской: «... одну ли Францию обесчестила ее “великая революция”? Не всю ли Европу, не все ли культурное человечество?»⁷².

«Не раз русское общество переживало минуты гениального чтения в сердце западной литературы. Так Пушкин, и с ним все его поколение, прочитал Шенье... — писал О.Э. Мандельштам в статье “О природе слова” (1922). — (...) Ныне ветер перевернул страницы классиков и романтиков, и они раскрылись на том самом месте, какое всего нужнее было для эпохи. Расин раскрылся на “Федре”, Гофман — на “Серапионовых братьях”. Раскрылись ямбы Шенье и гомеровская “Илиада”»⁷³. Памятование о мужестве и достоинстве Шенье не покидало Мандельштама. Сияющий, полубожественный образ французского поэта перед казнью возникает в допечатной редакции “Оды к Бетховену” (1915), в его судьбе русскому поэту чудится, как он определит в “Заметках о Шенье”, “религиозное и, может быть, детски наивное предчувствие девятнадцатого века”⁷⁴. Обращаясь к Бетховену, Мандельштам говорит:

Тебя предчувствуя в темнице,
Шенье достойно принял рок,
Когда на черной колеснице
Он просиял, как полубог.

На Октябрьскую революцию Мандельштам резко реагирует ямбами в духе французского поэта (“Когда октябрьский нам готовил временщик...”). Чуткий к “шуму времени”, он особенно хорошо слышит мужественный, мятежный голос Шенье: “...только поэзия Шенье, поэзия подлинного античного беснования

⁷⁰ См.: Брюсов В. Андре Шенье // Брюсов В. Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 21. С. 237—238.

⁷¹ Брюсов В.Я. Поэзия и революция. Доклад в записи А.В. Февральского. 1920 XI 30. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 16.

⁷² Бунин И.А. Андре Шенье // Бунин И.А. Окаянные дни. Тула, 1992. С. 172.

⁷³ Мандельштам О.Э. О природе слова // Мандельштам О.Э. Слово и культура. М., 1987. С. 67.

⁷⁴ Мандельштам О.Э. Заметки о Шенье // Мандельштам О.Э. Указ соч. с. 93.

наглядно доказала, что существует союз ума и фурий, что древний ямбический дух, распалывший некогда Архилоха к первым ямбам, еще жив в мятежной европейской душе⁷⁵. Но ему близки и другие его интонации, он восприимчив к поэзии Шенье в целом. В начале 1920-х годов Мандельштам вернулся к своему замыслу статьи о французском поэте (анонсированной в 1914 г.). В “Заметках о Шенье”, включенных в сборник Мандельштама “О поэзии” (1928), творчество поэта рассматривается как особое явление на фоне литературы конца XVIII в. — “озера с высохшим дном”⁷⁶. В этой статье, полной замечательных наблюдений, Мандельштам высоко оценил найденную Шенье “середину между классической и романтической манерой”⁷⁷, ту, что была близка и ему самому. “Домашность” языка, “милая небрежность, лучше всякой заботы”, отмечены Мандельштамом не случайно — эти особенности поэтической речи Шенье были свойственны и русскому поэту. На примере Шенье он утверждает единство поэтической стихии, в которой перекликаются разные языки: так “сквозь кристалл пушкинской поэзии” строки Шенье “звучат почти русскими”⁷⁸.

Прикровенность поэтического пути Шенье также, очевидно, занимала Мандельштама, который, судя по воспоминаниям А. Ахматовой, однажды гневно спросил некоего жаждущего печататься молодого поэта: “А Андрея Шенье печатали? А Сафо печатали? А Иисуса Христа печатали?”^{78а}

Образ казнимого Шенье наряду с воспоминанием об Иоанне Предтече прошел, быть может, и перед мысленным взором Блока, — постоянно размышлявшего о драматической судьбе певца, — когда он писал “Пролог” (в 1911 г.) к своей поэме “Возмездие”:

Но песня — песнью все пребудет,
В толпе все кто-нибудь поет.
Вот — голову его на блюде
Царю плясунья подает;
Там — он на эшафоте черном
Слагает голову свою...⁷⁹

Призрак “черного эшафота” возникает и в предисловии к этой поэме, написанном в 1919 г., где говорится: «В эпилоге должен быть изображен младенец (...) он начинает повторять по складам вслед за матерью: (...) “И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот”»⁸⁰. Подобно Мандельштаму, утверждавшему созвучность ямбов Шенье революционной эпохе, Блок в том же предисловии заметил, что “простейшим выражением ритма того времени, когда мир” готовился “к неслыханным событиям (...) был ямб”⁸¹.

⁷⁵ Мандельштам О.Э. “Деятнадцатый век” (1922) // Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 83.

⁷⁶ Мандельштам О.Э. Заметки о Шенье. Там же. С. 92.

⁷⁷ Там же. С. 95.

⁷⁸ Там же. С. 98.

^{78а} Ахматова Анна. Листки из дневника // Ахматова Анна. Requiem. М., 1989. С. 142.

⁷⁹ Блок А.А. Соч.: В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 483.

⁸⁰ Там же. С. 480. (на это указал Д. Стремухов: *Strémoukhoff D.* Op. cit. P. 548).

⁸¹ Блок А.А. Указ. соч. С. 478.

В эпоху революции образ Шенье полон актуального значения для Марины Цветаевой, которая занимает четкую политическую позицию в цикле стихов “Лебединый стан” (1917—1921). Два стихотворения из этого цикла объединены именем французского поэта и содержат явную параллель с современностью. Их смысл — неизбежность выбора в “железные времена”, выбора, который не может не вести к гибели, так как только смертью можно поправить смерть:

Андрей Шенье взошел на эшафот.
А я живу — и это страшный грех.

(Ср. в том же цикле: “Кто уцелел, умрет. Кто мертв, воспрянет...”). Во втором стихотворении, “входя в роль” Шенье, Цветаева выражает тревожное ощущение возможности своей собственной гибели в любой момент, несовместимости поэзии и темного хаоса.

Эти стихи М. Цветаева не убоялась читать с эстрады Политехнического музея в 1921 г.⁸² Открытая гражданская позиция, бесстрашные строки Шенье служили ей примером; позднее она назвала его “наимужественнейшим поэтом”⁸³. Размышляя о свободе вообще и свободе поэта, в частности, она (в связи с характеристикой Пастернака) отмечала: “В своей революционности он ничем не отличается от всех больших лириков, всех, включая роялиста Виньи и казненного Шенье, стоявших за свободу — других (у поэта — своя свобода)...”⁸⁴. Хорошее знание французского XVIII в. и опыт русской революции, а, может быть, и голоса Пушкина и Шенье позволили ей различить опасные метаморфозы идеала свободы: “Из стройного, стройного храма // Ты вышла на визг площадей, // Свобода, прекрасная дама // Маркизов и русских князей” (“Из стройного, стройного храма...”, цикл “Лебединый стан”). Когда вместе с идеалом свободы погибает и поэт, перед нами “прекрасная смерть Андре Шенье, символическая смерть поэта, обусловленная толпой...”⁸⁵.

Вспоминая об увлечениях Цветаевой в то время, когда она жила в Чехии, Н. Еленев пишет: “Тень Шенье звала Марину. Чувствовалось, что ее мысль была всецело поглощена судьбою поэта, отвергшего революцию, восставшего против нового насилия, против новой лжи. Она собирала все, что можно было найти о Шенье в библиотеках, писала о нем поэму. Открытое противодействие черни, сопротивление искажителем правды, презрение к террору вдохновляли художественную совесть Марины”⁸⁶.

⁸² См.: *Цветаева М.* Из очерка “Герой труда” // Цветаева М. Об искусстве. М., 1991. С. 141.

⁸³ *Цветаева М.* Из очерка “Нездешний вечер” // Там же. С. 239.

⁸⁴ *Цветаева М.* Эпос и лирика современной России // Там же. С. 315.

⁸⁵ *Цветаева М.* Из статьи “Поэт-альпинист” // Там же. С. 334.

⁸⁶ *Еленев Н.* Кем была Марина Цветаева? // Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992. С. 266 (под “поэмой” мемуарист, очевидно, подразумевал цветаевский диптих “Андрей Шенье”). Ж. Нива отметил и момент творческого влияния Шенье на Цветаеву: анализируя ее черновую тетрадь 1932 г., он упоминает «отрывок, написанный по мотивам “Молодца” и озаглавленный “La Jeune Humaine” (“Юная смертная”); это название вызывает ассоциации с “La Jeune Tarentine” Шенье, одного из любимых поэтов Марины» (Нива Ж. Миф об Орленке (По материалам женевакских архивов, связанных с Мариной Цветаевой) // Звезда. 1992. № 10. С. 140. Перевод И. Шафаренко).

Объединяя в 1925 г. имена Пушкина, Шенье и Орфея как примеры провиденциальной гибели певца (еще раньше первые два имени встретились в ее стихотворении “Каменногрудый...”), М. Цветаева в то же время не может не воспротивиться этой трагической закономерности, ибо “насильственная смерть поэта — чудовищна”⁸⁷.

По воспоминаниям Ариадны Эфрон, М. Цветаева очень любила роман Виньи “Стелло”, книгу, “рассказывающую о судьбах трех поэтов разных эпох — Жильбера, Чаттертона и Шенье”⁸⁸ — судьба Шенье, очевидно, постоянно питала размышления Цветаевой об участи художника.

Накануне своего отъезда в СССР Цветаева цитирует второе стихотворение диптиха “Андрей Шенье” в письме Ариадне Берг, чувствуя, насколько оно созвучно ее тогдашнему предотъездному состоянию, которое она пророчески сравнивает с предсмертным, а свой отъезд, следовательно, с шествием на плаху: сообщая о том, что разбирает свой архив за 16 лет, она пишет: “Все это — судорожно, в явном сознании, что не успею:

Руки роняют тетрадь,
Щупают тонкую шею...
Время⁸⁹ крадется как тать —
Я дописать не успею.

Андрей Шенье. Стихи 1918 г., а как сбылось — в 1938 г.”⁹⁰

Возвратившись в Москву, в предчувствии скорого ухода, она в одном из писем, ровно за год до гибели, повторяет легендарные слова французского поэта перед казнью: “...о себе говорить не буду, нет, все-таки скажу — словом Шенье, его последним словом: — et pourtant il y avait quelque chose là... (указал на лоб)...”⁹¹

Но вернемся в 1920-е годы. Воспоминания о Шенье были с особой силой пробуждены в связи с казнью в 1921 г. Н. Гумилева. Под впечатлением его гибели, а, возможно, и общей, неблагоприятной для поэтов, обстановки (в том же 1921 г. умер Блок) Г. Адамович посвятил свой стихотворный сборник “Чистилище” (1922) “Памяти Андрея Шенье”. В этом сборнике настойчиво звучит мотив казни, возникают образы обезглавленных Орфея, Иоанна Предтечи, графини Дюбарри (“Звенели, пели. Грязное сукно...”, “За стенами летят, режут моторы...”, “Еще, еще минуточку...”), а в одном из стихотворений,

⁸⁷ Цветаева М. Цветник // Цветаева М. Избранная проза: В 2 т. Нью-Йорк, 1979. Т. 1. С. 274.

⁸⁸ Письмо А. Эфрон Б. Пастернаку от 25 сентября 1950 г. // Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 511.

⁸⁹ Так в письме. В оригинале — “Утро”.

⁹⁰ Письмо К.А. Берг от 15 июня 1938 г. // Цветаева М. Письма к Ариадне Берг (1934—1939). Париж, 1990. С. 104.

⁹¹ Письмо В.А. Меркурьевой от 31 августа 1940 г. // Цветаева М. Неизданные письма. Париж, 1972. С. 611.

словно воскрешающем хрупкую грацию рококо, беззащитных и нежные Музы приносят на север греческую лиру (“Еще и жаворонков хор...”).

Памяти Н. Гумилева посвятил в 1922 г. свой перевод последних од и ямбов Шенье М.А. Зенкевич.

Гибель Гумилева явилась в глазах многих повторением судьбы Шенье, и потому обе эти жертвы уже не могли восприниматься как случайные, хотя “все еще была нова и тяжело переносима мысль, что поэзия не осязается сейчас как самодовлеющая, целеустремленная сила и что если поэт окажется плохим политиком, как некогда Андре Шенье, поэта не спасут никакие прекрасные книги стихов”⁹²

В 1920-е годы практически умолкает Анна Ахматова. В это время она погружена в пушкинские штудии, в частности, увлеченно занимается сопоставлением поэзии Пушкина и Шенье. В 1922 г. М. Цветаева подарила ей сборник Шенье⁹³ (в следующем году после гибели Гумилева, что характерно). По свидетельству П. Лукницкого, этот томик был “популярный и очень неполный”, очевидно, один из тех, что выходили на протяжении XIX в. и опирались обычно на издания Латуша (сборники 1819 и 1833 годов), включая, как правило, и его предисловие. Ахматова проявляла особый интерес к первому сборнику Шенье и была рада, когда получила возможность ознакомиться с его переизданием 1822 г.

Поэтическое чутье Ахматовой позволило ей отыскать ряд соответствий между стихами Пушкина и Шенье, ускользнувших от внимания других исследователей, и сделать много других важных наблюдений, на основании чего она первая высказала предположение о возможности знакомства Пушкина с неизданными произведениями французского поэта⁹⁴. В записи Лукницкого изучение Ахматовой различных сборников Шенье выглядит как сугубо научное занятие, лишенное каких-либо эмоций, которые могли возникнуть на фоне свежих воспоминаний о смерти Гумилева, ставшего “русским Шенье”⁹⁵. В своих штудиях она как будто не касается ямбов, хотя и отмечает, что “в гражданских стихах Пушкин явно был учеником Шенье”⁹⁶. И тем не менее потрясающий по силе образ из ямбов “Когда скрывается в пещерном полумраке...” запал в ее память, быть может, и в силу личного горького опыта. Этот образ всплывет много позже, на рубеже 1940—1950-х годов, в пору тяжелых, личных испытаний,

⁹² *Фори О.* Сумасшедший корабль. М., 1990. С. 88.

⁹³ Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой. С. 193.

⁹⁴ См.: Там же. С. 195.

⁹⁵ Такое определение было впервые применено к А. Полежаеву: “Лири русского Шенье А. Полежаева” — под таким названием сохранилась тетрадь его стихотворений в архиве одного из современников (см.: Послание А.И. Полежаева Ф.А. Кони. Публикация В.И. Безъязычного // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. Ч. II. С. 595).

⁹⁶ Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой. С. 188. Интересна и следующая запись П. Лукницкого: «Я спросил: “Ну, а какой масштаб вы предлагаете, например, для Шенье?” — “Шенье прекрасный поэт... больше Баратынского... гораздо!”» (*Лукницкий П.Н.* Асипиана. Встречи с Анной Ахматовой. 1924—1925 гг. Париж, 1991. Т. 1. С. 300).

в одном из фрагментов цикла “Черепки”:

Вы меня, как убитого зверя,
На кровавый подымете крюк...⁹⁷

(“Mille autres moutons comme moi // Pendus au croc sanglant du charnier populaire, // Seront servis au peuple-roi” — “Тысяча других баранов, таких же, как я // Подвешенных на кровавый крюк народной бойни // Будут поданы народу-королю” — “Quand au mouton bêlant la sombre boucherie...”, наст. изд. ямб II).

* * *

Замечательная особенность Шенье заключается в том, что он, как отметил современный французский исследователь Э. Гиттон, оставался поэтом “вплоть до последних пределов материальных возможностей”⁹⁸, вплоть до смерти “с гурьбой и гуртом”. Он выбрал поэзию и смерть, а не жизнь и литературное приспособленчество. “Было два брата Шенье — презренный младший весь принадлежит литературе, казненный старший сам ее казнил”⁹⁹ — об этой позиции французского поэта не случайно вспомнил Мандельштам в эпоху кровавого идеологического диктата, равнодушно функционировавшего механизма массовых казней. Но и у самого Мандельштама последние стихи созданы в тяжелейших условиях ссылки и постоянной угрозы смерти, на грани исчезновения, и его — поэта до последнего дыхания, совершенно справедливо сравнивают с Шенье современные зарубежные исследователи Р. Дутли и Л. Левьеннуа¹⁰⁰.

Напомним, наконец, и еще об одном, порожденном неприятием хода событий на родине, энергичном обращении к ямбам Шенье в среде русской эмиграции. Это вышедшая в 1937 г. в Риге брошюра уже упоминавшегося П.Н. Якоби, посвященная Пушкину, которая включила перевод нескольких ямбов, выполненных автором.

* * *

В заключение — об «официальной» судьбе французского поэта в нашей стране после революции. В 1934 г. его гражданская лирика была смело для того времени представлена в книге “Песни Первой французской революции” (переводы ямбов принадлежали М.А. Зенкевичу). Но прошло всего шесть лет, и

⁹⁷ Ахматова Анна. Requiem. Указ. соч. С. 283.

⁹⁸ Guittou E. Le dernier vers d'André Chénier // Lettres et réalités. Mélanges offerts à H. Coulet. Aix-en-Provence, 1988. P. 159. Э. Гиттон вводит в отношении последних произведений Шенье термин “поэзия камикадзе”: Guittou E. L'imaginaire au pied de l'échafaud // Cahiers Roucher — A. Chénier. 1989, N9. P. 84.

⁹⁹ Мандельштам О.Э. Четвертая проза // Мандельштам О. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 96.

¹⁰⁰ См.: Dutil R. Ossip Mandelstam. Dialog mit Frankreich. Zürich, 1985. S. 145—171; Levison L. Lettre à Edouard Guittou sur “Le dernier vers d'André Chénier” // Cahiers Roucher — A. Chénier. P. 89. Р. Дутли отмечает, что Мандельштам учился у Шенье “литературной злости”, а также то, что рефрен оды Шенье “Молодая узница” “Je ne veux point mourir encore” (“Я еще не хочу умирать”), отразившийся в пушкинской “Элегии” (“Безумных лет угасшее веселье...”, 1830): “Но не хочу, о други, умирать...” — подхвачен в стихотворении Мандельштама “Я вернулся в мой город, знакомый до слез” (1930): “Петербург! я еще не хочу умирать: // У тебя телефонов моих номера” (Dutil R. Op. cit. P. 167).

поднявшаяся волна страха смела со страниц наконец-то вышедшего в 1940 г. отдельной книгой собрания “Избранных произведений” не только все стихи Шенье эпохи революции, но и всю ту часть оды “Игра в мяч”, где резко осуждались вдохновители народных расправ.

Затем, очевидно, его образ обрел в нашей стране окончательно контрреволюционный ореол, так как только в 1985 и 1989—1990 гг. появились новые переводы его произведений.

* * *

В XIX—XX вв. судьба Шенье и его поэзия получили памятный отзвук в русской литературе, став постоянным знаком горестного удела поэта, гения, что было особенно актуально для России с печальными судьбами многих ее писателей. В образ Шенье в той или иной мере “вживались” Пушкин, Козлов, Лермонтов, А.А. Бестужев, Баратынский, Ростопчина, Брюсов, Цветаева, Мандельштам, Ахматова. Воспоминание о французском поэте возникало в связи с рано умершим Веневитиновым, ссыльным А.И. Одоевским¹⁰¹, преследуемым Полежаевым, казненным Гумилевым. Как отметил Д. Стремухов, Шенье стал в России олицетворением “безусловной”, “внутренней свободы художника”¹⁰²; С.С. Аверинцев обращает внимание на то, что “за Пушкиным последовала в его пиетете перед Шенье русская поэтическая традиция вольнолюбия”¹⁰³. Между тем в облике и поэзии Шенье есть и более глубинное своеобразие, состоящее, в конечном итоге, в пафосе “ухода”. Это уход в мир мечтаний, света и красоты, уход в традицию, которая учит “простодушию”, уход в молчание и безвестность и, наконец, в смерть. Конечно, его поэзия была воспринята и как поэзия противостояния, но противостояния безоглядного, провоцирующего уход в небытие, если иначе быть не может. Загадочность и притягательность Шенье связаны в значительной степени с его тягой к молчанию и уходу, с его постоянным ускользанием, как бы игрой на его облике света и тени. И это не могло не найти отклика в России, чувствительной к обаянию простодушия, тихого света и тайны.

---

¹⁰¹ См. примеч. с. 559.

¹⁰² См.: Strémoukhoff D. Op. cit. P. 537, 548.

¹⁰³ Аверинцев С.С. Указ. соч. С. 187.

ПРИМЕЧАНИЯ

Подготовленный Анри де Латушем сборник произведений А. Шенье вышел в свет в конце августа 1819 г. под заглавием: “Полное собрание сочинений Андре де Шенье”. Часть тиража составили экземпляры с приплетенными нотами музыки к оде “Молодая узница” (именно такой экземпляр был в библиотеке А.С. Пушкина): «”Молодая узница”, ода Андре де Шенье, положенная на музыку Вернье, первой арфой Королевской академии музыки, членом Общества детей Аполлона».

Успех сборника 1819 г. обусловил переиздания сочинений Шенье в 1820 и 1822 гг. В феврале 1826 г. в журнале “Меркюр дю дизневьем съекль”, в декабре 1829 и марте 1830 гг. в “Ревю де Пари” (“*Revue de Paris*”) Латуш опубликовал несколько не вошедших в сборник стихотворных фрагментов. Дополненное издание Шенье с исправленным и расширенным (за счет изложения истории рукописей) предисловием Латуша вышло в свет в 1833 г. В 1839 г. новые неизданные фрагменты (в том числе поэмы “Гермес”) опубликовал Сент-Бёв, в этой книге был впервые воспроизведен гравированный портрет Шенье. В 1874 г. племянник поэта, Г. Шенье (сын его брата Луи-Совера), опубликовал его поэтические произведения, опираясь на ряд сохранившихся у него рукописей (это издание считается не безупречным в текстологическом отношении). Прозаические сочинения Шенье были изданы на основе рукописей в 1914 г. А. Лефраном. Научное издание в трех томах поэтических сочинений Шенье на основе, в частности, рукописей, переданных вдовой Г. Шенье в Парижскую Национальную библиотеку, осуществил в 1908—1919 гг. П. Димов. В 1940 г. “Полное собрание сочинений” Шенье было издано во Франции в серии “*Bibliothèque de la Pléiade*”; последнее переиздание этой книги вышло в свет в 1958 г. В 1995 г. во Франции планируется выход нового собрания сочинений Шенье, подготовленного известными специалистами в области литературы XVIII в. Э. Гиттоном и Ж. Бюиссоном.

Отдельное (небольшое и неkomментированное) издание произведений Шенье на русском языке было опубликовано в 1940 г.: *Шенье Андре. Избранные произведения*. М., 1940. Переводы стихотворений Шенье включались в книги: *Французские лирики XVIII века*. М., 1914; *Песни Первой французской революции*. М.; Л., 1934; *Французские стихи в переводе русских поэтов XIX—XX вв.* М., 1973; *Западноевропейская лирика*. Л., 1974; *Европейская поэзия XIX века (БВЛ)*. М., 1977; *Поэты Франции: Век XIX*. М., 1985; *Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры*. М., 1989.

Настоящее издание впервые включает полный перевод первого посмертного сборника произведений А. Шенье: *Œuvres complètes de André de Chénier*. P., 1819. Особенности этого издания, в том числе написание заглавных букв и оформление содержания, сохранены. Перевод отдельных стихотворений, не вошедших в сборник 1819 г. или существенно измененных в нем и включенных в Дополнения, выполнен по изданию: *Chénier A. Œuvres complètes (Bibliothèque de la Pléiade)*. P., 1950.

Несколько переводов стихотворений Шенье дается только в разделе “Дополнения” в переводах русских поэтов XIX — начала XX вв. (о русских переводах и подражаниях см. ниже преамбулу к соответствующему разделу).

При составлении примечаний использовались издания и публикации, приведенные в списке принятых сокращений.

Приношу глубокую благодарность Инне Григорьевне Птушкиной, без которой это издание не могло бы состояться.

Посвящаю мою работу моим сыновьям Алексею и Петру.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Ахматова. — Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой (по материалам архива П. Лукницкого)
// Вопр. лит-ры, 1978. № 1.
- БдЧ — “Библиотека для чтения”.
- ВЕ — “Вестник Европы”.
- ВПК — Временник Пушкинской комиссии.
- изд. 1826 г. — *Œuvres posthumes d’André Chénier / Revues, corrigées et mises en ordre par D.-Ch. Robert.* P., 1826.
- изд. 1833 г. — *Chénier André. Poésies posthumes et inédites.* P., 1833. Т. 1—2.
- изд. 1839 г. — *Poésies d’André Chénier.* P., 1839.
- изд. 1874 г. — *Œuvres poétiques de André de Chénier / Avec une introduction et des notes par G. de Chénier.* P., 1874. Т. 1—3.
- МВ — “Московский вестник”.
- МН — “Московский наблюдатель”.
- НА — “Невский альманах”.
- НЛ — “Новости литературы”.
- ОЗ — “Отечественные записки”.
- ПИМ — Пушкин. Исследования и материалы.
- Поэты 1820—30. — Поэты 1820—1830-х годов. Т. 1—2. Л., 1972.
- Пушкин. — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: М.; Л., 1937—1949. Т. I—XVI и Справочный том.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
- РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- РВ — “Русский вестник”.
- РП — Рукою Пушкина. М.; Л., 1935.
- СО — “Сын отечества”.
- Совр. — “Современник”.
- Соревн. — “Соревнователь просвещения и благотворения”.
- ФЭ — Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В.Э. Вацура. Вст. ст. и коммент. В.Э. Вацура и В.А. Мильчиной. М., 1989.
- AP — *Anthologiae Palatina, Planuda* — Палатинская и Планудовская антологии греческих эпиграмм (римская цифра обозначает номер книги, арабская — номер эпиграммы).
- Becq.* Documents. — *Becq de Fouquières L.* Documents nouveaux sur André Chénier et examen critique de la nouvelle édition de ses œuvres. P., 1875.
- Becq.* Lettres. — *Becq de Fouquières L.* Lettres critiques sur la vie, les œuvres, les manuscrits d’André Chénier. P., 1881.
- BU — *Biographie universelle ancienne et moderne.* Nouvelle édition. P., 1843—1865. Т. 1—45.
- Campardon.* — *Campardon E.* Le tribunal révolutionnaire. P., 1866. Т. 2.
- Chateaubriand.* — *Chateaubriand.* Génie du christianisme. P., 1803. Т. 2.
- Dauban.* — *Dauban C.A.* Les prisons de Paris sous la Révolution. P., 1870.
- Décade. — *Décade philosophique, littéraire et artistique.*
- Dimoff.* — *Dimoff P.* La vie et l’œuvre d’André Chénier jusqu’à la révolution française. P., 1936. Т. 1—2.
- GW — *Chénier A.* Œuvres complètes. Texte établi et annoté par Gérard Walter. P., 1950 (Bibliothèque de la Pléiade).
- Invention. — *Chénier A.* Invention. Poème. Avec introduction et notes par P. Dimoff. P., 1966.
- Kermina.* — *Kermina F.* Les dernières charettes de la Terreur. P., 1988.
- Labitte.* — *Labitte Ch.* Marie-Joseph Chénier // *Etudes littéraires.* P., 1846. Т. 2.
- Latouche.* — *Latouche H.* Vallée-aux-loups. Souvenirs et fantaisies. P., 1833.
- Lemercier.* — *Lemercier N.* Œuvres complètes d’André Chénier // *Revue encyclopédique.* P., 1819. Т. IV. Poésies. — *Poésies de André Chénier / Edition critique par L. Becq de Fouquières.* 2-me édition. P., 1872.

Prose. — Œuvres en prose de André Chénier: Nouvelle édition revue sur les textes originaux, précédée d'une étude sur la vie et les écrits politiques de André Chénier et sur la conspiration de Saint-Lazare par L. Becq de Fouquières. P., [1872].

Roucher. — Consolations de ma captivité ou Correspondance de Roucher. Partie 2. Hambourg et Brunswick, 1798.

Scarfe. — Scarfe F. André Chénier. His life and work. 1762—1794. L., 1965.

Strémoukhoff. — Strémoukhoff D. André Chénier en Russie // Revue de littérature comparée, 1957, N 4.

Venzac. — Venzac G. Jeux d'ombres et de lumières sur la jeunesse d'André Chénier. P., 1957.

СОЧИНЕНИЯ 1819

Когда б я ни ушел... в его стихах. — Эпиграф к сборнику взят Латушем из “Рассуждения о клевете” (1795) М.-Ж. Шенье, написанного в ответ на обвинения его в причастности к смерти брата, исходившие в основном из лагеря политических и литературных противников Мари-Жозефа. По свидетельству драматурга и поэта А.-В. Арно, в течение “восемнадцати месяцев” после смерти А. Шенье “(...) одна газета (...) адресовала ему [Мари-Жозефу. — Е.Г.] ежедневно вопрос, который Бог задал первому убийце: Каин, что сделал ты со своим братом?” (*Arnault. Sur Mari-Joseph Chénier // Chénier M.-J. Œuvres complètes.* P., 1824. Т. I. P. XV—XVI) Арно имел в виду орган сторонников конституционной монархии газету “Котидьен” (см.: *Labitte.* P. 70). Нападки на Мари-Жозефа в виде стихотворных посланий, памфлетов, статей усилились после постановки его трагедии “Тимолон”, запрещенной в эпоху якобинской диктатуры и представленной вскоре после термодорианского переворота, в которой из политических соображений совершалось братоубийство. Одновременно Мари-Жозеф выступил за ограничение свободы печати, что посягало на существование ряда периодических изданий эпохи Директории и тоже подлило масла в огонь. Среди обвинителей Мари-Жозефа были не только роялисты (А. Ривароль называл его “братом Авеля Шенье”), но и “жестоким партией жестокие эмиссары” (как выразился Мари-Жозеф в “Рассуждении о клевете”), т.е. якобинцы, например, некто бывший эмиссар Конвента А. Дюмон, по доносу которого был арестован Луи-Совер Шенье. С инвективами в адрес Мари-Жозефа выступал известный энциклопедист, во время революции сторонник “умеренных”, аббат А. Морелле (“Султан Шенье, или вы привезли из Константинополя нравы оттоманов, которые полагают, что могут царствовать, только удушив своих собратьев?” — Цит. по: *Labitte.* P. 70).

Обвинение в преступном молчании позднее адресовала Мари-Жозефу и писательница г-жа де Жанлис (в эпоху революции сторонница двоюродного брата Людовика XVI, герцога Орлеанского): “Гораздо бóльшая его вина состояла в том, что он дал погибнуть своему несчастному брату, которого мог спасти, использовав все свое влияние в ту пору, когда царил террор” (*Genlis S.-F. Mémoires.* P., 1825. Т. 3. P. 313).

С опровержением обвинений в адрес Мари-Жозефа выступили его друзья: романист Ж.Б. Луве де Кувре (бывший сторонник жирондистов), опубликовавший в конце 1796 г. в своей газете “Сантинель” гневное письмо матери Мари-Жозефа (см.: Prose. P. CVI—CVII), основатель журнала “Декад филозофик...” П.-Л. Женгене (в 1802 г. он осудил противопоставление двух братьев, допущенное в “Альманахе муз”, см. примеч. к оде XI), Арно (в надгробной речи Мари-Жозефу, см.: BU. Т. 8. P. 83), Дону (см. ниже примеч. 52) и другие, в том числе и бывший политический противник Мари-Жозефа П.-Л. Редерер (см.: Prose. P. CV).

Латуш, видимо, не в последнюю очередь в силу своих республиканских симпатий склонялся на сторону защитников Мари-Жозефа. Помещая данный эпиграф и как бы выполняя волю М.-Ж. Шенье, Латуш действовал в соответствии с четкой установкой на полное сглаживание противоречий между братьями (сложившейся, конечно, не без влияния держателя части рукописей Луи-Совера).

Эта установка очевидна не только в его предисловии, но и в сокращении им до начальных десяти строк оды А. Шенье, обращенной к брату (см. наст. изд. ода первая и примеч. к ней). Латуш оставался неколебимым защитником Мари-Жозефа и в дальнейшем: он изобразил его тяжело переживающим несправедливые обвинения в повести “Сердце поэта”, которую включил в свою книгу “Волчья долина. Воспоминания и фантазии” (1833).

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ АНДРЕ ШЕНЬЕ

Сообщаемые в этом предисловии биографические сведения не всегда точны (в примечаниях неточность этих сведений, если они приведены в первой статье, как правило, не оговаривается), однако очерк Латуша представляет собой ценный документ, появившийся в то время, когда описываемые события еще не стали далеким прошлым и еще были живы многие их очевидцы. Помимо того, что в предисловии впервые бы создан цельный (хотя и отчасти романизированный) образ Шенье, нашедший отражение в ряде художественных произведений (в том числе и в стихотворении Пушкина “Андрей Шенье”), оно также является интересным свидетельством того ореола, который окружал имя Шенье во Франции в первые 25 лет после его гибели.

- 1 *...поэта, одновременно безвестного и знаменитого...* — Важное свидетельство известности имени А. Шенье еще до выхода в свет сборника 1819 г.
- 2 *...вторично требовать от людского суда...* — Явный намек на то, что благодаря немногочисленным публикациям поэтических произведений Шенье и воспоминаниям знавших его лиц, образ его приобрел хотя и несколько загадочные, но отчетливо благородные, привлекательные черты.
- 3 *родился в Константинополе 29 октября...* — Шенье был крещен 30 октября в Константинопольской церкви Петра и Павла, однако известно, что теплое время года семья Луи Шенье проводила за городом, на побережье Босфора, неподалеку от входа в Черное море, в месте отдыха французских негодантов, где были крещены две дочери четы Шенье, родившиеся в летний период. Французский исследователь Ж. Вензак высказал предположение, что А. Шенье мог родиться именно в этом месте незадолго до переезда семьи в город (см.: *Venzac*. P. 108—109).
- 4 *Мать его была гречанка, стяжавшая известность...* — О матери А. Шенье и о ее салоне см. первую статью. Французский литератор П.-О. Гис (*Guys*) опубликовал во втором издании своей книги “Литературное путешествие в Грецию, или Письма о древних и современных греках, с сопоставлением их нравов” (1776) два “письма” (литературно им обработанные) г-жи Шенье о танцах и похоронном обряде современных греков.
- 5 *...генерального консула Франции.* — В 1749 г. Луи Шенье был избран “депутатом нации”, т.е. официальным представителем колонии французских негодантов в Константинополе, он стал также финансовым советником французского посла в Турции Дез Аллера. Однако после смерти Дез Аллера в 1754 г. при новом после графе де Верженне дела Луи Шенье пошли хуже. Генеральным консулом он был в Марокко в 1767—1773 гг.
- 6 *...из четырех братьев...* — Старшими братьями Андре и Мари-Жозефа были Константин-Ксавье (1757—1837) и Луи-Совер (1761—1823). Ж. Вензак обращает внимание на достаточно редкие для западной традиции имена Константин и Совер (т.е. Спаситель), что говорит о тяготении г-жи Шенье к традициям восточной церкви. О том же, очевидно, свидетельствуют греческие по происхождению имена остальных ее детей, в том числе, Андре и Элен (так звали единственную оставшуюся в живых дочь г-жи Шенье).
- 7 *...автор “Фенелона”, “Карла IX” и “Тиберия”.* — Латуш выдвигает на первое место трагедию Мари-Жозефа “Фенелон”, поставленную в Париже в 1793 г. в период якобинской диктатуры и проникнутую идеями гуманности и терпимости. Между тем наибольший успех стяжала поставленная осенью 1789 г. трагедия М.-Ж. Шенье “Карл IX”, удачно вписавшаяся в атмосферу первых месяцев революции. “Тиберий” — одна из поздних его трагедий, написанная в эпоху

- Первой империи, запрещенная к постановке при жизни автора и впервые представленная в 1843 г. Выбор Латушем этих трагедий объясняется, видимо, его желание подчеркнуть антидеспотический пафос творчества М.-Ж. Шенье.
- ⁸ ...перевел одну из од Сапфо... — Сохранились четыре строки, не датированные, помеченные "Перевод из Сапфо" и подражающие фрагментам свадебных песен греческой поэтессы.
- ⁹ ...в чине младшего лейтенанта... — Это утверждение Латуша ошибочно. Офицерского чина Шенье так и не дождался и вернулся в Париж.
- ¹⁰ ...в полк Ангумуа... — Полк именовался по названию исторической области Франции.
- ¹¹ Лавуазье Антуан-Лоран (1743—1794) — великий французский химик, мог посещать салон матери Шенье. Казнен в эпоху террора.
- ¹² Палиссо де Монтену Шарль (1730—1814) — французский литератор, известный в свое время противник энциклопедистов, высмеявший их в комедии "Философы" (1760). Поддерживал Мари-Жозефа на театральном поприще. Палиссо принадлежит первое упоминание об А. Шенье в печати: он включил его в "семейный портрет" (наряду с Луи и Мари-Жозефом) в книге "Записки по истории нашей литературы" (1788). Сохранилось адресованное А. Шенье письмо Палиссо (1780-е годы), из которого следует, что для молодого поэта были неприемлемы слишком резкие оценки знаменитых писателей-энциклопедистов ("...наши мнения, видимо, совершенно различны (...) Признаюсь, для меня невозможно думать так, как вы", — писал Палиссо. — *Palissot Ch. Œuvres*. P., 1788. Т. 2. P. 523).
- ¹³ Давид Жак-Луи (1748—1825) — французский художник, глава неоклассической школы в живописи, во время революции — якобинец, член Конвента. А. Шенье был дружен с Давидом, посещавшим салон его матери (давал ему советы во время создания картины "Смерть Сократа", 1787; посвятил оду "Клятва в зале для игры в мяч", 1791), но затем порвал с ним, высмеяв в ямбах "Кто, Пантеон, отверз твои святые двери...". Их противоположные позиции во время революции выразили картина Давида "Смерть Марата" (1793) и ода Шенье "Марианне-Шарлотте Корде" (1793).
- ¹⁴ Лебрен Понс-Дени Экушар (1729—1807) был другом и литературным наставником Шенье, адресатом некоторых его стихотворений. Лебрен предсказал ему славу в "Послании Шенье-старшему" (см. наст. изд.). Он не отличался особой принципиальностью, что сказалось на его поведении во время революции и в эпоху империи, когда он успешно приспосабливался к обстоятельствам. Симпатии к якобинцам послужили причиной его расхождения с Шенье.
- ¹⁵ ...мучительногонеудуга. — Шенье с юности страдал почечной коликой, о чем иногда упоминает в своих стихах (см. примеч. к ст. 6 элегии VI).
- ¹⁶ Братья Трюдены... — Луи Трюден де Монгиньи (1764—1794) и Шарль-Мишель Трюден де ла Саблиер (1766—1794) были выходцами из богатой, аристократической семьи. В их именинах Шенье часто гостил. Союзники его по тюрьме Сен-Лазар, казнены на следующий день после него.
- ¹⁷ ...в Швейцарию — Шенье ездил с братьями Трюденами в Швейцарию в октябре 1784 г.
- ¹⁸ де ла Люзерн Анн-Сезар (1741—1791) — французский дипломат, в 1779—1783 гг. участвовавший в борьбе за независимость Соединенных Штатов. Был другом Дж. Вашингтона. С января 1788 г. — посланник Франции в Лондоне.
- ¹⁹ ...он провел несколько лет... в... путешествиях и окончательно обосновался в Париже только в 1788 г. — С конца 1787 г. до мая 1790 г., когда Шенье вернулся в Париж, он находился в Англии (в 1789 г. приезжал во Францию).
- ²⁰ Чаттертон Томас (1752—1770) — английский поэт, покончивший с собой вследствие литературных неудач и бедности. Его сочинения были изданы в 1777 г. Среди стилизованных в духе средневековой английской поэзии стихотворений, написанных Чаттертоном от лица Т. Роули, есть четыре эклоги. Латушу принадлежит поэма "Чаттертон", опубликованная в его книге "Волчья долина". Судьбам трех преждевременно умерших поэтов — Жильбера,

- Чаттертона и А. Шенье посвящен роман А. де Виньи “Стелло” (1832). Их имена стали в эпоху предромантизма и романтизма знаками трагического удела поэта.
- ²¹ *С именами Ронсара, Фонтенеля и некоторых других связано справедливое обесценение этого рода сочинений...* — Обращая упрек в адрес Пьера де Ронсара (1524—1585), Латуш следует традиции, идущей от эпохи классицизма, когда идиллии этого поэта были подвергнуты критике во второй песни “Поэтического искусства” (1674) Н. Буало. Бернар Ле Бовье де Фонтенель (1657—1757), писатель, историк и философ, был автором не только пасторалей, но и “Рассуждения о природе эклоги” (1688), в котором предлагал облагороженный вариант эклоги в духе литературы рококо.
- ²² Тит Лукреций Кар (1 в. до н.э.) — римский поэт и философ, автор дидактической поэмы “О природе вещей”, которая упоминается в прозаических набросках к поэме “Гермес”; в ряде мест ее Шенье подражает Лукрецию.
- ²³ *...братья де Панж* — Мари-Луи-Тома де Панж (1763—1797) и Мари-Франсуа-Дени-Тома де Панж (1764—1796). Последний был не только близким другом, но и, по всей видимости, духовным наставником Шенье: его отличали разносторонность интересов и познаний, большая сила интеллектуального воздействия, которую ощущали многие современники (в том числе Ж. де Сталь, Ж. Жубер). Возможно, под влиянием Ф. де Панжа Шенье начал поэму “Гермес”. В эпоху революции де Панж выступал как публицист, разделяя умеренно-либеральные взгляды, как и Шенье, на страницах тех же периодических изданий. В разгар террора бежал из Франции через шесть дней после ареста Шенье. По свидетельству младшего из братьев де Панж — Мари-Жака-Тома (1770—1850), тот не раз слышал, как А. Шенье читал стихи в их доме (см.: изд. 1874 г. Т. I. P. XVII).
- ²⁴ *де Бразе* Александр Фердинан дю Амель, маркиз (1743—1817), поэт, автор описательной поэмы “Год” (над которой работал в 1766—1812 гг.), друг Лебрена и А. Шенье.
- ²⁵ *...развивал свой талант в тиши...* — Ср. Палиссо о Шенье: “...до сих пор он как будто занят лишь, с позволения сказать, обдумыванием своей славы в тиши” (*Palissot Ch. Œuvres*. Т. III. P. 123). Ср. Пушкин о Дельвиге: “Ты гений свой воспитывал в тиши” (“19 октября”, 1825 — Пушкин. Т. II. С. 427).
- ²⁶ *Руше* Жан-Антуан (1745—1794) — поэт, автор описательной поэмы “Месяцы” (1779). В эпоху революции выступал как публицист, в частности, против устройства праздничной встречи солдатам швейцарцам (см. примеч. 35 и к ямбу I). Руше был арестован в октябре 1793 г. и находился сначала в тюрьме Сент-Пелажи, а в январе 1794 г. был переведен в тюрьму Сен-Лазар. В обвинительном акте имена Руше и Шенье следуют одно за другим (см.: *Prose*. P. XCII).
- ²⁷ *Когда был основан клуб Друзей Конституции...* — “Общество друзей Конституции, заседающее в помещении якобинцев, в Париже” было создано на рубеже 1789—1790 гг. и объединило значительную часть депутатов Национального собрания. Заседания этого общества проходили сначала в трапезной, затем в библиотеке и наконец в часовне монастыря Св. Иакова на ул. Сент-Оноре. После бегства короля (21 июня 1791 г.) и разгона демонстрантов на Марсовом поле (17 июля 1791 г.) в обществе произошел раскол, так как часть депутатов не подписала требование о ликвидации монархии и создала свое, более умеренное объединение — клуб фейанов. Лишь после 21 сентября 1792 г., когда монархия была упразднена, “Общество друзей Конституции” было переименовано в “Общество якобинцев, друзей свободы и равенства”.
- ²⁸ *Мари-Жозеф, нашедший среди его членов... некоторую поддержку... на сцене...* — Постановка и успех трагедии М.-Ж. Шенье “Карл IX” были в значительной степени обеспечены благодаря усилиям и поддержке будущих якобинцев Ж.-Ж. Дантона, К. Демулена, Ж.-М. Колло д’Эрбуа, Ф. Фабра д’Эглантина, Л. Лежандра, знаменитого актера Ф.-Ж. Тальма.
- ²⁹ *Хотя братьев разделял... один пункт .... расходились во всем...* — Позднее, в повести “Сердце поэта”, Латуш выскажет мнение, более близкое к тому, что он здесь опровергает: “Андре, ужаснувшись тирании масс, вернулся к идее той монархии, которую он поначалу расшатывал; а

- Жозеф, полный презрения к аристократии (...) усвоил все демократические теории" (*Latouche*. P. 322).
- ³⁰ ... не принадлежать ни к какой партии... — "...я не принадлежу ни к какому сообществу, ни к какой партии, никому лично", — утверждал Шенье в "Письме издателям Журналь де Пари", опубликованном 7 марта 1792 г.
- ³¹ ...как он сам сказал... — В статье "Размышления о духе партий" (см. наст. изд.).
- ³² ...на красных каблуках... — Таковую обувь носила высшая знать.
- ³³ Ему было бы стыдно выбирать между Кобленцем и якобинцами... — Об этом Шенье пишет в своей последней статье "О Бриссо и его газете "Патриот", опубликованной 27 июля 1792 г. в "Журналь де Пари".
- ³⁴ ...самые сильные слова из всех, когда-либо осуждавших сопротивление монархической власти... — Латуш, возможно, имеет в виду высказывания Шенье, предшествовавшие суждённому процессу над королем: например, резкое осуждение монархического произвола в оде "Игра в мяч" или следующий пассаж из статьи "Размышления о духе партий": "... даже если бы поведение королей было безупречным, необходимость в установлении свободной и сильной конституции, которая обеспечила бы независимость судьбы наций от пороков или добродетелей одного человека, не стала бы меньшей".
- ³⁵ ...клеймил Колло д'Эрбуа... — Жан-Мари Колло д'Эрбуа (1750—1796), провинциальный актер и комедиограф, стал во время революции членом Конвента и Комитета общественного спасения. Приветствовал массовое избиение узников в парижских тюрьмах в сентябре 1791 г., руководил жесточайшей расправой с участниками мятежа в Лионе осенью 1793 г., был одним из активных участников переворота 9 термидора. Умер на каторге. Колло д'Эрбуа провозгласил себя "усердным защитником" амнистированных в апреле 1792 г. швейцарских солдат (см. примеч. к ямбу 1) и стал одним из организаторов их торжественной встречи, против которой протестовал Шенье. 4 апреля на заседании якобинского общества Колло д'Эрбуа назвал Шенье "выхоленным прозаиком" и грозил "обвинить Руше и А. Шенье перед трибуналом как трусливых клеветников" (*Prose*. P. 375). Шенье отвечал ему 10 апреля в статье, где, в частности, говорилось: "...тот, кто подписывается Колло д'Эрбуа, выражает свое недовольство с наибольшим бешенством и желчностью, и лучше всех доказал, что не напрасно оскорбления обычно называются глупостями (...) он угрожает мне обвинить меня перед трибуналом как трусливого клеветника (...) посмотри, сочтут ли меня трусом за то, что я один, без поддержки, разоблачил и показал всей Франции горсть бесстыдных паяцев, захватывающих всю страну во имя свободы и осмеливающихся называть свои наглые капризы и тираннические прихоти красивым словом "требование народа" (*Prose*. P. 154—155). Шенье высмеял Колло д'Эрбуа в "Гимне на торжественное вступление швейцарцев..." (см. наст. изд.) и в ямбах "Кто, Пантеон, отверз твои святые двери..." (при жизни поэта не публиковалось; см. наст. изд.).
- ³⁶ ...нападал на Робеспьера... — В "Гимне на торжественное вступление швейцарцев..." эти солдаты, "сорок убийц", названы "любимцами Робеспьера". В ямбах "Кто, Пантеон, отверз твои святые двери..." Шенье "рекомендует" виселице "двух Робеспьеров" (т.е. Максимилиана, 1753—1794, и его брата Огюстена, 1763—1794).
- ³⁷ Мальзерб Кретъен Гийом де Ламуаньон де (1721—1794), привлеченный Людовиком XVI к государственной деятельности, пытался провести в жизнь ряд реформ, но вынужден был уйти в отставку. Упоминается как человек, с которым связывались во Франции большие надежды (наряду с либеральным министром Тюрго) в "Гимне справедливости" (наст. изд. "Гимн Франции") Шенье. Мальзерб вызвался стать одним из защитников Людовика XVI на судебном процессе. Был казнен в апреле 1794 г. вместе с дочерью, внучкой и ее мужем, старшим братом Шатобриана. Шатобриан, впервые упомянувший в "Гении христианства" о "благородном предложении" Шенье "г-ну де Мальзербу" (см. примеч. 70), мог почерпнуть эти сведения из семейных преданий.
- ³⁸ Это письмо... принадлежит перу Андре Шенье. — 17 января второй защитник Людовика XVI

- Р. де Сез от имени короля прочел в Конвенте совершенно другое письмо, датированное 16 января. Читал ли вообще король обращение, составленное Шенье, неизвестно.
- 39 ...*письмо автора «Генриха VIII»*... датировано 13 февраля 1788 г. “Генрих VIII” — трагедия М.-Ж. Шенье (1791). Ее постановкой открылся Театр Нации. Этот пример, как и последующие, не относится к тому времени, о котором говорит Латуш.
- 40 “*Брут и Кассий*”. — трагедия М.-Ж. Шенье, написанная в 1788 г. и в том же году посвященная брату. Поставлена не была.
- 41 *Бёрк* Эдмунд (1729—1797) — английской философ, автор получившего большую известность трактата “Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного” (1757), отмеченного предромантическими тенденциями. В 1765 г. Бёрк был избран в английский парламент, где являлся одним из лидеров партии вигов. В 1790 г. опубликовал книгу “Размышления о французской революции”, в которой резкая критика происходящих во Франции событий сочеталась с рядом пронизательных, впоследствии подтвердившихся суждений. Бёрк назвал в этой книге трагедию Мари-Жозефа “Карл IX” “трагическим фарсом” и был возмущен гротескным изображением прелата, в полном облачении благословляющего всеобщую резню, а также тем, что “автор не был сослан на галеры” (см.: *Burke E. Réflexions sur la révolution en France*. P., 1791. P. 232—233). Шенье осудил сочинение Бёрка и отверг его нападки на брата в своей брошюре “Размышления о духе партий”.
- 42 ...*он адресует Мари-Жозефу первую из своих од... друг друга в жизни*. — Публикуя оду, обращенную к Мари-Жозефу (см. наст. изд. ода 1 и примеч. к ней), Латуш оставил только две первые ее строфы, в результате чего это полное горечи произведение приобрело характер мадригала. Мари-Жозеф упоминается в числе друзей А. Шенье и слушателей его стихов в элегии “О, дни моей весны...”. К нему обращено послание “Моему брату” (оставшееся в набросках) — ответ на посвящение трагедии “Брут и Кассий” (см.: *GW*. P. 562).
- 43 ...*под защиту своего авторитета*... — Мари-Жозеф был избран депутатом Конвента от департамента Сены-и-Уазы, в который входил и Версаль.
- 44 *Андре узнает, что один из его друзей*... — Об обстоятельствах ареста А. Шенье см. первую статью.
- 45 *Пасторе* Клод-Эммануэль-Жозеф-Пьер, маркиз де (1756—1840) — ученый, государственный деятель, писатель. Был председателем Законодательного собрания в начальный период его деятельности.
- 46 *Пасси* — до середины XIX в. пригород Парижа (на западе), в эпоху террора “убежище аристократов”.
- 47 *Дом в Пасси... стал собственностью человека, любящего литературу*... — Речь идет о близком друге Латуша, поэте Ж. Лефевре-Демье (1797—1857), посвятившем “Памяти Андре Шенье” большое стихотворение (1819, опублик. 1823), написанное alexandрийским стихом и подражающее стилю Шенье.
- 48 *Мари-Жозеф, подвергавшийся в ту пору нападкам с трибуны*... — Об этом М.-Ж. Шенье пишет в своем “Рассуждении о клевете”. В феврале 1792 г. была приостановлена постановка его трагедии “Тиберий Грах”, которая содержала призыв “законы, а не кровь!”, показавшийся неуместным монтажюру Бийо-Варенну: тот с трибуны якобинского клуба назвал эту трагедию “произведением дурного гражданина” (см.: *Labitte*. P. 39). В 1793 г. была снята с репертуара трагедия “Фенелон”, а в 1794 г. приказом Комитета общественного спасения (по инициативе Робеспьера) запрещена трагедия “Тимoleon”, все ее списки разыскивались и сжигались. В 1794 г. М.-Ж. Шенье был исключен из комитета по народному образованию.
- 49 ...*Совера де Шенье, заключенного ... в Консьержери!* — Совер Шенье, бригадный генерал Северной армии, был арестован в 1794 г. одновременно с А. Шенье. В вину ему ставилась попытка дискредитировать революционные власти одного из городов Нормандии. Консьержери — парижская тюрьма, занимающая часть зданий Дворца правосудия, расположенного на о-ве Сите в центре города.

- ⁵⁰ ...у г-на де Шатобриана нет оснований любить Мари-Жозефа Шенье. — М.-Ж. Шенье и Шатобриан принадлежали к противоположным политическим партиям; первый голосовал за смерть короля, второй выступал как апологет Бурбонов. Мари-Жозеф был вольтерьянцем, автором антиклерикальных произведений, тогда как Шатобриан способствовал религиозному возрождению Франции. Мари-Жозеф подверг критике повесть Шатобриана “Атала” (1801): в сатире “Новые святыне” (1801) и в своем труде “Исторический обзор состояния и развития французской литературы с 1789 года”, который еще до публикации (в 1816 г.) читался на заседаниях Французского института.
- ⁵¹ *Преемник последнего в Академии, он в своей знаменитой речи...* — После смерти М.-Ж. Шенье в 1811 г. его место в Академии было предложено Шатобриану. По традиции, вступающий в Академию должен произнести похвальную речь в честь ее почившего члена. Речь Шатобриана была запрещена Наполеоном, но распространялась в списках. Текст ее Шатобриан привел в “Замогильных записках” (опубликованных посмертно в 1848—1850 гг.). В пересказанном Латушем фрагменте говорится: “Ах, если бы г. де Шенье не участвовал в этих общественных бедствиях, павших в конце концов и на его голову! Он, как и я, узнал, что значит потерять во время бурь нежно любимого брата! (...) Если бы мой предшественник мог услышать эти слова, утешающие ныне лишь его тень, он был бы тронут честью, которую я воздаю его брату, ибо он был от природы великодушен!” (*Chateaubriand. Mémoires d’outre-tombe*. P., 1976. Т. 1. P. 655—656).
- ⁵² ...как отмечает почтенный г-н Дону... — Пьер-Клод-Франсуа Дону (1761—1840), историк и публицист, бывший член Конвента, автор либерального “Опыта о гарантиях личности” (1819). Латуш ссылается на его “Заметку о жизни и сочинениях Мари-Жозефа Шенье”, опубликованную отдельно в 1811 г. и в составе I тома “Театра” М.-Ж. Шенье (1818). Приводим полностью соответствующий фрагмент, так как это еще одно упоминание об А. Шенье до 1819 г.: “Закрепленный в тридцать один год, Андре Шенье уже проявил себя на литературном поприще: его произведения в стихах и прозе предвещали писателя, отличающегося чистотой вкуса, широтой ума и редкостным талантом. Мать, оплакивавшая его четырнадцать лет, до последних дней жила у Мари-Жозефа Шенье, именно он утешал ее, если сладость разделенного страдания можно назвать утешением” (*Théâtre de Mari-Joseph Chénier*. P., 1818. Т. 1. P. XXXI—XXXII). Этот же аргумент в защиту Мари-Жозефа приводит и Арно в надгробной речи в его память: “Преследуемый клеветой, Шенье нашел убежище в объятиях матери; разве раскрылись бы они для кающегося, если бы он был покрыт кровью своего брата! (Цит. по: ВУ. Т. 8. 1844. P. 83). Между тем, по свидетельству Луи Шенье (см. его письмо 1791 г., наст. изд. с. 434), его супруга и Мари-Жозеф с первых дней революции исповедовали общие политические взгляды. В результате г-жа Шенье поселилась у Мари-Жозефа еще тогда, когда А. Шенье жил в квартире отца, который всегда был ему духовно ближе матери и умер, удрученный гибелью любимого сына. В сохранившихся же бумагах г-жи Шенье стремление оправдать Мари-Жозефа (которого она всегда предпочитала другим сыновьям) превалирует над проявлением материнской скорби (См.: *Venzac*. P. 77 *passim*).
- ⁵³ ...одним из тех деятелей террора... — Имеется в виду Бертран Барер де Везак (1755—1841), член Конвента и Комитета общественного спасения, активный участник термидорианского переворота. По семейному преданию, Луи Шенье был у него на приеме за три дня до казни А. Шенье.
- ⁵⁴ ...от распыления рукописей... — Частичное распыление рукописей действительно началось в то время, когда они находились у Мари-Жозефа, но виной тому был он сам (См.: *Vecq. Lettres*. P. 96).
- ⁵⁵ ...как я видел некогда в Неаполе, разворачивали свитки Эпикура и Анакреонта. — Латуш был в Италии в 1812 г. Эпикур (341—270 до н.э.) — древнегреческий философ. Анакреонт (серед. 6 в. до н.э.) — древнегреческий лирик.
- ⁵⁶ ...если бы я не должен был уважать определенные интересы. — При доработке предисловия в 1833 г. Латуш снял эту фразу. Видимо, он имел в виду интересы Луи-Совера, так как в

- исправленном предисловии публиковавшемся, начиная с изд. 1833 г., стоит: “Том казался огромным издателям” (цит. по: *Poésies de André Chénier*. P. 1841. P. XXVI).
- ⁵⁷ *Феокрит* (кон. 4 — перв. пол. 3 в. до н.э.) — древнегреческий поэт, родоначальник жанра буколики.
- ⁵⁸ *Тибулл Альбий* (ок. 50—19 до н.э.) — римский поэт-элегик.
- ⁵⁹ *Лафонтен Жан де* (1621—1695) — французский писатель, которого Шенье назвал “божественным” (GW. P. 683).
- ⁶⁰ *Сюве Жозеф-Бенуа* (1743—1807) — французский художник, написавший портрет Шенье за восемь дней до его смерти по просьбе братьев Трюденов. На портрете надпись: “Писано в Сен-Лазаре, 29 мессидора 2 года. Ж.Б. Сюве”. В 1838 г. портрет был гравирован Л.-П. Анрикель-Дюпоном (1797—1892) и опубликован в 1839 г.
- ⁶¹ *Это единственное ... изображение Шенье...* — Сохранился также портрет А. Шенье в возрасте 11 лет (1773), принадлежащий кисти одного из двух сыновей известного исторического живописца П.-Ж. Казеса — Жака-Никола или Пьера-Мишеля — который подписывался Казес-сын. В 1774 г. этот художник создал также групповой портрет семьи Луи Шенье. А. Шенье предположительно рисовал и художник Ж.-Б.-Ж. Огюстен (1759—1832).
- ⁶² *...является ... собственностью г-на де Верака.* — После смерти Трюденов портрет Шенье унаследовал их родственник и соучник М. де Курбетон, завещавший его своему родственнику А.-М.-Ф.-Ж. де Вераку, пэру Франции. В настоящее время портрет принадлежит потомкам рода де Панжей.
- ⁶³ *мадемуазель де Куаньи* — см. примеч. к оде XI.
- ⁶⁴ *тридцати восьми жертв...* — Вместе с Шенье были казнены двадцать четыре его союзника (один из подсудимых был оправдан) и двенадцать других заключенных, осужденных в тот же день. Латуш, видимо, почерпнул приводимую им цифру в заметке о последних днях Руше, опубликованной в 1798 г. в книге “Отрада моего заключения, или Переписка Руше” (см.: Roucher. P. 330). См. также: *Kermina*. P. 270—271.
- ⁶⁵ *Монталамбера, Креки де Монморанси, барона Тренка... Луазроля...* — В списке осужденных 7 термидора значатся: “Грациан де Монталамбер, шестидесяти двух лет, бывший маркиз, капитан бывшего королевского полка (...) Шарль-Александр Креки де Монморанси, шестидесяти лет, бывший дворянин...” (см. *Campardon*. P. 535). Второй называл себя побочным сыном Людовика XV и провел более сорока лет в различных тюрьмах как умалишенный (см. о них: *Kermina*. P. 20—21, 93—94). Барон Фредерик Тренк (1726—1794), уроженец Кенигсберга, известный авантюрист, прошедший много лет в прусских тюрьмах, автор “Мемуаров” (1786), был арестован как прусский шпион. Жан Симон д’Авельд де Луазроль (1733—1794) находился в тюрьме Сен-Лазар вместе со своим двадцатидвухлетним сыном. Хотя в списке обвиняемых, с которым явился судебный исполнитель, значился Луазроль-сын, отец, воспользовавшись тем, что сын спал, откликнулся на зов. Луазроль-отец был казнен не 7, а 8 термидора (см.: *Campardon*. P. 415—416). Весь этот пассаж о последних часах Шенье в Сен-Лазаре, включая его последние слова, является близким пересказом примечания к поэме “Смерть Луазроля”, опубликованной Ф. Луазролем-сыном в 1813 г. Таким образом, Латуш опирался на свидетельство союзника Шенье, до которого могли дойти сведения о последних минутах осужденных. Примечание Луазроля-сына приводится в книге: *Dauban*. P. 418—419. См. также: *Campardon*. P. 535.
- ⁶⁶ *...о сердце, родственном, по слову поэта, его собственному...* — Латуш вспоминает строки из стихотворения Гёте (поэта, которого он переводил) “Прометей” (1774):

Я в заблуждень к солнцу устремляя
Свои глаза, как будто там на небе,
Есть уши, чтоб мольбе моей внимать,
И сердце есть, как у меня,
Чтоб сжалиться над угнетенным.

(Пер. В. Левика)

- Латуш сравнивает таким образом богоборчество Прометея с противостоянием Шенье тирании, имея в виду и следующие строки того же стихотворения: «Кто мне помог // Смирить высокомерие титанов? // Кто спас меня от смерти и от рабства? // Не ты ль само, // Святым огнем пылающее сердце?» Такая героизация образа Шенье весьма показательна для его восприятия в это время. Н. Лемерсье, некогда встречавшийся с ним, обмолвился: «Андре Шенье, чьи личные качества поразили меня в юности...» (*Lemercier*. P. 106).
- 67 *Как они сожалели друг о друге!* — В своих письмах из тюрьмы Руше, вероятно, из предосторожности (чтобы не напоминать об их прошлом сотрудничестве) ни разу не упоминает о Шенье, хотя и говорит о некоторых узниках (например, об их общем знакомом Женгене), а также о Мари-Жозефе — по поводу сочинения им гимна в честь Верховного Существа (см.: *Roucher*. P. 165, 190, 264—265).
- 68 *...обожаемый отец, супруг...* — Памятником обоюдной заботы и любви, связывавшей Руше с его близкими, стала изданная их переписка. В тюрьме вместе с Руше добровольно находился его маленький сын. По преданию, узнав о предстоящей казни, Руше попросил ученика Сюве Леруа написать его портрет, который отослал своим близким, добавив трогательное четверостишие (см.: *Roucher*. P. 329), переведенное впоследствии В.А. Жуковским («Руше к своей жене и детям из тюрьмы», 1806).
- 69 *Эта Муза, говорит автор “Рене” и “Атала”, открыла ему его талант...* — Последние слова Шенье впервые привел Шатобриан («Рене» — его повесть, опубликованная в составе «Гения христианства»): «Революция отняла у нас человека, обещавшего редкостный талант в жанре эклоги, это был г-н Андре Шенье. Мы видели рукописный сборник его идиллий, где есть вещи, достойные Феокрита. Это объясняет слова несчастного молодого человека на эшафоте; он сказал, ударив себя в лоб: умереть! у меня ведь там что-то было! Это Муза открыла ему его талант в минуту смерти» (*Chateaubriand*. P. 166). Отметим, что Шатобриан пишет: «Это объясняет...», как если бы он сначала узнал о последних словах Шенье, а затем прочитал его стихи, что прибавляет достоверности сообщаемым им сведениям, ибо так оно, видимо, и было.
- 70 *Примечательно, что Франция потеряла...* — Пересказ слов Шатобриана из примечания к приведенным выше строкам о Шенье: «Сочинения этого молодого человека, его разнообразные познания, его смелость, его благородное предложение г. де Мальзербу, его невзгоды и его смерть, все возбуждает самый живой интерес к его памяти. Примечательно, что Франция потеряла в конце прошлого столетия три прекрасных восходящих таланта: Мальфилатра, Жильбера и Андре Шенье; первые два умерли от нищеты, третий погиб на эшафоте» (*Chateaubriand*. P. 423).
- 71 *Мальфилатр Жак-Шарль-Луи де Кленшан де (1733—1767)* — поэт, автор оды «Недвижное солнце среди планет» (1758). Переводил «Георгики» Вергилия. Умер в бедности. *Жильбер Никола-Жозеф-Лоран (1751—1780)* — поэт, противник энциклопедистов. Из его сочинений получили известность сатира «Восемнадцатый век» (1775) и «Ода в подражание нескольким псалмам» (1780). Жильбер умер не от нищеты, а после того, как неудачно упал с лошади. Имена этих двух поэтов оказались объединены в сознании читателей еще и потому, что Жильберу принадлежит стих «Нуждой сведен во гроб безвестный Мальфилатр» («Восемнадцатый век»).
- 72 *И сквозь волны народа...* — В это время гильотина, которая вначале стояла на площади Свободы, в центре Парижа, а затем на площади Бастилии, была перенесена еще дальше, к Венсеннской заставе (называвшейся также заставой Опрокинутого Трона — ныне площадь Нации), в конце Сент-Антуанского предместья, населенного беднейшим и в эпоху революции наиболее активным парижским людом, однако в то время, о котором идет речь, казни уже не привлекали внимания народа.
- 73 *“Андромаха”* — трагедия Ж. Расина (1667). Латуш приводит начальные строки диалога между Орестом и Пиладом (Д. I, сц. I пер. И.Я. Шафаренко и В.Е. Шора).

ЗАМЫСЕЛ

Поэма создавалась Шенье предположительно в 1787—1788 гг. (См.: *Invention*. P. 20 *passim*). Некоторые ее положения повторяют мысли, высказанные поэтом в неоконченном прозаическом “Опыте о причинах и следствиях совершенства и упадка литературы и искусства”, который Шенье писал примерно в то же время (начат немного ранее, в 1786 г.; начальный фрагмент см. наст. изд.), а также в “Послании о моих произведениях” (наст. изд. Послание II).

Поэма явилась итогом размышлений Шенье о современной поэзии и ее путях, мыслилась она и как “защита” создававшихся им на протяжении ряда лет, но так и не оконченных дидактической поэмы “Гермес” и посвященной открытию Нового света поэмы “Америка”. Эти произведения Шенье считал делом своей жизни и хотел дать им теоретическое обоснование.

Название поэмы задает лейтмотив всему произведению. Думается, что слово *invention*, стоящее в заголовке, связано с одним из ключевых понятий риторической поэтики, образующих триаду: *inventio* (выбор темы, замысел), *dispositio* (расположение материала), *eloquentia* (красноречие). Заглавие делает акцент на необходимости творческого соиздания, открытия нового. Призыв к освоению новых тем проходит через всю поэму.

В согласии с классицистической иерархией жанров Шенье ставит на первое место эпическую поэму, в качестве же ее тематики предлагает всевозможные открытия нового времени, которые в “век разума” стали казаться наиболее достойными поэтического изображения. Шенье разделяет веру своей эпохи в беспредельность человеческих возможностей, в силу великих научных достижений (сводом которых стала “Энциклопедия, 1751—1772), способную преобразовать все человеческое бытие.

Особое развитие “научная” поэма, ставшая частью дескриптивного жанра, получила во второй половине XVIII в. У истоков такого рода произведений стоит поэма английского поэта Дж. Томсона “Времена года” (1726—1730, французский перевод 1760), свободно оперировавшая терминами ньютоновских трактатов. Во Франции появился целый ряд описательных поэм (“Живопись”, 1769, А. Лемьера; “Сады”, 1782, Ж. Делиля; “Опыт об астрономии”, 1788, Л. Фонтана).

Предлагая свой вариант поэтики, Шенье опирался на такие образцы, как “Наука поэзии” Горация, “Защита и прославление французского языка” (1549) Ж. Дю Белле, “Поэтическое искусство” (1674) Н. Буало, “Опыт об эпической поэзии” (1727) Вольтера. Не посягая на незыблемость основных понятий классицистической поэтики (“природа”, “правда”, “разум”), Шенье, вместе с тем, разделяет и требование свободы поэтического воображения, прозвучавшее в ставшем одним из существенных источников его поэмы трактате “Размышления об оригинальном творчестве” (1759, французский перевод 1770) английского поэта Э. Юнга, который отстаивал независимость гения от правил. Такую позицию разделяли и энциклопедисты, в значительной степени повлиявшие на формирование поэтических теорий Шенье. В его поэме слышны также отголоски “Спора о древних и новых”; он, в частности, развивает отдельные положения сторонника “новых” Ш. Перро, высказанные им в поэме “Гений” (1688).

В поэме Шенье четко выражена мысль о зависимости литературы и искусства от общественных условий. К подобным размышлениям его побудили не только знаменитые труды Монтескье, Винкельмана и др., но и беседы с итальянским драматургом В. Альфьери, с которым поэт познакомился в 1786 г. Шенье не скрывает, что Альфьери читал ему свое сочинение “О государе и литературе” (см.: *GW*. P. 691), написанное в конце 1770-х годов и опубликованное в 1789 г.

Ст. 107—184 перевел Б. Брик.

Audendum est. — Да будет позволено (*лат.*).

¹ *Сын славный Минция...* — Публий Вергилий Марон (70—19 до н.э.). Минций — река на родине Вергилия, в Мантуе, на севере Италии. Отдавая в первой строке поэмы пальму первенства Вергилию признанному образцу в классицистической эстетике, Шенье в дальнейшем объединяет имена Вергилия и Гомера как в равной мере великих учителей. В “Опыте...” же он ставит Гомера

на первое место среди поэтов древности, проявляя свойственное второй половине века тяготение к “первозданным”, “природным” гениям.

² ...народ, весь покоривший свет. — См.: Вергилий. Энеида. Песнь VI, 851—852:

Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое!

(Пер. С. Ошерова)

²⁰ Мы видим издавна, как Темзы гордой чада... — Весь XVIII в. проходил во Франции под знаком увлечения государственным строем, наукой, культурой Англии (дань этому увлечению отдали Монтескье, Вольтер, другие философы-просветители). Пребывание Шенье в Англии позволило ему ближе познакомиться с ее общественной жизнью и литературой. В сохранившихся черновых набросках (прозаических и поэтических) Шенье адресует англичанам ряд упреков (эстетического и социального плана), однако в своих произведениях признается в заимствованиях у “британской музы” (наст. изд. Послание II), высоко оценивает “великого Мильтона”, Стерна, Юнга (в “Опыте...”, см.: GW. P. 631, 647, 695). Немалый интерес проявлял он и к Шекспиру (см. наст. изд. “Письмо Мари-Жозефа Шенье” и примеч. к нему). Требование свободы поэта в значительной мере опиралось у Шенье на предромантические искания английской литературы.

^{22–23} ...вас ныне превзойти // Дерзнем. — Шенье была, видимо, близка гибкая позиция в отношении “новых”, проявленная сторонником “древних” Ф. Фенелоном (1661—1715) в “Письме о занятиях французской академии”, где он, в частности, писал: “Начну с того, что выражу пожелание, чтобы новые превзошли древних (...) За древними сохранилась бы слава зачинателей, указавших путь другим и позволивших им превзойти себя” (“Спор о древних и новых”. М., 1985. С. 406. — Пер. Н.В. Наумова).

²⁵ Но только творчество — не иступленья бред... — Ср. Гораций. Наука поэзии, 1—9. В одном из поэтических набросков, относящихся ко времени пребывания Шенье в Англии он писал:

Поэты Англии, что чересчур горды,
И смысла здравого не ведают узды

(GW. P. 498 — здесь и далее переводы стихотворных цитат без указания переводчика выполнены мной. — Е.Г.)

³⁷ ...Ариман и Орм... — Латинизированные формы имен божеств в иранской мифологии: верховного божества зла Ахримана и верховного бога света и добра Ахурамазды. Шенье проявлял интерес к восточной культуре, изучал персидский и арабский языки, оставил заметки о китайской литературе.

^{45–46} В искусстве только тот воистину творец... всех сердец... — В “Опыте...” Шенье писал: “Есть чувства такие ясные, такие простые, мысли, столь вечные, столь близкие нам, столь привычные, что души и умы всех читателей сразу же узнают их” (GW. P. 685). “Я не одинок в мире, этот писатель подумал обо мне”, — такое чувство должна рождать в душе читателя хорошая книга, полагал Шенье, исповедуя в согласии с руссоистской эстетикой чувствительное единение автора и читателя. О том же он пишет в элегии “О, Каллимаха дух и ты, Филета тень...” (наст. изд., элегия XXXII).

⁴⁷ Кто скрытые в тени предметы освещает... — Ср. “Опыт...”: “Нет ни одного безвестного, позабытого предмета, который не представлял бы ему [поэту. — Е.Г.] какого-нибудь нового образа, не рождал бы какого-нибудь яркого выражения, тонкой аллюзии, необычного олицетворения” (GW. P. 684—685). Ср. Перро Ш. “Гений”:

А если суждена ему благая доля
Поэта, тысячи красот, что мы доколе
Не замечали, нам являет он в стихах...

(“Спор о древних и новых”.
С. 56. Пер. Н.В. Наумова)

- Писатель-энциклопедист Ж.-Ф. Мармонтель отмечал в своей книге “Основы литературы” (1787, включившей его статьи для Энциклопедии): “...творец — тот, кто открывает, схватывает, развивает те свойства предметов, которых не видит большинство людей, тот, кто составляет идеальное, интересное и новое целое из сочетания известных вещей или тот, кто дает уже существующему жизнь, грацию, новую красоту, тот, говорю я, и является поэтом” (*Marmontel. Eléments de littérature // Œuvres complètes. P., 1819. T. XIV. P. 169*).
- 49–50 *Кто много отыскать нежданных, прочных уз // Умеет у вещей...* — В “Опыте...” Шенье восхваляет “этот пылкий, метафорический язык, всему дающий жизнь, благодаря которому предметы освещают друг друга” (GW. P. 676).
- 51–52 *И, словно было б то ее произведенье // ...природа-мать творенье.* — Ср. “Опыт...”: Следуя самой природе, они [античные поэты. — Е.Г.] устремлялись к совершенной красоте, которая лишь намечена, но редко осуществлена в природе” (GW. P. 650).
- 53–56 *Так кисть чудесная ... нас радуя картиной.* — Шенье вспоминает рассказ о греческом художнике Зевксисе (5—4 до н.э.), который создал образ Елены, соединив в своей картине черты самых красивых женщин.
- 61 *Пиндар, взяв тон Маро...* — Пиндар (522 или 518 — не ранее 446 до н.э.) — греческий поэт-лирик, автор торжественных, величальных од в честь победителей на Олимпийских играх. Клеман Маро (1496—1544) — французский поэт, частично продолжавший традиции средневековой литературы и разделявший ее пристрастие к шутивным жанрам, которыми его творчество не исчерпывается. Сформировавшееся понятие “маротический стиль” означало воплощение “галльского остроумия”. Маро был по-настоящему оценен только в эпоху романтизма. Это один из наиболее догматических пассажей поэмы. На практике Шенье свободнее: грани между жанрами в его творчестве более проницаемы.
- 63–66 *Пермесских рукавов... мимоплывущих взор.* — Пермес — река в Греции, посвященная Аполлону и Музам, начало которой дал источник Иппокрена, выбитый крылатым конем Пегасом. Речь идет о различных жанрах античной литературы, отчасти забытых (Шенье намеревался возродить такие, как гимн, трагедия и комедия с хором), отчасти не освоенных в должной мере. Н. Лемерсье отозвался об этих строках как о “метафорическом нагромождении” (*Lemercier. P. 94*).
- 67–68 *...в ... Версале // Людовик и Кольбер...* — Французский король Людовик XIV (1638—1715, царствовал с 1643) и его министр Жан-Батист Кольбер (1619—1683) активно содействовали во Франции развитию наук и искусств (по их инициативе были созданы академия архитектуры и французская академия живописи в Риме). На время царствования Людовика XIV приходится расцвет французской литературы классицизма. Город Версаль явился творением Людовика XIV, повелевшего воздвигнуть знаменитый дворец и разбить парк на месте, где прежде стоял охотничий домик. Шенье следует характеристике этих деятелей, данной Вольтером в его книге “Век Людовика XIV” (1739—1751).
- 69 *Эсхил (525—456 до н.э.), Софокл (ок. 496—406 до н.э.)* — древнегреческие трагедиографы.
- 70 *Не подражателей узрели, а творцов...* — Речь идет о великих французских драматургах П. Корнеле (1606—1684) и Ж. Расине (1639—1699). “Трагический поэт, Расин, Софоклу равный”, — писал Буало в “Послании VII Расину” (1677; пер. Э.Л. Линецкой).
- 74 *Великих бедствия Вольтер рисует нам.* — Вольтер (наст. имя Франсуа-Мари-Аруэ; 1694—1778) опирался в своей драматургической практике на образцы Корнеля и Расина, следуя в своих многочисленных трагедиях требованиям классицистической эстетики.
- 84 *В огромный лабиринт, чье имя — эпопея!* — На первое место среди поэтических жанров выдвинул эпопею еще Дю Белле (“Защита и прославление французского языка”. Кн. II, гл. 5). Шенье сравнивает эпопею с лабиринтом, по которому некогда Ариадна вела Тезея.

85 *И Музе повелит свободу обрести...* — Ср. *Лафонтен*. “Послание к Юэ, епископу Суассонскому”:

Есть подражатели-глупцы, признаться надо.
Без мыслей собственных они, баранов стадо,
Влачатся слепо за латинским пастухом.
Я вовсе не таков. Великими ведам,
Из-под ферулы их я часто ускользаю:
Я подражаю им, но в рабство не впадаю.

(“Спор о древних и новых”.
С. 325. Пер. Н.В. Наумова).

91 *Ужели всем ветрам не можем мы предаться...* — Один из пассажей поэмы (см. также ниже “Ей ведомы одной восторги золотые...”, “А тот, кто демона господство ощущает...”, “Так пламенный поэт в безумии благом...”), в которых муза Шенье словно вырывается на свободу, хотя и не порывает связи с традицией. Между этими двумя “полюсами” — “догматическим” и “вдохновенно-поэтическим” раскачивается маятник поэмы.

101–106 *Зачем же мы теперь ... у других прочли?* — Ср. *Ш. Перро*. “Гений”:

Напрасно авторы иные нам твердят,
Лишь на Гомера и Вергилия свой взгляд
В благоговении бесплодном обращая,
Что, древним образцам смиренно подражая
И новшеств никаких не смея измышлять,
Поэты наших дней обязаны писать...

(“Спор...” С. 58. Пер. Н.В. Наумова).

107–108 *Суровой Греции и доблестной рожденье // Запечатлели нам Гомеровы творенья...* — “...благородная, величавая, захватывающая, наивная простота Гомера” (“Опыт...”; GW. P. 649), греческая архаика в целом превозносится в “Опыте...” Шенье как вершина всей античной литературы.

109 *Фалес* Милетский (ок. 625 — ок. 547 до н.э.) — древнегреческий философ, — математик, астроном, считавший воду и влагу первоосновой всего существующего.

Эпикур развивал учение об атомистическом строении мира.

Платон (428/427 — 348/347 до н.э.) — древнегреческий философ, создатель философии объективного идеализма.

Демокрит (ок. 470 или 460—371 до н.э.) — древнегреческий философ, математик, представитель античной атомистики.

112 *Кеплер* Иоганн (1571—1630) — немецкий астроном, открывший законы движения планет, изобретатель телескопа.

Галилей Галилео (1564—1642) — итальянский ученый, заложивший основы современной механики, отстаивавший гелиоцентрическую систему мира.

Ньютон Исаак (1643—1727) — английский математик, механик, астроном, физик.

Торричелли Эванджелиста (1608—1647) — итальянский физик, математик, изобретатель ртутного барометра, открывший существование атмосферного давления и вакуума.

119 *Земля, совлекаяя пред взорами Бюффона...* — *Жорж-Луи Леклерк Бюффон* (1707—1788) — французский естествоиспытатель и писатель, автор многотомной “Естественной истории” (1736, 1749—1788), содержащей исследование развития земного шара и его поверхности. Шенье вспоминает слова самого Бюффона, призывавшего в начале первого тома своего труда извлекать из недр земли все то, что может помочь составить целостное о ней представление.

121 *... Своих семян, холмов — наследия зыбей...* — Бюффон считал органические частицы — “семена” — источником всего живого. Происхождение холмов и гор, земного рельефа в целом он (в первом томе “Естественной истории”) объяснял приливами и отливами в ту эпоху, когда

- вся земля была покрыта водой. Шенье вспоминает и VI эклогу Вергилия, 31—32: “Петь же он начал о том, как в пустом безбрежном пространстве // Собраны были земли семена, и ветров, и моря (...) как зачатки эти, сплотившись, // Создали все” (Пер. С. Шервинского).
- 124 ... *Враждебная зима, ведущая морозы...* — Ср. *Мильтон*. Потерянный рай. X, 695—700.
- 127 *Стекланный зоркий глаз...* — Ср. *Ш. Перро*. Век Людовика Великого: “Мы зрительной трубой безвестности покров // Сорвали с сонма солнц и тысячи миров” (“Спор...” С. 42. Пер. Н.В. Наумова).
- 130 *Байи* Жан Сильвен (1736—1793) — французский астроном, автор “Истории древней астрономии” (1781), “Истории современной астрономии” (1785), “Истории индийской и восточной астрономии” (1787). В начале революции был избран мэром Парижа; гильотинирован. Ему посвящено неоконченное послание Шенье (кон. 1784—нач. 1785). В стихотворной его части говорится о поэте, мечтающем достичь вершин искусства древних, а в относящемся к этому посланию прозаическом фрагменте Шенье выражал намерение “сказать в этом небольшом сочинении, адресованном г. Байи, что поэты наших дней совершенно не касаются астрономии, естественной истории, что едва они научатся рифмовать, как считают себя поэтами, что древние были учене” (GW. P. 557). См. также о Байи примеч. с. 531.
- 131 *Кассини* Жан Доминик (1625—1712) — французский астроном, итальянец по происхождению (обосновавшийся во Франции в 1669 г.), положивший начало целой династии астрономов. В 1652 г., наблюдая движение кометы, пришел к выводу, что оно подчиняется строгим законам.
- 133 *Кибела* — богиня плодородия в греческой мифологии (фригийского происхождения), Великая мать богов, здесь в значении — “земля”.
- 134 *Ясон* — в греческой мифологии герой, возглавивший поход аргонавтов в Колхиду за Золотым руном.
- 137–138 *В неведомых краях... // Близ Куско древнего...* — Куско — город в Андах, на территории современного Перу, древняя столица инков. Шенье опирается на книгу Гарсиласо де ла Вега “История государства инков” (1609, франц. пер. 1737), которую внимательно читал, намереваясь использовать почерпнутые в ней сведения в своей поэме “Америка”. Приводимая этим автором легенда (Кн. III. Гл. 25) гласит, “что в долине Оркос, расположенной в шести лигах на юг от Коско, находится небольшое озеро, которое (...) необычайно глубокое и окружено высокими горами. Шла молва, что индейцы бросили в него много сокровищ из тех, что хранились в Коско, лишь только они узнали о приходе испанцев...” (*Инка Гарсиласо де ла Вега*. История государства инков / Изд. подг. Ю.В. Кнорозов и В.А. Кузьмищев. Пер. В.А. Кузьмищева. Л., 1974. С. 197).
- 141 *Марон* — Вергилий; *слепец великий...* — Гомер.
- 144 *Пинд* — горный массив на севере Греции. Одна из вершин его была посвящена Аполлону и Музам.
- 150 *Радели б вы о том, чтоб молодой поэт...* — Здесь и далее противопоставление суровых критиков и “молодого поэта” обусловлено в значительной степени чувствами недоумения и горечи, которые испытал Шенье, узнав о двойном провале первой трагедии Мари-Жозефа “Аземира” (поставленной дважды — в придворном театре в Фонтенбло и в Париже в ноябре этого года). Размышления о превратностях литературного дебюта укрепили, видимо, Шенье в его склонности к “молчанию”.
- 161 *Эпоху посетим...* — Воображаемые “полеты” в иные времена и страны характерны для Шенье. Ср. элегии “Ах, я их узнаю и на сердце светлее”, “Братьям Труденам”. “Ах, нет, поверьте мне, я позабыть не в силах” (наст. изд. элегии IV, XL, Дополнения).
- 161–162 ... *когда собою быть // Смел вольный человек и мыслей не ташить.* — Сходный образ античности привлекал и энциклопедистов. В “Приложении к Энциклопедии” были помещены отрывки из книги “Общая теория искусств” (1772) немецкого ученого, последователя Дидро И.-Г. Зульцера (1720—1779), в которой о древних говорилось: “... можно только завидовать той благородной свободе, с какой они мыслили (...) Все изъяснялись естественно и без обиняков”

- (“Anciens” // *Supplément à l’Encyclopédie*. Amsterdam, 1776. P. 419—420). Далее Шенье явно связывает свободу личности с республиканским строем, упоминая знаменитых деятелей республиканских Рима и Греции.
- ¹⁶³ Цицерон Марк Туллий (106—43 до н.э.) — римский политический деятель, оратор и писатель.
- ¹⁶⁴ Веррес Гай (ум. в 43/42 до н.э.) — римский наместник в Сицилии. Цицерон был обвинителем Верреса в Сенате по делу о его злоупотреблениях. Веррес был приговорен к ссылке и возмещению нанесенного ущерба; *Цетег* — сторонник Катилины (см. след. примеч.), арестованный и казненный по приказу Цицерона (См.: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Цицерон. XIX, XXII).
- ¹⁶⁵ Катилина Луций Сергий (108—нач. 62 до н.э.) — обедневший римский патриций, организовавший заговор, направленный против Сената. Цицерон, избранный в 63 г. до н.э. консулом, обличил Катилину в Сенате, после чего тот бежал.
- ¹⁶⁶ Демосфен (ок. 384—322 до н.э.) — древнегреческий оратор, противостоявший захватнической политике македонского царя Филиппа II.
- ¹⁶⁷ Перикл (ок. 490—429 до н.э.) — афинский военачальник, глава демократической группировки. Описание его у Шенье восходит к Плутарху (Перикл, VIII): “... он гремел и метал молнии, когда говорил перед народом, и носил страшный перун на языке” (пер. С. Соболевского).
- ¹⁷⁰ *Вот море целое в бассейн заключено!* — Речь идет о так называемых “наумахиях”, инсценированных морских боях в Древнем Риме, изображавших знаменитые морские сражения (например, битву при Саламине, когда греки одержали победу над персами). Об одном из таких боев упоминает Светоний («Жизнь двенадцати Цезарей»: “Божественный Юлий”, 39).
- ¹⁷³ *Земля Пелопсова!* — Т.е. п-ов Пелопоннес, получивший свое название от имени мифического Пелопса, царствовавшего в этом краю; *на празднествах твоих...* — Имеются в виду Олимпийские игры. По преданию, начало им положил Пелопс, состязавшийся с царем Эномаем в колесничном беге.
- ¹⁷⁴ *Эпидавр* — греческий город в Арголиде, на востоке Пелопоннеса, славившийся своими скакунами.
- ¹⁷⁵ *Немея* — Долина в Арголиде. В 6 в. до н.э. были учреждены Немейские игры, во время которых проводились атлетические и конные состязания; *Элида* — город на северо-западе Пелопоннеса, к которому с 6 в. до н.э. перешла организация Олимпийских игр.
- ^{176–178} *Услышим, как толпа при звуках Еврипида!*... Поэт: “Амур—тиран и смертных и богов!” — Еврипид (485/484 или 480—406 до н.э.) — древнегреческий трагедιοграф. Лукиан в начале сатиры “Как следует писать историю” рассказывает, что в 4 в. до н.э. в г. Абдеры во время летней жары народ был так возбужден зрелищем трагедии Еврипида “Андромеда”, что, выйдя из театра и в течение всего времени, пока длилась жара, выкрикивал и распевал этот стих из монолога Персея. Этот пример приводит и Ж.-Б. Дюбо в книге “Критические размышления о поэзии и живописи” (1719), часть I, гл. 3.
- ¹⁸² *И древних красками наш образ воплотим.* — Ср. *Вольтер*. Опыт об эпической поэзии: “Надо живописать правдивыми красками, как древние, но не надо изображать то же, что они” (*Voltaire*. *Œuvres complètes*. P., 1876. T. 2. P. 356).
- ¹⁸⁴ *Мысль нашу облечем античными стихами.* — Эта строка, в которой принято усматривать квинтэссенцию поэтической программы Шенье, записана им на одном из немногих сохранившихся подготовительных набросков к поэме (См.: GW. P. 879) и датируется декабрем 1787 г. Ср. “Послание о моих произведениях” (наст. изд. Послание II).
- ¹⁸⁵ *Но те лишь вымыслы нас радуют вполне...* — Буало писал в III песни “Поэтического искусства” об эпической поэме: “На мифе зиждется и вымыслом живет”, а об изображаемых в ней мифологических героях: “Без этих вымыслов поэзия мертва” (пер. Э.Л. Линецкой).
- ¹⁸⁶ *Геликон* — горный массив в Центральной Греции, местопребывание муз.
- ^{217–218} ... *скованных умов ей жалоба смешна // Что слов и мыслей, мол, вся в прошлом новизна.* — Ж. де Лабрюйер (1645—1698) утверждал в начальных строках своего сочинения “Характеры.

- или нравы нынешнего века” (эти строки впервые появились в 5 изд. в 1690 г.): “Все давно сказано, и мы опоздали родиться, ибо уже семь тысяч лет на земле живут и мыслят люди” (пер. Ю. Корнеева и Э. Линецкой).
- 231 *Ей ведомы одной восторги золотые...* — Весь этот панегирик “пылающим умам” — полная противоположность рассудочным упрекам, адресованным в начале поэмы “несвязным, безумным творениям”, рожденным “в горячке”.
- 235–236 *Их сокровенный свет вовеки приземленным // Не явится умам...* — В этих строках намечается романтическое противопоставление “избранных” и “непосвященных” (см. также ниже о “паросском мраморе”).
- 244 *Усеятся берега бесценными слезами...* — По древнегреческому преданию, дочери бога солнца Гелиоса, скорбя по своему брату Фаэтону, превратились в тополя, а их слезы — в янтарь (См. *Овидий. Метаморфозы*. II, 584 и далее).
- 248 *Гробница из смолы, где мошка, как живая...* — Миниатюра в духе искусства рококо с его любовью к изображению насекомых, бабочек, птиц.
- 257–258 *Коль пред твореньями великих вновь и вновь // Ты трепетом объят...* — Ср. *Гораций. Наука Поэзии*, 269—270: “Образцы нам творения греков. // Ночью и днем листайте вы их неустанной рукой” (пер. М. Гаспарова). О том же писали Дю Белле в “Защите и прославлении французского языка” (Кн. II. Гл. 3), Буало во II песни “Поэтического искусства”.
- 263–284 *Умолкнет ропот их ... божественное слово.* — Безостановочное движение стиха в этих строках создает впечатление ничем не скованного творческого порыва.
- 267 *паросский мрамор* — знаменитый своей белизной мрамор, добывавшийся на о-ве Парос в Эгейском море.
- 274 ... *Атланта бремена* — небесный свод. Титан Атлант хитростью взвалил его ношу на плечи Геракла.
- 278 *Аполлон* — Имеется в виду Аполлон Бельведерский, римская мраморная копия, сделанная с греческого оригинала втор. пол. 4 в. до н.э. и находящаяся в Ватикане. Об этой статуе восторженно писал Винкельман в “Истории искусства античности” (Кн. VI, гл. 6). Эту и другие скульптуры, о которых идет речь ниже, Шенье мог видеть во время путешествия в Италию осенью 1786 г.
- 279 ... *тот, кем сражены чудовища Немеи...* — Геракл, убивший немейского льва и лернейскую гидру. Сохранились копии его статуй работы греческого скульптора Лисиппа (4 в. до н.э.): “Геракл в борьбе со львом” и так называемый “Геракл Фарнезе”, статуя, изображающая отдыхающего Геракла, опирающегося на палицу, на которой висит шкура немейского льва.
- 280 ... *мудрый Трои жрец...* — Лаокоон. Имеется в виду скульптурная группа “Гибель Лаокоона и его сыновей”, созданная родосскими скульпторами Агесандром, Афинодором и Полидором (ок. 50 до н.э.) и оказавшая большое влияние на развитие эстетической мысли во втор. пол. XVIII в. (об этой скульптуре писали Винкельман, Лессинг, Гете).
- 281 ... *иудеев вождь* — Моисей. Имеется в виду скульптура Микеланджело (созданная ок. 1515 г.), украшающая гробницу папы Юлия II в церкви Сан-Пьетро-ин-винколи в Риме.
- 285 *Так пусть и в наши дни...* — Характерный для всей поэмы “перепад”: почти визионерские грезы сменяются дидактическими призывами.
- 293 *Фетида* — морская нимфа, дочь Нерея, морского божества.
- 296 *Каллиопа* — одна из девяти муз, покровительница эпической поэзии.
- 297 *Урания* — одна из девяти муз, покровительница астрономии.
- 301 *О, Франции язык, ужель в тебе вина...* — Отстаивая “права” французского языка, Шенье учитывает мнение Лебрена, изложенное им, видимо, и в устных беседах, и в его сочинениях “Размышления о духе оды” (1736), “Замечания о поэтических вольностях великого Корнеля” (1760), “Рассуждение о Тибулле” (1763).
- 305–316 *Нет переводчика, довольного собой...* Неясным сделала его и неумелым.— Критические вы-

- пады Шенье полемически утрированы, однако они в определенной мере опираются на некоторые литературные тексты. Так, в предисловии к своему переводу “Илиады” (1699) А. Дасье (1654—1720) отмечала невозможность передать всю красоту поэмы средствами французского языка. В 1743 г. П.-Ф. Дефонтен (1685—1745) писал в «Рассуждении о “Георгиках”», предпосланным его переводу этой поэмы Вергилия: “Наши отцы передали нам язык тонкий и хитроумный, но слабый и небогатый, с затруднительной и робкой версификацией” (Цит. по: *Invention*. P. 183).
- ³¹⁷ *А Депрео, Расин, Лебрэн или Бюффон...* — Упоминание имени Никола Буало Депрео (1636—1711), поэта, критика, теоретика классицизма, свидетельствует о постоянной ориентации Шенье на классицистическую традицию. Расину он воздает должное и в “Опыте...”, называя его “одним из величайших”, и, отмечая похвалу его “ребяческую галантность”, добавляет: “... для меня было бы слишком мучительно упрекать в чем-либо Расина” (GW. P. 663). Появление рядом с именами Буало и Расина имени Лебрэна — это прежде всего дань уважения, которое Шенье питал довольно долго к своему старшему другу, к тому же Лебрэн как ученик Луи Расина (сына драматурга) считался продолжателем великой традиции, связующим звеном между эпохами. Бюффон был известен не только как ученый, но и как замечательный мастер слова, давший великолепные описания природы. Ему принадлежит известное выражение “стиль—это человек”, прозвучавшее в его речи “Рассуждение о стиле”, произнесенной во время вступления во Французскую академию (1753) и отстаивавшей ясность, простоту и живость изложения. Шенье разделял основные положения этой речи, о чем свидетельствуют его дальнейшие рассуждения об искусстве излагать свои мысли.
- ³¹⁹ *Руссо Жан-Жак* (1712—1778) — писатель, чьи общественно-политические и нравственные идеи нашли значительные отклики у Шенье. Под очевидным влиянием Руссо сложилось неоднозначное отношение его к Вольтеру, которого он подверг критике на страницах “Опыта...” (см.: GW. P. 656—657). На произведения Руссо опираются буколика “Свобода”, элегия III, ряд других элегий отмечен его влиянием. В одном из элегических фрагментов вспоминается эпизод из романа Руссо “Юлия, или Новая Элоиза” (1761; см.: GW, P. 552, № XXII).
- ³²⁰ *Монтескье Шарль де Секонда, барон де* (1689—1755) — французский писатель. На страницах “Опыта...” имя Монтескье и его знаменитые произведения “Персидские письма” (1721) и “О духе законов” (1748) упоминаются неизменно с глубоким уважением (см.: GW. P. 683, 685, 686, 692). Шенье отмечал слог Монтескье, “который заставил избитые, банальные слова выражать новые вещи, (...) который поразил нас, когда в тех же выражениях, что ежедневно срываются с наших уст в самых обычных разговорах, стал говорить о вещах столь значительных и говорить о них столь хорошо” (GW. P. 683). На труды Монтескье “Рассуждение о причинах величия и упадка римлян” (1734) и “О духе законов” Шенье опирался, когда писал “Опыт...” и поэму “Замысел”.
- ³²¹ *О, нет, у них она // Стремительна, остра, насыщена, плавна...* — В этих строках слышится отзвук той характеристики языка, каким он становится под пером гения, которую дает Лебрэн в “Рассуждении о Тибулле: “... я всегда полагал, что та многословная бедность, в которой упрекают наш язык, существует на самом деле лишь в скудном воображении авторов, совершенно не ведающих о его богатствах. Не думаете ли вы, как я, что у того, кто обладает гением и вкусом, язык станет точным, полнокровным, богатым, благородным, разнообразным, живописным и возвышенным?” (*Le Brun*. Œuvres. P., 1811. T. IV. P. 402).
- ³³¹ *А тот, кто демона господство ощущает...* — Шенье следует платоновской концепции творчества (развитой Платоном в диалогах “Ион”, “Федр”) как “одержимости”, неистовства, даруемого свыше некоей божественной силой (эта сила и обозначалась у греков словом “демон”; в римской мифологии демону соответствовал “гений”). Вместе с тем, на основе платоновской трактовки вдохновения в этом фрагменте создается отчасти предромантический образ поэта, что соответствовало наметившемуся во второй половине века характеру интерпретации понятия “гений” (См.: *Van Tieghem P. Le grégoanisme*. P., 1946. T. I. P. 63—64).
- ³⁴¹ *Ио* — в греческой мифологии жрица Геры, в которую влюбился Зевс. Гера превратила ее в корову и наслала овода, преследовавшего Ио по многим землям.

345–347 *Так пламенный поэт... // Тревожен, мечется, бежит в лесные чащи... — В подлиннике:*

Tel le bouillant poète, en ses transports brûlants,
Le front échevelé, les yeux étincelants,
S'agite, se débat, cherche en d'épais bocages
S'il pourra de sa tête apaiser les orages...

Эти строки, возможно, получили отклик в стихотворении А.С. Пушкина “Поэт” (1827):

Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

(Пушкин. Т. III. С. 65)

359–360 *Так из главы отца... // Минерва восстает... —* Греческая богиня Афина, с которой отождествлялась римская Минерва, родилась из головы Зевса (который проглотил ее мать, океаниду Метиду) в полном снаряжении. Изображалась в виде суровой и величественной девы в шлеме, с копьем (которое у Шенье заменено мечом) и щитом.

361–362 *... в доспехе, что страшим // Горгоны образом... —* Персей, убивший Медузу Горгону, чудовище, обитавшее на краю земли, отдал ее отрубленную голову Афине; она прикрепила этот трофей на свой панцирь (эгиду).

363 *Красой тосканское наречие прельщает... —* Тосканский диалект стал основой итальянского языка. Шенье знал итальянский язык, на котором написал октавами стихотворение, посвященное Мэри Косвей (см. о ней примеч. к элегии XXX).

377 *В кастильском... —* Метонимическое обозначение испанского языка, который Шенье изучал.

378 *Taхо —* река в Испании и Португалии.

379 *араб неукротимый. —* Шенье проявлял интерес к мусульманским цивилизациям, ведь он родился в Турции. Один из братьев его матери перешел в мусульманство. Отец, долгое время служивший в Марокко и написавшей книгу “Исторические изыскания о маврах” (1787), видимо, охотно рассказывал сыну об арабской культуре.

ИДИЛЛИИ

Стихотворения, составившие этот раздел и следующий (“Фрагменты”), большей частью помечены (в тех рукописях Шенье, которые сохранились) сокращенными греческими словами “буколика” или “идиллия”. Датировке они практически не поддаются, за редким исключением. Можно предположить, что писал их Шенье вплоть до революции, хотя, возможно, что некоторые были созданы им и после (так, фрагмент “Из глины тридцать чаш...” помечен 1792 г.).

{1} *Oaristys*

Источник — идиллия Феокрита — носит то же название. *Oaristys* — любовная болтовня (греч.). Греческие имена богов заменены, как всегда у Шенье, римскими. Заключительные пять строк феокритовой идиллии опущены.

Следует отметить необычную для Шенье усложненную систему рифмовки, что придает особую изысканность произведению. Грация и окрашенный в тона юмора “простодушный” эротизм этой идиллии близки поэтике рококо.

¹ *Елену некогда простой пастух пленил. —* Троянский царевич Парис, сын Приама и Гекубы, похитивший Елену, жену Менелая, царя Спарты, вырос в семье пастуха: из страха перед пророчеством, согласно которому Парис должен был стать причиной гибели Трои, он был брошен в горах.

- ²¹ *Диана* — эта девственная богиня считалась покровительницей целомудрия. Она была также помощницей рожениц.
- ⁴¹ *Луцина* — в римской мифологии богиня-покровительница брака (отождествлявшаяся с греческой Илифией), “ведавшая” родами.

(2) Фрагмент

Заглавие дано Латушем. Впервые приведено Шатобрианом в примечании к гл. 6 кн. III. Ч. II “Гения христианства” со следующим комментарием: “Вот несколько фрагментов, которые мы удержали в памяти, словно созданные греческим поэтом, настолько они полны духа античности” (*Chateaubriand*. P. 422).

Последние четыре строки в рукописи составляют отдельный фрагмент, не связанный с предыдущим.

Стихотворение переводили *Авр. Норв**, *Д. Ознобишин*, *И. Козлов*, *В. Любич-Романович*, *С. Дуров*, *А.К. Толстой*.

- ¹⁰ *Неэрой белою и белой Галатеей*. — Женские имена превалируют в буколиках. Имя Неэра с его звияющими гласными позволяет поэту достичь той мечтательной певучести, которая особенно акцентирована в идиллии “Неэра”. Галатеея — прекрасная дочь морского божества Нерея, морская нимфа. Повторение эпитета (одного из постоянных у Шенье: ср. “Бела я и стройна...”, “Нагая, белая...” — фрагмент “Когда в полдневный зной...”), мелодичность и звучность имен создают эффект “навязчивого” видения, прекрасной грезы. Мимо этого приема не прошли романтики. Ср. финальную строку стихотворения А. де Мюссе “Майская ночь” (1835): “La blanche Oloosone à la blanche Camyre”.

(3) Слепец

Сохранился прозаический набросок поэмы. Источники — Гомеровский гимн «К Аполлону Делосскому» “Жизнь Гомера” Псевдо-Геродота; *Вергилий*. Эклога VI, 26 — до конца.

В ст. 172, 196, 269—270 перевода внесена правка. Ст. 157—158, 205—206 даны в новом переводе.

Преклонение перед Гомером Шенье пронес через всю жизнь. Интерес к “первобытным” гениям явился выражением предромантических тенденций европейской литературы втор. пол. XVIII в.

Шенье обращается в поэме к одной из любимых тем предромантизма и романтизма — “Поэт и общество”. Презираемый в большом мире, гений у Шенье находит сочувствие лишь в идеальном, идиллическом мире маленького острова.

“Слепец”, как и другие небольшие поэмы этого раздела, отличается предромантическим приближением к историческому освоению античности, подробным описанием примет материальной культуры прошлого, точным изображением древних нравов и обычаев.

Еще до публикации влияние этой поэмы испытал Ш. Мильвуа (1782—1816), имевший доступ к рукописям Шенье еще в ту пору, когда они находились у Мари-Жозефа (См.: *Poésies*. P. XXIX): оно очевидно в элегиях Мильвуа “Нищий Гомер” и “Состояние Гомера и Гесиода” (впервые опубликованных в его сборнике “Элегии в трех книгах”, 1815). Батюшков перевел эту последнюю элегию Мильвуа (“Гезиод и Омир соперники”, 1816—1817), не избежав, таким образом, косвенного влияния Шенье.

Начало стихотворения переводили *А. Пушкин*, *В. Брюсов*, с некоторым сокращением — *П. Вейнберг*, полностью — *К. Павлова*.

² *Кларосский Аполлон* — в греческом городе Кларосе (в Ионии) находилось святилище Аполлона.

³⁹ ...как *Томирис*, не спорил с *Фебом* я... — *Томирис* (видимо, ошибочное прочтение Латушем

* Курсивом выделены имена авторов, чьи переводы и подражания включены в наст. изд. (ред.).

- имении *Thamiris*) — имеется в виду поэт и кифаред из Фракии Фамир (Фамирид), вызвавший муз на состязание и за это ослепленный ими и лишенный дара пения (см.: *Гомер. Илиада. Песнь II, 594—600*).
- 62 *Могу сравнить ваш стан я с пальмою Латоны...* — Преследуемая Герой Лето (Латона) родила Аполлона и Артемиду на острове Делос, в родовых муках обнимая ствол пальмы.
- 76 *Купцами из Симэ...* — По предположению Л. Бека де Фукьера, речь идет о маленьком острове, расположенном вблизи юго-восточного побережья Малой Азии (см.: *Poésies. P. 10*).
- 77 *... Карийских берегов бежал я...* — Кария — область на юго-востоке Малой Азии.
- 102 *Ведь некогда певец...* — По преданию, фракийский певец Орфей пением и игрой на кифаре зачаровывал животных и растения: “Песнями тигров смирял и сдвигал дубы вековые” (*Вергилий. Георгики. Песнь IV, 510*. — Пер. С. Шервинского).
- 108 *... Ты позабавишь нас...* — В подлиннике — *Amuse notre ennui*. О. Мандельштам отмечает близость этих слов и строки из стихотворения Пушкина “Поэт и толпа” (1828): “А мы послушаем тебя” (см.: *Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 270*).
- 113 *Мнемозина* считалась матерью девяти Муз, которых родила от Зевса.
- 129 *Сикос* — По предположению Бека де Фукьера, Шенья имел в виду остров Сирос (острова под названием Сикос не существует), который Гомер описал в “Одиссее” как благодатное место (Песнь XV, 403 и далее). См.: *Poésies. P. 14*.
- 137 *Аргос, Коринф* — древнейшие греческие города.
- 141 *Наивная цикада // Не так ли на кусте поет и песне рада?* — Ср. *Гомер. Илиада. Песнь III, 150—152*:
 Старцы, уже не могучие в брани, но мужи совета,
 Сильные словом, цикадам подобные, кои по рощам,
 Сидя на ветвях дерев, разливают голос их звонкий...
 (Пер. Н. Гнедича)
- Свойственное поэтике Шенья явление: образ, почерпнутый в античной поэзии, преломляется сквозь призму рококо с его склонностью к изображению насекомых, обретает частичный сентименталистский оттенок (“наивная”, в подлиннике — “невинная”) и одновременно служит для предромантической характеристики поэта, который находит последнее прибежище в искусстве и полон высокой беспечности.
- 155 *силваны* — итальянские божества лесов, лугов, садов.
- 157 *Он, развивая песнь, как свиток...* — В изображении вдохновенной импровизации Гомера подчеркнут ее экстагический характер — в соответствии с античными представлениями о творчестве как божественном наитии. Вместе с тем, его образ предвещает и романтический апофеоз творца, создающего свой, особый мир.
- 172 *Об их пророчествах...* — В “Илиаде” Гомера конь Ахиллеса предрекает ему смерть (XIX, 405—418).
- 186 *... всех дочерей Нереея...* — Нерей имел пятьдесят дочерей-нереид.
- 190 *... лужайки асфоделей...* — Асфоделели цвели в царстве мертвых.
- 197–200 *Когда в Лемносе он... Венеру заманил!* — Лемнос — остров в северной части Эгейского моря; на Лемносе находилось святилище бога огня и кузнечного ремесла Гефеста, или Вулкана. Вулкан сетью собственного изготовления накрыл изменявшую ему Венеру и ее возлюбленного Марса. *Арахна* — в греческой мифологии искусная ткачиха из Лидии, вызвавшая Афины на состязание в ткачестве и в наказание превращенная в паука.
- 201–202 *... Когда окаменил... // Ниобу...* — У похвалявшейся своими детьми Ниобы Лето (Латона) велела Аполлону и Артемиде поразить стрелами всех семерых сыновей и семерых дочерей. Ниоба окаменела от горя.
- 204 *Эдона* (Аэдона) согласно греческому мифу завидовала своей невестке Ниобе, имевшей много детей, и пыталась убить ее старшего сына, но по ошибке убила своего собственного сына Игила и была превращена в соловья.

- ²¹³ *Осса* — высокая гора на северо-востоке Греции, составляющая вместе с Олимпом горную цепь, отделяющую фессалийскую равнину от Эгейского моря.
Пеней — река, которая берет начало в горах Пинда в Фессалии, протекает между Олимпом и Оссой и впадает в Эгейское море.
- ²¹⁴ ...*Кровавый... пир...* — На свадьбе царя лапифов (или лапифов — так называлось племя гигантов, обитавшее на севере Фессалии) Пирифоя произошло их сражение с кентаврами, которые пытались похитить женщин, в том числе, невесту Пирифоя. Лапифы одержали победу. В своем описании этого сражения Шенье опирается на “Метаморфозы” Овидия (XII, 210 и далее). Эта битва часто изображалась древними художниками и скульпторами (западный фронтон храма Зевса в Олимпии, южные метопы Парфенона, фриз храма Тесея в Афинах).
- ²¹⁵ *Тезей* (Тесей) — мифический герой, убивший чудовище (полубыка, получеловека) Минотавра, ставший царем Афин, участвовавший в битве с кентаврами.

⟨4⟩ Свобода

В конце стихотворения помета Шенье: “Начато в пятницу вечером 10 и закончено в воскресенье вечером 12 марта 1787”.

Идея стихотворения почерпнута у Руссо (“Юлия, или Новая Элоиза”. Ч. 4. Письмо XVII): “Вот так и получается (...) что земля открывает свое плодородное лоно и щедро дарит свои сокровища счастливым народам, когда они возделывают ее для самих себя. Она будто улыбается и оживает, радуясь сладостному зрелищу свободы, она любит питать людей. Зато убогие лачуги, полуопустевший край, где земля заросла вереском и терновником, издали возвещают, что там властвует всегда отсутствующий господин и что земля скупо дает рабам те жалкие плоды, коими они имеют право пользоваться” (Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М., 1968. С. 479. — Пер. Н. Немчиновой).

Это одно из трех произведений, созданных весной 1787 г. (наряду с “Гимном справедливости”, наст. изд. “Гимн Франции”, и “Посланием о моих произведениях”) и свидетельствующих об отклике поэта на предреволюционную обстановку. В этой буколке, одной из немногих у Шенье, построенных строго по законам жанра, происходит столкновение идиллии с “антиидиллией”, выявляется хрупкость искусственного мирка рококо, неспособного уберечься от надвигающегося мрака. При всем просветительском пафосе разоблачения тирании, сочувствия рабу, ставшего злым в силу обстоятельств, основная мысль произведения: раб страшен как потенциальный тиран. Отсюда пессимистическая окраска всей буколки, в которой последнее слово остается за рабом.

В оригинале Шенье фигурируют козопас и овчар.

¹¹ *Церера* — итальянская богиня полей, земледелия, плодородия.

¹²⁷ *Немезида* (Немесиды) — в греческой и римской мифологии богиня возмездия.

⟨5⟩ Больной юноша

Впервые упомянуто Шатобрианом. Прочитывая фрагмент “Хромида юного зову...”, он отметил: “Другая идиллия, под названием “Больной”, слишком большая, чтобы ее цитировать. полна самых трогательных красот” (*Chateaubriand*. P. 422).

П. Димов указал античный источник этого стихотворения: роман Т. Продрома “Приключения Роданты и Досиклеса” (См.: *Dimoff*. Т. 2. P. 298).

Произведение Шенье стоит в ряду идиллий, изображающих любовь в духе античных представлений о ней, т.е. как тяжкий недуг, наваждение (Ср. “На Иде стонешь ты ...”, “Из Еврипида”).

Среди подражаний этой поэме отметим сразу несколько, появившихся в журнале “Мюз франсез” (1823—1824): “Больная девушка” А. де Сен-Вальри, “Юная умирающая мать” г-жи де Тастю, “Жалоба” А. Мишеля, “Двойная агония” Н. Ламарка.

В ст. 93 перевода внесена правка.

Переводил *Авр. Норов*, подражал *П. Вейнберг*.

- ² ... *Пифона победитель*... — Пифон — мифический дракон, охранявший близ Дельф оракул Геи. Был убит Аполлоном, основавшим там свой оракул.
- ¹² *Менал* — гора в Аркадии, упоминаемая у Феокрита и Вергилия.
- ^{33–34} *Покров и жар постели // Недуга тайный зной усиливают в теле*. — Ср. *Расин*. Федра, д. I, сц. 3.
- ^{41–42} ... *фессалиянка, узрев мои страданья... творила заклинанья*. — Фессалия славилась своими колдуньями и приворотными зельями.
- ⁴⁴ ... *не ведал ты Цереры*... — “Ученая” перифраза, означающая “ничего не ел”. *Церера* — см. примеч. к ст. 11 идиллии “Свобода”.
- ⁵⁷ *О эримантские холмы!* — *Эриманта* (правильнее Эриманф) — река в Аркадии и Элиде, приток реки Алфей.
- ⁷⁵ *Там, над возвышенной оградой из камней*... — Стараясь приблизить образ античности, Шенье делал заметки об особенностях античного быта, в частности, о способах сооружения изгородей (см.: *Dimoff P. Notes inédites d'André Chénier // Revue d'histoire littéraire*. 1969. N 6. P. 956).
- ⁹³ *Не Эгла ли*... — Ср.: *Вергилий*, Эклоги. VI, 21.
- ¹¹³ ... *Слоновой кости торс — Амура, гордость нашу*... — Шенье особенно внимателен к таким мелочам, в изобилии рассыпанным у античных поэтов, но дорогих и искусству рококо с его любовью к изящным безделушкам.

(6) Нищий

Сохранился прозаический набросок поэмы.

П. Димов отметил близость описаний пира у Шенье и в романе Ж.-Ж. Бартеlemi “Путешествие юного Анахарсиса в Грецию” (1788; См.: *Dimoff*. Т. 2. P. 276), из чего следует, что “Нищий” написан не ранее 1788 г. (См. также: *Kramer C. André Chénier et le “Voyage du jeune Anacharsis” // Neophilologus*. Gröningen, 1947. N 31. P. 29—36).

Стихотворные фрагменты поэмы (в смеси с прозаическим пересказом) были впервые опубликованы в “Журналь де Пари” 16 и 19 февраля 1812 г., а затем перепечатаны Ф.-Ж.-М. Файолем (литератором и математиком) в книге под названием “Литературная смесь из неизданных фрагментов Дидро, Кейлуса, Тома, Ривароля, Андре Шенье и др.” (1816). Публикуя «Эпические фрагменты неизданной поэмы Андре Шенье, озаглавленной “Нищий»» вслед за “Рассуждением в стихах об описательных поэмах” М.-Ж. Шенье, Файоль писал в предисловии: «Нам захотелось объединить стихотворения двух братьев и мы вслед за этим произведением помещаем фрагменты эпической поэмы Андре Шенье, где есть одновременно простота Феокрита и возвышенность Гомера.

В заключение отметим здесь названия сочинений Андре Шенье, оставшихся неопубликованными: план поэмы о завоевании Перу [речь идет о поэме “Америка” — *Е.Г.*], фрагменты “Искусства любви”, библейская поэма [т.е. неоконченная поэма “Сусанна” — *Е.Г.*] и несколько книг “Элегий” (*Fayolle. Mélanges littéraires, composés de morceaux inédits de Diderot, de Caylus, de Thomas, de Rivarol, d'André Chénier etc.* P., 1816. P. vij-viii).

Один из источников поэмы — описание встречи Одиссея и Навзикаи в VI книге “Одиссеи” Гомера.

В “Нищем”, как и в “Слепце”, Шенье стремится до мельчайших подробностей передать атмосферу древности, ее быт, дать почувствовать своеобразие ее обычаев, в данном случае — законов гостеприимства. Герой поэмы “Нищий”, как и герой поэмы “Слепец” — личность, возвышающаяся над окружающими, но если Гомера отличал творческий дар, то Клеота — сила страдания, полнота одиночества. Описание его одиноких блужданий, отторженности от всех людей, обретает предромантический колорит за счет превращения образов внешнего мира в знаки “вселенского” страдания, изображения фигуры страдальца на фоне устрашающих, грандиозных природных явлений.

В ст. 297 перевода внесена незначительная правка.

- ³ ... *Вблизи Ахейских гор, в пределах Керинеи...* — т.е. на севере Пелопоннеса, где находилась гора Керинея.
- ⁴ *Кратис* — река в Ахайе, на севере Пелопоннеса.
- ³⁸ ... *в десятый раз...* — в первой публикации речь идет о двенадцати годах девочки. Так принято и в современных изданиях.
- ^{72–84} *Сверкает золото .... как пестрые цветы.* — Этот фрагмент — образец воссоздания “местного колорита”, который будут так ценить романтики. Источники Шенье: *Катулл*, LXIV, 43—49; *Вергилий*. Энеида. Кн. I, 637—642; 725—727.
- ¹¹⁷ *Гарния* — гарпии были духами бури. Изображались в виде безобразных и злых полуптиц, полуженщин.
- ²⁰⁹ *Борей* — бог северного ветра.
- ³⁰¹ *Свершая в Дельфах жрец божественный обряд...* — В Дельфах (на юге Греции, в области Фокида) находилось знаменитое святилище Аполлона.
- ³⁰⁴ *Фермоилы* — ущелье в Центральной Греции, отделяющее ее от Фессалии.
- ³²⁴ *тирский пурпур* — т.е. ткань, окрашенная в пурпур, произведенный в городе Тире. Пурпурная краска считается финикийским изобретением. Тирский пурпур наиболее высоко ценился.

(7) *Мназил и Хлоя*

Пробуждение чувства любви в робких и целомудренных юношах и девушках — одна из частых тем рококо, восходящая, впрочем, к античности (роман Лонга “Дафнис и Хлоя”): ср. живопись Ф. Буше, Ж.-Б. Греза, скульптуру Клодиона. Однако не фривольность, а несколько манерная наивность, легкая грусть, мечтательность, характерные для рококо, привлекают Шенье. В этой буколке достигается эффект подлинного “поочередного” пения: симметрия реплик (сперва их по шесть, затем по четыре, наконец по две), мерный, мелодичный стих создают впечатление свирельного напева.

Ст. 7—9 переводил *Авр. Норв*. Подражал *Н. Щербина*.

(8) *Лидэ*

Первые восемь строк составляют в рукописи отдельный фрагмент и восходят к библейской “Песни песней” (1,5—6). В рукописи его завершают еще две строки, опущенные Латушем:

Не стала б я бежать без устали туда,
Где бродят не твои, но чуждые стада.

Тональность этого стихотворения (страстность в сочетании с некоторой суровостью) отлична от тональности следующего фрагмента, который в рукописи предварен пометой: “Женщина, поэтесса, поет так” (что, быть может, означало намерение Шенье сделать этот монолог частью диалогической идиллии).

Тема приобщения к тайнам любви, когда грань между детством и юностью еще зыбка, материнский тон более искушенной женщины, берущей на себя активную роль по отношению к подростку с “девическим взглядом”, общая атмосфера истомы и размягченности — все эти черты сближают данный фрагмент с эротическими сценками в духе рококо.

Предпоследняя строка слегка изменена Латушем, а последняя опущена, в подлиннике: “... назойливую рать // Летучих непосед, без умолку звенящих, // Которых так влекут уста беспечно спящих”.

Отзвуки этой идиллии различимы в стихотворении Пушкина “Сафо” (1825; см.: *Кибальник С.А.* Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л., 1990. С. 195).

Переводили *А. Ротчев, Н. Греков, А. Фет, А. Суворин*. Подражал *А. Кондратьев*.

- ¹⁶ ... *Застенчивость мила девического взгляда.* — В подлиннике: “Ton regard est celui d’une vierge timide...”. Ср. *Пушкин А.С.* “Сафо”: “И первой младости красой женоподобной” (Пушкин. Т. II. С. 422).

⟨9⟩ Аркас и Палемон

Заглавие и имена действующим лицам этой идиллии были даны Латушем. Речь Палемона — близкое подражание первым четырем строфам оды Горация (Кн. II, 5). Используя античный источник, Шенье “вписывает” его в контекст эротической поэзии рококо: здесь вновь и особенно настойчиво обыгрывается возраст между детством и юностью героини, нанизываются изощренные сравнения, имеющие прозрачный эротический смысл.

В подлиннике в конце еще две строки: “Каштана скорлупа, как долго ни кололась, // Отпугивая всех, сегодня раскололась”.

Переводили *Авр. Норв, И. Крешев*. Подражал *Н. Щербина*.

¹ *Дамалида* — имя героини в греческом языке означает “телица”. Такие имена характерны для древнегреческой пасторальной и драматической поэзии.

²² *Флора* — римская богиня цветов и юности.

⟨10⟩ Вакх

Источники: *Овидий*. *Метаморфозы*. Кн. IV, 11 и далее; *Наука любви*. Кн. I, 527—568.

Стихотворение принадлежит к числу тех у Шенье, что мастерски воскрешают мир античного мифа и выдают восторженное отношение, ностальгическую тягу к прошлому самого поэта: в данном случае это выражается, в частности, в избыточном, “гипнотизирующем” перечислении древних имен (ср. Дополнения, цикл “Диана”), которое придает стихотворению характер заклинания, заворуженного, молитвенного созерцания прекрасных образов.

¹⁻² *Вакх* — одно из имен греческого бога виноградарства и виноделия Диониса. Дионис именовался также *Тионей* как сын Семелы, смертной женщины, прозванной Тиона после ее вознесения на Олимп, *Эван* — имя, этимологически связанное с призывом вакханок “Эвоя!”, которым они сопровождали свое шествие, *Иакх* — по имени греческого божества, которое чествовалось во время Элевсинских мистерий (наряду с Деметрой и Персефой) и отождествлялось с Дионисом, *Леней* — по названию священной местности в Греции, где проходили зимние празднества в честь Диониса.

⁴ ... *На острове печаль умерил Ариадны*. — Ариадна, дочь критского царя Миноса, помогла Тесею выбраться из лабиринта, где он убил Минотавра. Тесей обещал жениться на ней, но на острове Наксос покинул ее. Ариадну взял в жены Дионис, явившись ей в блеске своего величия и красоты.

⁶ ... *Из бивней... огромного слона*. — Ср. *Лукиан*. *Разговоры богов*, 18: “... этот бог... пошел со своей женской ратью на Индию, захватил слонов, завоевал всю страну...” (пер. С. Сребрного).

¹² *менады*, или вакханки, с распущенными волосами, в оленьих шкурах, с факелами и тирсами, сопровождали Диониса в экстатическом шествии, сокрушая все на своем пути.

¹⁴ *Эвий*, имя Диониса, означающее “плющ”, “плющевой”. Плющом и виноградными лозами увиты он и его спутники.

¹⁷⁻¹⁸ ... *Тимпанов гулких гром... флейты звук...* — Детальное описание музыкальных инструментов — одна их характерных особенностей буколик Шенье, восходящая к античной пасторали и одновременно позволяющая сделать предромантический акцент на теме творчества, искусства как основополагающих ценностях бытия (ср. “И в прошлом вижу я...”).

²¹ *Силен* — в греческой мифологии воплощение стихийных сил природы. Силен был воспитателем Диониса.

²² *Тот, на осле едва держась...* — Ср. *Овидий*. *Наука любви*. Кн. I, 543—544:

...старец нетрезвый Силен, на усталом осленке
Еле сидит и рукой пряди отводит со лба...

(Пер. М. Гаспарова).

²⁴ *Покинув Индию... склоны*. — Силен сопровождал в Индию Диониса, отправившегося туда после скитаний по Египту, Сирию, Фригии и Фракии.

⟨11⟩ Эвфрозина

Название дано Латушем. На полях рукописи помета: “Девочка десяти лет, которую называют ребенком, а она сердится”.

Чувствительность сентиментализма и нежное умиление, отличающее рококо, благоприятствовали развитию темы детства в литературе и искусстве XVIII в. Этой теме уделено значительное место в буколических Шенье.

Ф. Скарф обращает внимание на полное отсутствие в этом стихотворении риторических фигур, его очищенность от клише и перифраз (см.: *Scarfe*. P. 166).

Переводили *Авр. Норв, В. Туманский, И. Козлов, Н. Курочкин, Д. Сушков, А. Ромм*.

⟨12⟩ Гилас

В оригинале — еще три строки в начале, приглашающие послушать историю Гиласа.

Заглавие и подзаголовок даны Латушем. Источник Шенье — XIII идиллия Феокрита. Геракл первоначально участвовал в походе аргонавтов вместе со своим любимцем, юношей Гиласом, однако во время стоянки у малоазийских берегов, когда Геракл отправился в лес, чтобы сделать себе новое весло, Гиласа, который пошел набрать для него воды, увлекли на дно нимфы источника. Пока Геракл разыскивал юношу, корабль аргонавтов отчалил.

¹ *Корабль, достойный сын сосновых роц Пеней...* — Образчик “ученой” перифразы, которой Шенье нередко усложняет свои стихи. Корабль аргонавтов был построен из деревьев, росших на склонах горы Пелион близ реки Пеней (см. примеч. к ст. 213 поэмы “Слепец”).

³ *... эвксинских вод...* — Греки называли Черное море Понт Эвксинский.

¹² *... Слал другу свой ответ — неслышимый и напрасный.* — Шенье обрывает свое подражание Феокриту, идиллия которого имеет еще несколько финальных строк. Такая незавершенность, предоставляющая простор для домысливания (в данном случае звук голоса словно все продолжает звучать) — отличительная черта буколических Шенье. На звуке голоса, музыкального инструмента обрываются и некоторые другие его идиллии (ср., например, “Неэра”).

¹³ *К тебе, де Панж...* — Это “посылка” представляет собой отдельный фрагмент, не связанный с предыдущим. Она имеет помету: “Завершить одну [идиллию. — Е.Г.] так”.

⟨13⟩ Неэра

Одно из стихотворений Шенье, посвященных (как и “Гилас”) теме смерти, исчезновения юного, прекрасного существа. Поэт следует примеру древних, в самой смерти утверждая сладость и прелесть жизни (как он писал в “Опыте...”, греки “встречали смерть в венках из роз”. — GW P. 647). В духе рококо эта красота жизни, умилительная и хрупкая, обретает особую остроту на постоянно ощущаемом фоне смерти, небытия.

“Неэра” представляет собой образец характерной для многих буколических Шенье недосказанности.

Переводили *Авр. Норв, И. Крешев, Б., Е. Милич, Г. Русаков*.

¹ *Как лебедь царственный...* — Образ, восходящий к начальным строкам VII героиды Овидия:

Так, припадая к сырой траве над потоком Меандра,
Белый лебедь поет в час, когда судьбы зовут.

(Пер. С. Ошерова).

Быть может, этот образ Шенье вспомнили Латуш в заключительных строках своего предисловия (“Так погиб этот юный лебедь...”; см. наст. изд.). и Мальвуа в финале “Рассуждения в стихах о независимости писателя” (1806):

Так лебедь величав, когда росой небесной
Белей снегов омыт, и с сладостью прелестной,
Пред часом роковым воспев в последний раз,
Кончает в песнях жизнь, и восхищает нас.

(Пер. В. Измайлова // Стихотворная речь
о независимости ученого мужа. М., 1806. С. 15)

¹⁹ *О, братья ль возгорят бессмертные Елены...* — Братья Кастор и Полидевк (Диоскуры), сыновья Леды (как и Елена), превращенные в звезды и перенесенные на небо, где появляются попеременно в виде утренней и вечерней звезды в созвездии Близнецов. Почитались как покровители моряков.

²¹ *Пестум* — греческая колония на юге Италии, основанная в 7 в. до н.э., город, славившийся своими розами, которые цвели дважды в год — в мае и ноябре.

ФРАГМЕНТЫ <идиллий>

Включение тех или иных стихотворений Шенье в раздел “фрагменты” (“идиллий” или “элегий”) носит у Латуша, как и у последующих составителей, достаточно произвольный характер. Латуш вообще старался подчеркнуть незавершенность произведений Шенье.

<1> “Облагорожен был, о Эта, склон твой шумный...”

Источник: *Овидий. Метаморфозы. Кн. IX, 165—272.* Смертельно раненный отравленной стрелой Геракла кентавр Несс подарил, умирая, Деянире, жене героя, свою пропитанную кровью и ядом туннику, якобы обладающую приворотной силой. Деянира, вскоре приревновав мужа, послала ему эту одежду. Ужасные мучения заставили Геракла сложить костер на вершине горы Эта и взойти на него, но боги вознесли его на Олимп, приобщив к числу бессмертных.

Стихотворение характерно своим монументальным, эпическим характером, стремлением воссоздать героический дух древних мифов (которое проявилось и в заключительной части поэмы “Слепец”).

Переводили *А. Пушкин, П. Кусков.*

<2> “Она цвела красой, мне ж было лет так мало...”

Перед текстом помета Шенье: “Юноша скажет так:”.

Переводили *Д. Ознобишин, А. Майков, А. Пальм, Н. Греков, Б. Алмазов, А. Федоров, Га-н, В.Д., И. Можайский.*

<3> “И в прошлом вижу я душою умиленной...”

Бек де Фукьер усмотрел некоторое сходство этого стихотворения с идиллией Гесснера “Лик и Милон” (См.: *Poésies. P. 132*). В центре этого стихотворения — главные ценности мира буколик: искусство и любовь, четкие и вместе с тем отдаленные, исполненные света и печали.

Переводили *Д. Бутурлин, Вс. Рождественский. Подражали А. Пушкин, М. Михайлов.*

<4> (Подражание Платону)

Источник: эпиграмма Платона “Спящий Эрот” (AP, XVI, 210). Характерно, что в буколике Шенье “мы” оригинала (“Только в тенистую рощу вошли мы, как в ней увидали // Сына Киферы...”, перевод Л. Блуменау) заменено на “я”. Такое непосредственное включение лирического героя в мифологическую картину свидетельствует о склонности к субъективно-эмоциональному изображению прошлого.

Стихотворение перевел *А. Федоров. Подражал А. Бржеский.*

⁷ ... *роем новым...* — Мир буколик — молод, и мир не только людей, но и растений, животных, даже — насекомых.

(5) «Желаю славную награду получить...»

Пример “ученой” идиллии. Источник: *Вергилий*. Георгики. Кн. III, 113—117:

Первым посмел четверню в колесницу впрячь Эрихтоний
И победителем встать во весь рост на быстрых колесах.
Повод и кругом езда — от пелефронийцев лапифов,
И на коня, и с коня научивших наездника прыгать
В вооруженье, сгибать непокорные конские ноги.

(Пер. С. Шервинского)

² *Эрихтоний* — мифический царь Афин, имевший полузмеинное, получеловеческое тело. Считался изобретателем квадриги.

⁹ *лапиф* — см. примеч. к ст. 214 поэмы “Слепец”.

(6) “Когда в полдневный зной заманчив темный грот...”

В этой идиллии вновь происходит как бы “личное” приобщение к красоте мифологического мира.

Переводили *Е. Баратынский, И. Крешев, И. Мамуна, Б. Алмазов, Н. Кроль, В. Саводник, В. Рождественский*. Подражали *А. Пушкин, А. Ромм*.

² ... *Под влажный, сумрачный ... свод...* — В подлиннике: “sous un roc frais et sombre”. Эта строка получила, быть может, отклик в отрывке Пушкина 1824 г.:

Приют любви, он вечно полн
Прохлады сумрачной и влажной...

(Пушкин. Т. II. С. 472).

⁸ ... *Чело, увенчанное тростником приречным*. — Ср. *Гесснер*. Идиллия I: “Моя Муза ... следит в гротах за нимфами, увенчанными тростником” (*Gessner*. *Swvres*. P., s.a. T. I. P. 12).

(7) “На Иде стонешь ты, бледна, простоволоса...”

В рукописи озаглавлено “Пасифая”.

По мнению Ф. Скарфа, написано после 1788 г. (См.: Scarfe. P. 195).

В оригинале после ст. 4 следуют еще 4 строки, опущенные Латушем, видимо, по причине их чрезмерной учености:

Конечно, на берегах Амниза шлет Луцина
Прекрасных сыновей красавицам Гортины.
В своих гимнасиях благословенный Крит
Питомцев более достойных лицеэрит.

(*Амниз* — река, *Гортина* — город на Крите)

Источники: *Вергилий*. Эклога VI, 45—58; *Овидий*. Наука любви. Кн. 1, 311—322.

Стихотворение, близкое по накалу страсти “Большому юноше”, посвящено изображению сокрушительной и слепой силы Эроса.

Такое проникновение в дух античных представлений о любви как о болезненном наваждении, рабстве вело к выходу за рамки эротической поэзии рококо.

Пасифая, жена царя Крита Миноса, воспыкала любовью к посланному Посейдоном белоснежному быку, которого Минос отказался принести в жертву этому богу (по другой версии мифа, бык был послан Афродитой).

¹ *Ида* — горы на Крите.

⟨8⟩ (*Подражание Томсону*)

Подражание фрагменту из поэмы Дж. Томсона “Времена года” (“Осень”, 167—174). Одна из немногих буколик Шенье, отмеченных откровенным влиянием сентиментализма.

⁵ *Кибела* — см. примеч. к ст. 133 поэмы “Замысел”. Шенье не смог обойтись без мифологизма, которого у Томсона нет (а есть “Бог”).

⟨9⟩ (*Перевод из Еврипида*)

Первые шесть строк завершают стихотворение “Медея”, одно из самых ранних у Шенье, помеченное 1778 г. Их источник: *Вергилий*. Эклога, VIII, 45—50. Сохранилась более поздняя (не датированная) приписка поэта: “Мне было шестнадцать лет. Есть несколько хороших стихов”. Опубликованный Латушем фрагмент в рукописи не имеет названия, но снабжен примечанием Шенье: “Надо добавить к переводу стихов Вергилия о Медее, который я, помнится, сделал прежде, когда был еще в коллеже, перевод великолепного начала “Медеи” Еврипида...” Это он и осуществил.

Волшебница Медея, мстя Ясону (которому она помогла овладеть Золотым руном) за намерение взять другую жену, убила своих детей от него. Это образчик “ученой” идиллии, перегруженной мифологизмами, однако калейдоскоп мифологических событий и имен не лишен суггестивной силы.

⁷ ... *Ясоновым пловцам...* — Т.е. аргонавтам, предпринявшим на корабле “Арго” плавание в Колхиду за Золотым руном.

⁸ ... *Не дал пройти Боспор к эвксинским берегам...* — Корабль аргонавтов с трудом проскользнул среди движущихся скал, по преданию преграждавших вход в Черное море.

Ср. *Еврипид*. Медея. “Пролог”:

О, для чего крылатую ладью
Лазурные, сшибаяся, утесы
В Колхиду пропустили? И зачем
Ель падала на Пелий...

(Пер. И. Анненского).

⁹ *Когда б их замыслу противилась Афина...* — Афина помогала Ясону и его товарищам строить корабль и научила их, как проплыть через Боспор.

¹⁰ *Амфризская долина* — Амфриз — река, протекающая у подножия Пелиона.

¹² *Тифий* — кормчий корабля “Арго”, руководивший спуском его на воду (См.: *Аполлоний Родосский*. Аргонавтика. Песнь I, 105—114; 381—383).

¹³ *Фасис* — река в Колхиде на границе с Малой Азией, впадающая в Черное море (отождествляется с рекой Риони на Кавказе).

¹⁴⁻¹⁶ ... *золотую шерсть... барана... что беглецам Нефела... дала, // Но Гелла на спине его не доплыла!* — Нефела, жена мифического царя Фив Афаманта, детей которой — Фрикса и Геллу — хотела погубить их мачеха, на златорунном баране отправила их в Колхиду. Гелла, упав с его спины, утонула в море, которое стало называться Геллеспонт (современный пролив Дарданеллы).

⟨10⟩ *«Из глины тридцать чаи, дочь пастуха седого...»*

Написано во время пребывания Шенье в Нормандии в эпоху революции, после прекращения им публицистической деятельности, в разгар бурных политических событий (накануне свержения монархии 10 августа 1792 г.). В конце стихотворения помета: “Увидено и сочинено в Катийоне, близ Форжа, 4 августа 1792 г. и записано на следующий день в Гурнэ” (Форж — курорт в Нормандии, известный целебными источниками; Катийон и Гурнэ — местечки в его окрестностях).

Стихотворение представляет собой точную зарисовку с натуры, однако, если учитывать обстановку, в которой оно было написано, трудно избавиться от впечатления, что эта идиллия имеет и аллегорический смысл (быть может, неосознанно вложенный в нее поэтом). В этой краснобурой, непокорной телке есть что-то от восставшего народа, избравшего красный колпак в качестве символа свободы.

Переводили В. Бенедиктов, А.К. Толстой, Вс. Рождественский.

³ *телица* — Шенье “знает” только это слово “высокого” стиля (*génisse*), отсюда и проистекает смысловое противоречие, в силу которого телка оказывается дойной коровой.

⟨11⟩ (Из *Мосха*)

Перевод Эпиграммы VIII древнегреческого буколического поэта Мосха (род. ок. 150 г. до н.э.).

Стихотворение переводили В. Бенедиктов, А.К. Толстой.

⁷ ... *Вновь под ярмом тебя Европы успокою...* — Влюбившийся в Европу Зевс превратился в прекрасного быка и, когда она играла на берегу, увез ее на себе через море на Крит.

⟨12⟩ *Эпилог*

В рукописи без названия с пометой: “Надо начать одну [т.е. идиллию. — Е.Г.] так”.

³ *Чтоб девам городов явить она сумела...* — Эти галантность и манерность начала “Эпилога” — не единственная попытка Шенье усвоить салонный тон литературы рококо.

⁶ ... *аркадских пастухов...* — Судя по этому и другим заявлениям Шенье, он ставил своей целью показать неприкрашенных пастухов, какими они, по его мнению, изображались в античной поэзии, противопоставляя их героям итальянских и французских барочных пасторалей в “Опыте...”: “эти аффектированные чувства, вычурный стиль (...) эти любовные переживания (...) делают из их пастухов совершенно условных существ...” (GW. P. 660).

¹⁰ *Вергилий* вновь (как и в поэме “Замысел”) оказывается на первом месте среди поэтов, которых Шенье считает своими образцами, что объясняется прежде всего данью классицистической традиции.

¹²⁻¹³ *Гермус* (Герм) — река в Малой Азии, впадающая в Эгейское море. В этих краях родился древнегреческий поэт Бион (конец 2 в. до н.э.)

¹⁴ ... *И кровь Адониса преображал в цветы.* — Сохранилась “Эпитафия Адонису” Биона, полная скорби о возлюбленном Афродиты, который был смертельно ранен на охоте кабаном. Афродита превратила Адониса в цветок, из его крови выросли розы.

¹⁵ *Аретуза* — нимфа, превращенная в источник возле Сиракуз на острове Ортигия (ныне соединенном с Сицилией).

¹⁶ *Мосх* и *Феокрыт* были уроженцами Сиракуз.

¹⁸ ... *К долинам Цюриха она стремилась взор, // Дриадам Гесснера задумчиво внимая...* В Цюрихе родился и жил швейцарский поэт и живописец С. Гесснер (1730—1788).

³⁰ *Помона* — в римской мифологии богиня плодов и фруктовых деревьев.

ЭЛЕГИИ

Большинство элегий Шенье написано до революции. Они в целом распадаются на две группы: любовные и медитативные. В любовных имя Ликориды объединяет самые ранние произведения — 1778—1783 гг., а имя Камиллы — более поздние. Доля подражательных фрагментов в любовных элегиях выше, чем в медитативных. В последних очень большую роль играют воображение, мечтания, и они более самостоятельны.

Среди произведений, отнесенных Латушем в раздел элегий, есть несколько либо восходящих к античным идиллиям, либо помеченных у самого Шенье как буколики (или идиллии). Эти стихи в антологическом роде не имеют строго элегического или пасторального характера.

Элегия первая.

“О, Авель, юных тайн наперсник благосклонный...”

В рукописи эта элегия помечена цифрой 5 и озаглавлена: «К Фонда».

Переводили Н. Греков, А. Федоров.

- ¹ *Авель* — Абель Луи Франсуа де Малартик де Фонда (1760—1804), друг юности Шенье, учился с ним в коллеже.
- ¹² *Прокна* (греч. миф.) — жена фракийского царя Теряя. Зевс превратил ее в соловья, уберегая от мести мужа.
- ¹⁶ *И словно ... кузнечик, друг кустов...* — В подлиннике — “цикада” (la cigale); сравнение поэзии с голосом цикады, восходящее к античности, устойчиво у Шенье. Ср. в поэме “Слепец” ст. 141—142 и примеч. к ним.

Элегия II, подражание идиллии Биона

Источник: Идиллия III Биона.

Переводил С. Дуров.

- ¹ *Пафос* — город на западном побережье Кипра, место почитания Афродиты. *Книд* — портовый город на юго-западном побережье Малой Азии, где находилось святилище Афродиты с ее статуей работы Праксителя.
- ¹⁶ *А близ Менала бог нас флейтой услаждает...* — Менал — см. примеч. к ст. 12 поэмы “Больной юноша”. Бог — Пан, который сделал пастушью флейту, соединив несколько камышовых трубочек.
- ²¹ *Не избежал сетей Венеры сам Плутон...* — Бог подземного царства Плутон, влюбившись в Прозерпину, похитил ее и увел в подземный мир.

Элегия III.

“О, строки, вас рука любимой начертала!”

Источники: *Проперций*. Элегии. Кн. I, 11; *Руссо Ж.Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. Ч. I. Письма XIX, XXI; стихотворение Н. Леонара “Разлука” (“Absence”, 1770).

Этой элегии дал тонкую и сочувственную характеристику О. Мандельштам в “Заметках о Шенье”: “Странно после античной элегии со всеми аксессуарами, где глиняный кувшин, тростник, ручей, пчелиный улей, розовый куст, ласточка — и друзья, и собеседники, и свидетели, и соглядатеи любящих, найти у Шенье уклон к совершенно светской элегии в духе романтиков, почти Мюссе, как, например, — третья элегия “A Camille”, — светское любовное письмо, утонченно-непринужденное и взволнованное, где эпистолярная форма почти освобождается от мифологических условностей, и течет свободно живая разговорная речь романтически мыслящего и чувствующего человека”. Далее Мандельштам приводит по-французски финал этой элегии (начиная со ст. 73) и пишет: “В этих строчках слышится письмо Татьяны к Онегину, та же домашность языка, та же милая небрежность, лучше всякой заботы: это так же в сердце французского языка, так же сугубо невольно по-французски, как Татьянино письмо по-русски. Для нас сквозь кристалл пушкинских стихов эти стихи звучат почти русскими...” (*Мандельштам О.* Заметки о Шенье // Слово и культура. С. 97—98).

Под именем *Камиллы* здесь, как и в ряде других элегий, воспета Мишель де Бонней (1748—1829), “самая прелестная женщина Парижа” (*Souvenirs de Mme Vigée-Lebrun*. P., 1835. Т. I. P. 40), которую поэт, по свидетельству одного из современников “безумно любил” (см.: *Poésies*. P. XXVII).

Подражал Д. Ознобишин.

- ⁷ *Арва* — река в Альпах, в Верхней Савойе. Шенье во время поездки в Швейцарию видел место ее слияния с Рейном.

¹⁰ *Сенар* — лес, расположенный в юго-восточных окрестностях Парижа. Поблизости от него находилось загородное имение г-жи де Бонней.

^{73–80} *А после ты меня так мило вопрошаешь... Ах, помни обо мне!* — Образец “естественного” усвоения античного источника, претворения “чужого” в “свое”: эти заключительные строки представляют собой подражание одной из сцен комедии Теренция “Евнух” (д. 1, сц. 2, ст. 110—116).

Элегия IV.

“Ах, я их узнаю, и на сердце светлее”

Датируется 1781 или 1782 гг.

Источник ст. 1—8 и 21—28: Гораций. Оды. Кн. III, 4 (“К Пизонам”).

¹³ *Ликорида* — имя возлюбленной римского элегического поэта Гая Корнелия Галла (69—26 до н.э.), основоположника жанра римской элегии; произведения его не сохранились (см.: Вергилий. Эклога X). Ср. ст. 39 элегии XV, где Шенье называет себя его именем.

²² ... *сабинскими полями...* — Имеется в виду территория в центральной Италии, севернее Рима, где в древности жило италийское племя сабинов. Там находилось имение Квинта Горация Флакка (65—8 до н.э.) Сабинум.

²³ *Фалерн* — винодельческая область в Италии, воспетая Горацием.

²⁴ *Бандузия* — источник, воспетый Горацием; местоположение его точно не известно. Он находится неподалеку от сабинского поместья римского поэта.

²⁵ *Анио* (совр. Аниене, или Тевроне) — левый приток Тибра, на его берегах — в Тиволи — находились многочисленные загородные имения, в том числе вилла императора Адриана (2 в. н.э.) со множеством скульптур и живописных полотен.

³⁵ *Так, шумная пчела...* — Сравнение поэта с пчелой восходит к античности и отвечает тяге рококо к прелестным миниатюрам. Ср. элегии X, XVI, XXIV.

³⁸ ... *птичкой крохотной...* — Имеется в виду колибри. Этот красочный, миниатюрный образ близок эстетике рококо.

⁴⁶ *Леда* — в греческой мифологии супруга спартанского царя Тиндарея, соблазненная Зевсом, который принял облик лебеда.

⁵¹ *Протей* (греч. миф.) — морское божество, обладавшее даром перевоплощения.

Элегия V.

“Куда же ты бежишь, красавица младая?”

Источник: Гораций. Оды. Кн. III, 12.

Стихотворение антологического характера.

Переводили Авр. Норов, А. Пушкин. Подражали Н. Языков, В. Красов, С. Соловьев.

Элегия VI.

“Друзья, на берегах вы остаетесь Сены...”

Датируется серединой 1786 г. Обращено к братьям де Панж. Шенье намеревался совершить вместе с братьями Трюденами длительное путешествие вплоть до берегов Греции, однако эти планы не осуществились (в конце ноября 1786г. Шенье сообщал в одном из писем, что едет один и только в Италию). В связи с предстоящими странствиями он написал несколько элегий, в которых его воображение устремляется в будущее, побеждая пространство и время.

⁶ ... *Здоровье, что меня по-прежнему тревожит...* — Мотив болезни, индивидуализирующий образ поэта, постоянен в элегиях Шенье. Ср. элегия VII, ст. 55—56; элегия XXI, ст. 19; элегия XXVII, ст. 33—34, Дополнения, “Ах, нет, поверьте мне, я позабыть не в силах”, ст. 6.

³³ *родная Византия* — Ср. 5 фрагмент элегий, ода III, ст. 1; “Искусство любви”, ст. 8; Дополнения, “Привет вам, Геллеспонт, Эвксина nereиды...”.

- ³⁴ *Смирна* — город на западном побережье Малой Азии. Считается одним из наиболее вероятных (наряду с островом Хиос) мест рождения Гомера.
- ³⁵ *Поверьте, что везде вас будет помнить друг...* — Реминисценция из “Персидских писем” Ш. Монтескье (письмо I): “... будь уверен, что, в каком бы уголке света я ни очутился, я останусь твоим верным другом”. Эти слова, по признанию Шенье, запомнились ему еще в ранней юности (см.: GW. P. 685—686).
- ³⁹ ... *дуновения живительного ток, Нас согревающий...* — По представлениям Аристотеля, с неким живительным дуновением проникает в кровь человека душа, поддерживающая жизненное тепло.
- ⁶² ... *Когда же низойдут угрюмые Плеяды...* — Захождение за горизонт созвездия Плеяд (в ноябре) знаменует начало зимы.

Элегия VII.

“Сейчас, когда я смерть так близко различаю...”

Датируется 1783 г., когда произошло обострение болезни Шенье.

Источники: *Проперций*. Элегии. Кн. II, 13; *Тибулл*. Элегии. Кн. III, 5.

Тема ранней смерти поэта — одна из любимых тем предромантизма и романтизма.

Переводили К. Фофанов (ст. 1—40), И. Можайский.

- ^{37–38} ... *младость... // ... радость...* — Так и в подлиннике: *jeunesse—allegresse*, рифма, ставшая в элегической поэзии клишированной. Появляется и в опирающемся на эту элегию фрагменте стихотворения Пушкина “Андрей Шенье”: “Судьба лелеяла мою золотую младость; // Беспечною рукой меня венчала радость...” (Пушкин. Т. II. С. 400).
- ⁴² ... *Я мало их вкусил, и вот я умираю.* — Парафраз I Книги царств (14, 43): “(...) я отведал (...) немного меду, и вот, я должен умереть.” Одна из несчастных у Шенье реминисценций из Библии, свидетельствующих о его хорошем с ней знакомстве.
- ⁴³ *Еще до вечера мой ясный день погас.* — Шенье сам отмечает близость этой строки аналогичным у Малерба, Лафонтена и Петrarки, спокойно утверждая преемственность традиции (см.: GW. P. 807).
- ⁵⁵ ... *сжигающий недуг...* — См. примеч. к элегии VI, ст. 6.

Элегия VIII.

“Зачем меня корит томлением моим...”

Источники: *Проперций*. Элегии. Кн. I, 12; Кн. II, 1.

- ²⁴ *Идалий* — гора и город на Крите с храмом Венеры.
- ⁷⁰ ... *остров Схерию...* — Схерия — чудесный остров, населенный сказочным счастливым народом, где нашел приют Одиссей и откуда он был доставлен на родину.
- ⁸¹ ... *зов геликонид...* — Т.е. муз.

Элегия IX.

“Так, Трою покорив и мощь ветров и волн...”

Датируется, как и элегия VI, серединой 1786 г. и посвящена предстоящему путешествию.

² *Лаэртос сын* — Одиссей.

... *феакский челн...* — царь феаков Алкиной предоставил Одиссею корабль, на котором тот вернулся домой.

- ^{5–14} *Над бухтой он навес скалистый узнает... И долгий век ему сулят, и много благ.* — В этих строках Шенье опирается на описание Гомера (Одиссея, песнь XIII, 100—108). *Старик морей* — Форкис, в греческой мифологии сын Понта и Геи, властитель бурного моря.

³¹⁻³² ... с наивной... Музою... — Этот характерный для Шенье образ музы, отмеченный чувствительностью сентиментализма и наивной грацией рококо, постоянен в его элегиях (Ср. Элегии I, XL)

*Элегия X.
Шевалье де Панжу*

Ст. 45—56 переведил А. Пушкин.

³⁰ *Новорожденного...* — Строка, очевидно, не окончена в подлиннике (он не сохранился)

⁸⁸ *Под сенью дальних роцз наполненные чаши...* — Совмещение дальнего плана и четкой детали создает эффект “наплыва” воспоминаний.

*Элегия XI.
“Ах, в чащи унесу печальное томлень!”*

Переводил И. Бек.

*Элегия XII.
“Печальной мудрости я внял беспрекословно”.*

Образец “исповеди”, обращенной к друзьям.

Элегия XIII, подражание идиллии Мосха

Источник: XVI идиллия Биона (а не Мосха). Впоследствии источник указывался правильно (хотя в изд. 1833 г. отсылка к Мосху сохранилась). Русский перевод идиллии Биона см.: Античная лирика. М., 1968. С. 259.

Стихотворение Шенье переводили И. Козлов, А. Пальм, А. Фет, А. Сомов.

*Элегия XIV.
“Уединение покиньте, о, богини!”*

Источник ст. 1—8: Аристофан. Облака. 269—272.

Согласно Г. Шенье, эта элегия написана в начале лета 1791 г. (см.: Изд. 1874. Т. 3. Р. 302). Его мнение было оспорено Бекком де Фукьером (см.: *Vesq. Documents*. Р. 23—25). По своему характеру элегия гораздо ближе к дореволюционным. Представляется сомнительным появление такого произведения в разгар публицистической деятельности Шенье.

Ст. 1—65 переведил Д. Глебов.

³ *Ним* — город на юге Франции. Расположенные в его окрестностях живописные долины славились проводимыми там красочными празднествами.

²² *Поэт ненадобный...* — Мотив безвестности звучит также в элегиях XVI, XVIII, XXIV, XXXII.

²⁹⁻³⁰ *Вдовица... в дом введенная Вооза...* — Руфь собирала колоски на поле богача Вооза и была взята им в жены (Книга Руфи, 2—4).

³¹⁻³² *Иосиф, что в Сихем веселый держит путь, // Где братьев встреча с ним не радует ничуть...* — Иосиф, единственный сын Иакова от Рахили, явился в Сихем, где его братья пасли скот, в разноцветной одежде, подаренной отцом. Братья, давно завидовавшие любимцу отца, бросили Иосифа в колодезь (Бытие, 37, 12—24).

³⁴ *...Тому, кто столько лет стерег Лавана стадо.* — Иаков, чтобы получить в жены Рахиль, должен был служить у него два семилетних срока (Бытие, 29, 1—30).

⁴⁹ *О, Меланхолия!...* — Идеализация меланхолии — устойчивая черта литературы конца XVIII — начала XIX в.

⁶⁰⁻⁶¹ *... подвижная лазурь // Колеблет берега...* — Характерное для рококо обыгрывание мотива зеркального отражения мира.

66–70 *Юлия... Кларисса... Клементина* — героини широко известных в то время сентименталистских романов: “Юлия, или Новая Элоиза” Ж.-Ж. Руссо, “Кларисса” (1747—1748) и “История сэра Чарлза Грандисона” (1754) С. Ричардсона.

Элегия XV.

“Хотел бы навсегда смежить страдалец вежды...”

Источники: *Тибулл.* Элегии. Кн. II, 6, ст. 19—27.

9–10 *Дни горестны... нету мочи.* — Ср. *Тибулл.* Элегии. Кн. II, 4, ст. 11—12.

Элегия XVI.

“О, дни моей весны, пора в венке из роз...”

Датируется 1787 г. Стихотворение разрабатывает восходящую к античности тему выбора маргинальной позиции в литературе ради независимости. Н. Лемерсье привел эту элегию как пример “достойного восхищения характера” (см. первую статью). О мотиве безвестности см. примеч. к ст. 22 элегии XIV.

Переводил В. Римский-Корсаков.

16 *Монтинья* — В этом месте, в 40 км к юго-востоку от Парижа, находилось имение Трюденов.

18 *Марна* — один из притоков Сены; Шенье вспоминает находившееся вблизи этой реки имение де Панжей, где он часто гостил.

22–24 *... пусть вельможам льстит и угождает он, // Пусть ... Гнуть спину и кривить душою не стыдится...* — О возможном отражении этих строк в стихотворении Пушкина “Из Пиндемонта” (1836) см.: *Гречаная Е. П.* Пушкин и А. Шенье // ВПК. Л., 1987. № 22. С. 101.

53 *Сафо* (Сапфо) — древнегреческая поэтесса (втор. пол. 7 в. до н.э.).

55 *... Оссиан-слепец...* — Оссиан — легендарный шотландский бард (3 в. н.э.). Под его именем Дж. Макферсон опубликовал в 1761 г. сборник стилизованных поэм в прозе.

Элегия XVII.

“Попреки, слезы... Вот, друзья, она — пред вами...”

Элегия представляет собой образец нередкого у Шенье драматизированного монолога (или диалога) в духе комедий (и комических опер) рококо.

Переводил П. Якоби.

Элегия XVIII.

“Как? Мне учить тебя божественным стихам...”

Обращено к маркизу де Бразе (см. примеч. 24 к предисловию Латуша). Написано в Страсбурге не позднее октября 1782 г., когда де Бразе, получив отпуск, уехал из гарнизона в свое поместье в Нормандии.

Источник ст. 45—64: *Тибулл.* Элегии. Кн. I, 3, ст. 89 — до конца.

В ст. 5—8, 10, 13—16 перевода внесена правка. Ст. 21—22, 38—42 даны в новом переводе.

5–9 *Лет прошлых мастера ... великая природа... Вот кто водитель наш...* — Ср.: “Замысел”, ст. 195—196, 257—258.

15 *... Сафо... с лужаек Митилены...* — Митилена — город на острове Лесбос, где жила Сапфо.

27 *Сурат* — город и порт в Индии.

Элегия XIX.

“Не мне ль неверности обет она давала...”

Источник: *Проперций.* Элегии. Кн. I, 15.

Элегия близка по типу элегии XVII (см. примеч. к ней).

Ст. 5—8, 33—40 даны в новом переводе.

Переводил П. Якоби. Подражал Б. Алмазов.

Элегия XX (В древнем вкусе)

В рукописи помечено как идиллия под названием “Юная Тарентинка” и в современных изданиях печатается в разделе буколик.

Впервые: *Mercure de France*. 1 germinial, an IX (20 mars 1801) под заголовком: “Элегия в древнем вкусе покойного Андре Шенье (эта пьеса не издана)”. Текст сопровождала анонимная заметка: “Молодой человек, автор этих строк, подававший самые большие надежды в литературе, был убит по приказу революционного трибунала. Несколько статей, опубликованных им в 1792 г. в “Журналь де Пари”, доказали его смелость и политический дар. Он любил поэзию и посвящал ей дни. Оставшимся после него рукописям стихов, которые он не успел просмотреть, часто не достаёт правильности и чистоты, но в них не раз проявляются античный вкус и поэтический талант” (*Mercure de France*. P. 6—7). Предположение, что публикатором и автором заметки был М.-Ж. Шенье, в последнее время оспорено (см. первую статью). В текст были внесены некоторые исправления, наиболее существенное — в последнюю строку (в подлиннике: “И косы уместить елею не успела”).

С подзаголовком “Элегия в древнем вкусе” и под названием “Юная Тарентинка” стихотворение было затем опубликовано в “Альманахе муз” (в 1802 г.), в “Декад философий, литерер и артистик” (также в 1802 г.) и ряде других периодических изданий. Приводим тексты, сопровождавшие публикации в “Альманахе муз” и в “Декад философий...”. “Этот юноша, кроткий, честный, скромный и общительный, любимый сын достойного и добродетельного отца, рожденный, чтобы своими познаниями и талантом прославить в литературе имя Шенье, стал одной из жертв, заклятых революционной тиранией в III году” (*Almanach des muses*. P., 1802. P., 113). В рецензии на это издание бывший союзник Шенье литератор П. Женгене писал в “Декад философий...”: “Одна из самых трогательных пьес сборника, хотя и небольшая по объему, — прелестная элегия в древнем вкусе несчастного и достойного вечного сожаления Андре Шенье. Каждый раз, когда я ее перечитываю, я вновь и вновь оплакиваю автора, исчезнувшего, когда мы были почти рядом в тюрьме Сен-Лазар, всего за 3 дня до 9 термидора. Я не могу отказать себе в удовольствии, смешанном с печалью, и не переписать здесь эту элегию всю целиком”. Далее приводилось стихотворение “Юная Тарентинка”. Затем Женгене продолжал: «Издатель альманаха поместил вслед за этой трогательной элегией примечание, которое приветствовали бы все те, кои знали и любили Андре Шенье, если бы не коварный поворот этой заметки, заключающий столь же недобрые, сколь и несправедливые намеки (...) Человеку, который в равной мере был другом обоих братьев, следовало бы защитить одного из них от тех, кои не знали ни одного, ни другого...». Конец рецензии Женгене посвящен защите Мари-Жозефа (*Décade*. X année. I trimestre. P., An X. P. 231—232). Издателем “Альманаха муз” был в то время друг семьи Шенье литератор Ж.-Б.-Э. Виже.

Стихотворение Шенье имеет в качестве источников ряд античных образцов: “Плач об Адонисе” Биона, эпитафии Антипатра Македонского и Ксенокрита Родосского (AP, IX, 215; VII, 291). Один из возможных источников — сцена смерти Виргинии в повести Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера “Поль и Виргиния” (1787).

Переводили Н. Гнедич, Авр. Норов, И. Козлов, В. Брюсов, Вс. Рождественский.

¹ *альционны* (алкионы) — Алкиона (греч. миф.) — супруга царя Кеика, бросилась в море после того, как утонул ее муж. Оба были превращены в зимородков. В брачный период этих птиц (зимой) стоит тихая погода, так называемые “алкионины дни”, благоприятные для плавания.

² *Фетиде милье...* — Ср. *Вергилий*. Георгики. I, 399; *Феокрит*. Идиллии. VII, 59.

³ *Тарент* — город на севере Италии, греческая колония.

⁴ *Камарина* — порт в Сицилии.

⁵ *Зефиров мыс* — южная точка области Бруттий (ныне Калабрия), расположенной на юго-западе Апеннинского полуострова.

Элегия XXI.

“Стихосложению научит нас искусство...”

Стихотворение характерно предвосхищением романтического субъективизма, утверждением права поэта на изображение противоречивых душевных переживаний, “самовыражение”.

⁷ ... диктует сердце нам... — Ср. “Замысел”, ст. 331—334.

¹⁹ ... сжигающий недуг... См. примеч. к ст. 6 элегии VI.

²³ Правдива речь его, хотя и не стройна... — Ср. “Замысел”, ст. 335—340.

Элегия XXII.

“Будь, вечно с нами будь, отец тончайших вин...”

Источники: *Тибулл.* Элегии. Кн. III, 6; *Проперций.* Элегии. Кн. III, 17.

²⁷ *Сьерра* — название гор в Испании.

²⁸ *Мадера* — остров в Атлантическом океане, к западу от Марокко, известен производством вин.

³⁰ *Сито* — местечко в Бургундии, прославленной своими винами.

Элегия XXIII.

“Ночь, горестная ночь! О тихая Аврора...”

В рукописи вместо имени Камиллы — аббревиатура D.'z.n., за которой скрыта та же Камилла, т.е. г-жа де Бонней см.: *Vuisson G. D.'z.n. // Revue d'histoire littéraire de la France.* 1975. N 1. P. 36—47.

В современных изданиях элегия имеет еще 22 строки. А. Ахматова отметила эту элегию как источник пушкинского стихотворения “Ночь” (1823), имея в виду, очевидно, ст. 11—18 (см.: *Ахматова.* С. 189).

Переводили В. Бенедиктов, Е.Р., П. Якоби.

Элегия XXIV.

“Будь для себя царем и обретешь блаженство.”

Ср.: *Горащий.* Послания. Кн. I, 10, ст. 9—10: “Я царем себя чувствую, только покину // То, что возносите вы до небес” (пер. Н. Гинцбурга).

В современных изданиях печатается в составе фрагментов незавершенной поэмы “Литературная республика”, датируемых: конец 1786 — начало 1787 г., и имеет еще 4 заключительных строки:

И, кроме бедности, ничем я не богат.
Я ничего не жду, никем не стал и рад.
Кто — добрый государь, а кто — бесчинства множит, —
Все эти мелочи мой сон не потревожат.

Жилище художника “под крышей”, в мансарде — впоследствии топоним литературы XIX в.

Переводил В. Римский-Корсаков.

^{19. 22} ... собираю мед. ... наполняю соты. — См. примеч. к ст. 35 элегии IV.

Элегия XXV.

“Ты, Ликорида, ты, пиров моих царица...”

Первый вариант этой элегии Шенье сопроводил большим комментарием (см.: *GW.* P. 872—875), основной пафос которого — стремление достичь совершенства античных образцов, точности, естественности и свободы выражения. В заключение он отметил: “Я написал эти 90 стихов и эти примечания 23 апреля 1782 г. перед тем, как идти в Оперу, куда сейчас собираюсь”. В окончательной редакции — 50 строк, которые Латуш сократил.

Источники: *Проперций.* Элегии. Кн. III, 5; *Горащий.* Оды. Кн. II, 11.

- ²¹ *Амфитрита* (греч. миф.) — дочь бога Нереея. Она и ее супруг Посейдон считались властителями моря.
- ²² *Титан* (греч. миф.) — титаны, сыновья Урана, боролись с богами-олимпийцами. Победенные титаны были низвергнуты в Тартар.
- ²³ *Этна* — вулкан на Сицилии.
- ²⁹ *Эвбея* — остров у восточного побережья Центральной Греции, отделенный от нее узким проливом, проход через который был очень труден.

Элегия XXVI.

"Коль счастья нет у них, есть ли оно на свете?"

Ст. 12—17 в подлиннике зачеркнуты с пометой: "6 стихов перенести в мою сельскую элегию". Эта элегия не сохранилась. Латуш восстановил зачеркнутые строки, внося изменения в ст. 16—17.

- ⁹ *...Укоров ласковых и детских уговоров!* — В подлиннике: "Et des noms caressants la mollesse enfantine" ("И ласковых имен детская мягкость") — строка, точно переданная Пушкиным: "И ласковых имен младенческая нежность" ("Дориде", 1820. — Пушкин. Т. II. С. 137). Отмечено впервые В.Г. Белинским (в статье: Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая, 1844), добавившим: «...если где имеет глубокий смысл выражение: "Он берет свое, где ни увидит его", то, конечно, в отношении к этому стиху, который Пушкин умел сделать своим» (Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. 6. С. 270).
- ¹³ *Филомела* (греч. миф.) — дочь афинского царя Пандиона, обесчещенная мужем своей сестры Тереем и превращенная в ласточку.
- ²³ *Лирус* — речка в Лации, области в Средней Италии.
- ²⁴ *Воклюз* — источник в селе того же названия, в 25 км от г. Авиньон на юге Франции.
- ²⁷ *Весь мир забыв навек — и миром позабыт!* — Строка, восходящая к Горацию (Послания. Кн. I, 11, ст. 9: "Всех позабывши своих и ими равно позабытый", пер. Н. Гинцбурга) и к "Посланию Элоизы" А. Поупа (ст. 208: "The world forgetting, by the world forget" — "Забывая мир, забытый миром"). Ср.: Пушкин. Послание Юдину (1815): "И, мир забыв и им забвенный // Покой души вкушаю вновь..." (Пушкин. Т. I. С. 171).

Элегия XXVII.

"О, сердце, покорись всевластью измененья".

Источники: Гораций. Оды. Кн. II, 9; Кн. I, 35.

Переводил Г. Кружков.

- ⁵ *Эвр* — юго-восточный ветер.
- ²² *...Потосских рудниках, Голкондских... недрах...* — Потоси — город в Боливии; рудники в его окрестностях были богаты серебром и медью. Голконда — государство в Индии (XVI—XVII вв.). В его одноименной столице, разрушенной в конце XVII в., были накоплены большие запасы драгоценных камней.
- ³³⁻³⁴ *...боль... // Что... страдальцу недра гложет.* — См. примеч. к ст. 6 элегии VI.

Элегия XXVIII.

"Нет! Чувства нет во мне! Другой ее ласкает."

Источники: Тибулл. Элегии. Кн. I, 5; 9.

Образец диалогизированной, театрализованной элегии. См. примеч. к элегии XVII.

Переводили Е. Милич, Д. Веденяпин.

Элегия XXIX.

"Итак, Гликерия нас ждет к себе на ужин?"

Источник (начиная со ст. 34): *Проперций*. Элегии. Кн. III, 8.

Ст. 1—31 переведил А. Ромм.

² ...с Амелией... — В подлиннике стоит не имя, а слово "сахоппе" (саксонка). зачеркнутое.

¹² *Киферон* — горы в Греции на границе Аттики и Беотии.

²⁵⁻²⁶ *Столько слез ... // Над прахом Мемнона и то не проливалось.* — Мемнон (греч. миф.) — сын богини утренней зари Эос, пал в Троянской войне. Мать ежедневно орошала его могилу слезами — росой.

Элегия XXX.

"В искусстве глиптики был сведущ Пирготел..."

Обращено к художнице Марии (Мэри)-Цецилие-Луизе Косвей (1765—после 1821), ирландке, родившейся во Флоренции. Шенье познакомился с ней зимой 1785—1786 гг., когда она приезжала в Париж. К ней обращены и некоторые другие стихи поэта. Умерла настоятельницей монастыря в Лионе.

¹ *Пирготел* — знаменитый греческий гравер (4 в. до н.э.)

¹⁶ *Арно* — река, на берегах которой расположена Флоренция.

³⁰ *Позилиппо* — холм с гротом близ Неаполя, где, по преданию, находится гробница Вергилия.

Элегия XXXI.

"Де Панж, любезный друг, ты все решаешь мудро..."

⁷ ...Сквозь толицы лет узрев... — Де Панж увлекался изучением древних культур.

¹⁰ *Декарт Рене* (1596—1650) — французский философ, математик и физик, основоположник философии рационализма.

Элегия XXXII.

"О, Каллимаха дух и ты, Филета тень..."

Источники: *Проперций*. Элегии. Кн. III, 1; 2.

Датируется: конец 1782— начало 1783 гг. (время пребывания Шенье в Страсбурге).

¹ *Каллимах* (ок. 300—ок. 240 до н.э.) — эллинистический поэт и ученый, глава александрийского поэтического кружка.

Филет Косский (4 в. до н.э.) — александрийский поэт с острова Кос.

⁹ *Безвестность и покой мне во сто крат милей...* — Ср. примеч. к ст. 22 элегии XIV.

²⁴ ...*Делии сестра...* — Делия — героиня элегий Тибулла.

⁴⁰ ...*скалы...Рифея.* — Рифей — горная цепь, предположительно, на севере Фракии.

⁴¹ *Под звуки лирные взнеслась ограда Фив...* — По преданию стены города Фивы были воздвигнуты Амфионом под звуки волшебной кифары, подаренной ему Гермесом (греч. миф.).

⁴² *Арион* (7 в. до н.э.) — греческий поэт и певец. По преданию, при возвращении на корабле в Коринф с сокровищами, он был ограблен моряками, которые хотели его убить. Получив разрешение сыграть в последний раз на кифаре, Арион бросился в море. Его спас дельфин, привлеченный звуками музыки.

⁵⁵ *Коринна* — имя возлюбленной римского поэта Публия Овидия Назона (43 до н.э.—ок. 18 н.э.)

⁵⁶ *Где имя Кинфии корой дерев хранимо...* — Кинфия — имя возлюбленной римского поэта Секста Проперция (ок. 47—ок. 15 до н.э.). Ср.: *Проперций*. Элегии. Кн. I, 18, ст. 21—22: "О, как тебя я зову под укромною тенью деревьев, // Как постоянно пишу "Кинфия" я на коре!" (пер. Л. Остроумова).

⁵⁷ *Где нет французами исхоженных дорог...* — Шенье свойственна устойчивая неудовлетворенность практически всеми (за исключением разве что трагедии) образцами поэтических жанров нового времени. Ср. "Эпилог", где выражается неприятие современной пасторали, "Замысел", ст. 79—84, где звучит призыв воскресить эпическую поэму. Между тем элегия не была забытым жанром во Франции, ее развивали К. Маро, П. де Ронсар, Л. Лабе, М. Ренье, Ж. де Лафонтен, Т. де Вьо и др. Наконец, она занимает значительное место и отмечена достижениями в творчестве современников Шенье Э. Парни и А. Бертена; см. первую статью.

⁷⁷ "Да ведь поэт со мной как будто век знаком!" — Ср. "Замысел", ст. 46 и примеч.

Элегия XXXIII.

"Де Панж! кто наделен душой простой и нежной..."

Датируется 1783 г.

Источники: *Гораций*. Оды. Кн. 1, 22; *Бион*. Идиллия VI (русск. пер. см.: Античная лирика. С. 259); элегические фрагменты Мимнерма Колофонского (7 в. до н.э. Русск. пер. см.: Там же. С. 136—138).

²⁴ *На буйную листву мы, смертные, похожи...* — Ср. Гомер. Илиада. Песнь VI, 146—149.

³² *Парка (рим. миф.)* — одна из трех богинь, плетущих и обрезающих нить человеческой жизни.

⁴⁷ *Была горестный удел Тифону уготован...* — По просьбе богини Эос Зевс сделал ее возлюбленного Тифона бессмертным, но богиня забыла испросить для него вечной молодости, и Тифон получил в удел нескончаемую старость (*греч. миф.*).

Элегия XXXIV.

"Пусть кто-нибудь другой свою лелеет славу..."

Написано в Страсбурге в ответ на послание Лебрена (см. с. 132 наст. изд.), в котором тот пророчил Шенье поэтическую и ратную славу.

Датируется: конец 1782 или начало 1783 гг.

³² *Орел Юпитера* — Орел — непременный атрибут Зевса, с которым отождествлялся римский Юпитер. В образе Юпитера были усилены черты бога войны и победы. У Шенье "орел Юпитера" — аллегория ратной славы (ср. *Вергилий*. Энеида. Песнь XII, 247).

⁵⁰ *Агригент* (Акрагант) — город на юге Сицилии. Славился богатством и красотой зданий, был родиной Эмпедокла.

⁵² *Эмпедокл* (ок. 495—435 до н.э.) — древнегреческий философ, врач.

⁵⁷ *...И ныне выбрала тебя...* — Лебрен с 1760 г. работал над дидактической поэмой "Природа", которая осталась не законченной. *Иппокрена* — см. примеч. к ст. 186 поэмы "Замысел".

⁶⁶ *Малерб Франсуа де* (1555—1628) — французский поэт, один из основоположников классицизма в поэзии.

⁶⁸ *Тиртей* (7 в. до н.э.) — древнегреческий поэт-лирик. Боевыми песнями и маршами он вдохновлял воинов-спартанцев на бой. Поставленный по совету оракула во главе войска, он своими песнями воспламенил дух спартанцев, и они одержали победу.

⁷⁰ *...строфой Алкея...* — Намек на оду Лебрена "Алкей против судей Лесбоса" (1781; Оды. Кн. V, 15), написанную по весьма прозаическому поводу — в связи с бракоразводным процессом. Алкей (конец 7—нач. 6 в. до н.э.), — древнегреческий лирик, участник политической борьбы на его родном острове Лесбос. Политические события стали основной темой его творчества. Ему приписывается изобретение особой "алкеевой" строфы.

⁷¹ *Тебе Гораций стал ... образцом...* — Гораций был автором двух книг сатир.

⁸⁶ *Уrania* — одна из девяти муз, покровительница астрономии.

⁹⁸ *Эрато* — одна из девяти муз, покровительница лирической поэзии.

¹⁰² *Фанни...Аглая* — имена женщин, воспетых Лебреном.

Элегия XXXV.

"Вчера, когда я шел, тобою упоенный..."

Имя "Дафна" введено Латушем вместо стоящей в подлиннике аббревиатуры D.'z.n. См. примеч. к элегии XXIII.

Источники: *Проперций*. Элегии. Кн. II, 29; Гораций. Эподы. XVII.

²¹⁻²² *Не так ли... // Смертельный яд пылал в Кентавре и в Геракле?* — См. примеч. к фрагменту идиллий "Облагорожен был, о, Эта..."

²³⁻²⁴ *Как раненая лань, // Несущая в груди свинец...* — Ср. *Вергилий*. Энеида. Кн. IV, 69—71. Этот образ, приобретший галантный характер, встречается и в оде VII.

²⁷ *Марна* — см. примеч. к ст. 18 элегии XVI.

Элегия XXXVI.

"О, жалкая судьба! о, тяжесть несвободы!"

Впервые опубликовано в 1802 г. без ст. 1—4, 11—12 Шатобрианом, который писал по поводу этой элегии, приведенной им после фрагмента "Хромида юного зову...": "Следующий фрагмент относится к другому роду: судя по той меланхолии, которой он проникнут, можно было бы сказать, что Андре Шенье, сочиняя это стихотворение, предчувствовал свою судьбу." (*Chateaubriand*. P. 422).

Написано в апреле 1789 г. в Лондоне. М.Н. Розанов отмечал связь этой элегии с 66 сонетом Шекспира и монологом Гамлета "Быть или не быть?" (См.: *Розанов М.Н.* Жан-Жак Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX века. М., Т. I. 1910. С. 529—530).

Наряду с элементами рационалистического взгляда на причины жизненных невзгод, риторическим переходом во второй части от 1 лица к 3, от конкретного к обобщенному, что было свойственно классицизму, в элегии намечается мотив романтической тоски, коренной неудовлетворенности жизнью (ср. написанные в это же время стихотворение "От близких, от друзей, от земляков вдали..." и четверостишие "Я все еще живу, я все еще страдаю", раздел "Дополнения").

Элегию отметили Стендаль в письме к сестре (см. первую статью) и в книге "О любви" (1822; см.: *Stendhal*. De l'amour. P., 1959. P. 114), В. Гюго в своей рецензии 1819 г. (цитированной в первой статье). "Генетическую" связь "Элегии" ("Безумных лет угасшее веселье...", 1830) Пушкина с этим стихотворением Шенье усмотрел Б.Г. Реизов (Пушкин и Андре Шенье // *Реизов Б.Г.* История и теория литературы. Л., 1986. С. 187—193). См. также: *Фришман Л.Г.* Три элегии // *Искусство слова*. М., 1973. С. 77.

Переводили *Н. Иванчин-Писарев, Е. Баратынский, А. Бржецкий*.

Элегия XXXVII.

(Подражание Асклепиаду)

Датируется 1782 г. В рукописи — под названием "Светильник". Сохранились также черновые наброски этого стихотворения, в одном из них говорится: "Почти всю эту элегию можно отнести на счет Асклепиада (...) У него есть эпиграмма, посвященная светильнику..." Асклепиад Самосский (3 в. до н.э.) — древнегреческий поэт. Сохранилось около 40 его эпиграмм, вошедших в "Палатинскую антологию". Русский перевод той, что имеет в виду Шенье — "Трижды трескущее пламя тобою клялась Геракле..." — см.: *Античная лирика*. С. 231; *Греческая эпиграмма*. М., 1960. С. 74. Другим источником является эпиграмма Мелеагра (ок. 140—70 до н.э.). Русск. пер. ("Ночь, священная ночь, и ты, лампада, не вас ли...") см.: *Античная лирика*. С. 280; *Греческая эпиграмма*. С. 161). Латуш опустил 4 строки после ст. 41 и 4 строки после ст. 63. Стихотворение переводили *В. Золотницкий, В. Римский-Корсаков*.

Элегия XXXVIII.

"Я для любви рожден, для этих нежных уз..."

Датируется 1786 г., когда "Камилла" окончательно покинула поэта ради нового возлюбленного.

- ³⁶ Кто, как Перилл, быка из меди отливает... — Смастерив медного быка, предназначенного для сжигания осужденных на смерть, чьи стоны превращались в мелодичные звуки, Перилл подарил его сицилийскому тирану Фаллариду, который предложил умельцу самому опробовать свое творение.
- ⁵³ Вы были немощны и хилы... — Отсюда и до конца — подражание Проперцию: Элегии. Кн. III, 24; 25.

Элегия XXXIX.

"Итак, скорее к ней! Ау, моя Камилла!"

Образец драматизированной сценки. См. примеч. к элегии XVII. Элемент иронии, шутивной самокритики, восходящий к античной элегии (в ней, в частности, устойчив мотив сговора возлюбленной и служанки), нарушает "классическое единство эмоционального тона" (по выражению Л.Я. Гинзбург).

Элегия XL.

Братьям Трюденам.

Датируется первыми месяцами пребывания в Англии (конец 1787—начало 1788 гг.). См. примеч. 16—17 к предисловию Латуша.

Личные впечатления от путешествия в Швейцарию тщательно пропущены сквозь литературные образцы и традиционные топосы, почерпнутые в античной поэзии.

Ст. 1—28 перевел Н. Греков.

- ²⁶ От Сциллы ускользнув, лечу Харибде в пасть. — Сцилла — мифическое морское чудовище, жившее в одном из морских проливов и пожиравшее всех, проплывавших мимо. По другую сторону пролива жило другое чудовище — Харибда, трижды в день всасывавшее в себя воду.
- ³⁸⁻³⁹ ...Где трое некогда героев-пастухов // Свою Гельвецию навек освободили... — Имеются в виду предводители трех объединившихся в борьбе против австрийского владычества швейцарских кантонов (Швица, Ури и Унтервальдена). В результате в 1315 г. было положено начало освобождению Швейцарии.
- ⁴⁴ Гасли — плодородная долина в швейцарских Альпах, окруженная ледниками и водопадами, неизменная цель путешественников по Швейцарии (см.: Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 137—142).
- ⁴⁶ Ааре ... от золота светла. — Ааре — река в Швейцарии, считавшаяся золотоносной.
- ⁴⁷⁻⁵² Спокойным зрелищем ... покоится лениво. — Ср. Гораций. Эподы. II, 39—48.
- ⁵⁶ Аппенцель — кантон на северо-востоке Швейцарии, гористая местность, богатая пастбищами и сосновыми лесами.
- ⁷⁷ Хочу увидеть я, как в бездну Рейн летит... — Здесь и далее Шенья вспоминает ставшие клишированными в предромантической литературе виды Швейцарии; о его путешествии см.: Engel С.Е. Le voyage d'André Chénier en Suisse // Revue des deux mondes. 1962. N 9. P. 115—119; Dimoff P. Le voyage d'André Chénier en Suisse // Revue d'histoire littéraire de la France. 1971. N 4. P. 585—605.
- ⁷⁹ Арва — см. примеч. к ст. 7 элегии III.
- ⁸⁰ ...на ту певучую вершину... — Имеется в виду гора Энгельберг в кантоне Унтервальден.
- ⁸⁴ Тун — озеро в центре Швейцарии.

⁹³⁻⁹⁴ ... *близ неба грот ... Где некогда нашел убежище святой...* — Имеется в виду грот Сен-Бат, известный своими сталактитами, на берегу озера Тун. "На северной стороне озера, в пещере высокой горы, где журчит маленькой ручеек, проводил дни свои Св. Батус, первейший из Христиан в Швейцарии. Гора сия доныне называется его именем" (*Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 131).

ФРАГМЕНТЫ (элегий)

Как и в случае с идиллиями, не все отнесенные Латушем в этот раздел произведения могут быть названы фрагментами, будучи вполне законченными, хотя и небольшими по объему стихотворениями (см., например, "фрагменты" 1, 4, 6).

⟨1⟩ "Таким я прежде был и все еще такой..."

¹ *Таким я прежде был, и все еще такой...* — Эта строка дважды повторяется у Пушкина: "Все тот же я — как был и прежде..." ("Из письма к Гнедичу", 1821 — Пушкин: Т. II. С. 170), "Каков я прежде был, таков и ныне я..." ("Каков я прежде был...", 1828, к этому стихотворению она взята и эпиграфом см. наст. изд., с. 284). Б.Г. Реизов указал на возможный источник этой строки у Шенье — шуточная поэма английского поэта М. Прайора (1664—1721) "Городская и полевая мыши". У Прайора: "Such was I — such, by nature, still I am" (см.: *Реизов Б.Г.* История и теория литературы. Л., 1986. С. 189).

Переводили *В. Туманский, А. Майков, Н. Греков, Б. Алмазов, Д. Глушков.*

¹⁰ *...слепые божества...* — Амур изображался стреляющим из лука с повязкой на глазах; древнегреческий бог богатства Плутос изображен в одноименной комедии Аристофана слепцом, наудачу наделяющим людей богатством.

¹⁶ *Лицей* — учебное заведение в Афинах, созданное Аристотелем в 335 г. до н.э.

Портик — открытая с одной стороны галерея на колоннах в Афинах, где собирались философы и где в 4 в. до н.э. Зеноном была основана школа — Стоя (что по-гречески означает портик), развивавшая философское учение стоицизм.

⟨2⟩ "Ну, что ж, решимости во мне, как прежде, мало!"

См. примеч. к элегии XVII.

Переводил Вс. Рождественский. Подражал *Н. Греков.*

⟨3⟩ "Как много слез Амур своим рабам несет..."

Источник второй части фрагмента: идиллия IV Биона. В целом, это, по всей видимости, диспут между "противником" и "сторонником" Амура. В современных изданиях печатается отдельно.

Переводил *Н. Греков.*

⟨4⟩ *На смерть ребенка*

Написано в 1791 г. в связи со смертью в феврале этого года дочери Франсуазы Лекуте (см. о ней первую статью), которой весной должен был исполниться один год. В подлиннике стихотворение имеет еще 13 строк и не закончено.

Переводил *С. Соловьев.*

¹² *... на берегах Люсьена* — Люсьен (Лувесьен) — местность в окрестностях Парижа, вблизи Версаля, где находилось имение Лекуте.

(5) "Ждет парусник, и зов я слышу Византии..."

Написано, вероятно, весной 1786 г., накануне предстоявшего путешествия. См. примеч. к элегии VI.

Источник: *Проперций*. Элегии. Кн. III, 21.

Латуш не совсем верно прочитал первые строки. Французский текст см. примеч. к стихотворению Пушкина "Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...". Приводим русский перевод первых строк оригинала Шенье:

Ждет парусник, и зов я слышу Византии.
Я побежден, бегу. Лишь странствия морские
Спасенье от оков надменной мне сулят.
Черты, влекущие мой покоренный взгляд,
И образ, что мне все на свете застилает,
И нмя, что мой слух повсюду настагает,
Вид мест, где некогда она явилась мне, —
Ото всего горю в погибельном огне.

Переводил Н. Греков. Подражал А. Пушкин.

¹ ...зов я слышу Византии. — См. примеч. к ст. 36 элегии VI.

(6) "Нам легче, если грусть мы можем разделить..."

В современных изданиях печатается в составе поэмы "Искусство любви".

Переводили Н. Шibaев (?), Н. Греков, С. Дуров, П. Сонин, П. Якоби.

² Злак — эд. сахарный тростник.

(7) "От близких, от друзей, от земляков вдали..."

Написано в Англии на рубеже 1788/1789 гг. Помета "1782" в сборнике 1819 г. — вероятно, опечатка.

Ст. 5—8 переводил В. Туманский, полностью: И. Козлов, Н. Шibaев (?), А. Бржеский, И. Мамуна, К.

⁴ ... Я имя Франции все повторяю милой. — В подлиннике "Le doux nom de la France est souvent sur ta bouche" ("Милое имя Франции часто на моих устах"). Эта строка перефразирована В.И. Туманским в стихотворении "Имя милое России" (1830): "Имя милое России часто на моих устах" (Поэты 1820—30. Т. 1. С. 295).

⁶ ...о смерти шлю мольбу... — Постоянный мотив элегий английского периода. Ср. элегия XXXVI; Дополнения, "Я все еще живу..."

⁷ ⁻¹⁰ И друга нет со мной, который... руку мне пожав, сказал бы: "Что с тобой?" — В подлиннике:

Et pas un seul ami dont la voix m'encourage,
Qui près de moi s'asseye, et, voyant mon visage
Se baigner de mes pleurs et tomber sur mon sein,
Me dise: — "Qu'as-tu donc?" — et me presse la main.

Быть может, эти строки отразились в стихотворении Пушкина "19 октября" (1825): "Печален я: со мною друга нет, // С кем долгуя запил бы я разлику, // Кому бы мог пожать от сердца руку // И пожелать веселых много лет" (Пушкин. Т. II. С. 424).

⟨8⟩ "Ни нежная любовь, ни красота, ни гений..."

Латуш подверг этот фрагмент сокращениям.

Переводил В. Бенедиктов.

⁹ Терсит — В "Илиаде" Гомера Терсит изображен безобразным болтуном.

⟨9⟩ "Влюбленный гневаться не может бесконечно".

Переводили В. Бенедиктов, Н. Греков, Н. Кроль, И. Мамуна, Вс. Рождественский.

⟨10⟩ "Приди к ней на заре, когда еще над ней..."

Переводили А. Шишков, В. Бенедиктов, А. Пальм, Н. Греков, Н. Курочкин, Л. Афанасьев.

ПОСЛАНИЯ

Граница между элегиями и посланиями Шенье достаточно размыта, тематически они близко связаны. Группа посланий в разных изданиях не стабильна, однако она всегда включает те произведения, что у самого Шенье озаглавлены как послания (таковы включенные Латушем произведения).

Послание первое Лебрёну и маркизу де Бразе

Написано в Страсбурге не позднее октября 1782 г. О Лебрёне и де Бразе см. примеч. 14 и 24 к предисловию Латуша, о Лебрёне — также первую статью.

⁵ Пандора (греч. миф.) была послана Зевсом людям в наказание за кражу Прометеем огня. Из принесенного с собой сосуда она выпустила на землю все заключенные в нем бедствия.

³⁷ Пактол (греч. миф.) — источник в Лидии, ставший золотоносным после того, как в нем искупался царь Мидас, которого Дионис наградил даром обращать все, к чему он прикоснется, в золото.

⁴¹ Урапия — зд. также — муза эпической поэзии.

⁵⁷ С Цитерою простясь... — Т.е. с любовными тревожениями, поскольку остров Цитера — место почитания Афродиты.

⁶² Лесбия — имя возлюбленной римского поэта Гая Валерия Катулла (87 или 84—54 до н.э.).

⁹⁴ ... без Патрокла бы Ахилл забросил лиру. — Патрокл (Менеатид), любимый друг Ахилла, разделял его одиночество во время ссоры Ахилла с царем Агамемноном, когда "лирой он дух улаждал, воспевая славу героев. // Менеатид перед ним лишь единый сидел..." (Гомер. Илиада. Песнь IX, 189—190).

⁹⁶ Нис (греч. миф.) — спутник Энея, известный своей дружбой с юношей Эвриалом, с которым вместе погиб (См.: Вергилий. Энеида. Кн. IX, 176—445). Вергилий воспел в эклогах своих друзей Поллиона (Эклога III, IV) и Вара (Эклога VI).

⁹⁹ Расин-младший — сын Луи Расина (1692—1763), автора поэмы "Религия" (1748), друга Лебрёна. Сын Л. Расина погиб в 1755 г.

¹⁰⁰ Симонид (556—468) — греческий поэт, автор, в частности, траурных песен и эпитафий.

¹⁰¹ Гесиод (конец 8—начало 7 в. до н.э.) — древнегреческий поэт, автор дидактической поэмы "Труды и дни".

¹³⁰ А Бавий с Мевием, Зоил, Гакон с Линьером... — Бавий и Мевий — посредственные латинские поэты, литературные противники Вергилия (см.: Вергилий, Эклоги. III, 90). Зоил (4 в. до н.э.) — греческий оратор, софист, прославившийся своей резкой критикой Гомера; Гакон Франсуа (1667—1725) — французский литератор, противник Буало; Линьер Франсуа Пайо де (1628—1704) — французский поэт, критик известного в свое время поэта и теоретика классицизма Ж. Шаплена.

- ¹⁴⁷ *Был мудрым Лелием возвышен Сципион...* — Публий Корнелий Сципион, прозванный Африканским (235—183 до н.э.), римский полководец, победитель Ганнибала, неизменно прислушивался к советам своего друга Лелия.
- ¹⁴⁸ *Никокл и Фокион...* — Фокион (402—318 до н.э.) — афинский государственный деятель, сторонник Македонии, осужденный на смерть. Друг Фокиона Никокл попросил у него разрешения выпить яд вместе с ним.
- ¹⁴⁹ *Ликург* — легендарный законодатель Спарты.
- ^{151–152} *Сульпиций и Варрон, // Брут, Аттик и Помпей, Катон и Цицерон!* — Сульпиций Руф (ум. в 43 до н.э.) — известный оратор, друг Цицерона; Марк Теренций Варрон (116—27 до н.э.) — писатель, ученый, грамматист, противник Юлия Цезаря; Марк Юний Брут (85—42 до н.э.) — республиканец, участник заговора против Юлия Цезаря; Тит Помпоний Аттик (110—32 до н.э.), влиятельный римский всадник, друг Цицерона, выступавшего на стороне Помпея Великого (106—48 до н.э.), римского полководца и государственного деятеля, политического соперника Юлия Цезаря; Марк Порций Катон, прозванный Утическим или Младшим (95—46 до н.э.), ярый республиканец, покончивший с собой.
- ¹⁶¹ *...Когда тиран карал...* — Имеется в виду римский император Нерон (54—68 н.э.).
- ¹⁶⁵ *Соран, Сенецион, и Рустик, и Тразея...* — Луций Тразея Петус, римский сенатор, философ-стоик. Находился в оппозиции к Нерону, отказался присутствовать на торжествах в честь его жены Пoppей, был приговорен сенатом к смерти и покончил с собой, вскрыв себе вены (66 до н.э.). С похвалой ему выступили Аруленус Рустик, друг историка Тацита, автор "Истории императоров" и Геренний Сенецион, которые получили приказ умертвить себя. Проконсула Азии Сорана, замешанного в дело Тразеи, постигла та же участь.
- ¹⁷⁰ *фасции* — пучки прутьев с воткнутыми в них топориками, знак власти высших римских магистратов.
- ¹⁹⁴ *Александр* — имеется в виду Александр Македонский (356—323 до н.э.).
Апеллес (втор. пол. 4 в. до н.э.) — древнегреческий живописец, придворный художник Александра Македонского.
- ¹⁹⁵ *Фидий* (5 в. до н.э.) — древнегреческий скульптор.
- ¹⁹⁶ *...И за Гомера спор вели семь городов.* — За право называться родиной Гомера спорили Колофон, Смирна, Аргос, Пилос, Итака, Афины, Хиос.

Послание Шенье-старшему (Андре)

Написано в 1782 г. перед отъездом Шенье в Страсбург.

Латуш включил послание Лебрена как свидетельство признания Шенье-поэта его старшим прославленным современником. Ответ Шенье см. элегия XXXIV. О Лебрене см. первую статью и примеч. 14 к предисловию Латуша.

Лебрен опубликовал это послание в декабре 1792 г. в "Альманахе муз" со следующим примечанием: "Этот молодой офицер, выказывавший очень большую поэтическую одаренность, собиравший отправиться в свой полк" (Цит. по: GW. P. 881). Послание Лебрена было напечатано также в "Декад философских..." (10 термидора III года, или 28 июля 1795 г., т.е. через год после смерти Шенье) и в "Сочинениях" Лебрена в 1811 г. Публикацию 1795 г. сопровождала заметка: "Читатель несомненно с интересом прочтет это прекрасное Послание, адресованное более десяти лет тому назад человеку, ставшему жертвой, одной из наиболее достойных сожаления, тиранни децемвиров. Искренние похвалы большого поэта, мнение, составленное им на основе уже довольно многочисленных произведений самых разнообразных жанров, созданных к тому времени молодым поэтом, который с тех пор еще более усовершенствовал свой талант и сумел сочетать с искусством стихосложения философские познания и широкую образованность, позволят еще сильнее почувствовать, какую утрату понесла французская литература в лице Андре Шенье, каз-

ненного публично в Париже ровно год и три дня тому назад” (*Décade*. 10 thermidor 3 année républicaine. N 46. 4 trimestre. P. 233).

Стихотворение отличается обычным для Лебрена эмфатическим стилем и слабым проникновением в духовный мир Шенье, который предстает у него как искатель ратной славы.

7 *Пера* — часть Галаты, района Константинополя на северном берегу бухты Золотой Рог, населенного европейцами, где находилось французское посольство и родился Шенье.

8 *Софи* — дочь барона Ф. де Тотта, входившего в состав французской миссии в Константинополе в то время, когда там родился Шенье. Речь идет о ее свадьбе.

11 *И он хранил корабль...* — Речь идет о переезде семьи Шенье из Турции во Францию.

36 *...с лирою Ахилла...* — См. примеч. к ст. 94 Послания первого.

41 *Фридрих* — имеется в виду прусский король Фридрих II Великий (1712—1786, правил с 1740). Покровительствовал наукам и искусствам, сам был писателем, при его дворе жили многие ученые и литераторы (в том числе Вольтер).

60 *...священный дуб Додоны...* — оракул вблизи греческого города Эпира, где жрицы прорицали по шелесту священного дуба.

67 *Под звуки лир Олимп открылся для Алкида...* — Миф о смерти Геракла (см. примеч. к фрагменту идиллий “Облагорожен был, о, Эта...”) лег в основу трагедии Софокла “Трахинянки”.

68 *...В Эребе бледная исчезла Данаида...* — Пятьдесят дочерей Данае (кроме одной), противясь насильному браку, убили в брачную ночь своих женихов и были осуждены на загробные муки в подземном царстве Эребе (*греч. миф.*). Эсхил посвятил этому мифу трагедию “Умоляющие о защите”.

Послание II

Написано предположительно весной 1787 г. Адресат не установлен. В этом произведении, как и в ряде других, Шенье размышляет о будущей судьбе своих произведений. Последняя часть послания, в которой он утверждает свое право на “творческое подражание”, переключается с поэмой “Замысел”, начатой примерно в то же время.

16–17 *...шепнуть // Как брадобрей земле, о тайне сокровенной...* — Фригийский царь Мидас, оценивший игру Аполлона на кифаре, был награжден ослиными ушами, которые прятал под фригийской шапкой. Его брадобрей, вырыв ямку в земле, наклонился и прошептал: “У царя Мидаса длинные уши.” Выросший на этом месте тростник прошелестел об этой тайне всему свету.

28 *..И не манит меня зеленый виноград.* — Ироническая реминисценция из басен Эзопа и Лафонтена “Лисица и виноград”: лиса, которой не удалось дотянуться до высоко висевших гроздей винограда, утешила себя тем, что они еще зелены.

79–80 *...случалось видеть вам // Литейщика...* — В этих строках отразилось яркое воспоминание детства: в Каркассоне Шенье наблюдал, как отливали колокол для приходской церкви.

138 *Марон* — см. примеч. к ст. 61 поэмы “Замысел”.

139–140 *...это ... уже сказал Монтень.* — См.: Монтень М. Опыты Кн. II, гл. 10.

Послание III

Написано в конце 1782—начале 1783 г.

Источник: Овидий. Тристии. Кн. III, 7.

Обращено к П.-Д. Экушару-Леброну.

5–6 *... где отчих стен ... вид // Людовик бронзовый ... лицезрит ...* — На площади Людовика XV (ныне площадь Согласия) была воздвигнута статуя этому королю, напротив дворцов Тюильри и Лувра, резиденций французских государей. В то время, к которому относится послание Шенье, в одном из помещений оставленного королевским двором Лувра жил Лебрен.

- ¹⁹ *Там новый Геликон!* — Здесь Шенье мысленно переносится из Парижа в загородную обитель Лебрена.
- ³⁸ *...Милый мой Бразе, с которым я опять // В разлуке ...* — Де Бразе уехал из Страсбурга в октябре 1782 г.
- ⁴⁴ *Беллона (рим. миф.)* — богиня войны.
- ⁴⁵ *... Вертумна ... с Палесом...* — Вертумн — римское божество превращений и сменяющегося года. Палес — римское пастушеское божество.

ОДЫ

Оды Шенье написаны в основном в период революции. Они составляют в целом две группы: те, что ориентированы на торжественные, "высокие" оды Пиндара и те, что восходят к более "камерным" одам Горация. Все эти произведения отличается большое разнообразие строфики с использованием редких или впервые вводимых размеров.

Особенностью од является тесное переплетение гражданской тематики и личных переживаний, одически-гимновых, сатирических и элегических интонаций, что станет характерной чертой и ямбов.

В этот раздел должна входить и ода Шенье "Игра в мяч", отнесенная Латушем в раздел "Разных стихотворений".

Ода первая.

Мари-Жозефу Шенье

Написано, видимо, в период якобинского террора (который начался летом 1793 г.), по свидетельству Г. Шенье — в тюрьме.

Латуш опубликовал только две первые строфы, изменив их так, чтобы они были обращены к Мари-Жозефу. В подлиннике Шенье говорит о нем в третьем лице. Заглавие дано Латушем.

Сохранился список первых двух строф рукой матери Шенье с припиской: "Конец. Так в оригинале" (см.: Scarfe. P. 342). Желание семьи сгладить противоречия между братьями долгое время определяло печатный вид оды. Однако в 1874 г. Г. Шенье все же счел возможным опубликовать ее полностью. Полный текст см. «Дополнения».

Ода II.

"О, дух мой! выше облаков..."

Датируется октябрём 1793 г. Образец пиндарической оды. Об отражении этого стихотворения в творчестве Пушкина см. вторую статью.

²³⁻²⁴ *...Когда увидела Элида // Предателей, рукой поверженных Алкида...* — По дороге к Эрманфу (на севере Аркадии) Геракл остановился у кентавра Фола, который стал угощать его. На запах вина сбежались другие кентавры, намереваясь убить Геракла. Герой одержал победу, пустив в ход стрелы, напитанные ядом лернейской гидры. В Элиде проходили Олимпийские игры.

²⁵⁻²⁶ *... когда сражен был стреловержцем змей // И ликовать могла Фокида.* — Мифический дракон Пифон охранял близ города Дельфы в области Фокида (Центральная Греция) оракул Ген. Аполлон убил его и основал там свой оракул. В честь победы Аполлона на равнине близ Дельф с 6 в. до н.э. устраивались Пифийские игры.

⁶⁵ *Как в древности атлет...* — Имеется в виду Антей, сын Геи, сила которого была неистощима, доколе он касался земли.

Ода III.

"О, Византия-мать, иль смеют янычары..."

Написано в эпоху террора, конец 1793—начало 1794 г.

Ода IV.

"Я видел, как в ответ на нежный взор другого..."

По мнению Э. Гиттона, это одно из ранних произведений поэта и не относится к циклу од, обращенных к Фанни (см.: *Guillon E. Eléments pour une édition d'André Chénier // Cahiers de l'Association internationale des études françaises*, 1990, N 42. P. 198).

Во второй строфе Латуш из двух первых строк оригинала сделал одну.

Переводили К. Дворжицкий, С. Соловьев.

¹² *Орион* (греч. миф.) — великан-охотник. Эд.: охотник.

¹³ *Актеон* — охотник, заставший Артемиду купающейся и превращенный в оленя. Эд.: олень.

Ода V.

Первым плодам моего сада

Эта ода и три следующих, а также ода X объединены образом Фанни (см. о ней первую статью). Написаны они были, видимо, в период наиболее частых общений с Фанни — с весны по осень 1793 г.

Латуш опустил две строфы, предшествующие последней:

С какую нежностью и, может быть, любовью
Она бы к моему склонилась изголовью!
С каким участием меня бы позвала!
Я стал бы милым для нее воспоминаньем!
О сладкая мечта! Каким еще желаньем
Согрета бы душа была?

Прильнув к ее ногам устами, я блаженной
Почел бы смерть мою и у владык вселенной
На счастье матери жизнь обменял легко.
Я только об одном просил бы, умирая,
Чтоб мой приют плита венчала гробовая
От глаз ее недалеко.

¹⁰ *Бессильная забыть свою утрату Фанни...* — Речь идет об умершей в 1791 г. дочери Фанни. См. стихотв. "На смерть ребенка" в разделе "Фрагменты" (элегий).

¹⁹ *...с возвратом Эригоны...* — Эригона (греч. миф.) — дочь убитого афинянина Икария, перенесенная на небо в созвездие Девы. Эд. имеется в виду наступление плодоносного времени года.

²⁶ *Адмет*, мифический царь Фессалии, избежал смерти, так как вместо него согласилась умереть его жена Алкеста.

Кастор — сыну Зевса Полидевку было позволено поделиться бессмертием со своим братом Кастором, рожденным от смертного. См. примеч. к ст. 19 идиллии "Неэра".

²⁸ *прыхы* — богини Мойры (греч. миф.), или Парки (рим. миф.).

Ода VI.

"Нет, верьте мне, не всех влюбленных вздох и взгляд..."

Переводили С. Соловьев, П. Якоби.

¹² *...Клития цветок унылый...* — Клития, влюбившаяся в бога солнца Гелиоса, не могла оторвать от него взора и превратилась в гелиотроп — цветок, поворачивающий венчик вслед за солнцем.

Ода VII.

"Тому, кто близ тебя, о, Фанни, счастьем дышит..."

Начало этого стихотворения восходит к знаменитой оде Сапфо (русск. пер. "Богу кажется равным мне по счастью..." см.: *Античная лирика*. С. 56).

Переводили С. Соловьев, П. Якоби.

¹⁹ *Я вспоминаю: здесь она была...* — Три первые строки этой строфы переключаются с фрагментом “Я вспоминаю вновь ее черты, убор...” (см. раздел “Дополнения”) и восходят к тому же источнику: Овидий. Фасты. II, 769—774. Ср. начало первой строки в подлиннике: “Je pense: Elle était là...” и слова из письма на французском языке А.С. Пушкина А.Н. Вульф (от 21 июля 1825 г.): “...je dis: elle était là...” (“я говорю: она была здесь...”) — Пушкин. Т. XIII. С. 190). Далее в этой же пушкинской строке появляется “héliotrope fanée” (“увядший гелиотроп”) — этот образ есть в предыдущей оде Шенье.

Ода VIII.

К Фанни, когда она была больна

Заглавие дано Латушем.

- ⁵ *Дыханьем Сириуса знойным...* — Сириус — самая яркая звезда на небе, восходящая и заходящая в июле и августе вместе с солнцем. Зд. в значении: солнце.
- ³⁸ ... *Как ангел радостный...* — Этот религиозный ореол — отличительная черта образа Фанни и существенное новшество в любовной поэзии Шенье.
- ^{40–42} *Так жертва бедная... спастись от гибели смогла.* — Согласно греческому мифу, Ифигения, дочь царя Агамемнона, по указанию прорицателя Калхаса, должна была быть принесена в жертву в Авлиде, чтобы греческие суда могли отплыть оттуда в направлении Трои. Артемиду чудесным образом перенесла девушку в Тавриду.
- ^{49–54} *Свидетельницей стала Троя... от мук избавился, возврат почуя сил.* — Телеф, сын Геракла, царь Мизии (область на западе Малой Азии), был ранен в бедро Ахиллом во время схватки с греками. Согласно оракулу, исцелить его мог только Ахилл, что тот и сделал.

Ода IX.

Марианне-Шарлотте Корде

Ода написана предположительно в августе 1793 г.

Латуш опустил предпоследнюю строфу:

Ты знала: одного закласть злодея мало,
 Чтоб, расчлененная, страна опять восстала
 И муки Франции не повторялись впредь.
 Хотела побороть ты робость душ примером,
 Чтоб не было средь нас пощады изуверам,
 Кровавым хищникам, успевшим разжиреть.

Шарлотта Корде д'Армон (1768—1793) прибыла в Париж из Нормандии, вдохновленная на решительные действия бежавшими в июне 1793 г. из-под домашнего ареста жирондистами, которые готовились сокрушить якобинцев. После убийства Марата она была схвачена на месте преступления. “Я убила одного человека, — сказала Ш. Корде на суде, — чтобы спасти сотни тысяч других; убила негодая, свирепое дикое животное, чтобы спасти невинных и дать отдых моей родине. До революции я была республиканкой; у меня никогда не было недостатка в энергии” (Цит. по: Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991. С. 463). См. также первую статью.

Переводил М. Зенкевич.

- ⁶ ... *грязный гимн...* — 21 июля был опубликован гимн в честь Марата депутата Конвента и журналиста П.Ж. Одуэна, в котором тот призывал художника Давида запечатлеть погибшего “друга народа” на картине. Стихи на смерть Марата сочинил в августе также поэт и депутат Коммуны М. Кюбьер-Пальмезо.
- ¹⁰ *Иль жизнь так дорога?* — В подлиннике: *Vivre est il donc si doux?* Ахматова предположила, что эта строка отразилась в словах героя пушкинского отрывка “Мы проводили вечер на даче”:

"Разве жизнь уж такое сокровище?" (Ахматова Анна. О Пушкине. Статьи и заметки. М., 1989. С. 201).

³³ *Гармодий* — афинянин, сообщник тираноубийцы Аристогитона (6 в. до н.э.). Оба погибли и впоследствии были прославлены как борцы за свободу, а их память увековечена в мраморе.

Ода X.

"Версаль, твои сады, колонны..."

Об обстановке создания этой оды см. первую статью.

Переводили М. Зенкевич, М. Гринберг.

Ода XI.

Молодая узница

Написано в тюрьме Сен-Лазар. По некоторым свидетельствам, обращено к соузнице поэта Эме де Куаньи (1769—1820), после развода с герцогом де Флери взявшей девичью фамилию. Она и ее друг де Монрон (впоследствии ставший ее мужем) сумели, откупившись, избежать смерти. Рукопись оды была передана соузником Шенье А.-Л. Милленом другому бывшему заключенному тюрьмы Сен-Лазар П. Женгене, который опубликовал ее в "Декад философич..." 20 нивоза III года (9 января 1795 г.) со следующим заглавием: "Ода молодой узнице, сочиненная Андре Шенье, заключенным в Сен-Лазаре, незадолго до его прискорбного конца" и примечанием: "Андре Шенье был казнен 7 термидора вместе с несчастным Руше и 20 другими узниками Лазара, обвиненными как и он, в том, что они были зачинщиками или соучастниками заговора тюрем. Все знают, какую утрату понесла французская поэзия в лице Руше; но Андре Шенье было всего 30 лет: он много времени посвящал ученым занятиям, много писал, но опубликовал очень мало. Очень мало людей знают, какую невозместимую потерю понесли с его смертью поэзия, философия и знание древности.

Друзья наук и словесности добавляют имя этой жертвы тирании наших антропофагов к именам Лавуазье, Байи, Кондорсе и т.д. и т.д. ("Décade. 20 nivose, an III. P. 106). В составлении этой заметки, возможно, принимал участие Мари-Жозеф. Сохранился несколько измененный ее вариант, написанный его рукой, в котором впервые появляется имя Э. де Куаньи. После слов "...зачинщиками или соучастниками заговора тюрем" в ней следует: "Говорят, что на это прелестное стихотворение вдохновила поэта мадемуазель де Куаньи, узница той же тюрьмы (цит. по: Scarfe. P. 327). Ода была перепечатана с тем же примечанием, что и в "Декад...", в "Альманахе муз" в 1796 г. (Almanach des Muses. P., IV année. P. 179—181).

Миллен еще раз опубликовал оду Шенье в 1801 г. в "Магазен энциклопедик" под заглавием "Ода, сочиненная Андре Шенье" и с примечанием: "Эта ода была написана Андре Шенье для мадам де М*** [де Монрон? — Е.Г.], когда мы все вместе находились в тюрьме Сен-Лазар в эпоху царствования Робеспьера. У меня сохранилась рукопись, написанная его [ее?] рукой" (в подлиннике *sa main* — неясно, кого имел в виду Миллен). К последней строке оды Миллен сделал еще одно примечание: "Это была юная узница, полная кротости, грации, образованная и остроумная. Она избежала участи наших несчастных товарищей и жива до сих пор" (Magasin encyclopédique. P., 1801. T. VI. № 1. P. 365—366).

Между тем А. де Виньи располагал сведениями, отразившимися в его романе "Стелло" и "Дневнике поэта" (запись от 27 декабря 1832 г.), согласно которым, Шенье был увлечен в тюрьму другой узницей — герцогиней де Сент-Эн्यान, у которой одно время якобы хранились его письма, стихи и неизвестный портрет (см.: *Vigny A. Œuvres complètes*. P., 1948. T. 2. P. 976).

В "Мемуарах" самой де Куаньи, написанных в 1817 г., имя Шенье не упоминается.

Переводили Авр. Норов, Г.С.***, И. Козлов, Н. Гербель, А. Ануштин, С. Николаевский, Н. Кельш, Л. Любимов, Я. Старостин, П. Якубович, В. Лихачев, М. Зенкевич.

²⁸ *На жизненном пиру мгновение одно //Я побыла...* — Реминисценция из "Оды в подражание нескольким псалмам" Н. Жильбера.

^{29–30} ...едва пригубила вино, // Не выпив полного бокала. — В подлиннике: un instant seulement mes lèvres ont pressé // La coupe en mes mains encore pleine. Ср. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Гл. 8, LI: "Блажен, кто праздник жизни рано // Оставил, не допив до дна // Бокала полного вина..." (Указано: Strémoukhoff. P. 538).

^{43–44} Так, грустным узником... // Все ж лира, пробудясь, звучала. — В подлиннике: Ainsi triste et captif, ma lyre toutefois // S'éveillait. Об обращении к этой строке Пушкина см. вторую статью и его стихотворение "Андрей Шеньё" (Дополнения).

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Фрагменты поэмы "Гермес"

Замысел поэмы относится к началу 1780-х годов. Гермес Трисмегист (трижды величайший) отождествлялся греками с египетским богом письма и мудрости Тотом. То же название, что и у Шеньё, носила поэма греческого ученого Эратосфена (3 в. до н.э.). Шеньё намеревался дать свод естественнонаучных знаний и культурно-историческую панораму жизни человечества от самых его истоков. Предполагалось описать происхождение земли, животных и людей, исследовать зарождение общества, религиозных представлений, затем обратиться к социально-политической проблематике (используя труды Монтескье и Руссо). Сохранились стихотворные и прозаические наброски первых трех песен (сколько их предполагалось вообще, не установлено). Все фрагменты, относящиеся к "Гермесу", помечены в рукописях Шеньё греческой буквой Δ — это одновременно масонский знак (таким образом, название поэмы отсылает к некоему закрытому, герметическому знанию). Хотя сам Шеньё не принадлежал к тайным обществам, в его окружении были масоны.

Не исключено влияние на поэта Ф. де Панжа, оставившего наброски труда, посвященного истории человечества. Стремление овладеть тайнами природы и общества лежит в основе многих сочинений эпохи, в которых материалистические тенденции сочетаются с приобщением к мистическому, оккультному знанию, с обращением к интуициям древних, к таким фигурам посвященных в тайнопись мироздания, как Гермес и Орфей. Прославлению вдохновенных свыше водителей людей посвящен первый в сборнике 1819 г. фрагмент. Во втором намечена история возникновения письменности (заключенная в ней, в частности, в египетских иероглифах мудрость, была предметом внимания ученых этого времени). В третьем фрагменте воплощены характерные для эпохи порыв к духовному освобождению, воображаемый полет в глубь небес (которым "способствовали", в частности, труды по астрономии Ж.-С. Байи). Эпилог поэмы см. "Дополнения".

"Свергайте с алтарей, ничтожных и лукавых..."

^{58–59, 62} Вот так однажды он... // Неопалимую увидел купину... // принес... скрижали. — Имеется в виду Моисей (Исход. 3, 2—5; 32, 15—16).

^{63–64} ...за нимфою идя, // Узнал в густых лесах законы бытия... — Римский царь Нума Помпилий, согласно мифу, получал советы от нимфы Эгерии.

⁶⁵ вестница чудес, божественная птица... — Имеется в виду голубка, наставлявшая Магомета.

"Но прежде чем на свет явились государства..."

⁹⁶ На них и краски, и чернила растекались... — Речь идет о татуировке.

"В селениях людских сносить обречены..."

¹⁸⁴ И зрю я сонмы звезд... — Ср. Дополнения, фрагмент поэмы "Америка".

^{211–212} Я расскажу... // О тех, кто Новый Свет... — Шеньё имеет в виду свой замысел поэмы "Америка".

²¹⁴ ...Власть Мансанареса простер на Марамон. — Имеется в виду завоевание испанцами государства инков. Мансанарес — речка, протекающая в Мадриде. Марамон — не совсем точное прочтение Латуша, правильно: Мараньон — река в Перу, впадающая в Амазонку.

Фрагменты поэмы “Америка”

Эта поэма была задумана примерно в одно время с “Гермесом”, но продвинута еще меньше, чем он. “Американская” тема стала особенно актуальной после провозглашения независимости Соединенных Штатов. Эта тема сравнивается в поэме Шенье “Замысел” с “золотым дном” (см. ст. 136—140). Шенье был свойствен интерес к Южной Америке и в связи с ней — к Испании (в Англии он изучал испанский язык, сохранились наброски его “испанских” од, в которых он вспоминает прошлое величие Испании, когда она была колониальной державой).

“Американская” тема достаточно активно разрабатывалась во французской литературе (трагедия Ж.-Ж. Руссо “Открытие Нового Света”, 1756; роман Ж.-Ф. Мармонтеля “Инки, или Разрушение империи Перу”, 1777).

Открытие и завоевание Америки представлялось Шенье поворотным пунктом человеческой истории: именно судьбы человечества находятся в центре внимания поэта, использующего “американский” материал. Первый в издании Латуша фрагмент в современных изданиях не включается в раздел набросков, относящихся к поэме.

“Ревнивый океан, грохочущий волною...”

² *Лаперуз Жан-Франсуа де* (1741—1788), французский путешественник, отплывший в 1785 г. с исследовательскими целями и пропавший без вести.

⁵ *...десять лет прошло.* — Явно ошибочное чтение Латуша. В современных изданиях — “шесть”.

“Один инка, рассказывая...”

Один инка, рассказывая о завоевании Мексики испанцами... — Шенье с интересом изучал историю инков по книге Гарсиласа де ла Веги, реминисценция из которой возникает в поэме “Замысел” (см. примеч. к ст. 138 этой поэмы).

Фрагменты поэмы “Искусство любви”

Замысел и фрагменты поэмы относятся предположительно к началу 1780-х годов. В современных изданиях расположение, группировка и количество фрагментов отличны от принятых у Латуша.

Шенье берет за образец одноименную поэму Овидия. Фрагменты Шенье отмечены явственной печатью рококо.

“Когда Юнона встарь царя небес пленила...”

⁴⁴ *Юнона* — высшее женское божество римского пантеона, отождествляемая с греческой Герой, супругой Зевса.

“Смотри, чтоб скуки яд ей в сердце не проник...”

Источники: *Тибулл. Элегии. I, 4; Проперций. Элегии. I, 10.*

“У Флоры есть цветов богатая кошица...”

¹²² *С Венерой так игру Адонис затевал...* — Адонис, божество плодородия и растительности, был возлюбленным Афродиты. Шенье предпочитает римские имена соответствующих греческих богов.

¹²⁸ *Фонтенэ* — местечко под Парижем, где в доме критика и журналиста Ж.-Б. Сюара собиралось изысканное общество и часто бывал Шенье.

“Восславим красоту, склонимся перед нею...”

¹³⁸ *В долинах Гемуса...* — Гемус — горная цепь во Фракии.

¹⁴³ *...Забывтой Греции дитя...* — См. примеч. к ст. 33 элегии VI.

- ¹⁵¹ ...Где недоступен стал пловцу ночному Сест... — Геро, жрица Афродиты в г. Сест во Фракии каждый день зажигала огонь на берегу, чтобы ее возлюбленный Леандр (из Абидоса, города на противоположном берегу, в самом узком месте Геллеспонта) мог переплыть пролив. Однажды огонь был потушен бурей, и Леандр утонул.
- ¹⁵⁸ *Эврот* — река в Лаконии. Протекает около Спарты, откуда была родом Елена.
- “Так переимчива любовь, склонна к мечтам...”
- ¹⁷⁷ *Прекрасная жена, погибель Илиона*... — Елена, похищение которой Парисом стало причиной Троянской войны и гибели Илиона (Трои).
- ^{178–180} *Три величавые богини... // Пленяя пастуха поочередно взор*... — Богиня раздора Эрида, разгневавшись на то, что ее не пригласили на свадьбу Пелея и Фетиды, бросила среди гостей яблоко с надписью “Прекраснейшей”. В спор за него вступили богини Геро, Афина и Афродита, судьей в этом споре был избран Парис. Афродита, пообещав ему Елену, выиграла спор.
- ¹⁸¹ ...кровь Адониса, что превратилась в розы... — См. примеч. к ст. 14 “Эпилога” к идиллиям.
- ¹⁸² ...Гиацинта слезы... — Гиацинт — прекрасный юноша, любимец Аполлона, случайно убитый им во время метания диска. По желанию Аполлона из крови Гиацинта вырос цветок.
- ¹⁸³ *Сиринга* — Аркадская нимфа, которая, спасаясь от преследования Пана, обратилась за помощью к реке Ладон и была превращена в камыш.
- ¹⁸⁴ *Дафна* — дочь речного бога Пenea. Убегая от влюбленного в нее Аполлона, была превращена в лавровое дерево.
- ¹⁸⁵ *Эрминия* — героиня поэмы Т. Тассо “Освобожденный Иерусалим” (1580), дочь царя Антиохии, попавшая в плен к воинам-христианам и влюбившаяся в рыцаря Танкреда. Отпущенная на волю и разлученная с ним, она находит приют у пастухов, где изливает свою печаль на лоне природы (песнь 8).
- ¹⁸⁶ ...гроты, счастья свидетели Медора... — Один из героев поэмы Л. Ариосто “Неистовый Роланд” (1516), сарацинский воин Медор, стал мужем влюбившейся в него Анджелики в то время, как она жила в доме старого пастуха (песнь 19, октавы 20—36). “В полдень их укрывала пещера” (песнь 19, октава 35).
- ^{187–188} *Армиды хитрости... бездействует герой*... — Героиня поэмы Т. Тассо “Освобожденный Иерусалим” волшебница Армида скрыла рыцаря Ринальдо в своем дворце на чудесном острове, где он под влиянием ее волшебных чар позабыл обо всем (песни 14—15).
- ¹⁸⁹ *Оживший мирта куст, что бережет Альчина*... — Волшебница Альчина, влюбившаяся в рыцаря Астольфо, превратила его в мирт, который, ожив, поведал свою историю (Ариосто *Людовико*. Неистовый Роланд. Песнь 6. Стансы 26 — далее).
- ¹⁹⁷ *В своих стихах воспел он... Психею*... — Имеется в виду незавершенная поэма Лебрена “Психея”.

Гимн Франции

Написано весной 1787 г. под впечатлением переезда через Францию.

Сохранился прозаический набросок, сокращенное название которого гласит: “Гимн к справедливости”. Это заглавие принято в современных изданиях.

Источники: *Вергилий*. Георгики. Кн. II, 136—174; *Ронсар*. Похвала Франции (1565).

В ст. 49—50, 60, 80, 88, 126 перевода внесена правка.

¹³ *Бона, Аи* — известные во Франции винодельческие центры.

⁴⁷ *Фетид соединить*... — Речь идет о слиянии Средиземного моря и Атлантического океана, разделенных гористым Пиренейским полуостровом.

⁵⁰ ...*Благословить спешит Трюдена за старанья*... — Даниэль-Шарль Трюден (1703—1769), дед друзей Шенье, братьев Трюденов, будучи на государственной службе, способствовал прокладке во Франции многих транспортных артерий, был основателем Школы путей сообщения.

⁸³ ...И соль — дитя земли, и гладь морской воды... — Речь идет о соляном налоге и транспортных пошлинах, экономических бичах Франции.

⁸⁵ ...двадцать подлецов под принцессой защитой... — Имеются в виду двадцать откупщиков по соляному налогу.

⁹⁷ Мальзерб — см. примеч. 36 к предисловию Латуша. В июне 1787 г. Мальзерб вновь стал членом Королевского совета.

Тюрго Анн-Робер-Жак (1727—1781) — французский экономист, генеральный контролер финансов в начале царствования Людовика XVI. Тюрго предпринял попытку широких либеральных реформ в области экономики, но был смещен в 1776 г.

Игра в мяч

Впервые опубликовано отдельной брошюрой в феврале или самом начале марта 1791 г. Первое напечатанное Шенье поэтическое произведение. В письме от 2 марта 1791 г., обращенном к Лебрёну, Шенье, в частности, писал: “Г-н Лебрён, быть может, отметит по меньшей мере старание автора и его желание немного приблизиться к той прекрасной греческой поэзии, коей он пытался подражать даже в форме строф. Автор стремился хотя бы отчасти достичь высоты того благородного лирического жанра, который г-н Лебрён оживил во всем его величии и великолепии...” (GW. P. 793).

Ода воскрешает события, ставшие прологом революции.

5 мая 1789 г. в Версале открылось заседание Генеральных штатов. Между депутатами начались прения по вопросу о голосовании (как голосовать: посословно или большинством голосов). 17 июня депутаты от “третьего сословия” объявили себя “Национальным собранием”. 20 июня они нашли дворец “малых забав”, где проходили заседания, запертым и вынуждены были собраться в помещении “для игры в мяч” на ул. Сен-Франсуа. Там прозвучала клятва не расходиться до тех пор, пока не будет выработана конституция. 22 июня к третьему сословию присоединилось значительное количество представителей первых двух сословий — духовенства и дворянства. 23 июня король потребовал от них всех разойтись и собраться на следующий день по сословиям, однако это требование не было выполнено. В Версале начались волнения толпы, и караулу был дан приказ применить оружие. Но солдаты отказались повиноваться.

Ода Шенье отмечена влиянием революционного классицизма (о чем сигнализирует и посвящение корифею этого направления Л. Давиду, — см. о нем примеч. 13 к предисловию Латуша), изобилует аллегориями, мифологизмами, перифразами. Монументальный жанр “пиндарической” оды выражает “хоровое начало”, к которому испытал тяготение поэт в период революционного энтузиазма. В центре оды — образ народа, вызывающего преклонение, но и тревогу. В оде различим и индивидуальный голос поэта, намечается его несколько обособленная поза созерцателя и учителя. Высокоторжественный стиль сочетается с элементами публицистики и обыденной речи. «В “Jeu de Paume” — писал Мандельштам, — наблюдается борьба газетной темы и ямбического духа. Почти вся поэма в плену у газеты» (Мандельштам О.Э. Заметки о Шенье. Указ. соч. С. 96). Прозаизация речи придает оде характер непосредственной медитации, чему способствует и “сбитый” ритм: огромное количество переносов затрудняет движение стиха, “рубит” строки, создавая впечатление напряженности и вольного, неупорядоченного развития мысли (в строфе 11 завершающей фразу глагол даже перенесен в следующую строфу). Перевод подвергнут частичной правке.

Посвящение — Шенье восторгался картиной (незавершенной) Давида того же названия, что и его ода, “одной из прекраснейших композиций, созданных новым искусством, в которой множество фигур, одушевленных единым чувством, объединены в общем действии без путаницы и однообразия” (Prose. P. 324).

⁷ ...Нам правду подтвердил моих былых речей... — Ср. с. 228—229 наст. изд. (“Опыт о причинах и проявлениях совершенства и упадка литературы и искусства”).

- 49–56 *Цикута горькая... первый консул... нищенский обол... павший ниц Албан...* — Шенье перечисляет сюжеты знаменитых картин Давида: “Смерть Сократа”, “Возвращение Брута” (1789), “Велизарий” (1780), “Клятва Горациев” (1785).
- 60 *Великий Марафон и кровь его могила // Бессмертны гением.* — Победа греков над персами, одержанная в 490 г. до н.э., была изображена на одном из афинских портиков.
- 121 *Мекка* — священный город мусульман в Аравии и местах их паломничества, родина Магомета; *Саис* — древняя столица Нижнего Египта с храмом, в котором находились гробницы бога Озириса и фараонов; *Дельфы* — см. примеч. к ст. 301 поэмы “Нищий”; *Сион* — гора возле Иерусалима, ее название употребляется как синоним этого города.
- 140–141 *...когда Беллоны сень // Благословила... тебя, о, Хлодвиг...* — Вероятно, имеется в виду победа основателя франкского государства Хлодвига (465—511) над аллеманами на Рейне в 496 г. В разгар битвы он дал обет принять христианство, если победит.
- 211 *Три цвета* — красно-бело-синее знамя революции (к цветам Парижа — красному и синему — был добавлен белый цвет королевского знамени).
- 272–273 *Таим в душе своей // Мы властолюбие. Опасен этот змей...* — В подлиннике: *Tout mortel dans son coeur cache, même à ses yeux, // L'ambition, serpent insidieux...* Об отражении этих строк в стихотворении Пушкина “Отцы пустынноики и жены непорочны...” (1836) см.: *Гречаная Е.П.* Указ. соч. С. 98—100.
- 333 *Но... страх — вот бог их...* — Ср. ст. 10 ямба III.
- 338 *Калигула* — прозвище римского императора Гая Цезаря Германика (37—41 н.э.).
- 346 *Певец-тиран* — римский император Нерон (54—68 н.э.), любивший сочинять стихи.

На изображение Юпитера и Европы

В рукописи предварено прозаическим фрагментом: “Нимфы и сатиры поют за вечернею трапезой в гроте, который следует изобразить очень романтическим, живописным, великолепным. Они пьют и едят из резных чаш. Каждый воспекает то, что изображено на его чаше; один — “Пришелец, этот бык...”, другой поет о Пасифае, остальные — о том-то и том-то” (GW. P. 869).

Стихотворение восходит к эллинистическому жанру экфрасиса — описанию различных предметов искусства (чаш, статуй, картин), а также изображенных на них сценок или сюжетов. Экфрасис тесно связан с эпиграммой. Такого рода стихотворений много в «Палатинской антологии».

Источники Шенье: *Мосх*, поэма “Европа”, 95 — далее; *Овидий*, *Метаморфозы*. 11, 850 — далее; *Фасты*. V, 605—618. Сюжет “Похищение Европы” был в античности излюбленной темой вазовой и настенной живописи.

Переводил *Б.Алмазов*.

- 16 *Сидон* — финикийский город.

Де Панжу

В рукописи без заглавия.

Стихотворение написано в Англии и отражает владевшие в ту пору поэтом настроения (ср. наст. изд. с. 222—223) при опоре на “Сожаления” Дю Белле.

Ст. 7—8 (в подлиннике: “...et quelquefois, lès soirs, // Le baiser jeune et frais d'une blanche aux yeux noirs” точно переведены Пушкиным в XXXIX строфе 3 главы “Евгения Онегина”: “Порой беланки черноокой младой и свежий поцелуй” (указано Б.В. Томашевским: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 5. С. 596).

Басня

На этот сюжет существует и басня Лафонтена (Кн. 1, 9).

Беспечность

В рукописи без названия, с неполной первой строкой: “...C'est la frivolité, // Mère du vain caprice...” (“...Это беспечность, // Мать прихотей пустых...”)

По свидетельству де Бразе, эта картинка в духе рококо изображает храм Фантазии и, быть может, предназначалась для поэмы “Искусство любви” (См.: GW. P. 927).

“...Земля, земля благая...”

Стихотворение воспевает область Франции (провинцию Дофине), откуда в июле 1788 г. раздалось громкое требование созыва Генеральных штатов. В современных изданиях печатается в составе фрагментов незавершенной поэмы “Свободная Франция” (1791).

Помета, предваряющая текст, добавлена Латушем.

⁵ *Валанс, Гренобль, Роман-сюр-Изер* — города, входившие в состав провинции Дофине (ныне — в департаментах Изер, Дром).

ЯМБЫ

Этот раздел был представлен Латушем в сборнике 1819 г. наиболее скупо и произвольно, тем не менее ямбы стали одним из важнейших источников формирования поэтического облика Шенье. См. также Дополнения.

Ямб I.

Восставшим швейцарцам полка Шатовье...

Впервые: *Journal de Paris*, 15 avril 1792 под названием: “Гимн на торжественное вступление швейцарцев полка Шатовье”. Прецедент такого стихотворного размера во французской поэзии: ода Ж.-Б. Руссо “Швейцарцам, в пору гражданской войны на их родине в 1712 г.” Ср. также “Ода в подражание нескольким псалмам” Н. Жильбера.

Латуш привел только первые 16 строк. Полный текст см. Дополнения.

В августе 1790 г. в гарнизоне г. Нанси, состоявшем из трех полков — двух французских и одного швейцарского, произошло восстание. Национальное собрание издало против мятежных солдат суровый декрет. Французские полки почти полностью капитулировали. Швейцарцы оказали сопротивление национальной гвардии во главе с генералом Буйе. После подавления мятежа 41 из оставшихся в живых солдат был сослан на галеры. После принятия королем конституции и объявления амнистии (15 сентября 1791 г.) якобинцы добились освобождения в феврале 1792 г. швейцарских солдат (при этом большим стимулом служило то, что они не выступили против народа в день взятия Бастилии). 15 апреля (в день, когда был опубликован “Гимн...”) швейцарские солдаты с триумфом вошли в Париж. При этом исполнялось торжественное песнопение на слова Мари-Жозефа Шенье.

Андре Шенье, протестуя против устройства этого праздника, опубликовал в конце марта и начале апреля ряд статей и писем в Приложении к “Журналь де Пари” и в самой газете (см. одно из этих писем с. 242 наст. изд.), в том числе “Мой ответ Колло-д’Эрбуа” (см. примеч. 35 к предисловию Латуша). Выступления Шенье имели резонанс: его позиция была поддержана “умеренной” прессой и резко осуждена “патриотическими” органами печати.

Переводил Л. Остроумов.

³ *Дезиль* (1767—1790) — офицер французского пехотного полка, восставшего в Нанси вместе с швейцарцами. Стремясь предотвратить схватку с правительственными войсками, стал перед жерлом заряженной пушки и был расстрелян.

⁷⁻⁸ *...Когда... тень Мирабо вступала // Под славную... сень...* — Прах знаменитого политического деятеля и оратора Оноре-Габриеля Рикетти, графа Мирабо (1749—1791) был погребен в Пантеоне 5 апреля 1791 г.

- 9-10 ...когда в Париж... Вольтера возвратился прах... — Вольтер был похоронен в провинции Шампань, в аббатстве Сельер (так как духовенство запретило хоронить его в Париже). 11 июля 1791 г. прах Вольтера был торжественно перенесен в Пантеон.
- 15 Журдан — Матье Жув, по прозвищу Журдан-головорез (1749—1794), в бытность командующим войсками на юге Франции прославился своей жестокостью, устроив осенью 1791 г. резню в Авиньоне. Позднее гильотинирован.
- 16 Лафайет Мари-Жозеф (1757—1834) — политический деятель, генерал, “герой Старого и Нового света” (активно участвовал в войне за независимость США), командующий национальной гвардией в начале революции; в то время, когда был написан “Гимн...” — командующий одной из армий революционной Франции. Шенье относился к Лафайету с неизменным уважением, осенью 1791 г. поддержал в печати его кандидатуру на пост мэра Парижа.

Ямб II.

“Когда скрывается в пещерном полумраке...”

Написано в тюрьме Сен-Лазар. Шенье записывал свои ямбы на узких полосках бумаги (формата 42 × 160 мм) и тайно передавал отцу. Прецедент такого обращения поэта из тюрьмы к друзьям — “Послание друзьям” (1461) Ф. Вийона, книга стихотворений которого была в библиотеке Шенье (См.: *Dimoff*. Т. 2. Р. 368). Ср. сходную образность в “Стансах” (1794) узника тюрьмы Консьержери О. Риуффа: “Я — словно дрожащий ягненок, // Внезапно схваченный на лугу, // Которого по кровавому настилу // Влекут на бойню” (*Mémoires de Cléry, de M. le duc de Montpensier, de Riouffe*. P., 1847. P. 452).

Переводили С. Андреевский, П. Якоби, М. Зенкевич, Г. Русаков.

- 15 ...Вздев на кровавый крик... — О возможном отражении этой строки в творчестве Ахматовой см. вторую статью.
- 23 И Бавусу назло... — В подлиннике вместо имени — пропуск (в ямбах часто встречаются зашифрованные, сокращенные слова или пропуски): “En dépit de —”. По мнению исследователей, пропущено имя Фукье: “Наперекор Фукье...”. Антуан Кентен Фукье-Тенвиль (1746—1795) был общественным обвинителем революционного трибунала в эпоху террора.

Ямб III, Ямб IV

Это две части одного произведения, переставленные Латушем местами, с купюрой и частично исправленными им же строками. Полностью приводится в разделе Дополнения.

Судя по рукописи, эти ямбы вряд ли были написаны накануне или тем более в день казни.

Латуш внес некоторые исправления в текст, стараясь смягчить выражения Шенье — так, вместо “трупных червей” появились “наглые тираны”, вместо “плюнуть на их имена” — “оскорбить их имена” и т.п.

Ямб III переводил С. Андреевский. Ямб IV переводили Н. Шибаяев (?), Н. Греков, И.П. Горн, Ф. Орлов, П. Ковалевский, С. Андреевский, В. Злобин, П. Якоби. Полный текст переводили М. Зенкевич, Г. Русаков. Подражал ямбам III и IV К. Фофанов.

Ямб III,

“Чего в грядущем ждать?..”

- ⁵ Фемиды (греч. миф.) — богиня правосудия.

Ямб IV

(Последние стихи автора).

- ¹ Последний блеск луча... — В подлиннике: “Comme un dernier rayon...”. Возможно, этот зачин отозвался в первой строке элегии П.А. Габбе “Бейрон в темнице” (не позднее 1822), представляющей собой монолог Байрона: “Последний солнца луч погас за Апеннином...” (Поэты 1790—1810 годов. Л., 1971. С. 737).

ПРОЗА

〈Прембула〉

¹ *Бартеlemi Франсуа де* (1750—1830) — французский дипломат, политический деятель. Находился в Англии в одно время с Шенье в качестве поверенного в делах Франции и был с ним, по собственному свидетельству, “очень дружен” (“*Mémoires de Barthélemy*. P., 1914. P. 64). Поэт переписывался с ним после своего отъезда из Лондона и в сентябре 1790 г. послал ему вышедшую брошюрой статью “Уведомление французам об их истинных врагах”, а позднее, очевидно, и брошюру “Размышления о духе партий”.

² *...автором знаменитого предложения... против... закона о выборах.* — В феврале 1819 г. Бартеlemi внес в палате пэров предложение, направленное против слишком демократического, на его взгляд, характера намечавшегося закона о выборах.

Уведомление французам об их истинных врагах

Впервые: *Mémoires de la Société de 1789* (Записки Общества 1789 года), N 13, 28 août 1790, а затем отдельной брошюрой. “Общество 1789 года” было создано весной 1790 г. и просуществовало всего несколько месяцев (см. первую статью). Статья Шенье явилась манифестом этой группы. Первое выступление его в печати снижало одобрение умеренного лагеря, было отмечено королем Польши Станиславом-Августом (см. наст. изд. и примеч. с. 536) и осуждено “решительными якобинцами”, по выражению Камилла Демулена, который в своей газете “Революции Франции и Брабанта” обрушил критические выпады в адрес “неизвестно какого Андре Шенье” (Цит. по: *Prose*. P. 364).

¹ *...измотанные... войной и... встревоженные... восстаниями...* — Австрия на протяжении долгого времени вела войну с Турцией. В подвластных ей Венгрии и Нидерландах не прекращались волнения.

² *Кориолан Гней Марций* — легендарный полководец и герой римской истории начала 5 в. до н.э. Перешел на сторону италийского племени вольсков и вместе с ними осадил Рим. Лишь по просьбе матери и жены Кориолан отступил от города и был убит вольсками.

³ *...перепродает деньги...* — Речь идет о перепродаже звонкой монеты, вызванной введением постоянно падавших в цене бумажных ассигнатов.

⁴ *...кровавые сцены...* — С самого начала революции начались народные расправы: уже в первые дни были убиты комендант Бастилии Делонэ, генеральный контролер Фулон и его зять Бертье, головы которых толпа носила на пиках.

⁵ *Байи* — см. примеч. к ст. 130 поэмы “Замысел”. 16 июля 1789 г. Байи был избран мэром Парижа. Постепенно стал подвергаться все большим нападкам со стороны радикалов. Окончательно он стал врагом в глазах левых после столкновения демонстрантов с Национальной гвардией на Марсовом поле летом 1791 г.

⁶ *Лафайет* — см. примеч. к ст. 16 ямба I.

⁷ *Сийес Эмманюэль-Жозеф*, аббат (1748—1836) — деятель Французской революции. Опубликовал накануне революции публицистические сочинения, оказавшие большое влияние на общественное мнение, в том числе брошюру “Что такое третье сословие?” (1789). Принимал активное участие в выработке Декларации прав человека и гражданина, а также первой конституции, был сторонником конституционной монархии с однопалатным парламентом.

⁸ *...хочет обуздать нестерпимую дерзость писателей-клеветников... аббат Сийес...* В январе 1790 г. Сийес предложил проект закона “О свободе печати, о наказаниях за ее проступки и об ответственности писателя”.

⁹ *Кондорсе Жан-Антуан-Никола* (1743—1794) — французский философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель, автор труда “Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума” (1794). В 1791 г. был избран в Законодательное собрание. Позднее в

Конвенте разделял позиции жирондистов. Отношение к нему Шенье со временем резко изменилось.

- ¹⁰ ...*в Пале-Рояле*. — Пале-Рояль — дворцовый ансамбль, построенный в 1632 г. и принадлежавший в эпоху революции герцогу Филиппу Орлеанскому (который стал членом Якобинского клуба под именем Филиппа Эгалите). Парк и часть зданий, в которых размещались лавки торговцев и кафе, были открыты для доступа публики. С самого начала революции Пале-Рояль стал местом обсуждения текущих событий, митингов и собраний. Отсюда К. Демулен призвал народ к походу на Бастилию.
- ¹¹ ...*грабя казну своих полков*... — Шенье имеет в виду восстание солдат в Нанси. См. примеч. к ямбу I.
- ¹² ...*на одну из самых внушительных церемоний*... — Имеется в виду Праздник Федерации на Марсовом поле, состоявшийся 14 июля 1790 г. Национальная гвардия и армия, а также Национальное собрание и король принесли в этот день присягу на верность нации.
- ¹³ ...*неповиновение закону*... — В августе 1790 г. произошли волнения в ряде военных гарнизонов Франции.
- ¹⁴ ...*как... показал г-н Кондорсе*... — Шенье имеет в виду статью Кондорсе (опубликованную незадолго до его собственной) “Друзьям свободы о средствах ее упрочения”, в которой говорилось: “Необходимо дать понять [гражданам. — *Е.Г.*], что восстание против законов является осуществлением права на сопротивление угнетению лишь в том случае, если конституция не предоставляет никаких законных возможностей требовать отмены несправедливого закона...” (цит. по: Prose. P. 29).
- ¹⁵ *Пасси* — В загородном доме де Панжа в этом предместье Парижа Шенье гостил, приехав во время отпуска во Францию летом 1791 г.

Размышления о духе партий

Впервые опубликовано отдельной брошюрой в начале апреля 1791 г.

- ¹ “...*патриотизм базарных торгов*”... — Женщины из народа играли большую роль во Французской революции. Они участвовали в целом ряде народных выступлений, в частности, в походе на Версаль в начале октября 1789 г., в результате которого король и его семья, а также Национальное собрание вынуждены были переехать в Париж.
- ² ...*тайные приказы об аресте с королевской подписью*... — Так называемые *lettres de cachet*, подписанные королем и скрепленные королевской печатью бланки, в которые оставалось только вписать любое имя, чтобы заключить неугодного человека в тюрьму.
- ³ ...*следуя выражению... Тацита*... — См.: *Тацит*. История. Кн. 1, 6. Стил публицистических статей Шенье отмечен очевидным влиянием греческих и римских ораторов и историков.
- ⁴ ...*коммуны Арнэ-ле-Дюк, пытавшейся... задержать теток короля*... — В феврале 1791 г. две престарелые дочери Людовика XV с эскортом выехали из своих резиденций под Парижем по направлению к Риму, однако на полпути от границы были задержаны муниципалитетом коммуны Арнэ-ле-Дюк. Вмешательство Национального собрания позволило принцессам продолжить путь. Их отъезд был воспринят многими как предвестие бегства короля.
- ⁵ ... *закон об эмигрантах*... — Такой закон, предусматривавший различные санкции в отношении эмигрантов в том случае, если они не вернутся во Францию, был принят 1 августа 1791 г.
- ⁶ *Тартюф* — персонаж одноименной комедии Мольера (1669), стал олицетворением лицемерия.
- ⁷ ... *в письме одному из членов Национального собрания, принадлежащем перу человека*... — Речь идет о “Письме Ж.-П. Бриссо г-ну Барнаву”, опубликованном 26 ноября и 3 декабря 1790 г. в газете “Ами де патриот”. Жак-Пьер Бриссо (1754—1793) указывал в этом письме на опасность размежевания политических сил внутри Национального собрания. Шенье вскоре стал яростным противником Бриссо, лидера жирондистов, резко полемизируя с ним в печати.
- ⁸ ... *день его роспуска*. — Национальное собрание (провозгласившее себя Учредительным)

завершило свою работу 30 сентября 1791 г., выработав Конституцию. Его сменило Законодательное собрание.

- ⁹ ... *выводит из фехтовальных залов...* — В это время участились случаи вызова на дуэль роялистами особо видных депутатов Национального собрания, членов Якобинского клуба. Множество таких вызовов получил Мирабо. Осенью 1790 г. состоялись дуэли между главой роялистов Ж.-А.-М. Казалесом и А. Барнавом, а также между герцогом де Кастри и Ш. Ламетом, в результате которой Ламет был легко ранен. Народ разгромил особняк Кастри.
- ¹⁰ ... *осмелившихся назваться защитниками короля...* — Шенье имеет в виду так называемых “рыцарей кинжала”, вооруженных дворян, собравшихся 28 февраля 1791 г. вокруг дворца Тюильри для защиты короля и пытавшихся сдержать осадившую здание толпу.
- ¹¹ ... *о кровавых ужасах в наших южных провинциях...* — Расположенные на юге Франции г. Авиньон и графство Венесенн (со столицей в г. Карпантра) были владениями римского папы. В Авиньоне в ходе Французской революции начали раздаваться требования присоединения к Франции, многие жители встали на сторону революции. Летом 1790 г. в Авиньоне вспыхнуло контрреволюционное восстание; оно было жестоко подавлено местным ополчением. В 1791 г. между Авиньоном и Карпантра, городом, сохранившим верность римскому папе, началась гражданская война, в которой Авиньон опирался на поддержку национальной гвардии других городов юга Франции.
- ¹² ... *не признает ливреи их слуг...* — 19 июня 1790 г. Национальное собрание отменило все дворянские титулы, упразднилась и вся дворянская символика: гербы, особые ливреи слуг и пр.
- ¹³ ... *государе, низведенном до роли первого гражданина... нации...* — По конституции 1791 г., главой исполнительной власти во Франции, которая стала конституционной монархией, являлся король, “наследственный представитель нации”.
- ¹⁴ ... *когда парламент находился в оппозиции к двору...* — Парижский парламент, судебное учреждение, встал накануне революции в оппозицию к королю, отказавшись в 1787 г. регистрировать непопулярные эдикты о новых налогах и выступив с требованием созыва Генеральных штатов. Весной 1788 г. парламент Парижа, а также парламенты ряда других городов Франции, были распущены королем.
- ¹⁵ ... *наши установления кажутся несовместимыми с данными ими ... обетами.* — По церковной реформе 1790 г. отменялась зависимость французской церкви от Ватикана, регистрация актов гражданского состояния передавалась государственным органам, устанавливалась выборность священников и епископов прихожанами, все священники должны были принести гражданскую присягу. Папа римский предал анафеме “гражданский статус духовенства”. В результате французское духовенство раскололось на присягнувшее (или конституционное) и неприсягнувшее.
- ¹⁶ ... *в духе Кирилла или Григория Назианзина...* — Св. Кирилл, патриарх Александрийский (ок. 376—444), прославился своим обличением еретиков, в том числе несториан. Все его сочинения носят полемический характер. Св. Григорий Назианзин (Богослов, 329 или 330—390) — патриарх Константинопольский, знаменитый оратор. Подверг сокрушительной критике ересь ариан. Ему были не чужды резкие выражения.
- ¹⁷ ... *прелаты... герои историй ... преданные ... шарлатанам...* — Имеется в виду кардинал Эдуард де Роган (1734—1803), герой нашумевшего “дела об ожерелье”. В 1785 г. он стал жертвой мошенников, заполучивших с его помощью бриллиантовое кольцо якобы для королевы Франции. В этой истории был замешан и знаменитый авантюрист граф Калиостро. Судебный процесс по этому делу получил широкую огласку в стране.
- ¹⁸ ... *аббаты, чьи антирелигиозные остроты, песенки и анекдоты увеселяли столичное общество...* — Так называемые светские аббаты, острословы и вольнодумцы, были непременным украшением салонов XVIII в. Быть может, Шенье непосредственно намекает на кардинала де Берни, которому его сан не мешал быть автором стихов в духе “легкой поэзии” рококо.

- ¹⁹ ... о тех политиках-иллюминатах, о тех патриотах-розенкрейцерах... — Речь идет о членах тайных религиозно-мистических обществ, близких к масонским, распространившихся в XVII—XVIII вв. в Европе и, в частности, об аббате К. Фоше (1744—1793), выступившем с библейским истолкованием событий революции.
- ²⁰ ... элевсинские или эфесские таинства... — Речь идет о мистериальных культах Деметры и Посейдона в греческом городе Элевсине (неподалеку от Афин) и о тайных христианских богослужениях в малоазийском г. Эфес, в котором, когда он входил в состав Римской империи, возникла одна из первых христианских общин, восходящая к апостолу Павлу.
- ²¹ ... о двух объемистых брошюрах... — Осенью 1790 г. были опубликованы сочинение бывшего генерального контролера Ш.А. Калонна “О состоянии Франции в настоящем и будущем”, который, после того, как в 1787 г. был отвергнут его половинчатый план реформ, получил отставку и эмигрировал в Англию, и книга Э. Берка (см. о нем примеч. 41 к предисловию Латуша) “Размышления о революции во Франции”.
- ²² ... причиной разрыва между ним и одним из его ... соратников... — Резкие выпады Берка в адрес Франции в Палате общин в феврале 1790 г. были осуждены его другом Р. Шериданом, что послужило причиной разрыва между ними.
- ²³ ... скрепляет, стоек // ... дух рыночных помоек. — Цитата из комедии Мольера “Ученые женщины” (Д, II, сц. 7. Пер. мой — Е.Г.).
- ²⁴ ... он приводит слова Екклесиаста... — См.: Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова. Гл. 38, ст. 24—38.
- ²⁵ Английский король ... был поражен недугом... — Георг III на некоторое время впал в умопомешательство. Шенье тогда находился в Англии.
- ²⁶ ... Мильтон, говоря о падении Сатаны... — В поэме “Потерянный рай” (1667) Дж. Мильтон говорит о падении Сатаны в Книге VI; в Книге X есть строки, которые, возможно, имел в виду Шенье. О Сатане сказано, что он “бежал, объятый ужасом, не чая // Спасения, но прячься от Руки // Карающей и, как злодей, страшась, // Немедленного гнева Божества” (Мильтон Дж. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец. М., 1976. С. 294. — Пер. Арк. Штейнберга).
- ²⁷ ...у меня есть брат, ставший жертвой ... его ... фантазий... — См. примеч. 41 к предисловию Латуша.
- ²⁸ ... изображение Терсита... — Шенье приводит строки 211—212 из II песни “Илиады” Гомера.

Письмо Мари-Жозефа де Шенье

- ¹ “Агис” — трагедия Жозефа-Франсуа Лэньло (1750—1829), представленная в 1782 г.
- ² ... оду на возвращение протестантов во Францию... — В конце января 1788 г. парижским парламентом был зарегистрирован эдикт от 19 ноября 1787 г. об узаконении браков и гражданского состояния протестантов, что создавало благоприятную обстановку для их проживания во Франции. Мари-Жозеф пишет об этом событии в “Поэме на собрание нотаблей” (1787). Упомянутая им ода в доступных нам собраниях его сочинений не найдена.
- ³ ... “Альманах великих людей” ... приписывают графу де Риваролу и г-ну де Шансене... — “Малый альманах наших великих людей” — сатирическое сочинение (словарь) Антуана де Ривароля (1753—1801), литератора, автора приобретшего известность “Рассуждения об универсальности французского языка” (1784), написанного им в сотрудничестве с Луи-Рене Кентеном де Ришбуром, шевалье де Шансене (1760—1794), известным острословом и завсегдаем салонов. О Мари-Жозефе в этом словаре было с иронией сказано как об одной из “самых гармонических голов во всей литературе” (*Rivarol A. Petit almanach de nos grands hommes*. P., 1808. P. 55).
- ⁴ ... аббате Делиле... — Жак Делиль (1738—1813), французский поэт, автор описательных поэм (“Сады”, 1782), переводов поэм Вергилия “Георгики” (1770) и “Энеида” (1804).
- ⁵ Вам нравится в Лондоне... — Ср. публикуемый вслед за этим письмом фрагмент, написанный

А. Шенье в Лондоне, который, видимо, не стремился поделиться с младшим братом своими истинными чувствами. В то же время в тщеславном отчете Мари-Жозефа о его успехах в литературе проявляется полное равнодушие (при отсутствии такта) по отношению к старшему брату.

- ⁶ ... *вы снисходительны к Шекспиру*... — Переоценка Шекспира, подвергавшегося критике сторонниками классицизма (Шенье сам под влиянием этой критики отрицательно отзывался в “Опыте о причинах и проявлениях совершенства и упадка литературы и искусства” о его “варварских конвульсиях” — G.W.P. 647), началась в связи с общим отходом от классицистической системы, нарастанием предромантических тенденций в европейской литературе. Свидетельство М.-Ж. Шенье очень важно и подтверждается рядом обращений А. Шенье к наследию Шекспира (см. примеч. к элегии XXXVI и с. 540, 541).
- ⁷ ... *разговор умирающего Генри IV со своим сыном принцем Уэльским*. — Имеется в виду сц. 5 действия IV части II трагедии Шекспира “Генри IV” (1597—1598).
- ⁸ ... *в “Юлии Цезаре”*... — “Юлий Цезарь”, трагедия Шекспира (1599).
- ⁹ *Эдип, Филоклет* — персонажи трагедий Софокла “Эдип-царь”, “Эдип в Колоне” и “Филоклет” (5 в. до н.э.)
- ¹⁰ “*Брут и Кассий*” — см. примеч. 40 к предисловию Латуша.
- ¹¹ ... *о “Спартаке”*... — “Спартак” — трагедия последователя Вольтера Б. Сорена (1760), о которой Мари-Жозеф Шенье писал в предисловии к “Бруту и Кассию”.

“*Поскольку мне здесь очень тоскливо...*”

Ср.: элегия XXXVI, 7 фрагмент элегий, “Де Панжу”.

¹ *Ковент-Гарден* — лондонский театр.

² *Hood's Tavern* — трактир Гуда.

Алтари страха

Написано предположительно в конце апреля 1791 г. Впервые опубликовано в сборнике 1819 г. Эта статья Шенье была переиздана во Франции в 1945 г.

- ¹ *Древние воздвигали храмы и жертвенники ... Страху*. — О “святилищах Страху и Смятению” упоминает, в частности, Тит Ливий: История от основания Рима. Кн. 1, 27.
- ² ... *неприсягнувших священников*... — См. примеч. с. 533.
- ³ ... *парижский департамент ободряет и радуется ... человеческим ... постановлением*... — В апреле 1791 г. было принято постановление, разрешавшее верующим за их счет совершать любые богослужения.
- ⁴ ... *секции*... — По муниципальному закону о Париже от мая — июня 1790 г. столица была разделена на 48 секций (вместо прежних 60 округов).
- ⁵ ... *оскорбляет ... чернь*... — В это время нередкими стали случаи, когда рыночные торговки избивали розгами монахинь.
- ⁶ ... *список их имен*... — В этом списке было и имя г-жи де Бонней (см. примеч. к элегии III).
- ⁷ ... *кто желает его оплатить*. — Концерт, о котором пишет Шенье, был благотворительным и вход на него — платным.
- ⁸ ... *на этих народных ораторов ... друзей народа*... — Намек на издателей газет “*Orateur du peuple*” (“Оратор народа”) и “*Ami du peuple*” (“Друг народа”) — Л.-М. Фрерона и Ж.-П. Марата.
- ⁹ ... *судя по словам Клодия и Катилины*... — Т.е. политических противников Цицерона.
- ¹⁰ *Шарден Жозеф* (1643—1713) — знаменитый путешественник, автор книги “Путешествие шевалье де Шардена в Персию и Восточную Индию, через Черное море и Колхиду” (1711), которая снискала похвалы Монтескье и Руссо.
- ¹¹ ... *страх г-на де Мирабо*... — Имеется в виду младший брат знаменитого деятеля революции Андре-Бонифас-Луи Рикетти, виконт де Мирабо, прозванный Мирабо-бочка. Он эмигрировал из

Франции в августе 1790 г. и сформировал в Германии “Легион Мирабо”, состоявший из нескольких сот человек.

¹² *Кадм* — финикийский царевич, отправленный отцом на поиски Европы, похищенной Зевсом. Вынужденный вступить в борьбу с драконом, Кадм убил чудовище и засеял поле его зубами, из которых выросли воины.

¹³ ... *утаивая имя автора...* — Шенье неизменно подписывал все свои статьи полным именем или инициалами А.С. (André Chénier). Л. Бек де Фукьер указал только на две анонимные статьи, относящиеся ко времени процесса над королем, которые могут быть ему приписаны (см.: Prose. P. 269—279).

Первая глава сочинения о причинах и проявлениях совершенства и упадка литературы

Заглавие было дано Латушем. Впоследствии один из издателей А. Шенье А. Лефран предложил в 1899 г. (опираясь, как и Латуш, на фразу самого поэта из этого сочинения) название “Опыт о причинах и проявлениях совершенства и упадка литературы и искусства”. Это произведение Шенье состоит в значительной мере из набросков и создавалось предположительно в 1786—1789 гг. В ряде фрагментов, а также общим духом, “Опыт...” близок поэме “Замысел”.

Часть, представленная Латушем как первая глава, скорее всего является введением.

¹ ... *часто хорошая книга ... является хорошим делом...* — Ср. приписываемое Пушкину выражение: “Слова поэта суть уже его дела” (Гоголь Н.В. Что такое слово? // Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 8. С. 229).

² *Что до меня, то, выйдя из детского возраста ... в самой полной независимости.* — П. Димов указал на сходное рассуждение Саллюстия во вступлении к его книге “Заговор Катилины” (см.: Dimoff. Т. 2. P. 310).

³ ... *когда суровая необходимость положила конец моей независимости...* — Шенье имеет в виду свою службу в Лондоне.

⁴ *музеум* — имеется в виду то значение слова, которое оно имело в античности: в 3 в. до н.э. был создан Александрийский музей, своего рода храм науки и литературы, в котором ученые читали лекции.

Его Величеству Станиславу–Августу Королю Польскому, Великому Герцогу Литовскому

Станислав–Август Понятовский (1732—1798), последний король Польши (1764—1795), ставленник Екатерины II, пользовался репутацией просвещенного монарха, одно время состоял в переписке с Вольтером. Через своего посланника при Версальском дворе Филиппа Маццен (имя которого значится в списках “Общества 1789 года”) он передал Шенье (а также Б. Бареру, см. о нем примеч. 53 к предисловию Латуша) почетную медаль, на одной стороне которой был изображен король, а на другой были выбиты слова *Vene meritis* (С честью заслуживаешь).

¹ ... *писал король Польши...* — В сопроводительном письме, обращенном к Маццен.

² ... *рассказывается нечто подобное о Тесее...* — Тесей — мифический древнегреческий герой, царь Афин, считался основателем этого города и основоположником демократии.

Гийому-Тома Рейналю

¹ *Рейналь Гийом-Тома-Франсуа* (1713—1796) — французский историк и социолог, ученый-просветитель, один из сотрудников “Энциклопедии”, автор “Философической и политической истории учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях” (в 6 т., 1770; Шенье цитирует издание 1780 г. в 10 т.), содержащей острую критику феодально-абсолютистских порядков,

- католической церкви и колониальной политики. Книга была в 1781 г. осуждена французским парламентом, Рейналь подлежал аресту и вынужден был бежать из Франции. Национальное собрание отменило решение парламента в августе 1790 г. В мае 1791 г. Рейналь прибыл в Париж, где ему был оказан триумфальный прием. 31 мая на заседании Национального собрания было зачитано письмо Рейналя, в котором тот, приветствуя успехи Собрания, в то же время резко критиковал некоторые его действия (существует предположение, что это письмо было отчасти составлено двумя депутатами, решившими таким образом придать веса своему мнению). Национальное собрание решило не обсуждать прочитанное и перешло к повестке дня.
- ² *Монитор* — в этой газете Шенье опубликовал четыре статьи летом и осенью 1791 г. 2 июня в этой же газете была опубликована речь Робеспьера, в которой также осуждалось письмо Рейналя.
- ³ ... *почтишь память Вольтера...* — См. примеч. к ст. 9—10 ямба I.
- ⁴ *Мабли* Габриель Бонно де (1709—1785) — французский политический мыслитель, утопический коммунист, историк.
- ⁵ ... *тех изобретательных сообществ...* — Речь идет о так называемых тонтинах (от имени итальянца Тонти), учреждениях, гарантировавших пожизненный доход при условии передачи принадлежащего члену этого общества капитала после его смерти другим членам сообщества.
- ⁶ ... *в книге Пейна* (о здравом смысле)... — Томас Пейн (1737—1809) — англо-американский политический мыслитель, философ-просветитель, революционный демократ. В 1776 г. Пейн анонимно издал памфлет “Здравый смысл”, направленный против английской монархии и призывавший к борьбе за освобождение Америки (Пейн был активным участником этой борьбы). В 1792 г. он получил французское гражданство и стал членом Конвента.
- ⁷ ... *разве вы не знали, что приход свободы ... всегда сопровождается временными беспорядками и бедами?* — Попытка найти оправдание эксцессам революции просматривается не только в этой статье Шенье (ср. наст. изд. с. 187, 194). Впоследствии он, судя по всему, расстался с этими заблуждениями.
- ⁸ ... *в связи с постановлением департамента Парижа* — См. примеч. с. 535.
- ⁹ ... *увидев в заголовке...* — Статья Шенье была опубликована под заглавием “Андре Шенье — Гийому-Тома Рейналю”.
- ¹⁰ ... *завета древнего законодателя...* — Далее приводится цитата из Книги Левита (гл. 19, ст. 32), входящей в Пятикнижие Моисея.

О причинах беспорядков, волнующих Францию и препятствующих упрочению свободы

Это первое печатное выступление Шенье, откровенно направленное против якобинцев. Оно имело значительный резонанс. Статья была перепечатана прежде всего роялистскими газетами и положила начало полемике между А. Шенье и Мари-Жозефом, который опубликовал сперва заявление о том, что он не является ее автором (в то время в печати часто путали обоих братьев), а затем — статью в защиту Общества якобинцев.

- ¹ *Журналь де Пари* — газета, основанная в 1777 г. В ноябре 1791 г. стала органом феяанов, или конституционных монархистов. Шенье стал активным сотрудником газеты, публикуя свои статьи и в ее Приложениях. Данная статья была опубликована в Приложении (Supplément) № 19.
- ² *Общество друзей конституции...* — См. примеч. 27 к предисловию Латуша.
- ³ ... *из дневника его заседаний...* — Этот дневник печатался с июня 1791 г.
- ⁴ ... *грабящих лавки...* — В январе в Париже произошли нападения на лавки торговцев сахаром: народ был возмущен ростом дороговизны этого продукта.
- ⁵ ... *некто произносит речь...* — Имеется в виду опубликованная в начале января 1792 г. речь Дюбуа де Крансе в Клубе якобинцев, в которой автор, по его собственному признанию, за отсутствием доказательств и из опасения судебного преследования, убрал имена лиц, обвиненных им в участии в контрреволюционном заговоре.

- ⁶ ... подобно крещению Константина, очищает от всех преступлений... — Константин I Великий (ок. 272—337), римский император с 306 г. Правил по образцу восточных деспотов. Обвинялся в убийстве некоторых своих ближайших родственников. Признал христианство равноправной религией и незадолго до смерти принял крещение.
- ⁷ *Авиньонские чудовища*... — В сентябре 1791 г. Авиньон и графство Венесенн (см. примеч. к ст. 15 ямба I) были постановлением Учредительного собрания присоединены к Франции. Преодолевая сопротивление части жителей, сохранивших верность папе римскому, командующий Журдан (см. примеч. с. 530) во главе армии, называвшей себя “храбрые авиньонские разбойники”, заключил в октябре 1791 г. в одну из башен Авиньонского замка сто тридцать мужчин, женщин и детей, где они были перебиты.
- ⁸ ... одному из членов Национального собрания... — Имеется в виду М.-Э. Гюаде, выступивший в защиту “патриотических обществ” 21 февраля 1792 г.
- ⁹ ... одного из наших магистратов... — Имеется в виду Жером Петитон де Вильнев (1756—1794), избранный в ноябре 1791 г. мэром Парижа.
- ¹⁰ ... таксации цен... — Т.е. установления твердых цен на продукты.

Издателям “Журналь де Пари”

Первые: *Journal de Paris, Supplément N 38, 29 mars 1792.*

- ¹ *Амнистия ... только что вернула свободу солдатам из полка Шатовье*... — См. примеч. к ямбу I.
- ² *Буйе Франсуа Клод (1739—1800)* подавил мятеж в Нанси (см. примеч. к ямбу I) по приказу Национального собрания. Он же принял активное участие в подготовке бегства Людовика XVI в июне 1791 г. После задержания короля он эмигрировал из Франции.
- ³ ... значит дать понять, что этот человек не совершал проступков... — Шенье иронизирует по поводу образа мыслей тех, кто готовил торжественную встречу солдат.
- ⁴ ... памяти юного Дезиля... — См. примеч. к ст. 3 ямба I.
- ⁵ *колпаки* — Речь идет о красных фригийских колпаках (символе свободы и равенства), которые в марте 1792 г. появились на головах членов Якобинского клуба.
- ⁶ ... тогда их сообщники ... втаптывают их в грязь... — Ср. строфу II оды II (“О, дух мой! выше облаков...”).

Послание Людовика XVI депутатам Конвента, составленное Андре Шенье

Первые опубликовано в сборнике 1819 г. См. предисловие Латуша и примеч. 36—37 к этому предисловию.

ДОПОЛНЕНИЯ

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ АНДРЕ ШЕНЬЕ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК 1819 Г. ИЛИ СУЩЕСТВЕННО ИЗМЕНЕННЫЕ В НЕМ

БУКОЛИКИ

“Прекрасный гибнет Ксанф, и скорбная душа...”

Впервые: изд. 1874 г.

Один из ранних опытов Шенье. Над текстом помета: “Октябрь 1778. Подражание Гомеру, Ил.(ида), кн. IV, ст. 473”. Шенье подражает ст. 473—487, изменив имена собственные: у Гомера в данном эпизоде упоминаются воин Симоисий и река Симоис.

⁴ *Сошедшая с горы.* — Ср. у Гомера: “...Симоисий, которого мать, // Некогда с Иды сошедшая вместе с своими родными // Видеть стада, родила на зеленых берегах Симоиса” (Илиада. Кн. IV, ст. 474—476 / Пер. Н. Гнедича. Ида — горный массив вблизи Трои.

⁹ *Аякс* — самый сильный после Ахиллеса герой Троянской войны.

Диана

Впервые. изд. 1874 г.

Источник: гимн Каллимаха “К Артемиде” (см: Александрийская поэзия. С. 106—112).

⁷⁻⁹ ... *на спине быка воссев яросторной... Иль с факелом в руке ...* — Древние монеты с аналогичными изображениями Дианы были воспроизведены в издании Каллимаха 1697 г., которым пользовался Шенье (см: *Dimoff*. Т. 2. P. 270—271).

¹⁸ *Прокрида..., Кирена, Антикля* — спутницы Дианы, фигурирующие в упомянутом гимне Каллимаха.

³⁰ *Я над своей главой почую лес ветвистый.* — Подразумевается миф об Актеоне (см. примеч. к ст. 13 оды IV), который был растерзан собственной сворой собак.

³⁹⁻⁴⁶ *Когда Алфея брег и Эримафа доли ... Законной гордостью грудь матери теснит.* — Источник этого фрагмента: *Вергилий*. Энеида. Кн. I, ст. 498—502. *Алфей* — река в Пелопоннесе, на юге Элиды, берущая начало в Аркадии.

“Наперснице наяд, косматой музе кров...”

Впервые: изд. 1874 г.

Текст предварен пометой Шенье: “Юный пастух скажет:”

“Вы, пастухи, сюда за легкою козою...”

Впервые: *Revue de Paris*, 1830, mars под заглавием “Innaïs (Иннаис) — неправильное прочтение Латушем имени “Мнаис”.

Источник, на который указал сам Шенье: эпиграмма Леонида Тарентского “Вы, пастухи, одиноко на этой пустынной вершине...” (см.: Александрийская поэзия. С. 323). Шенье заменяет имя мужчины (в греческом тексте — “Клитагор”) на имя девушки в соответствии с чувствительным, женственным идеалом сентиментализма и рококо.

⁶ *Прозерпина*, дочь Цереры, была не только царицей подземного царства, но и богиней плодородия.

Дриант

Впервые: изд. 1874 г.

Второй фрагмент помечен в рукописи сокращенными греческими словами, означающими: “морская буколика”.

А. Ахматова отметила частичную близость этого диптиха и стихотворения Пушкина “Арион” (1827; см.: Ахматова. С. 190—191).

¹⁹ Главк — один из морских богов.

“В ночи, в лесной глуши пред нимфою бродящей...”

Впервые: изд. 1874 г.

“Всевидцы тайные, чей безупречен глаз...”

Впервые: изд. 1874 г.

“О, Аполлон и Вакх, ваш лик не омрачен...”

Впервые: изд. 1874 г.

Источник: *Тибулл.* Элегии. Кн. 1, 4, ст. 37—38.

Объединение имен Аполлона и Вакха (Диониса), этих двух божеств-антагонистов, восходит к периоду после 7 в. до н.э., когда их образы стали сближаться; им обоим устраивались оргии на Парнасе (см.: Мифы народов мира. М., 1987. Т. 1. С. 93).

“На срезанный камыш, от взглядов в отдаленье...”

Впервые: изд. 1833 г.

Предварено пометой Шенье, из которой следует, что начальные строки являются подражанием Шекспиру — “Генри IV”. Часть I. Действие III, сц. 1.

¹¹ [*бог любви*] — строка в подлиннике не окончена. Интерполяция сделана мной на основе одного из предположений Бека де Фуьера.

“Спрячь, спрячь глаза свои, меня томит твой взгляд”

Впервые: изд. 1883 г.

Источник: комедия Шекспира “Мера за меру” (Действие IV, сц. 1).

“Все есть в моих стихах; внимай же им, прилежным...”

Впервые: *Revue de Paris*, 1830, mars.

Предварено пометой Шенье: “Пастух-поэт скажет”: В рукописи перед пометой еще четыре строки.

Переводили М. Михайлов, Г. Геннади, Е. Милич.

² *Камилла* — В оригинале Шенье стоит имя *Astéris*, которое Латуш при публикации заменил именем “Камилла”. Перевод Вс. Рождественского следует варианту Латуша.

“Простую ль дудочку дыханьем он живет...”

Впервые: изд. 1874 г.

Неоконченный набросок, за которым в рукописи следуют заметки Шенье о различных видах свирелей (с их греческими названиями) и способах изготовления этих музыкальных инструментов.

⁶ *...ликейским гротам милой...* — Ликей — гора в Аркадии.

⁷ *...неровная свирель...* — Плагиавлос, флейта, у которой мундштук был расположен сбоку.

ЭЛЕГИИ

“Когда приблизится неумолимо парка...”

Впервые: изд. 1874 г.

Предварено пометой Шенье: “Из Тибулла, эл.(егия)1” (имеется в виду Кн. I, I, ст. 59—60).

“Вперед, стихи мои; веряю вам себя”

Впервые: изд. 1833 г.

“Ах, нет, оставь меня, ни ласковых речей...”

Впервые: изд. 1874 г.

Источник указан Шенье: «Первые стихи — из прелестной песни Шекспира: “Мера за меру”, действие IV, сц. 1».

“Звук, обитающий в долине, тьмой объятый!”

Впервые: изд. 1833 г.

“Прозрачное дитя долин бургундских, Сена...”

Впервые: изд. 1874 г.

“Влечение ль нежное к семье пермесских дев...”

Впервые: изд. 1833 г.

“Я вспоминаю вновь ее черты, убор...”

Впервые: изд. 1874 г.

Ср. ст. 20—21 оды VII и примеч. к ним.

“Ах, нет, поверьте мне, я позабыть не в силах...”

Впервые: *Annales romantiques / Recueil de morceaux choisis de littérature contemporaine*. P., 1832. P. 304—305 под заглавием «Fragment inédit» («Неизданный фрагмент»). Указано Бекон де Фукьером и приведено им в книге: *Veisq. Lettres*. P. 42.

¹⁴ *Как будто на ветвях я арфу оставляю.* — В подлиннике говорится об “эоловой арфе” — образ, почерпнутый в “Песнях Оссиана” (ср. элегия XVI, ст. 55—58).

²¹⁻²² *...не так ли Галатее // Немая ожила от искры Прометее?* — Миф о Пигмалионе и мраморной Галатее, оживленной Афродитой, Шенье контаминирует с мифом о Прометее как создателе первых людей, вылепленных им из глины и оживленных огнем (ср. ст. 115—116 послания II).

“Где царственных гробниц внушительный размах...”

Впервые: изд. 1874 г.

Источники: эпиграммы Евена Аскалонского (AP, IX, 62) и Антипатра Сидонского (AP, IX, 151), русский пер. см.: Греческая эпиграмма. М., 1960. С. 49, 153; *Проперций*. Элегии. Кн. II, 2, ст. 17—24.

¹⁻² *Где царственных гробниц ... возвестить в веках?* — Жена царя Мавсола Артемизия воздвигла ему в Галикарнасе гробницу, ставшую одним из семи чудес света и названную мавзолеем (4 в. до н.э.)

⁶ *Ахиллесов сын* — Неоптолем (Пирр). Входил в число воинов, спрятавшихся в деревянном коне, в ночь взятия Трои, и отличался особой жестокостью (в частности, убил Приама).

⁷ *А ты, что угрожал... славе Рима...* — Карфаген.

¹² *...царицы Вавилона...* — Имеется в виду царица Семирамида (кон. 9 в. до н.э.), с именем которой связывается создание “висячих садов” — одного из семи чудес света.

“Привет вам, Геллеспонт, Эвксина nereиды...”

Впервые: Revue de Paris, 1830, mars.

В рукописи — помета по-гречески, означающая: “восточная элегия”. Это одно из стихотворений, написанных в связи с предполагавшимся путешествием поэта и его друзей на восток (ср. элегии VI, IX, 5 фрагмент элегий “Ждет парусник, и зов я слышу Византии”).

² *Пангея* — гора во Фракии в цепи современных Родоп. *Сест* — см. примеч. к ст. 151 поэмы “Искусство любви”. *Пропонтида* — античное название современного Мраморного моря.

³⁻⁴ *...османский лунный серп ... пошел ... на ущерб*. — Победы русского флота в первой русско-турецкой войне (1768—1774), подготовка второй (начавшейся в 1787 г.) вселяли надежду на скорое освобождение Греции от османского ига.

⁵ *Гемус* — см. примеч. к ст. 138 поэмы “Искусство любви”. *Рифей* — см. примеч. к ст. 40 элегии XXXII.

⁷ *Галата* — см. первую статью.

“А я, когда опять вернется летний зной...”

Впервые: изд. 1874 г.

“Еще я жив, томлюсь. И, не одной грозою...”

Впервые: Œuvres complètes de André Chénier / Publiées d’après les manuscrits par Paul Dimoff. P., 1908—1919. Т. 1—3. Т. 3.

Написано, по всей видимости, в Англии. Ср.: элегия XXXVI, фрагмент элегий “От близких, от друзей, от земляков вдали...”, “Де Панжу”, прозаический набросок, наст. изд. с. 222.

“Воспрянь, о гений мой! Скорей явись на зов...”

Впервые: Œuvres complètes de André Chénier / Publiées ... par Paul Dimoff. Op. cit. Т. 3.

ЭПИЛОГ ПОЭМЫ “ГЕРМЕС”

Впервые: изд. 1839 г.

Прозаический набросок написан на отдельном листке и здесь вводится для большей ясности.

О возможном отражении этого эпилога в поэме Пушкина “Евгений Онегин” (в заключительных строках первой главы) см.: *Гречаная Е.П.* Указ. соч. С. 105—106.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ “АМЕРИКА”

Впервые: изд. 1874 г.

¹³ *Урания* — Уранию, которая со временем стала музой эпической поэзии, призывают Данте в начале “Рая”, Мильтон в кн. 7 поэмы “Потерянный рай”.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ “ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА”

Впервые: изд. 1833 г. в разделе “Разные стихотворения” без указания на то, что это фрагмент более обширного произведения.

В современных изданиях печатается в составе фрагментов незавершенной поэмы “Литературная республика” (конец 1780-х годов) Источник ст. 15—24 — *Гораций*. Сатиры. Кн. 2, VII, ст. 83—87.

ОДЫ

“Благоухают в мае розы...”

Впервые: изд. 1839 г. Не окончено.

Стихотворение относится к циклу од, обращенных к Фанни.

Переводил П. Якоби.

“Мой брат... Да будут дни его ясны, и втуне...”

Впервые полностью: изд. 1874 г. См. примеч. к оде первой.

ЯМБЫ

“Его язык — клеймо. А в венах раскаленных...”

Впервые: изд. 1839 г.

Если учесть дату первых поэтических опытов Шенье — 1778 г. — то это стихотворение (на основании ст. 3) должно быть датировано 1790 г. Вместе с тем, тональность его ближе более поздним произведениям поэта. Возможно, оно было написано в связи с нападками на Шенье, протестовавшего против чествования солдат полка Шатовье (см. примеч. 35 к предисловию Латуша и примеч. к ямбу I).

Переводили М. Зенкевич, Г. Русаков, ст. 13—20 — П. Якоби.

⁹⁻¹¹ ... *Когда-то Архилох ... не лживого Ликамба...* — Архилох (род. в 650 до н.э.) — греческий лирик. Считается создателем жанра ямба — язвительного, сатирического стихотворения, написанного ямбическим размером. Ямбы Архилоха были направлены против некоего Ликамба, обещавшего выдать за него дочь, а потом отказавшегося от данного слова. По преданию, Ликамб от стыда повесился.

¹⁷ ... *гидр, плюющих ядом...* — Имеется в виду Лернейская гидра, которую убил Геракл.

*Гимн на торжественное вступление швейцарцев
полка Шатовье*

См. примеч. к ямбу I.

Переводил Л. Остроумов.

¹⁷ *Кобленц* — см. первую статью, с. 436.

⁴⁶ *Гиппарх* из Nikeи (190—125 до н.э.) — один из выдающихся астрономов античности.

Евдокс Книдский (408—355 до н.э.) — греческий математик, астроном, математик и врач.

⁴⁷⁻⁴⁸ ... *Царицы волосы ... в звездный свет...* — Береника, жена царя Птолемея III, во время одного из военных походов мужа, посвятила свои волосы Афродите; на следующий день волосы исчезли из храма. Астроном Конон из Самоса объяснил, что они превратились в созвездие, получившее название “Волосы Береники”.

“Кто, Пантеон, отверз твои святые двери...”

Впервые: изд. 1874 г.

О событиях, отразившихся в этом стихотворении, см. первую статью.

Переводил Г. Русаков.

³ ... *о какой Давид расплакался потере...* — О Давиде см. примеч. 13 к предисловию Латуша. Осенью 1793 г. Конвент одобрил его предложение похоронить Марата в Пантеоне. Речь Давида по этому поводу была исполнена драматического пафоса (см.: GW.P. 889).

⁷ *Барер* — см. примеч. 53 к предисловию Латуша. Барер за свое красноречие был прозван “Анакреонтом гильотины”.

- ¹² *Бриссо, который век не лгал...* — Жак-Пьер Бриссо (см. о нем примеч. с. 532) — член Конвента, объект резких нападок Шенье в его статьях «По поводу Бриссо» (март 1792), «По поводу Бриссо и его газеты “Патриот франсе”» (июль 1792) и ряде неопубликованных фрагментов. В данной строке Шенье цитирует собственную фразу Бриссо.
- ²¹ *Кальвадос* — департамент в Нормандии, ставший оплотом жирондистов, бежавших туда после прихода к власти монтаньяров в конце мая — начале июня 1793 г.
- ²³ *Пеллетье* — Луи-Мишель Лепеллетье де Сен-Фаржо (1760—1793) — якобинец, член Конвента. 20 января 1793 г. был заколот роялистом как голосовавший за смерть Людовика XVI. Похоронен в Пантеоне. Давид посвятил ему картину “Последние минуты Мишеля Лепеллетье де Сен-Фаржо”.
- ²⁷ *Лакруа* — Жан-Франсуа Делакруа (1753—1794) — якобинец, друг Дантона (см. о нем ниже). Гильотинирован вместе с ним.
Бурдон — видимо, имеется в виду Леонар Бурдон де ла Кроньер (1758—1816) — якобинец, член Конвента. В марте 1793 г. на него было совершено покушение. Был еще Франсуа-Луи Бурдон (1758—1798), член Конвента, прославившийся грубостью своих речей.
- ³³ *Гора* — название левых якобинцев, сидевших в зале заседаний на самых верхних скамьях.
- ³⁴ *Лежандр* Луи (1752—1797) — якобинец, парижский мясник. Член Конвента, он был одним из руководителей расправы с мятежным Лионом. Лежандр любил уснащать свою речь цитатами из античных авторов.
- ³⁵ ...*Колло д’Эрбуа, галер высокий покровитель...* — См. примеч. 35 к предисловию Латуша и примеч. к ямбу I.
- ³⁶ *Два Робеспьера* — см. примеч. 36 к предисловию Латуша.
Дантон Жорж-Жак (1759—1794) — видный политический деятель, знаменитый оратор, член Конвента и Комитета Общественного спасения.
- ³⁷ *Тюрью де ла Розьер Жак Алексис* (1753—1829) — член Конвента, друг Дантона.
Шабо Франсуа (ок. 1757—1794) — бывший францисканец, член Конвента, циник и болтун, друг Дантона. Грубо ратовал за свержение монархии. Принимал участие в избении парижских узников в начале сентября 1792 г. Замешанный в махинациях так называемой Индийской кампании, казнен вместе с дантонистами.
- ⁴² *Анахарсис Кло* — Жан Батист дю Валь де Грас, барон де Клооц (1755—1794) — член Конвента, воинствующий атеист, взявший имя скифского философа 6 в. до н.э. Анахарсиса Мудрого, один из поборников культа Разума. Был гильотинирован.
- ⁴³ *Кабанис Пьер-Жан-Жорж* (1757—1808) — врач, последователь философии сенсуализма, друг В. Мирабо.
- ⁴⁴ *Грувель Филипп-Антуан* (1758—1806) — литератор и историк. В качестве секретаря Временного исполнительного совета зачитал приговор Людовику XVI.
Лакло Пьер Амбруаз Франсуа Шодерло де (1741—1803), — писатель, автор романа “Опасные связи” (1782) и политический деятель, сподвижник Филиппа Эгалите (бывшего герцога Орлеанского).
- ⁴⁶ *Гара Доминик-Жозеф* (1749—1833) — министр юстиции в 1793 г.
- ⁵² ... *трупы разорвать*. — Ср. ода II, ст. 41: “Продажная толпа их трупы разорвет...”
Мастигофор — “Биченосец” (греч.). Шенье видоизменяет название трагедии Софокла “Аякс-Мастигофорос”.

“Я слышал, в сильный гнев вы впали, до сих пор...”

Впервые: изд. 1874 г.

28 января 1794 г. в газете “Монитор” была опубликована речь Барера (см. о нем примеч. 53 к предисловию Латуша и примеч. к ст. 7 предыдущего стихотворения), в которой он обратился к Конвенту с предложением сделать язык более простонародным, “покончить с его аристократизмом” (см.: Scarfe. P. 309). *

Переводил Г. Русаков.

¹ ...вы... — очевидно, Музы.

⁷ ...фракийский удалец... — Пирен, предводитель фракийского войска, “грозил насильем” Музам, но они на крыльях унеслись от него с высокой башни. Пирен бросился за ними вслед и разбился насмерть (см.: *Овидий*. *Метаморфозы*. Кн. V, ст. 274—293). Выпады против фракийцев были свойственны и Архилоху.

“Они еще живут! и жертв бесчетных стоны...”

Впервые: изд. 1874 г. Написано в Сен-Лазаре. См. первую статью.

Переводил Г. Русаков.

“Во мраке подлости они хотели скрыться...”

Впервые: изд. 1874 г. Написано в Сен-Лазаре.

Переводил Г. Русаков.

⁴ *Парос* — см. примеч. к ст. 267 поэмы “Замысел”.

¹¹ ...ты дал нам ямба острие... — Парос был родиной Архилоха.

²⁴ ...небезучастный брат... — Возможно, это намек на Мари-Жозефа.

²⁶ Строка в подлиннике не окончена.

“На двадцати судах с непрочным, беглым днищем...”

Впервые: изд. 1874 г. Написано в связи с так называемыми “ноядами” (pouades) — массовым потоплением узников в декабре-январе 1793—1794 гг. в ходе расправы с контрреволюционным городом Нантом. Посередине Луары дно судна, в трюме которого находились обреченные на смерть, раздвигалось по данному сигналу, и барка погружалась в воду. Этих “нояд” насчитывали до 25 (отсюда у Шенье цифра “двадцать”). Комиссаром (“проконсулом”) революционной армии в Нанте был Жан-Батист Каррье (1756—1794) (см.: *Карлейль Т.* *Французская революция*. С. 486—491).

Переводили М. Зенкевич, Г. Русаков.

⁸ *Фукье* — см. примеч. к ст. 23 ямба II.

Дюма Рене-Франсуа (1757—1794) — прославившийся своей грубостью и жестокостью якобинец, председатель одной из секций революционного трибунала. Гильотинирован после 9 термидора.

“Читал я: лодочник, челнок свой открепляя...”

Впервые: изд. 1874 г.

Набросок содержит несколько незаконченных строк, которые в переводе не воспроизводятся. Это стихотворение — важное свидетельство осознания поэтом пагубности любых революционных сдвигов. В последних строках он иронизирует даже над некогда близкими ему сторонниками конституционной монархии: политическая деятельность, провоцирующая разгул страстей, равнозначна для него безумству, примеры которого он приводит.

¹² *Автомедон* — имя искусного возницы Ахиллеса, ставшее нарицательным.

²³ *Шапелье* (Ле Шапелье) Исаак-Рене-Гиль (1754—1794) — один из лидеров Учредительного собрания. Вместе с Барнавом (см. ниже) составил текст “Клятвы в зале для игры в мяч” (см. примеч. к оде Шенье “Игра в мяч”). Впоследствии занимал умеренную позицию. Был гильотинирован.

Барнав Антуан-Пьер-Жозеф-Мари (1761—1793) — известный оратор, депутат Учредительного собрания, один из вождей феянов. Летом 1791 г. он призывал к тому, чтобы “революция остановилась”. Гильотинирован.

Дюпор Адриан-Жан-Франсуа (1759—1798) — депутат Учредительного собрания, друг Барнава. Способствовал, как и он, установлению конституционной монархии. После свержения монархии 10 августа 1792 г. бежал, был арестован, отпущен на свободу благодаря вмешательству Дантона и вновь бежал в Англию.

“В бесчестии живешь. Ну, что ж, так, значит, надо”

Впервые: изд. 1874 г.

По мнению Э. Гиттона, это последнее стихотворение А. Шенье (см.: *Guillon E. Le dernier vers d'André Chénier // Lettres et réalités. Mélanges offerts à H. Coulet. Aix-en-Provence. 1988. P. 145—162.*)

¹⁰ ... мяч гремит ... — Художник Гюбер Робер (1733—1808) запечатлел эту игру на своей картине.

¹¹ *Подобный семистам ... краснобаям ...* — Конвент состоял из 745 членов.

Барер — см. примеч. 53 к предисловию Латуша и примеч. 7 к ямбам “Кто, Пантеон, отверз твои святые двери...” (данный раздел).

“Последний блеск луча, последний вздох зефира...”

Впервые по рукописи: изд. 1874 г. См. примеч. к ямбам III—IV.

СТИХОТВОРЕНИЯ АНДРЕ ШЕНЬЕ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ И ПОДРАЖАНИЯХ

В раздел включены известные и выявленные переводы и подражания, созданные в России на протяжении XIX—начала XX в. Переводы стихотворений Шенье, выполненные позже, в связи с подготовкой изданий, указанных во вступлении к примечаниям, в этот раздел не вошли (часть их включена в основной корпус, остальная часть — в список не вошедших в настоящее издание переводов).

Нумерация тех произведений, которые вошли в сборник 1819 г., дается по настоящему изданию: стихотворения, пронумерованные Латушем, приводятся (как и в сборнике 1819 г.) с римскими цифрами, пронумерованные им идиллии и фрагменты идиллий и элегий — с арабскими. В скобках при первом упоминании (а при отсутствии цифровой отсылки — каждый раз) даются заглавие (если оно канонизировано в современных французских научных изданиях) или первая строка оригинала Шенье.

Произведения русских поэтов печатаются в хронологической последовательности (в зависимости от времени их написания или первой публикации), как правило, исходя из даты первого перевода. Произведения одного автора иногда печатаются в той последовательности, в какой они вошли в прижизненное издание. В ломаных скобках указывается дата, не позднее которой было написано стихотворение.

В примечаниях произведения русских поэтов характеризуются в основном как перевод или вольный перевод (когда русский поэт в целом следует тексту Шенье) или как подражание (когда автор в той или иной мере лишь опирается на текст Шенье). В особых случаях отмечаются самостоятельные стихотворения (порой отсылающие у русских авторов к Шенье), включающие мотивы или образы французского поэта.

Русские тексты печатаются по последним прижизненным публикациям, современным научным изданиям и архивным материалам. Отсутствие указания на первую публикацию означает, что она неизвестна. При составлении этого раздела были использованы картотека (опубликованных переводов) А.Д. Умикян (Российская национальная библиотека) и рукописный библиографический указатель (опубликованных переводов) Н.Н. Бахтина (отдел рукописей Института русской литературы РАН), а также словарь: Русские писатели. 1800—1917. Т. 1—2. М., 1992.

Н.Д. Иванчин-Писарев

Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев (1790—1849) — прозаик и поэт карамзинского направления, автор исторических эссе, коллекционер. Получил домашнее образование. Был знаком с В.А. Жуковским, П.А. Вяземским, Е.А. Баратынским, А.С. Пушкиным. Переводил немецких сентименталистов. Печатался в ВЕ, СО, «Северной пчеле», Москв. и др. изданиях.

Иванчин-Писарев, судя по его письму к М.П. Погодину от 1844 г., имел не очень четкое представление об А. Шенье: отзываясь в этом письме о стихотворении Е. Ростопчиной, посвященном французскому поэту (см. наст. изд. и примеч.), он смешивает двух братьев Шенье, называя Андре “клятвенным якобинцем” и к тому же автором “Марсельезы”, приводя, вместе с тем, его легендарные слова на эшафоте (РГБ, Ф. Пог. К. 13, № 72).

Бедный человек

Перевод элегии XXXVI, сделанный по тексту, приведенному Шатобрианом (см. примеч. к этой элегии), т.е. начиная с 5 ст. (“Souvent, las d'être esclave et de boire la lie...”).

Впервые: Сочинения и переводы в стихах Н. Иванчина-Писарева. М., 1819. С. 163 (ценз. разр. 19 декабря 1818 г.).

Первый известный перевод из Шенье. См.: *Фризман Л.Г.* К заметке Пушкина “Об Андре Шенье” // ВПК. 1976. Л., 1979. С. 144—146.

В.А. Жуковский

Василий Андреевич Жуковский (1783—1852) переводил очень многих европейских поэтов (в основном немецких и английских), но у него нет прямых переводов из Шенье. На близость стихотворения Жуковского “Узник” оде Шенье “Молодая узница” указала И.М. Семенко: *Жуковский В.А.* Сочинения: В 3 т. М., 1980. Т. 2. С. 468.

Узник (фрагмент)

Публикуются первые строфы, в которых прослеживаются сюжетные и отчасти образные параллели с вышеуказанным стихотворением Шенье. Ср. также ст. 18 — “Еще мне рано умирать” — и рефрен “Молодой узницы”: “Je ne veux point mourir encore”.

Впервые: Невский зритель, 1820. Февраль. С. 79—80.

Датируется декабрем 1819 г.

Авр.С. Норов

Авраам Сергеевич Норов (1795—1869) — писатель, переводчик, в 1854—1859 г. министр народного просвещения, библиофил и собиратель рукописей. Учился в Московском университетском Благородном пансионе, участвовал в войне 1812 г., под Бородином потерял ногу. В 1821—1822 гг. путешествовал по Европе, побывал во Франции (среди его знакомых литераторов были П. Тиссо, А.-Ж. Дюффренуа, Ж.-П.-Г. Вьенне, автор рецензии на сборник Шенье 1819 г.) Норов владел многими иностранными языками, в том числе греческим и древнееврейским, переводил Фонтана, Мильвуа, Лагарпа, Петрарку, Данте, Ариосто, Анакреонта, Вергилия, Горация. Печатался в “Соревнователе”, НЛ, ВЕ, МВ, “Полярной звезде”, «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду», “Благонамеренном”, СО. Стихотворством занимался в основном в 1820-е — 1830-е годы. Был хорошо знаком с А.С. Пушкиным.

Об интересе Норова к Шенье свидетельствует, помимо его переводов, сохранившееся в его коллекции письмо эпохи Французской революции, которое он, очевидно, считал принадлежащим отцу поэта Луи Шенье (так оно и числится в каталоге РГБ) и, вероятно, приобрел во время поездки во Францию; на самом деле автором письма является неизвестное лицо, однофамилец Шенье: к такому выводу пришли Э. Гиттон и Ж. Бюиссон (письмо Э. Гиттона составителю).

Общим влиянием Шенье отмечено также стихотворение Авр. Норова “Ранняя любовь” (НЛ. Кн. 8. 1824. С. 95).

См. также вторую статью.

Юный страдалец (Элегия в древнем вкусе)

Перевод начала 6 идиллии (“Le Malade”).

Впервые: ВЕ, 1821, № 10. С. 93. Подпись: “Норов”. В РГАЛИ хранится автограф финала этого перевода, датированный: “Москва, 1819” (Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 36).

³⁸ *диктам* — пахучее растение, выделяющее эфирные масла и считавшееся целебным.

⁶² *Евротас* — Эврот. См. примеч. к ст. 158 поэмы “Искусство любви”.

⁷¹ *Лакедемон* — Спарта.

(Аркас и Палемон)

Перевод одноименной 9 идиллии (“Arcas et Palémon”, в современных изданиях “Arcas et Bacchylis”).

Печатается по автографу РГАЛИ (Ф. 349. Оп. 1, ед.хр. 36). В рукописи помета: «(A. Chénier, p. 61)», отсылающая к изданию Шенье 1819 г. Поскольку эта рукопись соседствует с рукописью финала перевода “Юный страдалец”, ее можно датировать 1819 — нач. 1820-х годов. В ст. 5 не воспроизводится карандашная правка: “Так в пастбищах твоих”.

Гермиона. Элегия в древнем вкусе

Перевод элегии XX (“Pleurez, doux Alcyons! ô vous, oiseaux sacrés...”)

Впервые: ВЕ, 1821. № 2. С. 106—108 (вместе со стихотворением “Красавица”, см. ниже), подпись — “Норов”.

Эпиграф (*Овидий*. *Метаморфозы*. Кн. XI, 561—562, 566—567; у Норова неверная отсылка):

... К отцу он и к тестю

Тщетно взывает, увы! ...

Только позволит волна уста разомкнуть, он далекой

Имя супруги твердит, под водою и то его шепчет.

(Пер. С. Шервинского)

Красавица

Перевод 2 идиллии («Accours, jeune Chromis, je t'aime, et je suis belle...”).

Впервые: ВЕ, 1821, № 2. С. 108 (вместе со стихотворением “Гермиона”), с подзаголовком “Отрывок” и подписью — «Норов».

Печатается по: НЛ. 1824, № 6. С. 95.

Младая узница

(Перевод из стихотворений Андрея Шенье)

Перевод одноименной XI оды (“La jeune captive”).

Впервые: НЛ, 1823, № 38. С. 187. Подпись — «Норов». См. отзыв Д.П. Глебова, примеч. с. 558.

Прощание Нееры

(Элегия в древнем вкусе)

Перевод 13 идиллии (“Nèere”, без начальных шести строк).

Впервые: Полярная звезда на 1824 г. СПб., (1824). С. 94—95. (ценз. разр. 20 декабря 1823 г.; в этом же альманахе напечатаны стихотворения Пушкина “Нереида” и “Элегия” — “Редеет облаков летучая гряда...”, отмеченные влиянием антологической лирики Шенье).

Перевод Норова замечателен тщательностью передачи особенностей подлинника. См. примеч. к переводу Норова “Неера”.

Надина

Перевод 11 идиллии (“Ah! ce n'est point à moi qu'on s'occupe de plaire”).

Впервые: НЛ, 1824, № 4. С. 63.

Катюша

Перевод отчасти “в русском вкусе” — благодаря русскому имени — элегии V (“Jeune fillé, ton soeur avec nous veut se taire”).

Впервые: НЛ, 1824, № 9. С. 137. Подпись — «Норов».

Неера

Перевод начальных шести строк одноименной идиллии Шенье.

Печатается впервые по автографу РГАЛИ (Ф. 349, Оп. 1, Ед. хр. 38). Видимо, Норов позднее перевел эти начальные строки, которых нет в его переводе “Прощание Нееры”. Листок с началом “Нееры” находится среди переводов Анакреонта, датируемых исследователями не ранее 1850-х годов (См.: Поэты 1820—30. Т. 1. С. 724). Косвенным подтверждением поздней даты можно считать вложенный в эти переводы вырезанный шмуцтитул из издания Шенье 1841 г.

«Мать нежная цветов, прозрачная Наяда...»

Перевод ст. 7—9 7 идиллии (“Mnazile et Chloé”; слова Мназила). Печатается впервые по автографу РГАЛИ (Ф. 349, Оп. 1, ед. хр. 38). Датируется так же, как и предыдущий перевод.

А.С. Пушкин

Об обращениях Александра Сергеевича Пушкина (1799—1837) к творчеству и образу Шенье см. вторую статью и примеч. с. 491, 493, 496, 500, 507, 509, 510, 515, 516, 522—524, 528, 536, 540, 542, 590—592. Здесь отметим следующее. Пушкину принадлежит неоконченная заметка, которая была написана вслед за стихотворением “Андрей Шенье” и датируется осенью 1825 г.: “André Chénier погиб жертвою <вариант: одной из благороднейших жертв> Французской революции на 31 году от рождения. Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, два или три отрывка, и общее сожаление об утрате всего прочего. Наконец творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года. Нельзя воздержаться от горестного чувства” (Пушкин. Т. XI. С. 35, 301. Опубликовано в 1884 г. Черновой вариант см. вторую статью).

Со второй половины 1820-х годов в творчестве Пушкина появляются признаки его знакомства с произведениями Шенье, не вошедшими в сборник 1819 г. “Осведомителем” Пушкина мог быть В.И. Туманский (см. о нем ниже). Некоторые возможные отклики Пушкина на неизданные при его жизни произведения Шенье указаны в примеч. на с. 540, 542, 590—592. А. Ахматова отметила также строки из отрывка “Напрасно я бегу к сионским высотам...” (1836): “Так ноздри пыльные уткнув в песок зыбучий, // Голодный лев следит оленя бег пахучий”, в которых усмотрела сходство со строками Шенье из наброска к поэме “Гермес” (впервые опубликованного в изд. 1839 г.):

Ainsi dans les sentiers de la forêt naissante,
A grands cris élançée, une meute pressante,
Aux vestiges connus dans les zéphyr errants,
D'un agile chevreuil suit les pas odorants.

(См.: Ахматова А. О Пушкине. Статьи и заметки. М., 1989. С. 242).

Нереида

Подражание 6 фрагменту идиллий (“Je sais quand le midi leur fait désirer l'ombre...”). Отмечено: Якубович Д.П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин. ВПК. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 131.

Впервые: Полярная звезда на 1824 год. СПб., 1824. С. 29.

Датируется ноябрем-декабром 1820 г. Вошло в сборник “Стихотворения Александра Пушкина” (СПб., 1826), в раздел “Подражания древним”.

Муза

Подражание 3 фрагменту идиллий (“Toujours ce souvenir m’attendrit et me touche...”).

Впервые: СО, 1821, № 23. С. 132—133. Включено в сборник Пушкина 1826 г. в раздел “Подражания древним”. Помечено в рукописи 14 февраля 1821 г.; напечатано с пометой: “Кишинев, апреля 5 1821”.

В.С. Соловьев первый отметил, очевидно, впрочем, близость двух произведений, добавив: “...Пушкин двадцатилетний брал у Шенье и содержание вместе с формой, хотя в настоящем случае он дал своему подражанию такое поэтическое совершенство, до которого далеко его образцу” (Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина (1899) // Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 332).

Первая строка оригинала Шенье отразилась в начальной строке стихотворения Сент-Бева “Toujours je la connus pensive et sérieuse...”, которое Пушкин процитировал в статье 1831 г., посвященной двум его нововышедшим книгам, предварив цитату словами: “Совершеннейшим стихотворением из всего собрания, по нашему мнению, можно почтить следующую элегию, достойную статью наряду с лучшими произведениями Андрея Шенье” (Пушкин. Т. XI. С. 198).

“Внѣмли, о Гелиѳ, серебряным луком звенящий...”

Перевод начальных строк 3 идиллии “Слепец” (“L’Aveugle”).

Впервые: Пушкин А.С. Сочинения и письма / Под ред. П.О. Морозова. СПб. 1903. Т. 1. С. 339. Незаконченный набросок. Датируется 1823 г. См.: Сандомирская В.Б. Первый перевод Пушкина из Андрея Шенье // ПИМ. Т. VII. С. 167—184.

“Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...”

Перевод элегии V.

Впервые: Стихотворения А. Пушкина. СПб., 1826. С. 21. В оглавлении: “Подражание Шенье”. Написано в 1824 г.

Источник Шенье отразился и в пушкинском стихотворении “Дионея” (1821; см.: Кибальник С.А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. М., 1990. С. 174). Приводим журнальный вариант (НЛ. Кн. 7. 1825. С. 50), опубликованный под заглавием “Антологический отрывок”:

Подруга милая! я знаю, отчего
Ты с нынешней весной от наших игр отстала;
Я тайну сердца твоего
Давно, поверь мне, угадала:
Кларис в тебя влюблен; он молод — и не раз
Украдкою вдвоем я замечала вас;
Ты слушаешь его в безмолвии краснея,
Твой взор потупленный желанием горит...
И долго после, Галатей!
Улыбку нежную лицо твое хранит.

“О боги мирные полей, дубров и гор...”

Сокращенный перевод ст. 45—56 элегии X (“Quand la feuille en festons a couronné les bois...”).

Впервые: Русское слово, 1916, № 83 от 10 апреля и: Сочинения Пушкина. Изд. имп. Академии наук. изд. 2. Пг., 1916. Т. IV.

Датируется 1824 г.

“Близ мест, где царствует Венеция златая...”

Перевод стихотворения “Près des bords où Venise est reine de la mer...”, впервые опубликованного в журнале «Mercure du dix-neuvième siècle» (Т. XII. Р. 241) в начале февраля 1826 г. под заглавием: “Vers inédits d’André Chénier” (“Неизданные стихи Андре Шенье”) и в изд. 1826 г. На рубеже 1827—1828 гг. перепечатано в журнале “Annales romantiques”. Стихотворение публиковал Латуш, внесший в текст некоторые изменения. По рукописи опубликовано Г. Шенье в 1874 г. Стихотворение Шенье — вольный перевод сонета итальянского поэта XVIII в. Дж.Б.Ф. Дзаппи — “Il gondolier sebben la notte s’imbruna...”

Перевод Пушкина впервые: НА на 1828 г. СПб., (1827). Кн. IV. С. 53 с подзаголовком: “Перевод неизданных стихов Андрея Шенье”. Вошло в “Стихотворения А. Пушкина” (Ч. II. СПб., 1829. С. 102) с тем же подзаголовком и оглавлении. Датировано в черновом автографе 17 сентября 1827 г.

Об изменениях Латуша и переводе Пушкина см.: Гречаная Е.П. Указ. соч. С. 101—104 (месяц выхода журнала “Mercure...” и номер тома и выпуска были указаны мной ошибочно). См. также наст. изд., вторую статью.

Перевод Пушкина, а, возможно, и оригинал Шенье, отразились в финале стихотворения Е.П. Зайцевского (1801—1860) “Корабль” (1840):

И я, как ты, корабль, душою испытал,
На море жизненном, под грозными звездами,
Свирепый Аквилон с свирепыми волнами.

(Поэты 1820—30. С. 526)

³ *Веспер* — вечерняя звезда (планета Венера).

⁴ *Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.* — Речь идет о героях поэмы Т. Тассо “Освобожденный Иерусалим”. У Шенье упоминается не Годфред, а Танкред. См. примеч. к ст. 185, 187—188 поэмы “Искусство любви”.

“Каков я прежде был, таков и ныне я...”

Это стихотворение Пушкина в автографе озаглавлено “Отрывок из Андрея Шенье”, в печатном издании то же в подзаголовке, но оно является не переводом, а самостоятельным стихотворением с частичным сплавом некоторых мотивов элегий Шенье (1 фрагмента элегий “Tel j’étais autrefois et tel je suis encoя”, элегии XL “Братьям Трюденам”). Первоначальный замысел относится к осени 1826 г. Окончательная редакция — 1828 г.

Впервые: Стихотворения А. Пушкина. Ч. III. СПб., 1832. С. 196.

“Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...”

Самостоятельное стихотворение, развивающее мотивы 5 фрагмента элегий (“Partons, la voile est prête, et Byzance m’appelle.”).

Впервые: МВ. 1830. № XI. С. 194, под заглавием: “Элегический отрывок” и с датой “23 декабря 1829”. Вошло в “Стихотворения А. Пушкина”. Ч. III. СПб., 1832. С. 21; в оглавлении подзаголовок: “Элегический отрывок”.

В свое подражание Пушкин вносит биографический подтекст: в конце 1829 г. он ожидал ответа на свое предложение Н.Н. Гончаровой; в начале 1830 г. намеревался отправиться с русской миссией в Китай. На связь этого стихотворения Пушкина с элегией Шенье указал Г. Лозински (*Losinski G. // Revue de littérature comparée.* 1937. N 1. P. 57).

См. также: *Громбах С.* К истории стихотворения “Поедем, я готов...” // *Вопр. лит-ры*, 1983, № 4. С. 204—210.

³ *Повсюду следовать, надменной убегая...* — Ср. текст Шенье в ошибочном чтении Латуша:

Je suis vaincu; je suis au joug d'une cruelle.
Le temps, les longues mers peuvent seuls m'arracher
Ses traits que malgré moi je vais toujours chercher...

и в подлиннике:

Je suis vaincu, je fuis. Au joug d'une cruelle
Le temps, les longues mers peuvent seuls m'arracher.

Хотя вместо fuis (бегу) у Латуша стоит suis (1 лицо ед. ч. глагола “быть”) у Пушкина как будто отразилась подлинная строка: “...надменной *убегая*”.

⁶ *ночной гребец* — образ из стихотворения “Близ мест, где царствует Венеция златая”, восходящий к источнику Шенье: “Le gondolier nocturne”.

Из А. Шенье (“Покров, упитанный язвительною кровью...”)

Перевод 1 фрагмента идиллий (“Oeta, mont annobli par cette nuit ardente...”).

Впервые: Современник, 1836. Т. 1. С. 191, без подписи.

Перевод начат в 1825 г, окончательная редакция — 1835 г. См.: *Сандомирская В.В.* Переводы и подражания Пушкина из Андре Шенье // ПИМ. Т. VIII. С. 90—93.

Д.П. Ознобишин

Дмитрий Петрович Ознобишин (1804–1877) – поэт, переводчик. Мать его была гречанкой. Окончил Московский университетский Благородный пансион. Был знатоком восточных и древних языков, фольклористом. Печатался в ВЕ, МВ, МН, ОЗ, Москв., был соиздателем (с С.Е. Раичем) альманаха “Северная лира на 1827 год”. В поэзии ощутимо влияние Жуковского и Пушкина, позднее Лермонтова. Увлекался антологической лирикой (сборник “Гинекион”, 1830), среди ее образов – и фрагменты, написанные “мечтательным” александрийским стихом (“Сальватор Роза”. 1833).

В собрании книг Ознобишина, хранящемся в составе библиотеки Н.М. Карамзина (Дворец книги г. Ульяновск) имеется сборник Шенье 1822 г. (*Œuvres de André de Chénier. P., 1822*) с пометами владельца (№ 0–8316; сообщено А.Н. Гириченко).

Неера (Из Шенье)

Перевод 2 идиллии.

Впервые: Северная лира на 1827 год. М.; 1827. С. 184.

Датируется 1821 – 1822 гг. (см.: ФЭ. С. 628).

В черновом наброске рецензии на “Северную лиру” Пушкин заметил, что “г-ну Абр. Норову не должно было бы переводить Dante, а г-ну Ознобишину – Андрея Шенье” (Пушкин. Т. XI. С. 48).

Потерянные поцелуи (Из Шенье)

Перевод 2 фрагмента идиллий (“J'étais un faible enfant qu'elle était grande et belle...”).

Впервые: Урания на 1827 г. М., 1826. С. 82.

Письмо

Подражание элегии III («O lignes que sa main, que son coeur a tracées!»).

Впервые: Москв., 1846. Ч. 2. № 3. С. 8, с подписью «Чентифолио».

Печатается по: *Ознобишин Д.П.* Стихотворения / Сост., вст. ст. и примеч. Т. М. Гольц. М., 1992. С. 209–211. Обращено к первой жене поэта Елизавете Александровне (урожд. Рогановской).

³⁴ *Виртовский роаяль* – Вирт – известный в России фабрикант роаялей.

³⁷ *Варламов Александр Евгеньевич* (1801–1848) – русский композитор, певец, мастер романса.

- ³⁸ *Титов* – один из двоюродных братьев Титовых: Николай Сергеевич (1798–1843) или Николай Алексеевич (1800–1875), авторы популярных романсов.
- ⁴⁴ *Кипсек* – альбом со стихами и иллюстрациями.
- ⁵⁸ *Вся в блондах, в бархате...* – Блонды – шелковые кружева. В журнальном варианте в этой строке разночтение: “Под белой шляпкою и так к лицу одета”.
- ⁶⁵ *Ланнер* Йозеф (1801–1843) – австрийский скрипач, дирижер, композитор, один из создателей венского вальса.

Н.И. Гнедич

Николай Иванович Гнедич (1784–1833) – поэт, переводчик “Илиады” Гомера. Учился в Московском университетском благородном пансионе. Увлекался античностью, театром. Дружил с К.Н. Батюшковым. Был автором гражданских стихов, идиллий, в которых проявился его интерес к народной культуре, быту. Переводил Вольтера, Н. Жильбера, Шекспира, Байрона.

Терентинская дева (из Андр. Шенье)

Перевод элегии XX.

Впервые: ПЗ на 1823 год. СПб., 1823 (ценз. разр. 30 ноября 1822). С. 180, с заглавием: “Терентинская дева. Элегия”. Авторская датировка – 1822 г.

Пушкин откликнулся на это стихотворение в письме Л.С. Пушкину от 30 января 1823 г. из Кишинева: “Гнедич у меня перебивает лавочку – Увы, напрасно ждал тебя жених печальный и проч. – непростительно прелестно. Знал бы своего Гомера, а то и нам не будет места на Парнассе” (Пушкин. Т. XIII. С. 56).

На возможное более раннее знакомство Гнедича с этой элегией Шенье, публиковавшейся до 1819 г. (см. примеч. к ней), отчасти указывают строки из его поэмы “Рождение Гомера” (1816):

С богиней скорбь деля, и сестры Нереиды
Бросали каждый год Нерея влажный дом;
И, выходя из волн, вокруг горестной Фетиды
Садилась сетовать на холме гробовом...

(Гнедич Н. Стихотворения. Л., 1936. С. 99)

В.К. Кюхельбекер

Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797–1846) – поэт, драматург, литературный критик, член Северного общества, участник восстания 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. Учился в Царскосельском лицее, друг Пушкина и Дельвига. В 1820–1821 гг. посетил Германию, Италию и Францию в качестве секретаря А.Л. Нарышкина. В Париже общался с либерально настроенными представителями французской интеллигенции (см.: *Тынянов Ю.Н. Французские отношения Кюхельбекера // Пушкин и его современники*. М., 1968. С. 308 и след.), знавшими Латуша, и познакомился с В.И. Туманским (см. о нем след. примеч.). Кюхельбекер был знаком в Париже, в частности, с драматургом В.-Ж.-Э. Жуи, чей салон был средоточием литературных сил Франции. После разгрома восстания декабристов провел много лет в одиночном заключении, а затем был отправлен в Сибирь в пожизненную ссылку.

В “Дневнике”, в записи от 14 мая 1834 г., Кюхельбекер в связи с чтением перевода отрывка из романа Виньи “Стелло”, опубликованного в 1832 г. в “Московском телеграфе”, отметил: “Читаю отрывок из романа Альфреда де Виньи “Стелло”; герой этого эпизода несчастный Андрей Шенье. Слог должен быть в подлиннике обворожительный” (*Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник*. Статьи / Изд. подг. Н.В. Королева, В.Д. Рак. Л., 1979. С. 309).

Кюхельбекер критически отозвался о стихотворении Пушкина “Андрей Шенье”: “Читаю по

вечерам мелкие стихотворения Пушкина; большая часть (и замечу: все почти хвалены, например “Демон”, “Подражания Корану”, “Вакхическая песнь”, “Андрей Шенье” etc) слишком остроумны, слишком обдуманно, обделаны и рассчитаны для эффекта, а потому (по моему мнению) в них нет... вдохновения” (запись от 19 мая 1835 г. // Там же. С. 363).

Надежде Павловне Шульцовой (фрагмент)

Самостоятельное стихотворение, включающее образы, восходящие к поэзии Шенье (см. ниже).

Впервые: *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения в двух томах. М.; Л., 1967. Т. 1. С. 172. Датируется сентябрем 1823 г. Печатаются ст. 13–23. Шульцова (Шульц) Н.П. – классная дама Екатерининского института, друг сестер Кюхельбекера.

³ *Пророчица веселых дней...* – В элегии первой Шенье называет себя “гармоничным пророком прекрасных дней” (*des beaux jours prophète harmonieux*).

^{7–9} *Ее ... взор, ее и поступь, и одежду...* – Ст. 7–9 близки ст. 20–21 оды VII, обращенной к Фанни:

Tels furent ses regards, sa démarche fut telle,
Et tels ses vêtements, sa voix et ses discours.

В.И. Туманский

Василий Иванович Туманский (1800–1860) – поэт. Окончил петербургское Петропавловское училище. Его любимым жанром была элегия. Печатался в СО, “Благонамеренном”, НЛ, Соревн., “Северных цветах”, “Полярной звезде”, НА, Совр., МВ. Со временем от поэзии практически отошел.

В 1819 г. Туманский приехал в Париж и слушал лекции в Коллеж де Франс (где, в частности, преподавал П.-К.-Ф. Дону). Весной 1821 г. встретил в Париже Кюхельбекера. Сопровождавший князя П.П. Шербатова, Туманский был принят в лучших салонах французской столицы, где мог встречаться с Латушем и людьми из его окружения. На это указывают имена некоторых парижских знакомых Кюхельбекера, а, значит, и Туманского (см. цит. выше статью Ю.Н. Тынянова). В 1821 г. Туманский возвратился из Франции и в августе 1823 г. приехал в Одессу, где близко общался с Пушкиным и мог познакомить его с неизданными произведениями Шенье. Прямых свидетельств этого нет. Впрочем, французский поэт считался в России полукрамольной фигурой (так как приветствовал Французскую революцию) и знакомство с его неизданными сочинениями не должно было афишироваться. В произведениях самого Туманского признаков этого знакомства не обнаружено.

О его увлечении французским поэтом свидетельствует письмо министру просвещения С.С. Уварову от 1838 г. (когда Туманский служил секретарем русского посланника в Константинополе), в котором говорится: “При последнем возвращении моем из-за границы в Россию Одесский цензурный комитет удержал находившуюся при мне книгу – *Poésies d’André Chénier*. Сверх того, в Одесском же комитете хранятся (...) несколько томов Байрона. Первая из этих книг драгоценна для меня как неразлучный спутник мой в продолжение 18 лет, и наполнена собственными заметками” (Цит. по: *Оксман Ю.Г.* Борьба с Байроном в александровскую и николаевскую эпоху // Начала. Кн. 2. Пг., 1922. С. 262).

Влияние Шенье ощутимо также в антологических стихотворениях Туманского “Картина Жиродета” (1820), “Музы” (1822) и “Приглашение” (1832), в первых строках которого слышится отзвук фрагмента Шенье “Oh! c’est toi! je t’attends, ô ma belle Romaine” (“О! это ты! я жду тебя, о моя прекрасная римлянка”), опубликованного в марте 1830 г. в «*Revue de Paris*».

В стихотворении “Сетование” (1825) использованы композиция, строфика и система рифмовки оды Шенье “Молодая узница”: стихотворение Туманского представляет собой, как и у Шенье, монолог, после которого следуют две заключительные строфы: структурно предпоследняя строфа

“Сетования” точно воспроизводит предпоследнюю строфу “Молодой узницы”:

Так, сидя на скале и шумом моря полн,
Я вслух согласовал с порывным плеском волн
Мои заветные мечтанья;
Я трепетал, кипел, ловил победный миг, —
Но грозный океан утих,
И сон исчез очарованья.

(Поэты 1820–30. С. 282).

Болезнь

Последние пять строк стихотворения являются близким переводом финала 7 фрагмента элегий («*Sans parents, sans amis et sans concitoyens...*»). Приводится полностью как образец естественного включения текста Шенье в самостоятельное стихотворение.

Впервые: НЛ. Кн. XI. 1825, № 1. С. 37, с подписью В.Т. и пометой: Одесса. Сент. 1824 г. Печатается по: *Туманский В.И.* Стихотворения и письма. СПб., 1912. С. 130–131.

См. также примеч. к ст. 4 этого же фрагмента элегий Шенье.

Отрывок

Подражание I фрагменту элегий.

Впервые: Славянин, 1828. № 21. Отд. II. С. 312, с подписью Т. и пометой “1826, Москва” (см. ФЭ. с. 634).

Гондольер и поэт

(Перевод неизданных стихов А. Шенье)

Перевод стихотворения “*Près des bords où Venise est reine de la mer...*” (см. примеч. с. 551).

Впервые: Северные цветы на 1831 год. СПб., 1830. С. 25, с пометой: “1826. Одесса”. С учетом времени появления стихов Шенье в печати стихотворение датируется осенью–декабром 1826 г., когда Туманский вернулся в Одессу (откуда уехал в марте) после пребывания в Москве. См. также вторую статью.

⁴ *Поэт Эрминию, Ринальда и Танкреда.* – См. примеч. к ст. 4 перевода А.С. Пушкина “Близ мест, где царствует Венеция золотая...”.

Отроковице

Подражание II идиллии – своего рода ответ на монолог “отроковицы”.

Впервые: Совр., 1837. Т. 8. С. 65.

А.Г. Ротчев

Александр Гаврилович Ротчев (1806–1873) – поэт, переводчик. Учился на нравственно-политическом отделении Московского университета, был близок к кругу А.И. Полежаева (оппозиционного студенчества). Помимо политической лирики, почти не сохранившейся, тяготел к интерпретациям Корана и Библии. Переводил драмы Шиллера, Шекспира, Гюго. Печатался в основном в “Галатее” и “Московском Телеграфе”. В начале 1830-х годов практически перестает писать стихи.

Песнь вакханки

Перевод 8 идиллии (“*Lydé*”).

Впервые: Галатее, 1829, № 4. С. 207. Предназначалось для «Северных цветов на 1827 год». 14 декабря 1826 г. Санктпетербургским цензурным комитетом было “решительно запрещено” (см.: Поэты 1820–30. Т. 1. С. 629).

И.И. Козлов

Иван Иванович Козлов (1779–1840) – поэт, переводчик. Получил домашнее образование. К поэзии обратился, будучи поражен тяжким недугом: в 1818 г. паралич лишил его возможности двигаться, а в 1821 г. он потерял зрение. Как поэт находился под влиянием Жуковского и Байрона. Был знаком с Жуковским, Пушкиным, Вяземским и братьями Н.И. и А.И. Тургеневыми. Переводил итальянских и английских поэтов (особенно Байрона), из французских писателей – Ламартина, А. Суме, Шатобриана.

Молодая узница

Перевод одноименной XI оды.

Впервые: НА на 1827 год. СПб., 1826. С. 46–49 (ценз. разр. – 27 октября 1826 г.), с подзаголовком: “Перевод из Андрея Шенье”. В свой перевод Козлов вложил личные переживания: такие строки, как “И пусть мне суждено слез много проливать...”, “Я плачу и молось...”, “Как ни мрачна моя темница...” выражают чувства страдающего, погруженного во мрак слепого поэта.

«Над темным заливом, вдоль звучных зыбей...»

Подражание стихотворению “Près des bords où Venise est reine de la mer...” (см. примеч. с. 551).

Впервые: НА на 1828 год. СПб., (1827), Кн. IV. С. 54, под заглавием: “Вольное подражание Андрею Шенье”. Напечатано рядом с переводом Пушкина. *Зинаида Ивановна Лепцельтерн* (урожд. Лаваль) – жена австрийского посланника в Петербурге.

В переводе Козлова в соответствии с его собственным мирочувствием акцентирован образ темноты: “Над темным заливом...”, “Скитаюсь во тьме безнадежной...”

⁷ *Поет он Ринальда, Танкреда... Эрминю... – См. примеч. к ст. 4 перевода А.С. Пушкина “Близ мест, где царствует Венеция златая...”.*

Вольное подражание Андрею Шенье

Источник – 2 идиллия.

Впервые: Комета Белы. Альманах на 1833 год. СПб., 1833. С. 153 (ценз. разр. – 30 октября 1832 г.).

Невеста. Элегия. (Вольное подражание Андрею Шенье)

Перевод элегии XX.

Впервые: БдЧ, 1835, № 4. Отд. I. С. 126.

Вошло в: *Собрание стихотворений Ивана Козлова*. Ч. 2. СПб., 1840. С. 337, с дополнением В.А. Жуковским слова “вдали” в ст. 5.

Элегия

Перевод элегии XIII (“Bel astre de Venus, de son front délicat...”).

Впервые: БдЧ, 1835, № 9. Отд. I. С. 19.

Идиллия (Из Андрея Шенье)

Перевод 11 идиллии.

Впервые: *Утренняя заря*. Альманах на 1839 год. СПб., 1839. С. 51 (ценз. разр. – 15 ноября 1838). Вошло в “Собрание стихотворений Ивана Козлова” с незначительной стилистической правкой и под заглавием “Фанни”. Перевод был высоко оценен В.Г. Белинским: “... пьеса отличается в подлиннике пластическою художественностию в выражении, и переведена пластически художественно. Так переводить могут только истинные таланты...” – *Белинский В.Г.* *Собрание стихотворений Ивана Козлова* (1841) // *Белинский В.Г.* *Собр. соч.*: В 9 т. М., 1978. Т. 3. С. 488.

*Стихи Андрея Шенье
на пребывание его в Англии*

Подражание 7 фрагменту элегий.

Впервые: Собрание стихотворений Ивана Козлова. Ч. 2. С. 333. Дата написания не установлена.

Е.А. Баратынский

Евгений Абрамович Баратынский (Баратынский; 1800–1844) – поэт пушкинского круга (друг Дельвига, Кюхельбекера). Учился в Петербургском Пажеском корпусе. В творчестве его основное место занимает философская лирика, медитативная элегия. Переводил Вольтера, Парни, Г. Легуве, Мильвуа.

Отмечено общее влияние элегий Шенье на стихотворение Баратынского “Весна” (1820), см.: *Barratt G. Eighteenth-century neoclassical french influences on E.A. Baratynsky and Pushkin // Comparative literature studies, 1969, n 6. P. 451–452.*

«Есть грот: Наяда там в полдневные часы...»

Сокращенный перевод 6 фрагмента идиллий

Впервые: Северная лира на 1827 год. М., 1827 (ценз. разр. 1 ноября 1826 г.). С. 26 и: Северные цветы на 1827 год. СПб., 1827. С. 330 под заглавием: “Наяда”. В книге “Стихотворения Евгения Баратынского” (М., 1827) имеет в оглавлении подзаголовок “Подраж.(ание) Шенье”. Вяземский похвалил этот перевод (см.: Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. Пг., 1921. С. 57).

⁶ *Склоняясь челом, венчанным осокой.* – Об использовании Баратынским образа, появившегося в русской поэзии до Шенье (в стихотворении Державина “Ключ”, 1779, и в стихотворении Дельвига “На смерть Державина”, 1816) см.: ФЭ. С. 630.

Из А. Шенье

Сокращенный перевод элегии XXXVI.

Впервые: Северные цветы на 1829 год. СПб., 1829. С. 46 втор. паг. (ценз. разр. 27 декабря 1828 г.) под заглавием: “Смерть. Подражание А. Шенье”. Об этом переводе см.: *Фризман Л.Г.* Три элегии // Искусство слова. М., 1973. С. 72–81.

П.А. Плетнев

Петр Александрович Плетнев (1792–1865) – поэт, критик; профессор российской словесности (с 1832 г.), ректор Петербургского университета (1840–1861). Окончил Санкт-Петербургский педагогический институт. Один из ближайших друзей Пушкина, принимал активное участие в издании его произведений. В поэзии был сторонником “новой школы” Батюшкова–Жуковского, тяготел к медитативной элегии, затем (со второй половины 1820-х годов) – к антологической лирике. С конца 1820-х годов перестает выступать как поэт, посвятив себя педагогической и издательской деятельности.

Рыболов

Подражание стихотворению “Près des bords où Venise est reine de la mer...” (см. примеч. с. 551).

Впервые: Сочинения и переписка П.А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 3. С. 299. Датируется не ранее 1827 г.

Д.П. Глебов

Дмитрий Петрович Глебов (1789–1843) – поэт-карамзинист. Окончил Московский университетский Благородный пансион. Был знаком с В.Л. Пушкиным, братьями Норовыми (Авраамом и Александром). Разрабатывал жанр медитативной элегии. Испытал влияние Батюшкова. Переводил Бертена, Парни, Мильвуа, Ламартина. Печатался в ВЕ, СО, НЛ, МВ, альманахе “Минерва”. В 1830-е годы публиковал стихи эпизодически.

К сборнику своих стихов, опубликованному в 1827 г., Глебов взял эпитафией первые две строки элегии XXI Шенье: “L’art, des transports de l’âme est un faible interprète; // L’art ne fait que des vers; le cœur seul est poète”.

В элегии Глебова “Отъезд” слышны отзвуки элегии IV Шенье, а финал близок концовке элегии XXVII: воображая себя, подобно Шенье, в Италии (“Пойду в твои Сабинские поля... Я буду Анио стремление созерцать... И пылью влажною дышать // Вод бурных Тиволи, с вершин утесов бьющих), Глебов так завершает свою элегию:

Там, может быть, изящные науки
И время, враг страстей, и действие разлуки,
Успели б дни мои от Парки сохранить,
Которая грозит их в цвете погубить.

(Элегии и другие стихотворения Дмитрия Глебова. М., 1827. С. 71–72).

См. также вторую статью.

К Музам

Перевод элегии XIV (“O Muses, accourez; solitaires divines...”, без последних 23 строк).

Первые: Элегии и другие стихотворения Дмитрия Глебова. С. 27, с примечанием: “Содержание сей Элегии почерпнуто мною из А. Шенье, столь рано похищенного у Муз, оплакивающих его безвременную кончину. Он погиб во время бывших смятений во Франции. Напитанный чтением древних, Шенье заимствовал всю силу и красоту их творений. Кто не знает его превосходного стихотворения Младая Узница, написанного им в темнице?.. Сия пиеса переведена весьма близко Аб.С. Норовым и заслужила одобрение многих любителей Поэзии” (Там же. С. 281).

Г.С***

Переводчик не установлен.

Молодая узница (Подражание Андрею Шенье)

Перевод одноименной XI оды.

Первые: Венок граций. М., 1829 (ценз. разр. 14 декабря 1828 г.). См. также вторую статью.

М.Ю. Лермонтов

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841), по свидетельству одного из современников, читал стихи Шенье в 1840 г. (М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 49): скорее всего, он их перечитывал, так как мотивы французского поэта появляются в творчестве Лермонтова ранее. Л.И. Вольперт отмечает частичное влияние Шенье в стихотворениях Лермонтова “Пан” (1829), “К Неэре” (1833), “Склонись ко мне, красавец молодой...” (1832), “Сосед” (1837) и “Соседка” (1840) – в последних двух стихотворениях звучат мотивы “Молодой узницы” (Вольперт Л.И. Шенье // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 624). Что касается

стихотворения “К Неэре”, то, кроме имени, ничто, как будто, не напоминает о Шенье. В стихотворении “Склонись ко мне...” в первой строфе слышатся отзвуки идиллии Шенье “Лидэ”. Отметим также строки из стихотворения “Памяти А.И. Одоевского” (1839), отчасти близкие ст. 13–16 элегии VII:

И вокруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно!

Ср. у Шенье:

Vous-mêmes choisissez à mes jeunes reliques
Quelque bord fréquenté des pénates rustiques,
Des regards d'un beau ciel doucement animé,
Des fleurs et de l'ombrage, et tout ce que j'aimai.

(“Вы сами выберете для моих юных останков // Какой-нибудь берег, посещаемый сельскими пенатами, // Оживленный светом ясного неба, // Где есть цветы, и тень, и все, что я любил,.”)

В связи с А.И. Одоевским укажем на то, что в Государственном литературном музее хранится рисунок друга Лермонтова, доктора Н.В. Майера, изображающий, возможно, А. Одоевского с подписью рукой Майера (он приводит строку из оды Шенье “Молодая узница”): “La grâce décorait son front et ses discours” (“Дышали грацией ее (можно перевести и как «его») чело и речь”) – сообщено И.Г. Птушкиной, ответственным редактором каталога “А.И. Герцен, Н.П. Огарев и их окружение” (М., 1992), в котором приводятся эти сведения (С. 159, № 595).

Влияние пушкинского стихотворения “Андрей Шенье” прослеживается в стихотворении Лермонтова “К****” (“Когда твой друг с пророческой тоской...”, 1830) и “Не смейся над моей пророческой тоской...” (1837), см.: ФЭ. С. 672.

Было высказано мнение, что образ Шенье возникает и в стихотворении Лермонтова “Смерть поэта” (“Как тот певец, неведомый, но милый...”; см.: Гинзбург Л.С. К анализу стихотворения Лермонтова “Смерть поэта” // Slavica. 1930. Roc. 9. Ses. 1. S. 85–102).

Пан (В древнем роде)

В стихотворении воспроизводится атмосфера антологических фрагментов Шенье (на связь с ними указывает и подзаголовок) и заметно подражание 3 фрагменту идиллий и стихотворению “Près des bords où Venise est reine de la mer...” (см. примеч. с. 551), воспринятых, возможно, сквозь призму стихотворений Пушкина “Муза” и “Близ мест, где царствует Венеция златая...”, восходящих к этим источникам Шенье.

Датируется 1829 г.

Впервые: Библиографические записки. 1861. Т. 3. № 16. Стлб. 488.

Из Андрея Шенье

Самостоятельное стихотворение. Заглавие, возможно, объясняется тем, что это монолог героя, которого ждет гибель “за дело общее” (т.е. за республиканские идеалы: для Лермонтова важна, таким образом, приверженность Шенье революции). Характерно словосочетание “быть может”, настойчиво звучащее и в “Последних стихах” (ямбе IV) Шенье. В произведениях французского поэта отчетливы, к тому же, как и в этом стихотворении Лермонтова, мотивы скитаний (элегия VI), самоубийства (элегия XV, XXVI), постоянного образ “страдальца”, умирающего во цвете лет (элегия VII, XV, XXVII), обреченного на незаслуженные муки (элегия VII). На эти мотивы в связи со стихотворением Лермонтова указано: ФЭ. С. 672.

Датируется 1831 г.

Впервые: Северный вестник, 1889, № 1. Отд. 1. С. 12–13.

Н.М. Языков

Николай Михайлович Языков (1803–1846) – поэт. Учился в Горном кадетском корпусе, Дерптском университете. Был знаком с Жуковским, Дельвигом, Пушкиным. Разрабатывал жанр элегии, послания, песни. В 1829 г. в Москве вошел в круг славянофилов. В творчестве Языкова романтическая тематика освежается благодаря смелой, точной и яркой поэтической речи.

Элегия

Подражание элегии V (возможно, сквозь призму перевода Пушкина “Ты вянешь и молчишь...”). О влиянии 11 идиллии см.: ФЭ. С. 630.

Впервые: НА на 1830 г. СПб., 1829. С. 155 (в другой редакции).

Печатается по: *Языков Н.М.* Полн. собр. стих. М.; Л., 1964. С. 277. Вошло в сборник: Стихотворения Николая Языкова. СПб., 1833, а также в издание: 56 стихотворений Николая Языкова. М., 1844. Датировано: 1829, С(имбирск).

А.А. Шишков

Александр Ардалионович Шишков (1799–1832) – поэт, переводчик, прозаик. Участник заграничного похода русских войск 1815 г. В 1816 г. в Царском Селе познакомился с Пушкиным-лицеистом. Служил на Кавказе и на Украине. За антиправительственные стихи был заключен в Динабургскую крепость, где общался с Кюхельбекером. С 1830 г. жил в Твери. В стихах подражал Пушкину, который ценил его как поэта и принимал участие в посмертном издании его сочинений. Переводил в основном немецких писателей (Тика, Гете, Шиллера).

Спящая дева (из Шенье)

Перевод 10 фрагмента элегий (“Viens près d’elle au matin quand le dieu du repos...”).

Впервые: МВ, 1830, № 12. С. 288 под заглавием: “Приблизься к ней” (Из Андре Шенье). Печатается по: *Шишков А.А.* Сочинения и переводы. Ч. 1. СПб., 1834.

Н.И. Шибаев (?)

Биографические сведения об этом поэте отсутствуют. Имя раскрывается предположительно. Как указывает В.Э. Вацуру, под анаграммой “Н.Ш-б-в”, Н.И.Ш-б-в” или “Ш-б-ъ” в “Северных цветах, ЛГ и “Альционе” напечатано несколько стихотворений элегического характера, в том числе переводы из Шенье, “выдержанные в духе последователей пушкинской школы” (См.: ФЭ. С. 604–605).

Из А. Шенье. Лондон 1782

Перевод 7 фрагмента элегий.

Впервые: Альциона. Альманах на 1831 год. СПб., 1831 (ценз. разр. 17 октября 1830 г.). С. 78 втор. пагинации. Подпись: “Ш-б-ъ”.

Утешение (Из А. Шенье)

Перевод 6 фрагмента элегий (“Tout mortel se soulage à parler de ses maux”).

Впервые: Северные цветы на 1832 год. СПб., 1831. С. 154 втор. пагинации. Подпись: “Ш-б-ъ”.

Последние стихи А. Шенье

Перевод ямба IV (“Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphire...”).

Впервые: Альциона. Альманах на 1832 год. СПб., 1832 (ценз. разр. 20 ноября 1831 г.). С. 68 втор. пагинации. Подпись: “Ш-б-ъ”.

В.И. Любич–Романович

Василий Игнатьевич Любич-Романович (1805–1888), – поэт, переводчик. Учился в Нежинской гимназии высших наук. В Петербурге (куда переехал в 1827 г.) познакомился с Пушкиным и сблизился с его кругом. Переводил Ш. Нодье, Т. Мура, Байрона, Мицкевича. Печатался в ЛГ, СО, БдЧ, Совр., Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду».

Неэра

Перевод 2 идиллии.

Впервые: Стихотворения Василия Романовича. СПб., 1832. С. 43. В оглавлении подзаголовок: “Идиллия Андрея Шенье”.

В.И. Красов

Василий Иванович Красов (1810–1854) – поэт. Учился в духовной семинарии. В 1830 г. приехал в Москву, где окончил Московский университет. В университете сблизился с Белинским, Н. Станкевичем, И. Ключниковым. Основной жанр поэзии Красова – элегия в духе Лермонтова. Печатался в “Телескопе”, “Молве”, МН, ОЗ, БдЧ. Белинский приветствовал его стихи. В 1840–1850-е годы Красов писал все меньше.

*К*** (“Она бежит играющих подруг...”)*

Самостоятельное стихотворение, в котором различимы отзвуки элегии V и ее пушкинского перевода, стихотворения “Ты вянешь и молчишь...”.

Впервые: Телескоп, 1835, № 8. С. 534–535. Затем: ОЗ, 1843, № 8. С. 229, с исправлениями и без четырех последних стихов. Печатается по: Поэты кружка Н.В. Станкевича. М.; Л., 1964. С. 207–208.

Приводим также стихотворение В. Красова, отчасти восходящее к элегии XIII Шенье и к стихотворению Пушкина “Редет облаков летучая гряда...”.

Вечерняя звезда

Звездой любви тебя именовали;
 Жрец Пафоса тебя боготворил;
 И девы юные восход твой выжидали...
 Звезда надежд моих, звезда молодой печали,
 Опять твой бледный луч закат осеребрил!
 Светило тихое любви и вдохновенья*,
 Знаком мне твой привет под ризою ночей!
 И снова темное и грустное волненье
 В душе проснулось моей;
 Как будто хочет вновь понять она значенье
 Твоих задумчивых, серебряных лучей!
 Звезда любви моей, тебя затмили тучи!..
 Вперед, хоть без надежд! не все же жизнь взяла:
 Да, жизнь – она могла терзать меня, измучить,
 Но задуться покамест не могла...
 Прости, звезда любви, прелестное светило!

(1839; Поэты кружка
 Н.В. Станкевича. С. 229)

* Ср. у Шенье в элегии X:

“L’astre qui fait aimer est l’astre des poètes” (“Светило, которое внушает любовь, это светило поэтов”).

И.А. Бек

Иван Александрович Бек (1807–1842) – поэт. Знакомый А.И. Тургенева, Козлова, Лермонтова. Тяготел к элегическому жанру. Переводил Гете. Печатался с середины 1830-х годов в МН, БдЧ, «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”», альманахе “Утренняя заря на 1841–1843 гг.».

Подражание Шенье

Перевод элегии XI (“Ah! portons dans les bois ma triste inquiétude!”).

Впервые: Совр., 1837. Т. VII. С. 326.

В.Г. Бенедиктов

Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807–1873) – поэт, переводчик. Учился во 2-м Петербургском кадетском корпусе. Первые же сборники стихов (1835, 1838 гг.) принесли ему шумную известность. Стиль Бенедиктова отличался романтическими излишествами, разнородностью, чрезмерной метафоричностью. Переводы его, в том числе из Шенье, относятся к более позднему периоду творчества (1840–1850-е годы), когда Бенедиктов вел уединенный образ жизни и в значительной мере освободился от “бурно-пламенного” романтизма раннего периода.

Все переводы стихотворений Шенье были опубликованы в посмертном трехтомном собрании сочинений Бенедиктова: Стихотворения Бенедиктова. Т. III. СПб., 1884. С. 391–403. Печатаются в той последовательности, в какой они вошли в это издание.

“Зоилы! Критики венчанные! Идите!”

Перевод стихотворения “Or venez maintenant, graves compilateurs...”, впервые опубликованного в марте 1830 в “Revue de Paris”. В современных изданиях печатается в составе незавершенной поэмы “Литературная республика”.

⁸ *Похожи на царя фригийского...* – См. примеч. к ст. 16–19 Послания II.

“Красавицы! Мужским оставьте головам...”

Перевод стихотворения “Belles, le ciel a fait pour les mâles cerveaux...”, впервые опубликованного в изд. 1833 г. В подлиннике 4 ст. не зарифмована, поэтому в конце ее вплоть до изд. 1874 г. сохранялись отточия. В современных изданиях – в составе поэмы “Искусство любви”.

“Влюбленных коз супруг брадатый и зловонный...”

Перевод стихотворения “L’impur et fier époux que la chèvre désire...”, впервые опубликованного в изд. 1833 г.

“Амур взялся за плуг – и, земледелец новый...”

Перевод 11 фрагмента идиллий (“Nouveau cultivateur, armé d’un aiguillon...”).

“Седого пастуха дочь юная! слегка...”

Перевод 10 фрагмента идиллий (“Fille du vieux pasteur, qui d’une main agile...”).

“Раз, луга злачного переходя границу...”

Перевод стихотворения “Toi! de Mopsus ami! Non loin de Béréscynthe...”, впервые опубликованного в изд. 1833 г.

⁶ *... на берегу Азийском...* – Имеется в виду озеро Азия (на территории Малой Азии).

“Измена милой нам всегда горька, обидна...”

Перевод 8 фрагмента элегий (“La grâce, les talents, ni l’amour le plus tendre...”).

“Нет, гнев любовника не стоек. Если б ты...”

Перевод 9 фрагмента элегий (“Le sougroux d’un amant n’est point inexorable...”).

“Приблизься утром к ней, когда Морфей снотворно...”

Перевод 10 фрагмента элегий.

“Мучительная ночь! Да скоро ли заря...”

Перевод элегии XXIII (“O nuit, nuit douloureuse! O toi, tardive aurore...”).

“Все страждут; но в глазах другого каждый рад...”

Перевод стихотворения “Tout homme a ses douleurs. Mais aux yeux de ses frères...”, впервые опубликованного в изд. 1833 г.

А.Н. Майков

Аполлон Николаевич Майков (1821—1897) — поэт. Закончил юридический факультет Петербургского университета, где ему покровительствовал ректор — П.А. Плетнев. Сын известного художника, Майков сам увлекался живописью. Первый поэтический сборник (1842), включивший и раздел “В антологическом роде”, имел большой успех. Антологические стихи Майкова, продолжающие пушкинскую традицию, получили высокую оценку Белинского (См.: *Белинский В.Г.* Указ. соч. Т. 4. С. 344—346), а также Плетнева (См.: Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 483). Обращение Майкова к антологической поэзии Шенье относится к раннему периоду творчества, который отмечен его интересом к античности. Позднее Майкова почти полностью поглотили русская история, христианство, идеи славянофилов.

Помимо приведенных переводов и подражаний (которые печатаются в той последовательности, в какой они вошли в раздел “В антологическом роде” и в целом в сб. 1842 г.), влияние 6 фрагмента идиллий ощутимо в стихотворении “Вакханка” (март 1841) в строках:

Движеньем утомлен, я скрылся в мрак дерёв;
А там, раскинувшись на мягкий бархат мхов,
У грота темного вакханка молодая
Покоилась, к руке склонясь, полунагая.

(*Майков А.Н.* Избранные произведения.
Л., 1977. С. 56)

(Из *Андрея Шенье*)

Перевод 11 идиллии.

Впервые: Стихотворения Аполлона Майкова. СПб., 1842. С. 56, без указания на источник перевода. Печатается по: Стихотворения Аполлона Майкова. СПб., 1858. Кн. 1. С. 33. Список датирован: «1840, Каболовка» (здесь и ниже использованы примеч. Л.С. Гейро к изд.: Майков А.Н. произвед.).

Поэзия

Самостоятельное стихотворение. Приводится как близкое элегии IV (“Ah! je les reconnais et mon cœur se réveille”) образным строем (“виноградники Фалерна”, “Бландузия кристалл”, “сабинские деревни”), а также мотивом преображения жизни, которое дарят музы (камены).

Впервые: Стихотворения... 1842. С. 176. Автограф с датой: «1840, апреля 13».

³ *Панорм* — ныне Палермо, город, основанный в Сицилии карфагенянами.

На памятнике

Последние четыре строки — перевод финала “Эпилога” идиллий (“Ma muse pastorale aux regards des Français...”).

В первых строках подхвачен мотив 3 фрагмента идиллий.

Впервые: ОЗ, 1842, № 2. С. 237 (ценз. разр. 31 декабря 1841 г.), под заглавием “Памятник”. Вошло в: Стихотворения. Кн. I. 1858.

Печатается по: Стихотворения А.Н. Майкова в трех частях. СПб., 1872. Часть I. С. 47. Черновой автограф с датой: «октябрь».

Исповедь

Вольный перевод I фрагмента элегий.

Впервые: БдЧ. 1841. № 12. С. 136 под заглавием “Падение”. Печатается по: Стихотворения... 1842. С. 133. Раздел “Элегии”.

Разбитая лира (Мотив Шенье)

Самостоятельное стихотворение, подражающее поздним гекзаметрам Пушкина и антологическим фрагментам Шенье (отчасти стихотворению “Non; même sans chercher d’amoureuses promesses”, впервые опубликованному в изд. 1874 г.). Последняя строка отсылает к элегии V.

Впервые: Нива, 1876, № 3. С. 42. Подпись “Ап. М-в”.

Н.П. Греков

Николай Порфирьевич Греков (1807—1866) — поэт, переводчик. Окончил Московский университет. Жил почти безвыездно в своем имении в Тульской губернии. Сотрудничал с конца 1830-х годов в БдЧ, ЛГ, затем в 1850—1860-е годы в “Пантеоне”, ОЗ, “Развлечении”. В поэзии разделял принципы “чистого искусства”, подражал Фету, Майкову, Щербине. Как эпигон романтиков отдал значительную дань медитативной элегии. Много стихов Грекова было положено на музыку. Оставил большое количество переводов западноевропейских поэтов (Ламартина, Гюго, Байрона, Гете, Кальдерона, Шекспира, Мюссе, Гете).

Помимо приведенных переводов из Шенье, влияние элегии III очевидно в первых двух строфах стихотворения Н. Грекова “Письма” (датируется не позднее 1862 г.):

О сердцу милые листки!
О строки, писанные ею!
Читая вас, я не умею
Сдержать порыв моей тоски.

Давно вам, милые слова,
Рука мне милая чертила;
Но вас ничто не изменило:
Ни свет, ни время, ни молва.

(Поэты 1860-х годов.
Л., 1968. С. 485)

“О! сколько пролито любовниками слез!..”

Перевод 3 фрагмента элегий.

Это и два следующих стихотворения впервые: БдЧ. 1842. № 2. С. 133—135 под заглавием: “Три стихотворения из Андрея Шение”. Данный перевод в книгу “Стихотворения Н.П. Грекова” (М., 1860) не вошел.

*Из А. Шенье**(“Каков я прежде был, я и теперь таков...”)*

Подражание 1 фрагменту элегий.

Печатается по: Стихотворения Н.П. Грекова. С. 192.

*Из А. Шенье**(“Больной стенанием недуг свой облегчает”)*

Перевод 6 фрагмента элегий.

Печатается по: Стихотворения Н.П. Грекова. С. 193.

“Приди к ней и смотри, когда ночные мраки...”

Перевод 10 фрагмента элегий.

Впервые: ЛГ, 1843, № 36. С. 658. В сборники Н.П. Грекова не включалось.

Вместе с этим стихотворением было также опубликовано стихотворение “Я видел, как она во мраке ночи бурной”, возможно, восходящее к поэтическим и прозаическим наброскам Шенье под общим названием “Клития” (“Clutie”), опубликованным в марте 1830 г. в “Revue de Paris” и в изд. 1839.

Лиды (Из Андрея Шенье)

Перевод 8 идиллии.

Впервые: Совр., 1855. Т. LI. Отд. 1. С. 349. В сборники Н.П. Грекова не включалось.

*Из А. Шенье**(“Всегда, всегда готов прощать любовник страстный”)*

Перевод 9 фрагмента элегий.

Впервые: Совр., 1855. Т. LIV. Отд. 1. С. 204.

Печатается по: Стихотворения Н.П. Грекова. М., 1860. С. 58.

“Нет, полно! — Не пойду к ней с головой покорной...”

Подражание 2 фрагменту элегий (“Eh bien! je le voulais. J'aurais bien dû me croire!”).

Печатается по: Стихотворения Н.П. Грекова. С. 10.

*Из А. Шенье**(“Я был еще дитя — она уж за собою...”)*

Перевод 2 фрагмента идиллий.

Печатается по: Стихотворения Н.П. Грекова. С. 42 (раздел “Элегии”).

Зоя

Подражание 6 фрагменту идиллий.

Печатается по: Стихотворения Н.П. Грекова. С. 129 (раздел “Элегии”).

“Наперсник тайн моих сердечных и мечтаний...”

Перевод элегии первой (“Abel, doux confident de mes jeunes mystères...”).

Это и три следующих стихотворения печатаются по: Новые стихотворения Н.П. Грекова. М., 1866. С. 99—102. В это издание они были включены под общим заглавием “Из А. Шенье” и с нумерацией римскими цифрами.

“Пора, корабль готов, и ждет нас Византия”

Перевод 5 фрагмента элегий.

Эпиграф — первая строка этого стихотворения Шенье, с ошибкой в конце: *m'attend* (меня ждет) вместо *m'appelle* (меня зовет).

Впервые: Зритель, 1862, № 21. С. 671.

О тексте Шенье и варианте Латуша см. примеч. к стихотворению Пушкина “Поедем, я готов...”.

“Два сердца верных мне! Друзья мои! — она...”

Перевод начала элегии XL (“*Amis, couple chérie, cœurs formés pour le mien...*”).

Впервые: Модный магазин, 1865, № 9. С. 129 (с разночтением в пунктуации).

*Последнее стихотворение А. Шенье
Ямб IV.*

Эпиграф — 3 строка указанного стихотворения.

Впервые: БдЧ, 1862, № 12. С. 272.

И.П. Крешев

Иван Петрович Крешев (1824—1859) — поэт. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В БдЧ, “Пантеоне”, “Русском инвалиде” печатались его стихи, главным образом антологические, переводы с латинского, древнееврейского языков. После смерти Крешева его переводы и подражания собрал и в 1862 г. издал хорошо знавший его Н. Гербель.

Неэра. Из Андрея Шенье

Перевод 13 идиллии.

Впервые: БдЧ, 1842, № 10. С. 113—114.

Элегия. Из Андрея Шенье

Перевод элегии “*Souvent le malheureux sourit parmi les pleurs*”, впервые опубликованной в изд. 1833 г. Источник Шенье — *Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. Ч. I. Письмо XXIII.

В оригинале Шенье — 22 строки, третья строка не завершена.

Впервые: БдЧ, 1843, № 1. Отд. 1. С. 14.

В переводе Крешева достигнуто равновесие между двумя картинами (у Шенье больше места уделено устрашающим видам).

Наяда. Эскиз Андрея Шенье

Перевод 6 фрагмента идиллий.

Впервые: БдЧ, 1843, № 3. Отд. 1. С. 11.

Придет время. Из Андрея Шенье

Подражание 9 идиллии.

Впервые: БдЧ, 1843, № 4. Отд. 1. С. 125.

А.И. Пальм

Александр Иванович Пальм (псевд. — П. Альминский; 1822—1885) — прозаик, драматург, поэт. Образование получил в Петербургском Дворянском полку. Дружил с С.Ф. Дуровым (см. ниже). Печатался в БдЧ, ЛГ, “Репертуаре и Пантеоне”. Был привлечен к следствию по делу петрашевцев, провел 8 месяцев в Петропавловской крепости. В дальнейшем стихов почти не писал. Поэзия Пальма отмечена влиянием Лермонтова.

Из Андрея Шенье
(“Я помню те года, я был еще дитей...”)

Перевод 2 фрагмента идиллий.
Впервые: ЛГ, 1843, № 17. С. 337.

Элегия (Из Андрея Шенье)

Перевод (расширенный) элегии XIII.
Впервые: ЛГ, 1843, № 25. С. 487.

Из Шенье
(“Приди к ней поутру, когда, пробуждена...”)

Перевод 10 фрагмента элегий.
Впервые: БдЧ, 1844, № 4. С. 76.
Приписывалось А.И. Полежаеву (см.: *Полежаев А.И.* Полн. собр. стих. Л., 1939. С. 411).

С.Ф. Дуров

Сергей Федорович Дуров (1815—1869) — поэт, переводчик, прозаик. Закончил Благородный пансион при Петербургском университете. В 1849 г. был арестован по делу петрашевцев. После каторги и ссылки жил в Одессе у своего друга молодости А.И. Пальма. Поэтические произведения Дурова были созданы в основном в 1840-е годы. Он печатался в альманахах (“Молодик”, “Метеор”, “Новоселье”), журналах (“Иллюстрация”, “Пантеон”) и газетах (ЛГ, “Санкт-Петербургские ведомости”). Стихи его, окрашенные в пессимистические тона, отмечены влиянием Лермонтова и Баратынского. Переводы составляют большую часть поэтического наследия Дурова. Он переводил Беранже, Барбье, Гюго, Байрона, Мицкевича.

Неэра
(Из А. Шенье)

Перевод 2 идиллии.
Впервые: БдЧ, 1844, № 8. С. 148.

Из А. Шенье
(“У каждого есть горе; но от братьев...”)

Перевод элегии “Tout homme a ses douleurs. Mais aux yeux de ses frères...”, см. примеч. с. 563.
Впервые: Иллюстрация, 1846, № 3. С. 529.
Перевод Дурова выполнен в духе лермонтовского монолога, медитативность усилена за счет использования белого стиха.

Из А. Шенье
(“И легче, и вольней вздыхает как-то грудь...”)

Перевод 6 фрагмента элегий.
Впервые: Иллюстрация, 1846, № 39. С. 626.

(Из А. Шенье)
(“Вдали от сладостных пафосских берегов...”)

Перевод элегии II (“Non loin des bords trop fleuris de Gnide et de Paphos...”)
Впервые: Иллюстрация, 1846, № 19. С. 305.

В.И. Золотницкий

Владимир Иванович Золотницкий — поэт первой половины XIX в. Другие сведения о нем отсутствуют.

Элегия (Из А. Шенье)

Перевод элегии XXXVII (“O nuit! j’avais juré d’aimer cette infidèle...”).
 Первые: Репертуар и пантеон, 1846, № 5. С. 193—195.

М.Л. Михайлов

Михаил Ларионович (Илларионович) Михайлов (1829—1865) — поэт, переводчик, прозаик, публицист. Был вольнослушателем Петербургского университета. Начал как эпигон романтизма, позднее примкнул к демократическому направлению в русской поэзии. Перевел большое количество произведений европейских поэтов (Гейне, Беранже, Байрона, Т. Мура, Гюго, Ламартина и др.). Переводил древнегреческих поэтов (Палладе, Алкея, Анакреонта, Сапфо). Печатался в ОЗ, Совр., Москв., БдЧ, “Русском слове”. С 1859 г. вел в Совр. отдел иностранной литературы. В сентябре 1861 г. был арестован за нелегальную деятельность и приговорен к каторге, на которой умер.

На рубеже 1840—1850-х годов Михайлов отдал дань антологической лирике. К пушкинскому стихотворению “Нереида” и к 6 фрагменту идиллий Шенье восходит стихотворение Михайлова “Наяда” (1848). Мотив 2 фрагмента идиллий звучит в стихотворении Михайлова “Соседка” (1847):

Тому давно... Я был почти ребенок;
 Она была прекрасна, молода;
 (...) .
 Рука моя так радостно сжимала
 Ее ручонку детскую. Меня
 Она порой тихонько целовала
 И, наклонясь, мне на ухо шептала...
 А что? Все это позабыл уж я.
 (Михайлов М.Л. Полн. собр. стих.
 М.; Л., 1934. С. 573).

Михайлову принадлежит стихотворение, посвященное Шенье (см. наст. изд.).

Муза

Подражание одноименному стихотворению Пушкина и 3 фрагменту идиллий (у Шенье почерпнуты следующие образы: “отверстия”, “приложивши к устам”, “на звонкой свирели”).
 Первые: БдЧ, 1847, № 1. С. 11.

“Близ Верекинфа раз Сатир нашел, гуляя...”

Перевод стихотворения “Toi! de Mopsus ami! Non loin de Bérécynthe...” (см. примеч. с. 562).
 Первые: ЛГ, 1847, № 18. С. 277. В “Стихотворения М.Л. Михайлова” (Берлин, 1862) не включено.

¹ *Верекинф* — гора во Фракии (Малая Азия).

² *Гиацинт* — отец и учитель сатира Марсия, состязавшегося в игре на флейте с Аполлоном.

³ *Великой матери богов...* — Имеется в виду Кибела, праздника в честь которой устраивались на горе Верекинф.

⁵ *Меандр* — извилистая река в западной части Малой Азии. Латуш неверно прочел эту строку, у Шенье: “Aussitôt il appelle du Sangar au Méandre...” — “Он тотчас сзывает нимф от Сангара (Сангар — река в Малой Азии) до Меандра...”

⁷ *Азийских нимф* — см. примеч. с. 562.

“Мой стих умеет все так живо рисовать”

Перевод стихотворения “Mes chants savent tout peindre”, впервые опубликованного в марте 1830 г. в “Revue de Paris”.

Впервые: Там же. В сборник 1862 г. не вошло.

Н.В. Гербель

Николай Васильевич Гербель (1827—1883) — поэт, переводчик, издатель, составитель поэтических антологий (русской и зарубежной поэзии) и собраний сочинений западноевропейских классиков в переводах русских писателей. Окончил Лицей кн. Безбородко в Нежине. Во время прохождения военной службы был переведен в Петербург, где печатался в Совр., ОЗ, БдЧ. Дружил с М.Л. Михайловым. В 1861 г. издал в Берлине “Стихотворения А.С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений”, где первый указал на “возвышенного Галла” как на “Андрея Шенье” (с. 13).

Оригинальные стихотворения Гербеля немногочисленны и несут печать эпигонского романтизма. Стихотворный перевод занимал в его творчестве основное место. Больше всего Гербель переводил с английского и немецкого. Единичными были его переводы с французского (Корнель, Жильбер, Гюго). Как переводчик Гербель подвергался критике современников за произвольные и часто безвкусные отступления от оригинала, изменения размера подлинника.

Молодая узница

Перевод одноименной оды.

Впервые: Совр., 1855. Т. L. Отд. 1. С. 181—182 под названием “Узница”.

Печатается по: Полн. собр. стих. Николая Гербеля. Т. 2. СПб., 1882. С. 17—18.

А.Ф. Бржеский

Алексей Федорович Бржеский (1818—1868) — поэт. Семнадцати лет поступил в кирасирский полк принца Альберта Прусского, но вскоре оставил службу и поселился в своем имении в Херсонской губернии. Он и его жена А.П. Бржеская были друзьями Фета, который познакомился с ними на Украине в 1845 г. Поэтическое творчество Бржеского во многом подражательно (он был восторженным поклонником Фета), включает антологические стихи: поэзия Шенье примерно в одно и то же время входила, видимо, в круг общих интересов двух поэтов.

Несколько стихотворений Бржеского были напечатаны в 1840-х годах, в частности, в газете “Московские ведомости”, в журнале “Иллюстрация”. Переводил Гете, Байрона, Гейне. Переводы из Шенье печатаются в той последовательности, в какой они вошли в рукописный сборник стихотворений Бржеского, датированный: “Киев, 1851” (РГБ. Ф. 218. Картон 1311, Ед. хр. 28).

“Едва сменила зной вечерняя прохлада...”

Подражание 4 фрагменту идиллий (“Là reposait l’Amour et sur sa joue en fleur...”) и 6 фрагменту идиллий.

Печатается по указанному выше рукописному сборнику.

“Под явором густым, у лона светлых вод...”

Подражание, хотя и более самостоятельное, указанным выше фрагментам идиллий.

Впервые: Литературные вечера нового мира, 1900, № 3. С. 171.

Датируется по положению в указанном сборнике.

*Из А. Шенье**(“Как часто утомлен вседневной пустотою...”)*

Перевод элегии XXXVI, без первых 4 строк.

Печатается по указанному выше рукописному сборнику.

*Из А. Шенье**(“Далеко родины, и близких, и друзей...”)*

Перевод 7 фрагмента элегий.

Печатается по указанному выше рукописному сборнику.

“Полночный гондольер садится в легкий челн...”

Перевод стихотворения “Près des bords où Venise...” (см. примеч. с. 551).

Впервые: Литературные вечера нового мира, 1900, № 2. С. 108—109.

В рукописном сборнике не фигурирует.

А.А. Фет

Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892) — поэт, прозаик, публицист, переводчик. Окончил словесное отделение философского факультета Московского университета. Восторженное преклонение перед красотой, имеющей у Фета философский смысл, лежит в основе его антологической лирики, к которой он обращается уже в первом своем сборнике “Лирический пантеон” (1840). Интерес Фета к античности выразился и в его переводах поэтов древности (Горация, Анакреонта, Овидия, Катулла).

И.С. Кузнецов отметил использование мотивов 11 идиллии Шенье в стихотворениях Фета “Ее не знает свет...” (1847), “Превращения” (1859), “Ребенку” (1886), “Давно ль на шутки вызывала...” (1890), а также то, что влияние Шенье на лирику Фета не ограничивается “лишь жанром антологической пьесы” (Кузнецов И.С. Об интерпретации одной темы Андре Шенье в лирике А.А. Фета // Проблемы изучения жизни и творчества А.А. Фета / Межвузовский сборник научных трудов. Курск, 1990. С. 78—83).

Подражание XVI идиллии Биона

Подражание элегии XIII (см. примеч. к ней).

Впервые: Стихотворения А. Фета. М., 1850 (ценз. разр. 14 сентября 1847 г.). С. 103 (раздел “Антологические стихотворения”). С незначительными изменениями вошло в издание: *Фет А.А.* Стихотворения. СПб., 1856. Стихотворение вызвало пародию А. Сниткина “Подражание XIV Идиллии Биона” (1859). См.: Поэты “Искры”. Л., 1987. Т. 2. С. 363.

“Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру...”

Перевод стихотворения “L'impur et fier éroux que la chèvre désire...” (см. примеч. с. 562).

Впервые: БдЧ, 1859, № 9. С. 54. Датируется на основании письма И.С. Тургенева от 16 января 1859 г. (см.: *Фет А.А.* Полн. собр. стих. М., 1959. С. 841). Включено в издание: *Фет А.А.* Стихотворения: В 2-х т. М., 1863.

Лида

Перевод 8 идиллии, а также фрагмента “La nymphe l'aperçoit, et l'arrête et sourire...”, впервые опубликованного в изд. 1833 г. как продолжение 8 идиллии (в рукописи Шенье между ними пробел).

Впервые: БдЧ, 1859, № 10. С. 1. По указаниям И.С. Тургенева в письме к Фету от 16 января 1859 г. (см.: *Фет А.А.* Полн. собр. стих. С. 840—841) присведены некоторые изменения. Включено в издание Фета 1863 г. (см. выше). Датируется на основании письма Тургенева. Первоначальную редакцию см.: *Фет А.А.* Полн. собр. стих. С. 105—106.

Н.Ф. Щербина

Николай Федорович Щербина (1821—1869) — поэт. Бабка его со стороны матери была гречанкой. Щербина с детства приобщился к древнегреческой культуре и языку. Сдал в Харьковском университете экзамены на звание домашнего учителя и в течение нескольких лет в этом качестве зарабатывал себе на жизнь. В 1859 г. Щербина переехал в Одессу, где познакомился с Л.С. Пушкиным и П.А. Вяземским.

В поэзии Щербина развивал прежде всего антологический жанр: всеобщим одобрением была встречена его первая книга “Греческие стихотворения” (1850). В послесловии Щербина писал: “Не говорю уже о Гете, Шиллере, Андре Шенье и некоторых других, писавших и пишущих в этом роде: — в нашей литературе есть много прекрасных опытов в антологии (...) только греческая антологическая поэзия, перенесенная на латинскую почву, нашла себе более полное и своеобразное воспроизведение.

Из новых поэтов, Андре Шенье в своих поэтических творениях более римлянин, чем грек. Это — истинно-римский поэт, живший в XVIII веке во Франции” (Греческие стихотворения Н. Щербины. Одесса, 1850. С. 93, 96—97).

В рецензии на двухтомник стихотворений Щербины, опубликованный в 1857 г., Н.Г. Чернышевский отметил: “Он [Щербина — Е.Г.] начал стихотворениями, которые сам назвал “греческими” и которые всего лучше можно охарактеризовать, сказав, что они очень близки по духу, а часто и по достоинству формы, к стихотворениям Шенье. Мы не знаем, насколько участвовало в их происхождении влияние Шенье, насколько личная симпатия автора к античному миру, насколько разные другие влияния или сочувствия” (В рукописи: «влияние (единственного французского поэта, проникнутого истинною античною) Шенье...» — *Чернышевский Н.Г.* Стихотворения Н. Щербины (1857) // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1948. Т. IV. С. 529, 941). К разделу этого двухтомника, включающему антологические стихи, Щербина поместил эпиграф из поэмы Шенье “Замысел”: “Sur des penses nouveaux faisons des vers antiques” (“Мысль нашу облечем античными стихами”). В цикле “Ямбы и элегии” Щербина отдал дань гражданской поэзии. Его стихотворение “Ямб” (1848) написано размером, близким размеру ямбов Шенье.

Отметим также, что в начале стихотворения “И.Ю. Б(ецкому)” (1844) звучит видоизмененная строка Шенье из 1 фрагмента элегий, подхваченная в свое время Пушкиным (“Каков я прежде был, таков и ныне я”): “Я уж теперь не тот, что прежде...”

Идиллия

Подражание 9 идиллии.

Впервые: Москв., 1851. № 22. С. 196, без ст. 11—12. Печатается по: *Щербина Н.Ф.* Полн. собр. соч. СПб., 1873. С. 5.

Женщина (Идиллия)

·Подражание 7 идиллии (“Мназил и Хлоя”). Имя девушки (“Хлоя”) заменено именем “Неэра”, близким Шенье.

Впервые: Пантеон, 1853, № 3. С. 4. Печатается по: *Щербина Н.Ф.* Стихотворения: В 2 т. СПб., 1857. Т. I. С. 64.

К.К. Павлова

Каролина Карловна Павлова (урожд. Яниш; 1807—1893) — поэт, переводчик. Первые поэтические сборники созданы на немецком и французском языках. Выйдя замуж за известного литератора Н.Ф. Павлова, стала хозяйкой одного из крупнейших московских литературных салонов, в котором бывали Лермонтов, Белинский, Фет, Полонский и др. В творчестве К. Павловой

романтическая антиномия “духа” и “вещества”, поэта и толпы получает воплощение в чеканных по форме, замечательных по духовной силе и крепости произведениях. Переводила с французского (Мольер, Гюго), немецкого, английского, польского, древнегреческого языков, а также стихи русских поэтов на французский и немецкий.

Слепой

Перевод одноименной 3 идиллии.

Впервые: ОЗ, 1855, № 4. С. 231—238. В первый прижизненный сборник стихотворений Павловой (1863) не вошло. Датируется декабрем 1852 г. на основании воспоминаний С.А. Рачинского, который получил перевод “Слепого” на следующий день после того, как он был сделан, вместе с посвященным ему стихотворением “Молчала дума роковая...”, датированным в сборнике 1863 г. декабрем 1852 г. Об истории создания перевода Рачинский писал: «Живя интересами своей юности, Каролина Карловна любила по вечерам отводить со мною душу в бесконечных рассказах о Пушкине, Мицкевиче, Боратынском (...)

Во время одного из таких разговоров я случайно раскрыл томик стихотворений Шенье, лежавший на столе. Попалась мне на глаза прелестная идиллия “L’Aveugle”, и я невольно прочел первый стих — по-русски:

Серебрулюкий бог, бог Клароса, внемли!*

Иначе по-русски и перевести невозможно; но Каролина Карловна пришла в восторг. Несколько раз в течение вечера она прерывала разговор, перешедший на иные темы, чтобы повторять нарастающий этот полуболившийся ей стих.

В ту же ночь у нее вылился перевод всей, довольно длинной, идиллии — один из лучших ее переводов, и на другое утро она прислала мне первую его страницу, до сих пор хранящуюся у меня, с приложением следующих стихов: “Молчала дума роковая...”» (Татевский сборник С.А. Рачинского. СПб., 1899. С. 107—108). Таким образом, перевод Шенье, отвечавший тематике и тональности поэзии К. Павловой, пробудил ее творческие силы. Он вызвал хвалебный отзыв И.И. Панаева: «Г-жа Павлова (К.К.) напечатала в “Отечественных записках” свой превосходный перевод “Слепого” (“L’Aveugle”) Шенье. Перевод этот кроме сильного и звучного стиха отличается почти подстрочною верною подлиннику (...) Помните вы это превосходное место в “Слепом”?».

Il poursuit; et déjà les antiques ombrages
Mollement en cadences inclinaient leurs feuillages;
Et pâtres oubliant leur troupeau délaissé,
Et voyageurs quittant leur chemin commencé,
Couraient... и проч.

Вот как передает это г-жа Павлова (приводятся ст. 149—172 перевода).

Мы думаем, что вернее, сильнее и звучнее не было возможности передать подлинник (...) Если бы г-жа Павлова вздумала, например, перевести нам лучшие произведения Шенье и Альфреда Мюссе, — она уже одним этим оказала бы большую услугу русской литературе (...) такие переводы, как перевод “Слепого”, — право несравненно выше многих оригинальных поэм!..» (Совр., 1855. Т. LI. С. 128—129).

П.И. Вейнберг

Петр Исаевич Вейнберг (1831—1908) — поэт, переводчик, историк литературы. Окончил историко-филологический факультет Харьковского университета. В 1854 г. в Одессе вышла небольшая книжка, в которой были собраны переводы Вейнберга из Горация, Шенье, Гюго,

* Dieu, dont l’arc est d’argent, dieu de Claros écoute! <примеч. С.А. Рачинского>.

Байрона и несколько его оригинальных стихотворений. В 1858 г. переехал в Петербург. Сотрудничал в БдЧ, Совр., СО, ОЗ, “Искре”. В 1883—1885 гг. издавал журнал “Изящная литература”, посвященный переводам произведений иностранной литературы. Вейнберг был одним из лучших переводчиков своего времени, переводил многих писателей Европы и Америки, в том числе Шекспира.

Слепой

(из А. Шенье, вольный перевод)

Сокращенный вольный перевод одноименной 3 идиллии. Выбор размера — гекзаметра — объясняется, очевидно, ориентацией на пушкинский перевод начала этого стихотворения Шенье.

Впервые: Стихотворения Петра Вейнберга. Одесса, 1854. С. 39—45.

Больной юноша

(из А. Шенье. Вольный перевод)

Вольный перевод 5 идиллии.

Впервые: Там же. С. 70—75.

Л.А. Мей

Лев Александрович Мей (1822—1862) — поэт, переводчик. Учился в Московском дворянском институте, затем окончил Царскосельский лицей. Общался с А.Н. Майковым, М.Л. Михайловым. В поэзии Мей преобладают вариации фольклорных, исторических, библейских и антологических тем. В русле его увлечения антологической лирикой (он переводил Анакреонта, Феокрита) находится и перевод стихотворения Шенье.

Аммона (Из Шенье)

Перевод одноименной “морской” идиллии Шенье (“Апутоне”), впервые опубликованной в изд. 1833 г. Источник Шенье — *Проперций*. Элегии. Кн. II, 26.

Перевод Мей впервые: Совр., 1855. Т. LI. Отд. I. С. 218. Вошло в «Стихотворения А. Мей» (СПб., 1857). С. 137—138.

¹⁷ *Опида* (Опис), *Кимадос* (Кимодока), *Нерея* (ошибочное прочтение Латуша: *Nerée* вместо *Nesée* — *Несея*, или *Низея*) — нимфы, упоминаемые у Вергилия (Георгики. Кн. IV, 338, 343).

А.К. Толстой

Алексей Константинович Толстой (1817—1875) — поэт, драматург, прозаик. Выдержав экзамен при Московском университете, служил по различным ведомствам, был приближен к царскому двору. В 1861 г. вышел в отставку и жил в своих имениях под Петербургом и на Украине. В поэзии А.К. Толстой был продолжателем романтических традиций, примыкал к сторонникам “чистого искусства”. Общался с К.К. Павловой, А.А. Фетом, И.С. Тургеневым.

Переводы из Шенье отражают увлечение А.К. Толстого антологической лирикой, его тягу к “вечной красоте”. В письме к С.А. Миллер от 6 октября 1852 г. Толстой вспоминает и о судьбе Шенье: “Но у меня тоже есть луч света впереди, и мне всегда казалось, что я предназначен для чего-нибудь.”

Андрей Шенье тоже это думал, но он ошибся, так же, как, может быть, и я ошибаюсь” (Толстой А.К. О литературе и искусстве. М., 1986. С. 47). В письме к тому же адресату от 3 июля 1855 г. он дает оценку, по всей видимости, элегиям французского поэта: “Я опять читал Шенье; очень хорошие есть, прекрасные вещи, но тоже очень вольные, и если ты хочешь, чтобы я тебе сказал все, что я думаю, — я нахожу, что Шенье в своих образах, в самых непристойных, нравственнее, чем Беранже... Потому что Шенье — только простой живописец и художник там, где Беранже — проповедник! Шенье описывает сюжеты безнравственные, а Беранже — апостол

безнравственности (...) А твой приятель Альфред де Мюссе не имеет ни ума Беранже, ни искусства Шенье...” (Там же. С. 61).

25 ноября 1856 г. А.К. Толстой писал все той же С.А. Миллер: “Я тебе посылаю несколько стихотворений в переводе и не скажу тебе, кто автор оригиналов” (*Толстой А.К. Собр. соч.*: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 92). Именно осенью 1856 г. датируются его переводы из Шенье.

20 марта (1 апреля) 1860 г. он сообщал Б.М. Маркевичу из Парижа: “Я перепишу для Вас все пять или шесть стихотворений, переведенных мной из Андре Шенье, и буду счастлив увидеть их напечатанными в Вашем сборнике. (...) Проект Вашего сборника навел меня на благую мысль: в настоящее время я не намереваюсь писать что-нибудь свое — так разбуду Шенье и попытаюсь кое-что перевести” (*Толстой А.К. О литературе и искусстве*. С. 93—94). Издание сборника, о котором идет речь, не было осуществлено. Толстой, возможно, имел в виду шесть переведенных им стихотворений Шенье, опубликованных в БдЧ (1857, № 1. С. 10—11, под заглавием “Из А. Шенье”). О других его переводах сведений нет. Н.С. Курочкин в 1868 г. в газете “Дело” признал плохими все переводы Толстого, “за исключением переводов из Шенье” (цит. по: *Толстой А.К. Полн. собр. стих.*: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 601).

1. “Крылатый бог любви, склоняся над сохой...”

Перевод 11 фрагмента идиллий.

Этот и следующие переводы печатаются по: Стихотворения графа А.К. Толстого. СПб., 1867. С. 179—184. Общий заголовок «Из Шенье».

Раннюю редакцию см.: *Кондратьев А.А.* Граф А.К. Толстой. Материалы для истории жизни и творчества. СПб., 1912. С. 36.

2. “Вот он, Низийский бог, смиритель диких стран...”

Перевод стихотворения “C’est le dieu de Nysa, c’est le vainqueur du Gange...”, впервые опубликованного в изд. 1839 г.

3. “Ко мне, молодой Хромид, смотри, как я прекрасна!”

Перевод 2 идиллии.

4. “Супруг блудливых коз, нечистый и кичливый...”

Перевод стихотворения “L’impur et fier époux que la chèvre désire...” (см. примеч. с. 562). Отзвук этого фрагмента есть и в стихотворении А.К. Толстого “Где светлый ключ, спускаясь вниз...”, (1856, цикл “Крымские очерки”).

5. “Багровый гаснет день; толпится за оградой...”

Перевод 10 фрагмента идиллий.

6. “Я вместо матери уже считаю стадо...”

Перевод стихотворения “A compter nos brebis je remplace matèrè”, впервые опубликованного в марте 1830 г. в “Revue de Paris”.

Н.И. Кроль

Николай Иванович Кроль (1823—1871) — поэт, переводчик. Воспитывался в Дворянском полку. В конце 1850-х годов оставил службу и посвятил себя литературным занятиям. В начале творческого пути придерживался принципов “чистой поэзии”, писал элегии, анакреонтические стихи. Затем (после путешествия по Италии и Франции) выступал в русле демократической поэзии 1860-х годов, печатал сатирические стихи в журналах “Русское слово”, “Искра”, “Дело”. Печатался также в “Пантеоне”, ОЗ.

В 1857 г. выпустил сборник “Эскизы”, эпиграфом к которому стали строки из элегии Шенье “O délices d’amour! et toi, molle paresse...”, опубликованной в декабре 1829 г. в “Revue de Paris” и элегии XXV (ст. 32—34):

O délices d’amour! et toi, molle paresse,
Vous aurez donc usé mon oisive jeunesse!

A. Chénier

Cependant jouissons; l’âge nous y convie.
Avant de la quitter, il faut user la vie:
Le moment d’être sage est voisin du tombeau.

A. Chénier

В сборнике “Эскизы” много стихотворений, написанных александрийским стихом, в духе антологической лирики Шенье. Есть также переводы из Парни, Сапфо, Феокрита (XXVII идиллия, послужившая источником идиллии Шенье “Oaristys”).

“Когда томит меня палец солнца зной...”

Вольный перевод 6 фрагмента идиллий.

Это и следующее стихотворение впервые: “Общезанимательный вестник”, 1857, № 2. С. 63, под общим заглавием “Подражание А. Шенье”. В сб. 1857 г. не вошли.

“Неумолимому в любви не верю гневу”

Перевод 9 фрагмента элегий.

Б.

Б. — возможно, кто-то из Боратынских, ставших родственниками дочери А.А. Дельвига баронессы Елизаветы Антоновны (1830—1913), после того, как ее мать после смерти Дельвига вышла замуж за С.А. Боратынского, брата поэта. Среди Боратынских, окружавших Е.И. Дельвиг и состоявших с ней в переписке, были Николай Евгеньевич Боратынский (1835—1898), младший сын поэта, писавший стихи, Лев Абрамович Боратынский (1806—1858), брат поэта, также писавший стихи, поэтесса и переводчица А.Д. Боратынская (1814—1889) (которая, впрочем, подписывалась инициалами А.Б.).

Неэра. Вольный перевод из А. Шенье

Вольный перевод 13 идиллии.

Впервые: РВ., 1857. Т. 7. С. 839—840.

А.Н. Апухтин

Алексей Николаевич Апухтин (1840 или 1841—1893) — поэт. Закончил училище правоведения. Стихи ориентированы на пушкинскую традицию, проникнуты элегической, меланхолической интонацией, включают целый ряд образцов “романсной” лирики. Поэт не любил публиковать свои произведения, и первый его сборник вышел в свет только в 1886 г. В эту предсимволистскую эпоху стихи Апухтина имели большой успех. Апухтину принадлежит несколько антологических стихотворений.

Молодая узница (Из А. Шенье)

Перевод одноименной оды.

Впервые: Стихотворения А.Н. Апухтина. СПб., 1886. С. 200 (в этот первый прижизненный сборник поэта вошло 85 произведений). Список (с разночтениями) датирован 13 декабря 1858 г. (см.: Апухтин А.Н. Стихотворения. Л. 1961. С. 328).

В элегической по существу оде Шенье Апухтин нашел созвучные своему творчеству мотивы смерти, темницы и оков, печали, преодолеваемой благодаря поэзии.

А.И. Сомов

Андрей Иванович Сомов (1830—1909) — искусствовед, музейный деятель, писатель. Отец художника К.А. Сомова. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Учился рисованию и живописи. Много путешествовал по Европе. С 1857 г. посвящает себя изучению истории искусства. В 1880-х годах — редактор журнала “Вестник изящных искусств”, с 1886 г. — старший хранитель Эрмитажа. Автор каталогов картинных галерей петербургской Академии художеств, Эрмитажа, статей о К. Брюллове, П. Федотове, женщинах-художницах.

Из А. Шенье (“Вечерняя звезда, Венера золотая!”)

Перевод элегии XIII.

Впервые: Шехерезада, 1858, № 24. С. 621—622.

Н. П. Кельш

Николай Петрович Кельш (1833 — после 1878) — поэт, переводчик. Учился на историко-филологическом факультете Харьковского университета. Жил в Москве, Воронеже, в 1870-е годы был директором Коломенского уездного училища. В 1850 — начале 1860-х годов печатался в журналах Москв., РВ, “Развлечение”, “Беседа”. Участник “Воронежского литературного сборника” (Воронеж, 1861). Переводил Горация.

Молодая узница

Перевод одноименной XI оды.

Впервые: Развлечение, 1860. Т. IV. № 26. С. 320.

И.А. Мамуна

Иван Андреевич Мамуна (?—1910) — литератор, врач. Жил в Москве. Печатался в “РВ”, “Русском слове”. Переводил Шекспира. В сборнике “Под знаменем науки” (М., 1902), изданном “учениками и почитателями” профессора Н.И. Стороженко, опубликован его перевод одного из сонетов Шекспира.

Из А. Шенье I. “Нет! гнев любовника не долго может длиться...”

Перевод 9 фрагмента элегий.

Это и следующие стихотворения впервые: Развлечение, 1860. Т. VI, № 19. С. 228, подпись: “Граф Иван А. Мамуна”.

II. “В полдневный зной несмелыми шагами...”

Перевод 6 фрагмента идиллий.

³дресва — крупный песок, гравий.

*Из А. Шенье**.. (“Один, заброшенный свирепыми волнами...”)*

Перевод 7 фрагмента элегий.

Впервые: Светоч, 1861, № 6. С. 44. Подпись: “Г.И. Мамуна”.

А.С. Суворин

Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912) — публицист, театральный критик, писатель, издатель. Окончил специальные классы Дворянского полка в Петербурге. Служил учителем в российских уездах. Дебютировал как переводчик поэтических произведений. В дальнейшем к поэзии почти не обращался. С 1860-х годов жил в Москве и Петербурге, перейдя на журналистскую работу (театральные рецензии, очерки). Был издателем и редактором газеты “Новое время”, журнала “Исторический вестник”. Издавал русских и иностранных писателей, справочники. Был автором рассказов, повестей, романа, воспоминаний о русских писателях.

Перевод из Шенье относится к литературным дебютам Суворина.

Лида (Из А. Шенье)

Перевод 8 идиллии, а также фрагмента “La nymphe l’aperçoit...” (см. примеч. с. 570).

Впервые: Московский вестник, 1860, № 28. С. 447.

Н.С. Курочкин

Николай Степанович Курочкин (1830—1884) — поэт, критик, журналист, переводчик, старший брат В.С. Курочкина. Окончил Медико-хирургическую академию. В 1858—1859 гг. побывал в Западной Европе, Сирии, Египте. В начале 1860 г. оставил медицину ради литературы. Был деятельным сотрудником “Искры”, сотрудничал в журналах “Век”, “Гудок”, “Время”, “Русский мир”, “Дело”. Редактировал журнал “Иллюстрация”.

Был привлечен к следствию по делу об убийстве Александра II, 4 месяца провел в Петропавловской крепости. С 1868 г. сотрудничал в ОЗ, печатался в журналах “Устой”, “Русское богатство”, “Слово”, “Наблюдатель”. Разносторонне образованный человек, Курочкин переводил Гюго, Бодлера, Джюсти, Альфьери, книги Прудона, Макиавелли. Лирика занимала небольшое место в творчестве Курочкина, автора в основном сатирических и повествовательно-нравоучительных стихотворений.

Обращение его к Шенье — еще одно свидетельство того, как в творчестве поэтов-демократов злободневность уживалась с антологическими экскурсами.

Греза (мысль Шенье)

Вольный перевод 10 фрагмента элегий.

Впервые: Время, 1861. Т. III. С. 500 перв. пагинации.

“Не мне понравиться хотят, я знаю: нет”

Перевод 11 идиллии.

Впервые: Иллюстрация. 1861, № 188. С. 206. Подпись: “И. Дубровин”. По свидетельству Н.С. Курочкина, он напечатал в “Иллюстрации” несколько стихотворений под этим псевдонимом (См.: Поэты “Искры”. Л., 1987. Т. 1. С. 346). Этим псевдонимом пользовался и В.С. Курочкин (см.: Там же. С. 346, 348). Однако вероятнее всего этот — не единственный — перевод из Шенье принадлежит Н.С. Курочкину.

П.М. Ковалевский

Павел Михайлович Ковалевский (1823—1907) — прозаик, художественный критик, поэт. Закончил Горный институт. Побывал в Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии и Италии. Одно время общался с С.Ф. Дуровым и А.И. Пальмом. Печатался в ОЗ, ВЕ, Совр., в 1864 г. опубликовал “Этюды путешественника” (очерки об Италии и Швейцарии). Пережив целый ряд утрат, затворился в деревенской глуши, где и умер. В стихах звучит проникновенная, с годами все более скорбная интонация, порой не лишенная гражданских нот. Переводил Барбье, Гюго, Шекспира.

Последняя песня Шенье

Перевод ямба IV.

Впервые: Совр., 1862. Т. XII. С. 562 втор. пагинации.

Б.Н. Алмазов

Борис Николаевич Алмазов (1827—1876) — поэт, переводчик, литературный критик, прозаик. Учился на юридическом факультете Московского университета. Был членом “молодой редакции” Москв. (А. Григорьев, Л. Мей), участвовал в альманахе “Утро”. В это время он выступал с критическими статьями (“О поэзии Пушкина”), воспринятыми как защита принципов “чистого искусства”. В 1860—1870-е годы много работал как поэт и переводчик, сотрудничал в журналах БдЧ, РВ, “Развлечение”, “Искра” и др. Публиковал в основном юмористические стихи, направленные против “нигилистов” и “западников”. Переводил Шиллера, Гете, Мюссе, французский средневековый эпос, испанских поэтов.

Помимо публикуемых подражаний Шенье Алмазову принадлежит пародия на стихотворение Шенье “Юная тарентинка” (элегия XX) с эпиграфом из него (первые три строки французского текста) под названием “Кончина откупа, или потерянный рай” (см.: Стихотворения Бориса Алмазова. М., 1874. С. 744). Подражания Шенье вошли в сборник 1874 г. в раздел “Стихотворения лирические и антологические”.

Признание (Подражание А. Шенье)

Развернутое подражание I фрагменту элегий.

Впервые: РВ, 1862. Т. 37. С. 702.

Печатается по: Стихотворения Бориса Алмазова. С. 5—6. Датировано 1862 г.

Элегия (Подражание А. Шенье)

Подражание элегии “O délices d’amour! et toi, molle paresse...”, опубликованной в декабре 1829 г. в “Revue de Paris”. Включает также мотивы элегий VI (“Vous restez, mes amis, dans ces murs où la Seine...”), XXVII (“Souffre un moment encor; tout n’est qu’un changement...”), I фрагмента элегий.

Впервые: РВ, 1862. Т. 37. С. 414. Печатается по: Стихотворения Бориса Алмазова. С. 7—8. Датировано 1862 г.

Примирение (Подражание А. Шенье)

Подражание элегиям XIX (“Mais ne m’a-t-elle pas juré d’être infidèle...”), XXVIII (“Non, je ne l’aime plus; un autre la possède”). Ст. 37—43 — подражание 7 фрагменту элегий.

Впервые: РВ, 1862. Т. 41. С. 372—374. Печатается по: Стихотворения Бориса Алмазова. С. 12—14. Датировано 9 июля 1862 г.

Перед барельефом (Подражание А. Шенье)

Подражание стихотворению “Etranger, ce taureau qu’au sein des mers profondes...” (наст. изд. раздел “Разные стихотворения”, “На изображение Юпитера и Европы”)

Впервые: РВ, 1862. Т. 40. С. 659—660. Печатается по: Стихотворения Бориса Алмазова. С. 12—14. Датировано 15 июня 1862 г.

Наяда (Подражание А. Шенье)

Подражание 6 фрагменту идиллий.

Впервые: Стихотворения Бориса Алмазова. С. 30. Датировано 11 мая 1862 г.

При сохранении основных образных деталей оригинала (“чуть слышною стопой”, “меж камней и кустов”, “извилистой тропой”, “прохладный грот (...) темный”, “с венком из тростника”, “на мягкой мураве”, “под говор вод”, “мирно спит”) стихотворение искусно развивает тему Шенье, при этом финальные шесть строк не имеют аналогии в стихах французского поэта.

Ребенок

Подражание 2 фрагменту идиллий.

Впервые: Стихотворения Бориса Алмазова. С. 31.

Ф.А. Орлов

Ф.А. Орлов — автор юмористических стихотворений, участник нескольких сатирических сборников 1860—1880-х годов. Другие сведения о нем отсутствуют.

Последнее стихотворение Андрея Шенье

Перевод ямба IV.

Впервые: Русское слово, 1864, май. Отд. 1. С. 160.

Написано 7 термидора... — Эти предваряющие стихотворения слова появились впервые в изд. 1826 г.

Я.А. Старостин

Яков Артемьевич Старостин (1846—1879) — поэт, переводчик. Стихи крестьянского юноши были одобрены И.С. Тургеневым, который посоветовал ему получить образование. Старостин окончил Петербургский университет и был направлен судебным следователем в Уфимскую губернию. Знал несколько иностранных языков, переводил “Фауста” Гете. Печатался в журналах “Дело”, “Семья и школа”, ВЕ. Был даровитым поэтом, о чем свидетельствует и его перевод из Шенье. Умер в Уфе от туберкулеза.

Молодая узница (Из Шенье)

Перевод одноименной XI оды.

Впервые: Дело, 1874, сентябрь. № 9. С. 192—193.

П.В. Га-н

Переводчик не установлен.

Из Андре Шенье. Счастливое дитя

Подражание 2 фрагменту идиллий.

Впервые: Живописное обозрение, 1878, № 39. С. 249.

П.А. Кусков

Платон Александрович Кусков (1834—1909) — поэт, прозаик, публицист. По окончании Коммерческого училища служил в Одессе и Петербурге. Печатался в Совр., СО, “Русском слове”, “Времени”, “Светоче”. В поэзии был последователем Фета. Одно время занимался почти исключительно переводами (Шекспир, Гейне). В оригинальном творчестве второго периода (1880-е годы) чувствуется влияние К. Случевского.

*Смерть Алкида
(Из Шенье)*

Перевод 1 фрагмента идиллий.

Впервые: Стихотворения П.А. Кускова. СПб., 1886 (Издание не для продажи). С. 12—13 под заглавием «Из Шенье». Датировано 1879 г. В приложении к этому изданию, включающему переводы, даны оригиналы произведений иностранных авторов, в том числе, этой идиллии Шенье. Печатается по: Наша жизнь. Стихотворения П.А. Кускова. СПб., 1889. С. 140.

П.Ф. Якубович

Петр Филиппович Якубович (1860—1911) — поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Окончил филологический факультет Петербургского университета. Печатался в журналах “Дело”, “Слово”, “Устои”, ОЗ, в “Русском богатстве” (стал одним из руководителей журнала). За революционную деятельность был в 1884 г. арестован и через три года приговорен к смертной казни, замененной каторгой, на которой провел более 10 лет. Поэзия Якубовича продолжает традиции русской гражданской лирики (Лермонтова, Некрасова), исполнена романтического пафоса. Среди переводных сочинений основное место занимают переводы из Ш. Бодлера.

Молодая узница (Из Андрея Шенье)

Перевод одноименной оды.

Впервые: Дело, 1880, март. С. 212. Подпись: П.Я. В сб. П.Ф. Якубовича “Стихотворения” (СПб., 1898) не вошло. Примечание пестрит неточностями: имя, даты неверны.

Выполненный в молодости, этот перевод Якубовича предвосхищает его “тюремную” лирику и словно выражает предчувствие будущей судьбы.

Е.Р.

Переводчик не установлен.

Подражание Шенье

Подражание ст. 1—28 элегии XXIII.

Впервые: Живописное обозрение, 1881, № 3. С. 258.

К.

Переводчик не установлен.

Из А. Шенье

Перевод 7 фрагмента элегий. Французская помета в подзаголовке восходит к сборнику 1819 г., но дата искажена еще больше, чем у Латуша (возможно, это опечатка).

Впервые: Будильник, 1881, № 5. С. 71.

К.М. Фофанов

Константин Михайлович Фофанов (1862—1911) — поэт. Систематического образования не получил. В начале литературного пути был поддержан П.И. Вейнбергом и А.С. Сувориным. Печатался во многих журналах (“Живописное обозрение”, “Всемирная иллюстрация”, “Северный вестник”, “Русское богатство” и др.). К.М. Фофанов, оставивший огромное поэтическое наследие, сочетал в своем творчестве склонность к избитым поэтическим образам с предвосхищением некоторых открытий русского модернизма, явившись предтечей символистов и эгофутуристов. Переводил Ламартина, Гюго, Беранже, Верлена, А. Сюлли Прюдома, Гете, Гейне, Шиллера.

*Последнее стихотворение.
На мотив Андре Шенье.*

Подражание ямбу IV.

Печатается по автографу РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 68. Датировано автором: «1883 г. 20 марта». Стихотворение — характерный образец поэтики Фофанова, сталкивающей образы, взятые напрокат, типа “пурпурного заката” и неожиданные, такие, как “стих и пестрый, и воздушный”.

На мотив А. Шенье. Моим друзьям

Сокращенный вольный перевод первых 40 строк элегии VII (“*Aujourd’hui qu’au tombeau je suis prêt à descendre...*”).

Впервые: Новое время, 1889, № 4868. Печатается по: *Фофанов К.М.* Песни и тайны. СПб., 1892. С. 98—99. Сохранились черновик и законченный, но со множеством исправлений вариант (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 417). На черновике дата: “2 июля 1883”. См. также вторую статью. Эта элегия Шенье отчасти отразилась и в стихотворении Фофанова “Когда покинешь ты безмолвный мир теней...” (*Фофанов К.М.* Собр. стих.: В 5 частях. СПб., 1896. Ч. 3. С. 58).

В.А. Злобин

Василий Александрович Злобин — поэт, переводчик. Его стихи и переводы публиковались в сборнике “Повести и рассказы” (М., 1893), журналах “Будильник”, “Развлечение” (1880—1890-е годы).

Последние стихи А. Шенье

Перевод ямба IV.

Впервые: Мирской толк, 1884, № 15. С. 28.

М.Н. Соймонов

Михаил Николаевич Соймонов (1851—1888) — поэт. Окончил Казанский университет. С 1879 г. жил в Петербурге, незадолго до смерти вернулся в Казань. Печатался в журналах “Русское богатство”, “Московский телеграф”, “Дело”, “Наблюдатель”, “Всемирная иллюстрация”, “Живописное обозрение”. В поэзии Соймонова доминируют мотивы смерти, тоски, болезни, которые обретают характер, как правило, неумело выраженного, гипертрофированного надрыва. Больше удавались ему редкие антологические стихотворения (в частности, написанные александрийским стихом). Соймонов писал также юмористические стихи. Переводил Гюго, Гейне, Мюссе.

Чаша (Из Андре Шенье)

Самостоятельное стихотворение в духе “мрачно-яростной” поэтики Соймонова. К Шенье, видимо, имеют отношение образ чаши жизни (из элегии XXXVI) и мотив ранней стоической гибели от руки “палача”.

Впервые: *Соймонов М.Н.* Недопетые песни. СПб., 1891. С. 244.

И.П. Можайский

Иван Павлович Можайский (1830—1893) — педагог, поэт, прозаик. Окончил Петербургский университет, был инспектором народных училищ в Новгородской губернии. Печатал юмористические стихи в “Искре”, “Осколках”, лирические — в “Наблюдателе”. Автор “Курса географии Новгородской губернии” (1872) и ряда исторических статей.

Дитя. Из Шенье

Перевод 2 фрагмента идиллий.

Впервые: Звезда, 1886, № 24. С. 567.

Из Андрэ Шенье. Элегия VII

Перевод указанной элегии.

Впервые: Наблюдатель, 1890, № 2. С. 48—49.

И.П. Горн

Автор не установлен.

Ночь перед казнью.

Сцена из времен французского террора <фрагмент>

Публикуется фрагмент монолога Шенье в тюрьме перед казнью, представляющий собой вольный перевод ямба IV.

Впервые: Пантеон литературы, 1891, Сентябрь. С. 10.

П.Д. Бутурлин

Петр Дмитриевич Бутурлин (1859—1895) — поэт. Детство провел в Италии и Англии, первые его стихи написаны по-английски. Образование получил в английском колледже, затем в Киевской гимназии. В Петербурге поступил на службу в министерство иностранных дел, и около 10 лет вновь жил за границей (Италия, Франция) в составе русского посольства. Последние три года жизни провел в своем поместье под Киевом.

Бутурлин считался мастером сонета (см. его сонет, посвященный А. Шенье, наст. изд.). В его поэзии ощутимо влияние Тютчева, Баратынского, Лермонтова. Тема свободы и красоты — одна из основных в его творчестве, в целом отмеченном эклектизмом и разбросанностью поэтических интересов.

Влияние Шенье очевидно также в стихотворении Бутурлина “Илас”, последние две строки которого являются переложением финальных строк 12 идиллии “Гилас”: «Иль эхо меж дерев в слабеющем ответе // Протяжно повторит напрасный зов: “Илас!”» (Стихотворения графа П.Д. Бутурлина. Киев, 1897. С. 112).

Подражание А. Chénier

Подражание 3 фрагменту идиллий.

Впервые: Стихотворения графа П.Д. Бутурлина. С. 226.

А.М. Федоров

Александр Митрофанович Федоров (1868—1949) — поэт, переводчик, прозаик, драматург. Учился в Саратовском реальном училище. Стихами юноши, сына бывшего крепостного, оставшегося сиротой, заинтересовался А.Н. Майков. С середины 1880-х годов Федоров жил в Москве, затем в Уфе, Одессе. Печатался в “Русском богатстве”, “Русской мысли”. Дружил с И.А. Бунинным. Как поэт испытал влияние Майкова, Надсона, Фофанова: в его творчестве мотивы “чистого искусства” соседствовали с гражданскими темами. Переводил Лонгфелло, Бернса, Мюссе, Ф. Коппе. Стихи были написаны в основном в 1890 — начале 1900-х годов.

Амур

Перевод 4 фрагмента идиллий.

Эта и два следующих стихотворения впервые: Вестник иностранной литературы, 1897, № 11. С. 102 под общим заголовком “Из Андрэ Шенье”. Вошли в сборник: Федоров А.М. Стихотворения. СПб., 1898. С. 209—211.

“Я был малюткою, она была прекрасна”

Перевод 2 фрагмента идиллий.

“Я сплю, но сердце все не спит: оно с тобою”

Перевод стихотворения “Je dors, mais mon cœur veille; il est toujours à toi” и отнесенных к нему фрагментов, впервые опубликованных в изд. 1874 г. Федоров, следуя тексту Шенье, создал из его набросков целостное стихотворение.

Пчела

Вольный перевод элегии первой. Обращение к другу заменено обращением к пчеле — устойчивый образ элегий Шенье.

Впервые: *Федоров А.М.* Стихотворения. С. 212—213.

В.Ф. Саводник

Владимир Федорович Саводник (1874—1940) — историк литературы, поэт. Окончил филологический факультет Московского университета. Был учителем словесности. В 1890-х годах начал печатать стихи в символистском духе и рецензии. Ему принадлежат критические статьи о русской поэзии (Баратынском, Тютчеве, Ап. Григорьеве, Вл.С. Соловьеве), учебные пособия по русской словесности. Был представителем культурно-исторической школы в литературоведении. После Октябрьской революции участвовал в издании Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, “Дневников А.С. Пушкина”.

На мотив из А. Шенье

Подражание 6 фрагменту идиллий.

Впервые: РВ, 1898. Т. 255. С. 98.

Вошло в сборник В. Саводника “Стихотворения. 1891—1898 гг.” (М., 1898). С. 118.

В.С. Лихачев

Владимир Сергеевич Лихачев (1849—1910) — поэт, драматург, переводчик. Учился в Петербургском университете и на юридическом факультете Харьковского университета. Был плодовитым литератором, много печатался (в ОЗ, ВЕ, “Заграничном вестнике”, “Стрекозе” и др. изданиях). Переводил Беранже, Бодлера, Гюго, Мольера, Корнеля, Т. Мура и мн. др. Стихотворный перевод занимал основное место в творчестве Лихачева 1890 — начала 1900-х годов. Он получил известность лучшего переводчика иностранных поэтов. Как оригинальный поэт продолжал демократические и сатирические традиции русской поэзии.

Из А. Шенье. Юная пленница

Перевод одноименной XI оды.

Впервые: Вестник иностранной литературы, 1899, № 5. С. 116. В сборники сочинений В.С. Лихачева не входило.

Л.Н. Афанасьев

Леонид Николаевич Афанасьев (1864—1920) — поэт. Окончил училище при одной из лютеранских церквей в Петербурге. Был близок к К.М. Фофанову и его семье. Поэзия Афанасьева в целом подражательна, опирается на классические образцы, продолжает традиции романской лирики. Ряд его стихотворений был переложен на музыку. Афанасьев печатался во множестве журналов эпохи, автор нескольких сборников стихов.

Из А. Шенье

Перевод 10 фрагмента элегий. Эпиграф — первая полустрока этого стихотворения.
Впервые: *Афанасьев Л.* Стихотворения. СПб., 1901. С. 339.

С.М. Соловьев

Сергей Михайлович Соловьев (1885—1942) — поэт, переводчик. Сын младшего брата философа Вл. Соловьева. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, одновременно слушал лекции в Духовной академии. Занимался литературной и преподавательской деятельностью. Выпустил несколько книг стихотворений. Печатался в “Весах”, “Золотом руне”, “Аполлоне”, “Русской мысли”. Издавал сочинения своего знаменитого дяди. Незадолго до революции стал священником. После революции продолжал преподавать, в частности, вел семинар по стихосложению и читал курс латинского языка в Высшем литературно-художественном институте, основанном В. Брюсовым. Переводил Вергилия, Эсхила, Сенеку, Гете, Эреда. В начале 1920-х годов перешел в католичество, стал вице-экзархом католиков греко-славянского обряда. Осенью 1928 г. был отстранен от преподавания, в 1931 г. — арестован и приговорен к высылке. Умер в эвакуации в психиатрической клинике.

Как поэт Соловьев выступал в русле “младосимволизма”, испытал также определенное влияние акмеизма.

Сборник “Апрель” (1910) включает несколько стихотворений в жанре антологической лирики (“Элегия”: “Тебе, о нежная не до моей цевницы...”). Стихотворение “Стансы” (цикл “Стрелы Купидона”), предшествующее “Подражанию Шенье”, развивает мотив элегии V и перевода Пушкина (“Ты вынешь и молчишь...”):

Ты так печальна! Утомлень—
В твоих чертах. О, что с тобой,
Краса родимого селенья,
Певунья с тихою душой?
...
Твое лицо преступно рдеет,
Ты гаснешь, ты без сил при нем...
Всецело юноша владеет
Твоим и чувством, и умом.
Страданья одинокой девы
Давно я знаю наизусть.
Я узнавал твои напевы:
Такая в них звучала грусть! (с. 96)

В рецензии на сборник Соловьева “Апрель” Брюсов отметил: “...иногда и стих Андре Шенье вновь оживает в книге С. Соловьева” (*Брюсов В.* Собр. соч.: в 7 т. М., 1975. Т. 7. С. 317).

В предисловии к сборнику “Цветник царевны” (1913) Соловьев указал на частичное и, как ему казалось, отошедшее в прошлое влияние Шенье: “...предлагаемая теперь книга далеко не во всех отделах близка мне сейчас, многие страницы читаю я как чужие. Таковы для меня отделы, где слишком чувствуется одностороннее влияние Гете, Батюшкова и Шенье...” (*Соловьев С.* Цветник царевны. Третья книга стихов (1909—1912). М., 1913. С. X—XI). Антологический дух Шенье ошутим в этой книге в разделе под названием “Розы Афродиты”: в частности, стихотворение “Дафнис и Хлоя” сюжетно близко к идиллии “Oaristys” (восходящей, впрочем, к Феокриту). См. также вторую статью.

К Фанни. Элегия Андрэ Шенье.

(“О Фанни, как блажен избранник тот счастливый...”)

Перевод оды VII (“Fanny, l’heureux mortel qui près de toi respire...”). Этот и следующие переводы печатаются впервые по автографу РГАЛИ. Ф. 475. Оп. 1. Ед.хр. 1 — тетрадь озаглавлена (неизвестным): «Неизданные юношеские стихи Сергея Михайловича Соловьева».

Датировано: «1902 май».

(Из Шенье).

“Я видел, что к очам, любовь горящим...”

Перевод оды IV (“J’ai vu sur d’autres yeux, qu’amour faisait sourire...”)

Датировано: «1902 8 июня Дедово».

На смерть ребенка (Из Шенье)

Перевод одноименного 3 фрагмента элегий (“Sur la mort d’un enfant”).

Датировано: “902 июнь. Гажаль”.

¹² *От жизненных забот...* — Неточный перевод слов “nos soins officieux” — “наши усердные заботы”: “Tes regards, ton murmure ... N’inquièteront plus nos soins officieux” (т.е. “твои взгляды, твой лепет... не побудят нас больше к усердным заботам”).

К Фанни (Из Шенье)

(“Нет, вздох влюбленного, исполненный томленья...”)

Перевод оды VI (“Non, de tous les amants les regards, les soupirs...”)

Датировано: “902 июнь. Гажаль.”

Подражание Шенье

Самостоятельное стихотворение, подражающее антологическим мотивам и акцентирующее формальные особенности лирики Шенье.

Впервые: *Весы*, 1908, № 8. С. 8—9.

Печатается по: *Соловьев С.М.* Апрель. М., 1910. С. 97.

Е.М. Милич

Елена Михайловна Милич (? — после 1937) — прозаик, поэт. Сборники ее рассказов и стихов выходили в основном за границей (в Германии и Швейцарии), где она долгое время жила и умерла.

Поэзия Милич в целом построена на расхожих символистских образах, призванных создать “мир грез и красоты” (сб. *Осенние вечера*. Берлин, 1906), “оторвать душу от серой, будничной прозы” (сб. *Легенды, сказания и вымыслы*. СПб., 1911). Сотрудничала в ВЕ. Переводила Ж. Леметра, Ж. Ришпена, Гюго, с польского и немецкого языков.

Свобода (Гимн III)

Перевод стихотворения “...La liberté // Fut comme Hercule en naissant invincible...”, впервые опубликованного в изд. 1833 в разделе “Гимны” (под номером III).

Впервые: *Милич Е.* *Осенние вечера*. Берлин, 1906. С. 39. Это стихотворение открывает подборку переводов Милич, озаглавленную “Из Шенье (André Chénier)”, и перекликается с ее стихотворением из этого же сборника “Свобода-царица”: оба навеяны, как очевидно, впечатлениями от первой русской революции.

Неэра (Идиллия XII)

Перевод 13 идиллии. Нумерация Милич следует одному из сборников Шенье, опирающихся на изд. 1833 г.

Впервые: Там же. С. 43—44.

А.А. Кондратьев

Александр Алексеевич Кондратьев (1876—1967) — поэт, прозаик. В Царскосельской гимназии был учеником Ин. Анненского. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Печатался в журналах “Живописное обозрение”, “Золотое Руно”, “Весы”, “Русская мысль” и др.

Сборник стихов “Черная Венера” (1909) посвящен “памяти Аполлона Майкова и Николая Щербины”. Многочисленные стихотворения А. Кондратьева на мифологические сюжеты отличаются модернистской трактовкой античности (своеобразным эстетским “надрывом” отмечено и его подражание Шенье).

Нимфа, преследующая отрока

Подражание 8 идиллии (“Лидэ”) и фрагменту “La nymphe l’aperçoit...” (см. примеч. с. 570.)
Впервые: *Кондратьев Ал.* Стихи. Книга вторая (Черная Венера). СПб., 1909. С. 8.

В.Я. Брюсов

Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924) — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Был пропагандистом и одним из лидеров символизма в русской поэзии. В стихах Брюсова сочетаются рационализм и проповедь индивидуализма, интерес к мифологии и урбанистическая тематика, жажда воплотить образы мировых культур и предельная злободневность. Под стать тематической “всеохватности” формальная пестрота стихов Брюсова, который словно поставил себе целью не оставить без внимания ни одного поэтического приема. Брюсов много переводил западноевропейских, античных, армянских поэтов.

В 1909 г. вышла книга переводов Брюсова “Французские лирики XIX века”, включившая его очерк о Шенье и перевод стихотворения “Юная Тарентинка”. Этот же очерк, а также добавленный перевод начала поэмы “Слепец”, вошли в том сочинений Брюсова в 1913 г. В очерке Брюсов повторил романтическую трактовку творчества Шенье, отнеся его поэзию к XIX в. Это как будто вызвало возражение Н.С. Гумилева в его рецензии на книгу “Французские лирики”: “Как критик и историк литературы Валерий Брюсов (...) сразу подчиняет себе свою тему и гипнотизирует читателя, доказывая, до чего она проста. Вот романтизм, ведущий свое начало от Андре Шенье, от него выход через Теофиля Готье к парнасцам (...). Правильно ли, однако, такое хронологическое деление на школы?” (*Гумилев Н.* В огненном столпе. М., 1991. С. 335—336). В духе собственных вкусов Брюсов отметил “латинский” (а не “греческий”) гений Шенье. Приводим основные положения очерка. Прочитывая суждение Пушкина (“Французские критики имеют свое понятие об романтизме...” — см. вторую статью), Брюсов продолжает: «“Он из классиков классик”, — писал Пушкин о Андрэ Шенье в другом месте. Пушкин был прав и не прав. Андрэ Шенье — действительно, “напитан древностью”. Благодаря обширным познаниям в античной, особенно латинской, литературе, благодаря внимательному изучению жизни древнего Рима и Эллады, А. Шенье действительно усвоил своей поэзии лучшие стороны своих классических образцов. По пластичности образов, по обдуманности и меткости эпитетов, по строгости формы, — стихотворения А. Шенье приближаются к совершенным созданиям гения. (...) Но произведения А. Шенье сделались общим достоянием лишь в 1819 г., в эпоху, когда возникало во Франции романтическое движение. В А. Шенье молодое поколение усмотрело и оценило именно то, что было ему особенно дорого и близко: возрождение истинного лиризма. Романтики, первые борцы за индивидуализм в поэзии, услышали веяние истинного чувства в стихах А. Шенье и приветствовали в нем первого лирика после эпохи условных и жеманных поэтов XVIII века» (*Брюсов В.* Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 21. С. 237).

В статье “Стихотворная техника Пушкина” Брюсов отметил, в частности, пушкинские “элегии, по строгости формы приближающиеся к античной поэзии (...) В этом, — писал Брюсов, — должно видеть влияние стиха Андре Шенье, которым Пушкин в те годы увлекался” (*Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 7. С. 67).

См. также вторую статью.

Юная тарентинка

Перевод элегии XX.

Впервые: Французские лирики XIX века. СПб., 1909. С. 3—4.

³ *Она жила, Мирто!* — Неверный перевод выражения — “elle a vécu, Myrto” — эвфемизм, означающий: “она умерла” и восходящий к античности.

¹⁷ *Тефия* (Тефида) — супруга Океана, мать речных божеств и океанид.

Из Андре Шенье (Александрийский стих)

Перевод стихотворения “Voilà ce que chantait aux naiades prochaines...”, впервые опубликованного в изд. 1833 г.

Впервые: Французские лирики XVIII века. Сборник переводов, составленный И.М. Брюсовым под редакцией и с предисловием Валерия Брюсова. М., 1914. С. 184. Первые две строки имеют в этом издании следующий вид: “Внимали, как поешь, безмолвные наяды, // О муза юная...” Печатается по: Брюсов В. Опыты. Стихи 1912—1918 г. М., 1918. С. 130 (раздел “Опыты по строфике”). Датируется 1912 г.

Гомер (отрывок)

Перевод начала 3 идиллии “Слепец”.

Впервые: Брюсов В. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 3—4. Затем: Французские лирики XVIII века. С. 177—179.

² *Сминфей* — культовое прозвище Аполлона: “истребитель полевых мышей”.

⁹ *Молосс* — охотничья сторожевая собака у древних греков (от названия народа, населявшего Фракию).

¹⁴ ... *бесформенная лира* — буквальный перевод слов “lyre informe” — грубая, (простая) лира.

С.А. Андреевский

Сергей Аркадьевич Андреевский (1847—1918) — поэт, литературный критик, юрист. Окончил юридический факультет Харьковского университета. В литературе поначалу выступал как переводчик (Ж. Ришпена, Гюго, Мюссе, Бодлера, Сюлли Прюдома и др.). Печатался в “Новом времени”, “Русской мысли”, ВЕ. В оригинальных стихах был продолжателем элегической традиции, певцом “тихой тоски”, “безропотной и нежной скорби”.

Из А. Шенье (Предсмертные стихотворения в тюрьме St-Lazare)

Эти три перевода С. Андреевского, выполненные, как указывает заключающая их помета, в 1877 г., относятся к его литературным дебютам (по собственному признанию, он не писал стихов до тридцати лет). Они были впервые опубликованы в газете “Биржевые ведомости” от 15 октября 1915 г. (№ 15149. С. 2). Дата их публикации представляется более важной и интересной (и потому более предпочтительной), чем дата их написания, так как они были напечатаны в разгар первой мировой войны, в окружении военных сводок — катастрофическая тональность стихотворений Шенье оказалась созвучной трагическому времени. Примечательно, что Андреевский, делая свой перевод в 1877 г., а публикуя и того позднее, все еще следует тому варианту представления ямбов, который предложил Латуш.

“Когда притянутый на бойню для закланья...”

Перевод ямба II (“Quand au mouton bêlant la sombre boucherie...”).

“Что будущее даст? Где честь и прямота?”

Перевод ямба III (“Que promet l’avenir? Quelle franchise auguste...”).

Последнее стихотворение

Перевод ямба IV.

Д.И. Глушков

Дмитрий Иванович Глушков (псевд. Д. Олерон; 1884—1918) — поэт, переводчик. Родился во Франции в семье эмигранта-народовольца. Учился в Харьковском университете. В 1910 г. за революционную деятельность был приговорен к четырем годам каторги и пожизненной ссылке в Сибирь. Умер в Иркутске. Стихи отличаются четкостью, чеканностью образов, мужественной интонацией, формальным разнообразием. Глубокий интерес к античности выразился не только в сонетах Д. Глушкова, но и в его переводах из Лукреция, Тибулла, Овидия. Впервые полностью перевел “Трофеи” Ж.-М. Эредиа.

(А. Шенье)

Перевод 1 фрагмента элегий. В ст. 9 исправлена очевидная описка.

Текст любезно предоставлен В.П. Трушкиным.

Печатается по: Тутурский сборник (рукописный журнал, выходивший стараниями Д. Глушкова в месте его ссылки — с. Тутура Иркутской губернии). 1915. С. 174. Подпись: “Д.Г.” (Научная библиотека Иркутского госуниверситета, фонд редких хранений).

А.И. Ромм

Александр Ильич Ромм (1898—1943) — поэт, переводчик. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В ранних стихах много от М.А. Кузмина. Переводил множества европейских языков, а также с восточных и с языков народов России, в основном поэтов — Л. Арагона, Бодлера, Н. Буало, Жана Мореаса, И. Бехера, Гете, Катулла, Овидия и мн. др. Переводы стихотворений Шенье относятся к его юношеским опытам, когда Ромм еще нигде не печатался. В 1927 г. вышел его сборник стихов “Ночной смотр”, отмеченный в целом тяготением к классической традиции. Ромм был также автором статей о Пушкине и о советских поэтах. Во время Отечественной войны находился на Черноморском флоте. В октябре 1943 г. покончил с собой.

Из А. Шенье (Элегия XXVII)

Перевод ст. 1—31 элегии “Et c’est Glycère, amis, chez qui la table est prête?” (наст. изд. элегия XXIX). Нумерация дана переводчиком по изданию, о котором см. ниже, примеч. к стихотворению “Младшая сестра”.

Печатается впервые по автографу РГАЛИ. Ф. 1495. Оп. 1. Ед.хр. 1. Датировано: «15.3.1917 — 26.VI.1920».

Пастушка. Из Андрея Шенье

Самостоятельное стихотворение, последние четыре строки — подражание 6 фрагменту идиллий.

Печатается впервые по указанному выше автографу. На автографе помета: “(молодой Пушкин)” — указывающая на влияние антологической лирики Пушкина. Датировано: “27 мая 1918 г.”

Младшая сестра

Перевод 11 идиллии (по наст. изд.). Печатается впервые по указанному выше автографу, на котором помета: “A. Chénier. Buc. X (1, 71)” — нумерация стихотворения (буколики), тома и страницы отсылают к изданию: Œuvres poétiques de André Chénier. P. 1889. T. 1—2, которое следует изд. 1874 г.

Датировано: “27.IV — 4.V.24. Алушта”.

М.А. Зенкевич

Михаил Александрович Зенкевич (1891—1973) — поэт, переводчик. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Входил в Цех поэтов (которым руководил Н.С. Гумилев) и в группу акмеистов. Выступал как поэт и позднее, но в советское время в основном посвятил себя поэтическому переводу (Гюго, Шекспир, У. Уитмен).

По сообщению Р.Д. Тименчика, основывающемуся на письме М.А. Зенкевича к М.Л. Лозинскому, поэт в 1922 г. перевел “десять из последних стихов А. Шенье, посвятив перевод памяти Гумилева” (Русские писатели. М., 1992. Т. 2. С. 338). Именно десять переводов (из которых один в современных изданиях не относится к последним произведениям Шенье, см. наст. изд. “Переводы ... не вошедшие...”) были опубликованы в книге “Песни Первой французской революции”.

“Убийца прячется под фонарем в тумане...”

Перевод оды “Un vulgaire assassin va chercher les ténèbres...”, впервые опубликованной в изд. 1839 (первые пять строф) и изд. 1874 г. (конец). Ода Шенье написана в связи с празднованием 14 июля 1793 г. годовщины взятия Бастилии.

Перевод впервые: Песни Первой французской революции. М., 1934. С. 615—616.

¹¹⁻¹⁵ *О, королевские гвардейцы ... кумиров бронзовых ... ряд.* — Три королевских гвардейца были убиты толпой (состоявшей из множества женщин), когда она ворвалась в Версальский дворец в ночь с 5 на 6 октября 1789 г. Их головы были насажены на пики. В результате этого похода на Версаль король и его семья были перевезены в Париж. Об этих событиях напоминало убранство улиц во время праздника, которое описывает Шенье.

²⁵ *Давид* — см. примеч. 13 к предисловию Латуша.

²⁶ *Барка* — турецкое название северной Африки.

³⁶⁻³⁹ *Но бросьте гениям ... куренья ... Падет на ваши преступления.* — Осенью 1792 г. постановлением Конвента семнадцати выдающимся иностранным деятелям (в том числе Шиллеру, Ф.Г. Клопштоку) было присвоено почетное звание французского гражданина. Во время процесса над Людовиком XVI Шиллер направил в Конвент письмо в защиту короля.

П.Н. Якоби

Петр Николаевич Якоби (псевдоним: Петр Зудатешин; 1876 — после 1937) — юрист, литератор. Автор стихов, юмористических сборников. После Октябрьской революции жил в Риге.

Шенье переводил в юности (много переводов вошло в его ранние сборники стихотворений конца XIX — начала XX в.), и, возможно, позднее: отсутствующие в ранних сборниках переводы некоторых ямбов включены в брошюру П.Н. Якоби 1937 г., в которой автор опубликовал статьи о Пушкине и план доклада, прочитанный в Русском юридическом обществе в Латвии и Обществе русских студентов Латвийского университета (“Пушкин, Шенье и революция”).

“Чуть блеющей овце кровавая трупарня...”

Перевод ямба II.

Печатается по: Якоби П.Н. Пушкин о русских поэтах в переписке с друзьями. Пушкин о Байроне и Шекспире. Пушкин, Шенье и революция. Рига, 1937. С. 44.

СТИХОТВОРЕНИЯ РУССКИХ ПОЭТОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ АНДРЕ ШЕНЬЕ

А.С. Пушкин.

Андрей Шенье

Первые: Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826. С. 29 и 190 (примечания) в отделе “Элегии”, без ст. 21—64 и 150, запрещенных цензурой. Полностью: Стихотворения А.С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861.

Написано в 1825 г. В письме к Вяземскому от 13 июля 1825 г. Пушкин спрашивает: «Читал ли ты моего “А. Шенье в темнице”?» (*Пушкин*. Т. XIII. С. 188). В 1826 г. начали распространяться списки исключенного цензурой фрагмента с надписью “На 14 декабря”; Пушкину пришлось давать показания по возникшему политическому делу (См.: РП. С. 745).

Об откликах Вяземского, Козлова и Кюхельбекера см. вторую статью и примеч. с. 553—554. Дм. Веневитинов в послании “К Пушкину” (сент.—окт. 1826 г.) отозвался на стихотворение “Андрей Шенье” строками:

Ты, тише, слаще воспевал
У Муз похищенного Галла.
Волнуясь песнею твоей,
В груди восторженной моей
Душа рвалась и трепетала.

(*Веневитинов Д.В.* Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 56). О Пушкине и Шенье см. также вторую статью и примеч., указанные на с. 549.

Посвящено Н.Н. Раевскому — Николай Николаевич Раевский (1801—1843) — друг Пушкина, участник Отечественной войны и заграничного похода русских войск. Вместе с семьей Раевских поэт побывал в конце мая — начале сентября 1820 г. в Екатеринославе, на Кавказских минеральных водах и в Крыму (см. вторую статью). Пушкин виделся с Раевским и в Одессе (январь—февраль 1824 г.). Ему посвящен также “Кавказский пленник”. Поэт высоко ценил Раевского и прислушивался к его литературным советам.

Эпиграф — ст. 43—44 оды Шенье “Молодая узница” (см. также вторую статью).

¹ *Меж тем как изумленный мир...* — Байрон умер в 1824 г., и на его смерть было написано множество стихотворений. Пушкин обращается к “другой тени” — к тени поэта, умершего безвестным и неоплаканным.

¹¹ *Звучит незнаемая лира...* — Проекция на свою жизнь судьбы Шенье. См. замечание Ахматовой: “...мог Пушкин в 1825 году сказать о себе «незнаемая лира»? Психологически? Нет” (Ахматова. С. 192, 210).

¹³⁻¹⁴ *Подъялась вновь ... секира // И жертву новую зовет.* — Ср. у Шенье в ямбах “On vit. On vit infâme. Et bien il fallut l’être” (наст. изд. Дополнения, “В бесчестии живешь. Ну, что ж, так, значит надо.”): “Quelle sera la proie que la hache appelle aujourd’hui?” (буквально: “Кто будет жертвой, которую сегодня зовет топор?”). Эти ямбы при жизни Пушкина не были опубликованы.

²⁵⁻²⁶ ... *Я славил твой священный гром, // Когда он разметал позорную твердыню...* — “Взятие Бастилии, воспетое Андреем Шенье” (автокомментарий Пушкина в показаниях по делу об “Андрее Шенье”. — РП).

³⁰⁻³² ... *Я слышал братский их обет, // Великодушную присягу // И самовластную бестрепетный ответ.* — “Присяга “Jeu de paume” и ответ Мирабо: Allez dire à votre maître...” (РП). Речь идет о клятве в Зале для игры в мяч (см. наст. изд. и примеч. с. 527) и ответе Мирабо посланцу короля, явившемуся с требованием разойтись: “Идите, сударь, и скажите тем, кто вас послал, что мы

- находимся здесь по воле народа и ничто, кроме силы штыков, не изгонит нас отсюда!” (Цит. по: Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991. С. 110).
- 35 ... *И пламенный трибун...* — “Он же, Мирабо” (РП).
- 38–39 ... *Уже в бессмертный Пантеон // Святых изгнанников входили славны тени.* — “Перенесение тел Вольтера и Руссо в Пантеон” (РП). Прах Руссо был перенесен после смерти Шенье 11 октября 1794 г. Шенье упоминает о перенесении праха Вольтера и о “тени” Мирабо в стихотворении “Гимн на торжественное вступление швейцарцев полка Шатовье” (наст. изд. ямб I). См.: ФЭ. С. 671; Слонимский А.Л. О каком “возвышенном галле” говорится в оде Пушкина “Вольность”? // ПИМ. М.; Л., 1964. Т. IV. С. 332—333.
- 48 *Мы свергнули царей.* — “В 1793” (РП).
- 48–49 *Убийцу с палачами // Избрали мы в цари.* — “Робеспьера и конвент” (РП). В ямбах “Последний блеск луча...” Шенье говорит о власти “лжеца и человекоубийцы” (“du menteur homicide” — эти строки в издании Латуша опущены — см. Дополнения) и “палачей, марающих законы” (“ces bougeaux barbouilleurs de lois” — см. наст. изд. ямб III).
- 58–61 ... *Народ, вкушивший раз... // Он бродит жаждою томим...* — Этот образ сопоставляется В.Э. Вацуру с образом народа из оды Шенье “Un vulgaire assassin va chercher les ténèbres...” (наст. изд., перевод М. Зенкевича: “Убийца прячется под фонарем в тумане...”):
- Tout ce peuple hébété que nul remords ne touche,
Cruel même dans son repos,
Vient sourire aux succès de sa rage farouche,
Et, la soif encore à la bouche,
Ruminer tout le sang dont il a bu les flots.
- («Весь этот тупой народ, которого не беспокоят никакие угрызения совести, // Жестокий даже в праздности // Радуется успехам своего звериного бешенства // И с жаждой на устах // Отрыгивает выпитые потоки крови»). См.: ФЭ. С. 671. Следует отметить, что эта ода не была опубликована при жизни Пушкина. Эти строки Пушкина получили отзыв в стихотворении В. Брюсова “На улицах” (февраль 1917):
- Народ, испытавший однажды,
Дыханье священной свободы,
Пойти не захочет назад:
Он полон божественной жажды,
Ее лишь глубокие воды
Вершительных прав утолят.
- (Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. С. 219). Указано: *Strémoukhoff*. P. 546.
- 70–71 *Мой ... прах / Не будет почивать в саду...* — Ср. элегия VII, ст. 13—18.
- 80 ... *О брате сожалеть не смеет ныне брат.* — Намек на Мари-Жозефа Шенье. См. примеч. с. 545 и вторую статью.
- 85–86 ... *сии листы / Всю жизнь мою хранят.* — Ср. письмо А. Шенье отцу (которое при жизни Пушкина не публиковалось), цитированное в первой статье.
- 86 у *Авеля* — в черновом варианте: «у Куаньи» (*Пушкин*. Т. II. С. 944 — см. о ней примеч. к оде XI).
- 111 *Рожденный для любви...* — Ср. начальную строку элегии “Je suis né pour l’amour, j’ai connu ses travaux (См.: *Томашевский Б.В.* Пушкин. Кн. II. М.; Л. 1961. С. 71).
- 126 ... *Она меня гнала, бранила и прощала...* — Ср. ст. 2 элегии XVII: “On m’outrage, on me chasse, et puis on me rappelle” (Отмечено: ФЭ. С. 672).
- 141 *Умолкни, ропот малодушный!* — Ср. ямб III, ст. 50: “Allons, étouffe tes clameurs...” (“Довольно! сдержи свой ропот...”).
- 146–148 *Твой светоч, грозно пламеня ... Совет правителей бесславных...* — Ср. ст. 14—17 оды II (“O mon esprit! au sein des cieux...”): “Tu crois d’un éternel flambeau // Eclairant les forfaits de l’horde ennemie // Défendre jusqu’au tombeau // D’ensevelir leur infamie” “Ты веришь, что, вечным факелом

- // Осветив преступления враждебной орды, // Не дашь могильной ночи // Скрыть их низость”
(букв.: бесславию).
- 149 *Твой бич настигнул их...* — Ср.: ямба III, ст. 47. (“nouer le triple fouet, le fouet de vengeance” — “связать тройной бич, бич мщения” (отмечено: ФЭ. С. 672).
- 150 *Сих палачей самодержавных!* — См.: ФЭ. С. 672.
- 153–154 *Ты пел Маратовым жрецам // Кинжал и деву-эвмениду!* — Имеется в виду ода “Марианне–Шарлотте Корде” и строки: “O vertu! le poignard, seul espoir de la terre, // Est ton arme sacrée...” — “О, добродетель! кинжал, единая надежда земли, — вот твое священное оружие...” (См.: ФЭ. С. 672).
- 155 *святой старик* — Мальзерб (см. примеч. 37 к предисловию Латуша).
- 159 *Ареопаг остервенелый* — Ср. ямбы “Vingt barques, faux tissus de planches fugitives...”, при жизни Пушкина не опубликованные (см. Дополнения): “L’horrible aréopage // De voleurs et de meurtriers” (“мерзкий ареопаг воров и убийц”).
- 165 *пигмей ничтожный* — черновой вариант: «пигмей самодержавный // Завистник гения...» (Пушкин. Т. II. С. 950). Легенда о зависти Робеспьера, который тоже одно время писал стихи, отразилась и в романе Виньи “Стелло”.
- 185 *Плачь, муза, плачь!..* — Ср. финальную ст. ямба III: “Toi, Vertu, pleure si je meurs”. Отмечено: Веселовский Ю. Пушкин и Шенье. С. 584.

Примечания (Пушкина)

¹ Как последний луч, как последнее веяние зефира

Оживляет вечер прекрасного дня,

Так у подножия эшафота я еще пробую мою лиру

(См. *Последние стихи Андре Шенье*) (фр.)

Пушкин цитирует ст. 1–3 ямба IV, только вместо слова “la fin” — “конец” у него стоит слово “le soir” — “вечер”. В ст. 13 и 15 стихотворения “Андрей Шенье” рифма перекликается с той, что использована у Шенье в цитированных строках, ср.: “l’ure” — “zéphire”, “секира” — “лира”.

² Апель, милый наперсник моих юных тайн (Элегия I).

Фанни, одна из любовниц Ан. Шенье. См. обращенные к ней оды (фр.)

³ См. молодая Узница (М-ль де Куаньи) (фр.).

⁴ См. его ямбы.

Шенье заслужил ненависть смутьянов; он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д’Эрбуа, нападал на Робеспьера. — Известно, что король испрашивал у Собрания в письме, полном спокойствия и достоинства, права обжаловать у народа осудивший его приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, принадлежит перу Андре Шенье (*А. де ла Туи*) (фр.; см. с. 244–245 наст. изд. и примеч.)

⁶ В свои последние минуты они говорили о поэзии. Для них это было самое прекрасное на земле после дружбы. Расин стал предметом их беседы и последнего восторга. Им захотелось прочитать его стихи. Они выбрали первую сцену Андромахи (*А. де ла Туи*) (фр.).

⁷ Все же у меня там что-то было (фр.).

П.А. Вяземский

Петр Андреевич Вяземский (1792—1878) — поэт, критик. Учился в петербургском иезуитском пансионе и в пансионе при Педагогическом институте, затем брал частные уроки у профессоров Московского университета. Был членом “Арзамаса”, другом Пушкина. Вяземскому были особенно близки традиции французской литературы XVIII в., он преклонялся перед Вольтером, ценил и других французских философов. В 1820—1830-х годах Вяземский выступал с защитой романтизма. Романтические мотивы звучат и в его поэзии этого периода. Сотрудничал в Московском телеграфе, ЛГ, Совр., позднее РВ.

1 ноября 1833 г. Вяземский просил А.И. Тургенева прислать издание Шенье 1833 г.: “Постарайся при случае прислать нам, мне, или Жуковскому, новое издание André Chénier с неизданными пополнениями”. Чуть ранее А.И. Тургенев сообщал ему о том, что “пробежал” книгу Латуша “Волчья долина”, в которой его заинтересовала история о “трех портфелях” Шенье: “...может быть, отыщутся еще два портфеля его сочинений из трех, кои он перед казнью уложил в тюрьме. Напечатан только 3-й, *самый слабый*, по мнению или по отметке самого Шенье на сих портфелях” (Архив братьев Тургеневых. С. 392, 244). В последнее время версия о трех портфелях, считавшаяся легендарной, получила документальное подтверждение (но, разумеется, не предположение, что был опубликован “самый слабый” — см.: *Riberette P. Sur un inventaire des papiers d'André Chénier // Cahiers Roucher — André Chénier. 1983, N 3. P. 81*).

Библиотека (фрагмент)

Впервые: альманах “Литературный музей”. М., 1827, С. 149 (ценз. разр. 28 декабря 1826 г.) с подзаголовком: Отрывок из стихотворения “Деревня”. “Деревня” включает несколько фрагментов, опубликованных Вяземским в разных изданиях. Датируется между 1821 и 1826 гг. (см.: *Вяземский П.А. Стихотворения. Л., 1986. С. 485—487*). В стихотворении “Библиотека” упоминаются Вергилий, Гораций, Марциал, Проперций, Тибулл, Парни, Шенье, Руссо, Вольтер, г-жа де Сталь, Шиллер и русские поэты — Ломоносов, Петров, Богданович. Печатается только часть, посвященная Шенье. См. также: ФЭ, С. 669.

... из поэмы “Изобретение”... — Приводится ст. 184 из поэмы “Invention” (наст. изд. “Замысел”).

Заметки (фрагменты)

Впервые: РВ, 1861. Т. XXXIV. С. 697.

Печатается по: Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. СПб., 1887. Т. IX. С. 386—387. Несколько стихотворений Вяземского, носящих заглавие “Заметки”, посвящены у него полемике с апологетами либерально-демократических идей.

Печатаются 2—3 и 5—6 строфы: образ Шенье возникает как олицетворение духовной свободы, которую Вяземский отстаивает в начальных строфах. В 5 и 6 строфах прослеживаются переключки с идиллией Шенье “Свобода”.

М.Ю. Лермонтов

Сашка (фрагмент)

Поэма Лермонтова впервые была опубликована полностью: Русская мысль, 1882, № 1. С. 68. Текст установлен в издании: *Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л., 1955. Т. 4. Датируется 1835—1836 гг. (см.: Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1976. Т. 2. С. 570)*.

Об отголосках стихотворения Пушкина “Андрей Шенье” в приводимых строфах поэмы Лермонтова см.: ФЭ. С. 673.

О Лермонтове и Шенье см. также вторую статью и примеч. с. 558—559.

³ ... *высокого чела*... — Ср. ямб III, ст. 17—19: “... l' honnête homme // Dans les cachots, près du cercueil, // Relève plus altiers son front...” (“честный человек... // В темницах, близ гроба, еще выше поднимает чело...”).

⁴⁻⁶ *Твоя... лира // Напрасно по вселенной разнесла // Все, все, что ты считал своей душою... — Ср. элегия IX, ст. 37—38: “C' est ainsi promené sur tout cet univers // Que mon cœur vagabond laisse tomber des vers...” (“Так, обегая весь этот мир, мое бродячее сердце роняет стихи...”).*

Е.П. Ростопчина

Евдокия Петровна Ростопчина (урожденная Сушкова; 1811—1858) — поэт, прозаик, драматург. Получила домашнее образование. Ее литературный салон в Петербурге посещали Жуковский, Вяземский, Плетнев, Пушкин. В 1841 г. познакомилась с Лермонтовым. Ростопчину как поэта высоко ценили современники, в том числе А. Майков, Л. Мей. Печаталась в БдЧ, МН, Совр., Москв. и др. изданиях. Поэзия Ростопчиной тяготеет к исповеди, проникнута романтическим мировосприятием.

О героине повести Ростопчиной “Счастливая женщина” (1851—1852), наделенной автобиографическими чертами, говорится: “... сладкострунные поэты, теперь столь пренебрегаемые у нас, Шенье, Жуковский, Пушкин, Мур, Гюго (...) и все, что только могло возвысить душу, развить воображение, тронуть сердце созревающей затворницы, все это любила, знала, понимала она” (*Ростопчина Е.* Соч.: В 2 т. СПб., 1890. Т. II. С. 328). Видимо, под влиянием Шенье Ростопчина в юности “написала оду на Шарлотту Корде” (которую “впоследствии (...) сожгла”), о чем она упоминает в письме А. Дюма от 27 августа/10 сентября 1858 г. (*Ростопчина Е.* Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986. С. 385—386).

Последний цветок

Впервые: МН, 1835. Ч. 4. С. 377 под заглавием “Последний цвет” и подписью Гр. А... Р... на. Печатается по: Стихотворения: В 4 т. СПб., 1856. Т. 1. С. 161. Датировано: «октябрь 1835, село Анна».

Эпиграф опирается на предисловие Латуша. Стихотворение приводится как навеянное образом Шенье (см. вторую статью). С ним и с “последним цветком” сравнивает поэтесса себя: стихотворение написано в то время, когда Ростопчина безвыездно жила в воронежском имении мужа, еще почти не печатая стихов, храня “молчание”.

Андре Шенье

Впервые: Москв., 1843, № 12. С. 281 с подписью Г.Е.Р. и пометой: “Село Анна, октябрь 1842”.

Эпиграф — первые четыре строки ямба IV с ошибками: «sourire» (улыбка) вместо «zéphire» (зефир) и вопросительным знаком в конце.

Н.Д. Иванчин—Писарев в упоминавшемся письме М.П. Погодину (см. примеч. с. 547), отзываясь об этом стихотворении Ростопчиной, писал: “Но сильнейшую черту (...) поэта и артиста она забыла: Шенье, подступив к эшафоту, ударил себя в лоб и сказал: *Sependant, j'avais epcore quelque chose là!* — Она намекнула это словами: избыток невысказанных дум. Хорошо, но нет картины”.

⁴² *Камиллы ветреной измены я клянусь...* — Ср.: элегия XXXII, ст. 43—45.

⁴⁶ *В мечтах восторженных...* — Ср.: Пушкин. “Андрей Шенье”: «Так пел восторженный поэт».

⁵⁶⁻⁵⁷ *Он утро дней воспел, до полдня не дожидши!.. Он с древа жизни снял лишь ранние цветы!..* — Ср.: элегия VII, ст. 41—42. Отмечено: ФЭ. С. 674.

М.Л. Михайлов

К стихам А. Шенье

Впервые: ЛГ, 1847, № 11. С. 164 с цензурным изменением в ст. 8 (“Как дышит эта жизнь нездешней красотой”).

О М.Л. Михайлове и его обращениях к Шенье см. вторую статью и примеч. С.568—569.

П.Д. Бутурлин

Андрей Шенье

Впервые: Русское обозрение, 1895, № 7. С. 32.

О П.Д. Бутурлине и его обращениях к Шенье см. примеч. с. 582.

³ *Тайгет* — горный хребет в Греции.

⁷ *Музагет* — Аполлон, предводитель Муз.

¹⁰⁻¹¹ *И ты пронесся ... падучею звездой!..* — Мотив ухода, ускользания, перехода из света в тень — обертон восприятия Шенье в России. Ср. Пушкин, “Андрей Шенье”: “...другая тень // ... сошедшая в могильну сень”; М. Цветаева, “Андрей Шенье” (1): “Андрей Шенье взошел на эшафот...”

Амари

Амари (псевд.; наст. имя — Михаил Осипович Цетлин; 1882—1945) — поэт. Окончил московскую гимназию Ф.И. Креймана. Участник революции 1905—1907 гг. Бежал за границу. Первые стихи следуют традициям гражданской поэзии (значительным было влияние на поэта П.Я. Якубовича). Впоследствии преобладают пейзажные зарисовки, любовные мотивы. До 1917 г. жил во Франции и Швейцарии. Печатался в журналах “Русская мысль”, “Новый журнал для всех”, “Современный мир”, ВЕ. После февральской революции вернулся в Россию. Общался с Мандельштамом, Андреем Белым, Пастернаком. После Октябрьской революции эмигрировал, жил в Париже, в 1940 г. переехал в США.

Из Андре Шенье

Впервые: ВЕ, 1913. Кн. 1. С. 173—174. В сборник 1916 г. (“Глухие слова”) не включено. Самостоятельное стихотворение, дающее восприятие образа Шенье сквозь призму личных переживаний революционерки и любителя поэзии.

М.И. Цветаева

Об обращениях Марины Ивановны Цветаевой (1892—1941) к образу Шенье см. вторую статью.

Андрей Шенье

(“Андрей Шенье взошел на эшафот...”;
“Не узнаю в темноте...”)

Впервые: Современные записки. Париж, 1921, № 6. Вошло в сборник: Поэзия революционной Москвы / Сост. И. Эренбург. Берлин, 1922.

Печатается по: *Цветаева М.* Стихотворение и поэмы. Л., 1990. С. 166. Диптих был включен в цикл “Лебединый стан” (при жизни Цветаевой не опубликованный). В белой тетради стихотворений 1916—1918 гг., составленном в 1939 г., дата: «Москва, 17 апреля 1918» (см. коммент. Е.Б. Коркиной: *Цветаева М.* Стихотворения и поэмы. С. 717).

В статье “Памяти Н.С. Гумилева”, написанной в связи с десятилетием его гибели, литературовед А.Л. Бем привел первое стихотворение, предварив его следующими словами: “В последних числах августа 1921 г. (...) мы узнали из советских газет, что Николай Степанович Гумилев расстрелян в большевистском застенке. (...) Пожалуй, только стихотворение Марины Цветаевой, посвященное Андрею Шенье, может передать и горечь, и глубокий смысл наших тогдашних переживаний...” (*Бем А.Л.* Памяти Н.С. Гумилева // Руль. Париж, 27 августа 1931. С. 2).

“Каменногрудый...”

Впервые: Ремесло. М.; Берлин, 1923.

Датировано 6 января 1922 г. Печатается по: Цветаева М. Стихотворения и поэмы. С. 252—253.

Стихотворение замечательно объединением имен Пушкина и Шенье.

**ПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРЕНИЙ АНДРЕ ШЕНЬЕ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ**

- Геннади Г.И.* Из А. Шенье (“Приди, мой друг ко мне — послушай песнь мою”), 1844 г., ОР РНБ. Ф. 178 Геннади, № 73. Вольный перевод стихотворения “...Mes chants savent tout peindre”.
- Николаевский С.* Молодая узница // Стихотворения. СПб., 1858. С. 139—141. Перевод одноименной XI оды.
- Сонин П.* Из А. Шенье (“Душе становится легко хотя на миг...”) // Сын отечества, 1860, № 36. С. 1128. Перевод 6 фрагмента элегий. Пародию на это стихотворение Н.Л. Ломана см.: Поэты “Искры”. Л., 1987. Т. 2. С. 353.
- Любимов Л.* Молодая узница // Литературный сборник произведений русского юношества. СПб., 1862. С. 56—59. Перевод одноименной XI оды.
- Суиков Д.П.* Идиллия (из А. Шенье) (Нет, не ко мне спешат со вздохами, мольбами...) // Модный магазин, 1867, № 16. С. 246.
- В.Д.* На мотив из А. Шенье (“Ребенка, ты меня так часто баловала...”) // Будильник, 1880, № 34. С. 880. Вольный перевод 2 фрагмента идиллий.
- Дворжицкий К.А.* Элегия XIII (Из Андре Шенье) (“Мне изменив коварно и легко...”) // Стихотворения. СПб., 1886. С. 111. Перевод стихотворения “Elle a pu me bannir! Imprudente et sans foi...”.
- Дворжицкий К.А.* Ода IV (Из Андре Шенье) (“Я видел, как она задумчивый свой взгляд...”) // Там же. С. 112. Перевод указанной оды.
- С-н П.* На мотив А. Шенье (“Идите, грустные мои стихи, идите!”) // Правда, 1888, № 2. С. 35. Перевод стихотворения “Allez, mes vers, allez; je me confie en vous...”.
- Якоби П.Н.* “Имеет каждый скорбь, но на чужих глазах...”, 1896 // Стихотворения. Изд. 2. СПб., 1904. Т. 1. С. 101. Перевод 6 фрагмента элегий.
- Якоби П.Н.* “Плач! Жалобы! Друзья, читайте! Не она ли?!...” // Юношеские стихотворения. СПб., 1898. С. 109—110. Перевод элегии XVII.
- Якоби П.Н.* “Ну, не она ль клялась в неверности своей?”, 1897 // Там же. С. 111—112. Перевод элегии XIX.
- Якоби П.Н.* “О, ночь! Ночь скорбная! Медлительный рассвет!”, 1898 // Там же. С. 113—114. Перевод элегии XXIII.
- Якоби П.Н.* “Не всех любовников улыбка, вздох и взгляд...”, 1899 // Стихотворения. СПб., 1902. Т. II. С. 42—43. Перевод оды VI.
- Якоби П.Н.* “О, Фанни! счастлив тот, кто речь твою внимает...”, 1899 // Там же. С. 44—45. Перевод оды VII.
- Якоби П.Н.* “Меньше роз душистых пышный май венчает...”, 1899 // Там же. С. 46. Перевод оды “Mai de moins de roses, l’automne...”.
- Якоби П.Н.* Последнее прости Андрея Шенье, 1899 // Там же. С. 65. Перевод ямба IV. Дополненный вариант: *Якоби П.Н.* Пушкин о русских поэтах в переписке с друзьями. Пушкин о Байроне и Шекспире. Пушкин, Шенье и революция. Рига, 1937. С. 46—47.
- Якоби П.Н.* “В защиту родины, не за свои обиды...” // Там же. С. 44. Перевод финала ямбов “Sa langue est un fer chaud. Dans ses veines brûlées...”
- Якоби П.Н.* “Что будущность сулит? Где, где вы — благородство...” // Там же. С. 44—45. Перевод ямба III.

- Аноним. “В темнице злой, средь ужасов террора...” // Андрей Шенье. Биографический очерк поэта с приложением отрывков из его произведений. М., 1901. С. 44—45. Контаминация мотивов оды “Молодая узница” и отчасти элегии VII.
- Милич Е.М. Элегия XXVII (“Я не люблю ее, — довольно! Там другой...”) // Осенние вечера. Берлин, 1906. С. 40—42. Перевод элегии XXVIII. Нумерация Милич — по изд. 1833 г.
- Милич Е.М. Отрывок из элегии II (“Все в лире есть моей; к тебе она взывает...”) // Там же. С. 45. Перевод стихотворения “...Mes chants savent tout peindre” (в изд. 1833 г. — 2 фрагмент элегий).
- Зенкевич М. Версаль // Песни Первой французской революции. М., 1934. С. 603—605. Перевод оды X.
- Зенкевич М. Марианне-Шарлотте Корде, казненной 18 июля 1793 г. // Там же. С. 606—608.
- Зенкевич М. Юная пленница // Там же. С. 609—610. Перевод оды XI.
- Зенкевич М. “Старик—отец, с тех пор, как для твоих седин...” // Там же. С. 613. Перевод фрагмента “Triste vieillard, depuis que pour tes cheveux blancs...”, который до изд. 1874 г. относили к стихотворениям, написанным в Сен-Лазаре. В современных изданиях печатается в разделе буколик.
- Зенкевич М. Его язык — клеймо железное, и в венах...” // Там же. С. 614. Перевод ямбов “Sa langue est un fer chaud. Dans ses veines brûlées...”.
- Зенкевич М. “С худыми днищами прогнивших двадцать барок...” // Там же. С. 616—617. Перевод ямбов “Vingt barques, faux tissus de planches fugitives...”.
- Зенкевич М. “Когда мычащего барана за ограду...” // Там же. С. 618—619. Перевод ямба II.
- Зенкевич М. “С бесчестьем своим свыкаются. Ведь надо...” // Там же. С. 619. Перевод ямбов “On vit; on vit infâme. Eh bien? il fallut l’être...”.
- Зенкевич М. “Как пышный луч зари, как нежный вздох зефира...” // Там же. С. 620—623. Перевод ямбов “Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre...”.
- Остроумов Л. Швейцарцам // Там же. С. 601—602. Перевод ямба I.
- Рождественский Вс. Юная Тарентинка // Шенье Андре. Избранные произведения. М., 1940. С. 62—63. Перевод элегии XX.
- Рождественский Вс. “Мне сердце трогает одно воспоминанье...” // Там же. С. 67. Перевод 3 фрагмента идиллий.
- Рождественский Вс. “Люблю, когда жара уводит в мрак укромный...” // Там же. С. 68. Перевод 6 фрагмента идиллий.
- Рождественский Вс. “О дочка пастуха, седого старика!” // Там же. С. 69. Перевод 10 фрагмента идиллий.
- Рождественский Вс. “Ну что ж! Я так хотел. Не верить я не смею” // Там же. С. 106. Перевод 2 фрагмента элегий.
- Рождественский Вс. “Надежды больше нет, и все мои стенанья...” // Там же. С. 111. Перевод стихотворения “Il n’est donc plus d’espoir, et ma plainte perdue...”.
- Рождественский Вс. “И я бы мог любить. Ужель я жду напрасно!” // Там же. С. 112. Перевод стихотворения “Eh! le rougurai-je au moins! suis-je assez intrépide?”.
- Римский-Корсаков В. “О дни моей весны, дни вольного цветенья...” // Там же. С. 83—85. Перевод элегии XVI.
- Римский-Корсаков В. “Кто может в счастья соперничать с владыкой?” // Там же. С. 96. Перевод элегии XXIV.
- Римский-Корсаков В. Светильник // Там же. С. 102—104. Перевод элегии XXXVII.
- Хмельницкий С. Вахх (“Вахх изменил черты божественного лика...”) // Там же. С. 56. Перевод стихотворения “Bacchus se déguisait sous un moins beau visage...”.
- Брик Б. Из поэмы “Творчество” (“Дух героической и девственной Эллады...”) // Там же. С. 121—123. Перевод фрагмента поэмы “L’invention” (наст. изд. “Замысел”): “De la Grèce héroïque et naissante et sauvage...”.
- Кружков Г. “Перетерпи, душа; как все, пройдет и это...” // Поэзия Франции. Век XIX. С. 37—38. Перевод элегии XXVII.

- Веденяпин Д. “Я разлюбил ее; она другим любима” // Там же. С. 38—39. Перевод элегии XXVIII.
- Русаков Г. Неэра // Там же. С. 31. Перевод 13 идиллии.
- Русаков Г. Ямбы (отрывок) (“Погас последний луч, пора заснуть зефиру”) // Там же. С. 40—42.
Перевод ямбов “Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre...”.
- Русаков Г. “В его строке — свинец. В его горячих венах...” // Иностранная литература, 1989, № 7. С. 147. Перевод ямбов “Sa langue est un fer chaud. Dans ses veines brûlées...”
- Русаков Г. “Кому ты, Пантеон, распахиваешь своды...” // Там же. С. 147—148. Перевод ямбов “Voûtes du Panthéon, quel mort illustre et rare...”.
- Русаков Г. “Я слышал — изменив холодному презренью...” // Там же. С. 148—149. Перевод ямбов “On dit que le dédain froid et silencieux...”.
- Русаков Г. “Безвестность подлости казалась им укрытьем...” // Там же. С. 149. Перевод ямбов “Ils croyaient se cacher dans leur bassesse obscure...”.
- Русаков Г. “Но вот они живут, а наша скорбь, владыка...” // Там же. С. 149—150. Перевод ямбов “Ils vivent cependant et de tant de victimes...”.
- Русаков Г. “На двадцати судах с едва прикрытым днищем...” // Там же. С. 150. Перевод ямбов “Vingt barques faux tissus de planches fugitives...”.
- Русаков Г. “Когда войдет баран в пещерный сумрак бойни...” // Там же. С. 150—151. Перевод ямба II.
- Русаков Г. “Живем и мы. А что ж. Наверно, так и надо”. // Там же. С. 151. Перевод ямбов “On vit; on vit infâme. Eh bien? il fallut l’être...”.
- Гринберг М. Версаль // Жилище славных муз. М., 1989. С. 180—181. Перевод оды X.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Ж.-Б. Сюве. Портрет Андре Шенье, 1794, х., м. Париж, частное собрание. Фронтиспис

Титульный лист сборника 1819 г. 6

А. Шенье. Элегия XXXV. Факсимиле 1824 г. автографа 1780-х годов. Местонахождение неизвестно. 111

А. Шенье. Ямбы. Автограф, 1794. Париж, Национальная библиотека. 184

Авр. Норов. Перевод идиллии А. Шенье "Аркас и Палемон". Автограф, 1819—1820. РГАЛИ. 274

Первая публикация стихотворения А. Шенье "Près des bords où Venise est reine de la mer...". 282

Стихотворение А. Шенье "Près des bords où Venise est reine de la mer...", записанное А.С. Пушкиным. Пушкинский дом. 284

А.С. Пушкин. Перевод стихотворения А. Шенье "C'eta, mont annobli par cette nuit ardente...". Автограф, 1835. Пушкинский дом. 286

С.М. Соловьев. Перевод стихотворения А. Шенье "На смерть ребенка". Автограф, 1902. РГАЛИ. 384

Казес-сын. Андре Шенье в возрасте 11 лет, х., м. Музей г. Каркассон.

Казес-сын. Портрет 2-жи Шенье, до 1765 (?), х., м. Музей г. Каркассон.

Казес-сын. Групповой портрет семьи Луи Шенье, 1773, х., м. Музей г. Каркассон.

Л. Давид. Портрет Мари-Жозефа Шенье. Музей Версальского дворца.

Ж.-Б.-Ж. Огюстен. Портрет Андре Шенье (?), 1790 (?), миниатюра. Париж, библиотека Арсенала.

Портрет Франсуазы (Фанни) Лекуте. Копия с несохранившегося портрета Л. Давида.

Версаль. Часть ул. Сатори (ныне ул. маршала Жоффра), где жил А. Шенье, совр. фотография.

Гюбер Робер. Игра в мяч в Сен-Лазаре, 1794, акв. Париж, музей Карнавале.

Леруа, ученик Ж.-Б. Сюве. Портрет Ж.-А. Руше, 1794, рис. Париж, Национальная библиотека.

Ш.-Л.-Л. Мюллер. Вызов последних жертв термидора (деталь), 1850, х., м. Музей Версальского дворца.

Париж. Площадь Нации. В правой стороне, в глубине, стояла гильотина. В центре — скульптура "Триумф Республики", совр. фотография.

П.-Ж. Давид д' Анжер. Гипсовая копия бронзового медальона Андре Шенье, 1844. Музей г. Каркассон.

Париж. Кладбище Пикпюс. Белая мраморная доска (ближе к изгороди) в память об Андре Шенье установлена на стене, за которой находится обшая могила казненных в последние дни террора, совр. фотография.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	5
----------------------	---

СОЧИНЕНИЯ 1819 г.

АНРИ ДЕ ЛАТУШ. О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ АНДРЕ ШЕНЬЕ. <i>Перевод</i> <i>Е. Гречаной</i>	7
ЗАМЫСЕЛ, поэма. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	16

ИДИЛЛИИ

< 1) Oaristys. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	25
< 2) Фрагмент. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	30
< 3) Слепец. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	30
< 4) Свобода. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	37
< 5) Больной юноша. <i>Перевод Б. Брика</i>	41
< 6) Нищий. <i>Перевод Л. Успенского</i>	45
< 7) Мназил и Хлоя. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	53
< 8) Лидэ. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	54
< 9) Аркас и Палемон. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	54
< 10) Вахх. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	55
< 11) Эвфрозина. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	56
< 12) Гилас. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	57
< 13) Нэзра. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	58

ФРАГМЕНТЫ

< 1) "Облагорожен был, о Эта, склон твой шумный..." <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	60
< 2) "Она цвела красой, мне ж было лет так мало..." <i>Перевод Е. Гречаной</i>	60
< 3) "И в прошлом вижу я душою умиленной..." <i>Перевод Е. Гречаной</i>	60
< 4) (Подражание Платону). <i>Перевод Е. Гречаной</i>	61
< 5) "Желаю славную награду получить..." <i>Перевод Е. Гречаной</i>	61
< 6) "Когда в полдневный зной заманчив темный грот..." <i>Перевод Е. Гречаной</i>	61
< 7) "На Иде стонешь ты, бледна, простоволоса..." <i>Перевод Е. Гречаной</i>	62
< 8) (Подражание Томсону). <i>Перевод Е. Гречаной</i>	62
< 9) (Из Еврипида). <i>Перевод Е. Гречаной</i>	63
< 10) "Из глины тридцать чаш, дочь пастуха седого..." <i>Перевод Е. Гречаной</i>	63
< 11) (Из Мосха) <i>Перевод Е. Гречаной</i>	63
< 12) Эпилог. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	64

ЭЛЕГИИ

I. "О Авель, юных тайн наперсник благосклонный..." <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	65
II. Подражание идиллии Биона. <i>Перевод М. Яснова</i>	65
III. "О, строки, вас рука любимой начертала!" <i>Перевод Е. Гречаной</i>	66
IV. "Ах, я их узнаю, и на сердце светлее" <i>Перевод Е. Гречаной</i>	68
V. "Куда же ты бежишь, красавица младая?" <i>Перевод М. Яснова</i>	70

VI. “Друзья, на берегах вы остаетесь Сены...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	70
VII. “Сейчас, когда я смерть так близко различаю...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	72
VIII. “Зачем меня корит томлением моим?” <i>Перевод М. Яснова</i>	74
IX. “Так, Трою покорив и мощь ветров и волн...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	76
X. “Когда узорчатый оденет рощи лист...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	77
XI. “Ах, в чащи унесу печальное томлень!” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	79
XII. “Печальной мудрости я вял беспрекословно”. <i>Перевод В. Римского-Корсакова</i>	80
XIII. Подражание идиллии Мосха. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	81
XIV. “Уединение покиньте, о, богини!” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	81
XV. “Хотел бы навсегда смежить страдалец вежды...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	83
XVI. “О, дни моей весны, пора в венке из роз...” <i>Перевод Ю. Стефанова</i>	85
XVII. “Попреки, слезы... Вот, друзья, она — пред вами...” <i>Перевод М. Яснова</i>	87
XVIII. “Как? Мне учить тебя божественным стихам?” <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	88
XIX. “Не мне ль неверности обет она давала...” <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	90
XX. (В древнем вкусе). <i>Перевод Е. Гречаной</i>	91
XXI. “Стихосложению научит нас искусство...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	92
XXII. “Будь, вечно с нами будь, отец тончайших вин...” <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	93
XXIII. “Ночь, горестная ночь! О тихая Аврора...” <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	95
XXIV. “Будь для себя царем и обретешь блаженство...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	96
XXV. “Ты, Ликоридя, ты, пиров моих чарица...” <i>Перевод М. Яснова</i>	97
XXVI. “Коль счастья нет у них, есть ли оно на свете?” <i>Перевод М. Яснова</i>	98
XXVII. “О, сердце, покорись всевластью измененья...” <i>Перевод В. Римского-Корсакова</i>	98
XXVIII. “Нет! Чувства нет во мне! Другой ее ласкает”. <i>Перевод В. Римского-Корсакова</i>	99
XXIX. “Итак, Гликерия нас ждет к себе на ужин?” <i>Перевод М. Яснова</i>	101
XXX. “В искусстве глиптики был сведущ Пирготел...” <i>Перевод М. Яснова</i>	102
XXXI. “Де Панж, любимый друг, ты все решаешь мудро...” <i>Перевод М. Яснова</i>	103
XXXII. “О, Каллимаха дух и ты, Филета тень!” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	104
XXXIII. “Де Панж! кто наделен душой простой и нежной...” <i>Перевод М. Яснова</i>	106
XXXIV. “Пусть кто-нибудь другой свою лелеет славу...” <i>Перевод М. Яснова</i>	108
XXXV. “Вчера, когда я шел, тобою упоенный...” <i>Перевод М. Яснова</i>	110
XXXVI. “О, жалкая судьба! о, тяжесть несвободы!” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	112
XXXVII. (Подражание Асклепиаду) <i>Перевод М. Яснова</i>	113
XXXVIII. “Я для любви рожден, для этих нежных уз...” <i>Перевод М. Яснова</i>	114
XXXIX. “Итак, скорее к ней! Ау, моя Камилла!” <i>Перевод М. Яснова</i>	117
XL. Братьям Труденам. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	118

ФРАГМЕНТЫ

⟨ 1⟩ “Таким я прежде был и все еще такой”. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	122
⟨ 2⟩ “Ну, что ж, решимости во мне, как прежде, мало!” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	122
⟨ 3⟩ “Как много слез Амур своим рабам несет!” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	123
⟨ 4⟩ На смерть ребенка. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	123
⟨ 5⟩ “Ждет парусник, и зов я слышу Византии”. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	124
⟨ 6⟩ “Нам легче, если грусть мы можем разделить...” <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	124
⟨ 7⟩ “От близких, от друзей, от земляков вдали...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	125
⟨ 8⟩ “Ни нежная любовь, ни красота, ни гений...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	125
⟨ 9⟩ “Влюбленный гневаться не может бесконечно”. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	125
⟨ 10⟩ “Приди к ней на заре, когда еще над ней...” <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	126

ПОСЛАНИЯ

I. Леброну и маркизу де Бразе. <i>Перевод Е. Баевской</i>	127
Лебрэн. Послание Шенье—старшему (Андре). <i>Перевод Е. Гречаной</i>	132
II. “Быть может, друг, мою и не приветят музу...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	135
III. “Что вечно сеговать на грубость рейнских волн?” <i>Перевод Е. Баевской</i>	138

ОДЫ. *Перевод Е. Гречаной*

I. Мари-Жозефу Шенье	140
II. "О, дух мой! выше облаков..."	140
III. "О, Византия—мать, иль смеют янычары..."	142
IV. "Я видел, как в ответ на нежный взор другого..."	143
V. Первым плодам моего сада	143
VI. "Нет, верьте мне, не всех влюбленных вздох и взгляд..."	144
VII. "Тому, кто близ тебя, о Фанни, счастьем дышит..."	145
VIII. К Фанни, когда она была больна	146
IX. Марианне-Шарлотте Корде	147
X. "Версаль, твои сады, колонны..."	149
XI. Молодая узница	151

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Фрагменты поэмы "Гермес"

"Свергайте с алтарей, ничтожных и лукавых..." <i>Перевод М. Яснова</i>	153
"Но прежде чем на свет явились государства..." <i>Перевод М. Яснова</i>	155
"В селениях людских сносить обречены..." <i>Перевод В. Римского-Корсакова</i>	156
Фрагменты поэмы "Америка". <i>Перевод М. Яснова</i>	
"Ревнивый океан, грохочущий волною..."	158
"По мне, уж коль они принадлежат к богам..."	158
Фрагменты поэмы "Искусство любви". <i>Перевод Е. Гречаной</i>	
"Над розой трудится неторопливо Флора"	159
"Быть может, прозвучит нечаянно сурово..."	159
"Когда Юнона встарь царя небес пленила..."	160
"Смотри, чтоб скуки яд ей в сердце не проник..."	161
"У Флоры есть цветов богатая кошница..."	162
"Восславим красоту, склонимся перед нею..."	162
"Так переимчива любовь, склонна к мечтам..."	163
Гимн Франции. <i>Перевод Л. Остроумова</i>	164
Игра в мяч. <i>Перевод Л. Остроумова</i>	167
На изображении Юпитера и Европы. <i>Перевод С. Хмельницкого</i>	178
Де Панжу. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	179
Басня. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	179
Беспечность. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	180
"... Земля, земля благая..." <i>Перевод Е. Гречаной</i>	181

ЯМБЫ

I. Восставшим швейцарцам полка Шатовье. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	182
II. "Когда скрывается в пещерном полумраке..." <i>Перевод Е. Гречаной</i>	182
III. "Чего в грядущем ждать? Где мужества и чести..." <i>Перевод Е. Гречаной</i>	183
IV. (Последние стихи автора). <i>Перевод Е. Гречаной</i>	185

ПРОЗА. *Перевод Е. Гречаной*

Уведомление французам об их истинных врагах	187
Размышления о духе партий	206
Письмо Мари-Жозефа де Шенье	220
"Поскольку мне здесь очень тоскливо..."	222
Алтари страха	224
Первая глава сочинения "О причинах и проявлениях совершенства и упадка литературы"	227
Его Величеству Станиславу-Августу, Королю Польскому, Великому Герцогу Литовскому	231

Гийому-Тома Рейналю	233
О причинах беспорядков, волнующих Францию, и препятствующих упрочению свободы .	237
Издателям «Журналь де Пари»	242
Послание Людовика XVI депутатам Конвента, составленное Андре Шенье	244

ДОПОЛНЕНИЯ.
ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ АНДРЕ ШЕНЬЕ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК 1819 г.
ИЛИ СУЩЕСТВЕННО ИЗМЕНЕННЫЕ В НЕМ

БУКОЛИКИ

“Прекрасный гибнет Ксанф, и скорбная душа...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	246
Диана. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	246
“Наперснице наяд, косматой музе кров...” <i>Перевод С. Хмельницкого</i>	248
“Вы, пастухи, сюда, за легкою козюю...” <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	248
Дриант. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	249
“В ночи, в лесной глуши пред нимфою бродящей...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	250
“Всевидцы тайные, чей безупречен глаз...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	250
“О, Аполлон и Вахх, ваш лик не омрачен...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	250
“На срезанный камыш, от взглядов в отдаленье...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	250
“Спрячь, спрячь глаза свои, меня томит твой взгляд”. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	251
“Все есть в моих стихах. Внимай же им, прилежным...” <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	251
“Простую ль дудочку дыханьем он живит...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	251

ЭЛЕГИИ

“Когда приблизится неумолимо парка...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	252
“Вперед, стихи мои; вверю вам себя...” <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	252
“Ах, нет, оставь меня, ни ласковых речей...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	252
“Звук, обитающий в долине, тьмой объятый!” <i>С. Хмельницкого</i>	253
“Прозрачное дитя долин бургундских, Сена...” <i>Перевод С. Хмельницкого</i>	253
“Влечение ль нежное к семье пермесских дев...” <i>Перевод С. Хмельницкого</i>	253
“Я вспоминаю вновь ее черты, убор...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	253
“Ах, нет, поверьте мне, я позабыть не в силах...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	254
“Где царственных гробниц внушительный размах...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	254
“Привет вам, Геллеспонт, Эвксина nereиды...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	255
“А я, когда опять вернется летний зной...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	255
“Еще я жив, томлюсь. И, не одной грозюю...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	255
“Воспрянь, о, гений мой! Скорей явись на зов...” <i>Перевод Е. Гречаной</i>	255
Эпилог поэмы “Гермес”. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	255
Отрывок из поэмы “Америка”. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	256
Отрывок из поэмы “Литературная республика”. <i>Перевод Е. Гречаной</i>	257

ОДЫ. Перевод Е. Гречаной

“Благоухают в мае розы...”	258
“Мой брат... Да будут дни его ясны, и втуне...”	259

ЯМБЫ. Перевод Е. Гречаной .....

“Его язык — клеймо. А в венах раскаленных...”	260
Гимн на торжественное вступление швейцарцев полка Шатовье	260
“Кто, Пантеон, отверз твои святые двери...”	261
“Я слышал, в сильный гнев вы впали, до сих пор...”	263
“Они еще живут! и жертв бесчетных стоны...”	263

“Во мраке подлости они хотели скрыться...”	264
“На двадцати судах с непрочным, беглым днищем...”	264
“Читал я: лодочник, челнок свой открепля...”	265
“В бесчестии живешь. Ну, что ж, так, значит, надо”	266
“Последний блеск луча, последний вздох зефира...”	266

СТИХОТВОРЕНИЯ АНДРЕ ШЕНЬЕ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ И ПОДРАЖАНИЯХ

Н.Д. Иванчин-Писарев. Бедный человек	269
В.А. Жуковский. Узник (<i>фрагмент</i>)	270
Авр.С. Норов	
Юный страдалец (<i>Элегия в древнем вкусе</i>)	271
(Аркас и Палемон)	273
Гермиона. <i>Элегия в древнем вкусе</i>	275
Красавица	276
Младая узница (<i>Перевод из стихотворений Андрея Шенье</i>)	277
Прощание Нееры (<i>Элегия в древнем вкусе</i>)	278
Надина	279
Катюша	279
Неера	280
“Мать нежная цветов, прозрачная Наяда...”	280
А.С. Пушкин	
Нереида	280
Муза	281
“Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...”	281
“Ты вянешь и молчишь; печаль тебя сдает...”	281
“О боги мирные полей, дубров и гор...”	283
“Близ мест, где царствует Венеция златая...”	283
“Каков я прежде был, таков и ныне я...”	284
“Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...”	284
Из А. Шенье (“Покров, упитанный язвительною кровью...”)	285
Д.П. Ознобишин	
Неера (<i>Из Шенье</i>)	285
Потерянные поцелуи (<i>Из Шенье</i>)	287
Письмо	287
Н.И. Гнедич. Терентинская дева (<i>Из Андр. Шенье</i>)	290
В.К. Кюхельбекер. Надежде Павловне Шульцовой (<i>фрагмент</i>)	291
В.И. Туманский	
Болезнь	291
Отрывок	292
Гондольер и поэт (<i>Перевод неизданных стихов А. Шенье</i>)	292
Отроковице	293
А.Г. Ротчев. Песнь вакханки	293
И.И. Козлов	
Молодая узница	294
“Над темным заливом, вдоль звучных зыбей...”	295
Вольное подражание Андрею Шенье (“Ко мне, стрелок молодой, спеш! любим ты мною...”)	296
Невеста. <i>Элегия (Вольное подражание Андрею Шенье)</i>	296
Элегия (“О ты, звезда любви, еще на небесах...”)	297
Идиллия (<i>Из Андрея Шенье</i>)	298
Стихи Андрея Шенье на пребывание его в Англии	298
Е.А. Баратынский	
“Есть грот: Наяда там в полдневные часы...” ^h	299
Из А. Шенье (“Под бурею судеб, унылый, часто я...”)	299

П.А. Плетнев. Рыболов	299
Д.П. Глебов. К Музам	300
Г.С.*** Молодая узнца (<i>Подражание Андрею Шенье</i>)	302
М.Ю. Лермонтов	
Пан (<i>В древнем роде</i>)	303
Из Андрея Шенье ("За дело общее, быть может, я паду...")	304
Н.М. Языков. Элегия ("Ты восхитительна! Ты пышно расцветаешь...")	304
А.А. Шишков. Спящая дева (<i>из Шенье</i>)	305
Н.И. Шибаев (?)	
Из А. Шенье. <i>Лондон 1782</i>	305
Утешение (<i>Из А. Шенье</i>)	306
Последние стихи А. Шенье	306
В.И. Любич-Романович. Незра	306
В.И. Красов. К*** ("Она бежит играющих подруг...")	307
И.А. Бек. Подражание Шенье ("Дорида! Я спешу в безмолвный мрак лесов...")	308
В.Г. Бенедиктов	
"Зоилы! Критики венчанные! Идите!"	308
"Красавицы! Мужским оставьте головам..."	309
"Влюбленных коз супруг брадатый и зловонный..."	309
"Амур взялся за плуг — и, земледелец новый..."	309
"Седого пастуха дочь юная! Слегка..."	309
"Раз, луга злачного переходя границу..."	310
"Измена милой нам всегда горька, обидна..."	310
"Нет, гнев любовника не стоек. Если б ты..."	310
"Приблизься утром к ней, когда Морфей снотворно..."	311
"Мучительная ночь! Да скоро ли заря..."	311
"Все страждут; но в глазах другого каждый рад..."	312
А.Н. Майков	
(Из Андрея Шенье) ("Я был еще дитя: она уже прекрасна...")	312
Поэзия	313
На памятнике	313
Исповедь	313
Разбитая лира (<i>Мотив Шенье</i>)	314
Н.П. Греков	
"О! сколько пролито любовниками слез!..."	314
Из А. Шенье ("Каков я прежде был, я и теперь таков...")	315
Из А. Шенье ("Больной стенанием недуг свой облегчает".)	315
"Приди к ней и смотри, когда ночные мраки..."	316
Лида (<i>Из Андрея Шенье</i>)	316
Из А. Шенье ("Всегда, всегда готов прощать любовник страстный".)	317
"Нет, полно! — Не пойду к ней с головой покорной..."	317
Из А. Шенье ("Я был еще дитя — она уж за собою...")	318
Зоя	318
"Наперник тайн моих сердечных и мечтаний..."	319
"Пора! корабль готов, и ждет нас Византия".	319
"Два сердца верных мне! Друзья мои! — она..."	320
Последнее стихотворение А. Шенье. Ямб IV	321
И.П. Крешев	
Незра. <i>Из Андрея Шенье</i> ("Как лебедь, плавая на глади вод зеркальной...")	321
Элегия. <i>Из Андрея Шенье</i> ("Несчастный, позабыв тревожной жизни грозы...")	322
Наяда. <i>Эскиз Андрея Шенье</i>	322
Придет время. <i>Из Андрея Шенье</i>	323
А.И. Пальм	
Из Андрея Шенье ("Я помню те года, я был еще дитей...")	323
Элегия (<i>Из Андрея Шенье</i>) ("Звезда вечерняя, люблю твой блеск печальный...")	323
Из Шенье ("Приди к ней поутру, когда, пробуждена...")	324

С.Ф. Дуров	
Неэра (<i>Из А. Шенье</i>) (“Любовью страстно горит во мне душа”)	324
Из А. Шенье (“У каждого есть горе; но от братьев...”)	325
Из А. Шенье (“И легче, и вольней вздыхает как-то грудь...”)	325
(Из А. Шенье) (“Вдали от сладостных пафосских берегов...”)	325
В.И. Золотницкий. Элегия (<i>Из А. Шенье</i>) (“О ночь! я обещал изменнику любить...”)	326
М.Л. Михайлов	
Муза	328
“Близ Верекинфа раз Сатир нашел, гуляя...”	328
“Мой стих умеет все так живо рисовать...”	329
Н.В. Гербель. Молодая узница	329
А.Ф. Бржеский	
“Едва сменила зной вечерняя прохлада...”	331
“Под явором густым, у лона светлых вод...”	331
Из А. Шенье (“Как часто утомлен вседневной пустотою...”)	331
Из А. Шенье (“Далеко родины, и близких, и друзей...”)	332
“Полночный гондольер садится в легкий челн...”	332
А.А. Фет	
Подражание XVI идиллии Биона	333
“Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру...”	333
Лида	333
Н.Ф. Щербина	
Идиллия (“О, не тронь ее, Аркас, молю я...”)	335
Женщина (<i>Идиллия</i>)	336
К.К. Павлова. Слепой	337
П.И. Вейнберг	
Слепой (<i>из А. Шенье, вольный перевод</i>)	343
Больной юноша (<i>из А. Шенье. Вольный перевод</i>)	346
Л.А. Мей. Амимона (<i>Из Шенье</i>)	349
А.К. Толстой	
1 “Крылатый бог любви, склоняся над сохой...”	350
2 “Вот он, Низийский бог, смиритель диких стран...”	350
3 “Ко мне, молодой Хромид, смотри, как я прекрасна!”	350
4 “Супруг блудливых коз, нечистый и кичливый...”	351
5 “Багровый гаснет день; толпится за оградой...”	351
6 “Я вместо матери уже считаю стадо...”	351
Н.И. Кроль. Подражание А. Шенье (I. “Когда томит меня палящий солнца зной...” II. “Неумолимому в любви не верю гневу”.)	352
Б. Неэра. <i>Вольный перевод из А. Шенье</i> (“Как лебедь, светлых вод властитель белоснежный...”)	353
А.Н. Алухтин. Молодая узница (<i>Из А. Шенье</i>)	354
А.И. Сомов. Из А. Шенье (“Вечерняя звезда, Венера золотая!”)	356
Н.П. Кельш. Молодая узница	356
И.А. Мамуна	
Из А. Шенье (I. “Нет! гнев любовника не долго может длиться!...” II. “В полдневный зной не- смелыми шагами...”)	358
Из А. Шенье. “Один, заброшенный свирепыми волнами...”	358
А.С. Суворин. Лида	359
Н.С. Курочкин	
Греза (<i>мысль Шенье</i>)	360
“Не мне понравится хотят, я знаю: нет”	361
П.М. Ковалевский. Последняя песня Шенье	362
Б.Н. Алмазов	
Признание (<i>Подражание А. Шенье</i>)	362
Элегия (<i>Подражание А. Шенье</i>) (“Все ревность, все любовь — все муки жгучей стра- сти!”)	363

Примирение (<i>Подражание А. Шенье</i>)	364
Перед барельефом (<i>Подражание А. Шенье</i>)	365
Наяда (<i>Подражание А. Шенье</i>)	366
Ребенок	367
Ф.А. Орлов. Последнее стихотворение Андрея Шенье	368
Я.М. Старостин Молодая узница (<i>Из Шенье</i>)	368
П.В. Га-н. Из Андрея Шенье. Счастливое дитя	370
П.А. Кусков. Смерть Алкида (<i>Из Шенье</i>) (“О Эта, век славна ты ночью той тревожной...”)	370
П.Ф. Якубович. Молодая узница (<i>Из Андрея Шенье</i>)	371
Е.Р. Подражание Шенье (“О, ночь! лети быстрее! что медлишь ты, заря?”)	372
К. Из Шенье. (“Без близких, без друзей, от родины далеко...”)	373
К.М. Фофанов.	
Последнее стихотворение. <i>На мотив Андре Шенье</i>	373
На мотив А. Шенье. Моим друзьям	374
В.А. Злобин. Последние стихи А. Шенье	375
М.Н. Соймонов. Чаша (<i>Из Андрея Шенье</i>)	375
И.П. Можайский	
Дитя. Из Шенье (“Она цвела красотой, я был еще дитя...”)	376
Из Андре Шенье. <i>Элегия VII</i> (“Сегодня — так как смерть близка уже моя...”)	376
И.П. Горн. Ночь перед казнью. <i>Сцена из времен французского террора (фрагмент)</i>	378
П.Д. Бутурлин. Подражание А. Chénier (“Мне сердце трогает всегда воспоминанье...”)	378
А.М. Федоров	
Амур	379
“Я был малюткою, она была прекрасна”.	379
“Я сплю, но сердце все не спит: оно с тобою”.	379
Пчела	380
В.Ф. Саводник. На мотив из А. Шенье (“Задумчиво сидеть люблю в полдневный зной...”)	381
В.С. Лихачев. Из А. Шенье. Юная пленница	381
Л.Н. Афанасьев. Из А. Шенье (“Приходи поутру к ней, когда бог покоя во мраке...”)	383
С.М. Соловьев	
К Фанни. <i>Элегия Андрэ Шенье</i> (“О Фанни, как блажен избранник тот счастливый...”)	383
(Из Шенье) (“Я видел, что к очам, любовию горящим...”)	385
На смерть ребенка (<i>Из Шенье</i>)	385
К Фанни (<i>Из Шенье</i>) (“Нет, вздох влюбленного, исполненный томленья...”)	386
Подражание Шенье (“Чуть ветром тронуты прибрежных ив вершины...”)	387
Е.М. Милич	
Свобода (<i>Гимн III</i>)	388
Неэра (<i>Идиллия XII</i>) (“Как лебедь бледный, в грустный смертный час...”)	388
А.А. Кондратьев. Нимфа, преследующая отрока	389
В.Я. Брюсов	
Юная тарентинка	390
Из Андре Шенье (<i>Александрийский стих</i>) (“Заслушались тебя безмолвные наяды...”)	391
Гомер (<i>отрывок</i>)	391
С.А. Андреевский. Из А. Шенье (<i>Предсмертные стихотворения в тюрьме St-Lazare</i>) (“Когда притянутый на бойню для закланья...”, “Что будущее даст? Где честь и прямота?”, “Последнее стихотворение”)	392
Д.И. Глушков. (А. Шенье) (“Я к классикам своим уйду и, чтец прилежный...”)	395
А.И. Ромм	
Из А. Шенье (<i>Элегия XXVII</i>) (“Глицера ли, друзья, на стол нам накрывает?”)	396
Пастушка. <i>Из Андрея Шенье</i>	397
Младшая сестра	397
М.А. Зенкевич. “Убийца прячется под фонарем в тумане...”	398
П.Н. Якоби. “Чуть блеющей овце кровавая трупарня...”	399

СТИХОТВОРЕНИЯ РУССКИХ ПОЭТОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ АНДРЕ ШЕНЬЕ

А.С. Пушкин. Андрей Шенье	400
П.А. Вяземский.	
Библиотека (<i>фрагмент</i>)	405
Заметки (<i>фрагменты</i>)	406
М.Ю. Лермонтов. Сашка (<i>фрагмент</i>)	406
Е.П. Ростопчина	
Последний цветок	407
Андре Шенье	408
М.Л. Михайлов. К стихам А. Шенье	410
П.Д. Бутурлин. Андрей Шенье	410
Амари. Из Андре Шенье	411
М.И. Цветаева	
Андрей Шенье (1. "Андрей Шенье взошел на эшафот". 2. "Не узнаю в темноте...")	412
"Каменногрудый..."	412

ПРИЛОЖЕНИЯ

Е.П. Гречаная. Андре Шенье — поэт	417
Е.П. Гречаная. Андре Шенье в России.	448
Примечания. (<i>Е.П. Гречаная</i>)	472
Дополнения	
Избранные стихотворения Андре Шенье, не вошедшие в сборник 1819 г. или существенноизмененные в нем	539
Стихотворения Андре Шенье в русских переводах и подражаниях	546
Переводы стихотворений Андре Шенье, не вошедшие в настоящее издание	596
Список иллюстраций	599

АНДРЕ ШЕНЬЕ

СОЧИНЕНИЯ. 1819

Утверждено к печати Редколлегией серии "Литературные памятники"

Заведующая редакцией "Наука-культура" *А.И. Кучинская*
 Редактор *Н.А. Алпатова*. Художник *Б.И. Астафьев*
 Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*. Технический редактор *О.Б. Черняк*
 Корректоры *Н.П. Гаврикова, Р.В. Молоканова*

Набор выполнен в издательстве на компьютерной технике

ИБ № 1067

ЛР № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 23.01.95. Формат 70×90 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
 Усл.печ.л. 44,5+0,7 вкл. Усл.кр. отт. 46,4. Уч.-изд.л. 40,2. Тираж 2500 экз. Тип. зак. 2378

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
 Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

NATIONAL LIBRARY OF MEDICINE